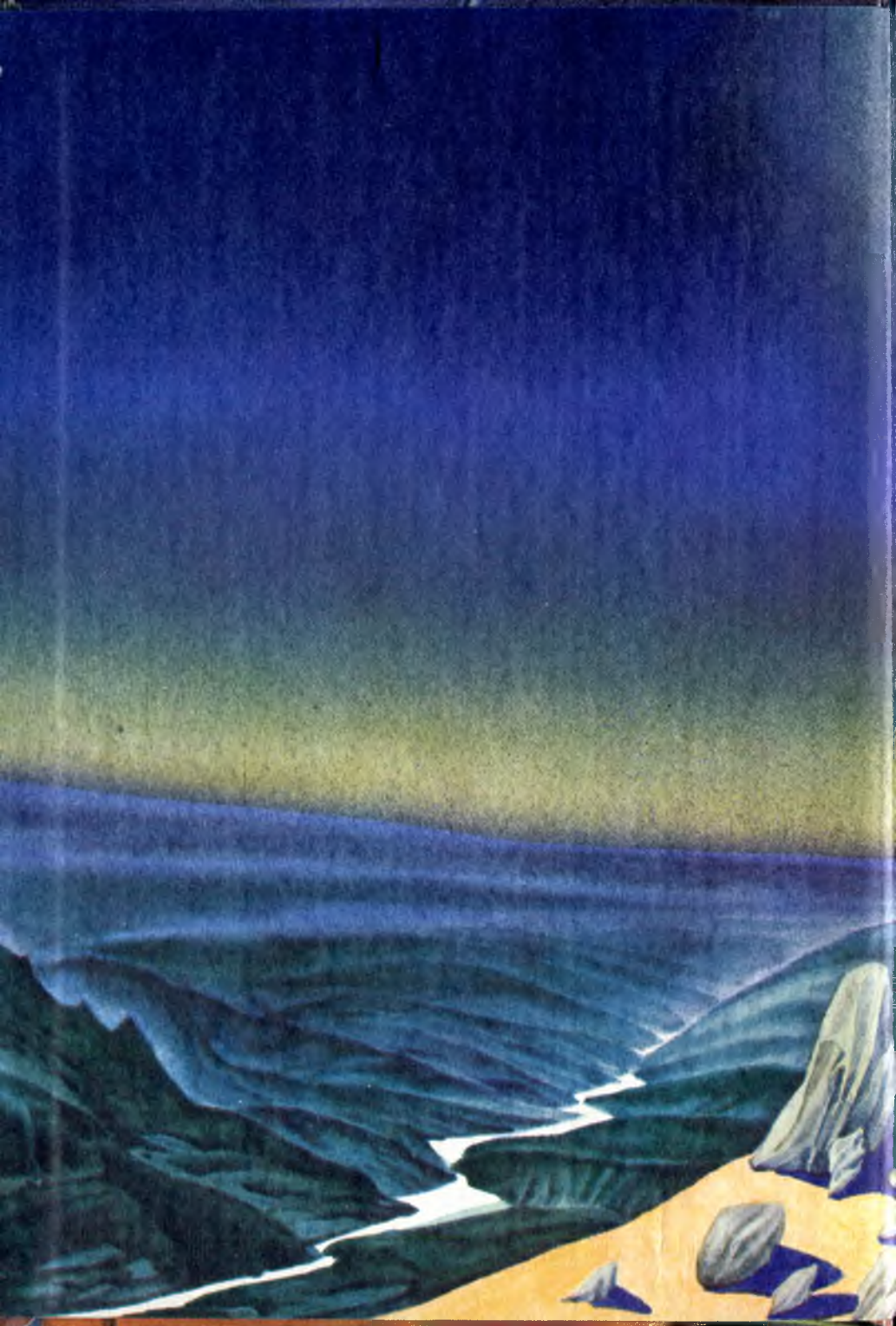

Филип Дик

УБИИК

фантастические романы

ФРИЛИН ДИК УБИК

ИГРОКИ С ТИТАНА
ТРИ СТИГМАТА
ПАЛМЕРА ЭЛДРИЧА
УБИК

фантастические романы

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Москва

1993

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 2

Художник *А.Б. Державин*

Дик Филип

Д45 Убик: Фантастические романы. — Пер. с англ. —
"Осирис". Вып. 2. — М.: Центрполиграф, 1993.— 493 с.

Верный своим фантастическим идеям, Филип Дик, американский мастер жанра "психоделической фантастики", лауреат премии "Хьюго", рассказывает о невероятном: о возможности человеческого существования в мире Убика. Убик — это мир прошлого и это мир будущего, мир лежащих в стеклянных гробах людей, чей мозг заморожен за миг до смерти, поэтому в глубинах их сознания теплится разум. Они живут и пытаются повернуть время Вселенной вспять. Они вечны, и они угрожают стать властелинами Вселенной.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0072-X

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
"Центрполиграф", 1993 г.

ИГРОКИ С ТИТАНА

Вечер оказался совершенно прескверным, и когда он попытался уехать домой, ему пришлось выдержать ужасный спор со своей же собственной машиной.

— Мистер Гарден, вы не в состоянии вести машину. Пожалуйста, переключите управление на автоматику, а сами располагайтесь на заднем сиденье.

Пит Гарден, вцепившись в руль, произнес как можно более членораздельно:

— Послушай-ка, я могу вести. Одна рюмка, ну, может быть, парочка, так стоит из-за этого поднимать такой шум? Брось-ка сейчас же свои глупости. — Он нажал на кнопку стартера, но ничего не произошло. — Заводись же, я кому говорю!

— Вы не вставили ключ, — ответил автомат.

— Ладно, — сдался он, испытывая чувство унижения. Возможно, машина все-таки права. Махнув рукой, он вставил ключ. Заработал двигатель, но панель управления никак не хотела оживать. Ему стало ясно, что Рашмор-эффект неумолим. Продолжать пререкания было бессмысленно. — Как хочешь, вези сама, — произнес он, пытаясь, насколько это было еще возможно, сохранить достоинство. — Раз уж тебе так приспичило. Похоже, ты просто придираешься по мелочам — как всегда, когда я... когда я чувствую себя неважно.

Он переполз на заднее сиденье и улегся лицом вниз. Машина плавно оторвалась от мостовой и стала быстро набирать высоту, рассекая темноту ночного неба своими яркими сигнальными огнями. Боже, как мерзко он себя чувствовал! Головная боль была просто убийственной.

В мыслях он, как всегда, вернулся к Игре.

Почему же все-таки так препаршиво она закончилась? Виноват во всем Сильванус Энгст. Этот клоун, его шурин, или, вернее, его бывший шурин. Да, это именно так. Мне не следует об этом забывать. Я больше уже не женат на Фрэйе. Мы с Фрэйей проиграли, и потому наш брак распался,

и мы начинаем все сначала, только теперь Фрэйя замужем за Клемом Гейнсом, а я вообще ни на ком не женат, потому что мне не удалось выбросить «тройку», во всяком случае, пока что.

Я выброшу «тройку» завтра, сказал он самому себе. А как только я это сделаю, им придется найти мне жену. В нашей группе я уже перепробовал со всеми.

Машина его ровно гудела, прокладывая маршрут над пустынями Центральной Калифорнии, заброшенными полями, покинутыми городами.

— Тебе это известно? — спросил он у машины. — То, что я был женат на всех женщинах нашей группы? И что мне до сих пор так и не улыбалась Удача? Значит, это, должно быть, моя вина. Верно?

— Ваша, — отвечала машина.

— Но если это и так, разве я виноват, если судить по большому счету? Это дело рук красных китайцев. Ух, как я их ненавижу! — Он как бревно лежал на заднем сиденье и краем глаза изредка посматривал на звезды сквозь прозрачный колпак машины. — А вот тебя я люблю. Ты у меня уже много лет. И тебе никогда износу не будет. — Он почувствовал, как глаза его наполнились слезами. — Правильно я говорю?

— Это зависит от тех профилактических мер, которые вы столь неуклонно соблюдаете.

— Интересно все-таки, что за женщину пригласят для меня?

— Интересно, — эхом отозвалась машина.

С какой другой группой его группа «Красавица-Чернобурка» поддерживает наиболее тесные связи? Вероятно, с группой «Особое Соломенное Чучело».

«Как только доберусь к себе домой, в Беркли, — отметил про себя Пит, — тотчас же...» — и тут он вспомнил нечто совсем уж жуткое.

Он не может вернуться к себе домой в Беркли, потому что он потерял Беркли в сегодняшней Игре. Его выиграл у него Уолт Ремингтон, объявив блефом его ход на тридцать шестой квадрат. Вот поэтому-то весь этот вечер и стал таким мерзким.

— Меняй курс, — хрипло приказал он автомату. Пока что у него еще оставались права на большую часть Приморского округа. Можно было остановиться там. — Мы направляемся в Сан-Рафаэль, — сказал он, принимая сидячее положение и неуверенно вытирая лоб.

* * *

Раздался мужской голос:

— Миссис Гейнс?

Фрэйя не обернулась, продолжая расчесывать волосы. Похоже было на то, что голос принадлежал этому противному Биллу Кэлюмайну.

— Не хотите ли вернуться домой? — спросил голос, и только теперь до Фрэйи дошло, что это говорит ее новый муж, Клем Гейнс. — Вы ведь собираетесь домой, не так ли?

Клем Гейнс, крупный, даже, пожалуй, слишком крупный мужчина, голубые глаза которого, подумала она, были похожи на разбитые стекла, приклеенные к глазницам, и притом довольно криво, пересек комнату для Игры, направляясь к ней. Ему явно льстило то, что она стала его женой.

«Но это ненадолго, — подумала Фрэйя. — Если только, — мелькнула в ее голове шальная мысль, — к нам не снизойдет Удача».

Она продолжала расчесывать волосы, не обращая на него внимания. «Для женщины в возрасте ста четырех лет, — рассудила она оценивающе, — выгляжу я весьма недурно. Но я не могу со всей ответственностью утверждать, что это моя заслуга. Никто из нас не может.

Сохранились мы, все мы, благодаря скорее отсутствию кое-чего, чем приобретению: у каждого из нас по достижении зрелого возраста удалены железы Хайнеса, и поэтому для нас процесс старения теперь совершенно незаметен».

— Вы мне очень нравитесь, Фрэйя, — сказал Клем. — Вы действуете на меня освежающе. Вы мне дали ясно понять, что я вам не очень-то нравлюсь. — Это, казалось, совсем его не беспокоило. А чего еще ждать от такого олуха, как Клем Гейнс? — Давайте, Фрэйя, подадимся куда-нибудь, и проверим, не мешкая, насколько мы удачливы... — он осекся, так как в комнату вошел вуг.

Джин Блау, надевая пальто, простонала:

— Глядите-ка, ему не терпится выразить свою благожелательность. Они всегда так поступают.

Она сделала шаг назад, уступая дорогу вугу.

Ее муж, Джек Блау, стал искать глазами принадлежавший группе вуг-жезл.

— Я ткну в него парочку раз, и он уберется, — произнес Джек.

— Не надо, — воспротивилась Фрэйя. — Он не причинит нам вреда.

— Она права, — отозвался застрявший у буфета Сильванус Энгст, готовивший себе последнюю рюмку на дорогу. — Только посыпьте на него немного соли. — Он рассмеялся.

Вуг, казалось, никого не замечал, кроме Клема Гейнса.

— Ты ему нравишься, — заметила Фрэйя. — Может быть, тебе лучше было бы податься куда-нибудь с ним, а не со мной.

Но это было бы несправедливо по отношению к Клему, поскольку никто из людей не сожительствовал со своими бывшими противниками. До этого еще не дошло, несмотря на все попытки пришельцев с Титана уничтожить пропасть во взаимоотношениях с землянами, возникшую из-за неприязни к ним еще со времен войны. Они были кремнийорганической формой жизни в отличие от землян, жизненный цикл которых основывался на углеороде. У них был замедленный метаболизм, и катализатором его был метан, а не кислород. И они были двуполовыми...

— Ткни его, — сказал Билл Кэлюмайн, обращаясь к Джеку Блау. Тот несколько раз воткнул вуг-жезл в студнеобразную цитоплазму пришельца.

— Убирайся, — грубо сказал он. Затем, ухмыляясь, обратился к Биллу Кэлюмайну: — Может быть, стоило бы немного позабавиться с ним? Давай вовлечем его в разговор. Эй, вугги, тебе хочется мало-мало говорить?

Тотчас же на них обрушились нетерпеливые мысли обитателя Титана, адресованные ко всем человеческим существам в этой их общей квартире.

«Имело ли место у кого-нибудь из ваших женщин зачатие? Если да, то мы готовы предоставить всю необходимую медицинскую аппаратуру и настоятельно рекомендуем вам...»

— Послушай-ка, вугги, — произнес Билл Кэлюмайн, — если нам и привалит счастье, то мы постараемся оставить его у себя. Рассказать вам об этом — значит навлечь на себя беду. Это общеизвестно. Неужели вы до сих пор не догадываетесь об этом?

— Он это знает, — сказал Сильванус Энгст. — Ему просто не нравится думать об этом.

— Самое-то время для вуггов посчитаться с действительностью, — вступил в разговор Джек Блау. — Мы их очень недолюбливаем, и к этому и добавить-то нечего. Пошли, — обратился он к своей жене. — Давай домой.

Он нетерпеливо поманил Джин взмахом руки к себе.

Члены группы начали расходиться, направляясь к припаркованным у центральной лестницы здания машинам. Фрэйя обнаружила, что выходит вместе с вугом.

— В нашей группе еще никто ни разу не беременел, — сказала она вугу, отвечая на его вопрос.

«Трагично», — уловила она ответную мысль вуга.

— Но кто-то непременно должен, — сказала Фрэйя. — Я не сомневаюсь в том, что нас ждет Удача, и притом очень скоро.

«Почему ваша группа особенно враждебно настроена против нас?!» — спросил вуг.

— Ну, дело в том, вам ведь это известно, что мы считаем причиной своего бесплодия вас.

«Особенно в этом уверен, — подумала она, — наш водящий, Билл Кэлюмайн».

«Но ведь этому причиной ваше же оружие», — возразил вуг.

— Нет, не наше. Красных китайцев.

Вуг не уловил в этом никакой разницы.

«В любом случае, мы делаем все возможное для того, чтобы...»

— Мне не хочется обсуждать этот вопрос, — сказала Фрэйя. — Пожалуйста.

«Только разрешите нам помочь», — взмолился вуг.

— Убирайтесь все к черту, — ответила она, покидая квартиру для Игры, и быстро спустилась по лестнице на улицу к своей машине.

Калифорнийская ночная прохлада оживила ее. Она глубоко вдохнула полной грудью, посмотрела на звезды, ощутила свежесть ночного воздуха, новые чистые запахи. Своей машине она велела:

— Открой дверь. Мне нужно войти.

— Есть, миссис Гарден. — Дверца машины распахнулась.

— Я уже больше не миссис Гарден. Теперь я миссис Гейнс. — Она забралась в кабину, расположилась за штурвалом ручного управления. — Постарайся это запомнить.

— Есть, миссис Гейнс.

Она вставила ключ, двигатель тотчас же завелся.

— Пит Гарден уже отъехал? — Она окинула взглядом унылую улицу и не обнаружила машины Пита. — Пожалуй, уехал.

На душе у нее было грустно. А как было бы приятно вот так посидеть с ним прямо под звездным небом и посудачить. Так оно и было бы, если бы они все еще были мужем и женой... «Проклятая Игра, — подумала она, — и ее повороты. Проклятая Удача, эта их Удача. Похоже, это все, что у нас есть, и ничего более. Мы — меченая раса».

Она поднесла часы к уху и услышала тонкий голосок:

— Два пятнадцать ночи, миссис Гарден.

— Миссис Гейнс, — окрысилась Фрэйя.

— Два пятнадцать ночи, миссис Гейнс.

«Сколько еще людей, — задумалась она, — живет сейчас на Земле? Миллион? Два? Сколько групп, ведущих Игру? Наверняка не более нескольких сотен тысяч. И каждый раз, когда бывает с кем-нибудь несчастный случай, население уменьшается невосполнимо еще на одну живую душу».

Машинально Фрэйя запустила руку в отделение для перчаток и пошарила в поисках туго свернутого рулончика кроличьей бумаги, как ее теперь называли. Она нашла одну ленточку — старого образца, далеко не свежую, — размотала ее, положила между зубами, откусила кусочек и при свете верхнего сигнального огня машины тщательно обследовала полоску. Один мертвый кролик. В былые дни, еще до ее рождения, кролика приходилось приносить в жертву для того, чтобы развеять сомнения в этом всегда больном и шепетильном вопросе.

Полоска осталась белой, не позеленела. Она не забеременела.

Скомкав бумажку, Фрэйя бросила ее в желоб дезинтегратора машины, где ее тотчас же распылило на атомы. «Черт, — со злостью подумала она, — а чего другого я могла ожидать?»

Машина поднялась в воздух и устремила к ее дому в Лос-Анджелесе.

Еще слишком рано ожидать подтверждения своей Удачи с Клемом, поняла Фрэйя. Безусловно, рано. Эта мысль успокоила ее. Еще одна или две недели, тогда поглядим.

«Бедняга Пит, — подумала она. — Не выбросив «тройку», он оказался фактически вне Игры. Может быть, стоило бы завернуть к нему в Приморский округ? Проверить, там ли он? Но он был таким взвинченным, он буквально потерял голову. Какой все-таки сегодня выдался горький, неприятный вечер! А ведь нет закона, который запрещал бы нам встречаться. Наперекор результату Игры. И все же — а для чего, собственно, встречаться? У нас не было Удачи, это было абсолютно ясно, у Пита и у меня. Несмотря на все те чувства, что мы питаем друг к другу».

Неожиданно включилось радио. Она услышала позывные группы из Онтарио в Канаде, звучавшие по всем частотам. Голос диктора был чрезвычайно взволнованным. «Говорит Книжная палата Лордов! — торжественно гремел мужской голос. — Сегодня в десять вечера по местному времени нам выпала Удача! Одна из женщин нашей группы, миссис Дон Палмер, откусила кусочек кроличьей бумаги, не питая особых надежд, и...»

Фрэйя выключила радио.

* * *

Едва добравшись до своей квартиры в Сан-Рафаэле, которой он давно уже не пользовался. Пит Гарден тотчас же заглянул в аптечку в ванной комнате в поисках чего-либо подходящего. Он знал, что без таблеток ему никак не уснуть. Такое с ним приключалось не однажды. Снузкс? Ему нужно было теперь принять целых три порции по 25 миллиграммов каждая. Слишком долго он в больших количествах злоупотреблял им. «Нужно что-то по сильнее, — подумал он. — Всегда можно прибегнуть к фенобарбиталу, но от него потом весь следующий день ходишь как в тумане. Скополамин гидробромид? Стоит попробовать».

«Или, — подумал он, — может быть, попытаться принять что-нибудь гораздо более крепкое? Эмфитал, например».

«Три таблетки, — отметил он про себя, — и мне никогда уже не проснуться. Вот... — он задумался, держа капсулу с таблетками на ладони. — Никто не станет обо мне беспокоиться, никто не помешает...»

— Мистер Гарден, — произнесла аптечка, — я сейчас налаживаю связь с доктором Мэси из Солт-Лейк-Сити, видя в каком вы состоянии.

— Ни в каком я не в состоянии, — буркнул Пит и быстро положил капсулу на место. — Вот видишь? — и, обождав немного, пояснил: — Это я так, из любопытства.

Вот он виновато глядит на свою же аптечку, слепо повинующуюся все тому же эффекту Рашмора. Какой кошмар!

— О'кей? — спросил он с надеждой в голосе.

Щелк. Аптечка сама по себе захлопнулась.

Пит облегченно вздохнул.

Зазвучал дверной звонок. Что там еще? Заинтригованный звонком, он осторожно пересек всю слегка отдающую затхлым запахом квартиру, разум его все еще был занят выбором — что же он все-таки примет в качестве снотворного, не возбудив при этом блокировочные цепи Рашмор-эффекта аптечки? Машинально открыл дверь.

На пороге стояла его предыдущая жена, светловолосая Фрэйя.

— Привет, — невозмутимо сказала она, затем проскользнула мимо него внутрь квартиры, проделав это так хладнокровно, как будто для нее было совершенно естественным навещать его, хотя и была она замужем за Клемом Гейнсом. — Что это ты прячешь у себя в кулаке?

— Семь таблеток снузкса, — признался он.

— У меня есть для тебя кое-что получше. Входит сейчас в употребление. — Фрэйя покопалась в своей кожаной сумке. — Вот. Новый-новый препарат, его производит один автоматический завод в Нью-Йорке. — Она протянула Питу большой голубой флакон. — Нардьюэл, — пояснила она и рассмеялась.

— Ха-ха-ха, — произнес Пит, но ему вовсе не было смешно. Никакое это не снотворное. Что-то вроде шутки со стороны Фрэйи.

— Ты пришла только ради вот этого? — будучи его женой, его партнершей по Блефу вот уже в течение более трех месяцев, она конечно же знала о его хронической бессоннице. — У меня похмелье, — пояснил он. — И я проиграл Беркли Уолту Ремингтону сегодня вечером. Это тебе хорошо известно. Поэтому сегодня я просто не в состоянии принимать шутки.

— Тогда приготовь мне кофе, — сказала Фрэйя. Она сняла подбитый мехом кожаный жакет и повесила его на спинку стула. — Или дай я сама приготовлю для тебя. — И сочувственно добавила: — Ты на самом деле неважно выглядишь.

— Беркли — с чего это я поставил его на кон? Никак не припомню. Из всех своих уделов! Это я сделал, должно быть, повинаясь какому-то неосознанному импульсу самоуничтожения. — Он помолчал немного, затем произнес: — По дороге сюда, ночью, я услышал сообщение из Онтарио.

— Я его слышала, — кивнула Фрэйя.

— Эта их беременность — она воодушевила тебя или испортила настроение?

— Сама не знаю, — угрюмо отозвалась Фрэйя. — За них я рада. Вот только... — она стала бесцельно бродить по квартире, сцепив ладони.

— А я так и вовсе расстроился, — признался Пит и поставил на плитку кофейник с водой.

— Спасибо, — пропищал все благодаря тому же Рашмор-эффекту кофейник.

— Мы, понимаешь, могли бы наладить свои взаимоотношения и мимо Игры. Такое бывало.

— Это будет нечестно по отношению к Клему. — Сейчас он испытывал чувство солидарности с Клемом Гейнсом. Оно перебороло (во всяком случае на какое-то время) его чувство привязанности к Фрэйе.

А кроме того его мучило любопытство: кто же станет его будущей женой? Рано или поздно, но когда-нибудь «тройка» обязательно выпадет.

2

На следующее утро Пита Гардена разбудили звуки столь поразительно немислимые, что он выпрыгнул из кровати и стал напряженно прислушиваться. Он услышал детские голоса. Где-то поблизости от его квартиры в Сан-Рафаэле громко ссорились дети.

Это были мальчик и девочка. «Значит, — тут же отметил он про себя, — в этом округе отмечались случаи рождения детей, с тех пор как я

был здесь в последний раз. И у родителей, которые никак не могли быть Поручителями, потому что не владели недвижимостью, дававшей им единственную возможность принять участие в Игре». Он едва мог поверить этому. «Мне, пожалуй, — подумал он, — следовало официально оформить права этих родителей на какой-нибудь небольшой город: Сан-Ансельмо, например, или Росс, а, может быть, даже на оба. Они заслужили право принимать участие в Игре. Вот только, возможно, сами того не захотят».

— Ты один такой, — сердито заявила девочка.

— Ты такая же, — в голосе мальчика звучало обвинение.

— Отдай мне это, — послышались звуки ребячьей возни.

Он закурил сигарету, затем нашел одежду и стал одеваться.

В углу комнаты стояла прислоненная к стене винтовка образца МВ-3, он присмотрелся к ней, спешно пытаясь припомнить все, что было связано с этим древним грозным оружием. Когда-то он приготовил ее, чтобы встретить красных китайцев. Но воспользоваться ею не довелось, поскольку красные китайцы так никогда и не показались, по крайней мере, лично. Их посланцы в виде тяжелых частиц излучения Хинкеля, однако, появились, но никакое количество винтовок МВ-3, розданных жителям Калифорнии, не могло устоять перед ними. Излучение, источник которого находился на борту спутника Оса-Ц, проделало то, что, собственно, от него и ожидалось, и Соединенные Штаты потерпели поражение. Но Народный Китай не победил. Победителей вообще не оказалось. Волны излучения Хинкеля, использовавшиеся во всемирном масштабе, благослови их за это бог, обеспечили именно такой исход войны.

Пит подошел к стене и поднял винтовку, как делал это давным-давно, в дни своей юности. «Этому оружию, — представил себе он, — почти сто тридцать лет. Настоящий антиквариат. В состоянии ли оно еще стрелять? А не все ли равно — ведь сейчас некого убивать из него. Только псих мог бы отыскать мотивы для этого в почти пустых городах Земли. Но даже и псих мог хорошенько задуматься и изменить свои намерения. Ведь во всей Калифорнии людей-то осталось меньше десятка тысяч...» Он осторожно положил винтовку на место.

В любом случае, из этого оружия с самого начала не предполагалось стрелять по людям. Его крохотные пули были предназначены для того, чтобы пробивать лобовую броню танков и выводить их из строя. Припоминая учебные фильмы, которые демонстрировало начальство Шестой Армии, Пит подумал, что теперь ему очень бы хотелось насладиться зрелищем того «людского моря», которым их тогда так пугали. Будь то китайцы, будь то... Нам бы от них была теперь немалая польза.

«Приветствую тебя, Бернгардт Хинкель, — язвительно подумал он. — Человека, который изобрел это абсолютное, совершенно безболезненное оружие... Да, оно не причиняло боли, здесь вы правы, Бернгардт Хинкель. Мы вообще ничего не ощущали и даже ни о чем не догадывались. А затем...

Было произведено удаление желез Хайнеса у максимально возможного

количества людей, и это оказалось не напрасным трудом. Ибо только благодаря этому на Земле еще оставались люди, которые живы и сегодня. К тому же выяснилось, что не всякая комбинация генов мужчин и женщин приводит к бесплодию. Состояние это было скорее относительным, чем абсолютным. Теоретически у нас могут быть дети. Фактически же только у очень немногих».

Как вот эти дети за окном, например...

По улице с характерным жужжанием проехал гомеостатический дворник, подбирая мусор и проверяя рост травы на газонах сначала на одной стороне улицы, затем — на другой. Монотонный шум машины заглушил детские голоса.

«В пустом городе поддерживается чистота и порядок», — отметил про себя Пит, глядя на то, как машина приостановилась и, выпустив искусственную конечность, придирчиво стала ошупывать куст камелий. Или, вернее, в почти пустом городе — так как в нем еще жило около полутора десятков людей, не принадлежавших к Поручителям. Так, по крайней мере, значилось в последней показанной ему переписи.

Вслед за автоматическим дворником показалось другое сооружение, еще более замысловатое: словно огромный двадцатиногий жук, оно само отталкивалось от мостовой, ревностно выискивая малейшие следы разрушения. Ремонтный аппарат был способен починить все, что могло развалиться. Пит в этом нисколько не сомневался. Он залечит все городские раны, остановит процесс разрушения еще до его начала. Только вот зачем? И для кого? Наивные вопросы. Наверное, вугам нравится, когда они глядят вниз со своих спутников-наблюдателей, видеть сохраненную цивилизацию, а не просто руины.

Отложив в сторону сигарету, Пит прошел в кухню, надеясь найти что-нибудь на завтрак. Он не жил в этой квартире в течение нескольких лет, но тем не менее, открыв холодильник, нашел бэкон, молоко, яйца, хлеб, джем. Все продукты, необходимые для приготовления завтрака, прекрасно сохранились. Поручителем этого удела до Пита был Антонио Нарди. Несомненно, это он оставил все эти продукты, не ведая о том, что ему суждено потерять в игре свои права собственности и никогда уже больше сюда не возвращаться.

Но у Пита были дела более важные, чем завтрак. Ими он и должен был заняться прежде всего.

Включив видеофон, он сказал:

— Мне нужен Уолт Ремингтон из округа Контра-Коста.

— Да, мистер Гарден, — ответил видеофон. Экран его спустя несколько секунд засветился.

— Привет, — на экране появились строгие, несколько удлинненные черты лица Уолта Ремингтона. Взгляд его был откровенно унылым, в это утро он еще не брился, щеки его были покрыты щетиной, маленькие красные глаза опухли от недосыпания. — Почему так рано? — пробормотал он. На нем все еще была пижама.

— Ты помнишь, что произошло прошлой ночью? — спросил Пит.

— О да, разумеется, — кивнул Уолт, приглаживая пальцами всклокоченные волосы.

— Я проиграл тебе Беркли. Не знаю сам, почему это я поставил его на кон. Ведь это был мой любимый удел, моя резиденция, как тебе известно.

— Знаю, — произнес Уолт.

Глубоко вздохнув, Пит предложил:

— Я отдам тебе за Беркли три города в Приморском округе: Росс, Сан-Рафаэль и Сан-Ансельмо. Я хочу вернуть себе Беркли. И хочу жить там.

— Ну и живи себе на здоровье в Беркли, — ответил Уолт. — Как простой Обыватель, разумеется. Не как Поручитель.

— Так я не смогу там жить, — пожаловался Пит. — Хочу снова стать владельцем, а не поселенцем по милости Поручителя. Давай, Уолт, не жадничай. Ты ж ведь не собираешься жить в Беркли. Я в этом уверен. Там слишком холодно для тебя, часто бывают туманы. Тебе больше по душе климат жарких долин, как например, в Сакраменто. Или там, где ты сейчас, в Уолнат-Крике.

— Что верно, то верно, — заметил Уолт. — Только вот... Я не могу вернуть тебе Беркли. — Что ж, наконец-то удалось вытянуть из него признание. — Он мне больше не принадлежит. Когда я вернулся домой вчера поздно вечером, меня уже поджидал какой-то маклер. Не спрашивай у меня, откуда он дознался, что я перехватил у тебя Беркли. Факт тот, что дознался. Крупный воротила с Востока из Ассоциации Мэтта Пендлтона. — Лицо Уолта стало грустным.

— И ты продал им Беркли? — Пит едва мог поверить этому. Это означало, что впервые кому-то, кто не был членом их группы, удалось произвести покупку в Калифорнии. — Зачем ты это сделал?

— В обмен на Беркли я получил Солт-Лейк-Сити, — угрюмо, но с гордостью произнес Уолт. — Как я мог отвергнуть такое предложение? Теперь я могу присоединиться к группе полковника Китченера. Она играет в Прово, штат Юта. Мне очень жаль, Пит. — Вид у него был очень виноватый. — Я и сам до сих пор не могу отойти, все еще несколько расстроен, как мне кажется. Но тогда, в тот момент, это предложение показалось мне слишком заманчивым, чтобы от него отказаться.

— Для кого приобрела Беркли Ассоциация Пендлтона?

— Мне этого не сказали.

— А спросить ты не догадался?

— Нет, — угрюмо признался Уолт. — Не догадался. А наверное, не мешало бы.

— Я хочу вернуть себе Беркли, — не унимался Пит. — Я намерен проследить сделку и вернуть себе Беркли, даже если взамен придется отдать весь Приморский округ. И одновременно с этим постараюсь не упустить случая нанести тебе поражение в Игре. Остерегайся, как бы не пришлось

тебе расстаться со всем, чем ты сейчас располагаешь — вне зависимости от того, кто будет твоей партнершей.

Он с яростью отключил видеофон. Экран погас.

Как это Уолт смог допустить такое? Передать права владения кому-то не из их группы, кому-то с Востока?

«Мне нужно выяснить, кого представляет Ассоциация Пендлтона в такой сделке, как эта», — решил про себя Пит.

У него было предчувствие, горькое и зловещее, что ему известно, кого.

3

Джером Лакмен из Нью-Йорка проснулся в прекрасном расположении духа, потому что — мысль эта мелькнула у него в голове в момент пробуждения — сегодня наконец-то ему впервые за всю его жизнь принадлежит Беркли в Калифорнии. При посредничестве Ассоциации Мэтта Пендлтона ему все-таки удалось заполучить лакомый кусок недвижимости в Калифорнии, и это означало, что теперь он имеет полное право принять участие в Игре группы «Красавица-Чернобурка», которая каждый вечер велась в Кармеле. А Кармел — почти такой же прелестный город, как и Беркли.

— Сид, — позвал он, — зайди ко мне в кабинет.

Лакмен откинулся на спинку кресла, попыхивая после завтрака изысканной мексиканской сигаретой.

Его секретарь, простой Обыватель Сид Моск, приоткрыл дверь кабинета и просунул внутрь голову.

— Слушаю, мистер Лакмен.

— Ну-ка, приведи ко мне этого прекога, — сказал Лакмен. — Я в конце концов, нашел для него дело.

И не без пользы для себя, подумал Лакмен, что оправдывает риск отлучения от Игры. Как это его там зовут? Дэйв Матро, что-то вроде этого. У Лакмена были весьма смутные воспоминания о содержании беседы с прекогом, но человеку его положения приходится встречаться ежедневно с множеством самых разных людей. Ведь город Нью-Йорк был весьма многолюдным местом, в нем было почти пятнадцать тысяч душ. И многие из них были детьми, то есть родились совсем недавно.

— Устрой так, чтобы он вошел сюда через черный ход, — распорядился Лакмен. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел его.

Ему необходимо было тщательно следить за своей репутацией. А ситуация складывалась весьма щекотливая.

Было, разумеется, противозаконным приводить на Игру лиц с экстрасенсорными способностями, так называемых ЭКСов. Привлечение их, по духу и букве правил Игры, представляло из себя одну из форм жульничества, мошенничества простого и ничем не прикрытого. В течение многих лет большинство групп подстраховывалось, снимая ЭЭГ — электроэнцефалограммы мыслительной деятельности всех участников Игры, но со

временем это стало практиковаться все реже и реже. Лакмен, во всяком случае, на это надеялся. На Востоке это определенно уже вышло из употребления, так как все ЭКСы были известны наперечет, а Восток был законодателем моды для всей страны. Разве не так?

Один из котов Лакмена, серый с белыми полосами короткошерстный самец, прыгнул к нему на письменный стол. Он рассеянно почесал коту подбородок, погрузившись в собственные мысли. «Если мне не удастся внедрить этого прекона в группу «Красавица-Чернобурка», тогда сам туда отправлюсь». Он, правда, вот уже год, если не больше, не принимал участия в Игре, но ведь был же самым лучшим из всех здешних игроков. Каким образом в противном случае он сумел стать Поручителем всего Большого Нью-Йорка? А в те дни здесь было очень сильное соперничество. И всех своих соперников Лакмен сам, без посторонней помощи сделал Обывателями.

«Нет никого, кто мог бы превзойти меня в Блефе», — с гордостью отметил про себя Лакмен. И все это знают. И все же, вместе с прекогом... Так будет наверняка, поскольку, хоть и был он специалистом по части блефа, ему не очень-то нравилось играть. Сама по себе игра не доставляла ему ни малейшего удовольствия. Он играл для того, чтобы выиграть.

Он, например, отправил попросту в небытие такого великого игрока, как Джо Шиллинг. Сейчас Джо заведует небольшим магазинчиком по продаже старых грампластинок в Нью-Мексико. Его карьера в качестве игрока завершилась.

— Помнишь, как я обыграл Джо Шиллинга? — произнес он, обращаясь к Сиду. — Та последняя игра до сих пор не выходит у меня из памяти, каждая мельчайшая подробность. Джо выбросил на костях «пятерку» и вытащил карту из пятой колоды. Долго он смотрел на нее, даже слишком долго. Вот тогда-то я и понял, что он вознамерился блефовать. В конце концов он передвинул свою фишку вперед на восемь квадратов. Это выводило его на позицию полного выигрыша. Да будет тебе известно, он унаследовал от покойного дяди сто пятьдесят тысяч долларов. Так вот, он и поставил на кон все эти деньги, а я вот поглядел на это... У самого Лакмена, наверное, была своя, пусть и небольшая, телепатическая способность, потому что почудилось ему, что он на самом деле читал мысли Джо Шиллинга. Он был абсолютно уверен в том, что Джо вытащил «шестерку», и потому его ход на восемь квадратов вперед был чистейшим блефом.

Вот он во всеуслышание и объявил о том, что Шиллинг блефует. В то время Джо был Поручителем Нью-Йорка и мог переиграть кого угодно. Редко кому из других игроков удавалось предугадывать замыслы Джо.

Приподняв свою крупную лохматую голову с окладистой бородой, Джо Шиллинг просто-таки уставился на Лакмена. Воцарилась мертвая тишина. Все остальные игроки ждали исхода Игры.

— Вам на самом деле не терпится увидеть карту, которую я вытащил? — спросил Джо Шиллинг.

— Да. — Он ждал, затаив дыхание так, что заныли легкие. Если он

ошибся, если карта на самом деле окажется «восьмеркой», тогда Джо Шиллинг выиграет снова, и его положение в Нью-Йорке станет еще более прочным.

— Это шестерка, — тихо произнес Джо Шиллинг и смахнул со стола карту. Лакмен не ошибся. Со стороны Джо это был блеф.

И теперь все права на Большой Нью-Йорк принадлежали лишь ему одному.

Кот на столе Лакмена зевнул в предвкушении завтрака. Лакмен слегка подтолкнул его, и тот спрыгнул на пол.

— Вот паразит, — не удержался Лакмен, но не без чувства любви к животному. Он искренне верил в то, что кошки приносят удачу. В его резиденции в тот вечер, когда он обыграл Джо Шиллинга, было два кота. Может быть, это именно они помогли ему, а не скрытый телепатический дар.

— На видеофонной связи у меня Дэйв Матро, — прервал ход его мыслей секретарь. — Он ждет. Вы хотите сказать ему что-либо лично?

— Если он на самом деле преког, — заметил Лакмен, — то он уже знает, что мне нужно, поэтому нет никакой необходимости ни для меня, ни для него самого говорить об этом. Парадоксы, которые столь сопутствовали предвидению и телепатии, всегда и забавляли, и раздражали его. — Отключи-ка линию, Сид, и если он больше здесь никогда не покажется, значит, проку от него никакого.

Сид послушно разомкнул связь. Экран погас.

— Но позвольте мне обратить ваше внимание на то, — заметил Сид, — что вы никогда с ним не разговаривали, поэтому ему и предвидеть-то было нечего. Разве это не так?

— Он может предвидеть беседу со мной, — пояснил Лакмен. — Здесь, у меня в кабинете. Когда я стану его инструктировать.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Сид.

— Беркли, — задумчиво произнес Лакмен. — Я там не бывал лет восемьдесят—девяносто.

Подобно другим Поручителям, он не любил посещать места, которые ему не принадлежали. Возможно, это было всего лишь суеверие, но он считал, что это может только отвратить удачу. — Интересно, там такие же туманы, как и раньше? Ну что ж, скоро я это сам увижу.

Он вынул из ящика письменного стола трансферный акт, доставленный ему брокером.

— Ну-ка, погляди, кто был последним тамошним Поручителем, — произнес он, пробегая глазами акт. — Некто Уолтер Ремингтон, выигравший его вчера вечером и тут же переуступивший. А до него какой-то малый по имени Питер Гарден. Не удивлюсь, если узнаю, что этот Питер Гарден лютует сейчас, как тысяча чертей, или будет лютовать, как только об этом узнает. Он наверняка замышляет, как бы вернуть права назад.

«Но ему никогда не отыграть их, — дал зарок самому себе Лакмен. — Не выиграть у меня — и все!»

— Вы собираетесь лететь на Западное побережье? — спросил Сид.

— Точно, — ответил Лакмен. — Как только соберу вещи. Я намерен устроить себе там резиденцию для отдыха — при условии, что мне там понравится, если, конечно, место это в хорошем состоянии. Единственное, чего я терять не могу, — это запущенных городов. Я не возражаю против того, что город покинут, это ты знаешь. Но запустение... — Он вздрогнул. Если и было что-нибудь такое, что может навлечь беду, так это город, который превратился в руины, как многие города на Юге. В былые годы ему довелось быть Поручителем нескольких таких городов в Северной Каролине. Ему никогда не забыть то отвращение, которое он тогда испытывал.

— Могу ли я стать Почетным Поручителем на время вашего отсутствия? — спросил Сид.

— Разумеется, — дружелюбно ответил Лакмен. — Я отпишу это для тебя золотом на пергаментном свитке и опечатаю сургучом ленточку.

— В самом деле? — глядя на Лакмена с недоверием, произнес Сид. Лакмен рассмеялся.

— Тебе это понравится. пышная церемония под аккомпанемент фанфарного марша из «Аиды». Высокочитимый Почетный Поручитель Нью-Йорка, а сбоку еще листы налогообложения. Верно?

Покраснев, Сид пробормотал:

— Я зарубил себе на носу, что вы без устали трудились почти шестьдесят пять ужасных лет, чтобы стать Поручителем этих мест.

— А все из-за моих благих намерений улучшить окружающую среду, — сказал Лакмен. — Когда я здесь вступил в права владения, было тут всего несколько сотен жителей. Взгляни-ка теперь на численность населения. И все это благодаря мне — разумеется, косвенно, — однако потому, что я терпеливо призывал Обывателей вступать в Игру только для того, чтобы создавать все новые и новые комбинации супружеских пар, разве это не факт?

— Разумеется, мистер Лакмен, — согласился Сид. — Еще какой факт!

— И только благодаря этому образовалось немало супружеских пар, способных дать потомство, которые при любых других обстоятельствах никогда не вступили бы в брак, верно?

— Верно, — кивнул Сид. — Именно таким образом вам практически одному, без чьей-либо помощи, удалось возродить человечество.

— Никогда не забывайте об этом, — сказал Лакмен. Наклонившись, он подхватил второго из своих котов, на этот раз черную маньчжурскую кошку. — Я возьму тебя с собою, — сказал он кошке, ласково глядя ее. — Возьму с собой, может быть, даже шесть-семь кошек, — решил он. — На счастье.

«А также, — подумал Лакмен, — для компании, чтобы скрасить одиночество». Никому он не нравился на Западном побережье, никто из Обитателей, проживающих в его будущих уделах, не станет с ним здороваться, когда он будет появляться среди них. От таких мыслей ему немного взгрустнулось. «Но, — решил он, — после того, как я поживу там

некоторое время, я отстрою их города не хуже Нью-Йорка. Калифорния перестанет быть пустыней, населенной призраками прошлого».

«Призраками, — подумал он, — нашей жизни, жизни той, какой она была, когда от перенаселенности наша планета трещала по всем швам, выплескивая избыток населения на Луну и даже на Марс. Когда народы снова были на грани Великого Переселения, и вот надо же, именно тогда эти тупоголовые болваны прибегли к использованию восточногерманского изобретения бывшего нациста, который... — он даже не мог придумать таких слов, какими можно было бы назвать этого Бернгардта Хинкеля. — Очень жаль, что Хинкель не остался до сих пор в живых. Как бы я хотел остаться с ним с глазу на глаз на несколько минут. И чтобы никто не мешал при этом».

Единственным, за что можно было помянуть добрым словом это излучение Хинкеля, было то, что в конце концов оно достигло и Восточной Германии.

* * *

«Есть человек, который выяснит, кого прикрывает на самом деле эта Ассоциация Мэтта Пендлтона, — так решил Пит Гарден, покидая квартиру в Сан-Рафаэле и спеша к припаркованной здесь же машине. — Ради этого стоит слетать в Нью-Мексико, в город полковника Китченера — Альбукерке. Все равно мне нужно туда смотаться, чтобы забрать пластинку».

Два дня тому назад он получил письмо от Джо Шиллинга, крупнейшего во всем мире торговца редкими грамзаписями. Наконец-то был выслежен и перехвачен заказанный Питом диск с записями Тито Скипа и теперь дожидался его у Джо Шиллинга.

— Доброе утро, — поздоровалась с ним машина, как только он открыл ключом дверцу кабины.

— Привет, — рассеянно бросил Пит.

С проезда к расположенному на противоположной стороне улицы многоквартирному дому подошли поглазеть на него двое ребятишек.

— Это вы — наш Поручитель? — спросила девочка. Они, разумеется, и без этого разобрались в его знаках отличия, главное место среди которых занимала ярко раскрашенная нарукавная повязка. — Мы никогда не видели вас раньше, мистер Поручитель, — продолжала девочка, не скрывая своего страха перед ним. Ей было, как показалось Питу, около восьми лет.

— Это потому, что я вот уже много лет не заворачивал в Приморский округ, — пояснил Пит и, подойдя еще ближе к детям, спросил у них: — А вас как зовут?

— Меня — Келли, — произнес мальчик. На вид он был младше девочки, лет шесть самое большее. Дети выглядели весьма неплохо. Питу стало приятно, что в его владениях есть такие здоровые, ухоженные дети. — А мою сестру зовут Джессика. И есть у нас еще старшая сестра Мэри-Энн, которой здесь сейчас нет. Она в Сан-Франциско, в школе.

Трое детей в одной семье! Пораженный этим, Пит спросил:

— А какая у вас всех фамилия?

— Мак-Клейн, — ответила девочка и добавила с гордостью: — Мои мать и отец — единственные в Калифорнии, у кого трое детей.

— Мне бы хотелось повидаться с ними, — сказал Пит.

— Мы живем вон в том доме, — пояснила Джессика. — Странно, что вы не знакомы с моим отцом, ведь вы — наш Поручитель. Это мой отец организовал автоматическую уборку и ремонт улиц. Он договорился об этом с вугами, и они согласились прислать машины.

— Вы не боитесь вугов, ни чуточки?

— Нет, — ребята покачали головами.

— Мы ведь с ними воевали, — напомнил он им.

— Но ведь это было очень давно, — сказала девочка.

— Верно. Ну что же, мне это в вас нравится.

Хотелось бы ему и самому разделять такое отношение к вугам.

Из дома напротив появилась стройная моложавая женщина и направилась к ним.

— Мам! — взволнованно позвала ее девочка. — Смотри, это наш Поручитель.

Была она очень интересная, черноволосая, под широкими брюками и яркой клетчатой ситцевой кофтой угадывалась гибкая фигура.

— Добро пожаловать в Приморский округ, — сказала женщина, обращаясь к Питу. — Очень уж редко вы нас навещаете, мистер Гарден. — Она протянула руку, и они обменялись рукопожатием.

— Примите мои поздравления, — сказал Пит.

— За то, что у меня трое детей? — миссис Клейн улыбнулась. — Как теперь принято говорить, выпала Удача. Никакой особой нашей заслуги в этом нет. Не хотите ли чашечку кофе перед тем, как покинуть Приморский округ? Ведь может так случиться, что вы никогда уже сюда не вернетесь.

— Обязательно вернусь, — пообещал Пит.

— В самом деле? — похоже было на то, что женщина не очень-то в это верила. Ее обаятельная улыбка была окрашена изрядной долей иронии. — Видите ли, вы уже стали почти что легендой для нас, простых Обывателей этого округа, мистер Гарден. Боже, вы сами представить не можете, сколько еще недель в будущем будет только и разговоров о том, как мы с вами повстречались. — Питу никак не удавалось разобрать, искренне или иронически звучат слова миссис Мак-Клейн. Независимо от того, что она говорила, голос ее звучал спокойно и ровно. Этим она сбивала его с толку, и он явно смутился.

— Я на самом деле вернусь, — сказал он. — Я потерял Беркли, где я...

— О... — только и вымолвила миссис Мак-Клейн, кивнув понимающе. Ее эффектная улыбка стала еще привлекательнее. — Понятно. Не повезло в Игре. Вот почему вы нас навестили.

— Я сейчас направляюсь в Нью-Мексико, — сказал Пит, устраиваясь поудобнее в кабине. — Возможно, мы еще увидимся попозже. — Закрыв дверцу, он скомандовал: — Подъем!

Как только машина оторвалась от земли, детишки стали махать руками вслед. Миссис Мак-Клейн к ним не присоединилась. Откуда у нее такая враждебность? Вопрос этот заинтриговал Пита. Или ему это просто почудилось? Наверное, она возмущена существованием двух раздельных групп, Поручителей и Обывателей. Возможно, с ее точки зрения является несправедливым то, что так мало людей имеют доступ к Игре.

«Я бы не стал порицать ее за это, — подумал Пит. — Просто она недопонимает того, что любой из нас может совершенно неожиданно для самого себя стать Обывателем. Стоит только припомнить судьбу Джо Шиллинга, некогда одного из могущественнейших Поручителей Западного полушария, а ныне Обывателя, скорее всего, на всю оставшуюся жизнь. Разделение на группы было не таким уж неизменным».

Да ведь и он сам когда-то был Обывателем. Свое право на недвижимость он заработал единственно возможным законным способом — подал заявку на свое имя и стал дожидаться, пока не умрет где-то кто-нибудь из Поручителей. Он следовал правилам, установленным вугами, и загадал определенный день, месяц, год. И ему здорово повезло, он угадал. Четвертого мая 2143 года скончался Поручитель по имени Уильям Раст Лоуренс, ставший жертвой автокатастрофы в Аризоне. И Пит стал его наследником, к нему перешли владения Лоуренса, и он вошел в одну из принимавших участие в Игре групп.

Вуги, игроки до мозга костей, просто обожали подобную систему наследования, основанную на игре случая. И питали отвращение к причинно-следственным системам.

Ему захотелось узнать, как зовут миссис Мак-Клейн. Безусловно, она очень интересная женщина, отметил он про себя. Она ему понравилась, даже несмотря на ее ироническое к нему отношение, понравилась ее внешность, то, как она себя вела. Ему захотелось узнать больше об этой семье Мак-Клейнов. Наверное, когда-то они были Поручителями. Вот это вполне объясняло бы ее иронию.

«Я мог бы порасспросить у соседей, — подумал он. — Ведь если у них трое детей, то они, безусловно, люди довольно известные. Джо Шиллинг все знает. Спрошу у него».

* * *

— Разумеется, знаю, — произнес Джо Шиллинг, проводя гостя через торговый зал своего магазина, где царил полнейший беспорядок и была масса пыли, в жилую часть дома. — Я знаком с Патрицией Мак-Клейн. Как это случилось, что ты с ней повстречался?

— Мак-Клейны живут в принадлежащем мне уделе, — пояснил Пит, умудряясь протиснуться между стеллажами, битком забитыми грудями пластинок, картонных коробок, писем, каталогов и рекламных плакатов из

прошлого. — Как это тебе удается отыскать что-нибудь в таком нагромождении? — спросил он у Джо Шиллинга.

— На то есть своя система, — уклончиво ответил Шиллинг. — Я открою тебе, почему эта Пат Мак-Клейн такая язвительная. Когда-то она принадлежала к Поручителям, но ей запретили участвовать в Игре.

— Почему это?

— Пат — телепатка. — Джо Шиллинг расчистил место на столе в кухне и вынул две чайные чашки с отбитыми ручками. — Крепкого? — спросил он.

— Пожалуйста, — кивнул Пит.

— Я достал для тебя запись из «Дона Паскуале», — сказал Шиллинг, разливая чай из черного керамического чайника. — Ария в исполнении Тито Скипа. Великолепный образец бельканто. — Напевая себе под нос, он достал лимон и сахар из пенала над мойкой, затем тихо произнес: — Послушай, там ко мне заглянул кто-то из клиентов. — Он подмигнул Питу и показал рукой в сторону пыльной засаленной шторы, отделявшей квартиру от помещения магазина. Пит увидел высокого худощавого юношу, который перелистывал старинный потрепанный каталог грампластинок. — Чудак, — почти что ласково произнес Шиллинг. — Питается кефиром и увлекается йогой. И огромным количеством витамина Е для укрепления потенции. Клиенты у меня всех мастей.

Слегка запинаясь, юноша спросил:

— Скажите пожалуйста, у вас есть пластинки с записями Клаудии Муцио, мистер Шиллинг?

— Только «Сцена письма» из «Травиаты», — ответил Шиллинг, даже не пошевелившись, чтобы подняться из-за стола.

— Эта миссис Мак-Клейн показалась мне внешне очень привлекательной, — заметил Пит.

— О да, обворожительная женщина. Но не для тебя. Она относится к тому типу женщин, которые, по определению Юнга, обладают направленной на себя чувственностью. И притом очень сильной. Такие женщины склонны к идеализму и меланхолии. Тебе же нужна женщина пустая, зато яркая блондинка, такая, которая тебя бы постоянно возбуждала, способная помочь тебе выбраться из твоих депрессий с маниакальной тягой к самоубийству, столь часто на тебя накатывающихся. — Шиллинг медленно потягивал чай, несколько капель забрызгали его густую рыжеватую бороду. — Верно? Ну скажи что-нибудь. Или у тебя как раз сейчас очередная депрессия?

— Нет, — возразил Пит.

Из передней части магазина снова подал голос высокий худощавый юноша:

— М-мистер Шиллинг, можно тут послушать одну из пластинок Джильи?

— Пожалуйста, — рассеянно ответил Шиллинг, почесывая щеку. — Пит, ты знаешь, до меня дошли слухи. О том, что ты просадил Беркли.

— Да, — признался Пит. — Ассоциации Мэтта Пендлтона...

— Значит, это Счастливчик Джером Лакмен, — убежденно произнес Шиллинг. — О, это жестокий игрок. Уж я это знаю доподлинно. Теперь он займет место среди членов твоей группы и очень скоро ему будет принадлежать вся Калифорния.

— Кто-нибудь в состоянии сыграть против Лакмена и одолеть его?

— Конечно же, — кивнул Джо Шиллинг. — Я могу это сделать.

Пит уставился на него в изумлении.

— Ты это серьезно? Да ведь это он практически тебя уничтожил. Классический случай!

— Простое невезение. Если б у меня были еще хоть какие-то права на недвижимость, которые я мог бы поставить на кон, если бы появилась возможность хоть чуть-чуть дольше остаться в Игре... — он кисло улыбнулся. — Блеф — захватывающая игра. Подобно покеру, в ней в равной степени сочетаются искусство игрока и случайность. И благодаря и тому, и другому можно в равной мере как выиграть, так и проиграть. Я проиграл только благодаря случайности: один неверный ход, вернее, одна-единственная счастливая догадка Лакмена в самый решающий момент Игры.

— И никакого искусства с его стороны?

— Ни малейшего! Лакмен в Игре столь же удачлив, сколь я искусен. Если б я только мог раздобыть ставку и начать все сначала... — Джо Шиллинг неожиданно икнул. — Извини.

Повинуясь какому-то неожиданному импульсу, Пит предложил:

— Я за тебя сделаю ставку.

— Ты не можешь себе позволить такое. Я дорого обхожусь, ибо не начинаю выигрывать прямо с самого начала. Нужно какое-то время, чтобы мое искусство могло преодолеть любую случайность... такую, как ту, обросшую уже легендами, благодаря которой Лакмен меня выпотрошил.

Из передней части магазина послышалось великолепное пение Джили. Шиллинг примолк на мгновение, прислушиваясь к словам.

— «Холодна твоя крохотная ручка», — повторил Шиллинг слова певца. — Это первая из двух записей этой арии и лучшая из них. Ты слушал вторую? В полной записи оперы? Она невообразимо плоха. Помолчи. — Он снова прислушался к чистому, высокому голосу певца. — Великолепная запись. Ты должен иметь ее в своей коллекции.

— Я как-то равнодушен к Джили. Он не поет, а рыдает.

— Такая манера, — раздраженно произнес Шиллинг. — Он ведь итальянец. Такая у них традиция.

— Скипа не такой.

— Скипа учился петь сам.

Подошел высокий худощавый юноша с пластинкой Джили в руках.

— Мне х-хотелось бы купить это, м-р Шиллинг. Ск-сколько с-стоит?

— Сто двадцать пять долларов.

— О, — печально протянул юноша, но, тем не менее, достал бумажник.

— Очень немногое уцелело после войны с вугами, — пояснил Шиллинг и стал укладывать пластинку в картонную коробку.

В магазин вошли еще двое покупателей, мужчина и женщина, оба невысокие, коренастые. Шиллинг поздоровался с обоими.

— Доброе утро, Лес. Доброе утро, Эс, — затем, повернувшись к Питу, пояснил: — Это мистер и миссис Сибли. Как и ты, страстные почитатели вокала. Из Портленда, штат Орегон. А это, — он сделал жест в сторону Пита, — Поручитель Питер Гарден.

Пит поднялся и пожал руку Лесу Сибли.

— Здравствуйте, мистер Гарден, — произнес в подобострастной, характерной для Обывателя при обращении к Поручителю манере Лес Сибли. — Каких мест вы являетесь Поручителем, сэр?

— Беркли, — не задумываясь, ответил Пит и тут же поправился: — Раньше Беркли, теперь — Приморского округа в Калифорнии.

— Здравствуйте, — чересчур уж льстиво-елейным тоном, показавшимся, как и всегда, очень неприятным Питу, произнесла Эс Сибли. Она протянула руку, и когда он ее пожимал, рука показалась ему дряблой и влажной. — Не сомневаюсь в том, что у вас по-настоящему прекрасная коллекция. Я имею в виду, что наша в сравнении с нею не ахти какая. Всего лишь несколько записей Супервиа.

— Супервиа? — заинтересовался Пит. — А что именно у вас имеется?

— Пит, разве можно так совсем не считаться со мною? — вмешался Джо Шиллинг. — Согласно неписаному правилу, мои покупатели не обмениваются между собой. В противном случае я прекращаю всякую торговлю с ними. Да к тому же у тебя есть все пластинки Супервиа, которые есть у Леса и Эс, и еще несколько.

Он бросил в кассу 125 долларов, вырученных за Джильи, и высокий худощавый юноша вышел из магазина.

* * *

После того, как магазин покинула чета Сибли, Пит расплатился за своего Тито Скипа и, набравшись духа, выпалил то, ради чего, собственно, встретился с Шиллингом.

— Джо, ты бы мог отыграть для меня Беркли?

Если Джо скажет «да», то уже одного этого будет вполне достаточно.

Несколько помедлив, Джо ответил:

— Может быть. Если кто-нибудь и может, то только я. Существует правило — редко используемое, — по которому двоим лицам одного и того же пола не возбраняется быть партнерами в Игре в Блеф. Мы могли бы выяснить, согласится ли на это Лакмен. Если станет возражать, то мы могли бы обратиться за разрешением к Уполномоченному вугов в вашем регионе.

— Этот вуг называет себя Ю.С.Каммингсом, — сказал Пит. Именно с этим вугом он не раз ссорился по пустякам. Он особенно трудно переносил

это, как ему казалось, вреднее создание из-за его стремления повсюду буквально выискивать блох.

— Альтернативой этому, — задумчиво произнес Джо Шиллинг, — разумеется, может быть временная передача прав на некоторые из оставшихся за тобой уделов, но как я уже упоминал ранее...

— Неужели ты до сих пор в хорошей игровой форме? Ведь прошло уже немало лет, как ты не участвуешь в Игре.

— Не исключено, — уклончиво ответил Шиллинг. — Это мы быстро, я надеюсь, выясним и, главное, своевременно. Мне кажется... — тут он снова обернулся в сторону входной двери. Снаружи припарковался еще один автоавтомат, и в магазин вошел новый покупатель.

Им оказалась прелестная рыжеволосая девушка, и оба, Пит и Джо, на какое-то время забыли, о чем это они разговаривали. Девушка, очевидно заблудившись в хаотически захламленном магазине, теперь бродила бесцельно, переходя от одного стеллажа к другому.

— Пожалуй, не мешало бы ей помочь, — сказал Джо Шиллинг.

— Ты с нею знаком?

— Никогда раньше не видел. — Задержавшись на мгновение, Джо Шиллинг пригладил свой сморщившийся старомодный галстук и поправил жилет. — Мисс, — произнес он, направляясь к девушке с приветливой улыбкой на лице. — Разрешите мне помочь вам?

— Будьте так любезны, — робко ответила рыжеволосая. Она казалась очень застенчивой. Пугливо озираясь по сторонам, чтобы не встретиться с нетерпеливым взглядом Шиллинга, она промямлила:

— У вас есть записи Ната Кэтса?

— К превеликому сожалению, нет, — ответил Шиллинг, затем обернулся в сторону Пита и произнес: — Дни мои сочтены. Заходит милая девушка и спрашивает записи Ната Кэтса. — Не скрывая своего разочарования, он вернулся к Питу.

— А кто такой этот Нат Кэтс? — спросил Пит.

Девушка, удивление которой такой неосведомленностью превозмогло робость, произнесла:

— Вы никогда не слушали Ната Кэтса? — Она явно не могла этому поверить. — Да ведь он выступает каждый вечер по телеку. Он — ярчайшая звезда звукозаписи всех времен!

— Мистер Шиллинг здесь, — пояснил Пит, — не торгует поп-музыкой. Он продает только старинную классику. — Он улыбнулся девушке. После удаления желез Хайнеса было очень нелегко определить возраст незнакомки, но что-то ему подсказывало, что рыжеволосая была еще совсем юной, ну не старше, наверное, лет девятнадцати. — Вы должны простить реакцию мистера Шиллинга на ваш вопрос. Он — человек далеко немолодой, с давно сложившимися привычками.

— Ну-ну, пошел, — проскрежетал Шиллинг. — Мне просто не нравятся эти популярные исполнители баллад под гитару.

— Все без ума от Ната, — сказала девушка, все еще пылая негодовани-

ем. — Даже мои мать и отец, а уж кто-кто, а они точно старцы. Последняя пластинка Ната «Выгуливая пса» распродана более чем в пяти тысячах экземпляров. Вы оба действительно странноватые люди. Настоящие старцы, вот кто. — Неожиданно ее снова охватила робость. — Мне, пожалуй, лучше уйти. До скорого.

Она направилась к выходу из магазина.

— Обождите, — каким-то странным тоном окликнул ее Шиллинг, бросившись вслед за нею. — Мне кажется, я вас знаю. Это вас как-то показывали в «Последних известиях»?

— Может быть, — ответила девушка.

— Вы — Мэри-Энн Мак-Клейн, — сказал Шиллинг. — Пит, это третий ребенок женщины, с которой ты познакомился сегодня. Какое совпадение то, что она появилась здесь тоже именно сегодня. Мисс Мак-Клейн, этот человек, — он сделал жест рукой в сторону Пита, — Поручитель вашего округа. Познакомьтесь с Питером Гарденом.

— Приветик, — произнесла девушка, на которую слова Шиллинга явно не произвели особого впечатления. — Так я пойду.

Она исчезла за дверью магазина. Пит и Джо Шиллинг не спускали с нее глаз, пока она не забралась в машину и не взмыла вверх.

— Как ты думаешь, сколько ей лет? — спросил Пит.

— Я знаю точный ее возраст. Я читал об этом. Ей восемнадцать. Одна из 25 студентов колледжа в Сан-Франциско, специализируется в области истории. Мэри-Энн — первый ребенок, родившийся в окрестностях Сан-Франциско за последние сто лет. — Голос его как-то совсем незаметно обрел непривычную торжественность. — Да поможет господь нашему миру, чтобы ничего не случилось с ней, никакого несчастья или болезни.

Они оба какое-то время хранили молчание.

— Она мне напоминает юную копию своей матери, — заметил Пит.

— Потрясающе красивая девчонка, — признался Джо Шиллинг и пристально поглядел на Пита. — Я полагаю, ты теперь передумаешь. Ты захочешь взять ее к себе в качестве партнерши вместо меня.

— Ей, наверное, никогда не представлялась возможность принять участие в Игре?

— Что ты имеешь в виду?

— Она не будет хорошей партнершей.

— Верно, — согласился Джо. — Даже близко не станет такой, как я. Не забывай об этом. Каково ныне твое семейное положение?

— Когда я проиграл Беркли, мы с Фрэйей разошлись. Сейчас она миссис Гейнс. А я подыскиваю новую жену.

— Но тебе нужна такая, которая умеет играть, — заметил Джо Шиллинг. — Жена Поручителя. Не то ты продумаешь свой Приморский округ так же, как спустил Беркли, и что тогда ты станешь делать? Нашей планете совершенно не нужны два магазина редких пластинок.

— Я вот уже в течение многих лет не раз задумывался над тем, а что я буду делать, если продумаю в пух. Я стану фермером.

— Вот это да! — Джо расхохотался. — Сейчас ты еще скажешь, что никогда за всю свою жизнь не был серьезнее.

— Точно, никогда я еще не был столь серьезным за всю свою жизнь.

— И где же?

— В долине Сакраменто. Буду выращивать виноград и давить вино. Я уже приглядывался к этому занятию. — Он уже на самом деле обсуждал этот вопрос с Уполномоченным вугом, Ю.С.Каммингсом; вуг, несомненно, своей властью поддержит его, снабдив необходимым инвентарем и машинами. Такого рода проекты они всегда в принципе всецело одобряли.

— Дай бог тебе преуспеть в этом.

— С тебя я буду брать двойную цену, — сказал Пит, — потому что ты разбогател, обманывая покупателей пластинок все эти годы.

— Так уж! Я беден.

— Ну тогда мы могли бы меняться. Вино за редкие пластинки.

— Так вот, серьезно, — сказал Джо Шиллинг. — Если Лакмен вступит в вашу группу и тебе придется играть против него, я войду в Игру в качестве твоего партнера. — Он ободряюще похлопал Пита по плечу. — Так что не вешай носа. Вдвоем мы сумеем его одолеть. Естественно, я могу надеяться на то, что ты не станешь пить, пока играешь? — Он пристально посмотрел на Пита. — Я слышал о том, что за тобой такой грешок водится. Ты изрядно нагрузился, когда поставил на кон Беркли, и проиграл его. Ты даже не мог доползти до своей машины, когда Игра закончилась.

— Я напился после того, как проиграл. С горя, — начал было, возмущившись, Пит.

— Как бы то ни было, — перебил его Шиллинг, — но мое условие остается в силе. Тебе придется дать зарок, и это же относится и к любого рода медицинским препаратам. Я не хочу, чтобы твой разум был затуманен транквилизаторами, в частности, из класса фенотиазинов... Я особенно не доверяю им, и знаю, что ты принимаешь их регулярно.

Пит ничего не ответил на это. Ибо именно так оно и было. Он пожал плечами и стал бродить по магазину, обескураженно роясь то тут, то там в горах пластинок.

— Я же со своей стороны постараюсь восстановить все свои навыки, — сказал Джо Шиллинг. — Буду тренироваться, чтобы достичь пика своей формы. — Он налил себе еще одну чашку крепкого чая.

— Я, пожалуй, завяжу со спиртным, — произнес Пит. Однако мысль о том, что он проживет, возможно, лет двести, не меньше, повергла его в немалый ужас.

— Я полагаю, в этом нет особой необходимости, — сказал Джо Шиллинг. — Ты слишком замкнут, чтобы стать алкоголиком. Я больше опасуюсь... — он запнулся в нерешительности.

— Самоубийства.

Пит вытащил старинную пластинку фирмы «Хиз Мастерс Войс» и стал разглядывать этикетку, на которой была изображена собака, прильнувшая

ухом к раструбу граммофона. Он старался не смотреть в сторону Шиллинга, избегая встречи с умным, прямым взглядом собеседника.

— Может быть, тебе лучше было бы с Фрэйей? — поинтересовался Шиллинг.

— Н-не, — отмахнулся Пит. — Даже не могу объяснить почему, ибо с точки зрения целесообразности мы представляли из себя неплохую пару. Но что-то неувловимое нам все время мешало. По-моему, именно поэтому мы проиграли. Что-то было между нами такое, что не давало нам стать сильной парой. — Он вспомнил ту свою жену, что была до Фрэйи, Джейнис Маркс. Уж как они ни старались, так ему, во всяком случае, казалось, а Удача к ним так и не пришла.

По правде говоря, Удача ни разу не выпадала Питу Гардену. Нигде на всем белом свете не было у него никакого потомства. Эти гнусные красные китайцы, сказал он самому себе... этой избитой, злобной фразой он заглушил накатившую на него тоску. И все же...

— Шиллинг, а у тебя дети есть?

— Да, — ответил Шиллинг. — Мне казалось, что это общеизвестно. Мальчик одиннадцати лет во Флориде. Его мать была моей... — он задулся, прикидывая в уме — ... моей шестнадцатой женой. До того, как меня доконал Лакмен, у меня было всего лишь две жены.

— А сколько точно есть детей у Лакмена? Я слышал, то ли девять, то ли десять.

— Теперь уже одиннадцать.

— Боже праведный!

— Нам нужно смириться с тем фактом, — сказал Шиллинг, — что Лакмен во многих отношениях самое совершенное, наиболее ценное человеческое существо из всех ныне живущих. Наибольшее количество прямых потомков. Грандиозные успехи в Игре. Значительное повышение уровня жизни Обывателей в контролируемых им районах.

— Будет уж, — раздраженно произнес Пит. — Давай не будем об этом.

— И, — продолжал невозмутимо Шиллинг, — он нравится вугам. Фактически он всем нравится. Ты с ним, кажется, никогда не встречался?

— Нет.

— Тогда поймешь, что я имею в виду, когда он объявится на Западном побережье и присоединится к группе «Красавица-Чернобурка».

4

— Я очень рад тому, что вы заглянули сюда, — совершенно искренне произнес Лакмен, обращаясь к прекогу Дэйву Матро.

Он был очень удовлетворен этим фактом, так как это стало прямым подтверждением истинности способностей прекога. Это было, так сказать, окончательным доводом в пользу привлечения Матро.

Худошавый, изысканно одетый ЭКС средних лет — а он и сам был мелким Поручителем, владевшим правами на захудалый округ в Западном

Канзасе, — удобно расположился в глубоком кресле напротив стола Лакмена и говорил с подчеркнутой неторопливостью.

— Нам нужно будет действовать очень осторожно, мистер Лакмен. В высшей степени осторожно. Я давно уже строго себя ограничиваю, стараясь как можно тщательнее скрывать свои способности. Я предвижу, в каком деле вы хотите меня задействовать. По сути, именно исходя из этого предчувствия я и явился сюда. И, честно говоря, немало удивлен тому, что человеку такой Удачи и такого положения, как вы, захотелось привлечь меня к себе на службу, — лицо прекога слегка скривилось в неторопливой язвительной улыбке.

— Я очень опасаясь того, — сказал Лакмен, — что игроки с Западного побережья, заведя меня за Игровым Столом, не захотят играть со мною. Они объединятся против меня и сговорятся поглубже припрятать в свои сейфы права на принадлежащие им и представляющие особую ценность уделы вместо того, чтобы ставить их на кон. Понимаете, Дэйв, они, возможно, еще не знают, что это я, а не кто-нибудь иной, заполучил Беркли, так как я...

— Им это известно, — произнес, продолжая лениво улыбаться, Матро. — Неужели?

— До них дошел слух об этом. Об этом даже пел по телевидению эта эстрадная знаменитость, этот Нат Кэтс. Это сенсация номер один, Лакмен, то, что вам удалось сделать приобретение на Западном побережье. По-настоящему впечатляющая новость. «Берегитесь даже духа Счастливица Лакмена», — сказал этот Кэтс, я дословно запомнил это.

— Гм, — несколько смущенно выдавил из себя Лакмен.

— И скажу вам еще вот что, — преког закинул ногу на ногу, еще более развязно развалившись в кресле и скрестив руки на груди. — Я предвижу несколько возможных вариантов... протекания событий в тот вечер, когда я буду сидеть за Игровым Столом в Кармеле, в Калифорнии, среди членов группы «Красавица-Чернобурка» вместе с вами. — Он рассмеялся. — И в нескольких таких вариантах эта компания будет требовать снятия электроэнцефалограмм. Не спрашивайте у меня, почему. Обычно они не держат под рукой нужную для этого аппаратуру, но у меня есть такое предчувствие.

— Вот незадача, — ворчливо произнес Лакмен.

— Если я туда отправлюсь и меня подвергнут ЭЭГ-проверке, — сказал Матро, — и познаются о том, что я обладаю экстрасенсорными способностями, вы можете себе представить, чем это все закончится? Я потеряю все права, которыми располагаю. Вам ясно, Лакмен, чем я рискую? И вы готовы к тому, чтобы возместить мне их потерю, если такое случится?

— Разумеется, — сказал Лакмен, но мысли его уже были заняты совсем другим. Если подвергнут тестированию Матро, то права на Беркли будут аннулированы, и кто тогда компенсирует ему самому эту потерю? Может быть, лучше ему самому туда отправиться, не прибегая к услугам Матро,

отметил он про себя. Однако какой-то изначально присущий ему инстинкт, некое квазителепатическое предчувствие в его подсознании подсказало ему не показываться там. Держаться подальше от Западного побережья. Оставаться здесь!

Почему это его обуяло такое острое, непреодолимое нежелание покидать Нью-Йорк? Было ли это простым суеверием — Поручитель не должен покидать свой район попечения, свой удел — или это нечто большее?

— Я в любом случае намерен послать вас туда, Дэйв, — сказал Лакмен. — Даже несмотря на риск тестирования.

— И тем не менее, мистер Лакмен, — все так же монотонно продолжал Матро, — я отказываюсь от этого. Я не намерен подвергать себя такому риску. — Выпрямив руки и ноги, он неуклюже поднялся. — Я полагаю, вам самим нужно туда отправиться, — произнес он с улыбкой на лице, граничившей с нескрываемым самодовольством.

«Вот черт, — выругался в душе Лакмен. — Эти мелкие двухгрошовые Поручители так высокомерны. И этот строит из себя недотрогу».

— Что вы потеряете, отправившись туда? — рассуждал вслух Матро. — Насколько я в состоянии предвидеть будущее, группа «Красавица-Чернобурка» станет играть с вами и, как мне кажется, ваша удачливость от вас не отвернется. Я вижу, вы выигрываете еще одни права в Калифорнии в первый же вечер своего участия в тамошней Игре. Это предсказание я даю вам задаром. Без всяких условий. — Он прикоснулся к своему лбу, насмешливо изображая, будто отдает честь.

— Спасибо, — огрызнулся Лакмен. «А за что, собственно, спасибо?» — подумал он. Потому что острое, никак не проходящее опасение за свою судьбу, как кол, застряло в его мозгу, эта необъяснимая неохота пускаться в дальний путь. «Черт побери, попался я на крючок. За Беркли я выложил уймищу денег. Я обязан туда отправиться! Да и страх этот, он ведь ничем не обоснован».

Один из его котов, ярко-рыжий самец, перестал умыться и глядел теперь на Лакмена, нелепо свесив язык. «Я возьму тебя с собой, — решил Лакмен. — Ты обеспечишь меня своей магической защитой».

Протянув руку Лакмену, Дэйв Матро произнес на прощание:

— Рад буду встретиться с вами еще, собрат-Поручитель Лакмен, и, возможно, в каком-нибудь другом случае смогу быть вам полезен. А пока что возвращаюсь в Канзас, — он взглянул на часы. — Уже довольно поздно. Почти что время начинать вечернюю Игру.

Пожимая руку прекогу, Лакмен все-таки не удержался, чтобы не поинтересоваться:

— Стоит, не мешкая, начинать в «Красавице-Чернобурке»? Сегодня же вечером?

— А почему бы и нет?

— Возможность предвидеть будущее должна вселять в вас дьявольскую самоуверенность, — наигранно жалуясь, произнес Лакмен.

— Это очень полезный дар, — согласился Матро.

— Желал бы я себе такой же, — сказал Лакмен и подумал о том, что он уже устал от заедавших его суеверий. Ему не нужны никакие экстрасенсорные способности для того, чтобы оградить себя от неприятностей. У него у самого есть много гораздо более ценного.

Сид Моск, войдя в кабинет, перевел взгляд с Лакмена на Матро, затем снова воззрился на своего хозяина.

— Вы отправляетесь? — спросил он.

— Да, — кивнул Лакмен. — Упакуйте вещи и положите в автоавто. Я намерен провести некоторое время в своем уделе Беркли до того, как сегодняшним вечером начнется Игра. Чтобы психологически акклиматизироваться, понимаете, чтобы мне стало казаться, будто я давным-давно там нахожусь.

«Прежде, чем я сегодня лягу спать, — понял Лакмен, — мне еще надо будет посидеть с «Красавицей-Чернобуркой», начать новую для себя жизнь... Хотел бы знать, что меня в ней ждет».

И ему снова, притом еще более страстно, захотелось обладать даром Дэйва Матро.

5

В принадлежавшей всем игрокам в Блеф из группы Поручителей «Красавица-Чернобурка» квартире в Кармеле миссис Фрэйя Гейнс, расположившись поудобнее, что означало, прежде всего, находиться не слишком близко к своему мужу Клему, наблюдала за тем, как один за другим прибывают другие члены группы.

Билл Кэлюмайн, воинственно появившись в открытой двери в кричащей спортивной рубашке с ярким галстуком, кивнул ей и Клему и произнес: «Привет!» Его жена и партнерша по Блефу Эрлин последовала за ним. Лицо ее было сумрачным и сосредоточенным. Эрлин воспользовалась преимуществами операции Хайнеса в несколько более позднем возрасте, чем остальные.

— Здравствуйте, — довольно уныло, озираясь украдкой по сторонам, произнес Уолт Ремингтон, входя со своей женой Джейнис, всегда настороженные глаза которой так и сверкали. — Насколько я понимаю, в нашей группе пополнение, — сказал он весьма неловко. На лице его, как и во всех его движениях, пока он быстро снимал пальто и вешал его на спинку стула, явно проступало выражение вины за случившееся.

— Да, — ответила Фрэйя. «И ты знаешь, по чьей вине», — подумала она.

Вот появился совсем светловолосый, с откровенно детским лицом, Стюарт Маркс, а с ним вместе и его высокая мускулистая не улыбающаяся жена Жюли в черном замшевом жакете и джинсах.

— Я вот слушал Ната Кэтса, — начал Стюарт, — и он сказал...

— Он все верно сказал, — ответил Клем Гейнс. — Счастливчик Лакмен уже на Западном берегу, он сделал своей резиденцией Беркли.

Вошел, неся завернутую в бумагу бутылку виски, Сильванус Энгст и приветливо всем улыбнулся. Он, как всегда, пребывал в отличном расположении духа. И тотчас же вслед за ним вошел смуглолицый Джек Блау, искорки сверкали в его глазах, когда он по очереди обводил взглядом всех находящихся в комнате. В знак приветствия он энергично тряс головой, но ничего при этом не говорил.

Джин, его жена, поздоровалась с Фрэйей.

— Тебе, наверное, будет интересно об этом узнать: мы занялись подыскиванием новой жены для Пита. Сегодня мы целых два часа провели в «Соломенном Чучеле».

— И вам повезло? — спросила Фрэйя, стараясь придать своим словам как можно более равнодушный тон.

— Да, — ответила Джин Блау. — Из этой группы к нам переходит женщина по имени Кэрол Хольт, она появится сегодня же вечером. Может прибыть сюда в любую минуту.

— Ну и как она? — произнесла Фрэйя, внутренне готовясь к встрече.

— Очень смышленная.

— Я имею в виду, какова она внешне?

— Шатенка. Невысокая. Ей-богу, мне трудно описать ее. Неужели тебе так трудно подождать немного? — Джин бросила взгляд в сторону двери. На пороге стоял, прислушиваясь, только что вошедший Пит Гарден.

— Привет, — небрежно бросила ему Фрэйя. — Тебе нашли жену.

Пит обернулся к Джин.

— Спасибо, — не очень-то довольным тоном произнес он.

— Тебе нужен партнер для Игры, — подчеркнула Джин.

— Я ничуть не опечален этим известием, — сказал Пит. Как и Сильванус Энгст, он принес с собою завернутую в бумагу бутылку. Сейчас он поставил ее на буфет рядом с бутылкой Сильвануса и снял пальто. — По сути, я даже рад этому.

Сильванус негромко рассмеялся.

— Больше всего Пита волнует, кто все-таки прибрал к рукам права на Беркли. Разве не так, Пит? Говорят, это Счастливчик Лакмен. — Невысокий и толстый, Сильванус подкатился к Фрэйе и погладил ее волосы. — Тебя это тоже беспокоит?

Осторожно убирая пальцы Энгста со своей прически, Фрэйя произнесла:

— Разумеется. Ведь это же так ужасно.

— Точно, — согласилась с нею Джин Блау. — Нам не мешало бы обсудить сложившуюся ситуацию до того, как здесь объявится Лакмен. Ведь должно же быть что-нибудь такое, что мы могли бы предпринять.

— Отказаться сидеть с ним за одним Столом? — стал рассуждать вслух Энгст. — Отказаться играть против него?

— Не следует ставить на кон густонаселенные уделы, — предложила Фрэйя. — То, что он запустил лапу сюда, в Калифорнию, уже само по себе плохо. Если же ему удастся еще...

— Мы не должны этого допустить, — согласился Джек Блау и бросил

взгляд в сторону Уолта Ремингтона. — Как это ты посмел сделать? Нам следовало бы исключить тебя за это. Но ты такой болван, что, наверное, даже понятия не имел, что творишь.

— Он все понимает, — сказал Билл Кэлюмайн. — Он не хотел. Он просто продал удел маклерам, а уж они прямехонько...

— Это нисколько его не извиняет, — сказал Джек Блау.

— Единственное, что мы в состоянии сделать, — предложил Клем Гейнс, — это настоять на том, чтобы он прошел ЭЭГ-тестирование. Я беру на себя труд заказать нужную для этого аппаратуру. Возможно, это охладит его пыл, может быть, даже остановит. Каким-нибудь образом нам все равно необходимо устранить его от Игры.

— А может, не мешало бы посоветоваться с Ю.С.Каммингсом, пусть он что-нибудь предложит? — заметила Джин Блау. — Я знаю, что, когда кто-то один верховодит на обоих побережьях, это противоречит их намерениям. Я помню, как они были взволнованы, когда Лакмен вышвырнул Джо Шиллинга из Нью-Йорка. Помню совершенно отчетливо.

— Я бы предпочел не обращаться к вугам, — сказал Билл Кэлюмайн и обвел взглядом всю группу. — Есть еще какие-нибудь предложения? Не стесняйтесь.

Воцарилась тревожная тишина.

— Прямо страх берет, — признался Стюарт Маркс. — А не можем ли мы сами... — он сделал характерный жест. — Поняли? Напугать его. Нас здесь шестеро мужчин. Против одного.

Помедлив немного, Билл Кэлюмайн произнес:

— Я за это. Небольшая демонстрация силы. Во всяком случае, мы можем договориться об объединении своих усилий на время самой Игры. И если...

Он замолчал. Кто-то еще вошел в комнату.

Поднявшись, Джин Блау торжественно объявила:

— Друзья, да ведь это наш новый игрок, который перешел к нам из «Соломенного Чучела», Кэрл Хольт. — Джин подошла к девушке, взяла ее за руку и провела внутрь комнаты. — Кэрл, это Фрэйя и Клем Гейнсы, это Джин и Джек Брау, это Сильванус Энгст, это Уолтер и Джейнис Ремингтон, это Стюарт Маркс, Жюли Маркс, а вот, наконец-то, и ваш партнер по Блефу, Пит Гарден. Пит, это Кэрл Хольт. Мы потратили два часа на то, чтобы подобрать ее вам.

— А я — миссис Энгст, — представилась женщина, вошедшая в комнату сразу же за Кэрл. — О, как это волнующе! Насколько я понимаю, у нас двое новичков за один вечер.

Фрэйя изучающе поглядела на Кэрл Хольт, и ей очень захотелось посмотреть, как на нее отреагирует Пит. Внешне он ничем не проявил себя, только формальная вежливость при знакомстве с девушкой. В этот вечер у него был какой-то отрешенный вид. Наверное, он еще не оправился полностью от потрясений прошлой ночи. Она и сама, если честно признаться, еще не отошла.

«Девушка из «Соломенного Чучела» внешне, — решила Фрэйя, — ничего особенного из себя не представляет. Однако она не лишена индивидуальности: волосы ее аккуратно подвязаны ныне очень модным «крысиным хвостиком», довольно умело подведены глаза. На ногах Кэрол босоножки на низких каблуках, что вместе с ситцевой юбкой, туго обтягивающей ее бедра, делают на вид ее еще более юной. Туловище у нее, с точки зрения Фрэйи, несколько тяжеловато, зато у нее чистая красивая кожа, а голос, когда она заговорила, оказался довольно приятным.

Но даже несмотря на все это, Пит, — к такому заключению пришла Фрэйя, — не станет по ней убиваться. Она просто не в его вкусе. «А кто был во вкусе Пита?» — задала она себе самой вопрос. Она сама, что ли? Вряд ли. Их брак был каким-то однобоким. Она испытывала к нему самые глубокие чувства, а Пит был всегда мрачным, каким-то замкнутым, его как будто трогала только лишь та беда, что стала причиной прекращения их отношений — потеря Беркли».

— Пит, — напомнила ему Фрэйя, — тебе все еще нужно выбросить «тройку».

Повернувшись к Биллу Кэлюмайну, их водящему, Пит попросил:

— Передай-ка мне эту шутовину, и я начну прямо сейчас. Сколько мне разрешается совершить попыток? — для разрешения сложившегося затруднительного положения существовали определенные, весьма сложные правила, и Билл отправился за Наставлением. Сообща Билл Кэлюмайн и Джек Блау решили, что сегодня вечером Питу предоставляется право на три попытки.

— А я и не знала, что он еще не накрутил свою «тройку», — удивилась Кэрол. — Надеюсь, я не зря проделала такой долгий путь сюда из Солт-Лейк-Сити.

Она примостилась на подлокотнике дивана, расправила юбку на коленях, гладких, правильной формы коленях, — не преминула заметить Фрэйя, — и, будто бы от скуки, закурила сигарету.

Установив волчок, Пит привел его во вращение. Первый раз стрелка остановилась на девяти. Обращаясь к Кэрол, он произнес жалобным тоном:

— Стараюсь изо всех сил.

Его новые брачные отношения, насколько понимала Фрэйя, складывались все тем же, уже привычным образом. Она улыбнулась про себя. Было трудно удержаться от того, чтобы не потешиться всласть завязывавшейся коллизией.

Нахмурившись, Пит еще раз запустил колесо волчка. На этот раз выпала «десятка».

— Не торопись, Пит, — весело заметила Джейнис Ремингтон. — Все равно мы не можем начинать Игру, нам положено дожидаться приезда мистера Лакмена.

Кэрол Холт пыхнула из обеих ноздрей дымом и воскликнула:

— Боже праведный, так значит это Счастливчик Лакмен стал новым

членом группы «Красавица-Чернобурка»? Мне об этом никто не говорил.

Она бросила короткий укоризненный взгляд в сторону Джин Блау.

Раздался голос Пита, сидевшего возле волчка.

— Вот, я выиграл!

Он с трудом поднялся на негнувшихся ногах.

— Действительно, выиграл, — наклонившись над волчком, подтвердил Билл Кэллумаин. — Настоящая, стопроцентная «тройка». — Забрав волчок, он объявил: — Теперь мы можем двигаться дальше, вот только прежде, чем начать Игру, надо дожидаться мистера Лакмена.

— На этой неделе моя очередь проводить обряд обручения, — сказала Пэтиенс Энгст. Она извлекла из шкатулки с принадлежащими всей группе в целом ценностями обручальные кольца и передала их Питу Гардену и Кэрол Хольт. Теперь они стояли рядом, но Кэрол все еще никак не могла успокоиться, после того как услышала о Счастливчике Лакмене. — Кэрол и Пит, мы здесь собрались для того, чтобы засвидетельствовать ваше сочетание священными узами брака. Совокупные законы Земли и Титана облачают меня правом спросить у вас, добровольно ли вы вступаете в эту законную и освященную связь. Вы, Питер, берете Кэрол своей законной супругой?

— Да, — довольно мрачно ответил Пит. Так, во всяком случае, показалось Фрэйе.

— А вы, Кэрол... — Пэтиенс Энгст тут примолкла, ибо в дверях появилась новая фигура. Она молча наблюдала за происходящим.

Это прибыл Счастливчик Лакмен, самый удачливый игрок Восточного побережья, величайший Поручитель Западного Полушария. Все, кто находился в комнате, тотчас же повернули головы в его сторону.

— Пожалуйста, продолжайте, — произнес Лакмен, но никто в комнате не пошевелился.

Пэтиенс шепотом довела церемонию до конца.

«Так вот каков этот единственный и неповторимый Счастливчик Лакмен», — отметила про себя Фрэйя. Мускулистый, широкоплечий мужчина с круглым, как яблоко, лицом, довольно-таки блеклыми, под стать лицу, соломенными волосами — все это в совокупности придавало облику Лакмена некий растительный вид, будто вырос он в огороде. Волосы на голове у него были мягкие, тонкие, они даже не прикрывали розовую кожу на его черепе. Во всяком случае, — отметила про себя Фрэйя, — вид у него очень опрятный, хорошо ухоженный. Одежда его, нейтральная по покрою и качеству, свидетельствует, что он не лишен некоторого вкуса. Но вот руки...» — она вдруг поняла, что пристально смотрит на его руки. Запястья у него были толстые, покрытые такими же блеклыми, тонкими волосами, сами же руки были небольшие, с короткими пальцами, а кожа на костяшках пальцев была покрыта мелкими пятнышками, очень похожими на обычные веснушки. Голос у него оказался странно высоким, но негромким. Лакмен ей не понравился. Что-то в нем было не так, была в его облике

какая-то трусоватость, как у лишенного сана и отстраненного от службы в церкви священника. Он выглядел очень кротким, хотя должен был казаться, если исходить из его репутации, очень суровым.

«А мы, в общем-то, даже и не успели выработать определенную стратегию против него, — подумала Фрэйя. — Мы так и не договорились о том, как будем действовать сообща, а теперь уже слишком поздно.

Интересно, скольким из нас в этой комнате удастся продержаться в Игре хотя бы неделю, начиная с сегодняшнего вечера», — подумала она.

«Мы обязательно должны отыскать какой-нибудь способ остановить этого человека», — решила она про себя.

* * *

— А это моя жена Дотти, — заявил Джером Лакмен, представляя группу дородную, похожую на итальянку женщину с волосами цвета вороново-го крыла, которая мило им всем улыбалась. Пит Гарден едва ли обратил на нее внимание. «Пусть доставят сюда поскорее ЭЭГ-аппаратуру», — подумал он. Затем прошел к Биллу Кэлюмайну и присел с ним рядом.

— Пора проводить тестирование, — тихо шепнул он Кэлюмайну. — Подавай сигнал.

Кэлюмайн кивнул в знак того, что понял, и исчез в соседней комнате вместе с Клемом Гейнсом. Чуть погодя он вернулся, волоча позади себя аппарат Крофтс-Гаррисона — яйцо на колесиках со свернутыми кабелями к датчикам и несколькими рядами приборов. Им уже очень давно не пользовались. Состав группы был стабильным. До сегодняшнего вечера.

«Зато сегодня, — подумал Пит, — все переменялось. У нас теперь два новых члена группы, один из которых — величина неизвестная, другой — скрытый противник, с которым нужно бороться всеми имеющимися у нас средствами». И он понимал также и то, что борьба эта будет носить для него сугубо личный характер, так как именно он оспаривал права на Беркли. Лакмен, окопавшись в «Клермон-отеле» в Беркли, теперь проживал в собственном уделе Пита. Что могло быть для него обиднее! Он бросил взгляд в сторону Лакмена, тот в свою очередь смерил взглядом Пита. Никто из них не обмолвился ни словом. Говорить им было просто не о чем.

— ЭЭГ, — произнес Лакмен, едва увидев аппарат Крофтс-Гаррисона. Какая-то странная, чуть искривленная улыбка возникла на его лице. — А почему бы и нет? — Он повернулся к своей жене: — Мы не станем возражать, правда? — С этими словами он протянул руку, и Кэлюмайн плотно прикрепил анодный шлейф к надлежащему месту на его руке. — У меня вы не обнаружите ни малейших телепатических способностей, — сказал Лакмен, когда к его виску был прикреплен катодный вывод, и все так же продолжал улыбаться.

Прошло несколько секунд. Водящий, Билл Кэлюмайн, вытащил из аппарата узкую ленточку, мельком взглянул на нее, затем передал Питу.

Вместе они более тщательно осмотрели записанные на ней кривые, беззвучно, одними взглядами совещаясь между собой.

«Телепатическая деятельность в мозгу отсутствует, — так решил Пит, — во всяком случае, в данный момент. Она может возникнуть потом и снова пропасть. Так частенько бывает. Однако, черт побери, мы не в состоянии на законных основаниях отказать Лакмену в его праве занять место у Стола, исходя из результатов данного теста. Что очень плохо», — подумал он и вернул ленточку Кэлюмайну, а тот, в свою очередь, передал ее Стю Марксу и Сильванусу Энгсту.

— Все в порядке? — добродушно спросил Лакмен. Он, казалось, был полностью в себе уверен. А почему бы и нет? Это им следовало беспокоиться, а не ему. И Лакмен со всей очевидностью понимал это.

— Мистер Лакмен, — хрипло начал Уолт Ремингтон, — это я несу персональную ответственность за то, что вы получили возможность внедриться в «Красавицу-Чернобурку».

— О, Ремингтон, — Лакмен протянул руку, но Уолт не обратил на нее внимания, — не стоит себя винить в этом. Рано или поздно я все равно появился бы в этой комнате.

— Тут уж ничего не поделать, мистер Ремингтон, — заговорила Дотти Лакмен. — Не ругайте себя. Мой муж может вступить в любую группу, какую пожелает. — Глаза ее гордо сияли.

— Что я, — проворчал Лакмен, — чудовище какое-то? Я играю честно. Никто никогда не обвинял меня в жульничестве. Я играю так же, как и вы все — для того, чтобы выиграть. — Он обвел взглядом всех по очереди, одного за другим, ожидая ответа. Тем не менее внешне он не выказывал признаков особого беспокойства. Очевидно, это был простой формальный вопрос. Да Лакмен и не ожидал перемены в их чувствах по отношению к себе и, вполне возможно, даже и не хотел ее.

— У нас такое ощущение, мистер Лакмен, — сказал Пит, — что вам уже принадлежит здесь нечто большее, чем просто ваш один удел. Игра эта была придумана не в качестве средства достижения экономической монополии, и вам это прекрасно известно. — Он замолчал, потому что уж очень четко выразил словами свою мысль. Остальные члены группы кивками выразили свое с ним согласие.

— Вот что я вам скажу, — начал Лакмен. — Больше всего меня в жизни радует, когда все вокруг меня довольны. Я не вижу никаких причин для подозрения, тем более — враждебности. Может быть, вы просто не ощущаете особой уверенности в своих собственных способностях. Возможно, именно в этом вся загвоздка. В любом случае, как вы относитесь вот к такому моему предложению? За каждый удел, который я выиграю в Калифорнии... — Он сделал паузу, наслаждаясь охватившим всю группу напряженным ожиданием, — ... я передаю группе права владения на эквивалентный удел в каком-нибудь другом штате. Таким образом, что бы с вами ни произошло, вы все остаетесь, как и прежде, Поручителями... может быть, не здесь, на Побережье, но где-то в ином месте. — Он ухмыльнулся,

обнажив зубы столь правильной формы, что Питу Гардену, по крайней мере, они показались явно искусственными.

— Спасибо, — холодно произнесла Фрэйя.

Больше никто не стал говорить.

Пит задумался. Не означают ли эти слова прямое оскорбление им всем? Или Лакмен в самом деле искренен в своих намерениях? Неужели его мышление находится на столь примитивном уровне, неужели у него столь наивное отношение к чувствам других людей?

Отворилась дверь, и в комнату вошел вуг.

Это был, как увидел Пит, Региональный Уполномоченный Ю.С.Каммингс. Что ему надобно? Неужто пришелец с Титана прослышал уже о прилете Лакмена на Западное побережье? Пока же вуг, в соответствии с традицией, поприветствовал всех членов группы.

— Что вам угодно? — кисло спросил Билл Кэлюмайн. — Мы только только собрались рассестся, чтобы играть.

Хлынул поток мыслей вуга.

«Я приношу свои извинения за вторжение. Мистер Лакмен, что означает ваше присутствие здесь? Предъявите документы, которые удостоверяют ваши права на пребывание в этой группе».

— О, пожалуйста, — ответил Лакмен. — Неужели вам неизвестно, что я приобрел здесь недвижимость? — он засунул руку в карман пальто и вытащил большой конверт. — Это что, мистификация?

Вытянув псевдоподии, вуг проверил документы, затем вернул их Лакмену.

«Вы не удосужились известить нас о своем вступлении в эту группу».

— Мне не нужно было этого делать, — произнес Лакмен. — Это необязательно.

«Тем не менее, — официально заявил Ю.С.Каммингс, — того требуют правила этикета. Каковы ваши намерения здесь, в этой группе?»

— Я намерен выигрывать, — ответил Лакмен.

Вуг, казалось, призадумался над этим заявлением. На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— Это мое законное право, — добавил Лакмен. Он, казалось, немного занервничал. — У вас нет никаких полномочий вмешиваться в это дело. Вы не наши хозяева. Разрешите мне отослать вас к Договору 2095 года, подписанному между вашими военными и Организацией Объединенных Наций. Все, что вы имеете право делать, — это давать рекомендации и оказывать нам содействие, когда в нем возникает необходимость. Я не слышал, чтобы кто-то вызывал вас сюда, в эту комнату, сегодня вечером, — он обвел взглядом присутствующих, как бы обращаясь за поддержкой.

— Мы сами здесь управимся, — сказал вугу Билл Кэлюмайн.

— Верно, — поддержал его Стюарт Маркс. — Так что, вуг, убирайся прочь отсюда.

Как только Ю.С.Каммингс покинул комнату, Джек Блау тут же предложил:

— Давайте начнем Игру.

— Давайте, — согласился Билл Кэлюмайн. Достав ключ, он прошел к запертому стенному шкафу. Мгновением позже он уже раскладывал Игровую таблицу на столе в центре комнаты. Остальные все начали пододвигать свои стулья к столу, располагаясь поудобнее и решая, кому рядом с кем хочется сидеть.

Подойдя к Питу, Кэрол Хольт сказала:

— Поначалу у нас Игра может пойти не слишком складно, мистер Гарден. Пока мы все не привыкнем к манере игры каждого из нас.

«Самое время, — рассудил Пит, — рассказать ей о Джо Шиллинге».

— Послушайте, — произнес он. — Мне очень неловко говорить об этом, но вы и я, возможно, еще долго не будем партнерами.

— Да? — Удивилась Кэрол. — А почему?

— Если уж начистоту, то больше всего на свете меня интересует, как бы отыграть Беркли. Даже больше, чем сама Удача, как говорится в популярной поговорке. Удача в биологическом аспекте. «Несмотря на тот факт, — отметил Пит про себя, — что власти как Земли, так и Титана, учреджая Игру, считали главной ее целью именно этот аспект, а не экономический».

— Но вы же никогда не видели, как я играю, — обиженно сказала Кэрол. Она быстро прошла в угол комнаты и, заложив руки за спину, стала оценивающе разглядывать Пита. — А играю я весьма недурно.

— Очень может быть, что даже и очень хорошо, — не стал возражать ей Пит, — но вряд ли настолько хорошо, чтобы переиграть Лакмена. Вспрос именно в этом. Сегодня вечером я сыграю с вами, но завтра я хочу привести кое-кого другого. Не надо на это обижаться.

— Но я просто возмущена этим.

Пит пожал плечами.

— Значит, так оно и будет.

— Кого же это вы хотите привести?

— Джо Шиллинга.

— Торговца редкими пластинками? — медового цвета глаза девушки округлились в изумлении. — Но ведь...

— Я знаю, что Лакмен победил его, — сказал Пит, — но не думаю, что ему удастся сделать это еще раз. Шиллинг — мой очень хороший приятель. Я в нем уверен.

— Намного больше, — произнесла Кэрол Хольт, — чем во мне, не так ли? Вам даже неинтересно поглядеть на то, как я играю. Вы уже приняли решение заранее. Хотелось бы мне знать, почему это вам так не терпелось побыстрее повернуть всю эту брачную церемонию?

— Чтобы сегодня ночью... — начал было Пит.

— По-моему, вас даже не очень-то интересует предстоящая ночь. — Щеки ее стали теперь пунцово-красными. Она рассердилась не на шутку.

— Да послушайте же, — снова начал Пит, испытывая неловкость и желая ее успокоить, — я вовсе не намерен...

— Вы не хотите причинить мне боль, — сказала Кэрл, — но вы уже это сделали, и очень сильно. Если б вы только знали, каким уважением я пользовалась среди своих друзей по группе «Соломенное Чучело». Я не привыкла к подобному обращению.

Она часто-часто заморгала, едва сдерживая слезы.

— Ради бога, — в ужасе произнес Пит, взял ее за руку и провел через всю комнату на улицу, в ночную тьму. — Послушайте, я ведь хотел только подготовить вас на тот случай, если приведу Джо Шиллинга. Беркли всегда был моим уделом, и я не намерен его уступать, да поймите же вы это в конце-то концов! Все это лично к вам не имеет никакого отношения. Даже если вы лучший из всех Игроков на Земле, — он обхватил ее за плечи. — Давайте лучше не будем больше препираться и вернемся. Там уже начинается Игра.

— Минутку, — сопя, произнесла Кэрл, затем отыскала в кармане юбки носовой платок и высморкалась.

— Давайте сюда, друзья, — окликнул их из квартиры Билл Кэлюмайн.

В дверях показался Сильванус Энгст.

— Мы начинаем. — Поглядев на них, он хихикнул. — Экономический аспект прямо сейчас, мистер Гарден, если желаете принять участие.

Кэрл и Пит вместе вернулись в ярко освещенную комнату для Игры.

— Мы обсуждали нашу стратегию, — пояснил Пит Кэлюмайну.

— Только вот в отношении чего? — спросила Джейнис Ремингтон и подмигнула.

Фрэйя взглянула сначала на Пита, затем на Кэрл, но ничего не сказала. Другие же глаз не спускали с Лакмена, все остальное перестало для них существовать. Появились карточки с правами владения. Очень неохотно их стали, одну за другой, укладывать в лоток для ставок.

— Мистер Лакмен, — напрямик высказалась Жюли Маркс, — вам придется выложить права на Беркли. Это единственная принадлежащая вам недвижимость в Калифорнии. — Она вместе с остальными членами группы внимательно наблюдала за тем, как Лакмен помещает в лоток большой конверт. — Я надеюсь, — добавила Жюли, — на то, что вы проиграете и никогда уже снова не объявитесь здесь.

— Вы не из тех женщин, что лезут за словом в карман, — кисло улыбаясь, произнес Лакмен, после чего все черты его лица как будто окаменели, каждый мускул занял свое точно обозначенное место.

«Он вознамерился переиграть всех нас, — подумал Пит. — Он самым решительным образом настроился на это. Мы ему нравимся ничуть не больше, чем он — нам».

Им предстояло суровое, даже жестокое испытание.

— Я отказываюсь от своего первоначального предложения, — заявил Лакмен. — О компенсации в форме уделов за пределами Калифорнии. — Он взял колоду пронумерованных карт и стал их в высшей степени искусно тасовать. — По причине вашей ко мне враждебности. Совершенно

ясно, что нам не удастся поддерживать хотя бы видимость доброжелательности.

— Что верно, то верно, — отозвался Уолт Ремингтон.

Все остальные предпочли промолчать, но и без того было очевидно как для Лакмена, так и для Пита Гардена, что точно такие же чувства испытывает каждый из находящихся сейчас в комнате.

— Начинаем первую партию, — объявил Билл Кэлюмайн и вытянул карту из перетасованной колоды.

«Эти люди еще заплатят мне за такое свое отношение, — решил про себя Джером Лакмен. — Я пришел сюда вполне законно, преисполненный самых благих намерений. Я откровенно все им рассказал, они меня не приняли».

Наступила его очередь тянуть карту. Ее номер оказался семнадцатым. «Мое везение уже начинает сказываться», — отметил он про себя, закурил изысканную сигарету и, откинувшись на спинку стула, стал наблюдать за тем, как тянут другие.

«Хорошо, что Дэйв Матро отказался здесь появляться, — рассудил Лакмен. — Преког оказался прав. У них на самом деле здесь оказалась эта ЭЭГ-аппаратура для выявления хитростей. Они тут же загнали бы его в угол».

— По всей вероятности, вам ходить первому, Лакмен, — сказал Кэлюмайн. — Со своими семнадцатью вы вознеслись высоко. — Он показался Лакмену таким же примирившимся с фактом его везения, как и все остальные.

— Лакмену — Удача, — сказал Лакмен, обращаясь ко всем им, и протянул руку к круглому металлическому волчку.

Наблюдая краешком глаза за Питом, Фрэйя Гейнс подумала, что он с нею там, на улице, по-видимому, крупно поссорился. У Кэрол, когда она возвращалась, был такой вид, будто она плакала. «Очень плохое начало», — отметила про себя Фрэйя не без удовлетворения.

«Они не смогут сыграть как партнеры — теперь ей это совершенно ясно. Кэрол будет не под силу справиться с меланхолией Пита, с его вечной мнительностью. А в ней ему просто не найти женщину, которая станет с ним ладить, которая будет ему потакать. Я знаю, он еще вернется ко мне, у нас завяжутся отношения помимо Игры. Ему придется это сделать, иначе его ждет полный эмоциональный крах».

Наступила ее очередь вступить в Игру. Этот начальный раунд игрался без элементов блефа. Применялись не карты, а волчок, стрелка индикатора которого отовсюду неплохо просматривалась.

Фрэйя раскрутила волчок, он остановился на цифре «четыре». Чертыхнувшись в душе, она передвинула свою фишку вперед по таблице на четыре квадрата. Это привело ее к печально знакомой надписи: «Акцизный сбор. Платить 500 долларов».

Она, не проронив ни слова, расплатилась. Джейнис Ремингтон, банкир, приняла у нее банкноты. «В каком напряжении я сейчас нахожусь, — подумала

Фрэйя. — Да и все остальные, кто здесь находится, включая и самого Лакмена».

«Кто из нас, — задумалась она, — первым бросит в лицо Лакмену, что он блефует? Тот, у кого хватит на это духу. А если кто и бросит ему вызов, ждет ли его успех? Окажется ли он прав? — Она вся съежилась, размышляя над этим. — Только не я, — решила она. Пит не преминет, — она точно знала это. — Он станет первым. Он по-настоящему ненавидит этого человека».

Вот наступила и очередь Пита. Ему выпала цифра «семь», и он начал продвигать вперед свою фишку. Лицо его при этом оставалось совершенно невозмутимым.

6

Хотя Джо Шиллинг в общем-то и был бедняком, ему принадлежал древний, сварливый, легко поддающийся переменам настроения автоавтомат, который он называл Максом.

Сегодня, как и обычно, Макс воспротивился отданным ему распоряжениям.

— Нет, — отрезал он, — я и не подумаю лететь на Побережье. Можете пройти пешком.

— Я не прошу тебя, я тебе велю, — терпеливо объяснил ему Джо Шиллинг.

— Что это за такое дело завелось у вас на Побережье? — не унимался Макс, сохраняя все тот же грубый пренебрежительный тон. Тем не менее двигатель его завелся. — Мне, прежде чем пускаться в такое дальнейшее путешествие, — жаловался он, — необходимо произвести ремонт. Почему вы не в состоянии обеспечить нормальную техническую эксплуатацию моей материальной части? Все остальные владельцы прекрасно ладят со своими машинами.

— Ты уже давно не стоишь того, чтобы уделять тебе столько внимания, — сказал ему Джо Шиллинг и, забравшись в кабину, сел за штурвал. Машина и не думала тронуться с места. Сейчас она казалась погруженной в собственные мысли, либо, что не было исключено, вышел из строя речевой блок.

— Ты еще здесь? — спросил Шиллинг у машины.

— А где же еще? Вы что, ничего не понимаете?

— Мне нужно в Сан-Рафаэль, в Калифорнию, — еще раз терпеливо напомнил Шиллинг. Было ранее утро. Ему, по всей видимости, еще удастся застать Пита Гардена в его временной резиденции.

Вчера поздно вечером Пит позвонил ему и сообщил о своей первой схватке со Счастливым Лакменом. В то самое мгновение, когда он услышал печальный голос Пита, Джо Шиллинг уже догадался о результате Игры. Лакмен снова выиграл.

— Теперь проблема уже заключается в том, — пояснил Пит, — что,

поскольку он располагает целыми двумя уделами в Калифорнии, он больше уже ни за что не станет рисковать Беркли. Он может поставить на кон второй свой удел.

— Тебе нужно было пригласить меня с самого начала.

Помедлив, Пит сказал:

— Видишь ли, у меня возникли некоторые трудности. Дело в том, что Кэрл Холт Гарден, моя новая жена, очень высоко себя ценит в качестве партнерши по Игре в Блеф.

— А на самом деле?

— Она очень хороша. Однако...

— Но вы все-таки проиграли. Завтра же утром отправляюсь на Побережье.

И вот теперь он, как и обещал, трогается в путь с двумя чемоданами личных вещей, готовый сразиться с Лакменом.

«Жены, — подумал Шиллинг. — С ними проблем еще больше, чем с недвижимостью. Не следовало столь безнадежно связывать экономические аспекты нашей жизни с сексуальными. Это еще больше запутало положение вещей. Во всем виноваты эти пришельцы с Титана с их желанием одним махом разрешить все наши трудности. Чего они на самом деле добились, так это того, что усугубили наше положение еще сильнее».

Пит больше ничего не сообщил о Кэрл.

«Но брак всегда, во все эпохи, был прежде всего экономическим институтом, — так размышлял Шиллинг, все-таки заставив своего Макса подняться этим ранним утром высоко в небо штата Нью-Мексико. — Не вуги изобрели брак, они просто усилили роль ранее уже существовавших институтов. Женитьба теперь тесно связана с перемещением собственности, с наследованием ее. И с сотрудничеством супругов в деле ее приобретения и накопления. Все это в совершенно неприкрытом виде проявляется в Игре, в господствующих тенденциях развития и окружающей нас обстановке. Игра просто вскрыла то, что прежде было упрятано за различного рода наслоениями».

Тут включилось радио, и Шиллинг услышал обращавшийся к нему мужской голос:

— Говорит Китченер. Мне сказали, что вы покидаете мой удел? С какой целью?

— Дела на Западном побережье. — Его крайне раздражало то, что здешний Поручитель то и дело вмешивается в дела других. Но это был полковник Китченер, пожилой, вечно брюзжащий отставной офицер, закоренелый холостяк, который совал свой нос во все, что его окружало.

— Я не давал вам на это разрешения, — пожаловался Китченер.

— Что вы, что Макс... — пробурчал Шиллинг.

— Простите? — Китченеру явно не нравились манеры Шиллинга. — А может быть, я просто не захочу пускать вас назад, в свой удел, Шиллинг? Мне доложили, что вы направляетесь в Кармел для того, чтобы принять участие в Игре, и если вы столь же хороши, как все эти...

— Столь же хорош, как и все эти? — перебил его Шиллинг. — Это еще нужно продемонстрировать.

— Если вы достаточно хороши, чтобы играть вообще, — продолжал Китченер, — то вам положено играть вместе со мною. — Очевидно было, что слух о происходящем распространился довольно широко. Шиллинг тяжело вздохнул. Это было еще одной из трудностей жизни в мире со столь резко сократившимся населением: вся планета превратилась в один огромный, но провинциальный городишко, каждому из жителей которого известно абсолютно все обо всех. — Вы бы могли попрактиковаться в моей группе, — предложил Китченер, — а уж потом, когда будете в форме, играть против Лакмена. Ведь, в общем-то, какая от вас будет помощь друзьям, если вы безо всякой предварительной подготовки вступите в Игру? Неужели вы с этим не согласны?

— Возможно, я пока еще и весьма слаб, — сказал Шиллинг, — но не настолько слаб, чтобы отказываться от борьбы.

— Не пойму я вас, Шиллинг. Сначала вы отрицаете то, что вы в хорошей форме, теперь же не хотите признаваться в нынешней своей слабости. Вы сбиваете меня с толку, Шиллинг. Я вам дам разрешение на отлучку, но надеюсь на то, что если вы снова проявите такие же способности, как когда-то, то поделитесь ими и за нашим Игровым Столом, хотя бы из чувства лояльности к своему собственному Поручителю. Желаю успеха.

— Спасибо, Китч, — ответил Шиллинг и выключил связь. «Что ж, моя поездка на Побережье уже принесла мне двух недругов: своего авто и полковника Китченера. Дурные предвестники, — решил Шиллинг. — Сплошная беда. Ну еще можно смириться с тем, что его предприятию противится древняя, выжившая из ума машина, другое дело — такой могущественный человек, как Китченер. А ведь, по правде говоря, полковник прав. Если он и обладает какими-либо определенными способностями к Игре, то их следует проявлять, поддерживая своего собственного Поручителя, а не кого-то еще».

Вдруг снова заговорил Макс.

— Вы понимаете теперь, в какую передрагу влипли? — в его скрипучем голосе звучали обвинительные нотки.

— Я понимаю только то, что мне следовало предварительно переговорить со своим Поручителем и получить его одобрение, — согласился Шиллинг.

— Вы надеялись улизнуть из Нью-Мексико незаметно, — заметила машина.

«Верно, — согласился в душе Шиллинг. — Да, начало получилось решительно никудышное».

* * *

Проснувшись во все еще незнакомой для него квартире в Сан-Рафаэле, Питер Гарден подпрыгнул от изумления при виде взъерошенной каштановой женской головки рядом с собою, гладких обнаженных плеч, столь

всегда заманчивых — и тут припомнил, кто это рядом с ним и что произошло вчера вечером. Он поднялся с постели, не разбудив ее, и прошел в одной пижаме на кухню за сигаретами.

«Еще один удел в Калифорнии проигран Лакмену, а Джо Шиллинг сейчас уже, наверное, отбыл из Нью-Мексико. Вот как сейчас обстоят дела, — вспомнил он. — А у него теперь новая жена, которая... ну как бы он теперь поточнее оценил Кэрл Холт Гарден? Было бы совсем неплохо со всей определенностью дознаться о перспективах их дальнейшей супружеской жизни, о том, как она сама теперь относится к своему новому мужу, до того, как появится Джо Шиллинг... а это может теперь произойти в любую минуту».

Он закурил, поставил на плиту чайник. Как только чайник начал было благодарить его, он сказал:

— Потихше. Жена моя еще спит.

Чайник молча стал нагреваться.

Кэрл ему понравилась. Она была достаточно привлекательной, а уж в постели, если даже говорить по самому большому счету, была просто великолепно. Все оказалось так просто. Она не была сногшибательной красавицей, и многие его жены в постели были не хуже и даже лучше, и нельзя было утверждать, что она так уж сильно ему не нравилась поначалу; просто все, что касалось его ощущений, было соразмерно с окружающей его действительностью. Сейчас его просто переполняли чувства. Для Кэрл же этот новый брак был вызовом своей индивидуальности, неповторимости, ей нужно было поддержать свой престиж. В качестве женщины, в качестве супруги, наконец, в качестве Игрока. Слишком многое для нее было поставлено на кон в этом браке.

На улице тихо играли двое детишек Мак-Клейнов. Пит слышал их негромкие голоса. Подойдя к окну, он глянул вниз и увидел их: мальчика Келли и девочку Джессику, всецело поглощенных какой-то игрой с ножиком. Увлечшись, они совершенно позабыли обо всем остальном: о нем, Пите, о пустом, поддерживавшемся автоматически в порядке городе вокруг них.

«Интересно, — подумал Пит, — а какова из себя их мать, Патриция Мак-Клейн, чья история мне известна?»

Возвратившись в спальню, он подхватил свою одежду, перенес ее в кухню и тихонько оделся, стараясь не разбудить Кэрл.

— Я готов, — объявил, закипев, чайник.

Он снял его с плиты, начал было искать банку с растворимым кофе, но затем передумал. Ну-ка, поглядим, сказал он себе, как приготовит завтрак своему Поручителю миссис Мак-Клейн.

Осмотрев себя в полный рост в большом зеркале в ванной комнате, он пришел к выводу, что выглядит хотя и не сногшибательно, но вполне пристойно. А посему, стараясь не шуметь, вышел из квартиры и по лестнице спустился на первый этаж.

— Привет, ребята, — сказал он, обращаясь к Келли и Джессике.

— Привет, мистер Поручитель, — не отвлекаясь от игры, буркнули дети.

— Где я могу найти вашу мать? — спросил он у них.

Они оба показали, где.

Пит, набрав полные легкие свежего утреннего воздуха, быстрыми шагами пошел по улице, ощущая острый голод.

* * *

Его автоавто Макс приземлился прямо на тротуар перед многоквартирным жилым домом в Сан-Рафаэле, и Джо Шиллинг, весь напрыгавшись, соскользнул с сиденья, вручную открыл дверцу и выбрался наружу.

Он нажал соответствующую кнопку, и ответный сигнал отворил перед ним массивную входную дверь. «Тщательно запертую на засов от грабителей, которые уже больше не существуют», — отметил он про себя, поднимаясь по застеленной ковром лестнице на четвертый этаж.

Дверь в квартиру была открыта, но не Пит Гарден ждал его внутри. Это была молодая женщина с растрепанными каштановыми волосами и заспанным лицом.

— Кто вы? — спросила она.

— Один из друзей Пита, — ответил Шиллинг. — А вы — Кэрл?

Женщина кивнула и бессознательно запахнула халат.

— Пита здесь нет. Я только что встала, а он уже ушел. Сама не знаю куда.

— Можно войти, — спросил Шиллинг, — и подождать здесь?

— Как вам угодно. Я собираюсь позавтракать. — Она, шлепая ногами, отошла от двери, и Шиллинг проследовал за нею в кухню, где она поджаривала ветчину.

— Мистер Гарден был здесь, но ушел, — объявил чайник.

— А он не сказал, куда идет? — спросил Шиллинг у чайника.

— Он выглянул в окно, а затем вышел. — Рашмор-эффект чайника был не слишком смышлен, поэтому проку от него было мало.

Шиллинг подсел к кухонному столу.

— Ну как вы с Питом, ладили?

— О, наш первый вечер был ужасен. Мы проиграли. Пит был так этим расстроен... По пути сюда из Кармела он не проронил ни слова, и даже когда мы уже оказались дома, он почти не разговаривал со мною, будто бы решив, что это я виновата. — Она печально посмотрела на Джо Шиллинга. — Ума не приложу, как дальше жить будем. Настроение у Пита... ну... почти самоубийственное.

— Он всегда такой, — успокоил ее Шиллинг. — Не упрекайте себя за это.

— О, — кивнула благодарно Кэрл. — Спасибо за то, что сказали мне об этом.

— Можно попросить у вас чашечку кофе?

— Пожалуйста, — ответила она, ставя чайник снова на плиту. — А случайно, не вы ли тот самый друг, с кем он разговаривал по видеофону вчера вечером, после Игры?

— Да, — ответил Шиллинг. Чувствовал он себя как-то не очень уютно. Он прибыл сюда, чтобы заменить эту женщину за Игровым Столом. В какой мере ей известны намерения Пита? Во многих вопросах, когда дело касается взаимоотношений с женщинами, Пит оказывается у них под каблуком.

— Я догадываюсь, с какой целью вы сюда прибыли, мистер Шиллинг, — сказала Кэрл.

Шиллинг ничего не ответил, только поднял брови.

— Я не собираюсь просто так уступать свое место, — сказала она, набирая ложкой кофе. — Ваша карьера в качестве игрока не производит особого сильного впечатления. Я не сомневаюсь в том, что в состоянии добиться большего, чем вы.

Шиллинг кивнул, но снова предпочел промолчать.

После того, как он выпил кофе, а она позавтракала в напряженной тишине, они оба, испытывая неловкость, стали дожидаться возвращения Пита Гардена.

* * *

Патриция Мак-Клейн производила влажную уборку гостиной, когда, приподняв голову, увидела Пита. Лицо ее медленно расплылось в сдержанной улыбке.

— Явление Поручителя народу, — сказала она, продолжая орудовать мокрой тряпкой.

— Здравствуйте, — несколько робко произнес Пит.

— Я умею читать ваши мысли, мистер Гарден. Вы знаете не так уж мало обо мне из беседы с Джозефом Шиллингом. Там же вы повстречались и с Мэри-Энн, моей старшей дочерью. И вы нашли ее «потрясающе красивой девочкой», как выразился Шиллинг... точно так же, как и меня. — Пат Мак-Клейн снова взглянула на него в упор, глаза ее сверкнули. — Не кажется ли вам, что Мэри-Энн еще слишком молода для вас? Вам что-то около ста сорока, а ей — восемнадцать.

— А какое это имеет значение после удаления...

— Да, это не такая уж беда. Я согласна с вами. И вы также полагаете, что единственное различие между мной и моей дочерью заключается только в том, что я наполнена горечью, а она пока что еще свежа и женственна. И мысли такие исходят от человека, который постоянно помышляет о самоубийстве, фактически переживает это на все лады.

— Ничего не могу с этим поделать, — признался Пит. — Это какое-то наваждение. Совершенно бессознательное. Мне очень хотелось бы от него избавиться. Доктор Мэси сказал мне об этом много десятков лет тому назад. Какие только лекарства я не принимал... На некоторое время это

проходит, затем возвращается. — Он прошел в квартиру Мак-Клейнов. — Уже позавтракали?

— Да, — ответила Патриция. — А вот вам не удастся здесь пожить: еда неподходящая, и я не намерена ее вам готовить. Скажу вам всю правду, мистер Гарден. Я никоим образом не желаю быть связанной с вами. Мне противна сама мысль об этом.

— Почему? — спросил он как можно спокойнее.

— Потому что вы мне не нравитесь.

— А почему именно? — сказал он, стараясь не сдвигать ей своих позиций.

— Потому что вы имеете право Играть, а я — нет, — ответила Патриция. — И потому, что у вас есть жена, притом новенькая, а тем не менее вы здесь, а не у нее. Мне не нравится, как вы к ней относитесь.

— Да, быть телепатом весьма выгодно, — признал Пит, — особенно когда дело касается оценки пороков или слабостей других людей.

— Верно.

— А что я могу с собой поделать, — взмолился Пит, — если меня влечет к вам, а не к Кэрл?

— Со своими чувствами вы ничего не можете поделать, зато вы в состоянии не совершать те поступки, которые совершаете. Я прекрасно осведомлена о той причине, по которой вы здесь, мистер Гарден. Но не забывайте о том, что я замужем. И отношусь серьезно к своему браку, в отличие от вас. Да, разумеется, от вас этого и не требуется. Новая жена у вас почти каждые несколько недель. Каждый раз, когда происходит резкий поворот Игры.

Ее неприязнь к Питу была вызывающей. Губы ее были плотно стиснуты, черные глаза ежесекундно вспыхивали.

Ему захотелось узнать, какою она была до того, как обнаружились у нее телепатические способности, закрывшие ей доступ к Игре.

— Почти такая же, какая я сейчас, — произнесла Патриция.

— Сомневаюсь, — возразил Пит. Он подумал о ее дочери. «Интересно, — задумался он, — станет ли и она такой со временем? Мне кажется, это сильно зависит от того, обладает ли она такими же телепатическими способностями, как и ее мать, и если это так...»

— У Мэри-Энн их нет, — пояснила Патриция. — Как и ни у кого из детей. Мы это уже проверили.

«Тогда она не будет такой вечно взвинченной, как вы», — подумал он.

— Наверное, нет, — рассудительно произнесла Патриция. И сразу же добавила: — Я не позволю вам оставаться здесь, мистер Гарден, но вы можете, если хотите, подвезти меня до Сан-Франциско. Мне нужно сделать там кое-какие покупки. И мы можем остановиться в каком-нибудь ресторане и позавтракать, если вы не возражаете.

Он хотел было уже согласиться, но тут вспомнил о Джо Шиллинге.

— Нет, никак не могу. Дела.

— Обсуждение стратегии Игры.
— Да, — это было очевидным, он не мог отрицать этого.
— Вы ставите Игру на первое место и цените выше всего. Даже ваших так называемых «глубоких чувств» ко мне.

— Я пригласил сюда Джо Шиллинга. Мне нужно его встретить. — Ему это казалось само собой разумеющимся. Ей, однако, по-видимому, так не казалось, но с этим он ничего не мог поделать. Цинизм настолько глубоко укоренился в ее психике, что он никоим образом не мог ей доказать обратного.

— Не осуждайте меня, — сказала Патриция Мак-Клейн. — Возможно, вы и правы, но... — она отпрянула от него, прижав ладони ко лбу, как будто испытывая физическую боль. — Я все еще не в состоянии выдержать это, мистер Гарден.

— Простите, — сказал он. — Я ухожу, Пат.

— Я скажу вам вот что. Я буду вас ждать сегодня днем, в час тридцать в центре Сан-Франциско. У третьего подъезда супермаркета. Мы сможем вместе пообедать. Как вам думается, вы могли бы улизнуть от своей жены и вашего приятеля-игрока ради этого?

— Да.

— Тогда договорились, — произнесла она и снова принялась за уборку.

— Скажите мне, — спросил Пит, — почему вы вдруг передумали и решили встретиться со мной? Что это такое вы обнаружили в моем мозгу? Наверное, что-нибудь в высшей степени важное.

— Мне бы не хотелось говорить об этом, — ответила она.

— Пожалуйста.

— У телепатии есть один существенный недостаток. Вы, наверное, об этом даже не догадываетесь. Ей присуща значительная избыточность получаемых сведений. Она очень чувствительна к мимолетным или просто глубоко затаенным мыслям людей, к тому, что прежние психологи называли «подсознанием». Существует даже определенная связь между телепатическим даром и паранойей. Последняя есть не что иное, как непроизвольное восприятие подавляемых враждебных и агрессивных помыслов других людей.

— И что же вы такое прочли в моем подсознании, Пат?

— Синдром потенциального действия. Будь я прекогом, я смогла бы сказать вам больше. Может быть, вы решитесь на это, может быть, нет. Но, — тут она внимательно на него посмотрела, — это насильственное действие, так или иначе связанное со смертью.

— Смертью? — эхом отозвался Пит.

— Возможно, — сказала Патриция, — вы попытаетесь совершить самоубийство. Трудно сказать что-то определенное. Все это в еще весьма зачаточном состоянии. Но как-то связано со смертью — и с Джеромом Лакменом.

— И дела настолько плохи, что это заставило вас пересмотреть свое первоначальное решение не иметь со мной ничего общего?

— Было бы нечестно с моей стороны, если бы я, заметив такой синдром, просто так бросила бы вас на произвол судьбы.

— Благодарю вас, — с ехидцей в голосе произнес Пит.

— Я не хочу, чтобы это оставалось на моей совести. Мне ужасно не хочется услышать в программе Ната Кэтса сегодня или завтра о том, что вы приняли в припадке паранойи сверхдозу эмфитала. — Она улыбнулась Питу, но это была бесцветная, безрадостная улыбка.

— Увидимся в час тридцать, — сказал Пит. — У третьего подъезда супермаркета. «Если только, — подумал он, — этот пока еще находящийся в зачаточном состоянии синдром, каким-то образом связанный с насилием, смертью и Джеромом Лакменом, не наберет полной силы до того».

— Возможно и такое, — мрачно констатировала Патриция. — Вот еще одно свойство подсознания: оно как бы существует вне времени. Читая в нем, невозможно разобраться, то ли это такой помысел, до осуществления которого остаются считанные минуты, то ли такой, реализация которого может отодвинуться на месяцы и даже годы. Все это так запутано и так неясно.

Пит молча повернулся и покинул квартиру Мак-Клейнов, оставив там эту женщину наедине с ее даром.

* * *

Следующее, что он ощутил, это то, что сидит он в кабине своей машины, пролетая над пустыней.

Он сразу же понял, что прошло довольно много времени.

Включив рацию, он попросил:

— Передайте мне сигналы времени.

— Шесть часов пополудни Горного стандартного времени, — ответил механический голос из динамика.

«Где это я?» — подумал Пит.

— Где мы находимся? — спросил он у машины. — В Неваде?

Пейзаж был характерным для Невады, пустынный и ровный.

— В Восточной Юте, — ответила машина.

— Когда я покинул Побережье?

— Два часа тому назад, мистер Гарден.

— А что же я делал последние пять часов?

— В девять тридцать вы покинули Приморский округ в Калифорнии и отправились в Кармел, где и вошли в здание, внутри которого расположена комната для Игры.

— С кем я там встречался?

— Не знаю.

— Продолжай, — едва дыша, велел Пит.

— Там вы находились в течение часа. Затем вышли оттуда и направились в Беркли.

— Беркли?!

— Вы приземлились у «Клермон-отеля». Находились там очень недолго, каких-то несколько минут. Затем отправились в Сан-Франциско, припарковались у здания Колледжа и вошли внутрь.

— Что я там делал, ты не знаешь, так?

— Не знаю, мистер Гарден. Вы пробыли там ровно час. Затем вышли и снова поднялись в воздух. На этот раз вы приземлились на посадочной площадке в центре города у четвертого подъезда супермаркета. Оставив меня на площадке, дальше вы отправились пешком.

— И куда же?

— Я не обратил внимания.

— Дальше.

— Вернулись вы в два пятнадцать и велели мне лететь к Атлантическому побережью. Что я сейчас и делаю.

— И после Сан-Франциско мы нигде не приземлялись?

— Нет, мистер Гарден. И, между прочим, у меня осталось совсем немного топлива. Нам следовало бы дозаправиться в Солт-Лейк-Сити, если это возможно.

— Ладно, — согласился Пит. — Дуй туда.

— Спасибо, мистер Гарден, — ответила машина и изменила курс.

Просидев праздно некоторое время, Пит снова включил рацию и связался по видеofону со своей квартирой в Сан-Рафаэле.

На небольшом экранчике появилось лицо Кэрол Хольт Гарден.

— О, привет, — сказала она. — Где это ты? Звонил Билл Кэлюмайн. Он собирает всю группу сегодня вечером раньше, чем обычно, чтобы договориться о стратегии. Он настаивает на том, чтобы там обязательно были и ты, и я.

— А Джо Шиллинг объявился?

— Да. Что ты этим хочешь сказать? Ты вернулся домой сегодня рано утром и долго беседовал с ним в кабине своего автоавто. Вы забрались туда, чтобы я не слышала, о чем вы говорите.

— А что произошло после этого? — хрипло спросил Пит.

— Мне непонятен твой вопрос.

— Что я делал? — Тон его стал требовательным. — Я уходил куда-то с Джо Шиллингом? Где он сейчас?

— Не знаю, где он сейчас. Что это с тобой такое стряслось? Неужели ты не знаешь, что ты сегодня делал? У тебя всегда, что ли, бывают периоды потери памяти?

— Рассказывай только о том, что происходило, — проскрежетал Пит.

— Ты сидел в кабине, беседуя с Джо Шиллингом, а затем он ушел, как я полагаю. А ты поднялся наверх один и сказал мне... Подожди минуточку, у меня там кое-что на плите. — Лицо ее исчезло с экрана. Он сидел, отсчитывая секунды, пока она наконец не вернулась. — Извини. Так вот, ты поднялся наверх, — тут Кэрол сделала паузу, задумавшись на мгновение. — Мы поговорили друг с другом. Затем ты снова спустился, и больше я тебя уже не видела, пока ты не позвонил мне вот только что.

— И о чем же мы с тобой говорили?

— Ты сказал мне, что хочешь сегодня вечером играть вместе с Джо Шиллингом. — Голос Кэрол был ровным, лишенным каких-бы то ни было эмоций. — Мы, скажу я так, обсудили этот вопрос. Фактически поспорили. В конце... — она посмотрела на Пита. — Если ты на самом деле не знаешь...

— Нет.

— С чего бы это я сама тебе об этом рассказывала? Спроси у Джо, если тебе так интересно узнать. Я уверена в том, что ты проинформировал его о нашем разговоре.

— Где он?

— Понятия не имею, — ответила Кэрол и отключила связь.

«Не сомневаюсь, — подумал Пит, — что я договорился с Джо о том, что он будет моим партнером сегодня вечером. Но не в этом проблема.

Проблема — не в том, что я делал. Проблема — в том, почему я ничего не помню? Может быть, я вообще не сделал ничего особенного. То есть, ничего необычного или существенного. Хотя и завернул в Беркли... наверное, хотел забрать кое-что из своих вещей, которые там оставил», — решил Пит.

Но, согласно Рашмор-эффекту машины, он не заходил в свою прежнюю квартиру. Он заходил в «Клермон-отель», а ведь именно там остановился Счастливчик Лакмен.

Очевидно, он встречался — или пытался встретиться — с Лакменом.

Мне лучше бы держаться Джо Шиллинга, — подумал Пит. — Разыскать его и поговорить с ним. Рассказать ему о том, что по непонятным для меня причинам у меня из памяти выпал пока что целый день. Потрясение от того, что я услышал от Пат Мак-Клейн, — может быть, все объясняется именно этим?

И, скорее всего, он-таки встретился с Патрицией в центре Сан-Франциско, как они о том условились.

И если так, то что они делали?

В каких он теперь с нею отношениях? Вероятно, ему сопутствовал успех. С другой же стороны, не исключено, что он еще больше восстановил ее против себя. Что было на самом деле, трудно сказать. И еще этот его визит в Колледж...

Очевидно, он искал дочь Патриции Мэри-Энн.

Боже праведный. Пропустить такой день!»

Включив рацию, он связался с магазином пластинок Джо Шиллинга в Нью-Мексико и получил ответ одной из разновидностей рашморского автоответчика: «Мистера Шиллинга в настоящее время здесь нет. Он отбыл на Тихоокеанское побережье. Вы можете связаться с ним через Поручителя Приморского округа Питера Гардена в Сан-Рафаэле».

«О, уж это никак невозможно», — отметил про себя Пит и быстрым взмахом руки оборвал связь.

Через некоторое время он связался по видеофону с Фрэйей Гарден Гейнс.

— Хэллоу, Питер, — сказала Фрэйя, не скрывая своей радости, когда услышала его голос. — Где это ты? Нам всем надлежит собраться в...

— Я разыскиваю Джо Шиллинга. Тебе известно, где он?

— Нет. Я его не видела. Ты-таки притащил его к нам, на Побережье, сыграть против Лакмена?

— Если он объявится, — попросил Пит, — скажи ему, чтобы он отправлялся в свою квартиру в Сан-Рафаэле и оставался там.

— О'кей, — произнесла Фрэйя. — Что-то вышло не так?

— Возможно, — уклончиво произнес он и выключил видеофон.

«Я и сам чертовски хотел бы дознаться, что там не так», — пожаловался он в душе. Машине же сказал:

— У тебя хватит топлива вернуться в Сан-Рафаэль без дозаправки в Солт-Лейк-Сити?

— Нет, мистер Гарден.

— Тогда добирай свое чертово топливо! — велел он машине. — И возвращайся в Калифорнию как можно быстрее.

— Ладно, только вот какой смысл в том, чтобы сердиться на меня? Именно следуя вашим указаниям, мы сейчас находимся здесь.

Он выругал машину и стал нетерпеливо дожидаться посадки в необозримо громадном и пустынном Солт-Лейк-Сити, панорама которого разворачивалась внизу.

7

Когда, в конце концов, он возвратился в Сан-Рафаэль, был уже вечер. Он включил посадочные огни своего летательного аппарата и опустился перед своим домом.

Как только он вылез из кабины, из темноты навстречу ему возникла женская фигура. Это была Патриция Мак-Клейн. На ней было теплое длинное пальто, волосы завязаны в тугий узел на затылке.

— В чем дело? — взволнованно спросил он, как бы заразившись от нее чувством тревоги.

— Секундочку, — она, едва дыша, приблизилась к нему, в глазах ее было выражение нескрываемого страха. — Мне нужно проверить содержимое твоего сознания.

— Что случилось?

— Боже мой! Да ведь ты ничего не помнишь. Из твоей памяти выпал целый день. Пит, будь осторожен! Я лучше уйду — меня ждет муж. Прощай, я постараюсь, как только удастся, поскорее с тобою встретиться. И не пытайся искать встречи со мною сам, я позвоню тебе, как только представится возможность. — Она какое-то мгновение пристально на него глядела, затем исчезла, быстро растворившись в опустившихся на улицу сумерках.

Только тогда Пит стал подниматься по лестнице.

В гостиной сидел, дожидаясь его, рыжебородый толстяк Джо Шиллинг. Увидев Пита, он тотчас же встал.

— Где это ты пропадал?

— Кэрл здесь или ты один?

— Я не видел ее с самого утра. Когда мы все втроем были в этой квартире. Я говорил с твоей бывшей женой Фрэйей, и она сказала мне, что ты просил...

— Как же ты вошел сюда, если Кэрл нет дома?

— Квартира не была заперта.

— Послушай-ка, Джо, — произнес Пит. — Сегодня стряслось нечто из ряда вон выходящее.

— Ты имеешь в виду исчезновение Лакмена?

Глядя на Джо, Пит произнес, застыв от изумления:

— А я и не знал о том, что Лакмен исчез.

— Как же это не знал, если именно ты сам сказал мне об этом.

Теперь столь же ошеломленно Шиллинг смотрел на Пита. Некоторое время они оба молчали. Первым тишину нарушил Шиллинг:

— Ты позвонил мне из своей машины. Ты поймал меня в вашей совместной квартире в Кармеле. Я просматривал протоколы ваших прошлых Игровых дней. А затем позже услышал об этом в дневной программе Ната Кэтса. Лакмен исчез сегодня утром.

— И его до сих пор не нашли?

— Нет. — Шиллинг схватил Пита за плечо. — Почему это ты ничего не помнишь?

— У меня была неожиданная встреча с телепаткой.

— С Пат Мак-Клейн? Ты мне говорил об этом. Ты был очень расстроен этой встречей. Я смело могу так утверждать, ибо слишком хорошо тебя знаю. Ты упомянул о том, что она обнаружила что-то в твоём подсознании, что-то такое, что связано с твоим навязчивым желанием, периодически у тебя возникающим, совершить самоубийство, так ты сказал. А затем ты неожиданно прервал связь.

— Я только что еще раз познакомился с нею, — признался Пит. — Ее предупреждение, вероятно, было связано с исчезновением Лакмена. Неужели Патриция считает, что я имею к этому какое-то отношение?

— Я сейчас налью тебе что-нибудь выпить, — предложил Шиллинг и прошел к встроенному в стену бару у большого окна гостиной. — Пока я тебя дожидался, мне удалось выяснить, где ты хранишь выпивку. Это виски не такое уж дрянное, но если говорить о моих вкусах, то нет ничего лучше...

— Я еще не обедал, — сказал Пит. — И мне не хочется выпить.

Он прошел в кухню к холодильнику, смутно соображая, что же все-таки себе приготовить.

— Там есть очень вкусные кукурузные лепешки. Я купил их в магазине деликатесов в Сан-Франциско. А также черный хлеб и салат из капусты.

— О'кей, — Пит вытащил еду из холодильника.

— У нас совсем немного времени на то, чтобы добраться до Кармела. Нас там ждут довольно рано. Но если Лакмен не покажется...

— Полиция его разыскивает? Об этом заявили в полицию?

— Не знаю. Этого не сказал ни ты, ни Кэтс.

— А я не рассказал тебе, откуда об этом узнал я? — спросил Пит.

— Нет.

— Это ужасно, — произнес Пит. Когда он отрезал два толстых ломтя черного хлеба, руки его дрожали.

— Почему так ужасно?

— Сам не знаю, почему. А разве тебя самого не потрясла эта новость? Шиллинг пожал плечами.

— Может быть, было бы не так уж плохо, если бы кто-нибудь его укошил. Каждый день нас ожидала бы очередная неудача. Разве это не разрешит наши общие проблемы? Вместо него придется играть его вдове, а уж Дотти Лакмен мы в состоянии обыграть. Я знаю, какой системы она придерживается. Самой заурядной.

Он тоже отрезал себе черного хлеба и принялся за лепешки.

Раздался сигнал видеофона.

— Ответь вместо меня, — сказал Пит. Сам он чувствовал себя паршиво.

— Разумеется. — Шиллинг прошел в гостиную. — Алло! — услышал Пит его голос.

— Что-то сейчас происходит неладное, — раздался голос Билла Кэлюмайна. — Я хочу, чтобы все немедленно собрались в Кармеле.

— О'кэй, мы уже собираемся, — Шиллинг вернулся на кухню.

— Я все слышал, — сказал Пит.

— Оставь записку Кэрл.

— И что ей написать?

— Ты что, сам не догадываешься? Вели ей ехать в Кармел. В соответствии с договоренностью, к которой мы пришли, — помнишь — я должен буду играть в качестве партнера, а она просто сидеть и наблюдать из-за моей спины, что я вытягиваю и как я играю каждую партию. Неужели ты и этого не помнишь, да?

— Не помню, — признался Пит.

— Она была не очень-то этим довольна, — Шиллинг одел шляпу и пальто, — но ты успокоил ее, сказав, что придумал нечто из ряда вон выходящее. Пошли. Самое время трогаться в путь. Возьми с собой сэндвичи с колбасой.

На лестничной клетке они столкнулись с Кэрл Холт Гарден. Она выходила из лифта. Лицо у нее было усталым. Увидев их, она остановилась.

— Так что? — спросила она безразличным тоном. — Как я полагаю, вы уже слышали?

— Мы слышали от Билла Кэлюмайна, — произнес Шиллинг, — если это как раз то, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду, — сказала Кэрл, — Лакмена. Поскольку я уже позвонила в полицию. Если хотите убедиться сами, давайте спустимся вниз.

Выйдя из кабины лифта, все трое направились к машине Кэрл, припаркованной на тротуаре позади машин Шиллинга и Пита.

— Я это обнаружила уже в полете, — произнесла она сухо, прислонившись к наружной стенке кузова машины и засунув руки в карманы пальто. — Так вот, лечу я и задумалась над тем, не забыла ли я кошелек в своей старой квартире, где жила с предыдущим мужем. Я была там сегодня, забрала кое-что из вещей.

Пит и Джо открыли дверцу ее машины.

— Я включила освещение внутри, — сказала Кэрл, — и увидела... Его, должно быть, положили, пока машина стояла у моей прежней квартиры, хотя не исключена возможность и того, что его подсунули сюда и раньше, пока я была еще здесь утром. Вы можете сами убедиться в том, что он... так лежит на полу кабины, что не сразу видно. Я прикоснулась к нему случайно рукой, пытаюсь найти кошелек.

Кэрл замолчала. Включив свет внутри кабины, Пит увидел тело мужчины, зажатое между передним и задним сиденьями машины. Это был Лакмен. В этом не было ни малейших сомнений. Даже мертвого его нетрудно было узнать по характерному круглому лицу с пухлыми щеками. Только сейчас они уже были совсем не румяными. При искусственном свете они были землисто-серого цвета.

— Я сразу же позвонила в полицию, — сказала Кэрл, — и договорилась встретиться с ними здесь.

Откуда-то, пока что очень-очень издалека, из черноты ночного неба над их головами, послышались звуки сирен.

8

Окинув взглядом членов группы «Красавица-Чернобурка», Билл Кэлюмайн сказал:

— Дамы и господа, убит Джером Лакмен, и в его убийстве подозревается каждый из нас. Таково сложившееся на данный момент положение. Пока что мне добавить практически нечего. Естественно, сегодня вечером Игры не будет.

Сильванус Энгст тихо рассмеялся и произнес:

— Не знаю, кто это сделал, но кто бы это ни был — примите мои поздравления, — после чего засмеялся гораздо громче, ожидая, что к нему присоединятся и другие.

— Успокойтесь, — грубовато одернула его Фрэйя.

Раскрасневшийся от хохота Энгст не унимался:

— Но ведь я прав. Лучшей новости нам...

— По-моему, очень неприятная новость — узнать, что все мы теперь находимся под подозрением, — перебил его Билл Кэлюмайн. — Не знаю, кто совершил это убийство, у меня даже нет никакой уверенности в том,

что это сделал кто-то из нас. Так же, как и нет у меня уверенности в том, что это пойдет нам на пользу. Возможно, мы столкнемся с крупными юридическими осложнениями в попытках вернуть себе права на два удела в Калифорнии, которые мы ему проиграли. Я просто ничего не знаю. Все произошло так быстро. В чем мы сейчас больше всего нуждаемся — так это в советах адвоката.

— Верно, — сказал Стюарт Маркс, и с ним согласились остальные члены группы. — Нам нужно сообщить нанять юриста, и притом хорошего.

— Чтобы он помог нам защититься, — добавил Джек Блау, — и посоветовал, что предпринять, чтобы вернуть себе эти два удела.

— Голосуем, — предложил Уолт Ремингтон.

— Зачем голосовать? — раздраженно возразил ему Билл Кэлюмайн. — Разве и так не ясно, что нам нужен юрист? Полиция может появиться здесь в любое время, хоть сейчас. Позвольте мне задать всем вам такой вопрос, — он обвел взглядом собравшихся в комнате. — Если это совершил один из вас — я подчеркиваю слово «если», — не хочется ли ему самому признаться в этом сейчас?

Наступила тишина. Никто даже не шевелился.

— Ну что ж, пусть так и будет, — сказал Кэлюмайн, слегка улыбнувшись. — Если один из нас убил Лакмена, сознаваться в этом он совсем не собирается.

— А вы бы хотели, чтобы он сознался? — спросил Джек Блау.

— Не особенно, — ответил Кэлюмайн и посмотрел на видеофон.

— Если никто не возражает, я свяжусь с Бертом Бартом, моим адвокатом из Лос-Анджелеса, и спрошу у него, не может ли он прибыть сюда прямо сейчас. Согласны? — он снова обвел взглядом членов группы.

Никто не возражал.

— О'кей, — сказал Кэлюмайн и включил видеофон.

— Кто бы это ни сделал и какими бы ни были мотивы для этого, — суровым тоном произнес Шиллинг, — то, что он подкинул тело убитого в машину Кэрл Хольт Гарден, — грязный и гнусный поступок. Который ничем нельзя оправдать.

— Да, мы можем смотреть сквозь пальцы на само убийство, — криво улыбнувшись, подала голос Фрэйя, — но не можем смириться с тем, что тело подложили в машину миссис Гарден. В весьма странную эпоху мы живем.

— Но ведь вы прекрасно понимаете, что я прав, — сказал ей Шиллинг.

Фрэйя только пожала плечами в ответ.

— Дайте мне мистера Барта, — произнес Билл Кэлюмайн в видеофон. — Дело очень срочное. — Он повернулся к Кэрл, которая сидела между Питом и Джо Шиллингом на большом диване в центре комнаты. — В особенности меня заботит защита ваших интересов, миссис Гарден, когда мы нанимаем специалиста-законника, поскольку труп убитого был найден в вашей машине.

— Кэрл подозревается ничуть не больше, чем кто-либо другой, —

возразил Пит. — «По крайней мере, — подумал он, — я надеюсь на это». — Почему это на нее должно падать большее подозрение? Ведь это она сама уведомила полицию, как только обнаружила труп.

Закурив сигарету, Шиллинг сказал ему:

— Значит, я прибыл сюда слишком поздно. Так мне и не представилась возможность отыгаться в Игре со Счастливым Лакменом.

— Если вы уже не отыгрались, — пробормотал себе под нос Стюарт Маркс.

— Что это вы подразумеваете под этим? — спросил Шиллинг, повернувшись к нему и смерив строгим пристальным взглядом.

— Что хочу, то и подразумеваю, — буркнул Маркс.

На видеоэкране сформировалось строгое продолговатое лицо лос-анджелесского адвоката Берта Барта, сразу же после чего он начал просвещать группу «Красавица-Чернобурка»:

— Они заявятся целой бригадой: один вуг, один землянин. Так заведено при расследовании тяжких преступлений. Я постараюсь прибыть к вам как можно быстрее, но на это у меня уйдет не менее получаса. Будьте готовы к тому, что оба следователя могут оказаться превосходными телепатами. Это тоже общепринятая практика. Но помните: улики, добытые с помощью телепатического зондирования, не являются законными в Земном уголовном суде. Это предусмотрено соответствующими законами.

— Для меня это звучит, — сказал Кэлюмайн, — как нарушение положения Конституции США, согласно которому запрещается принуждать гражданина давать показания против самого себя.

— И это тоже, — кивнув, произнес Барт. Теперь вся группа внимательно прислушивалась к разговору между Кэлюмайном и адвокатом. — Служащие в полиции телепаты могут покопаться в вашем сознании и определить, виновны вы или невиновны, но суду нужно представить другие улики. Тем не менее, они будут прибегать к своим телепатическим способностям, как только представится возможность. Можете в этом несколько не сомневаться.

Тут сработал Рашмор-эффект квартиры, и она объявила:

— Двое снаружи хотят войти.

— Полиция? — спросил Стюарт Маркс.

— Один — уроженец Титана, — доложил Рашмор-эффект, — и один землянин. Вы из полиции? — обратилась входная дверь квартиры к посетителям. — Да, это полиция, — уведомила она группу. — Пропустить их внутрь?

— Пусть поднимаются, — сказал Билл Кэлюмайн, обменявшись взглядом со своим поверенным.

Между тем Барт продолжал:

— К чему должны быть готовы ваши люди, так это к следующему. По закону власти имеют право расформировать вашу группу на все то время, которое понадобится для проведения расследования. В принципе предполагается, что это предотвращает совершение дальнейших преступлений.

В действительности же такое решение превращается просто в наказание, налагаемое на всех, кто имеет хоть какое-то отношение к совершенному преступлению.

— Расформировать группу — о, только не это! — уныло произнесла Фрэйя.

— А как же иначе, — угрюмо заметил Джек Блау. — Разве вы не знали об этом? Это первое, что мне пришло в голову, как только я услышал о смерти Лакмена. Я знал, что нас расформируют. — Он обвел взором комнату, будто выматривая, кто же все-таки совершил это преступление.

— Ну, может быть, и не распустят, — сказал Уолт Ремингтон.

Раздался стук в дверь комнаты. Полиция.

— Я останусь у видеофона, — предложил Берт Барт, — вместо того, чтобы ехать к вам. Таким способом я, возможно, сумею больше помочь вам своими советами. — Взгляд его на видеозэкране устремился на дверь комнаты.

Ее отворила Фрэйя. На пороге стояли высокий молодой землянин и рядом с ним — вуг.

— Меня зовут Уэйд Готорн, — представился землянин. Он протянул черное кожаное портмоне с удостоверением. Вуг пока что просто отдыхал в своей обычной манере, устав от перегрузки, обусловленной подъемом по лестнице. На его теле было вышито нитками «Е.Б.Блэк».

— Проходите, — предложил Билл Кэлюмайн, направляясь им навстречу. — Я — водящий этой группы, зовут меня Билл Кэлюмайн. — Он еще шире распахнул дверь, и в комнату вошли двое полицейских, причем вуг Е.Б.Блэк прошел первым.

«Мы хотели бы сначала переговорить с миссис Кэрол Холт Гарден, — мысленно уведомил группу вуг. — Поскольку труп был найден в ее машине».

— Я — Кэрол Гарден, — она поднялась, сохраняя спокойствие под взглядом повернувшихся к ней полицейских.

— Вы позволите нам произвести телепатическое зондирование вашего разума? — спросил у нее Уэйд Готорн.

Она повернула голову в сторону видеозэкра.

— Скажите им «да», — произнес Берт Барт, после чего пояснил двум полицейским: — Я — Барт, их юрист, сам из Лос-Анджелеса. Я рекомендую своим клиентам, в данном случае всем членам этой группы, оказывать вам полное содействие в ходе следствия. Они все будут открыты для телепатического зондирования, но они понимают — и вы, я это знаю, тоже, — что любые добытые подобным образом свидетельства не имеют никакой законной силы в уголовном суде.

— Все верно, — согласился Готорн и подошел к Кэрол.

Вуг заскользил медленно вслед за ним, и воцарилась тишина.

«Подтверждается, что все было именно так, как рассказала миссис Гарден, — полился через некоторое время поток мыслей вуга. — Она обнаружила труп в полете и тотчас же известила об этом полицию. — Обращаясь

к своему напарнику, вуг продолжал: — Я не нахожу никаких свидетельств того, что миссис Гарден до этого было известно о наличии трупа в ее машине. Выходит, что она не имела ничего общего с Лакменом до того, как обнаружила его. Вы со мной согласны?»

— Согласен, — медленно произнес Готорн. — Но... — он обвел взглядом присутствующих в комнате, — ... имеется нечто, связывающее убитого с ее мужем, Питером Гарденом. Мне бы хотелось следующим проверить вас, мистер Гарден.

У Пита пересохло во рту.

— Можно ли мне переговорить со своим адвокатом хотя бы минуту с глазу на глаз? — спросил он у Готорна.

— Нет, — вежливо и спокойно ответил полицейский. — Он уже дал вам соответствующие разъяснения по данному вопросу. Я не усматриваю причин для того, чтобы разрешить вам...

— Я не забыл его разъяснений. Мне интересно, каковы будут последствия, если я отвечу отказом. — Он пересек комнату и стал перед экраном видеофона. — Так что вы ответите мне? — спросил он у Барта.

— Вы станете главным подозреваемым, — пояснил адвокат. — Но решайте сами — вы имеете право отказаться. Я бы не рекомендовал вам делать это, так как в противном случае полиция никогда не прекратит вас преследовать. Все равно, раньше или позже, но вас подвергнут психозондированию.

— Мне неприятна сама мысль о том, что станут ковыряться в моих мыслях, — сказал Пит. «Стоит им только обнаружить, что у меня была амнезия, — сообразил Пит, — как у них возникнет уверенность в том, что именно я убил Лакмена. И что, возможно, и произошло на самом деле». Очевидность этого предстала перед ним во всей своей неприглядности.

— Так каково же ваше решение? — спросил у него Готорн.

— Вы, наверное, уже и без него начали свое зондирование, — произнес Пит. Барт, разумеется, был прав. Если он откажется, его все равно подвергнут зондированию, если не сейчас, то когда-нибудь в другой раз. — Валийте, — сдался он, почувствовав себя больным и усталым. Он подошел к обоим детективам и замер, засунув руки в карманы.

Так прошло некоторое время. Все молчали.

«Я вот уловил то, о чем думала миссис Гарден, — мысленно сообщил вуг своему коллеге. — А вы?»

— Я тоже, — кивнул Готорн и, обращаясь к Питу, спросил: — Вы фактически ничего не помните о том, что было с вами сегодня, это так? Вы восстановили цепь событий, основываясь на высказываниях своего автоавто или, по крайней мере, на приписываемых ему высказываниях.

— Вы можете допросить Рашмор-эффект моей машины, — сказал Пит.

— Он сообщил вам, — не спеша стал излагать свои мысли Готорн, — что сегодня вы нанесли визит в Беркли. Но вы не знаете, на самом ли деле для того, чтобы встретиться с Лакменом, и если так, встречались ли

вы с ним или нет. Даже представить не могу, почему существует такая блокировка вашей памяти, является ли она результатом самовнушения? А если так, то каким образом вам удалось это?

— Я не в состоянии ответить на это, — сказал Пит. — Да вы и сами об этом знаете из психозондирования моих мыслей.

— Всякому, кто намерен совершить преступление, караемое высшей мерой, разумеется, известно о том, что расследование будут проводить телепаты, — бесстрастным тоном заявил Готорн. — Ему приходится принимать это во внимание, а ничто не может быть для него выгоднее, чем блокировка того периода памяти, который соответствует его активным действиям. — Обратившись к Е.Б.Блэку, он сказал: — Я беру на себя ответственность заявить о том, что нам следует арестовать мистера Гардена.

«Может быть, — ответил ему вуг. — Но мы должны для полноты картины провести зондирование и всех остальных. — Мысли же, направленные им в сторону группы, были таковы: — Вам предписывается распустить организацию, созданную для ведения Игры. Начиная с этого момента, всякое ваше собрание с целью ведения Игры в Блеф будет рассматриваться как незаконное. Этот запрет действует до тех пор, пока не будет изобличен убийца Лакмена».

Все члены группы машинально повернули головы в сторону видеоскрана.

— Все по закону, — произнес Барт. — Именно об этом я вас и предупреждал. — Он, казалось, прекратил всякую борьбу.

— Выступая от имени группы, — заявил обоим детективам Билл Кэлюмайн, — я решительно протестую против этого.

Готорн пожал плечами. Протест Кэлюмайна, казалось, не очень-то его беспокоил.

«Мне удалось наткнуться на нечто необычное, — поделился мысленно вуг со своим напарником. — Пожалуйста, прозондируйте всю группу в целом и выскажите свое мнение».

Готорн кивнул и медленно обошел всю комнату, переходя от одного члена группы к другому, и вернулся к вугу.

— Да, — сказал он, — мистер Гарден вовсе не единственный, кто не помнит, что он сегодня делал. В общей сложности, у шести членов этой группы наблюдаются аналогичные провалы памяти. Это миссис Ремингтон, мистер Гейнс, мистер Энгст, миссис Энгст, мистер Кэлюмайн и мистер Гарден.

Пит Гарден удивленно обвел взглядом собравшихся в комнате и по выражениям лиц упомянутых пяти членов группы понял, что это правда. Они оказались точно в таком же положении, что и он. И, по-видимому, как и он, каждый из них был уверен в уникальности своего положения. Поэтому никто из них не обсуждал случившееся.

— Теперь я вижу, — констатировал Готорн, — что у нас возникают особые трудности в деле идентификации убийцы Лакмена. Тем не менее я

убежден в том, что это можно сделать. Просто для этого потребуется больше времени.

Он с явным неодобрением посмотрел на членов группы «Красавица-Чернобурка».

* * *

В кухне их общей квартиры готовили кофе Джейнис Ремингтон и Фрэйя Гейнс. Все остальные члены группы остались в гостиной вместе с обоими детективами.

— Каким образом был убит Лакмен? — спросил у Готорна Пит.

— По всей вероятности, тепловой иглой. Нам, разумеется, придется произвести вскрытие. Только тогда можно будет утверждать что-либо со всей определенностью.

— А что это такое «тепловая игла?» — спросил Джек Блау.

— Это один из видов личного оружия, оставшийся после войны. В принципе, все это оружие подлежало сдаче, однако многие из служивших в армии оставляли его у себя, и теперь то и дело мы сталкиваемся с его употреблением. Поражающим фактором является лазерный луч, причем точность его велика даже на значительном расстоянии, если, разумеется, на его пути нет массивной преграды.

Принесли кофе. Готорн взял чашку и сел. Его коллега Е.Б.Блэк откасался.

Раздался голос адвоката Берта Барта:

— Мистер Готорн, кого вы намерены задержать? Всех шестерых, у кого обнаружены дефекты памяти? Мне хотелось бы знать это, так как мне придется вскоре отключиться от этой линии связи. Я нужен и другим своим клиентам.

— Весьма вероятно, что мы задержим шестерых, а остальных отпустим. Вы хотите оспаривать такое решение? — иронически заметил Готорн.

— Неужели и меня задержат, — вклинилась миссис Энгст, — не выдвигнув против меня никакого обвинения?

— Они вправе задержать как вас, так и вообще кого угодно на семьдесят два часа, — пояснил Барт. — Всегда можно придумать несколько формальных обвинений. Так что смиритесь с этим, миссис Энгст. Ведь, как никак, убит человек. Это очень серьезное дело.

— Спасибо за содействие, — сказал Билл Кэлюмайн, обращаясь к Барту, причем, как показалось Питу, с едва скрываемой иронией. — Я хотел бы попросить вас еще об одном: не могли бы вы начать хлопоты по получению разрешения на возобновление Игры в нашей группе?

— Я подумаю, что я могу сделать, — ответил Барт. — Дайте мне какое-то время на это. Аналогичное дело в прошлом году слушалось в Чикаго. Тамошняя группа была расформирована под тем же предлогом на несколько недель и, естественно, обратилась в суд. Насколько мне

помнится, группа выиграла этот иск. В любом случае я постараюсь разобраться.

— Нам крупно повезло, — сказала Джин Блау, — в том, что нам удалось заполучить официального поверенного. — Она казалась напуганной и старалась держаться поближе к своему мужу.

— А я утверждаю, что это к лучшему. Лакмен точно разорил бы всех нас, — сказал Сильванус Энгст, после чего, с ухмылкой глядя на детективов, добавил: — Может быть, я сам совершил это. Как вы сами сказали, я не помню. Честно говоря, если бы выяснилось, что именно я это сделал, я бы только обрадовался. — Он, казалось, на зависть Питу, не испытывал ни малейшего страха перед полицией.

— Мистер Гарден, — произнес Готорн, — я обнаружил у вас одну весьма интересную мысль. Сегодня рано утром вы были предупреждены кем-то — мне не удастся разобрать, кем именно, — что вы подсознательно уже готовы совершить какое-либо насильственное действие по отношению к Лакмену. Это так? — Он встал и направился к Питу. — Постарайтесь задуматься над этим, — почти по-дружески попросил он Пита.

— Это нарушение моих прав, — запротестовал Пит. К сожалению, адвокат уже отключился. Как только он это сделал, полицейские заняли более жесткую позицию. Вся группа целиком теперь зависела от их милости.

— Совсе нет, — пояснил Готорн. — Мы руководствуемся многочисленными инструкциями. Например, то, что мы работаем в паре с представителем другой расы, направлено на защиту тех, дела с участием которых мы расследуем. А на самом деле такая комбинация только тормозит ход расследования.

— Вы оба пришли к заключению о необходимости роспуска нашей группы, или это только его идея? — Пит мотнул головой в сторону Е.Б.Блэка.

«Я полностью согласен с ним во всем, что касается недопущения к Игре членов вашей группы, несмотря на все ваши врожденные расовые предубеждения».

— Мы просто теряем время, — сказал Пит, — упрекая его в сотрудничестве с вугами. — Ему было абсолютно ясно, что Готорн уже привык к такому отношению со стороны землян. С этим ему приходилось сталкиваться всюду, где появлялись эти два детектива.

Подойдя поближе к Питу, Джо Шиллинг шепнул ему:

— Я не очень-то удовлетворен поведением этого Барта. Уж очень легко он идет на всевозможные уступки. Хороший агрессивный адвокат постоял бы за наши интересы куда эффективнее.

— Вполне возможно, — согласился Пит. У него самого было точно такое же ощущение.

— В Нью-Мексико у меня есть свой собственный адвокат. Зовут его Лэйрд Шарп. Я знаю его как лично, так и как профессионала вот уже очень много лет. Я хорошо изучил все его приемы, и он в этом весьма выгодно отличается от Берта Барта. А поскольку они явно вознамерились серьезно взяться за тебя, я бы хотел, чтобы ты пригласил его вместо этого

адвоката Кэлюмайна. Я уверен в том, что он мог бы даже сейчас тебя вытащить.

— Вся трудность заключается в том, — сказал Пит, — что до сих пор еще во многих случаях верховенствуют законы военного времени. — Конкордат между землянами и пришельцами с Титана носил именно такой военный характер, и поэтому Пит был настроен весьма пессимистически. — Если полиции захочется арестовать нас, ей это, очевидно, удастся, — сказал он Шиллингу. Все складывалось как-то неестественно. Ощущалось вмешательство какой-то неизвестной силы, обладавшей неограниченным могуществом. Она уже действовала против шестерых членов группы, и, кто знает, где пределы ее возможностей? Если она в состоянии очистить их память от таких недавних воспоминаний...

«Я согласен с вами, мистер Гарден, — прервал ход его мыслей вуг Е.Б.Блэк. — Это нечто экстраординарное и вызывающее даже у нас замешательство. До сих пор мы не сталкивались ни с чем подобным. Некоторые лица, пытаясь избежать зондирования, подвергают себя электрошоку, благодаря чему им удается стереть отдельные участки памяти. Но здесь, похоже, совсем не такой случай».

— Как это вы можете быть в этом уверены? — спросил Стюарт Маркс. — Может быть, эти шестеро сговорились сообща раздобыть электрошоковую аппаратуру. Это можно сделать с помощью любого психиатра или психиатрической клиники. Такая аппаратура там всегда имеется в готове. — Он бросил в сторону Пита откровенно враждебный взгляд. — Полюбуйтесь на то, что вы натворили. Из-за вас наша группа поставлена вне закона.

— Из-за меня? — возмутился Пит.

— Из-за вас шестерых. — Маркс одарил их всех злобещим взглядом. — Ясно, что кто-то из вас в одиночку или группой убил Лакмена. Вам следовало бы лучше почитать законы, прежде чем решиться на такое.

— Мы не убивали Лакмена, — сказала миссис Энгст.

— Вы этого просто не знаете, — не унимался Стюарт Маркс. — Вы же ничего не помните. Верно? Так что не пытайтесь выставить это и так, и эдак — будто вы не помните, что делали, но помните, что не убили.

— Маркс, черт бы тебя побрал, — ледяным тоном заговорил Билл Кэлюмайн, — ты не имеешь никакого морального права выдвигать подобные обвинения. Что ты имеешь в виду, когда обвиняешь своих же сотоварищей по группе? Я намерен настаивать на том, чтобы мы и далее действовали все сообща и не допускали раскола. Если мы начнем грызться между собой и обвинять друг друга, полиция получит возможность... — Он запнулся.

— Получит возможность чего? — тихо произнес Готорн. — Получит возможность выявить истинного убийцу? А ведь это именно то, что мы намерены сделать, и вы это знаете.

Обращаясь к группе, Кэлюмайн сказал:

— Я продолжаю настаивать на том, что нам следует держаться всем вместе; тем, у кого не было нарушений памяти, и тем, у кого они были.

Мы пока что еще группа, и пусть полиция сама выдвигает обвинения, а не мы. А если вы, Маркс, попробуете еще раз так выступить, я поставлю на голосование вопрос о вашем исключении из группы.

— Это незаконно, — отпарировал Маркс. — И вы это знаете. Я не отказываюсь от своих слов. Кто-то один или несколько человек из этой шестерки убили Лакмена, и я не понимаю, почему нам нужно их защищать. Это означает конец нашей группе. В наших же собственных интересах выявить истинного убийцу. Тогда мы сможем возобновить участие в Игре.

— Кто бы ни убил Лакмена, — произнес Уолт Ремингтон, — сделал он это не для себя одного. Он это совершил ради блага всей группы в целом. Это, может быть, чисто индивидуальный поступок, индивидуальное решение, но польза от него всем нам. Этот человек спас нас, и поскольку это касается меня, то мне из этических соображений просто противно, если кто-либо из членов группы станет оказывать содействие полиции в задержании этого человека.

Трясаясь от гнева, он стал лицом к лицу с Марксом.

— Нам не пришлось по душе Лакмен, — сказала Джин Блау, — и мы ужасно его опасались, но никто не уполномочивал кого-то убивать его, пусть даже исходя из интересов всей группы. Мы обязаны сотрудничать с полицией в вопросах выявления преступника.

— Голосуем, — предложил Сильванус Энгст.

— Да, — согласилась Кэрол, — нам нужно решить, какой политики придерживаться. Или мы будем держаться все вместе или каждый сам по себе, выдавать друг друга? Я подаю свой голос прямо сейчас. Второе совершенно неприемлемо для каждого из нас.

Уйд Готорн перебил ее:

— У вас нет выбора, миссис Гарден. Вы обязаны с нами сотрудничать. Таков закон. Вас можно принудить к этому.

— Сомневаюсь, — сказал Билл Кэлюмайн.

— Я хочу связаться со своим адвокатом из Нью-Мексико, — произнес Джо Шиллинг, пересек комнату, направляясь к видеофону, включил его и стал набирать нужный код.

* * *

— А существует ли какой-нибудь способ, — спросила у Готорна Фрэйя, — восстановления провалов памяти?

— Нет, если уничтожены те клетки мозга, которые обеспечивают функционирование соответствующих зон памяти. И, как я полагаю, здесь мы столкнулись именно с таким случаем. Едва ли вероятно, что у всех этих шести членов группы одновременная потеря памяти обусловлена нервным срывом.

— События моего дня, — ответил ему Пит, — были довольно полно восстановлены с помощью Рашмор-эффекта моей машины, а она ни разу

и близко не доставляла меня к психиатрической больнице, где я мог бы подвергнуться электрошоку.

— Вы останавливались у Колледжа в Сан-Франциско, — напомнил ему Готорн, — а там, на факультете психологии, имеется аппаратура для электрошоковой терапии. Вас могли подвергнуть ей там.

— А как же остальные шестеро?

— События, произошедшие с ними за день, не были реконструированы цепями Рашмора так, как ваши, — сказал Готорн. — Да и в ваших имеются весьма существенные пробелы. Значительная часть вашей сегодняшней деятельности еще далеко не ясна.

— Я связался по видеофону с Шарпом, — сказал Джо Шиллинг. — Хочешь с ним переговорить, Пит? Я вкратце обрисовал ему ситуацию. Внезапно в ход беседы вмешался вуг Е.Б.Блэк.

«Одну минуточку, мистер Гарден. — Посоветовавшись телепатически со своим коллегой, он затем снова вернулся мысленно к Питу. — Мистер Готорн и я решили не арестовывать никого из вас. У нас пока что нет прямых улик в причастности кого-либо из вас к совершенному преступлению. Но мы вас отпустим только в том случае, если вы согласитесь на применение электронного трэйсера. Справьтесь у своего адвоката, мистера Шарпа, приемлемо ли это для вас?»

— Что это за электронный трэйсер? — поинтересовался Джо Шиллинг.

— Это отслеживающее устройство, — пояснил Готорн, — которое будет оповещать нас о местонахождении каждого из вас в любой момент времени.

— Оно обладает телепатическими свойствами? — спросил Пит.

— Нет, — ответил Готорн. — Хотя я бы не возражал.

Моложавый и энергичный с виду Лэйрд Шарп произнес с экрана видеофона:

— Я слышал предложение и, не собираясь пускаться в дальнейшие рассуждения, склонен квалифицировать его как чистейшее нарушение прав этих людей.

— Ну, как хотите, — сказал Готорн. — Только тогда мы будем вынуждены их арестовать.

— Я категорически против и того, и другого, — сказал Шарп. — Мистер Гарден, не позволяйте им навешивать на себя никакие следящие устройства, а если и обнаружите их у себя, то немедленно срывайте их. Я уже вылетаю к вам. Для меня совершенно ясно, что допущен произвол в отношении ваших прав.

— Ты не возражаешь против того, чтобы он был твоим адвокатом? — спросил Джо Шиллинг у Пита.

— Нет.

— Я...тоже согласен, — сказал Билл Кэлюмайн. — Сдается мне, что шариков у него в голове побольше, чем у Барта. Я предлагаю сообща пригласить этого Шарпа отстаивать наши интересы.

Взметнулись вверх руки. Предложение прошло.

— Значит, я скоро с вами встречу, — сказал Шарп и отключил видеоканал.

Пит почувствовал, что у него отлегло от сердца. «Хорошо, — подумал он, — когда кто-то честно дерется на твоей стороне».

Да и вся группа теперь заметно оживилась, выходя из оцепенения.

— Я хочу внести вот какое предложение, — сказала Фрэйя, обращаясь ко всем членам группы. — Я предлагаю Биллу Кэлюмайну уйти в отставку, а мы выберем кого-то другого в качестве своего водящего, кого-нибудь познергичнее.

— П-почему? — удивленно протянул Билл Кэлюмайн.

— Потому что это вы навязали нам этого никудышного адвоката, — пояснила Фрэйя. — Этого Берта Барта, который позволил полиции вить из нас веревки.

— Это верно, — сказала Джин Блау, — но лучше пусть он так и остается водящим, зачем нам множить собственные неприятности.

— Но вот неприятности, — сказал Пит, — это как раз то, чего нам уже никак не избежать. У нас их и так уже по горло, — сделав некоторую паузу, он добавил: — Я поддерживаю предложение Фрэйи.

Застигнутые врасплох, другие члены группы стали перешептываться между собой.

— Голосуем, — объявил Сильванус Энгст. — Я согласен с Питом. Голосу за отставку Кэлюмайна.

— Как это ты можешь поддерживать такое предложение? — хрипло произнес Кэлюмайн, глядя на Пита. — Вам нужен кто-нибудь познергичнее? Уж от тебя я этого никогда не ожидал.

— А почему? — удивился Пит.

— Потому что, — сказал Кэлюмайн, причем лицо его покраснелось от гнева, а голос дрожал, — ты крепко за это ответишь.

— Что побуждает вас так говорить? — спросил Готорн.

— Это Пит убил Джерома Лакмена, — сказал Кэлюмайн.

— Откуда вам это известно? — нахмурясь, спросил Готорн.

— Он позвонил мне и сказал, что намерен это сделать, — заявил Кэлюмайн. — Сегодня рано утром. Если б вы более тщательно меня прозондировали, то сами это обнаружили бы. Этот факт был не очень-то глубоко припрятан в моем сознании.

Какое-то время Готорн молчал, сосредоточенно зондируя рассудок Кэлюмайна. Затем повернулся к остальным членам группы и произнес задумчиво:

— Он говорит правду. В его мозгу имеется воспоминание об этом. Но его не было, когда я зондировал его мозг чуть раньше. — Он стал смотреть на своего партнера, Е.Б.Блэка.

«Да, его там не было, — подтвердил слова Готорна вуг. — Я зондировал его тоже. Однако сейчас это совершенно очевидно».

Они оба повернулись к Питу.

— Не думаю, что ты убил Лакмена, — сказал Джо Шиллинг. — Не думаю также, что ты звонил Биллу Кэлюмайну и говорил ему о своем намерении убить Лакмена. Я думаю, что кто-то или что-то манипулирует нашими умами. Этой мысли первоначально не было в голове Кэлюмайна. Оба детектива его зондировали.

Они оба через час уже находились во Дворце правосудия, ожидая предъявления обвинения.

— Когда, как ты думаешь, будет здесь Шарп? — спросил Пит.

— Он может появиться с минуты на минуту, — ответил, шагая по вестибюлю, Шиллинг. — Кэлюмайн, очевидно, был искренен. Он на самом деле уверен в том, что ты говорил с ним.

В дальнем конце вестибюля послышался какой-то шум, и появился Лэйрд Шарп в плотном синем пальто с большим портфелем.

— Я уже переговорил с Окружным Уполномоченным, — сказал он, подойдя к Шиллингу и Питу. — Я заставил их свести обвинение к сокрытию факта убийства от полиции. Я подчеркнул тот факт, что вы — Поручитель и владеете собственностью в Калифорнии. Вас можно отпустить под залог. Мы вызовем сюда судебного исполнителя и заберем вас отсюда.

— Спасибо, — сказал Пит.

— Такая у меня работа, — сказал Шарп. — Вы мне за это платите. Насколько мне известно, в вашей группе сменилось руководство. Кто там теперь у вас водящий, после того как отстранили Кэлюмайна?

— Моя бывшая жена, Фрэйя Гарден Гейнс, — ответил Пит.

— Бывшая ли жена, нынешняя ли, но вопрос вот в чем — можете ли вы склонить группу к тому, чтобы ее члены помогли вам расплатиться со мною? Или вы согласны нести расходы в одиночку?

— Это не имеет особого значения. В любом случае я гарантирую ваш гонорар, — сказал Джо Шиллинг.

— Я это спрашиваю потому, — пояснил Шарп, — что размер причитающегося мне вознаграждения зависит от того, нанимает ли меня группа или отдельное лицо. — Он глянул на часы. — Так вот, получим обвинение, утрясем дела с судебным исполнителем, а затем подадимся куда-нибудь и переговорим обо всем за чашкой кофе.

— Отлично, — кивнул Шиллинг. — Мы заполучили прекрасного защитника, — сказал он, обращаясь к Питу. — Не будь здесь Лэйрда, тебе бы предъявили такое обвинение, что не отпустили бы под залог.

— Я знаю, — напряженно промолвил Пит.

* * *

— Позвольте мне спросить у вас напрямик, — произнес Лэйрд Шарп, сидя за столиком напротив Пита. — Это вы убили Счастливого Джерома Лакмена?

— Не знаю, — ответил Пит и объяснил, почему.

Лэйрд Шарп нахмурился.

— Значит, вы говорите, шесть человек. Бог ты мой, что же это здесь такое происходит? Значит, могли бы убить и вы. Вы или кто-либо из вас, или даже все вы. Ну что же, открою вам не очень приятную новость. Вдова Лакмена, Дотти, изо всех сил давит на полицию, чтобы та побыстрее распутала дело. А это значит, что они попытаются составить обвинительное заключение как можно быстрее, и рассматриваться оно будет в военном трибунале... все этот проклятый Конкордат. Нам никак из-под него не выбраться.

— Я понимаю это, — сказал Пит. Чувствовал он себя чертовски усталым.

— Полиция дала мне подписать копию доклада следователей, — сказал Шарп и потянулся за портфелем. — Пришлось мне для этого нажать на кое-какие тайные пружины, но вот она. — Он вынул из портфеля пухлую папку и, отодвинув в сторону свой кофе, выложил ее на стол. — Я уже просмотрел ее. Этот Е.Б.Блэк выцарапал из вашей головы встречу с женщиной по имени Патриция Мак-Клейн, которая предупредила вас о том, что вы на грани того, чтобы прибегнуть к насилию, имеющему отношение к Лакмену, что вы одержимы мыслями о смерти.

— Это не совсем так, — сказал Пит. — Мысли о смерти вовсе не означают мысли о смерти именно Лакмена. Это далеко не одно и то же.

Адвокат с интересом поглядел на Пита.

— Очень справедливое замечание, Гарден.

— Адвокат, — произнес Шиллинг, — ведь у них фактически ничего нет против Пита. Если не считать этого ложного воспоминания у Кэлюмайна...

— У них нет ничего, — согласился Шарп, — кроме амнезии. Да и то это случилось еще с пятью членами группы. Но вся беда заключается в том, что они будут копать глубже, попытаются побольше на вас навесить, исходя из допущения, что вы виноваты. И начав с такой посылки, Бог знает что они сумеют найти, им удастся обнаружить. Вы говорите о том, что ваш автоавто подбросил вас в Беркли сегодня, туда, где остановился Лакмен. Вы не знаете, почему вы туда подались и удалось ли вам с ним встретиться. Может быть, вам это и удалось. Однако мы будем исходить из того, что не удалось в интересах нашего дела. Существует ли кто-нибудь, кого бы вы могли подозревать лично, и если так, то почему?

— У меня нет никаких подозрений.

— К слову, — сказал Шарп, — мне удалось разузнать кое-что об адвокате мистера Кэлюмайна, Берте Барте. Это прекрасный человек. Если вы сместили Кэлюмайна с поста водящего из-за Барта, то вы допустили ошибку. Барт всегда поначалу склонен проявлять известную осторожность, но стоит ему углубиться в дело, его уже трудно потом остановить.

Пит и Джо переглянулись.

— Как бы то ни было, но жребий брошен, — сказал Шарп. — Как мне кажется, лучшее, что вы могли бы сделать, Гарден, это отыскать вашу знакомую телепатку Пат Мак-Клейн и выяснить, что вы и она делали сегодня, что она прочла в вашем мозгу, пока вы были с нею.

— О'кей, — согласился Пит.

— Может быть, сразу же туда и отправимся? — предложил Шарп, укладывая документы в портфель и поднимаясь из-за стола. — Сейчас всего десять часов. Может быть, нам удастся встретиться с нею до того, как она ляжет спать.

Пит тоже поднялся.

— Все не так просто. У нее есть муж. С которым я никогда не встречался. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Понимаю, — произнес Шарп, затем, подумав, предложил: — А, может быть, она согласится слетать сюда, в Сан-Франциско? Я позвоню ей. Или куда-нибудь в другое место. Подумайте, мистер Гарден.

— Только не к тебе в квартиру, — сказал Джо Шиллинг. — Там Кэрл. У меня есть одно подходящее местечко. Ты уже не помнишь, но это ты нашел его для меня в своем нынешнем уделе, в Сан-Ансельмо. Оно примерно в двух милях от твоей квартиры. Если хочешь, я сам позвоню Пат Мак-Клейн. Она, несомненно, меня помнит. И она, и Эл, ее муж, покупали у меня пластинки. Я уговорю ее встретиться с нами в этой моей квартире.

— Вот и прекрасно, — сказал Пит.

Джо Шиллинг ушел к видеофону.

— Славный парень, — сказал Шарп Питу, пока они ждали возвращения Шиллинга.

— Да, — согласился с ним Пит.

— Вы думаете, это он убил Лакмена?

Пит, ошарашенный этим вопросом, резко отпрянул и уставился на адвоката.

— Не расстраивайтесь, — спокойно произнес Шарп. — Это я просто из любопытства спросил. Вы — мой клиент, Гарден, а во всем, что касается моей профессии, любой другой является подозреваемым в большей степени, чем вы, даже Джо Шиллинг, с которым я знаком восемьдесят пять лет.

— Значит, вы — Джерри? — удивленно спросил Пит. Видя, насколько энергичен этот человек, Пит решил, что Шарпу не более сорока-пятидесяти лет.

— Да, — ответил Шарп. — Я прошел джериатрию, как и вы сами. Мне 115 лет. — Он на какое-то время задумался, машинально скатывая в комок использованную картонку из-под спичек. — Шиллинг мог это сделать. Он вот уже много лет ненавидит Лакмена. Вам известна история, как Лакмен низвел его до положения люмпена.

— Тогда зачем же он так долго ждал?

— Шиллинг прибыл сюда для того, чтобы еще раз сразиться с Лакменом. Верно? Он был уверен в том, что сумеет его победить. Он убеждал себя в этом все время с того самого дня, когда Лакмен его переиграл. Так

вот, возможно, что, когда Джо появился здесь, готовый играть за вашу группу против Лакмена, у него не выдержали нервы... В самый последний момент он понял, что, когда дело дойдет до решающей схватки, он не сумеет в конце концов обыграть Лакмена, или, по крайней мере, испугался того, что не сумеет.

— Понимаю, — произнес Пит.

— Таким образом, положение его стало совсем незавидным, когда он хотел сыграть с Лакменом и победить его, притом не ради удовлетворения собственного тщеславия, а для своих друзей — и вдруг понял, что просто не в состоянии этого сделать. Какой теперь для него иной выход... — тут Шарп осекся. Джо Шиллинг пересек полупустой зал ресторана и снова подсел за их столик. — Это заслуживающая внимания гипотеза, — завершил ход своих рассуждений Шарп и повернулся к Шиллингу.

— Что это за интересная гипотеза? — спросил Джо.

— Гипотеза, согласно которой в действие вступила какая-то особая могущественная сила, манипулируя разумом членов группы «Красавица-Чернобурка» с целью превращения ее в корпоративное орудие выполнения ее воли.

— Вы излагаете ее несколько напыщенно, — сказал Джо, — но, в основном, я и сам чувствую, что вся штука, похоже, именно в этом. Как я уже сказал об этом Питу.

— А что сказала Пит Мак-Клейн? — поинтересовался Пит.

— Она встретится с нами здесь. Так что давайте выпьем еще по чашке кофе. Это займет у нас как раз те пятнадцать минут, которые ей потребуются, чтобы добраться сюда. Я застал ее уже в постели.

Получасом позже в ресторан вошла Пат Мак-Клейн в легком пальто нараспашку, в босоножках на низких каблуках и широких брюках и сразу же направилась к их столику.

— Привет, Пит, — поздоровалась она. Лицо у нее было бледным, глаза — неестественно большими. — Мистер Шиллинг, — она сделала легкий поклон в сторону Джо. — И... — усаживаясь, она пристально посмотрела на Лэйрда Шарпа. — Я — телепат, вам это известно, мистер Шарп. Да, я прочла все, что у вас сейчас в голове. Вы — адвокат Пита.

«Интересно, — задумался Пит, — каким образом ее телепатические способности могут помочь мне в данный момент. У меня нет сомнений в отношении Шарпа, но я ни в коей мере ни по форме, ни по содержанию не согласен с его гипотезой в отношении Шиллинга».

Поглядев на него, Пат сказала:

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам, Пит. — Голос у нее был тихий, но ровный. Она прекрасно владела собой. Паника, охватившая ее несколько часов тому назад, явно прошла. — Вы не помните ровно ничего, что происходило с вами сегодня во второй половине дня?

— Ничего, — признался он.

— Так вот, — сказала Пат, — мы с вами вели себя на удивление пристойно для людей, которые состоят в браке еще с кем-либо.

— Были ли у Пита, — спросил у нее Шарп, — какие-либо мысли о Счастливишке Лакмене, когда он встретился с вами во второй половине дня?

— Да. Огромное желание, чтобы Лакмен умер.

— Значит, он еще не знал, что Лакмен уже мертв, — сказал Джо.

— Это так? — спросил у нее Шарп.

Пат кивнула.

— Он ужасно боялся. Он чувствовал, что... — она замолчала в нерешительности. — ... он чувствовал, что Лакмен обыграет Джо снова, как и много лет тому назад. Пит был близок к полному помешательству, он страстно хотел выпутаться из всей этой истории, связанной с Лакменом.

— И, как я полагаю, у него не было намерения убить Лакмена? — спросил Шарп.

— Нет.

— Если можно будет установить, что к часу тридцати Лакмен был уже мертв, то это оправдает Пита? — спросил Шиллинг.

— Возможно, — ответил Шарп. Затем спросил у Пат: — Вы могли бы дать такие свидетельские показания в суде?

— Да.

— Независимо от того, как к этому отнесется ваш муж?

Несколько помедлив, она молча кивнула головой.

— И вы позволите телепатам из полиции прозондировать себя? — не унимался Шарп.

— О боже! — воскликнула она, вся съежившись.

— А почему бы и нет? — сказал Шарп. — Ведь вы говорите правду, не так ли?

— Д-да, — сказала Пат. — Вот только... — она сделала неопределенный жест рукой, — здесь замешано так много всякого другого, чисто личного...

— Забавно, — иронически заметил Шиллинг. — Как телепат, она прощупывает мысли других людей всю свою жизнь. Теперь же, когда дело касается чтения ее собственных мыслей другими телепатами...

— Вы просто ничего не понимаете! — воскликнула Пат.

— Нет, все понимаю, — сказал Шиллинг. — У вас с Питом сегодня было свидание. У вас с ним любовь. Верно? И мужу вашему об этом не положено знать, так же, как и жене Пита. Но ведь именно из такого рода вещей и состоит вся наша жизнь. Вы это прекрасно понимаете. Если вы разрешите телепатам-полицейским зондирование своего разума, вы, возможно, спасете этим жизнь Пита. Разве это не стоит того, чтобы подвергнуть себя зондированию? Или может статься, что вы не скажете им всю правду, а они все равно ее выудят.

— Я скажу правду, — сверкнув глазами, сердито сказала Пат. — Но... я не могу разрешить телепатам из полиции копаться в моих мыслях, и все тут. — Она повернулась к Питу: — Извините. Может быть, когда-нибудь вы узнаете, почему. К вам это не имеет никакого отношения. Так

же, как и не имеет отношения к тому, что узнает обо мне муж. Да и на самом деле тут нечего узнавать — мы встретились, прогулялись немного, пообедили и разошлись.

— Джо, — с хитрецей в голосе произнес Шарп, — эта женщина явно замешана в чем-то абсолютно незаконном. Если полиция ее прозондирует, ей крышка.

Пат ничего не сказала. Но выражение ее лица показывало, что это именно так. Адвокат явно не ошибался.

«В чем же это она могла быть замешана?», — задумался Пит. Странно... он никогда не мог бы представить ничего такого за ней. Пат Мак-Клейн казалась слишком от всего отрешенной, слишком замкнутой.

— Может быть, это просто поза, — сказала она, прочтя его мысли.

— Значит, мы не можем привлечь вас в качестве свидетеля в суде на стороне Пита, даже несмотря на то, что это будет прямой уликой в его пользу? Ведь он ничего не знал о смерти Лакмена, — Шарп пристально посмотрел на Пат.

— Я слышала по телевидению, что есть уверенность в том, что Лакмен был убит сегодня днем довольно поздно, примерно в обеденное время. Так что, — она махнула рукой, — пользы от моих показаний все равно не будет никакой.

— Вы это слышали? — спросил Шарп. — Странно. Я слушал новости тоже, пока добирался сюда из Нью-Мексико. И по словам Ната Кэтса, время смерти Лакмена еще подлежит установлению.

Наступила тишина.

— Очень плохо, — кисло произнес Шарп, — что мы не умеем читать ваши мысли, миссис Мак-Клейн, как вы можете читать наши. Это могло бы выявить нечто весьма интересное.

— Этот шут гороховый, Нат Кэтс, — заметила Пат, — какой он там радиокомментатор! Он — исполнитель шлягеров и диск-жокей. В своих так называемых «последних известиях» он иногда опаздывает на добрые шесть часов. — Она спокойно достала сигарету и закурила. — Ступайте и разыщите продавца газет. Возьмите последний выпуск «Хроники». Там, наверно, это уже есть.

— Разве в этом дело? — сказал Шарп. — В любом случае вы не станете свидетелем в пользу моего клиента.

— Простите меня, — сказала она, обращаясь к Питу.

— Раз не хотите давать показания, — сказал Пит, — ну и бог с вами.

И все равно он был склонен верить ей, что по телевидению сообщали более точное время смерти Лакмена.

— В какого рода противозаконной деятельности может быть замешана такая интересная женщина, как вы? — спросил у нее Шарп.

Пат предпочла промолчать.

— Вокруг этого может подняться большой шум, — сказал он, — и тогда власти захотят прозондировать вас независимо от того, станете ли вы свидетелем или нет.

— Давайте прекратим разговор на эту тему, — сказал ему Пит.
— Как вам угодно, — произнес, пожимая плечами, Шарп.
— Спасибо, Пит, — сказала Пат, продолжая курить сигарету.
— У меня есть к вам предложение, миссис Мак-Клейн, — через некоторое время произнес Шарп. — Как вы уже, наверное, выяснили из мыслей мистера Гардена, потеря памяти произошла не только у него, а еще у ряда членов группы «Красавица-Чернобурка».

— Я слушаю, — кивнула Пат.

— Несомненно, они все попытаются определить, что они делали, а чего не делали сегодня во всем, что касается Пита, справляясь у различной рашморовской аппаратуры. Не будете ли вы настолько любезны, чтобы помочь нам прозондировать всех их завтра или чуть позже с целью определения того, что им удалось выяснить?

— Для чего? — спросил Джо.

— Сам не знаю для чего, — ответил Шарп. — И не узнаю до тех пор, пока она не сообщит нам это. Но, — тут он примолк, нерешительно кусая нижнюю губу и хмурясь, — мне бы хотелось выяснить, не пересекались ли пути этих людей сегодня. В течение выпавших из их памяти отрезков времени.

— Изложите нам свою гипотезу, — предложил Джо.

— Не исключено, — сказал Шарп, — что все шестеро действовали скоординированно, каждый выполняя часть хорошо продуманного плана. Они, возможно, разработали его когда-то в прошлом, а затем устранили из своей памяти с помощью электрошока.

— Но ведь никто из них до самого последнего дня не знал, что здесь объявится счастливчик Лакмен? — скривив губы, произнес Джо Шиллинг.

— Смерть Лакмена, может быть, всего-навсего побочный продукт исполнения гораздо более крупной стратегии, — сказал Шарп. — Его присутствие здесь, возможно, стало помехой эффективному осуществлению этого другого, более важного плана. Что вы скажете на это? — спросил он, повернув голову в сторону Пита.

— Я скажу, что ваша гипотеза еще более замысловата, чем сама сложившаяся ситуация, — ответил Пит.

— Возможно, — согласился Шарп. — Но, очевидно, было крайне необходимо умственно ослепить сегодня целых шесть человек, когда было бы гораздо естественнее проделать то же самое с двумя или тремя. Двое да плюс сам убийца уже и так чрезвычайно запутали бы следствие, как мне кажется. Но я могу оказаться и не прав: тот, кто стоит за всем этим, может быть, проявляет несколько большую осторожность.

— Игрок-гроссмейстер, — заметил Пит.

— Пардон? — неожиданно смутился Шарп. — О, да. Блеф, игра, в которую миссис Мак-Клейн никак не может сыграть, так как она слишком талантлива для этого. Игра, которая стоила Джо Шиллингу его статуса, а Счастливчику Лакмену — его жизни. Разве от этого убийства не уменьшилась хоть чуть-чуть ваша горечь, миссис Мак-Клейн? Может быть,

теперь вы почувствовали, что не столь уж плохо быть отстраненной от этой Игры?

— Как вы об этом догадались? — спросила у него Пат. — О том, что вы выразили словом «горечь»? Ведь я, по-моему, до сегодняшнего вечера никогда раньше с вами не встречалась? Или эта моя «горечь» настолько общезвестна?

— Все это у меня здесь, — пояснил Шарп, поглаживая кожу своего портфеля. — Полиция дозналась об этом из мыслей Пита. — Он улыбнулся Пат. — А теперь разрешите мне спросить у вас вот о чем, миссис МакКлейн. Как телепат, вы часто вступаете в контакт с другими лицами, наделенными такими же способностями?

— Иногда.

— Вам лично известен диапазон экстрасенсорных способностей? Например, мы все знаем о телепатах, прекогах, психокинетиках. А что касается более редких способностей? Например, есть ли такая разновидность экстрасенсов, которая способна изменять содержание душевного мира других людей? Что-то вроде ментального психокинеза?

— Нет. Мне о таких способностях ничего не известно.

— Вам ясен мой вопрос?

— Да, — кивнула она. — Но, насколько мне известно, а известно мне не так уж много, нет таких ЭКСов, которые способны вызвать амнезию у шестерых членов группы «Красавица-Чернобурка» одновременно или изменение памяти Билла Кэлюмайна в отношении того, что говорил или не говорил ему Пит.

— Вы сами сказали, что ваши познания ограничены, — продолжая все так же пристально на нее глядеть, произнес Шарп. — Но ведь не исключено, что подобная способность и обладающий ею экстрасенс могут существовать?

— А почему у обладателя экстрасенсорных способностей должно обязательно возникнуть желание убить Лакмена? — спросила Пат.

— А почему вообще возникает такое желание? Очевидно, у кого-то оно возникло, — заметил Шарп.

— У кого-то из группы «Красавица-Чернобурка». У них имелись на то причины.

— Никто из этой группы не обладает способностью изуродовать память шестерых человек и изменить ее у седьмого.

— А существует ли вообще, насколько это вам известно, такая возможность? — спросила у него Пат.

— Да, — ответил Шарп. — Во время войны обе стороны прибегали к подобной технике. Зачатки ее восходят еще к временам холодной войны в середине двадцатого столетия.

— Ужасно, — содрогнувшись, произнесла Пат. — Один из наихудших периодов нашей истории.

В дверях ресторана показался газетный автомат со свежим выпуском «Хроники». Его Рашмор-эффект проблеял:

— Спецвыпуск, посвященный убийству Лакмена.

В ресторане, кроме них, никого не было. Автомат, будучи гомотропным, направился к ним, не переставая блять.

— Собственная репортерская сеть «Хроники» расследует и выявляет все новые поражающие воображение подробности, которых еще нельзя найти ни в «Экзаминере», ни в «Ньюс-бюллетин».

Он помахал газетой перед их лицами.

Вынув монетку, Шарп бросил ее в щель на передней панели автомата. Тот сразу же вручил ему один экземпляр газеты и выкатился из ресторана в поисках других покупателей.

— Ну что там пишется? — спросил Пат у Шарпа, читавшего переводицу.

— Вы были правы, — ответил, кивнув, Шарп. — Практически уже установлено, что смерть наступила намного позже полудня. Совсем незадолго до того, как миссис Гарден нашла тело в своей машине. Так что я приношу вам свои извинения.

— Возможно, Пат еще и преког, — заметил Джо Шиллинг. — Сообщение об этом еще не было обнародовано, когда Пат рассказала об этом. Она предвидела выпуск этого издания еще до его публикации. Вот от нее была бы польза в газетном бизнесе!

— В этом нет ничего забавного, — сказала Пат. — Это еще одна из причин, почему экстрасенсы становятся такими циниками. Нам никогда не доверяют, что бы мы ни делали.

— Давайте подадимся куда-нибудь, где можно было бы выпить, — предложил Джо Шиллинг. — Пит, какой из баров лучше в районе залива? Ты должен хорошо знать, как обстоят дела в Сан-Франциско. Ты весьма искушен в житейских делах, обладаешь тонким вкусом и всюду чувствуешь себя, как рыба в воде.

— Мы можем заглянуть в «Гнилой лимон» в Беркли. Ему уже почти два столетия. Или мне следует, Шарп, оставаться вне Беркли?

— А почему это вы должны избегать Беркли? — удивился Шарп. — Вы ведь не собираетесь напиться в этом баре с Дотти Лакмен? Уж это точно. Или у вас есть какое-то предубеждение против Беркли?

— Нет, — ответил Пит.

— Мне нужно возвращаться домой, — сказала Пат Мак-Клейн. — До свидания.

Провожая ее к машине, Пит сказал:

— Спасибо за то, что вы сюда пришли.

Она стояла на плохо освещенном тротуаре, пытаясь ногой загасить окурок сигареты.

— Пит, — сказала она, — даже если это вы убили Лакмена или помогали его убить, я... я все равно хотела бы узнать вас поближе. Сегодня днем мы только начали привыкать друг к другу. Вы мне пришлось по душе. — Она улыбнулась Питу. — Что это за жизнь у нас сейчас! Вы, Игроки, совсем уж помешаны на этой Игре, слишком серьезно к ней

относитесь. Некоторые из вас даже способны убить человека за это. Возможно, я даже рада тому, что мне пришлось оставить Игру. Наверное, лучше держаться от нее подальше. — Приподнявшись на носки, она поцеловала Пита. — Мы еще встретимся. Я дам знать по видеофону, когда выдаться возможность.

«Во что это, интересно, она влипла? — Этот вопрос не выходил у него из головы, пока он возвращался в ресторан после того, как ее машина стремглав взмыла в ночное небо. — Она никогда не расскажет мне об этом. Возможно, кое-что удастся выяснить у ее детей». Ему почему-то казалось очень важным знать это.

— Тебе не стоит слишком ей доверяться, — сказал Джо Шиллинг, когда Пит сел за стол. — Это может плохо для тебя кончиться. Как мне кажется, в основе своей она человек честный, но одному богу известно, в чем это она замешана. Ты, наверное, прав, относясь к ней с подозрением.

— Я не подозрителен, — заметил Пит. — Просто очень озабочен.

— Экстрасенсы сильно отличаются от нас, — сказал Шарп.

— Их поведение непредсказуемо — вот что я имею в виду, да плюс еще эти их особые способности. Эта девушка... — он покачал головой, — я уверен в том, что она говорит неправду. Она уже давно, скажите мне, мистер Гарден, ваша любовница?

— Вовсе нет, — ответил Пит. По крайней мере, он так не считал. Какой стыд, ничего об этом не помнить, не иметь уверенности в такой важной стороне жизни!

— Не знаю даже, пожелать вам удачи в этом вопросе или нет, — задумчиво произнес Лэйрд Шарп.

— Пожелайте мне Удачи вообще, — заметил Пит. — В этом смысле она мне не помешала бы.

— Еще бы, — улыбнувшись, произнес Шиллинг.

Когда Пит появился у себя дома в Сан-Рафаэле, Кэрол стояла у окна, слепо глядя в пустоту. Она едва с ним поздоровалась. Голос у нее был какой-то безжизненный, отрешенный...

— Шарп забрал меня под залог. Мне предъявили обвинение в...

— Я знаю, — сказала Кэрол. — Они были здесь. Эти два фараона. Готорн и Блэк. Болван и висельник. Вот только никак не возьму в толк, кто из них добряк, а кому положено быть жестким. Они, кажется, оба жесткие.

— Что они здесь делали? — спросил Пит.

— Производили обыск. У них был ордер. Готорн рассказал мне о Пат. Пит, помолчав немного, произнес:

— Какой стыд.

— А по мне, так это даже очень хорошо. Теперь мы знаем, ты и я, какие между нами отношения. Для Игры я тебе не нужна. Меня заменяет Джо Шиллинг. И здесь я тебе не нужна. У тебя есть Пат. Я намерена вернуться в свою родную группу. Я уже решила, — она показала рукой на спальню, и он увидел на кровати два чемодана. — Будь любезен, помоги мне снести их к машине.

— Мне хочется, чтобы ты осталась, — сказал он.
— Чтобы стать всеобщим посмешищем?
— Никто не посмеет смеяться над тобой.
— Еще как посмеют. Все в «Красавице-Чернобурке». И не только в ней. Все это еще выплеснется на страницы газет.
— Может быть, — сказал он. Об этом он как-то и не подумал.
— Если бы я не обнаружила тело Лакмена, — продолжала Кэрл, — я бы ничего не знала о Пат. А если бы не узнала о ней, я бы попыталась — и, возможно, мне бы это удалось — стать тебе хорошей женой. Так что винить в том, что наш брак распадается, ты можешь того, кто убил Лакмена.
— Может быть, именно поэтому они это и сделали, — предположил Пит. — Убили Лакмена.
— Сомневаюсь в этом. Наше супружество вряд ли столь уж важно. Сколько всего у тебя было, между прочим, жен?
— Восемнадцать.
— У меня — пятнадцать мужей. Итого тридцать три различных сочетания мужчины и женщины. И все никакой, как говорится, удачи ни в одной из этих комбинаций.
— Когда ты в последний раз кусала кроличью бумагу?
Кэрл вяло усмехнулась.
— О, я это делаю непрерывно. У нас все равно это еще ничего не покажет. Слишком рано.
— А вот надо попробовать бумагу западногерманского производства, — предложил Пит, — Я читал об этом. Она регистрирует зачатие уже через час.
— Жаль. Нет у меня такой новой бумаги. Я даже не знала о том, что такая существует.
— Я тут знаю одну ночную аптеку в Беркли, — сказал Пит. — Давай слетаем туда и возьмем рулончик такой бумаги.
— Зачем?
— Всегда есть шанс, теоретическая возможность. А если нам улыбнется Удача, то тебе не захочется прекращать наши отношения.
— Ладно, — согласилась Кэрл. — Снеси вниз эти два чемодана в мою машину, и мы слетаем в эту ночную аптеку. И если я забеременела, то вернусь сюда с тобою. Если же нет — тогда прощай!
— О'кей, — сказал Пит. Больше уже не о чем было говорить. Он не мог заставить ее остаться.
— Ты очень хочешь, чтобы я осталась? — спросила у него Кэрл, когда он тащил два тяжелых чемодана к ее машине.
— Очень.
— Почему?
Он и сам не знал, почему.
— Ну... — начал он.
— Забудь об этом, — сказала Кэрл и забралась в свою машину. —

Ты следуй за мной в своей. Не испытываю особого желания видеть тебя рядом с собой, Пит.

И вот он уже взмыл высоко в воздух над Сан-Рафаэлем, следуя точно за ней по лучу, производимому хвостовыми огнями ее машины. Настроение у него было тоскливое. «Черт бы побрал этих фараонов, — думал он. — Они сделали все, чтобы расколоть группу. Теперь им будет намного удобнее вытаскивать каждого из нас по одному». Но не двоих этих полицейских винил он больше всего. Он понимал, что главным виновником является он сам. Если бы Кэрл не узнала о Пат сейчас, ей все равно это стало бы известно чуть позже.

«Что-то уж слишком я осложнил себе жизнь, — отметил он про себя. — Настолько осложнил, что трудно стало выдерживать все это и не сломаться. Очень неудачным получился расклад для Кэрл, когда она появилась в «Красавице-Чернобурке». Сначала прибывает сюда Лакмен. Затем я привожу Шиллинга на ее место у Игрового Стола. Затем в ее машине оказывается труп Лакмена. А вот теперь эта совершенно неясная для меня история с Пат. Тут уж нет ничего удивительного в том, что Кэрл захотелось уйти от меня.

И все-таки, почему бы ей не остаться? Ну придумай хотя бы одну-единственную зацепку, чтобы уговорить ее остаться», — лихорадочно подгонял свои мысли Пит.

Но ничего путного в голову не приходило.

Они перелетели Залив и вскоре опустились на пустой стоянке перед аптекой. Кэрл, управившись с посадкой чуть раньше его, теперь ждала, пока он выберется из своей машины и подойдет к ней.

— Какой чудный вечер, — сказала она. — Значит, это здесь ты привык жить. Стыд и срам потерять такое место! Подумать только, если бы ты, Пит, не проиграл его, я бы с тобой так никогда и не встретилась.

Он только промычал что-то невразумительное, когда они спускались по наклонной рампе к аптеке. И это, и многое еще другое никогда бы не имело места в его жизни, не будь этого проигрыша.

В дверях их приветствовал Рашмор-эффект аптеки. Они были единственными покупателями.

— Добрый вечер, сэр. Добрый вечер, мадам. Чем могу вам помочь? — покорный механический голос изливался из доброй сотни громкоговорителей, размещенных повсюду в этом ярко освещенном месте. Вся структура этого заведения теперь сосредоточила свое внимание только на них двоих.

— Вам что-нибудь известно о новой кроличьей бумаге мгновенного действия?

— Да, мадам, — с энтузиазмом ответила аптека. — Новейшее достижение одной из фармацевтических фирм в Бонне. Сейчас я вам ее достану. — Из отверстия на краю застекленного прилавка выпал небольшой пакетик. Он соскользнул прямо в наклонный лоток перед ними, и Пит поднял его. — Цена та же, что и раньше.

Пит расплатился с аптекой и вместе с Кэрол вернулся на темную пустынную стоянку.

— И все это только для нас двоих, — сказала Кэрол. — Это огромное здание с тысячами огней и шумными рашморовскими схемами. Как аптека для мертвецов. Аптека призраков.

— Черт, — не удержался Пит. — Так много нужно для нормальной жизни. Только вот проблема вся в том, что живых осталось так мало.

— Может быть, сейчас уже одним больше, — сказала Кэрол. Она оторвала ленточку кроличьей бумаги от рулончика, расправила ее, поместила между своими ровными белыми зубами и надкусила ее. — Какого цвета она должна стать? — спросила она, внимательно глядя на ленточку. — Такого же, как и у старого образца?

— Белого при отрицательном результате, — пояснил Пит. — Зеленого при положительном.

На стоянке было довольно темно, и цвет бумажки было трудно разглядеть.

Кэрол открыла дверцу своей машины. Тотчас же загорелся верхний плафон, и она поднесла ленточку поближе к свету. Затем перевела взор на Питера.

— Я забеременела. Нам выпало Счастье. — Голос ее однако звучал весьма уныло, глаза были полны слез, она потупила взор. — Несчастная я какая-то, — с надрывом в голосе произнесла она. — Первый раз за всю мою жизнь у меня такое. И от мужчины, с которым я уже... — Она замолчала. Задыхаясь от волнения, она глядела неподвижным взором куда-то в ночную тьму.

— Да ведь это праздник! — воскликнул Пит.

— В самом деле?

— Нужно включить рацию и оповестить об этом весь мир!

— О, — кивнула Кэрол. — Да, верно. Таков обычай. Как все станут нам завидовать! Мне!

Забравшись в кабину машины Кэрол, Пит переключил радиопередатчик в положение аварийной трансляции на всех частотах.

— Эй, — закричал он. — Знаете что? Это Пит Гарден из группы «Красавица-Чернобурка» в Кармеле, в Калифорнии. Кэрол Хольт Гарден и я поженились вот только чуть больше суток тому назад, а сегодня вечером с помощью недавно придуманной в Западной Германии кроличьей бумаги...

— Лучше бы я умерла, — произнесла Кэрол.

— Ты что? — Не веря своим ушам, уставился он на нее. — Какие мы идиоты! Да ведь это самое важное событие за всю нашу жизнь! Мы увеличили численность населения. Несмотря на смерть Лакмена, мы восстановили баланс. Верно? — Он поймал ее за руку и так сдвинул ее, что она застонала. — Скажи что-нибудь в микрофон, миссис Гарден.

— Я желаю всем вам такой же Удачи, какая выпала мне сегодня, — сказала Кэрол.

— Ты абсолютно права! — проорал Пит прямо в микрофон. — Все до единого слушайте меня!

— Значит, теперь мы останемся вместе, — тихо произнесла Кэрл.

— Да. Именно так, мы договорились об этом.

— А как же Патриция Мак-Клейн?

— К черту все на всей этой планете, кроме тебя, — сказал Пит. — Кроме тебя, меня и нашего ребенка.

Кэрл чуть улыбнулась, немного оттаяв.

— Хорошо. Едем назад.

— Ты думаешь, что ты в состоянии сейчас вести машину? Мы бросим твою машину здесь, оба пересядем в мою, и я ее поведу. — Он быстро перенес чемоданы Кэрл в свою машину, затем взял Кэрл за руку и осторожно повел ее. — Просто сиди и ни о чем не думай, — сказал он, усаживая ее в кабине своей машины и закрепляя вокруг ее талии ремни безопасности.

— Пит, а ты понимаешь, что это означает в отношении Игры? — Она побледнела. — Каждый документ принадлежит теперь нам, это автоматически. Но как раз сейчас не проводится Игра! На кону нет никаких ставок, ибо полиция прикрыла Игру! Но мы обязаны все равно что-то получить. Давай заглянем в справочное руководство.

— О'кей, — сказал он, слушая ее вполуха. Он был теперь всецело поглощен управлением машиной, стараясь соблюдать в небе предельную осторожность.

— Пит, — сказала она, — наверное, ты все-таки отыграешь Беркли.

— Никаких шансов. Должна быть, по меньшей мере, еще одна Игра после той, что мы провели вчера вечером.

— Верно. Нам нужно обратиться в Судейскую Коллегию Джей-Сэттеллит за разъяснениями, как мне кажется.

Честно говоря, он был совершенно равнодушен к Игре в данный момент. Сама мысль о ребенке, сыне или дочери... Это затмевало все, что было связано с прибытием Лакмена и его смертью, и вообще все остальное, что занимало его мысли, все, что случилось, даже роспуск группы.

«Удача, Счастье, — думал он, — пусть даже так поздно, после ста пятидесяти лет бесплодных попыток, после провалов множества самых различных комбинаций».

Ощущая рядом с собой присутствие Кэрл, он вел свою машину над Заливом назад, в свою квартиру в Сан-Рафаэле.

Как только они туда добрались и поднялись вверх, Пит тотчас же направился к аптечке в ванной комнате.

— Что ты там делаешь? — спросила Кэрл, не отставая от него.

— Я сейчас напьюсь так, как никогда за всю свою жизнь, — сказал Пит. Из аптечки вынул пять таблеток снукса и, поколебавшись несколько, горсть таблеток метамфетамина. — Это не помешает, — пояснил он Кэрл. — До скорого. — Он проглотил таблетки одним залпом, затем

направился к входной двери. — Таков обычай. — На какое-то мгновение он приостановился у двери. — Когда ты только узнала о том, что родишь ребенка, я это уже предвидел. — Он торжественно отдал ей честь на прощание и закрыл за собою дверь.

Мгновением позже он уже был внизу, за штурвалом своей машины, а еще через несколько секунд взмыл высоко в ночное небо, направляясь в ближайший бар. «Один бог знает, — мелькнуло у него в голове, — что я намерен сделать сегодня и когда вернусь. Ничего точно не знаю — да и не все ли мне равно?»

— Но-о-о! — восторженно выкрикнул он, чуть не выламывая на себя штурвал.

Звук его голоса эхом вернулся к нему мгновением позже, и он закричал снова.

10

Очнувшись ото сна, Фрэйя потянулась к выключателю видеофона. Нашла его полубессознательно и машинально включила.

— Алло, — пробормотала она, только теперь задумавшись, который час. Светящийся циферблат часов рядом с кроватью показывал три часа ночи. «Ничего себе», — подумала она.

На видеозэкране сформировалось изображение лица Кэрл Холт Гарден.

— Фрэйя, тебе случайно не известно что-нибудь о местонахождении Пита? — Голос у Кэрл был неровный, взволнованный. — Он ушел и до сих пор еще не вернулся. Я никак не могу уснуть.

— Нет, — ответила Фрэйя. — Разумеется, я не знаю, где он. А разве полиция его отпустила?

— Под залог, — объяснила Кэрл. — Ты... ты имеешь хоть какое-то представление, где это он мог зацепиться? Все бары уже давно позакрывались. Я вот уже два часа его прождала, все надеюсь, что он покажется не позже, чем в полтретьего. Однако...

— Попробуй позвонить в «Гнилой лимон» в Беркли, — сказала Фрэйя и потянулась уже к выключателю. Может быть, — подумала она, — он уже мертв. Бросился вниз головой с одного из мостов или разбился в своей машине — и на этот раз окончательно.

— У него загул, — сказала Кэрл.

— С какой это радости? — удивленно спросила Фрэйя.

— Я забеременела.

Теперь уже Фрэйя проснулась полностью.

— Понимаю. Удивительно. Вот так сразу. Вы, должно быть, воспользовались совсем недавно появившейся в продаже кроличьей бумагой нового образца?

— Да, — сказала Кэрл. — Я откусила кусочек ее сегодня вечером, и он позеленел. Вот почему Пит удрал из дома. Я так хочу, чтобы он поскорее

вернулся. Он так разволновался, а перед этим был в совершенно подавленном настроении, даже помышлял о самоубийстве, а вот теперь...

— У тебя свои проблемы, у меня — свои, — неожиданно перебила ее Фрэйя. — Поздравляю, Кэрол. Надеюсь, это будет ребенок. — И тут она выключила связь. Изображение на экране померкло.

«Вот дрянь! — вся дрожа от негодования и обиды, выругалась про себя Фрэйя. Она откинулась на спину и долго так лежала, глядя в потолок, сцепив кулаки и едва сдерживая слезы. — Я могла бы убить его, — подумала она. — Надеюсь, он уже мертв. Надеюсь, он уже никогда к ней не вернется.

А вдруг он заглянет сюда? — Пораженная этой мыслью, она приподнялась. — Что, если он это сделает? — Рядом с нею в кровати похрапывал Клем Гейнс. — Если он покажется здесь, я не пушу его, — решила она. — Я не желаю его видеть».

Но почему-то, по какой-то неосознанной причине, она знала, что Пит не придет сюда. «Не меня он разыскивает, — поняла она. — Я последняя, кого бы он искал».

Она закурила сигарету и села на кровати. И долго еще так сидела, тупо глядя перед собой.

* * *

«Мистер Гарден, — спросил вуг, — когда впервые вы начали замечать эти никак не связанные с телесными ощущения, будто мир вокруг вас не совсем реален?»

— С тех пор, как я себя помню.

«И какова ваша ответная реакция на это?»

— Постоянная депрессия. Я принял тысячи таблеток амитриптилина, но действие их было только кратковременным.

«Вы знаете, кто я?» — спросил вуг.

— Давайте разберемся, — задумчиво произнес Пит. В сознании всплыло имя «Доктор Фелпс». — Доктор Юджин Фелпс, — с надеждой в голосе произнес он.

«Почти правильно, мистер Гарден. Доктор Ю.Р.Филипсон. И как это вам удалось меня отыскать? Вы, наверное, это помните?»

— Как мне удалось вас отыскать? — переспросил Пит. Ответ был очевиден. — Потому что вы там. Или, вернее, здесь.

«Высуньте язык».

— Зачем?

«В знак непочтительности».

Пит показал язык.

«Сколько раз вы пытались совершить самоубийство?»

— Четыре, — ответил Пит. — Первый раз, когда мне было двадцать. Второй раз — в сорок лет. Третий раз...

«Не надо продолжать. И как близки вы были к осуществлению?»

— Очень близок. Да, сэр, очень. Особенно в этот последний раз.

«Что же вас остановило?»

— Какая-то сила, которая оказалась сильнее меня.

«Вы шутите», — вуг рассмеялся.

— Я имею в виду свою жену. Бетти, вот как ее звали. Бетти Джоу. Мы с ней познакомились в магазине редких пластинок Джо Шиллинга. Грудь у Бетти была круглая и твердая, как спелая дыня. Или ее звали Мэри-Энн?

«Ее имя было не Мэри-Энн, — сказал доктор Ю.Р.Филипсон, — потому что сейчас вы говорите о восемнадцатилетней дочери Пат и Аллена Мак-Клейнов, а она никогда не была вашей женой. И не такой я знаток, чтобы расписывать ее грудь. Или ее матери. В любом случае вы едва-едва с нею знакомы. Все, что вы знаете о ней, это то, что она с увлечением заслушивается Натом Кэтсом, которого вы сами терпеть не можете. У вас с ней нет ничего общего».

— Лжете вы, сукин сын, — сказал Пит.

«О, нет. Я не лгу. Я трезво оцениваю действительность, и это как раз то, что никак вам не удастся. Вы оказались вовлечены в очень сложную, непрерывно поддерживаемую систему иллюзий в грандиозных масштабах. Вы и половина ваших друзей-игроков. Вы хотите избавиться от нее?»

— Нет, — ответил Пит. — То есть, да. Да или нет? Разве это имеет какое-нибудь значение? — Ему стало не по себе. — Я могу теперь уйти? Мне кажется, я уже потратил все свои деньги.

«У вас еще осталось времени на 25 долларов».

— Мне эти 25 долларов совсем не мешают.

«Это затрагивает вопросы профессиональной этики, ведь вы уже заплатили мне».

— Тогда верните их в качестве сдачи, — сказал Пит.

Вуг тяжело вздохнул.

«Это тупик. Мне кажется, я приму решение, устраивающее каждого из нас. Стоит ли 25 долларов та помощь, которую мне осталось вам оказать? Это зависит от того, чего вы хотите. Вы оказались в положении, трудность которого заключается в том, что подкралось оно к вам совершенно незаметно. Вам не выпутаться из него живым, вы последуете за Лакменом. Наверное. В любом случае, постарайтесь особенно побережь свою беременную жену. В ее положении женщины особенно ранимы».

— Непременно постараюсь.

«В вашем положении, — продолжал д-р Ю.Р.Филипсон, — лучше всего не противиться времени. Очень мало надежды на то, что вы в состоянии многого достичь. Вы и только вы можете должным образом оценить создавшееся положение. Но физически вы бессильны. К кому вы можете обратиться? К Е.Б.Блэку? К мистру Готорну? Попробуйте. Возможно, они вам помогут. Может быть, нет. А теперь займемся тем периодом, который выпал из вашей памяти».

— Да, действительно, что делать с этим периодом?

«Вы довольно полно реконструировали его на основании опроса Рашмор-эффекта механизмов, с которыми имели дело. Так что пусть вас это не очень-то расстраивает».

— Но это я убил Лакмена?

«Ха-ха-ха. Неужто вы думаете, что я скажу вам это? Или вы совсем рехнулись?»

— Может быть, и так, — сказал Пит. — А может быть, я просто излишне наивен. — Сейчас ему стало еще более не по себе, совсем худо. Он был не в состоянии продолжать. Он едва сдерживал тошноту. — Где здесь мужской туалет? — спросил он у вуга. — Или мне следовало сказать «людской туалет»? — Он стал озираться вокруг. Вся окружающая его обстановка показалась какой-то не такой, и когда он сделал попытку идти, то ощутил невесомость или, по крайней мере, значительную потерю веса. Он стал слишком легок. Значит, он был не на Земле. На него не оказывала воздействия нормальная сила земного притяжения. Только какая-то доля его.

«Я на Титане», — мелькнуло у него в голове.

«Вторая дверь слева», — сказал д-р Ю.Р.Филипсон.

— Спасибо, — сказал Пит и двинулся очень осторожно, чтобы ненароком не взмыть вверх и не удариться об одну из выкрашенных белой краской стен. — Послушайте, — произнес он чуть погодя. — А что будет с Кэрл? Я отказываюсь от Патриции. Для меня теперь не существует ничего, кроме матери моего ребенка.

«Постарайтесь успокоиться. Я желаю вам удачи и рекомендую посоветоваться с Е.Б.Блэком. На него можно положиться. Вы можете ему довериться. А вот в Готорне я не вполне уверен». — Затем вуг громко крикнул вдогонку Питу: — И не забудьте плотно прикрыть дверь туалета, чтобы мне ничего не было слышно. Как это отвратительно, когда мутит землянина.

Пит прикрыл дверь. «Как мне отсюда выбраться? — задумался он. — Нужно бежать отсюда. Но прежде всего, как это я очутился здесь, на Титане?

Сколько времени прошло? Несколько дней — или, скорее всего, недель?

Мне нужно вернуться домой, к Кэрл. Боже, — подумал он. Может быть, ее уже к этому времени убили, так же, как убили Лакмена?

Но кто? И почему?»

Этого он не знал. Хотя как-будто что-то ему объясняли... и объяснили ли? На самом деле он не зря потратил свои 150 долларов? Неизвестно. Это он обязан был, а не они, выяснять целесообразность своих поступков.

Окно в туалете было расположено очень высоко. Пододвинув контейнер с бумажными полотенцами, он стал на него и добрался до окна. Напрягшись изо всех сил, приподнял его, упираясь локтями в деревянный подоконник.

Со скрипом окно подалось.

Проем был достаточно широк. Он подтянулся на руках и протиснулся в окно. Снаружи — крошечная тьма, черная ночь Титана... он отпустил руки и стал падать, прислушиваясь к свисту, который исходил из его собственной гортани. В конце концов он закричал, но не услышал собственного голоса, один только свой же внутренний свист.

Ударившись о что-то твердое, он тут же упал на четвереньки. Мучительная боль пронзила ноги от пяток до бедер. «Наверное, я сломал себе лодыжку», — подумал он. Поднялся на ноги и, прихрамывая, пошел дальше. Какой-то глухой переулочек, одни контейнеры для отходов и булыжники. Продолжая хромать, он побрел по направлению к уличному фонарю. Справа от него, чуть сзади, красная неоновая надпись гласила: «У Дэйва». Значит, это был бар. Он вышел из него через окно мужского туалета на задний двор, оставив пальто в баре. Облокотившись о стену здания, стал дожидаться, пока несколько успокоится шемющая боль в лодыжках.

Мимо проехал робот-полицейский. Его Рашмор-эффект тут же поинтересовался:

— Может быть, вы нуждаетесь в помощи, сэр?

— Нет, спасибо, — ответил Пит. — Просто остановился, сами знаете для чего. Природа взбунтовалась. — Он рассмеялся. — Спасибо.

Рашморовский фараон укатил прочь.

«Что это за город? Воздух влажный, пахнет гарью. Чикаго? Сент-Луис? Теплый, затхлый воздух, совсем не такой, как чистый воздух Сан-Франциско». Нетвердой походкой он побрел прочь, подальше от этого «У Дэйва». Ну что за гнусный бар с каким-то вугом внутри, который попрошайничает на выпивку, приставая к посетителям-землянам и напуская всякого ученого тумана. Он хватился бумажника в кармане брюк. Исчез. Господи Иисусе! Пошупал карман пальто. Вот он, да и пальто, как оказалось, никуда не делось. Пит облегченно вздохнул.

«Эти таблетки, что я принял, — подумал он, — они не сочетаются с выпивкой, вернее, смешиваясь с алкоголем, дают особый эффект, вот в чем вся штука. Но все у меня, слава богу, в порядке, повреждений нет, я просто ошарашен и немного напуган. И заблудился. Заблудился сам, и заблудилась моя машина. Каждый из нас заблудился сам по себе».

— Эй, машина, — окликнул он, пытаясь вызвать поисковую систему своего автоавто, его Рашмор-Эффект. Иногда он отзывался. Бывало, что и нет. Все зависело от случайного стечения обстоятельств.

Показались огни, две горящие фары. Вдоль тротуара катила его собственная машина. Оказавшись рядом, резко затормозила.

— Мистер Гарден, вот я!

— Послушай-ка, — взмолился Пит и стал шарить по боковой поверхности кузова в поисках дверной ручки. — Где это мы, скажи Христа ради.

— Покателло, штат Айдахо.

— Бог ты мой!

— Истинная правда, мистер Гарден. Клянусь.

— Что-то для Рашмор-эффекта ты больно шустр, — сказал Пит. Открыв дверь кабины, он, прищурившись от неожиданно включившегося верхнего света, стал подозрительно, даже со страхом, вглядываться внутрь.

За штурвалом его машины кто-то сидел.

Помедлив немного, неясная фигура за штурвалом произнесла:

— Садитесь, мистер Гарден.

— Зачем?

— Чтобы я смогла вас отвезти туда, куда вы пожелаете.

— Я никуда не желаю. Я желаю оставаться здесь.

— Почему это вы так странно на меня смотрите? Разве вы не помните, как заехали за мною и взяли меня с собой? Это была ваша затея. — Она улыбнулась. Это была женщина. Теперь он уже отчетливо это видел.

— Кто вы? — спросил он. — Я вас не знаю.

— Ну да, прекрасно знаете. Вы встречались со мной в магазине редких пластинок Джозефа Шиллинга в Нью-Мексико.

— Мэри-Энн Мак-Клейн, — наконец-то разобрался он. Осторожно взобрался на переднее сиденье рядом с ней. — Что это со мной происходит?

— Вы отмечаете беременность своей жены Кэрол, — спокойно заметила Мэри-Энн.

— А каким же это образом я оказался вместе с вами?

— Сначала вы остановились возле нашей квартиры в Приморском округе. Меня там не оказалось, поскольку я занималась в публичной библиотеке в Сан-Франциско. Мама сказала вам об этом, и вы улетели в Сан-Франциско, в библиотеку, и забрали меня оттуда. И мы подались в Покателло, так как посчитали, что в Айдахо, в отличие, как это мы сами успели выяснить, от Сан-Франциско, будут обслуживать в баре восемнадцатилетнюю девушку.

— И я оказался прав?

— Нет. Поэтому вы пошли один в бар «У Дэйва», а я вот сижу здесь, в машине, и вас дожидаясь. И вот вы только что появляетесь из этого переулка и начинаете вопить что есть мочи.

— Теперь мне все ясно, — сказал он и откинулся назад, на спинку сиденья. — Ох, как мне муторно. Скорее бы домой.

Машина тут же поднялась в воздух. Пит закрыл глаза.

— А как это я спутался с этим вугом? — произнес он через некоторое время.

— Каким вугом?

— В баре, как я полагаю. Доктором, кажется, Филиппсоном.

— А откуда мне знать? Меня же оттуда вытурили.

— Ну, а был там все-таки какой-то вуг? Вы не заглядывали внутрь бара?

— Заглядывала. Я вошла в бар первой. Но пока я там была, никаких вугов там не было. Но, разумеется, я тут же вышла. Меня заставили покинуть бар.

— Ну и хорош же я, — сказал Пит. — Сам остался и напился, пока вы сидели здесь в машине.

— А я не обижаюсь, — сказала Мэри-Энн. — Я так хорошо побеседовала с вашим Рашмор-Эффектом. Я очень многое узнала о вас. Разве не так, авто?

— Да, миссис Мак-Клейн, — ответила машина.

— Я ей очень понравилась. Меня любят все рашморовские штуки, — она рассмеялась. — Я их чем-то привораживаю.

— Наверное, — согласился Пит. — Который час?

— Около четырех.

— Утра? — Он не мог поверить этому. Неужели бар все еще открыт? — Ни в одном штате не разрешается работать барам так поздно.

— Может быть, я ошиблась, когда смотрела на часы?

— Нет. Со зрением у вас все в порядке. Но что-то не так. Что-то очень очень не так.

Мэри-Энн рассмеялась.

Он повернул голову в ее сторону. За штурвалом машины восседала бесформенная слизь вуга.

— Машина, — мгновенно отреагировал Пит. — Кто это за штурвалом? Ну-ка, скажи мне.

— Мэри-Энн Мак-Клейн, мистер Гарден, — ответила машина.

Но вуг все еще восседал там. Он ясно это видел.

— Ты уверена в этом? — спросил Пит.

— Безусловно, — ответила машина.

— Как я уже говорила, — произнес вуг, — я умею обольщать схемы Рашмора.

— Куда мы направляемся? — спросил Пит.

— Домой. К вашей жене Кэрол.

— А что потом?

— Потом я лягу спать.

— Кто вы? — не унимался Пит.

— А как вы сами думаете? Можете убедиться сами. Скажите кому-нибудь об этом: сыщику Готорну, а еще лучше — другому сыщику, Е.Б.Блэку. Ну и потеха будет для Е.Б.Блэка.

Пит закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, рядом с ним, за штурвалом его машины, сидела Мэри-Энн Мак-Клейн.

— Ты была права, — сказал он машине. Только так ли это все было на самом деле? «Боже, — подумал он, — как мне хочется поскорее оказаться дома. Зачем это я ушел сегодня вечером из дому? Я напуган. Джо Шиллинг, вот кто мог бы помочь мне». Вслух он сказал: — Везите меня в квартиру Джо Шиллинга, Мэри-Энн, или как вас там еще зовут.

— В такое позднее время? Вы сошли с ума.

— Это мой лучший друг. На всем белом свете.

— Покуда мы туда доберемся, будет уже пять часов.

— Он будет рад увидеть меня, — настаивал Пит. — И особенно услышать то, что я должен ему рассказать.

— Что же именно?

— Вы знаете, — осторожно произнес он. — О Кэрол. О ребенке.

— О да, — кивнула Мэри-Энн. — Как сказала Фрэйя, надеюсь, это будет ребенок.

— Что это там сказала Фрэйя? Кому?

— Кэрол.

— А вам откуда это известно?

— Вы звонили Кэрол из машины перед тем, как мы вошли в бар «У Дэйва». Вы хотели удостовериться в том, что у нее все в порядке. Она была очень взволнована, и вы спросили, почему, а она ответила, что позвонила Фрэйе, разыскивая вас, и Фрэйя сказала ей это.

— Черт бы ее побрал, эту Фрэйю.

— Я не смею упрекать вас за такие слова. У нее тяжелый характер, даже, можно сказать, взбалмошный. Типичная неврастения. Мы изучали это в курсе психологии.

— Вам нравится учиться?

— Очень, — призналась Мэри-Энн.

— Как вы думаете, вас мог бы привлекать пожилой мужчина лет ста пятидесяти?

— Вы не такой уж пожилой, мистер Гарден. Вы просто неважно себя чувствуете. Вам станет лучше, когда я вас завезу домой, — она слегка ему улыбнулась.

— Я все еще кое-чего стою. Свидетельство тому — беременность Кэрол. Ай да я! — вскричал он.

— Троекратное «ура!», — в тон ему ответила Мэри-Энн. — Подумать только — одним землянином станет больше. Разве это не замечательно?

— Мы обычно не называем себя землянами, — заметил Пит. — Мы обычно говорим «люди». Вы совершили ошибку.

— Ох, спасибо за замечание, — сказала Мэри-Энн.

— Ваша мать тоже причастна к этому? И именно из-за этого она не захотела, чтобы ее зондировала полиция?

Мэри-Энн издала какой-то нечленораздельный звук.

— И сколько же вас?

— О, тысячи, — раздался голос Мэри-Энн, или, скорее, мысли вуга в его голове. Несмотря на то, что он видел ее своими собственными глазами, он был убежден в том, что это вуг. — Много тысяч. По всей планете.

— Но далеко еще не все присоединились к вам, — заметил Пит. — Поэтому вам пока что еще приходится скрываться от властей. Я, пожалуй, расскажу об этом Готорну.

Мэри-Энн рассмеялась.

Пит стал рыться в отделении для перчаток.

— Мэри-Энн вынула оттуда пистолет, — предупредила его машина. —

Она опасается того, что, если вас остановит полиция и обнаружит пистолет, вас снова засадят в тюрьму.

— Верно, — призналась Мэри-Энн.

— Значит, это ваши люди убили Лакмена? Почему?

Она пожала плечами.

— Забыла. Извините.

— Кто следующий?

— Та штука.

— Какая штука?

— Та штука, — сверкнув глазами, произнесла Мэри-Энн, — что растет внутри Кэрл. Удача обернулась бедой, мистер Гарден. Это не ребенок.

Он закрыл глаза.

Следующее, что он увидел, — это то, что они уже летели над Заливом.

— Почти дома, — заметила Мэри-Энн.

— И вы так просто меня отпустите?

— А почему нет?

— Не знаю. — Ему снова стало дурно, он забился, как загнанное животное, в самый угол кабины. Мэри-Энн ничего не говорила, и он сам тоже молчал. «Что за жуткая выдалась ночь, — отметил он про себя. — А ведь все сначала складывалось так великолепно. Моя первая Удача. И вместо этого...»

Однако теперь его рассудку было уже не до спасительных размышлений о самоубийстве, ибо ситуация стала гораздо хуже, она была настолько скверной, что даже самоубийство не стало бы выходом из нее. «Мои собственные трудности заключаются в проблеме восприятия, — наконец-то осознал он. — В понимании и последующем принятии действительности. О чем я не должен ни в коем случае забывать — так это о том, что еще не все они вовлечены. Сыщик Е.Б.Блэк не относится к ним, да и, пожалуй, доктор Филипсон. Я еще могу получить помощь от кого-нибудь, откуда-то, когда-нибудь...».

— Вы совершенно правы, — сказала Мэри-Энн.

— Вы тоже наделены даром телепатии?

— Весьма серьезно подозреваю, что это именно так.

— Но, — сказал он, — ваша мать это отрицала.

— Она вам сказала неправду.

— Нат Кэтс находится в самом центре всего этого?

— Да.

— Я так и думал, — сказал он и снова лег на сиденье, чтобы предупредить очередной приступ рвоты.

— Вот мы и приехали, — сказала Мэри-Энн. Машина резко нырнула вниз и понеслась по пустынной мостовой одной из улиц Сан-Рафаэля. — Поцелуйте меня на прощанье, — попросила девушка, — прежде, чем выйдете из кабины. — Она остановила машину у самого тротуара, и Пит, подняв голову, увидел горевший в его квартире свет. Кэрл все еще не спит, дожидаясь его, либо уснула, не погасив свет.

— Поцеловать? — эхом отозвался Пит. — На самом деле?
— Да, на самом, — сказала Мэри и выжидающе наклонилась к нему.
— Не могу, — сказал он.
— Но почему же?
— Из-за того, — пояснил он, — что вы не та, за кого себя выдаете.
— О, какой вздор! Что это с вами, Пит? Вы совсем запутались в собственных кошмарах!

— Разве?

— Да, — сказала она, вся дрожа от негодования. — Вы вечером накачались всякой химической дрянью, затем упились до чертиков, одновременно с этим ужасно волнуетесь за Кэрл и к тому же еще боитесь полиции. У вас настоящий бред в течение всех этих последних двух часов. Сначала вы приняли этого психолога, доктора Филипсона за вуга, а затем стали думать, что и я — вуг. — Обращаясь к машине, она спросила: — Вуг я или кто?

— Нет, вы — Мэри-Энн, — ответил Рашмор-эффект машины уже во второй раз.

— Вот видите.

— Все равно не могу, — взмолился Пит. — Выпустите меня из машины, и все. — Он нашел ручку замка, открыл дверцу и выбрался на тротуар. Трясущиеся ноги едва держали его.

— Спокойной ночи, — глядя ему вслед, сказала Мэри-Энн.

— Спокойной ночи. — Он двинулся к парадной дома, в котором жил. Сзади он услышал недовольное бурчание машины.

— Вы всю меня обгадили.

— Прошу прощения, — сказал Пит и, открыв своим ключом дверь парадной, прошел внутрь. Дверь за ним тут же захлопнулась.

Когда он поднялся наверх, Кэрл его уже ждала в коридоре, стоя в короткой желтой прозрачной ночной рубашке.

— Я слышала, как подъехала машина, — сказала она. — Слава богу, ты вернулся! Я так за тебя беспокоилась. — Она бессознательно прикрыла грудь руками и покраснела. — Мне следовало, я понимаю, быть в халате.

— Спасибо за то, что ждала меня. — Он прошел мимо нее, вошел в ванную и умыл холодной водой лицо и руки.

— Приготовить тебе что-нибудь? Сейчас уже так поздно.

— Кофе, — сказал он, — будет лучше всего.

В кухне она поставила кофейник для них обоих.

— Сделай мне любезность, — сказал Пит, — позвони в справочную видеофонной сети Покателло и узнай, числится ли там некий доктор Ю.Р.Филипсон.

— Сейчас, — Кэрл включила видеофон. Некоторое время она переговаривалась с гомеостатическими цепями, затем выключила связь. — Да, числится.

— Я виделся с ним, — признался Пит. — Это мне обошлось в 150 долларов. Такса высокая. Можешь ли ты с уверенностью сказать мне, исходя

из того, что говорили видеофонные цепи, является ли Филипсон человеком?

— Этого они не упоминали. Но у меня есть его номер. — Она положила перед ним листок.

— Я позвоню и спрошу у него.

Он снова включил видеофон.

— В полшестого утра? — изумилась Кэрол.

— Да, — произнес он, набирая номер. Прошло немало времени. На другом конце линии вызов все звенел и звенел. — Вышел погулять с собачкой. Психологи обожают собачек с зелеными лапками и рыжими усами, — сказал он Кэрол. Затем раздался резкий щелчок и на экране появилось морщинистое мужское лицо. — Доктор Филипсон? — спросил Пит.

— Да, — врач несколько раз тряхнул головой, как бы отгоняя сон, затем внимательнее присмотрелся к Питу. — А, это вы.

— Вы меня помните?

— Разумеется, помню, вы тот, кого ко мне послал Джо Шиллинг. Я беседовал с вами в течение часа сегодня ночью, только гораздо раньше.

«Джо Шиллинг, — отметил про себя Пит. — Я этого не знал».

— Вы, по-моему, не вуг, верно? — спросил Пит у Филипсона.

— Только ради этого вы и позвонили мне?

— Да. Для меня это очень важно.

— Нет, я не вуг, — сказал д-р Филипсон и дал отбой.

— Я, пожалуй, лягу спать, — сказал Пит Кэрол. — Чертовски устал.

А ты как себя чувствуешь?

— Тоже устала немножко.

— Давай ляжем спать вместе, — предложил ей Пит.

— Ладно, — улыбнувшись, согласилась Кэрол. — Я очень рада, что ты вернулся. Ты всегда после загула возвращаешься под утро?

— Нет, — сказал он. И про себя решил, что больше уже никогда не повторит подобного.

Сидя на краешке кровати и раздеваясь, он нашел кое-что — смятую картонку из-под спичек, засунутую в левый башмак под подъем. Он поставил башмак на пол, а картонку поднес поближе к лампе, чтобы внимательно рассмотреть. Кэрол уже забралась в постель и, по-видимому, тут же уснула.

На картонке от спичек его собственным почерком были выведены слова:

**МЫ СО ВСЕХ СТОРОН ОКРУЖЕНЫ
БУГАМИ РУГАМИ ВУГАМИ**

«Вот что я открыл сегодняшней ночью, — вспомнил он. — Мое высшее достижение, и я очень опасался того, что почему-то забуду о нем. Интересно, когда это я написал эти слова? В баре? По пути домой? По-видимому, впервые меня осенило, когда я беседовал с доктором Филипсоном».

— Кэрол, — сказал он. — Я знаю, кто убил Лакмена.

— Кто? — Она еще не спала.

— Это сделали все мы. Все шестеро, у кого пропала память. Джейнис Ремингтон, Сильванус Энгст и его жена, Клем Гейнс, жена Билла Кэлюмайна и я сам. Мы совершили это, находясь под воздействием вуггов. — Он протянул ей расправленную картонку: — Прочти, что я здесь написал. На тот случай, если позабуду, на тот случай, если они снова сунутся ко мне в мозг.

Приподнявшись на локтях, она взяла картонку из-под спичек и стала внимательно разглядывать.

— «Мы со всех сторон окружены вуггами». Прости меня, но я вынуждена рассмеяться.

Он нахмурился.

— Вот почему ты связался с этим доктором из Айдахо и спросил у него, что ты делал. Теперь я понимаю. Но ведь он же не вуг. Ты убедился в этом сам, глядя на экран и услышав его слова.

— Да, это так, — признался он.

— Кто же тогда еще вуг? Или, когда ты начал писать это...

— Мэри-Энн Мак-Клейн. Она наихудшая из них всех.

— О, — кивнув, произнесла Кэрол. — Я понимаю, Пит. Вот с кем ты был сегодня ночью. А мне так хотелось узнать. Я догадывалась, что с кем-то. С кем-то из женщин.

Пит включил видеофон.

— Я хочу позвонить Готорну и Блэку, этим двоим сыщикам. Они с этим не связаны. — Набирая код, он добавил: — Неудивительно, что Пат Мак-Клейн так противилась тому, чтобы ее зондировала полиция.

— Пит, не делай этого сегодня ночью. — Она протянула руку и нажала на кнопку отбоя.

— Но они могут добраться до меня даже сегодня ночью. В любое время.

— Завтра. — Кэрол ласково улыбнулась ему. — Пожалуйста.

— Тогда можно мне позвонить Джо Шиллингу?

— Если хочешь. Я просто считаю, что тебе не следует разговаривать с полицией прямо сейчас, когда ты так неважно себя чувствуешь. У тебя и без того достаточно неприятностей в полиции.

Вскоре на экране появилось сосредоточенное, заросшее волосами смуглое лицо Джо Шиллинга.

— Да? Что это? Пит, послушай, Кэрол позвонила мне и сообщила приятную новость о вашей с ней Удаче. Бог мой, это же потрясающе!

— Это ты послал меня к доктору Филиппсону из Покателло? — спросил Пит.

— К кому?

Пит повторил имя. Лицо Джо Шиллинга вытянулось в изумлении.

— Ладно. Извини, что разбудил тебя. Я так и думал, что это не ты.

— Подожди минутку. Послушай-ка, примерно два года тому назад, когда ты был у меня в магазине в Нью-Мексико, мы завели разговор —

знаешь о чем? О чем-то вроде побочного эффекта при принятии метамфетамина гидрохлорида. Ты тогда его принимал, а я предупреждал тебя против этого. Мне попалась на глаза статья в «Сайентифик Америкэн» одного психиатра из Айдахо. Я думаю, что это был именно Филипсон, о котором ты упомянул, и он утверждал, что метамфетамины могут ускорять наступление различных психических срывов.

— Я что-то очень смутно об этом помню.

— Ты же ответил на эту статью своей собственной гипотезой, согласно которой ты также еще принимаешь трифлюоперазин, это один из дигидрохлоридов, который, ты в этом клялся, устраняет побочные эффекты метамфетаминов.

— Я принял целую горсть, — сказал Пит, — таблеток метамфетамина сегодня ночью. Каждая по семь с половиной миллиграммов.

— И ты еще и пил?

— Да.

— Ну и ну. Ты помнишь, о чем Филипсон говорил в своей статье? О том, что бывает при смешении метамфетаминов и алкоголя?

— Едва ли.

— Они усиливают друг друга. У тебя был сегодня ночью очередной приступ паранойи?

— Был, но длился не очень долго. И был у меня момент полного просветления. Вот, я прочту тебе, — обращаясь к Кэрл, Пит попросил: — Передай мне эту спичечную картонку. — Она протянула ее Питу, и он прочел написанную на ней фразу. — Вот оно, мое откровение, Джо. То, что я окончательно понял. Мы со всех сторон окружены вугами.

Некоторое время Джо Шиллинг хранил молчание, затем произнес:

— Я хочу спросить у тебя об этом психиатре из Айдахо. Ты был у него? Именно поэтому ты спрашиваешь?

— Я заплатил ему сегодня ночью 150 долларов. По-моему, я не зря потратил эти деньги.

Снова несколько помедлив, Шиллинг произнес:

— Я собираюсь предложить тебе нечто такое, что вызовет у тебя удивление. Позвони детективу Готорну.

— Именно это я и хотел сделать, — сказал Пит. — Да Кэрл не дала.

— Дай-ка я сам поговорю с Кэрл.

Присев на постели, Кэрл придвинулась к экрану видеофона.

— Я здесь, Джо. Если вы считаете, что Питу следует позвонить Готорну...

— Кэрл, я знаком с вашим мужем вот уже много лет. У него бывали приступы депрессии с попытками самоубийства. Регулярно. Если говорить начистоту, дорогая моя, он во время депрессии — сущий маньяк. И еще периодически у него бывают навязчивые психозы и эмоциональные срывы. Сегодня вечером, узнав о ребенке, он вошел в маниакальную фазу, и не мне осуждать его за это. Я знаю, что он при этом испытывает. У него такое ощущение, будто он совсем другой человек. Я хочу, чтобы он

позвонил Готорну, на то есть довольно веские причины. Готорну придется иметь дело с вугами больше, чем любому из наших знакомых. От моих же разговоров Питу пользы никакой. Я практически ничего не знаю о вугах. Может быть, они на самом деле вокруг нас повсюду. Откуда мне об этом знать? Я не собираюсь отговаривать Пита от этого, особенно в полшестого утра. Просто я предлагаю вам следовать тем же курсом.

— Хорошо, — согласилась Кэрл.

— Пит, — продолжал Шиллинг, — не забудь вот о чем, когда будешь говорить с Готорном. Любое из тобой сказанного может обернуться против тебя впоследствии, в ходе расследования. Готорн никакой тебе не друг, искренний и простодушный. Так что будь осторожен. Понял?

— Понял, — сказал Пит. — Только скажи без утайки, что ты на самом деле об этом думаешь. Действительно ли эта смесь метамфетаминов и алкоголя так подействовала на мою психику?

Джо Шиллинг уклонился от прямого ответа.

— Скажи мне лучше вот что, — произнес он. — Что сказал тебе доктор Филиппсон?

— Он многое мне наговорил. Он сказал, например, что, по его мнению, все складывается так, что я в конце концов погибну, так же, как и Лакмен. И о том, что мне надо особенно беречь Кэрл. И он сказал... — Пит сделал паузу, — что я почти ничего не в состоянии сделать, чтобы изменить ход событий.

— Он показался тебе настроенным дружелюбно?

— Да, — ответил Пит. — Даже несмотря на то, что он — вуг.

Он тут же вырубил связь, затем подождал несколько секунд и набрал код дежурного полиции.

Дежурным полицейским понадобилось двадцать минут на то, чтобы выяснить местонахождение Готорна. За это время Пит выпил чашку кофе и стал чувствовать себя более трезвым.

— Готорн? — окликнул он его наконец, когда изображение на экране стало четким. — Извините меня за то, что побеспокоил вас так рано. Я могу сказать вам, кто убил Лакмена.

— Мистер Гарден, — произнес Готорн, — нам уже известно, кто убил Лакмена. У нас есть признание. Вот этим я и занимался все это время, не покидая штаб-квартиру управления в Кармеле.

— И кто же это? — спросил Пит. — Кто-то из членов нашей группы?

— Нет, группа «Красавица-Чернобурка» здесь совершенно ни при чем. Мы расширили область нашего расследования вплоть до Восточного побережья, откуда прибыл Лакмен. В совершении убийства признался один из ближайших приближенных Лакмена, некий Сид Моск. Но пока что мы еще не можем установить мотивы преступления. Сейчас мы над этим работаем.

Пит выключил видеофон и задумался.

«Что теперь делать?» — спросил он себя. Как ему поступать дальше в данной ситуации?

— Ложись спать, — предложила Кэрол, укладываясь в постель и натягивая на себя одеяло.

Потушив лампу, Пит Гарден тоже лег в постель.

Это оказалось роковой ошибкой.

11

Он проснулся и увидел, что рядом с кроватью стоят двое — мужчина и женщина.

— Не шумите, — тихо произнесла Пат Мак-Клейн, указывая на Кэрол. Мужчина рядом с ней держал в руке направленный на Пита теплоизлучатель. С этим мужчиной Пит не был знаком.

— Если станете шуметь, — сказал мужчина, — мы убьем ее... — Дуло теплопистолета теперь было направлено на спящую Кэрол. — Поняли?

Часы, стоявшие на столике рядом с кроватью, показывали девять тридцать. Из окон в спальню лились яркие лучи утреннего солнца.

— Ладно, — сказал Пит. — Я понял.

— Вставайте и одевайтесь, — велела Пат Мак-Клейн.

— Где? — спросил Пит, соскальзывая с кровати. — Прямо здесь?

Переглянувшись с мужчиной, Патриция сказала:

— На кухне. — Они оба последовали за ним из спальни на кухню. Патриция прикрыла дверь. — Ты оставайся с ним, пока он будет одеваться, — сказала она мужчине. — Я прослежу за его женой. — Вынув второй излучатель, она, крадучись, вернулась в спальню. — Пока Кэрол в опасности, он не доставит нам особых хлопот. Я это прочла в его мыслях. Они очень ясные на этот счет.

Пит стал одеваться прямо под дулом теплоизлучателя в руках незнакомого мужчины.

— Значит, к вашей жене пришла Удача, — произнес он. — Поздравляю.

Пит взглянул на него и спросил:

— Вы — муж Пат?

— Да, — ответил мужчина. — Аллен Мак-Клейн. Рад с вами наконец-то познакомиться, мистер Гарден. — Он чуть улыбнулся. — Пат так много рассказывала мне о вас.

Вскоре все трое уже направлялись к лифту.

— Ваша дочь благополучно добралась домой этой ночью? — спросил Пит.

— Да, — ответила Пат. — Только очень поздно. В ее мыслях мне удалось обнаружить много интересного. К счастью, она уснула не сразу. Некоторое время она лежала размышляя. Поэтому-то мне и удалось раззнать практически все.

— Кэрол не проснется еще в течение часа, — сказал Аллен Мак-Клейн. — Так что у нас не предвидится никаких трудностей, которые могли бы возникнуть, позвони она в полицию сразу же после исчезновения Пита. У нас есть время почти до одиннадцати часов.

— Откуда вы знаете, что она не проснется? — спросил Пит.

Аллен промолчал.

— Вы — преког?

Ответа на этот раз не последовало. Но было совершенно ясно, что это именно так.

— И, — обратился Аллен Мак-Клейн к своей жене, кивая головой в сторону Пита, — мистер Гарден не предпримет здесь попытки к бегству. По крайней мере, на это указывает большинство альтернативных возможностей. В пяти из шести возможных вариантов будущего. Неплохой процент, как мне кажется. — Он нажал кнопку вызова лифта.

— Вчера еще, — сказал Пит, — вас так беспокоила моя безопасность, а теперь вот это. — Он сделал жест в сторону двух излучателей. — Почему так все переменялось?

— Потому что в промежутке между нашими встречами вы были с моей дочерью, — сказала Патриция. — А лучше бы не были. Я же предупреждала вас о том, что она слишком для вас молода. Я предостерегала вас держаться от нее подальше.

— Тем не менее, — обратил внимание Пит, — когда вы читали мои мысли тогда, от вас же не ускользнуло то, что Мэри-Энн показалась мне потрясающе соблазнительной.

Подожел лифт, раздвинулись створки кабины. Внутри нее стоял детектив Уэйд Готорн. От удивления у него отвисла челюсть, он стал лихорадочно рыться во внутреннем кармане пальто.

— А ведь неплохо быть прекогом. Невозможно застать врасплох, — сказал Мак-Клейн и выстрелил из своего излучателя прямо в голову Готорна. Тот сначала всем телом ударился о заднюю стенку кабины лифта, затем грузно сполз вниз и вытянулся на полу.

— Проходите в кабину, — скомандовала Патриция Питу. Вслед за ним туда же вошли Мак-Клейны.

— Они меня похитили, — сказал Пит Рашмор-эффекту кабины лифта, — и убили полицейского. Зови на помощь.

— Последнее распоряжение отменяется, — в тот же адрес обратилась Патриция Мак-Клейн. — Спасибо, никакой помощи не требуется.

— Да, мисс, — покорно произнесла кабина лифта.

Дверцы лифта растворились, первым вышел Пит, за ним Мак-Клейны. Уже на тротуаре Патриция Мак-Клейн спросила у Пита:

— Вы не догадываетесь, зачем Готорн оказался в кабине этого лифта, направляясь на ваш этаж? Так я вам объясню. Чтобы арестовать вас.

— Нет, он сказал мне ночью по видеофону о том, что убийца Лакмена уже найден. Это кто-то с Востока.

Супруги Мак-Клейн переглянулись, но ничего не сказали.

— Вы убили невинного человека, — произнес Пит.

— Уж кто-кто, но едва ли Готорн ни в чем не виновен, — сказала Патриция. — Жаль, что нам не посчастливилось убрать и этого Е.Б.Блека, но

он нам не попался под руку. Ну что ж, с ним мы расквитаемся, наверное, попозже.

— А виновата во всем эта непутевая Мэри-Энн, — сказал Аллен Мак-Клейн, когда они забрались в стоявшую у бордюра машину. Это была не машина Пита. В ней, очевидно, прибыли Мак-Клейны. — Кто-то в конце концов свернет ей шею. — Он включил двигатель, и машина взмыла навстречу утреннему солнцу. — Поразительный возраст. Когда тебе восемнадцать, ты уверен, что тебе известно абсолютно все, что располагаешь неограниченными возможностями. А затем, когда тебе исполняется сто пятьдесят, становится ясно, что это далеко не так.

— Прежде всего, хотел бы договориться с вами вот о чем, — сказал Пит. — Мне нужны гарантии того, что с Кэрл и ребенком ничего не случится. Чего бы вы от меня не добивались...

Патриция не дала ему договорить.

— Мы уже договорились. Ничто не будет угрожать благополучию Кэрл и ребенка. Так что пусть вас это не беспокоит. В любом случае в наши намерения никак не может входить хоть что-то, что может причинить им вред.

— Это верно, — кивнул Аллен. — Это погубило бы все, за что, если можно так выразиться, мы боремся. — Он улыбнулся Питу. — Какие чувства вызвала у вас Удача?

— Вам это знать наверняка лучше, чем мне, — ответил Пит. — У вас детей больше, чем у любого другого мужчины в Калифорнии.

— И это верно, — согласился Аллен. — Но первый раз это случилось больше восемнадцати лет тому назад, срок немалый. Вчера вечером вы кутнули что надо. Мэри-Энн рассказала, что вы нализались до полного беспамятства.

Пит оставил эти слова без внимания. Глядя на проносящуюся под ними землю, он пытался выяснить направление полета машины. Ему показалось, что они летят в сторону, противоположную океану, к жарким долинам Центральной Калифорнии и расположенным за ними горным цепям. В пустыню, где никто не живет.

— Расскажите нам несколько подробнее о докторе Филипсоне, — попросила у него Патриция. — Я уловила кое-какие обрывки мыслей, связанных с ним. Вы звонили ему поздно ночью, после того как добрались домой?

— Да.

— Пит позвонил ему, — сказала Патриция, обращаясь к мужу, — и спросил, не является ли он — доктор Филипсон — вугом.

— Ну и что же тот ответил? — ухмыльнувшись, произнес Аллен Мак-Клейн.

— Он сказал, что он — не вуг, — ответила Патриция. — Тогда Пит позвонил Джо Шиллингу и рассказал ему о своем открытии. Ты знаешь, о чем. О том, что мы со всех сторон окружены вугами, и Джо Шиллинг посоветовал ему связаться с Готорном, что он и сделал. Вот поэтому-то и появился к нему утром Готорн.

— Знаете, кому вам надо было позвонить вместо Уэйда Готорна? — сказал Питу Мак-Клейн. — Своему адвокату, Лэйрду Шарпу.

— Теперь уже поздно, — сказала Патриция. — Но он, по всей вероятности, по ходу дела все-таки свяжется с Шарпом. Вы сможете тогда переговорить с ним, Пит. Расскажите ему обо всем, о том, что мы фактически являемся островком, населенным людьми, не поглощаемым морем инопланетян. — Она рассмеялась, ее примеру последовал муж.

— Мне кажется, мы слишком уж его пугаем, — сказал Мак-Клейн.

— Нет. Я просматриваю его мысли. Он не напуган, во всяком случае, совсем не так, как испугался прошлой ночью. Ведь это, Пит, было подлинной пыткой, не так ли, это возвращение домой с Мэри-Энн за штурвалом? Держу пари, что воспоминания об этой поездке у вас останутся на всю жизнь. — Затем она снова повернулась к мужу. — Две его системы ориентации непрерывно менялись местами. Сначала он видел в Мэри-Энн девушку, хорошенькую восемнадцатилетнюю землянку, а затем, присмотревшись, начал...

— Да замолчите же! — в ярости вскричал Пит.

— ...видеть вот что, — продолжала Патриция, — аморфную грудку протоплазмы, плетущую свою сеть из создаваемых телепатически иллюзий, говоря иносказательно. Бедняга Питер Гарден. Так можно совсем потерять охоту к романтическим приключениям, не правда ли, Пит? Сначала вам никак не удавалось найти бар, где можно было бы выпить с Мэри-Энн, а затем...

— Прекрати это, — сказал ей муж. — С него и так уже хватит. Он уже достаточно и без того натерпелся. Твое соперничество с Мэри-Энн не принесет ничего хорошего вам обоим. Тебе не годится тягаться со своей собственной дочерью.

— Ладно, — сказала Пат, после чего закурила сигарету и замолчала. Под ними медленно проплывали горные хребты.

— Позвони ему, — сказала Патриция Аллену.

— Хорошо. — Ее муж включил радиопередатчик. — Говорит «Темная Лошадка», — сказал он в микрофон. — Вызываю «Зеленого Ягненка». Это «Зеленый Ягненок»? Дэйв, привет.

— Да, это Дэйв Матро, — раздался голос из репродуктора. — Я в Спарксе, в мотеле «Диг Инн», ожидаю вас.

— О'кей, Дэйв, мы там скоро будем. Минут через пять. — Он выключил передатчик. — Полный порядок. Я предвидел это. Все идет как по маслу.

— Ну и отлично, — сказала Патриция.

— Между прочим, — заметил Аллен Мак-Клейн, обращаясь к Питу, — Мэри-Энн тоже будет там. Она едет прямо из дому в своей собственной машине. И еще несколько человек, с одним из которых вы знакомы. Мне кажется, вам это будет очень интересно. Все они — ЭКСы. Мэри-Энн, между прочим, совсем не телепат, как ее мать. Несмотря на то что она вам вчера говорила. Она вела себя с вами безответственно, многое из того,

что она вам наговорила, было сущим вздором. Например, когда она сказала...

— Хватит, — строго оборвала его Патриция.

Мак-Клейн недоуменно пожал плечами:

— Он все равно узнает через полчаса. Я это предвижу.

— Мне это просто действует на нервы. Лучше бы я вас ждала в мотеле. Между прочим, Пит, для вас было бы намного лучше, если бы вы послушались и поцеловали ее на прощанье.

— Почему? — удивился Пит.

— Тогда вы бы точно узнали, кто она. И вообще, разве в вашей жизни вам так уж часто представлялась возможность целоваться с потрясающе красивой и еще совсем юной девушкой? — В голосе ее, как и раньше, звучала все та же горечь.

— Ты зря растравляешь себе душу, — сказал ей муж. — Господи, мне очень жаль видеть, как ты это делаешь, Пат.

— И точно так же я буду поступать и с Джессикой, когда она станет постарше, — сказала Пат.

— Я знаю, — кивнул Мак-Клейн. — Чтобы это предвидеть, вовсе нет никакой нужды прибегать к своим экстрасенсорным способностям.

Вид у него при этом был довольно угрюмым.

* * *

Аппарат Мак-Клейнов совершил посадку на ровной песчаной площадке перед мотелем «Диг Инн». С помощью теплоизлучателей они вытолкали Пита из кабины и повели к одноэтажному кирпичному зданию в испанском стиле.

Навстречу им, подняв приветственно руки, вышел долговязый, хорошо одетый мужчина средних лет.

— Привет, Мак-Клейн. Привет, Пат. — Затем он посмотрел на Пита. — Мистер Гарден, если не ошибаюсь? Прежний владелец Беркли в Калифорнии? Вы знаете, Гарден, я едва не объявился в Кармеле, чтобы играть в вашей группе. Но, мне горько в этом признаваться, вы сильно напугали меня своей ЭЭГ-аппаратурой. — Он сдержанно засмеялся. —

Меня зовут Дэйв Матро, раньше я был в группе Лакмена. — Он протянул руку Питу, но тот ее не пожал. Правильно, — с подчеркнутой медлительностью продолжал Матро, — поскольку вы не понимаете сложившегося положения. Я еще и сам четко не разобрался в том, что еще должно произойти в скором времени. Стар стал, как мне кажется. — Он повел прибывших по вымощенной плитками дорожке ко входу в контору мотеля. — Мэри-Энн прибыла сюда несколько минут тому назад. Сейчас она плавает в бассейне.

Засунув руки в карманы, Пат прошла к бассейну и стала наблюдать за своей дочерью.

— Если бы вы могли читать мои мысли, — произнесла она, не обращаясь ни к кому лично, — вы бы поняли, как я ей завидую. — Она

отвернулась от бассейна. — Вы знаете, Пит, когда я впервые с вами встретилась, я несколько подрастеряла свою зависть и горечь. Вы один из самых невинных людей, которых я когда-либо знала. Вы помогли мне освободиться от моих страхов перед собственной тенью, как называют этот невроз Карл Юг и Джо Шиллинг. Как дела у Джо, между прочим? Я была рада, когда увидела его вчера вечером. Что он чувствовал, когда его разбудили в полшестого утра?

— Он поздравил меня, — сухо ответил Пит, — с моей Удачей.

— О да, — в голосе Матро зазвучали веселые нотки. Он добродушно похлопал Пита по спине. — Мои наилучшие пожелания по случаю беременности вашей жены.

— Очень жестоко поступила ваша бывшая жена, — сказала Пат, — когда заметила в разговоре с Кэрл, что она «надеется, что это будет ребенок». А моя дочь еще более усугубила это замечание. Мне кажется, эту жестокую черточку она унаследовала от меня. Но не упрекайте слишком сильно Мэри-Энн за то, что она наговорила прошлой ночью, Пит, потому что во всех тех мучениях, которые вы испытали, нет никакой вины Мэри. Это все происходило в вашем помутненном сознании. Галлюцинации. Джо Шиллинг был прав, когда уверял вас, что причиной всему амфетамины. У вас была настоящая психооптическая закупорка органов восприятия.

— В самом деле? — удивился Пит.

Она выдержала его негодующий взгляд.

— Да, в самом деле.

— Я в этом сомневаюсь, — сказал Пит.

— Давайте пройдем внутрь, — предложил Аллен Мак-Клейн. Он сложил ладони рупором и закричал: — Мэри-Энн, выходи из бассейна!

Энергично шлепая ладонями по поверхности воды, девушка подплыла к краю бассейна.

— Идите все к черту.

Мак-Клейн присел на корточки.

— У нас дело. Выходи! Ты мне еще пока дочь!

В воздухе над поверхностью бассейна образовался сверкающий на солнце водяной шар, метнулся к нему и лопнул у него над самой головой, забрызгав его всего. Он, чертыхаясь, отпрыгнул назад.

— А я-то думала, что ты такой великий преког! — смеясь, выкрикнула Мэри-Энн. — А я-то считала, что тебя никак нельзя застать врасплох! — Она ухватила за поручни лесенки, подтянулась и ловко выскочила из бассейна. Солнечные зайчики весело плясали на влажной гладкой коже ее стройного тела, когда она бежала за белым махровым полотенцем. — Привет, Пит Гарден, — крикнула она, пробегая мимо него. — Приятно вас видеть снова, когда у вас не выворачивает желудок. Вы были, ей-богу, такого темно-зеленого цвета, как старый рыхлый мох. — Когда она снова рассмеялась, сверкнули ее белоснежные зубы.

Смахивая с лица и волос капельки воды, к Питу подошел Аллен Мак-Клейн.

— Сейчас одиннадцать часов, — сказал он. — Я хочу позвонить Кэрол и успокоить ее, сказав, что у вас все в порядке. Однако если заглянуть вперед, то я могу с уверенностью сказать, что это далеко не так, или, по крайней мере, весьма вероятно, что не так.

— Тут вы правы, — сказал Пит. — Я это и сам чувствую.

Мак-Клейн пожал плечами.

— Так вот, как она поступит, этого я предвидеть не в состоянии. Возможно, она позвонит в полицию, возможно, нет. Это прояснится со временем. — Они шли к зданию мотеля, Мак-Клейн все еще продолжал отряхиваться от влаги. — Интересной особенностью экстрасенсорных способностей является то, что некоторые из них имеют тенденцию сводить на нет другие. Например, моя дочь — психокинетик. Она это умело продемонстрировала. Я не в состоянии предугадать ее поступки, особенно когда они сопровождаются психокинезом.

— Сид Моск на самом деле признался в том, что убил Лакмена? — спросила у Дэйва Матро Патриция.

— Да, — ответил Матро. — Ротману пришлось надавить на него, чтобы отвести подозрения от группы «Красавица-Чернобурка». Мы почуствовали, что тамошняя полиция стала копать слишком уж глубоко.

— Но ведь через какое-то время они дознаются, что это самооговор, — сказала Патриция. — Этот вуг Е.Б.Блэйк телепатически заберется в самые глубины его сознания.

— Тогда, я надеюсь, это уже не будет иметь особого значения.

Внутри конторы мотеля громко гудел кондиционер. В помещении было темно и прохладно, и Пит не сразу увидел около десятка людей, сидевших в разных концах его и тихо переговаривавшихся между собою. На какое-то мгновение ему даже показалось, что он очутился среди группы участников Игры, которая почему-то собралась играть утром, но это, разумеется, было не так. На сей счет у него не было ни малейших сомнений. Те, кто здесь собрались, не были Поручителями.

Он устало примостился на одном из стульев, пытаясь определить, о чем это они переговариваются. Некоторые из них вообще хранили полное молчание, неподвижно смотря прямо перед собой, как бы погруженные в собственные мысли. По всей вероятности, это были телепаты, мысленно общавшиеся между собой. Они, казалось, составляли большинство присутствующих. По поводу остальных он мог только строить догадки. Прекоги, подобно Мак-Клейну, психокинетики, как эта девушка Мэри-Энн. И Ротман, кем бы там он ни был. Интересно, Ротман тоже здесь? У него было такое ощущение, хотя и интуитивное, но очень глубокое, что Ротман здесь обязательно, и притом верховодит.

Из боковой двери появилась Мэри-Энн, теперь на ней была блузка с глубоким вырезом на груди, синие хлопчатобумажные шорты и сандалии. Бюстгалтером она пренебрегла. Грудь у нее были маленькие, но высокие и правильной формы. Она села рядом с Питом, энергично вытирая мокрые волосы.

— Ну и соборише ничтожество, — тихо заметила она, обращаясь только к Питу. — Разве вы со мною не согласны? Они — моя мать и отец — заставили меня сюда прибыть. — Она нахмурилась. — А это кто еще? — В комнату, озираясь по сторонам, вошел еще один мужчина. — Я его не знаю. Наверное, с Восточного побережья, как этот Матро.

— Значит, вы все-таки не вуг, — сказал ей Пит.

— Нет, конечно же, нет. Я никогда такого не говорила. Это вы у меня все время спрашивали, а я вам отвечала: «Можете сами проверить». И вы могли это сделать. Я говорила правду. Видите ли, Пит, вы в какой-то степени телепат, хотя сами этого не осознаете. Вы — параноик на почве алкоголя и всяких разных таблеток и улавливали некоторые мои мысли на периферии моего сознания, чувствовали мое внутреннее беспокойство. То, что когда-то называли подсознанием. Моя мать не предупреждала вас об этом? Она должна была бы догадаться.

— Понимаю, — сказал Пит. — Да, она, наверное, догадывалась.

— А до меня вы еще набрались всяких подсознательных страхов у того психиатра. Мы все боимся углов. Это естественно. Они — наши противники. Мы воевали с ними и не смогли победить, и вот теперь они здесь. Видите? — Она ткнула его под ребра своим острым локтем. — Не стройте такую глупую мину. Вы меня слышите или нет?

— Слышу, — сказал Пит.

— Ну так не раскрывайте рта, не то поймаете ворону. Я поняла, что прошлой ночью у вас были совершенно безумные галлюцинации параноидального типа. Вам все мерещились враждебные заговоры пришельцев. Эти ваши видения смешивались с реальными ощущениями, но, по сути, вы были правы. Я тоже не раз испытывала фактически эти же страхи, меня посещали точно такие же мысли. Параноики живут в подобном полувывмышленном-полуреальном мире всю свою жизнь. Но вам не повезло в том, что тот отрезок времени, когда вы были телепатом, вы провели рядом со мной, а я об этом догадывалась. — Она сделала жест рукой в сторону собравшихся в этой комнате. — Видите? С этого момента вы стали опасны. Вы уже все поняли и хотели звонить в полицию. Мы взяли вас как раз вовремя.

Верил ли он ей? Он внимательно посмотрел на ее узкое, сердцевидной формы лицо. Трудно было сказать что-либо определенное. Если и был у него дар телепатии, то сейчас он уж точно его потерял.

— Послушайте, — Мэри-Энн заговорила тихо и быстро, — у любого из людей есть экстрасенсорные способности в зачаточном состоянии. Они проявляются особенно явно во время кризиса при тяжелых заболеваниях или расстройствах психики, вроде впадения в детство... — она запнулась. — Так или иначе, но хоть вы, Питер Гарден, и параноик, и алкоголик, и наркоман, хотя вы и поражены глубоко галлюцинациями, в основном, в самой сути своей, вы правильно оценили реальность, которая противостоит вам, то положение вещей, о котором знает эта группа и с

которым она пытается справиться. Вы видите? — она улыбнулась, глаза ее загорелись. — Теперь вы все знаете.

Однако он ничего такого не видел. Он не хотел видеть. Он отодвинулся от нее подальше в оцепенении.

— Вы не хотите знать, — задумчиво произнесла Мэри-Энн.

— Это верно, — признался он.

— Но ведь вы знаете. Уже. Слишком поздно не знать этого. — А затем она добавила все тем же безжалостным тоном: — И на этот раз вас не мутит от таблеток, вы не пьяны и не страдаете галлюцинациями. Ваше восприятие не искажено. Так что вам придется противостоять этому во всеоружии. Бедный Пит Гарден. Прошлой ночью вы были счастливей?

— Нет.

— Вы ведь не собираетесь из-за этого кончать жизнь самоубийством, верно? Потому что теперь это не поможет. Поймите, Пит, у нас организация. И вам только и остается, что присоединиться к ней, даже несмотря на то, что вы не ЭКС, не экстрасенс. Нам все равно придется или принять вас в свою среду, или убить. Естественно, ну кто ж захочет убивать вас? Что тогда будет с Кэрл? Вы же не оставите ее на постоянные издевательства со стороны Фрэйн?

— Нет.

— Вы знаете. Рашмор-эффект вашей машины говорил вам, что я не вуг. Не понимаю, почему вы к нему не прислушивались. Эти устройства никогда не ошибаются. — Она тяжело вздохнула. — Во всяком случае, когда исправны. Если не подвергались соответствующей обработке. Вот именно таким образом можно всегда разобраться с вугами. Спросите у Рашмор-эффекта. Поняли? — Она снова, на этот раз добродушно, улыбнулась ему. — Так что положение на самом деле уж не настолько безвыходное. Это еще не конец света или что-то вроде этого. Просто у нас возникли некоторые трудности в распознании, кто нам друг, а кто — враг. У них точно такие же проблемы. Временами их восприятие тоже изрядно искажается.

— Кто убил Лакмена? — спросил Пит. — Все-таки вы?

— Нет. Это самое безрассудное — убивать человека, у которого было так много Удачных попыток, такое многочисленное потомство. В этом-то вся суть. — Она снова нахмурилась.

— Однако прошлой ночью, — неторопливо начал он, — я спросил у вас, не ваши ли люди это сделали. И вы сказали... — Он сделал паузу, пытаясь мыслить как можно более ясно, пытаясь разобраться в путанице событий. — Я знаю, что вы сказали. «Я забыла», — вот что вы сказали. И... вы сказали, что следующим будет наш ребенок. Вы назвали его «штукой», вы сказали, что это не ребенок.

Мэри-Энн долго смотрела на него, ничего не отвечая, и наконец прошептала, побледнев, пораженная его словами: — Нет. Я не говорила этого. Я точно знаю, что не говорила.

— Я слышал эти слова, — настаивал Пит. — Я их хорошо запомнил. Хотя и был у меня сплошной хаос в голове, говорю честно, как перед самим господом богом, эту часть разговора я отчетливо помню.

— Значит, они добрались уже и до меня, — еле слышно прошептала Мэри-Энн. Ему пришлось наклониться, чтобы разобраться, что она хотела сказать. Глаза ее все так же были устремлены на него.

* * *

Открыв дверь залитой солнцем кухни, Кэрол Холт Гарден произнесла:

— Пит... ты здесь? — и заглянула внутрь.

В кухне его не было. В ней было светло, тепло и уютно, но она была пуста.

Подойдя к окну, она глянула на улицу. У тротуара стояли две машины, Пита и ее. Значит, он уехал не в своей машине.

Подвязав поясок халата, она поспешила через всю квартиру к лифту. «Спрошу у него, — решила она. — Лифт уж точно знает, ушел ли он, независимо от того, сам или с кем-то, а если не один, то с кем». Она нажала на кнопку вызова и стала ждать.

Прибыла на этаж кабина, раздвинулись дверцы.

В углу кабины на полу лежал человек. Мертвый. Детектив Готорн.

Она громко закричала.

— Дама сказала, что помощь не нужна, — извиняющимся тоном произнес Рашмор-эффект лифта.

— Какая такая дама? — с трудом выдавила из себя Кэрол.

— Темноволосая. — Схема лифта в женских тонкостях не разбиралась.

— Мистер Гарден ушел вместе с нею? — спросила Кэрол.

— Она пришла не одна, а с мужчиной, но без мистера Гардена, а вернулись они из его квартиры вместе с ним, миссис Гарден. Мужчина, не мистер Гарден, убил вот этого человека. Мистер Гарден тогда сказал: «Они меня похитили и убили полицейского. Зови на помощь».

— И как ты поступил?

— Темноволосая дама сказала: «Последнее распоряжение отменяется». Она поблагодарила меня и сказала: «Никакой помощи не требуется». — Лифт как бы задумался на мгновение. — Я что-то сделал не так?

— Еще как не так, — прошептала Кэрол. — Ты должен был позвать на помощь, как тебе велели.

— А сейчас я еще могу что-нибудь сделать? — спросил лифт.

— Звони в управление полиции в Сан-Франциско и скажи, чтобы сюда прислали кого-нибудь. Расскажи о том, что случилось. А также о том, что мистера Гардена похитили мужчина и женщина, а ты при этом ничего не сделал.

— Простите меня, миссис Гарден, — извинился лифт.

Повернувшись, она медленно вернулась в квартиру и присела, пошатываясь, за кухонный столик. «Эти глупые, доводящие до умопомешательства рашморовские устройства, — подумала она. — С виду они такие

разумные, на самом же деле ума у них ни грамма. Любая неожиданность, любое необычное совершенно сбивает их с толку. А что я предприняла? Чем я лучше? Я спала, когда они пришли и увели Пита, эти мужчина и женщина. Похоже, что это Пат Мак-Клейн, — подумала она. — Темноволосая. Но откуда мне знать, какая она».

Раздался сигнал видеофона.

У нее не было сил, чтобы встать и ответить на вызов.

* * *

Джо Шиллинг, дожидаясь ответа, подстригал свою пышную рыжую бороду. «Странно, — подумал он. — Может быть, они еще спят. Ведь всего только десять тридцать. Но...»

Он решил, что они уже не спят.

Он поспешно закончил приведение в порядок своей бороды и быстро спустился к Макс, своему автоавто.

— Вези в квартиру Гардена, — велел он, забираясь в кабину.

— Воля ваша.

— Крышка тебе, если ты меня туда не довезешь, — пригрозил Шиллинг.

Машина покорно тронулась и покатила по улице, с большим трудом передвигаясь по поверхности земли. Шиллинг с нетерпением смотрел, как мимо проплывают одно за другим здания и различные механизмы и оборудование по поддержанию чистоты и порядка в городе, пока они наконец не добрались до центра Сан-Рафаэля.

— Удовлетворены? — спросил Макс, когда едва дотащился до дома, где жили Гардены, и неуклюже, в несколько рывков, остановил.

Машины Кэрл и Пита на месте, стоят, припаркованные у бордюра, заметил он, выходя из кабины. Здесь же стояли две полицейские машины.

Дверь в квартиру Гарденов была открыта. Шиллинг сразу же прошел внутрь.

Его встретил вуг.

«Мистер Шиллинг», — в его сознание вошла мысль вуга.

— Где Пит и Кэрл? — спросил он. А затем увидел позади вуга Кэрл, которая сидела за кухонным столом. Лицо ее было белым, как снег. — С Питом все в порядке? — обратился он к ней, быстро проскочив мимо вуга.

«Я — Е.Б.Блэк, — мысленно представился ему вуг. — Возможно, вы помните меня, мистер Шиллинг. Успокойтесь. Судя по вашим мыслям, вы совершенно непричастны к тому, что произошло, поэтому я не стану докучать вам расспросами».

Подняв голову, Кэрл бесстрастным ледяным тоном сообщила Шиллингу:

— Убит детектив Уэйд Готорн, а Пит исчез. Пришли мужчина и женщина и увели его с собой — так сказал лифт. Они же убили Готорна. Как

я полагаю, это Пат Мак-Клейн. Полиция проверила ее квартиру, там никого не оказалось. Их машина также исчезла.

— Но... вам известно, зачем они забрали Пита? — спросил у нее Шиллинг.

— Нет, я не знаю, почему они забрали Пита. Я даже не знаю, кто на самом деле эти «они».

С помощью псевдоконечности вуг Е.Б.Блэк протянул Джо Шиллингу какой-то небольшой предмет.

«Мистер Гарден сделал эту интересную надпись, — пояснил мысленно вуг. — «Мы со всех сторон окружены вугами». Это, однако, совсем не так, о чем свидетельствует исчезновение мистера Гардена. Прошлой ночью мистер Гарден позвонил моему бывшему напарнику мистеру Готорну и сказал ему, что знает, кто убил мистера Лакмена. В то время мы считали, что уже нашли убийцу, поэтому это сообщение не заинтересовало нас. Теперь же мы поняли, что совершили ошибку. Мистер Гарден, к сожалению, не сообщил, кто же все-таки убил мистера Лакмена, так как мой бывший напарник не захотел его выслушать. — Тут вуг сделал многозначительную паузу. — Мистер Готорн заплатил сполна за допущенный им промах».

— Е.Б.Блэк считает, — сказала Кэрл, — что именно те, кто убили Лакмена, пришли, забрали Пита и столкнулись с Готорном, когда хотели войти в кабину лифта, покидая дом.

— Но он не знает, кто это, — заметил Шиллинг.

«Это так, — вмешался в разговор Е.Б.Блэк. — От миссис Гарден мне, однако, удалось разузнать очень многое. Например, от миссис Гарден я узнал, с кем встречался мистер Гарден прошлой ночью. Прежде всего, это один психиатр из Покателло, штат Айдахо. Затем Мэри-Энн Мак Клейн. Нам, однако, не удалось установить, где она в настоящее время. Мистер Гарден был пьян и очень сильно взволнован. Он сказал миссис Гарден, что убийство мистера Лакмена совершено членами группы «Красавица-Чернобурка», теми, у кого обнаружили нарушения памяти. Это касается и его самого. Вы можете как-то прокомментировать такое заключение, мистер Шиллинг?»

— Нет, — пробормотал Джо Шиллинг.

«Мы надеемся найти мистера Гардена целым и невредимым», — закончил свое сообщение Е.Б.Блэк, однако особой уверенности в его мыслях не ощущалось.

12

Патриция Мак-Клейн уловила испуганные мысли своей дочери. Она сразу же сказала:

— Ротман, к нам просочились чужаки. Так считает Мэри-Энн.

— И она права? — спросил Ротман, пожилой мужчина с жетским взглядом оттуда, где он, их руководитель, восседал.

Просматривая содержание мыслей Пита Гардена, Патриция обнаружила

воспоминания о встрече с доктором Ю.Р.Филипсоном, и о странном ощущении невесомости, которое Пит испытал, идя по коридору.

— Да, — произнесла Патриция. — Мэри права. Он побывал на Титане. — Она повернулась к двум прекогам, Дэйву Матро и своему мужу Аллену. — Что же должно случиться?

— Есть несколько возможностей, — промямлил Аллен, лицо его стало пепельно-серым. — Будущее покрыто мраком.

— Ваша дочь, — хрипло выговорил Матро, — она собирается совершить нечто такое, что мы не в состоянии определить.

— Я вынуждена уйти отсюда, — сказала Мэри-Энн, обращаясь ко всем присутствующим. Она встала. От ужаса, охватившего ее, мысли ее потеряли стройность. — Я нахожусь под воздействием вуга. Этого доктора Филипсона. Пит, наверное, был все-таки прав. Он спросил у меня, что я видела в баре, а я посчитала, что у него галлюцинация. Но он уловил немой страх. Он увидел подлинную реальность. — Она, тяжело дыша, направилась к выходу из мотеля. — Мне нужно уйти отсюда. Я представляю опасность для организации.

Как только Мэри-Энн подошла к двери, Патриция немедленно велела своему мужу.

— Излучателем. На минимуме мощности. Чтобы не было серьезных повреждений.

— Я перехвачу ее, — ответил Аллен и направил дуло излучателя в спину дочери. Мэри-Энн на мгновение обернулась и заметила оружие.

Излучатель вырвался из рук Аллена Мак-Клейна, взлетел вверх и в сторону и ударился, кувыркаясь, о стену.

— Эффект полтергейста, — сказал Аллен. — Нам ее не остановить.

Другой излучатель заплесал в руке Патриции и выпал из ее пальцев.

— Ротман! — вскричал Аллен, взывая к тому, кто был наделен наивысшей властью среди всех присутствующих здесь членов организации, — велите ей остановиться!

— Оставьте в покое мой разум, — потребовала Мэри-Энн у Ротмана.

Пит Гарден вскочил и опрометью бросился вслед за Мэри-Энн. Девушка заметила это тоже.

— Нет, — крикнула ей вслед Патриция, — не смей!

Ротман, закрыв глаза и выставив вперед лоб, весь сосредоточился на Мэри-Энн. Однако, несмотря на это, ноги Пита Гардена оторвались от пола, он перекувыркнулся в воздухе, но не упал, а стал выделять какой-то странный танец, безвольно, как тряпичная кукла, размахивая всеми своими конечностями так, как будто в них не было костей. Затем тело его поплыло к противоположной стене конторы, а Патриция Мак-Клейн снова окликнула свою дочь. Качание тела Пита на какое-то мгновение прекратилось, а затем оно стало проходить сквозь стену, до тех пор, пока не осталась торчать только нелепо вытянутая рука.

— Мэри-Энн, — закричала Патриция, — ради бога, верни его назад!

Мэри-Энн остановилась в дверях, повернулась в панике, увидела, что

она сотворила с Питом Гарденом, увидела выражение лиц своих матери и отца, увидела ужас на лицах у всех, кто собрался в этой комнате. Ротман, сконцентрировав на ней все, чем располагал, делал отчаянные попытки ее урезонить. Это она заметила тоже. И...

— Слава богу, — произнес Аллен Мак-Клейн и весь обмяк. Из стены, как мешок с песком, вывалилось на пол тело Пита Гардена. Он почти тотчас же вскочил на ноги и так и застыл, трясаясь от страха и глядя на Мэри-Энн.

— Извините меня, — сказала Мэри-Энн и тяжело вздохнула.

— Мы все еще сохраняем здесь господствующее положение, Мэри-Энн, — сказал Ротман. — Не забывайте об этом. Даже если они пробрались и сюда. Мы проверим каждого, состоящего в нашей организации, одного за другим. Начнем, пожалуй с вас? — предложил он ей. Обращаясь же к Патриции, он сказал: — Попытайтесь выяснить, насколько глубоко они в нее проникли, и скажите мне об этом.

— Я стараюсь это сделать, — ответила ему Патриция, — однако самое главное нам надо искать в мозгу Пита Гардена.

— Он собирается уйти отсюда, — почти одновременно сказали Аллен и Дэйв Матро.

— С нею, с Мэри-Энн, — добавил Матро. — Ее поведение я не в силах предугадать, а вот он, как я думаю, намерен это сделать.

Ротман встал и подошел к Питу Гардену.

— Вы видите, в каком положении мы очутились. Мы предпринимаем отчаянные попытки бороться с пришельцами с Титана, однако неуклонно, шаг за шагом, теряем свои позиции. Уговорите Мэри-Энн остаться здесь, чтобы мы могли наверстать упущенное. Или нам это удастся, или мы обречены на поражение.

— Я не в состоянии заставить ее что-либо сделать против ее воли, — произнес Пит. Он весь побелел и дрожал, почти потеряв от страха дар речи.

— Никто не может с ней справиться, — заметила Патриция, а Аллен кивком выразил свое с нею согласие.

— Вы, психикинетики, такие упрямые и своенравные, — сказал Ротман, обращаясь к Мэри-Энн. — Вам даже слова нельзя сказать.

— Идемте, Пит, — сказала Мэри-Энн. — Нам нужно обоим проделать очень долгий и трудный путь отсюда из-за меня и из-за вас. Они в вас точно так же, как и во мне. — Лицо ее исказилось от усталости и отчаяния.

— Может быть, они правы, — сказал ей Пит. — Может быть, было бы неверным с нашей стороны покидать их. Разве это не будет означать раскол в вашей организации?

— На самом деле они не очень-то хотят моего возвращения, — произнесла Мэри-Энн. — У меня недостаточно сил. То, что сейчас произошло, — лишнее тому доказательство. Я не в состоянии противостоять вам. Проклятые вуги, как я их ненавижу! — Глаза ее наполнились слезами, слезами собственного бессилия.

— Гарден, — сказал преког Дэйв Матро, — я предвижу вот что: если вы уйдете отсюда, один или с Мэри-Энн, вашу машину перехватит полиция. Я вижу, как к вам направляется детектив-вуг. Его зовут... — Матро загнулся в нерешительности.

— ...Е.Б.Блэк, — закончил за него Аллен Мак-Клейн, тоже преког. — Напарник Уэйда Готорна, сотрудник их Тихоокеанского агентства законопринуждения. Один из лучших, которыми они там располагают, — сказал он, обращаясь к Матро, а Ротман кивком подтвердил его слова.

— Давайте во всем соблюдать осторожность, — предложил Ротман. — В какой момент времени вуги проникли в нашу организацию? Прошлой ночью? Позапрошлой ночью? Если бы мы могли определить точное время установления власти вугов над нашей организацией, мы бы заполучили кое-что, исходя из чего можно было бы двигаться дальше. Я не думаю, что им удалось внедриться так уж глубоко; они еще не подчинили себе меня, они еще не прибрали к рукам никого из наших телепатов, а их у нас четверо в этой комнате, а пятый движется сюда. И наши прекоги свободны, так, во всяком случае, мне кажется.

— Вы пытаетесь проникнуть в мой разум и воздействовать на меня, Ротман, — пожаловалась Мэри-Энн, однако не спеша вернулась на свое прежнее место. — Я чувствую воздействие вашего разума на мои мысли. — Она чуть улыбнулась. — Это действует успокаивающе.

— Я представляю из себя главный оплот в борьбе против вугов, мистер Гарден, — произнес Ротман, — и пройдет еще немало времени, прежде чем им удастся проникнуть в мой мозг. Сегодня мы сделали ужасное открытие, но наша организация сумеет преодолеть трудности. А как быть с вами, Гарден? Вам обязательно понадобится наша помощь. И она различна для каждого человека в отдельности.

Пит угрюмо кивнул.

— Мы должны убить Е.Б.Блэка, — сказала Патриция.

— Правильно, — поддержал ее Матро. — Я за это.

— Ну, ну, полегче, — сказал Ротман. — Нам еще никогда не доводилось убивать вуга. Даже убить Готорна было для нас очень трудно, да и к тому же опасно, однако было вызвано настоятельной необходимостью. Как только мы уничтожим хотя бы одного вуга — любого вуга это — им сразу же станет ясно, что мы не только существуем, но и имеем совершенно определенные конечные цели. Разве не так? — Он обвел взглядом окружающих, надеясь найти поддержку.

— Но, — сказал Аллен Мак-Клейн, — они, очевидно, и без того догадываются о существовании нашей организации. Вряд ли они стали бы подбираться к нам, если бы не знали этого. — Голос его был резким, он едва скрывал свое раздражение.

— Ротман, я прозондировала умы всех, кто собрался в мотеле, — отозвалась телепат Мерл Смит, до сих пор не принимавшая участия в разговорах, — и не обнаружила никаких признаков проникновения вугов ни у

кого, кроме Мэри-Энн Мак-Клейн и не-ЭКСа Гардена, которого ей захотелось привести сюда, хотя еще не помешало бы обследовать особую, пока что неактивную зону, существующую в сознании Дэйва Матро. Было бы неплохо, если бы другие телепаты занялись этим прямо сейчас.

Патриция тотчас же сосредоточила все свое внимание на Дэйве Матро.

Заключение Мерл, судя по всему, было верным. В мозгу Матро действительно имелась определенная аномалия, и Патриция сразу же почувствовала, что это означает возникновение ситуации, малоприятной для интересов группы.

— Матро, — сказала Патриция, — будьте любезны, постарайтесь думать о... — У нее возникли трудности в формулировке предмета мыслей Матро. За сто лет, в течение которых она занималась психозондированием, ей еще ни разу не доводилось сталкиваться с чем-либо подобным. Озадаченная этим, она вскользь прошла по поверхности умственной деятельности Матро, а затем стала заглядывать в более глубоко упрятанные слои его психики, пытаясь выявить неосознаваемые либо непроизвольно подавляемые синдромы, которые не проявлялись в четкой форме в его осмысленной деятельности и которые старалось не допускать к себе его «эго».

Сейчас она была уже в зоне противоречивых побуждений, туманных, еще только нарождавшихся желаний, тревог, сомнений, тесно переплетенных с регрессивными убеждениями и либидо желаний фантастического характера. Это была очень неприятная для обследования зона, но она была неотъемлемой частью каждой личности. Теперь, после столь длительной практики психозондирования, она привыкла к этому. И именно это теперь столь часто отравляло ее существование, это проникновение во враждебные зоны человеческого сознания. Каждое восприятие или наблюдение, которое Дэйв Матро отвергал в своей нормальной мыслительной деятельности, оставалось здесь навечно, существуя в форме как бы полужизни, подпитывая его «эго» психической энергией из самых глубин подсознания.

Он мог бы не нести ответственности за это, но, тем не менее, это все равно существовало в нем, независимо от всей остальной его психики — и оно было неконтролируемым, будучи в оппозиции ко всем его осмысленным убеждениям, ко всем его жизненным установкам.

Многое можно было узнать о психическом складе души Матро с помощью такого глубинного зондирования, узнать о том, что он предпочитал или был вынужден отвергать в своем сознании.

— Эта вызывающая сомнения зона, — сказала Патриция, — так просто не поддается зондированию. В состоянии ли вы контролировать ее, Дэйв?

— Я не понимаю, о чем идет речь, — запинаясь, произнес Матро, явно смутившись настойчивостью Патриции. — Насколько я могу судить, все во мне открыто для вас. Я не пытаюсь ничего скрывать.

Теперь она нашла в разуме Матро именно ту зону, в которой, собственно, и формировалось предвидение, и войдя в нее, стала и сама на какое-то время прекогом. Жуткое ощущение владело ею — обладать этой способностью так же, как и своим обычным даром телепатии.

Она увидела как бы размещенные в четко очерченных ячейках подпадающие учету и осмыслению развернутые во времени различные последовательности воплощения в жизнь определенных возможностей, каждая из которых исключала другие, но выстроенные таким образом, что осмысление их можно было производить одновременно. Все это как бы изображалось графически и, что было весьма странно, носило скорее статичный характер, чем разворачивалось в динамике. Патриция увидела себя, запечатленную в различных вариантах будущего. От некоторых она отшатнулась — настолько они были ужасными, эти последовательности событий, в которых сбывались самые безумные мрачные ее предчувствия...

«Свою родную дочь, — уныло подумала она. — Значит, я вполне могла бы так поступить с нею, хотя такая возможность еще не означала высокую степень вероятности. В большинстве альтернативных рядов возможного будущего просматривалось сближение с Мэри-Энн и преодоление раскола внутри организации, а не дальнейшее его углубление. И все же — могло произойти и иначе...»

И в довершение всего мелькнула на какое-то мгновение перед ней сцена, в которой телепаты — члены организации — набрасываются на Матро. И Матро сам со всей определенностью осознавал это. Ведь сцена эта в конце концов существовала в его сознании. Но почему — вот что захотелось узнать Патриции. Что он мог совершить такое, чтобы дать повод для этого? Что мы еще сумеем выявить?

Мысли Матро смешались все одновременно.

— Вы пытаетесь увильнуть от психозондирования, — сказала Патриция и взглянула сначала на Матро, затем на остальных телепатов в этой комнате. — Возможная причина этого — прибытие сюда Дона, — пояснила она им. Дон был еще одним телепатов и должен был прибыть с минуты на минуту. — В зоне мозга Матро, связанной с его способностью предвидения, есть одна такая цепочка событий, по которой Дон вскроет содержимое этой крохотной зоны и тщательно его обследует. И тогда... — она замолчала, не решаясь продолжать, но остальные трое телепатов все равно приняли ее мысль.

— «...уничтожит Матро по этой причине, — мысленно dokonчила она недосказанную фразу.

Но почему? Ведь не было ничего, что говорило бы о причастности вугов к содержимому этой области или воздействию их на разум Матро. Было что-то еще, и это что-то полностью от нее ускользало.

Обязательно ли Дон поступит именно так? Нет, существовала только определенная возможность этого. И как себя чувствует Матро, зная о нависшей над ним опасности? Как ведут себя прекоги в подобном положении?

Так же, как и любые другие люди, вот что она узнала, просматривая мысли Матро. Спасаются бегством.

Матро, поднявшись со своего места, произнес осипшим голосом:

— Мне надо возвращаться в Нью-Йорк, — держался он при этом не-принужденно, но внутри у него все было наоборот. — Извините, но я не могу остаться, — произнес он, обращаясь к Ротману.

— Дон — лучший телепат среди нас, — задумчиво проговорил Ротман. — Я намерен просить вас оставаться здесь до его прибытия. Наша единственная защита от проникновения вугов в нашу организацию — это наличие в ней четырех телепатов, способных производить зондирование со-обща и предупреждать нас о том, что происходит. Так что вам придется присесть, Матро.

Матро неохотно опустил на стул.

* * *

Закрыв глаза, Пит Гарден напряженно прислушивался к дискуссии, раз-вернувшейся между Патрицией Мак-Клейн, Матро и Ротманом. «Эта под-польная организация, состоящая из ЭКСов, расположилась между нами и цивилизацией Титана, она противостоит их господству над нами и всему тому подобному», — мысли его совсем перепутались. Он все еще никак не мог отойти от прошлой ночи и от потрясения, вызванного тем, как он был разбужен сегодня утром, и бессмысленной, ужаснувшей всю его душу смертью Готорна.

«Все ли благополучно у Кэрл — вот что стало больше всего интересо-вать его. Боже, — подумал он, — как бы я хотел выпутаться из этого!» Он никак не мог забыть, как Мэри-Энн, прибегнув к своим психокинетиче-ским способностям, словно пушинку подбросила его и швырнула сквозь твердое вещество, из которого состояла стена комнаты, а затем, каким-то образом и по абсолютно для него неясным причинам, вернула его в преж-нее состояние. Будто в самый последний момент передумала.

«Я боюсь этих людей, — решил он. — Их самих и их способностей».

Он открыл глаза.

В вестибюле мотеля разглагольствовали противными дребезжащими го-лосами девять вугов. И был там, кроме него самого, всего лишь один че-ловек. Дэйв Матро.

Он и Матро — они противостояли всем остальным. Положение было безнадежным и потому невыносимым. Боясь пошевелиться, он просто смотрел на девятерых вугов.

Один из вугов голосом Патриции Мак-Клейн возбужденно произнес:

— Ротман! Я уловила нечто совсем уж невероятное в мыслях Гар-дена.

— Я тоже, — согласился с нею другой вуг. — Гарден воспринимает нас всех, как ... — он задумался, подыскивая слова. — Мы все представляемся ему вугами. Все, кроме Матро.

На некоторое время обмен мыслями прекратился. Нарушил мысленное спокойствие Ротман:

— Гарден, да ведь это значит, что проникновение в нашу группу стало полным, да? Это так? Нетронутым остался только Дэйв Матро?

Пит ничего на это не ответил.

«Как же теперь мы сможем принять это во внимание, — мысленно произнес вуг, называвший себя Ротманом, — и остаться при этом в своем уме? Мы потерпели полное поражение, если верить восприятию Гардена. Мы должны поразмыслить над этим. Возможно, еще осталась какая-то надежда. Как по-вашему, Матро? Если Гарден прав, то вы — единственный подлинный землянин среди нас».

— Я не в состоянии в этом разобраться, — произнес Матро. — Спросите у него, а не у меня, — добавил он, кивнув в сторону Пита.

— Пожалуйста, ответьте, — взмолилась Патриция Мак-Клейн в облике вуга. — Пит, во имя всего святого, что еще у нас есть...

— Ну, мистер Гарден? — спокойно спросил вуг Ротман. — Что вы сами скажете?

— Я считаю, — сказал Пит, — вам теперь ясно, что именно в сознании Матро не удалось выявить вашим телепатиям при зондировании. Он — человек, вы же — нет. Вот в чем разница. И когда сюда прибудет ваш последний телепат...

— Мы уничтожим его, — растягивая слова и как бы смакуя эту мысль, задумчиво решил вуг Ротман.

13

— Мне нужен адвокат Лэйрд Шарп, — произнес Джо Шиллинг, обращаясь к геоэостатическим цепям видеофона. — Он где-то на Тихоокеанском побережье. Более точное его местонахождение мне неизвестно.

Время уже было послеполуденное, а Пит Гарден еще не вернулся домой, и Джо Шиллинг понимал, что он и не вернется. Связываться с другими членами группы «Красавица-Чернобурка» было бессмысленно. Пита не было среди них. Те, кто увели его с собою, не принадлежали к группе.

«Если, по существу, проблема установления личности похитителей уже решена, — подумал он, — если сделали это Пат и Аллен Мак-Клейны, то напрашивается вопрос: почему они это сделали? А убийство детектива Готорна независимо от причин, побудивших к этому, было ошибкой с их стороны». Никто не смог бы убедить его в правомерности такого поступка.

Войдя в спальню, он спросил у Кэрол:

— Как вы себя чувствуете?

Она сидела у окна в цветастом ситцевом сарафане и с безразличным видом глядела вниз, на улицу.

— Вполне нормально, Джо.

Детектив Е.Б.Блэк на какое-то время покинул квартиру, поэтому Джо Шиллинг прикрыл дверь спальни и сказал Кэрол:

— Мне известно об этих Мак-Клейнах кое-что такое, чего не следовало бы знать полиции.

Кэрол вопросительно посмотрела на него.

— Так расскажите мне.

— Она замешана в какого-то рода незаконной деятельности и притом, по-видимому, уже довольно давно. Убийство Готорна является тому подтверждением. Вот что можно предположить: как я полагаю, это связано с ее телепатическими способностями. И ее мужа тоже. Других причин для убийства, тем более сотрудника полиции, я просто, честно говоря, не могу себе представить. Ведь это убийство вызовет проведение расследования в масштабах всей страны. Они, должно быть, в отчаянном положении. «Или являются фанатиками», — подумал он про себя. Ничто другое не вызывает такой ненависти у полицейских, как убийство своего коллеги, — пробурчал он себе под нос. — «Было глупым с их стороны делать это. Глупый и фанатичный поступок, — подумал он. — Дурно пахнущая смесь».

Звонил видеофон, они услышали:

— Ваш абонент, мистер Шиллинг. Адвокат Лэйрд Шарп.

Шиллинг тотчас же включил видеозеркало.

— Лэйрд, — произнес он. — Привет.

— Что случилось?

— Ваш клиент пропал, Пит Гарден. — Он кратко обрисовал ситуацию. — И у меня интуитивное предчувствие не доверять полиции. Почему-то мне кажется, что она не очень-то и старается разыскивать убийц. Может быть, тому виной этот вуг Е.Б.Блэк. — Тут он понял, что это сказывается инстинктивная антипатия землян к вугам, проявляющаяся помимо его воли.

— Гм, давайте съездим в Покателло, — предложил Шарп. — Как, вы сказали, зовут вашего знакомого психиатра?

— Филипсон, — ответил Шиллинг. — Правда, вся информация, которой я располагаю, получена мною из третьих рук, но у меня есть предчувствие. Я вылетаю в Сан-Рафаэль и встречаюсь там с вами. Отправляйтесь туда минут через десять, не раньше. Я нахожусь в Сан-Франциско.

— Хорошо, — сказал Шарп и дал отбой.

— Куда это вы собираетесь? — спросила у Шиллинга Кэрл, увидев, что он направляется к выходу из квартиры. — Вы же сказали адвокату Пита, что встретите его здесь.

— Я хочу раздобыть пистолет, — сказал Шиллинг, закрыл за собою дверь и поспешил к лифту. «Мне нужен всего один, — сообразил он. — Потому что, насколько мне известно, Лэйрд Шарп никогда не расстается со своим».

* * *

Уже во время их полета на северо-восток в машине Шарпа Шиллинг сказал:

— Вчера вечером в разговоре по телефону Пит поделился со мною несколькими очень странными мыслями. Во-первых, о том, что сложившаяся ситуация убьет его, так же, как она погубила Лакмена. Что поэтому ему

нужно особо беспокоиться за судьбу Кэрол. И еще... — он посмотрел на Шарпа. — ...Пит сказал, что доктор Филипсон является вугом.

— Что же тут такого особенного? — удивился Шарп. — Вугов сейчас можно найти в любом уголке нашей планеты.

— Но мне известно кое-что о Филипсоне, — возразил Джо Шиллинг. — Я читал его статьи: читал о его методах лечения. Нигде не было никаких упоминаний о том, что он с Титана. Здесь что-то не так. Не думаю, что Пит виделся с доктором Филипсоном. Мне кажется, он виделся с кем-то другим. К человеку, занимающему такое положение, как Филипсон, не подступиться посреди ночи как к простому практикующему врачу. И откуда у Пита взялись эти 150 долларов, которые, по его словам, он уплатил Филипсону? Я хорошо знаю Пита. При нем никогда не бывает наличных денег. Как и ни у кого из Поручителей вообще. Они мыслят в категориях недвижимости, а не наличности. С их точки зрения, деньги существуют только для нас, Обывателей.

— Так он на самом деле говорил о том, что платил этому врачу наличными? Может быть, он просто вручил ему чек на эту сумму?

— Пит сказал, что он расплатился с ним и сделал это прошлой ночью. И он утверждал, что то, что он получил от врача, стоило этих денег, — Джо Шиллинг задумался на мгновение. — В том состоянии, в котором тогда был Пит, пьяный и одурманенный медикаментами, да еще испытывавая приступ паранойи, вызванный беременностью Кэрол, он не разбирался, кто это на самом деле перед ним, Филипсон или кто-то еще. И не исключена возможность того, что весь этот эпизод явился лишь плодом его воображения. Может быть, он вообще никогда не бывал в Покателло. — Он достал трубку и кисет с табаком. — Весь этот эпизод звучит как-то неправдоподобно. Питу, может быть, все это просто почудилось. Возможно, в этом-то и вся суть проблемы.

— Чем вы теперь набиваете трубку? — спросил Шарп. — Все теми же крупно посеченными стеблями ячменя?

— Совсе нет. Это смесь под названием «Лающий Пес». Она никогда не кусается.

Шарп ухмыльнулся.

Внизу уже показалась расположенная на окраине Покателло психиатрическая клиника доктора Филипсона, ее ослепительно белый прямоугольник был окружен лужайками и деревьями, а тыльная сторона выходила на розарий. Шарп посадил свою машину на посыпанный гравием въезд и дальше продолжал ехать уже по дороге, пока не остановился на стоянке сбоку от крупного центрального здания. Все это место, тихое и хорошо ухоженное, казалось пустынным. Единственная машина на стоянке принадлежала, похоже, самому доктору Филипсону.

«Какой мирный уголок! — подумал Шиллинг. — Но, очевидно, весьма недешевый для тех, кто прибывает сюда». Его внимание привлек розарий, и он без какой-либо определенной цели направился к нему, вдыхая полной грудью воздух и ощущая глубокий, насыщенный запах роз и органических

удобрений. Обильно поливавший лужайку гомеостатический вращающийся спринклер заставил его сойти с дорожки в густую буйную траву. «Для того, чтобы залечить душевные травмы, — подумал он. — достаточно всего лишь пожить некоторое время в таком месте, вдыхая ароматы, одущая всю прелесть окружающей клинику сельской идиллии».

— Смотрите, — сказал он, обращаясь к Лэйрду Шарпу, который не отставал от него, — вот два прекраснейших сорта роз из всех когда-либо выведенных: «Мир» и «Звезда Голландии». В двадцатом столетии в кругах цветоводов они ценились на вес золота. Тогда же был выведен более современный сорт — «Космический Путешественник», — он указал на куст с огромными оранжево-белыми бутонами. — И «Наша Земля». — Ее лепестки были столь темно-красными, что казались по сути черными, по поверхности их были беспорядочно разбросаны более светлые вкрапления.

Пока они восхищались красотой «Нашей Земли», дверь клиники распахнулась, и на пороге показался приветливо им улыбающийся, очень дружелюбного вида пожилой лысый мужчина.

— Чем могу служить? — спросил мужчина, в глазах его сверкали озорные огоньки.

— Мы хотели бы встретиться с доктором Филипсоном, — сказал Шарп.

— Это я, — ответил пожилой мужчина. — Боюсь, что розарий нуждается в опрыскивании. Я вижу колонии тли на некоторых кустах. — Он смахнул ладонью что-то с одного из листьев. — Да еще клещ, который проник сюда с Марса.

— Куда нам пройти, где мы могли бы переговорить с вами? — спросил Джо Шиллинг.

— А разве здесь нельзя? — спросил доктор Филипсон.

— Вчера поздно вечером вас посещал мистер Питер Гарден? — поинтересовался Шиллинг.

— Посещал, — кисло улыбнувшись, ответил доктор Филипсон. — И еще звонил мне позже.

— Пита Гардена похитили, — сказал Шиллинг. — Похитители при своем уходе еще убили полицейского, так что дело принимает серьезный оборот.

С лица доктора Филипсона исчезла улыбка.

— М-да, — он посмотрел сначала на Шиллинга, затем на Лэйрда Шарпа. — Как раз я и опасался того, что может произойти нечто подобное. Сначала смерть Джерома Лакмена, теперь вот это. Проходите, — он открыл перед ними дверь в клинику, затем неожиданно передумал. — Вероятно, будет лучше, если мы посидим в машине. Чтобы никто не смог нас подслушивать. Мне хотелось бы с вами обсудить несколько вопросов.

Вскоре все трое, теснясь, разместились в кабине машины доктора Филипсона.

— В каких вы отношениях с Питером Гарденом? — спросил врач.

Шиллинг вкратце обрисовал их.

— Возможно, — сказал Филипсон, — вы уже больше никогда не

увидите Гардена живым. Мне очень горько говорить об этом, но это уже почти свершившийся факт. Я пытался предупредить его.

— Я знаю об этом, — сказал Шиллинг. — Он рассказал мне.

— Я почти ничего не знаю о Питере Гардене, — сказал врач. — Я никогда в своей жизни не встречался с ним раньше. Мне не удалось получить полное представление об истории его жизни, потому что вчера вечером он был пьян, болен и напуган. Он позвонил мне домой. Я уже был в постели. Встретились мы с ним в баре в центре Покателло. Названия я сейчас уже не помню. Это был бар, возле которого стояла его машина. С ним была еще симпатичная девушка, но она в бар не прошла. У Гардена были сильные галлюцинации, и он нуждался в основательной психиатрической помощи. Нет нужды говорить о том, что я едва ли был способен ее оказать в столь позднее время и к тому же еще в баре.

— Ему всюду, — сказал Джо Шиллинг, — чудятся вуги. Пит уверен в том, что они буквально обложили нас со всех сторон.

— Да, я понимаю это. Он поделился вчера вечером своими страхами со мной. Не один раз и самыми различными способами. Это было так трогательно. В какой-то момент нашей беседы он с огромным трудом нацарапал послание самому себе на спичечной картонке и спрятал ее — при этом очень стесняясь — в своем башмаке. «Нас повсюду преследуют вуги», — вот что он, кажется, написал. — Врач многозначительно посмотрел на Шиллинга и Шарпа. — Что вам известно на данный момент о внутреннем положении на Титане?

Застигнутый вопросом врасплох Джо Шиллинг признался:

— Практически ничего.

— Цивилизация Титана, — начал доктор Филипсон, — по сути расколота на две фракции. Причина, по которой мне известно об этом, весьма проста. Здесь, у меня в клинике, есть несколько обитателей Титана, занимающих высокие должности у нас на Земле. Они проходят психиатрическое лечение под моим наблюдением. Это совершенно непривычно, но я обнаружил, что могу весьма успешно работать с ними.

— Вот почему, — встревожившись, спросил Шарп, — вы захотели побеседовать с нами здесь, в машине?

— Да, — сказал Филипсон. — Здесь мы вне досягаемости их телепатических способностей. Все четверо, если говорить об их политической ориентации, принадлежат к умеренным. Это господствующая на Титане фракция, и такое положение дел длится вот уже не один десяток лет. Но существует также и военная партия, фракция экстремистов. Ее влияние непрерывно растет, но никто, включая самих обитателей Титана, в точности не знает, какова ее реальная сила. В любом случае, отношение приверженцев этой фракции к Земле крайне враждебно. У меня на сей счет есть даже определенная гипотеза. Я не в состоянии ее доказать, но я намекнул на нее в нескольких своих публикациях. — Он сделал паузу. — Я предполагаю — только предполагаю, заметьте это, — что пришельцы с Титана, подстрекаемые своими экстремистами, затеяли какую-то возню с проблемой

нашей рождаемости. С помощью каких-то технических средств — не спрашивайте у меня, каких — они добились сохранения столь низкого уровня рождаемости среди людей.

Воцарилась тишина. Длительная, тягостная тишина.

— Как только погиб Лакмен, — продолжал д-р Филипсон, у меня возникло предположение причастности, прямой или косвенной, к этому захватчиков с Титана, но совсем не по той причине, как вы полагаете. Верно, он только-только объявился в Калифорнии после того, как установил полный контроль над Атлантическим побережьем. Верно, он, по всей вероятности, установил бы свое экономическое господство и в Калифорнии, как это сделал в Нью-Йорке. Но не поэтому пришельцы с Титана его убили. А потому, что они пытались подобрать к нему вот уже в течение нескольких месяцев, если не лет. Когда Лакмен покинул свое убежище и объявился в Кармеле, где рядом с ним не оказалось ни прекогов, ни других людей с экстрасенсорными способностями, которые могли бы его защитить...

— Так почему же все-таки его убили? — тихо спросил Шарп.

— Потому что ему очень часто сопутствовала Удача, — ответил психиатр. — Его погубила его же плодовитость. Его способность к зачатию детей. Вот что угрожало пришельцам с Титана. А вовсе не его успехи в Игре — это их ничуть не тревожило.

— Понятно, — произнес Шарп.

— И любые другие люди, которым сопутствует Удача, являются кандидатами в покойники, если победит военная фракция. Теперь послушайте вот что. Некоторые люди догадываются об этом или, по крайней мере, у них возникли серьезные подозрения о таких манипуляциях со стороны вугов. Существует даже организация, сплотившаяся вокруг многодетной семьи Мак-Клейнов в Калифорнии, — вероятно, вы уже о них слышали, о Патриции и Аллене Мак-Клейнах. У них трое детей. Следовательно, их жизням грозит особая опасность. Пит Гарден тоже продемонстрировал свою способность стать отцом, и это автоматически подвергает его и его беременную жену колоссальному риску, о чем я его прямо и предупредил. Так же, как и предупредил его о том, что он попал в такое положение, где от него самого мало что зависит. Я твердо убежден в этом. И... — голос доктора Филипсона продолжал звучать ровно, — ... я считаю, что всякие попытки активных действий со стороны организации, сформировавшейся вокруг Мак-Клейнов, тщетны, если не опасны. В нее уже наверняка проникли представители администрации с Титана, которые здесь действуют в интересах военной фракции весьма эффективно. Их неоценимым преимуществом являются телепатические способности. От них почти невозможно что-либо утаивать в течение хоть сколько-нибудь продолжительного времени — например, существование тайной военизированной патристически настроенной организации.

— Вы поддерживаете тесный контакт с умеренными, — спросил Шиллинг, — с помощью находящихся здесь у вас пациентов-вугов?

Доктор Филипсон ответил не сразу.

— Да, в какой-то мере. Я обсуждал с ними в наиболее общих чертах сложившееся положение. Я это делал в процессе лечения.

— Как мне кажется, мы выяснили все, ради чего сюда ехали, — сказал Шиллинг, обращаясь к Лэйрду Шарпу. — Мы знаем, где Пит, кто его похитил и кто убил Готорна. Организация Мак-Клейна, так ее назовем. Что бы она из себя ни представляла.

— Доктор, — с предельной осторожностью начал Лэйрд Шарп, — ваше объяснение в высшей степени интересно. Есть еще, однако, один вопрос, который пока что еще не был здесь поднят.

— Серьезно? — удивленно произнес доктор Филипсон.

— Пит Гарден считает, что вы — вуг.

— Я это понимаю, — сказал психиатр. — Даже в состоянии это в некоторой степени объяснить. На подсознательном, интуитивном уровне Гарден понимает опасность сложившегося положения. Его восприятие, однако, было искаженным, основываясь на смеси из неосознаваемых им телепатических способностей и проецирования собственных страхов плюс...

— Вы кто — вуг? — прямо спросил Лэйрд Шарп.

— Разумеется, нет, — не задумываясь, бросил доктор Филипсон.

Тогда Лэйрд Шарп спросил у Рашмор-эффекта машины, в которой они сидели:

— Доктор Филипсон является вугом?

— Да, доктор Филипсон — вуг, — ответил механический голос. — Это так.

И эта была собственная, доктора Филипсона, машина.

— Доктор, — сказал Джо Шиллинг, — что вы на это скажете? — он поднял в сторону доктора Филипсона свой древний, но очень грозный револьвер 32-го калибра. — Мне хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу. Пожалуйста.

— Очевидно, это ложное умозаключение электронной схемы, — произнес доктор Филипсон. — Хотя должен признаться, что я вам не все рассказал. Об этой организации ЭКСов вокруг Мак-Клейнов. Я тоже к ней принадлежу.

— Значит вы. — ЭКС? — спросил Шиллинг.

— Да, — кивнул доктор Филипсон. — И девушка, с которой вчера вечером был Пит Гарден, тоже является членом этой организации. Мэри-Энн Мак-Клейн. Мы с нею вкратце обсудили, какой тактики придерживаться в отношении Гардена. В такое позднее время я обычно...

— В чем заключаются ваши экстрасенсорные способности? — вмешался в разговор Шарп. Теперь и он держал в руке небольшой револьвер 22-го калибра, направив его на врача.

— Они весьма необычного свойства. Вы будете очень удивлены, когда я поведаю вам о них. В основе своей мои способности сродни способностям Мэри-Энн, это определенная форма психокинеза. Но в сравнении с ее способностями она довольно узкого назначения. Я образую один из концов

двухсторонней подпольной системы телепортации между Землей и Титаном. С ее помощью сюда прибывают обитатели Титана, иногда некоторые земляне переправляются на Титан. Такая процедура гораздо более совершенна по сравнению с обычным способом, основанным на применении космических кораблей, поскольку перемещение является практически мгновенным. — Он улыбнулся Джо Шиллингу и Лэйрду Шарпу. — Разрешите продемонстрировать вам? — Он наклонился вперед.

— Боже мой, — произнес Шарп. — Убейте его.

— Вы что-нибудь видите? — голос доктора Филипсона доходил до них, но разобрав слова было очень трудно; какая-то непроницаемая завеса окутала неподвижные изображения предметов вокруг них, как бы погрузив их в пустоту. Всякий хлам вроде миллиарда мячей для гольфа водопадом обрушился на них, вытеснив из их восприятия привычную реальность материальных образов: «Это — подумал Джо Шиллинг, — подобно коренному расстройству всего процесса восприятия как такового». Несмотря на собственную решимость, он ощутил страх.

— Я пристрелю его, — донесся голос Лэйрда Шарпа, затем громкие звуки нескольких револьверных выстрелов, быстро последовавших один за другим. — Мне удалось это сделать? Джо, мне удалось... — голос Шарпа затих. Теперь вокруг была только гнетущая тишина.

— Я боюсь, Шарп, — произнес Джо Шиллинг. — Что это?

Он ничего не понимал и, вытянув руку, стал тыкаться наугад в потоке похожих на маленькие шарики элементарных частиц и атомов, которые, казалось, хлынули на него отовсюду. «Неужели это подлинная внутренняя структура самой Вселенной? — промелькнуло у него в голове. — Мир вне пространства и времени, вне досягаемости способностей человеческого познания?»

И вот перед его глазами уже простиралась обширная равнина, на которой, совершенно не двигаясь, покоились в определенных, строго зафиксированных положениях вуги. Или они все-таки движутся, но очень медленно? Чувствовалось, что их состояние вызывает у них невыносимые муки. Вуги напрягались изо всех сил, время не двигалось, и они оставались там же, где и были. «Навечно ли?» — захотелось узнать Джо Шиллингу. Вугов было превеликое множество, он не видел ни конца, ни края этой горизонтальной поверхности, даже не мог себе такого представить.

«Это Титан», — произнес у него в голове незнакомый голос.

Не ощущая собственного веса, Джо Шиллинг понесся вниз, как пушинка, отчаянно пытаясь выровнять свое положение в пространстве, но не зная как. «Черт возьми, — подумал он, — это все совсем не то. Мое тело не должно находиться в таком положении».

— Помогите, — вслух произнес он. — Заберите меня отсюда. Вы тоже здесь со мною вместе, Лэйрд Шарп? Что это с нами приключилось?

Никто не отзывался.

Теперь он стал падать быстрее. Ничто не удерживало его здесь в привычном для тела положении, в обычном понимании окружающего

пространства, и все же, несмотря ни на что, он всеми своими чувствами ощущал полнейшую свою беспомощность.

Вокруг него сформировалась пустота какого-то помещения, какого-то замкнутого объема неопределенного свойства, а напротив него, лицом к лицу с ним по другую сторону неизвестно откуда появившегося стола располагались вуги. Он насчитал их двадцать и дальше перестал считать; вуги были перед ним повсюду, ничего не говорящие и недвижимые, но все же чем-то занятые. Они были всецело поглощены чем-то, и сперва он никак не мог представить себе, что же это такое они делают. А затем, как-то сразу, он все понял.

Они играют.

«Играйте», — принял он мысленное предложение вугов.

Игровой Стол был столь огромен, что при виде его он буквально оцепенел. Его боковые стороны и торцы терялись где-то в бесконечности, их нельзя было различить, они исчезали во внутренней структуре реальности, в которой он очутился. Зато прямо перед собою он отчетливо увидел карты, выложенные отдельно одна от другой вдоль Стола. Вуги ждали. Ждали, когда он станет тянуть карту.

Была его очередь тянуть.

«Слава богу, — успокоил себя Джо Шиллинг, — я еще в состоянии играть, знаю, как это делать. Хотя для них это не имеет ровно никакого значения, умею ли я играть или нет. Эта Игра длится столь долго, что для них все остальное давно потеряло всякое значение». И как все-таки долго она длится? Этого он не знал. Наверное, и вуги сами не знали этого. И даже не помнили.

Он вытянул двенадцать.

«Теперь, — подумал он, — на очереди то, что составляет саму основу Игры. Момент, когда я или стану блефовать, или нет, когда передвину свою фишку на двенадцать ходов или на какое-то другое их число. Но ведь они могут прочесть мои мысли, — вдруг дошло до него. Как же мне тогда вести против них Игру? Это же нечестно».

И тем не менее он обязан был играть, несмотря ни на что.

«Вот положение, в котором мы все очутились, — отметил он про себя. — И мы не в состоянии выпутаться из него, никто из нас. И даже такие великие Игроки, как Джером Лакмен, могли погибнуть в нем. Погибнуть, пытаясь добиться успеха».

«Мы уже давненько вас ожидаем, — проникла в его сознание мысль одного из вугов. — И, пожалуйста, не заставляйте нас ждать еще».

Он не знал, как поступить. И какова ставка? Какую недвижимость он может поставить на кон? Он обвел взглядом помещение, но ничего не увидел: ни лотка для ставок, ни сосуда для денег.

«Игра в Блеф, в которой принимают участие телепаты, делая несуществующие ставки, — вот что уразумел Джо Шиллинг. — Какая пародия на Игру! И как все-таки мне выбраться отсюда? И есть ли выход? — Ему ничего не было известно даже об этом».

Этот образец Игры в своем предельном выражении, подлинное отражение того, что было предопределено Земле, та Игра, которая была навязана землянам», — сообразил Шиллинг. Однако то, что он все же это понял, никак не помогало ему найти выход из создавшегося положения, не могло подсказать, как же поступить, когда надо вырабатывать какую-то стратегию Игры, а весь ты, весь ход твоих мыслей у вугов как на ладони. Он взялся за свою фишку и начал продвигать ее вперед, квадрат за квадратом. На двенадцать ходов. Появилась надпись: «Золотая лихорадка на принадлежащей вам земле! Вы выигрываете пятьдесят миллионов долларов отчислений с золота, добытого в двух высокопродуктивных шахтах!»

«Нет никакой необходимости блефовать, — решил про себя Шиллинг. — Что это за такой квадрат?» — Наивысшая ставка, о какой он когда-либо слышал. Такой ставки не значится ни на одной из игровых таблиц на Земле.

Он поставил свою фишку на этот квадрат и сел на место.

Ну что, кто-нибудь подвергнет сомнению правомерность его выбора? Обвинит его в том, что он блефует?

Он ждал. За Столом никто не шевелился, никто из бесконечного ряда вугов не проявлял ни малейших признаков жизни. «Ну, — подумал он. — Я готов. Валяйте».

«Это блеф», — провозгласил чей-то голос в его голове.

Он не мог определить, кто именно из вугов бросил ему вызов; казалось, все они в унисон высказали одно и то же предположение. Неужели их подвели хваленые телепатические способности в такой критический момент? Или они умышленно не прибегают к ним ради честного ведения Игры?

— Вы ошибаетесь, — сказал он и перевернул свою карту. — Вот, пожалуйста. — Он поглядел вниз.

Больше это уже не было «Двенадцать».

Это было «Одиннадцать».

«Неважнецкий вы игрок, мистер Шиллинг, — мелькнула в его голове совокупная мысль вугов. — Вы так всегда играете?»

— Я как-то неловко себя здесь чувствую, — пожаловался Джо Шиллинг. — Я, похоже, неверно истолковал число на карте, произошла досадная ошибка. — Он был вне себя от ярости и еще больше напуган. — Тут происходит какое-то мошенничество, — сказал он. — В любом случае, какая теперь ставка?

«В этом квадрате — Детройт», — ответили вуги.

— Я не вижу ни прав на владение, ни собственности вообще, — сказал Джо Шиллинг, проведя взглядом вдоль поверхности всего Игрового Стола.

«Посмотрите еще раз», — посоветовали ему вуги.

В центральной части стола он увидел, что будто бы из ничего возник стеклянный шар размером с пресс-папье. Что-то весьма замысловатое, яркое и как будто живое замелькало внутри сферы, и он наклонился, чтобы

повнимательнее разглядеть. Город, целый город в миниатюре. Улицы и дома, площади и заводские корпуса...

Это был Детройт.

«Мы хотим это в качестве следующей ставки», — мысленно высказались вуги.

Вытянув руку, Джо Шиллинг вернул на одно деление свою фишку.

— На самом деле я с самого начала хотел именно сюда ее поставить, но ошибся, — сказал он.

Игра взорвалась.

— Я смошенничал, — сказал Джо Шиллинг. — Теперь невозможно играть дальше. Вы согласны со мной? Я вызвал крах Игры.

Что-то стукнуло его по голове, и он упал, мгновенно погрузившись в поглотившую его серую мглу небытия.

14

Следующее, что понял Джозеф Шиллинг, это то, что стоит он где-то посредине пустыни и снова испытывает успокаивающее воздействие земного притяжения. Слепящее солнце омывало его потоками горячих, золотистых, столь для него привычных лучей, и он прищурился, пытаясь рассмотреть местность, поднял руку, чтобы защитить глаза от этого изобилия света.

— Не останавливайтесь, — раздался голос рядом.

Он приоткрыл глаза и увидел, что рядом с ним по песчаным буграм бредет доктор Филипсон. Пожилой, маленький, подвижный врач улыбался.

— Продолжайте движение, — своим привычным приятным тоном произнес д-р Филипсон, — не то мы здесь погибнем. Вам ведь этого, разумеется, не хочется.

— Объясните мне, что же все-таки произошло, — взмолился Джо Шиллинг, продолжая ступать по песку. Доктор Филипсон оставался с ним рядом, шагая легко, пружинисто.

— Вы определенно поломали Игру, — рассмеялся доктор Филипсон. — Им бы самим ни за что не додуматься до того, что вы станете плутовать.

— Они смошенничали первыми. Они изменили номинал карты!

— Для них это вполне допустимая уловка, одна из основных пружин Игры. У Игроков с Титана нет более любимого развлечения, чем попытка воздействовать на карты с помощью своих экстрасенсорных способностей. Именно в этом для них и заключается соревнование между играющими сторонами. Тот, кто вытянул карту, пытается изо всех сил сохранить ее значение, если это ему выгодно, или изменить его с тем, чтобы опровергнуть притязания противника. Согласившись с измененным значением вытянутой карты, вы проиграли, но, утверждая, что именно в соответствии с этим новым значением вы хотели переместить свою фишку и просто ошиблись в ее конечном положении, вы полностью расстроили их планы.

— А что случилось со ставкой?

— Детройтом? — Доктор Филипсон рассмеялся. — Он так и остался всего лишь ставкой, на которую никто не поставил. Видите ли, Игроки на Титане свято верят в неизбежность соблюдения правил Игры. Вы можете не поверить этому, но это именно так. Соблюдения их правил — да! Но тем не менее правил! Теперь же я просто не знаю, как они поступят. Они так долго ждали, чтобы сыграть именно с вами, но я не сомневаюсь в том, что они не решатся сыграть против вас еще раз после того, что только что произошло. Ваш демарш в чрезвычайной степени расстроил их, лишил присутствия духа, необходимого для нормального ведения Игры. Пройдет еще много времени, прежде чем они оправятся после такого потрясения.

— А какое крыло представляют те Игроки, с которыми мне довелось встретиться за Игровым столом? Это экстремисты?

— О, нет. Игроки на Титане исключительно умеренны в своих политических воззрениях.

— А вы сами? — неожиданно поинтересовался Шиллинг.

— Должен признаться в том, что я — экстремист, — ответил доктор Филипсон. — Вот почему я здесь, на Земле, а не на своей родной планете. — В лучах ослепительного полуденного солнца засверкал в такт его размашистой походке теплоизлучатель. — Мы почти у цели, мистер Шиллинг. Еще один невысокий холм, и вы сами увидите. Здание почти не возвышается над поверхностью земли, дабы не привлекать внимание.

— Все находящиеся здесь, на Земле, вуги — экстремисты?

— Нет.

— А что можно сказать о сыщике Е.Б.Блэке?

Доктор Филипсон ничего не ответил.

— Он не принадлежит к вашей фракции, — такое заключение сделал Шиллинг.

Вновь не последовало ответа. Филипсон не хотел отвечать.

— Мне следовало довериться ему, когда у меня была такая возможность, — сказал Шиллинг.

— Наверное, — кивнув, произнес доктор Филипсон.

Впереди Шиллинг увидел здание в испанском стиле с черепичной крышей, стенами из серого кирпича и литыми чугунными решетками. «Мотель Диг Инн», — гласила неоновая вывеска, в данное время неподвижная и выключенная.

— Лэйрд Шарп здесь? — спросил Шиллинг.

— Шарп остался на Титане, — ответил доктор Филипсон. — Может быть, я еще верну его назад, но уж точно не сейчас. — Доктор Филипсон на мгновение нахмурился. — Уж очень острый и живой ум у этого вашего приятеля Шарпа. Должен признаться, мне совершенно безразлична его судьба. — Белым, хорошо отутюженным платком он вытер пот с покрасневшего лба, несколько замедлив теперь ход, когда они ступили на дорожку, ведущую к въезду в мотель. — А что касается вашего обмана, то я

столь же безразличен и к нему. — Он казался теперь каким-то раздраженным, чем-то взволнованным. Шиллингу не терпелось узнать, что вызвало такую неожиданную перемену в его настроении.

Дверь в контору мотеля была открыта, и доктор Филипсон, подойдя к ней, стал всматриваться в темноту внутри помещения.

— Ротман! — нерешительно окликнул он без особой уверенности в голосе.

В дверях появилась женская фигура. Это была Патриция Мак-Клейн.

— Извините за то, что я опоздал, — начал доктор Филипсон, — однако вот объявился этот человек со своим приятелем и...

— Она совершенно неуправляема, — перебила его Патриция Мак-Клейн. — Аллен ничего не мог с нею поделать. Пропустите меня. — Она стремглав промчалась мимо доктора Филипсона и Джо Шиллинга и стала бегом пересекать стоянку, направляясь к оставленной там машине. А затем вдруг совершенно исчезла. Доктор Филипсон буркнул себе что-то под нос, выругался и отступил от двери в контору мотеля так быстро, как будто изнутри на него полыхнуло жаром.

Высоко в полуденном небе Джо Шиллинг увидел точку, которая быстро поднималась все выше и выше, пока совсем не пропала в голубой бесконечности. Голова его заболела от непрерывного всматриванья в небесную высь. Обернувшись к доктору Филипсону, он начал было:

— Боже мой, да ведь это...

— Глядите, — с дрожью в голосе произнес доктор Филипсон и взмахнул излучателем в сторону двери конторы мотеля. Джо Шиллинг тотчас же заглянул внутрь. Поначалу ему ничего не удавалось различить, однако постепенно глаза его адаптировались к полумраку помещения конторы.

На полу валялись скорчившиеся тела мужчин и женщин, переплетенные между собой, словно какие-то многорукие и многоногие чудовища, которых сначала, казалось, отчаянно трясли, а затем как попало швырнули вниз с такой силой, что то, что от них после всего этого осталось, спрессовалось в единую бесформенную массу, образованную немислимым переплетением тел. В углу комнаты на полу сидела Мэри-Энн, вся скрючившись и уткнув лицо глубоко в ладони. С выражением полного непонимания происходящего стояли Пит Гарден и еще один незнакомый Шиллингу хорошо одетый мужчина средних лет.

— Ротман, — только и удалось выдать из себя задыхающемуся доктору Филипсону при виде этих изуверченных тел. Повернувшись к Питу Гардену, он спросил: — Когда?

— Только что она это сделала, — пробормотал Пит.

— Вам повезло, — сказал доктору Филипсону хорошо одетый мужчина средних лет. — Окажись вы здесь несколькими минутами ранее, она убила бы тоже. Какая для вас удача, что вы опоздали к назначенному времени!

Доктор Филипсон, не переставая трястись, поднял свой энергоизлучатель и нетвердой рукой направил его на Мэри-Энн Мак-Клейн.

— Не надо, — предупредил его Пит Гарден. — Они тоже пытались. И вот результат.

— Матро, — спросил доктор Филипсон, — почему это она...

— Он — землянин, — пояснил Пит Гарден. — Единственный среди вас. Поэтому она его не тронула.

— Самое для нас лучшее, — отозвался Матро из полумрака конторы, — это вообще ничего сейчас не предпринимать. Уйти отсюда как можно быстрее — это для нас самое главное. — Он продолжал смотреть в сторону скрючившейся в углу Мэри-Энн Мак-Клейн. — Она не пощадила даже своего отца. Но Патриции удалось выбраться отсюда. Не знаю, что с ней произошло.

— Ей тоже досталось от девушки, — сказал доктор Филипсон. — Мы это видели. Только вот тогда еще ничего не понимали. — Он отшвырнул в сторону излучатель. Тот покатился по полу и остановился у дальней стены. Лицо Филипсона было белым как снег. — Она хотя бы понимает, что творит?

— Понимает, — ответил Пит Гарден. — Она осознает опасность своего дара и не хочет пользоваться им снова. Им, Шиллинг, похоже, не удалось с нею справиться. Поначалу они частично подчинили ее себе, но удержать свой контроль над нею не смогли. Я наблюдал за борьбой. Она продолжалась в этой комнате в течение нескольких последних часов. С того момента, как сюда прибыл последний член их организации. — Он показал на расплющенное тело светловолосого мужчины в очках. — Дон, так они его звали. Они считали, что ему удастся решить исход борьбы в их пользу, но Матро присовокупил свой дар к ее. Все произошло в какую-то секунду. Минутой раньше все они сидели, каждый на своем стуле, а затем она просто стала расшвыривать их по всей комнате, будто это были не люди, а куклы. Зрелище не из приятных, — добавил он содрогнувшись, — но что уже случилось, то случилось.

— Страшное поражение, — произнес доктор Филипсон, с ненавистью глядя на Мэри-Энн. — Настоящий полтергейст. Не поддающийся никакому контролю. Мы знали об этом, но из-за Патриции и Аллена воспринимали ее такой, какой она есть. Что ж, теперь нам придется начинать все сначала, практически с нуля. Разумеется, мне лично нечего ее особо опасаться. Я всегда могу вернуться к себе на родину на Титан, когда того пожелаю. По-видимому, ее способность к телекинезу не распространяется столь далеко, но если распространяется, то тут уж нам ничего не поделать. Я рискну. Обязан рискнуть.

— Мне кажется, она может разделаться с вами прямо здесь, если захочет, — сказал Матро, затем громко окликнул девушку: — Мэри-Энн! — Она подняла голову. На щеках ее, увидел Джо Шиллинг, были размазаны слезы. — Вы, наверно, не станете возражать, если этот послушный вуг возвратится на Титан?

— Не знаю, — безразличным тоном ответила девушка.

— Они там задерживают Шарпа, — пояснил Джо Шиллинг.

— Понятно, — заметил Матро. — Тогда совсем другое дело. Не отпускайте Филипсона, — сказал он, обращаясь к девушке.

— Хорошо, — кивнув, пробормотала она.

Доктор Филипсон пожал плечами.

— Ну, меня это вполне устраивает. Пусть Шарп возвращается сюда, я же отправлюсь на Титан. — Теперь он говорил совершенно спокойно, но от Шиллинга не ускользнуло, что в глазах Филипсона все еще были тревога и потрясение от увиденного.

— Устроим это прямо сейчас, — предложил Матро.

— Разумеется, — согласился доктор Филипсон. — Мне совсем не хочется находиться поблизости от этой девушки. Это должно быть ясно вам. И я не сказал, что завидую вам и вашим людям, которым придется зависеть от незрелой сумасбродной силы такого рода; она подвержена быстрым сменам настроения и может быть умышленно переориентирована против вас в любой момент времени. — Он сделал небольшую паузу, затем добавил: — Шарп уже возвращен с Титана. Сейчас он находится в моей клинике в Айдахо.

— В этом можно удостовериться? — спросил Матро.

— Наведите справки с помощью своей машины, — сказал доктор Филипсон. — Он должен быть сейчас или там, или где-то поблизости.

Выйдя наружу, Джо Шиллинг нашел на стоянке чью-то машину.

— Кому ты принадлежишь? — спросил он, открыв дверцу кабины.

— Мистеру и миссис Мак-Клейн, — ответил Рашмор-эффект.

— Я хочу воспользоваться видеофоном. — Усевшись в раскаленную на солнце кабину, Джо Шиллинг вызвал свое собственное автоавто, находившееся у клиники доктора Филипсона на окраине Покателло в штате Айдахо.

— Что это теперь вам от меня понадобилось? — услышал он раздраженный голос Макса, своей машины, после довольно длительной паузы.

— Лэйрд Шарп тобою просматривается? — спросил Джо Шиллинг.

— А бог его знает.

— Послушай-ка, — начал Шиллинг, но тут на маленьком видеозэкране показалось лицо Лэйрда Шарпа. — У вас все в порядке? — спросил у него Шиллинг.

Шарп сдержанно кивнул.

— Вы видели этих Игроков на Титане, Джо? Сколько их там было? Мне было не по силам даже сосчитать их.

— Не только видел, но еще и умудрился обжудить их, — не без гордости произнес Шиллинг. — Поэтому-то они и вытолкали меня взащей. Возьмите Макса, это, знаете, моя машина, и летите прямо в Сан-Франциско. Я встречу с вами там. — Старой же сердитой своей машине он велел: — Макс, слушайся во всем Лэйрда Шарпа, черт бы тебя побрал!

— Ладно. Буду слушаться, — раздраженно пробурчал Макс.

Джо Шиллинг вернулся в контору мотеля.

— Я предвидел ваш разговор с адвокатом, — сказал Матро. — Мы отпускаем Филипсона.

Шиллинг только удивленно посмотрел по сторонам. Так оно и случилось: доктора Ю.Р.Филипсона и след простыл.

— Но это далеко не конец, — заметил Пит Гарден. — Филипсон теперь в безопасности на Титане, Готорн же мертв.

— Но их организация, — отметил Матро, — почти полностью уничтожена. Удалось уцелеть только мне и Мэри-Энн. Я не верил своим глазам, когда видел, как она расправилась с Ротманом. Он был стержнем всей организации. — Он наклонился над телом Ротмана и дотронулся до него.

— Как нам поступить, чтобы не попасть впросак? — спросил Джо Шиллинг у Пита. — Мы ведь не можем преследовать их на Титане, верно? — Ему совсем не хотелось оказаться снова лицом к лицу с Игроками с Титана. И все же...

— Нам, пожалуй, не помешало бы обратиться к Е.Б.Блэку. Это единственное стоящее в данной ситуации решение. Не то всем нам конец.

— Мы можем доверять Е.Б.Блэку? — спросил Матро.

— Доктор Филипсон обмолвился, что можем, — ответил Шиллинг. Затем, поразмыслив немного, добавил: — Да, я за то, чтобы мы рискнули.

— И я за это, — подхватил Пит. Чуть позже и Матро кивком выразил свое согласие. — А вы как считаете, Мэри? — спросил Пит у девушки, которая все еще никак не могла прийти в себя и продолжала сидеть, свернувшись калачиком.

— Не знаю, — не сразу ответила девушка. — Не знаю, кому верить. Я теперь не верю даже самой себе.

— Что бы то ни было, но поступить надо именно так, — твердо сказал Шиллинг, затем напомнил Питу, что детектив-вуг сейчас с Кэрл. — Он тебя разыскивает. Если же и на него нельзя полагаться, тогда... — Шиллинг замолчал, сразу же нахмурившись.

— Тогда он погубит Кэрл, — закончил за него Пит.

— Да, — согласился Шиллинг.

— Позвони ему, — предложил Пит. — Отсюда.

Они все вместе вышли из конторы и направились к машине Мак-Клейнов. Шиллинг набрал код квартиры Гардена в Сан-Рафаэле. «Если, так поступая, — думал Шиллинг, — мы сейчас совершаем ошибку, то расплачиваться за нее придется Кэрл своей жизнью и жизнью будущего своего ребенка. Интересно, кто же родится? Мальчик или девочка? Сейчас уже имеется специальный тест для определения пола будущего ребенка. Ответ можно получить по истечении третьей недели беременности. Пит, разумеется, будет рад в любом случае». Шиллинг улыбнулся, подумав об этом.

— Вот он, — взволнованно произнес Пит, когда на экране сформировалось изображение вуга. Вуг-как вуг, отметил про себя Джо Шиллинг, выглядящий он — так, во всяком случае, ему представлялось — точь в точь, как любой другой вуг. Так же, как и выглядит в действительности доктор

Филипсон. Что первым удалось увидеть Питу Гардену. Только он тогда решил, что это галлюцинация.

«Где вы сейчас, мистер Гарден? — дошел до собравшихся возле машины Мак-Клейнов мысленно вопрос вуга, трансформированный в звуки, раздавшиеся из динамика видеофона. — Я вижу, мистер Шиллинг вместе с вами. Вам требуется какая-нибудь помощь от Прибрежного управления полиции? Мы готовы направить соответствующие транспортные средства туда, куда вы нам скажете, в любое удобное для вас время...»

— Мы возвращаемся, — сказал Пит. — Помощь нам не нужна. Как там Кэрл?

«Миссис Гарден очень волнуется, но здоровье ее вполне удовлетворительное».

— Здесь у нас девять мертвых вугов, — сообщил Джо Шиллинг.

Е.Б.Блэк ответил мгновенно, не задумываясь.

«Из Ва-Пей-Нана? Из фракции экстремистов?»

— Да, — ответил Шиллинг. — Еще один вернулся на Титан. Здесь он был как доктор Ю. Р. Филипсон из Покателло, штат Айдахо. Вы его наверняка знаете, он — широко известный психиатр. Мы настоятельно просим тотчас же заняться его клиникой. Там могут скрываться другие.

«Мы постараемся это сделать поскорее, — пообещал Е.Б.Блэк. — Убийцы моего коллеги Уэйда Готорна — среди мертвых вугов?»

— Да, — сказал Джо Шиллинг.

«Это облегчает дело. Скажите, где вы находитесь, и мы пошлем туда кого-нибудь предпринять все необходимое для исполнения должных обрядов над покойными».

Пит объяснил ему, куда надо высылать соответствующих служащих.

— Вот и все, — мрачно заключил Шиллинг, когда экран погас. Он не знал, какие чувства должен был он сейчас испытывать. Не знал, насколько правильно они поступили. «Наверное, ответа на эти вопросы не придется ждать слишком долго», — убеждал он себя. Возвращались все они в контору мотеля, храня гробовое молчание.

— Даже если они доберутся и до нас, — сказал Пит уже у самой двери в контору, — все равно я буду утверждать, что мы сделали все, что было в наших силах. Никому не дано знать абсолютно все на свете. Все это... — он сделал неопределенный жест рукой, — ... настолько уж туманно, все совершенно искажено, люди и вуги, все перемешались между собой, появляясь то в собственном обличье, то принимая чужое. Похоже, я еще не оправился после вчерашнего загула.

— Пит, — почти торжественно произнес Джо Шиллинг. — Я видел Игроков с Титана. И очень близко познакомился с ними.

— Что же нам теперь делать?

— Возродить группу «Красавица-Чернобурка».

— И что тогда?

— Будем играть, — решительно произнес Джо Шиллинг.

— Против кого?

— Против Игроков с Титана. Мы вынуждены это сделать. Они не намерены предоставить нам иной выбор.

Все вместе они вошли в контору мотеля.

* * *

По пути в Сан-Франциско Мэри-Энн произнесла нерешительно:

— Теперь я уже не ощущаю их контроля надо мною так сильно, как раньше. Он ослабел.

— Будем на это надеяться, — сказал Матро. У него был смертельно усталый вид. — Я предвижу, — сказал он Питу Гардену, — ваши попытки восстановить группу. Хотите знать результат?

— Да.

— Полиция даст разрешение на это. Уже сегодня вечером вы снова будете, как и раньше, законным участником Игры. Вы встретитесь в вашей совместной квартире в Кармеле и станете разрабатывать стратегию Игры. В этой точке будущее разветвляется на два параллельных варианта. Воплощение в жизнь того или иного варианта будет зависеть от того, разрешат ли члены группы допустить к Игре Мэри-Энн Мак-Клейн в качестве нового Поручителя.

— Каково же содержание этих двух разветвлений будущего? — спросил Пит.

— Я в состоянии четко разобрать только то, в котором она отсутствует. Для простоты скажу только, что оно не сулит ничего хорошего. Другое — покрыто туманом, ибо переменным фактором в нем является именно сама Мэри-Энн, и поэтому его невозможно предвидеть в рамках обычных причинно-следственных представлений; ее присутствие в нем приводит к пространственно-временной неопределенности. — Он замолчал на мгновение. — Я полагаю на основании интуитивного предвидения, что вам непременно следовало бы настоять на том, чтобы ее ввели в состав группы. Даже несмотря на то, что это будет противозаконным.

— Верно, — заметил Джо Шиллинг. — Это прямое нарушение основополагающих норм, которыми должны руководствоваться участники Игры в Блеф — будь то отдельные лица или организации. Не допускаются к Игре лица с какими бы то ни было экстрасенсорными способностями. Но нашими противниками являются не люди, обычно лишенные таковых способностей. Это уроженцы Титана, прирожденные телепаты. Для меня очевидна ценность введения Мэри-Энн в игровую группу. Включение ее в состав участников Игры уравнивает их телепатические и телекинетические возможности. В противном случае, у них будет над нами подавляющее преимущество. — Тут он снова вспомнил о подмене карты, которую он вытянул, об изменении ее номинала с двенадцати на одиннадцать. Вряд ли мы сможем противопоставить что-либо этому. Даже имея на своей стороне Мэри...

— Меня следовало бы тоже допустить к Игре, если это возможно, —

сказал Матро. — Хотя закон мне не возбраняет как Поручителю принимать участие в Игре. «Красавицу-Чернобурку» необходимо убедить в чрезвычайной важности предстоящей Игры, члены группы должны четко себе представлять, каковы ставки на этот раз. Это не просто смена обладателей прав собственности недвижимого имущества, не состязание между Поручителями за более высокий социальный статус. Это продолжение нашей старой борьбы с общим для всех нас противником, возобновившейся с новой силой после прошествия стольких лет. Если вообще эта борьба когда-нибудь полностью прекратилась.

— Она действительно никогда не прекращалась, — наконец вступила в беседу Мэри-Энн. — Мы это прекрасно понимали, те, кто состоял в нашей организации. Или вуги, или мы, земляне. В этом вопросе наши взгляды полностью совпадали.

— Что, как вы предвидите, нам удастся заполучить разрешение у Е.Б. Блэка и высокого полицейского начальства? — спросил Пит у Матро.

— Я предвижу встречу между Региональным Уполномоченным Ю.С. Каммингсом и Е.Б. Блэком. А вот результат этой встречи для меня неясен. Есть нечто такое, связанное с Ю.С. Каммингсом, что вводит в расклад возможностей новый переменный фактор. Мне хотелось бы знать со всей определенностью, а не является ли экстремистом Ю.С. Каммингс? Как там называется эта фракция?

— Ва-Пей-Нан, — ответил Джо Шиллинг. — Так ее назвал Е.Б. Блэк. — Он никогда раньше не слышал этого словосочетания, пока его не назвал им детектив-вуг. Он перебирал в уме составляющие этого странного названия, пытаясь уловить его глубинный смысл, пока ускользавший от него. Пришлось прекратить эти попытки. Он не мог себе представить, что же это за фракция и что стоит за принадлежностью к ней.

«Я не в состоянии воспроизвести в своем сознании умственные построения вугов, — понял он, — не могу проникнуться их складом ума. И это очень плохо, потому что, если мы не можем вообразить себя на их месте, то как же мы сумеем предугадывать их замыслы? Даже несмотря на наличие среди нас опытного прекога».

Он не ощущал особой в себе уверенности. Тем не менее он предпочел не говорить об этом никому из людей, находившихся вместе с ним в машине.

«Скоро, — подумал он, — мы — усиленная игровая группа «Красавица-Чернобурка» — сделаем свой первый ход в борьбе с пришельцами с Титана. Мы, по-видимому, получим определенную поддержку со стороны Матро и Мэри-Энн Мак-Клейн, но будет ли этого достаточно для победы? Не так уж силен дар предвидения у Матро, а на Мэри-Энн вообще нельзя рассчитывать, как указал на то доктор Филипсон». И все же он был доволен, что она была с ними, а не с их противниками. «Без Мэри-Энн, — с определенной долей горечи подумал он, — мы с Питом так и остались бы в том зачуханном мотеле посреди пустыни и бесплодно бились бы над выработкой стратегии борьбы с Игроками с Титана».

— Я буду очень рад передать вам обоим права на недвижимость, — сказал Пит, обращаясь к Мэри-Энн и Дэйву Матро. — Мэри, забирайте себе Сан-Рафаэль. А вы, Матро, вам я передаю права на Сан-Ансельмо. Это, я надеюсь, позволит вам занять места за Игровым столом.

Никто не откликнулся на это заявление, так как никто не испытывал особого оптимизма в отношении предстоящей Игры.

— Как, все-таки, блефовать, — спросил Пит, — имея перед собой телепатов?

Это был прекрасно сформулированный вопрос. Фактически, именно от ответа на этот вопрос все и зависело.

Но никто из них не мог на него ответить. «Они вряд ли смогут изменить значение карт, которые мы будем вытягивать, — размышлял про себя Шиллинг, — так как среди нас будет Мэри-Энн, которая будет противостоять этим их усилиям, тем самым стабилизируя положение. Тем, что будет сохраняться номинал наших карт. Однако...» — Если нам и удастся выработать выигрышную стратегию, — сказал Пит, — то для этого понадобится коллективный мозговой штурм всех членов группы «Красавица-Чернобурка». У любого из нас может появиться идея, которой мы сможем воспользоваться.

— Ты так считаешь? — спросил Шиллинг.

— Так оно должно быть, — резко ответил Пит.

15

В этот же вечер, в десять часов, все члены группы встретились в своей совместной квартире в Кармеле. Первым прибыл Сильванус Энгст, на этот раз — наверняка впервые за всю свою жизнь — трезвый и молчаливый, но как и всегда, с бумажным мешком, в котором было не меньше литра виски. Он поставил его на буфет и повернулся к Питу и Кэрл Гарденам, которые пришли сразу же за ним.

— Я просто не в состоянии представить себе, что к Игре могут быть допущены ЭКСы, — пробормотал Энгст. — Как я понял, вы говорите о чем-то таком, что навсегда отстранит нас от участия в Игре.

— Подождем, пока соберутся все остальные, — сухо и весьма неприветливо произнес Билл Кэлюмайн, обращаясь к Энгсту.

— Я хочу переговорить с ними обоими, — сказал он Питу, — прежде, чем приму решение. С девушкой и с прекогом, который, насколько я понимаю, принадлежал к нью-йорскому окружению Джерома Лакмена. — Хотя теперь Кэлюмайн и был в результате голосования отстранен от поста ведущего, он тем не менее по инерции взял на себя обязанность руководить группой. «И, вероятно, хорошо, что он это сделал», — решил Пит.

— Ты прав, — пробормотал рассеянно Пит. Подойдя к буфету, он заглянул в мешок, чтобы выяснить, что же это приволок сюда Сильванус Энгст. Канадское виски очень высокого качества. Пит налил себе рюмку и подставил ее под автомат для производства кубиков льда.

— Благодарю вас, сэр, — пропищал автомат.

Пит стал размешивать кристаллики льда, повернувшись спиной к комнате, которая медленно, но верно наполнялась людьми. До него доносились их приглушенные голоса.

— И не один, а сразу два ЭКСа!

— Да, но результат того стоит. Патриотизм надо подкреплять делом.

— Ну и что? Игра будет прекращена, как только выявится присутствие ЭКСов.

— Она может не состояться, если их лишат прав Поручителей после этого скандала с как их там называют? Ву-Пу-Ноном? Что-то вроде этого, если верить статье в «Хронике». В общем, со смутьянами из среды вугов.

— Вы читали эту статью? Гомеостатическая система «Хроники» сделала вывод о том, что именно вот эти Ву-Пу-Ноны являются непосредственными виновниками низкого уровня нашей рождаемости.

— Она только намекает на это.

— Простите?

— Вы сказали «сделала вывод». Вы передернули смысл статьи.

— Как ни верти, но если не придирайтесь к словам, то главное, о чем бы я хотел сказать, — это то, что мы просто обязаны принять двоих ЭКСов в состав группы «Красавица-Чернобурка». Этот вуг-сщик, этот Е.Б. Блэк сказал нам, что мы можем получить преимущество только в том случае, если...

— Вы ему верите? Этому вугу?

— Он — вуг порядочный. Неужели до вас это еще не дошло?

Стюарт Маркс стал назойливо трясти Пита за плечо.

— Разве не вы сами пытались нас в этом убедить?

— Не знаю, — ответил Пит. Действительно, он теперь ничего не знал со всей определенностью. Он чертовски устал. «Даже не дают спокойно допить свою рюмку», — подумал он и снова повернулся спиной к комнате, наполнявшейся спорящими друг с другом мужчинами и женщинами. Ему очень хотелось, чтобы поскорее прибыл Джо Шиллинг.

— А я говорю, давайте сразу же примем их. Это необходимо для нашего собственного благополучия. Мы же не играем друг против друга, мы играем против этих буги-вугов. А они, с их способностью читать мысли, автоматически у нас выигрывают, если только нам не удастся противопоставить им какую-нибудь новинку. И эта новинка должна исходить от этих двух ЭКСов, верно? Откуда еще взяться чему-то новенькому? Из воздуха, что ли?

— Мы не сможем играть против вугов. Они просто посмеются над нами. Подумайте только, ведь они овладели памятью шести из нас прямо здесь, в этой комнате, чтобы сообща убить Джерома Лакмена. Если они в состоянии проделать такое...

— Только не со мной. Меня не было среди этих шестерых.

— Но вполне могли оказаться среди них. Просто так случилось, что они обошли вас своим вниманием.

— Все равно, если вы читали эту статью в гомеогазете, то должны были понять, что вуги знают свое дело. Они убили Лакмена и этого детектива Готорна, похитили Пита Гардена, а затем...

— Газеты все преувеличивают.

— О, с вами бесполезно разговаривать. — Джек Блау отделился от остальных и стал рядом с Питом. — Когда прибывают сюда эти двое? Эти два ЭКСа.

— Когда угодно, да хоть сейчас, — ответил Пит.

Подошла Кэрл, обвила своей бархатистой обнаженной рукой руку Пита и спросила:

— Что это ты там, дорогой, пьешь?

— Канадское виски.

— Все меня поздравляют с ребенком. Кроме, разумеется, Фрэйи. Да и она, как мне кажется, поздравила бы, если бы...

— Если бы могла примириться с этим, — сказал Пит.

— Ты тоже считаешь, что это вуги — или по крайней мере часть их — умышленно поддерживают среди нас низкую рождаемость?

— Да, — ответил Пит.

— Так что, если мы победим, у нас станет рождаться больше детей? Он кивнул.

— И в наших городах будет еще кто-нибудь, кроме миллиардов рашморовских устройств, бубнящих вечно одно и то же: «Да, сэр; нет, сэр»? — Кэрл сжала его руку.

— А если мы не выиграем, — сказал Пит, — то очень скоро на нашей планете совсем прекратится рождаемость. И человечество вымрет.

— О, — уныло протянула Кэрл.

— Это налагает на нас такую большую ответственность, — иронически произнесла Фрэйя Гарден Гейнс, неожиданно возникнув с ним рядом. — Послушать тебя, так и жить не захочется.

Пит пожал плечами.

— И Джо был тоже на Титане? Вы оба там были?

— Джо, я и Лэйрд Шарп, — ответил Пит.

— И перенесены были туда мгновенно?

— Да.

— Как это необычно.

— Уходи, — сказал Пит.

— Я намерена голосовать против приема в группу этих двух ЭКСов, — сказала Фрэйя. — Я могу сказать тебе об этом, Пит, уже сейчас.

— Вы просто идиотка, миссис Гейнс, — заметил Лэйрд Шарп. Он тоже стоял поблизости, прислушиваясь к разговору. — И это самое меньшее, что я мог бы вам сказать. Все равно, я в этом не сомневаюсь, вы останетесь в меньшинстве.

— Вы боретесь с традицией, — отпарировала Фрэйя. — Людям не свойственно легко отказываться от того, к чему они привыкли за сто лет.

— Даже в том случае, если речь идет о собственном спасении? — спросил у нее Лэйрд Шарп.

— Никто не видел этих Игроков с Титана, кроме Джо Шиллинга и вас, — сказала Фрэйя. — Даже Пит не осмеливается утверждать, что видел их.

— Они существуют, — тихо промолвил Шарп. — И будет лучше, если вы поверите этому. Потому что пройдет совсем немного времени, и вы увидите их тоже.

Забрав с собой бокал, Пит прошел через всю квартиру и вышел на свежий воздух. Стоял прохладный калифорнийский вечер. С бокалом в руке Пит стал дожидаться в темноте, сам не зная чего и кого. Может быть, прибытия Шиллинга и Мэри-Энн?

А может быть, чего-то еще, чего-то, имеющего для него еще большее значение? «Я жду начала Игры, — сказал он самому себе. — Той последней Игры, в которой мы, земляне, вообще будем принимать участие».

Он ждал прибытия Игроков с Титана.

«Патриция Мак-Клейн, — думал он, — мертва, но в определенном смысле, она никогда и не существовала на самом деле. То, что я видел, было видимостью, подделкой. Той, в кого я был влюблен, если это подходящее для данного случая слово... той все равно не было, так что как я могу утверждать, что потерял ее? Чтобы говорить о том, что что-то потерял, нужно сначала обладать этим чем-то.

В любом случае, не стоит об этом слишком уж задумываться, — решил он. — У нас есть о чем беспокоиться и без этого. Доктор Филипсон сказал, что Игроки принадлежат к фракции умеренных. Какая ирония заключается в том, что нам в конце концов необходимо побеждать не отщепенцев-экстремистов, а само ядро Великих Игроков! Может быть, вот это-то и лучше всего. Мы открываем огонь по самой сердцевине их цивилизации, не по вугам вроде Ю.Р. Филипсона, а скорее по таким, как Е.Б. Блэк. Достойным уважения противникам. Которые играют, строго придерживаясь правил.

Это все, на что только мы можем рассчитывать, — понял Пит, — на тот факт, что эти Игроки законопослушны. Если же это не так, если они такие, как Филипсон или Мак-Клейны...

Мы бы тогда не встретились с ними за Игровым Столом. Они просто убили бы нас, как они убили Лакмена или Готорна, вот и все».

С неба стала спускаться еще одна машина с ослепительно горящими фарами, остановилась у бордюра рядом с другими. Фары потухли. Открылась дверца, и показалась фигура мужчины. Мужчина вприпрыжку направился к Питу.

Кто это? Как он ни напрягался, узнать мужчину никак не удавалось.

— Привет, — произнес мужчина. — Вот и я. Решил сюда заглянуть после того, как прочитал статью в гомеогазете. Весьма интересно. Я бы сказал, дружище, даже очень интересно. Верно?

— Кто вы?

— Неужели вы меня не узнаете? — невозмутимо продолжал мужчина все в той же игровой манере. — А я-то был уверен в том, что абсолютно все знают, кто я. Можно посидеть сегодня вечером в вашей группе? Не сомневаюсь в том, что получу от этого немалое удовольствие. — Он подошел к крыльцу и стал рядом с Питом. Движения его были уверенны и проторны, рука протянута для приветствия. — Я — Нат Кэтс.

* * *

— Разумеется, вы можете понаблюдать за нашей Игрой, мистер Кэтс, — сказал Билл Кэлюмайн. — Для нас большая честь ваше присутствие в нашем обществе. — Взмахом руки он потребовал мгновенного наступления тишины в группе «Красавица-Чернобурка». — Это всемирно известный диск-жокей и звезда эстрады Нат Кэтс, которого мы все так привыкли видеть по телевизору. Он просит разрешения присутствовать сегодня на нашей встрече. Никто не возражает?

Группа молчала, не зная, как поступить.

«Что это там говорила Мэри-Энн о Кэтсе», — стал припоминать Пит. Он спросил у нее тогда, а не является ли этот Нат Кэтс центральной фигурой среди враждебных землянам углов. И Мэри-Энн ответила утвердительно. Тогда, во всяком случае, это ее заявление не вызывало у него сомнений.

— Подождите, — сказал Пит.

— Неужели у вас имеются веские основания отказать в присутствии этому человеку? — повернувшись к Пити, произнес Билл Кэлюмайн. — Не могу поверить, что вы серьезно...

— Подождите, пока не прибудет Мэри-Энн, — сказал Пит. — Пусть она решит, как нам поступить с Кэтсом.

— Но ведь она даже не является членом нашей группы; — возразила Фрэйя Гейнс.

Воцарилась гнетущая тишина.

— Если он пройдет сюда, — предупредил Пит, — я уйду.

— И куда же? — удивился Кэлюмайн.

Пит промолчал.

— Девушка, которая даже не является членом нашей группы... — начал было Кэлюмайн.

— На каком основании вы возражаете против него? — спросил у Пита Стюарт Маркс. — Насколько рациональны ваши возражения? Вы в состоянии четко их сформулировать? — теперь все глядели только на Пита, пытаясь выяснить, что же это у него на уме.

— Положение наше гораздо хуже, чем представляется любому из вас, — пояснил Пит. — Наши шансы обыграть своих противников ничтожно малы.

— И что из этого? — не унимался Стюарт Маркс. — Какое отношение это имеет к...

— Мне кажется, — сказал наконец Пит, — что Кэтс на их стороне.

В ответ на эти слова Нат Кэтс громко расхохотался. Это был смуглый красивый мужчина с чувственными губами и умным пронизательным взглядом.

— Вот это новость, — сказал он. — Уж в чем только меня не обвиняли, но это уж слишком. Я родился в Чикаго, мистер Гарден. Заверяю вас, я коренной землянин. Хо-хо-хо! — Его круглое живое лицо излучало всепокоряющее добродушие. Вид у Кэтса был совсем не обиженный, он был просто изумлен выходкой Пита. — Вы хотите познакомиться с моим свидетельством о рождении? Пожалуйста, дорогой дружище Гарден. Меня весь мир знает как облупленного, без дураков. Будь я вугом, это бы уже давно вылезло на свет божий. Разве не так? Верно?

Пит продолжал медленно тянуть виски. Руки его, он только сейчас это заметил, сильно дрожали. «Неужели я совсем утратил связь с реальностью? — задал он себе вопрос. — Может быть. Может быть, я так и не оправился полностью после своего загула, после этого кратковременного приступа паранойи. И мне ли судить о личности Кэтса?

И вообще, а должен ли я сам быть здесь? — мелькнуло в его голове. Может быть, — признался он в душе, — это мне приходит конец. А все не им. Только мне лично. В конце концов».

— Я ухожу, — произнес он вслух. — Вернусь сюда попозже. — Развернувшись, он аккуратно поставил бокал с недопитым виски и вышел из комнаты. Спустился по ступенькам крыльца и направился к своей машине. Забравшись внутрь, хлопнул дверью и очень долго сидел, погруженный в раздумья.

«Может быть, вред, который я теперь наношу группе, больше, чем та польза, которую я мог бы принести, — подумал он. Закурил сигарету и тут же ее выбросил. — Из всего, что мне известно о Нате, может быть, как раз он и станет тем генератором идей, которых нашей группе так не хватает. Он — малый, не лишенный воображения».

На крыльце появился кто-то, окликнул Пита.

— Эй, Пит, что вы там делаете? Пожалуйста, возвращайтесь!

Пит запустил двигатель.

— Трогай, — велел он машине.

— Слушаюсь, мистер Гарден, — машина подалась вперед, затем оторвалась от мостовой, пронеслась, мигая всеми своими огнями, над другими припаркованными здесь машинами, стала быстро набирать высоту над крышами Кармела, а затем, в конце концов, направилась в сторону Тихого океана, побережье которого было на четверть мили западнее.

«Все, что мне осталось сделать, — лениво размышлял Пит, — это отдать распоряжение на посадку, потому что через минуту мы уже будем над океаном».

Подчинится ли его приказу Рашмор-эффект машины? Скорее всего, подчинится.

— Где мы сейчас? — спросил он у машины, чтобы удостовериться в том, что она знает это.

— Над Тихим океаном, мистер Гарден.

— Что ты станешь делать, — произнес он, — если я попрошу тебя сесть?

Машина ответила не сразу.

— Позвоните доктору Мэси в ... — машина запнулась, не решаясь продолжать. Он слышал, как где-то под ее капотом защелкали реле, перебирая различные комбинации. — Я произведу посадку, — решила машина, — как будет велено.

Машина сделала свой выбор. А он?

«Мне не следует давать волю своей депрессии, — уговаривал он сам себя. — Я не должен совершать поступки, подобные этому. Это неразумно».

Однако поступил он именно так.

Некоторое время ему удавалось смотреть, не отрываясь, на быстро приближающуюся черную массу воды. А затем, круто заложив штурвал, он описал широкую дугу в воздухе и направился назад в сторону берега. «Такое решение не для меня, — окончательно понял Пит. — Не океан. Лучше я поищу что-нибудь в собственной квартире, что-нибудь, что смогу принять. Флакон фенотарбиталя или эмфитала».

Он пролетел над Кармалом, затем повернул к северу и вскоре был уже над южными окраинами Сан-Франциско. А еще через несколько минут показался Приморский округ. Прямо перед ним разворачивалась панорама Сан-Рафаэля. Он отдал машине распоряжение совершить посадку у здания, в котором находилась его квартира, и, откинувшись назад, стал ждать.

— Мы приехали, сэр, — машина слегка уткнулась в бордюр. Двигатель выключился, послушно открылась дверь.

Пит вышел из кабины, подошел к двери парадной, открыл ее ключом и прошел внутрь здания. Наверху он обнаружил дверь в свою и Кэрл квартиру незапертой, открыл ее и вошел.

Повсюду горел свет. В гостиной, в центре дивана, восседал высокий мужчина средних лет и читал «Хронику».

— Вы забыли, — произнес мужчина, откладывая в сторону газету, — о том, что преког в состоянии предвидеть каждую возможность, связанную с поворотом событий, исход которых он хочет узнать. А ваше самоубийство было бы потрясающей новостью. — Дэйв Матро поднялся, засунув руки в карманы. Казалось, чувствовал он себя совершенно непринужденно. — Вы выбрали очень неудачное время для совершения самоубийства, Гарден.

— Почему? — поинтересовался Пит.

— Потому что, — спокойно отвечал Матро, — если вы его не совершите, то подойдете совсем близко к разрешению проблемы Игры. К ответу на вопрос, как можно блефовать, не опасаясь немедленного разоблачения, играя с представителями расы телепатов. Я лично не в состоянии угадать этот ответ. Только вы можете до этого додуматься. Но он есть, должен быть. И его не было бы, однако, если бы вы погибли десятью минутами раньше. — Он кивнул в сторону ванной комнаты, явно имея на уме

находящуюся там аптечку. — Я изучил последовательность событий, ведущих к осуществлению того будущего, которое меня бы устраивало в наибольшей степени. Пока я здесь находился, я выбросил все ваши таблетки. Аптечка пуста.

Пит сразу же прошел в ванную комнату, чтобы проверить слова Матро.

Не осталось даже аспирина. Перед ним были одни пустые полки. Обращаясь к аптечке, он произнес сердито:

— Ты позволила ему это сделать?

Рашмор-эффект аптечки подобострастно ответил:

— Он сказал мне, что это для вашего же собственного блага, мистер Гарден. И вы сами не хуже меня знаете, на что способны, когда находитесь в подавленном состоянии.

Хлопнув дверцей аптечки, Пит вернулся в гостиную.

— Ваша взяла, Матро, — признался он. — По крайней мере, в одном вопросе. В отношении того, что было у меня на уме...

— Вам, разумеется, отнюдь не возбраняется прибегнуть к какому-нибудь другому способу, — хладнокровно заметил Матро. — Но подсознательно вас влечет к совершению самоубийства только с помощью принимаемых внутрь средств. Ядов, наркотиков, снотворных, галлюциногенов и тому подобное. — Он улыбнулся. — У вас имеется стойкое внутреннее неприятие других любых способов самоубийства. Например, падения в волны Тихого океана.

— А вы в состоянии высказаться более определенно в отношении того, удастся ли мне все-таки разрешить проблему Игры? — поинтересовался Пит.

— Нет, — ответил Матро. — Не в состоянии. Это зависит только от вас.

— Спасибо, — язвительно ухмыльнувшись, произнес Пит.

— Тем не менее кое-что я вам скажу. Сделаю намек. Такой, который может приободрить вас, а может — и нет. Я не в состоянии сделать предвидение с высокой степенью достоверности, так как внешне вы никак не выразите свое отношение к тому, что я вам скажу. Так вот, Патриция Мак-Клейн не погибла.

Пит уставился на Матро.

— Мэри-Энн не убила ее. Она просто уснула куда-то. Не спрашивайте у меня, куда, ибо я не знаю этого. Но я предвижу присутствие Патриции в Сан-Рафаэле в течение нескольких следующих часов. В ее собственной квартире.

Пит совершенно не знал, что говорить. Он просто продолжал глядеть на прекога.

— Вот видите? — заметил Матро. — Никакой очевидной реакции с вашей стороны. По-видимому, вас булбуревуют противоречивые чувства. И будет она здесь очень недолго, — добавил он. — А затем возвращается на Титан. И не с помощью телекинетических способностей доктора Филиппсона, а прибегнув к более традиционному средству передвижения, на борту межпланетного корабля.

— Она действительно на их стороне, это так? Вы в этом не сомневаетесь?

— Нисколько. Она на самом деле на их стороне. Но ведь это не остановит вас, не так ли?

— Не остановит, — сказал Пит и направился к выходу из квартиры.

— Можно мне с вами? — спросил Матро.

— Зачем?

— Чтобы она не смогла вас убить.

Пит призадумался на мгновение.

— Это в самом деле именно так?

Матро только кивнул в ответ.

— Совершенно определенно, и вы об этом знаете. Вы сами видели, как они застрелили Готорна.

— Ладно. Идите со мной. — Затем Пит добавил: — Благодарю вас. — Последние два слова он произнес с трудом.

Из парадной они вышли вместе. Пит чуть впереди Дэйва Матро. Уже на улице Пит спросил:

— Вам известно о том, что в нашей совместной квартире в Кармеле объявился этот диск-жокей Нат Кэтс?

— Да, — сказал Матро. — Я встречался с ним примерно час тому назад и беседовал с ним. Он был весьма почтителен со мною. Мне впервые довелось встретиться с ним во плоти, хотя я, разумеется, слышал о нем. — Сделав некоторую паузу, он добавил: — Именно из-за него я перешел на другую сторону.

— Переметнулись к противнику? — Пит остановился и повернулся лицом к Матро, который шел на шагзади.

И обнаружил, к своему величайшему изумлению, направленное на себя дуло теплоизлучателя.

— На сторону Кэтса, — хладнокровно пояснил Матро. — Просто оказываемое им на меня психологическое давление, Пит, оказалось для меня настолько сильным, что я уже не мог по-настоящему ему противиться. Нат — исключительно могущественная личность. Он был избран лидером Ва-Пей-Нана здесь, на Земле, далеко не случайно. Давайте лучше продолжим свой путь к квартире Патриции Мак-Клейн. — Он красноречиво взмахнул оружием.

* * *

Поразмыслив немного, Пит спросил:

— А почему вы все-таки не дали мне совершить самоубийство? Почему вы вообще вмешались?

— Потому что, — ответил Дэйв Матро, — вскоре вы тоже перейдете на нашу сторону, Пит. Мы сможем извлечь из вас немалую для себя выгоду. Ва-Пей-Нан не одобряет практикуемый ныне способ разрешения любых проблем с помощью Игры. Стоит нам только с вашей помощью проникнуть в группу «Красавица-Чернобурка», мы вообще сможем прекратить

Игру с этой стороны Стола. Мы уже обсудили этот вопрос с умеренным крылом на Титане, однако они полны решимости играть. Им нравится играть, и они интуитивно чувствуют, что противоречия между двумя культурами должны решаться в рамках законности. Нет нужды еще раз повторять то, что Ва-Пей-Нан никак не может согласиться с этим.

Они продолжали идти по неосвещенному тротуару к квартире Мак-Клейнов, Дэйв Матро чуть позади Пита Гардена.

— Мне следовало бы догадаться об этом, — сокрушенно произнес Пит. — Когда объявился Кэтс. У меня было предчувствие, но я не стал на него полагаться. — Значит, ими пронизана вся группа, а теперь — через него — непосредственно. Он уже сожалел о том, что у него не нашлось достаточно мужества бросить свою машину в пучину океана; он-таки был прав: это был наилучший выход для всех, о ком он тревожился. Для всех и всего, во что он верил.

— Когда начнется Игра, — сказал Матро, — я буду там, и вы, Пит, тоже, и мы откажемся играть. К тому времени, возможно, Нату Кэтсу удастся убедить и всех остальных. Столь далеко я пока что не в состоянии заглядывать в будущее. Альтернативные последовательности событий для меня неясны, сам не могу разобраться почему. — Теперь они уже почти достигли квартиры Мак-Клейнов.

Открыв дверь в квартиру, они увидели, что Патриция Мак-Клейн лихорадочно пакует чемоданы. Она даже не приостановилась, когда они появились на пороге.

— Я уловила ваши мысли, как только вы вошли в парадную, — сказала она, неся охапку одежды из гардероба. На лице ее, увидел Пит, было испуганное выражение загнанного животного. Она полностью лишилась физических и душевных сил после губельного столкновения с Мэри-Энн. Она настолько поспешно паковала вещи, как будто отчаянно боролась изо всех остававшихся еще у нее сил за то, чтобы отодвинуть хоть немного ту неумолимую, но пока что еще неясно обозначенную черту, за которой могло быть только одно — небытие.

— Куда это вы собираетесь? — спросил Пит. — На Титан?

— Да, — ответила Патриция. — Как можно дальше от этой девушки. Там она не сможет причинить мне вреда. Я буду в безопасности. — Руки у нее, Пит это заметил, тряслись, когда она безуспешно пыталась закрыть чемодан. — Помогите мне, — взмолилась она, обращаясь к Матро.

Матро услужливо защелкнул ее чемодан.

— Прежде, чем вы нас покинете, — обратился к ней Пит, — позвольте мне спросить вас вот о чем. Как же все-таки жители Титана участвуют в Игре, будучи телепатами?

— А разве вам теперь не все равно? — проговорила Патриция, сумрачно глядя на него. — После того, как Кэтс и Филипсон окончательно с вами разделились?

— Нет, далеко не все равно, — сказал он. — Жители Титана ведут Игру вот уже в течение длительного времени, поэтому ясно, что они нашли

способ включить свой природный дар в качестве одного из элементов Игры либо...

— Они блокируют свои способности, — ответила Патриция.

— Понятно, — сказал Пит. Хотя на самом деле ничего не понял. Блокируют, но каким образом? И до какой степени?

— Принимая определенные препараты. Эффект которых подобен тому, что оказывает на землян фенофтиазин и его производные.

— Фенофтиазины, — пояснил Матро, — в больших дозах назначаются шизофреникам. Прием их в крупных количествах предотвращает приступы паранойи.

— Они снимают шизофренические галлюцинации, — сказала Патриция, — потому что понижают чувствительность неосознаваемых телепатических ощущений. Они блокируют параноидальные ответные реакции на улавливаемую телепатически враждебность со стороны других лиц. Обитатели Титана располагают медикаментами, которые обладают точно таким же механизмом воздействия на их психику, а правила Игры, которыми они руководствуются, требуют от них устранения их телепатических способностей или, по крайней мере, снижения их до определенного уровня.

Матро, поглядев на часы, произнес:

— Он должен быть здесь с минуты на минуту, Патриция. Вы, естественно, подождете его?

— Зачем? — спросила она, все еще продолжая рассеянно подбирать разбросанные по всей квартире различные предметы своего туалета. — Я не хочу оставаться здесь. Я только хочу поскорее отсюда выбраться. Пока не случилось еще что-нибудь. Что-нибудь еще, связанное с нею, с Мэри-Энн.

— Нам понадобится объединить усилия всех нас троих для того, чтобы оказать должное воздействие на Гардена. И сделать это именно здесь, — подчеркнул Матро.

— С вами тогда будет Нат Кэтс, — возразила Патриция. — Я еще раз повторяю, что не намерена здесь оставаться ни одной лишней минуты!

— Но Кэтс пока что еще в Кармеле, — терпеливо разъяснил Матро, — а нам нужно тщательно обработать Гардена, чтобы он принял нашу сторону еще до того, как мы покажемся в Кармеле.

— Не рассчитывайте на мою помощь, — сказала Патриция, не обращая внимания на уговоры Матро. Она все еще, казалось, продолжала тот головокружительный полет, в который ее послала Мэри-Энн, и страстно желала только одного — поскорее покинуть планету, где такое могло с ней случиться. — Послушайте, Дэйв, говорю честно, как перед Господом Богом: меня волнует только одно — я не хочу еще раз испытать то, что выпало на нашу долю в Неваде. Вы были там, вы знаете, о чем я говорю. А в следующий раз она и вас не пощадит, потому что теперь вы с нами. Я советую вам тоже поскорее убраться отсюда. Пусть Ю.Р. Филипсон сам расхлебывает кашу, которую заварил Мэри-Энн, поскольку у него иммунитет к ее способностям. Но это ваша жизнь, вам и решать, как ею

распорядиться. — Она продолжала говорить, но Матро сел и, не выпуская из рук излучатель, стал угрюмо дожидаться появления доктора Филлипсона.

«Блокировать их, — мысль эта не выходила из головы Пита. — Блокировать экстрасенсорные способности обеих сторон, как сказала Патриция. Можно достичь с ними соглашения. Мы будем принимать феноптизины, они — те средства, к которым они обычно прибегают. Значит, они плутовали, когда читали мои мысли. И обязательно будут, — подумал он, — пытаться мошенничать еще. Им нельзя доверять. Нельзя полагаться на их заверения в том, что они заблокировали свои способности. Они, похоже, считают, что их нравственные нормы могут не соблюдаться, когда речь идет о нас».

— Верное умозаключение, — призналась Патриция, уловив его мысли. — Они вовсе не собираются блокировать свои способности, когда им придется играть с вами, Пит. А вы не в состоянии принудить их к этому, так как, играя сами, не оговариваете участие в Игре подобными условиями. Вы не можете предъявить со своей стороны обоснованные законные требования подобной блокировки.

— Мы можем доказать им, что никогда не подпускали к Игровому Столу телепатов, — возразил Пит.

— Однако собираетесь прибегнуть к их услугам теперь. Ваша группа проголосовала за включение в ее состав моей дочери и Дэйва Матро, разве это не так? — она как-то криво и безжалостно ему улыбнулась, глаза же ее при этом оставались все такими же тусклыми и безжизненными. — Вот такие-то дела, Пит Гарден. Хуже некуда. Но вы, по крайней мере, хоть пытались что-то предпринять.

«Как же все-таки уравнивать шансы в Игре против телепатов? — эта мысль не выходила у Пита из ума. — Блокировка с помощью биохимических препаратов — она действует как подавитель зрительных восприятий, притупляет те участки коры головного мозга, которые заведуют экстрасенсорными способностями. Они могут быть притуплены в определенной степени, но не полностью. Можно получить различные градации экстрасенсорной чувствительности, варьируя количество принимаемых препаратов. Десять миллиграммов феноптизина могут притупить их, шестьдесят — подавить полностью».

И вот здесь-то его и осенило. «Предположим, мы не станем смотреть на карты, которые вытягиваем. Тогда в нашем сознании телепатам с Титана нечего будет читать, потому что нам самим будет неведом номинал вытягиваемой карты, мы сами не будем знать ее числового значения...»

— Ему почти удалось решить эту задачу, — сказала Патриция, обращаясь к Матро. — Он только забывает о том, что ему уже не доведется играть на стороне землян. К тому времени, когда он займет место у Игрового Стола, он будет полностью принадлежать нам. — Теперь она принесла еще одну сумку и стала поспешно наполнять ее различной мелочью.

«Если бы нам удалось вернуть себе Матро, — подумал Пит, — привлечь его на свою сторону. Мы тогда, пожалуй, могли бы и выиграть. Потому что я, в конце концов, догадался, как это сделать».

— Знать-то вы знаете, — сказала Патриция, — только какой толк в этом знании?

Пит стал рассуждать вслух:

— Мы бы могли приглушить его способности предвидеть будущее до какой-то ему самому неизвестной степени. До такой, что этот его дар станет непредсказуемым.

А сделать это можно с помощью таблеток фенотиазина со специальным наполнителем, который бы обеспечивал медленное и неравномерное обогащение крови фенотиазином, благодаря чему эффективность таких таблеток была бы различной на протяжении периода в несколько часов. Матро сам не будет знать, блефует он или нет, не будет способен знать с достаточной определенностью, насколько точны его догадки в отношении будущих событий. Он вытянет карту и, так и не взглянув на нее, передвинет нашу фишку на какое-то число квадратов вперед. Если его дар предвидения в этот определенный момент времени будет особенно обостренным, то его догадка о том, как надо передвинуть фишку, будет верной. Его ходы не будут блефом. Если же в этот момент притупляющее воздействие препарата будет превышать степень его проницательности, то это...

...это будет блефом. И Матро сам не будет знать об этом. Все это очень несложно будет устроить. Кто-то другой должен приготовить таблетки, меняя произвольно количество наполнителя в каждой таблетке и тем самым устанавливая различную скорость высвобождения препарата в кровь.

— Однако, — тихо произнесла Патриция, — Дэйв не на вашей стороне Игрового Стола, Пит.

— Но ведь я прав. Вот как мы могли бы сразиться с телепатами с Титана и победить их.

— Да, — согласилась Патриция.

— Значит, он все-таки догадался, какой тактики придерживаться? — спросил у нее Матро.

— Догадался, — ответила Патриция. — Мне очень жаль вас, Пит, жаль потому, что вы все-таки дошли до этого, но сделали это слишком поздно. Вот была бы потеха для ваших людей! Тщательно отмерять количество компонентов для каждой таблетки, прибегая при этом к всевозможным замысловатым формулам и графикам для определения скорости высвобождения препарата. Ее тоже можно варьировать, если захотите, сделав ее величиной случайной, либо давать ей фиксированное, однако такое заданное значение, которое...

— Как все-таки вы можете спокойно здесь находиться, зная, что вы предаете нас? — спросил Пит у Матро. — Ведь Титан не является вашей родиной, вы же как-никак человек.

— Психологический динамизм — это реальность, Пит, — спокойно

ответил ему Матро. — Такая же реальность, как и всякое другое явление материального мира. Я предвидел свою встречу с Натом Кэтсом. Я предвидел то, что должно было произойти, но я не мог предотвратить этого. И не забывайте о том, что не я отыскивал его, а он нашел меня.

— Почему же вы не предупредили нас? Когда были еще на нашей стороне за Игровым Столом?

— Вам бы пришлось убить меня, — ответил Матро. — Я предвидел такое развитие событий в одном из альтернативных будущих. Даже в нескольких, вот что я вам скажу. И... — тут он пожал плечами, — я вовсе не порицаю вас за такое ко мне отношение. А что вам оставалось еще делать? Мой переход на сторону Титана предопределяет исход Игры. А то, как легко мы взяли вас в плен, доказывает это.

— Он хочет, — сказала Патриция, — чтобы вы, Матро, оставили эмфитал в его аптечке. Он жалеет о том, что не имел возможности его принять. Бедняга Пит, вечный потенциальный самоубийца, разве не так? Всегда, когда вам становится немотогу, только в этом вы видите выход из создавшегося положения. Одно решение на все случаи жизни.

— Пора бы доктору Филипсону уже быть здесь, — с тревогой в голосе произнес Матро. — Вы уверены в том, что он до конца уяснил все, о чем мы с ним договаривались? Может быть, умеренные сочли необходимым отказаться от его услуг? По закону, они сохраняют...

— Доктор Филипсон никогда бы не склонил головы перед трусами среди нас, — сказала Патриция. — Вам хорошо известна его позиция. — Голос ее был резким, в нем были обеспокоенность и страх.

— Но его здесь нет, — не унимался Матро. — Что-то, видимо, не сложилось.

Они молча обменялись многозначительными взглядами.

— Что вы предвидите? — требовательным тоном спросила Патриция.

— Ничего, — ответил Матро. Лицо его побледнело.

— Как это ничего?

— Если я в состоянии что-либо предвидеть, то я это предвижу — и точно, — огрызнулся Матро. — Разве это не очевидно? Я ничего не знаю, а очень бы хотелось знать. — Он поднялся, подошел к окну и выглянул наружу. На какое-то мгновение он совсем позабыл о Пите. Излучатель свой он держал небрежно, напрягая зрение, он пытался разобрать, что таится в ночной тьме, которая опустилась на улицу. Он стоял спиной к Питу, и Пит прыгнул к нему.

— Дэйв! — отрывисто выпалила Патриция, роняя охапку книг.

Матро обернулся, и сноп энергии из дула излучателя прошел мимо, не задев Пита. Он почувствовал только сопутствующие тепловому проколу воздуха явления, увидел облачко пара, возникшее вокруг лазерного луча. Узкого направленного луча, который одинаково эффективно поражает цель как при стрельбе с близкого расстояния, так и с дальнего.

Взметнув высоко руки, Пит ударил Матро прямо в ничем не защищенное горло.

Излучатель выпал из рук Матро и покатился по полу. Патриция Мак-Клейн, громко всхлипывая, ринулась за ним.

— Почему? Почему вы не сумели предвидеть этого?

Она поспешно подхватила миниатюрный цилиндр.

Лицо Матро стало пунцовым, он закрыл глаза и грузно осел на пол, хватаясь руками за воздух и хрипло дыша. Теперь его больше всего на свете волновало только одно — во что бы то ни стало остаться в живых.

— Я убью вас, Пит, — тяжело дыша, произнесла Патриция Мак-Клейн, шаг за шагом отступая назад с излучателем в руке, направленным на Пита. Пит заметил, как на ее верхней губе собрались многочисленные капли пота, челюсти ее мелко дрожали, глаза заволокло слезами.

— Я еще в состоянии разобратъ, что у вас на уме, Пит, — сипло проговорила она, — и я знаю, Пит, я знаю, что вы сделаете, если я вас не застрелю. Вы обязательно захотите заставить Дэйва поддерживать вас в Игре, чтобы вы смогли победить, но вам это не удастся. Он наш и останется нашим.

Он метнулся в сторону, чтобы не оказаться на пути лазерного луча, но споткнулся и стал падать, судорожно хватаясь руками за все, что попало. Пальцы его сомкнулись вокруг какой-то книги, и он швырнул ее в Патрицию. Книга на лету раскрылась, закувыркалась в воздухе и упала к ногам Патриции, не причинив ей никакого вреда.

Тяжело отдуваясь, Патриция продолжала отступать.

— Дэйв еще придет в себя, — прошептала она. — А если вы убили его, то тогда, скорее всего, все это уже не будет иметь никакого значения, так как вы уже не сможете перетащить его на свою сторону и вам не удастся...

Она неожиданно осеклась. Быстро повернув голову, она затаила дыхание и стала прислушиваться.

— Дверь, — прошептала она.

Ручка двери повернулась.

Патриция подняла излучатель. Медленно, дюйм за дюймом, рука ее стала изгибаться и закручиваться, пока дуло излучателя не оказалось прямо у ее лица. Она завороченно глядела на него, не в состоянии оторвать от него глаз.

— Пожалуйста, не надо, слышишь? — взмолилась она. — Это же я дала тебе жизнь. Пожалуйста...

Пальцы ее, против ее воли, нажали на спуск. Раздался треск лазерной вспышки.

Пит отвернулся и закрыл глаза.

Когда он наконец снова открыл их, дверь в квартиру была распахнута настежь. В дверном проеме на фоне уличной тьмы стояла, засунув руки в карманы пальто, Мэри-Энн. На лице ее не шевелился ни один мускул.

— Дэйв Матро жив? — спросила она.

— Да. — Он старался не смотреть на бесформенную массу, которая всего лишь несколько секунд тому назад была Патрицией Мак-Клейн. Отведя

глаза в сторону, он произнес: — Нам он нужен, так что оставь его в покое, Мэри. — Сердце его почти перестало биться.

— Понимаю, — сказала Мэри-Энн.

— Откуда вы узнали ... об этом?

— Как только я появилась в вашей совместной квартире в Кармеле, — после небольшой паузы стала объяснять Мэри-Энн, — вместе с Джо Шиллингом я увидела Ната и все, разумеется, поняла. Я знала о том, что Нат является главным руководителем организации. Он был выше даже Ротмана.

— И что же вы там сделали?

В это время, раскрасневшись от напряжения, в квартиру ввалился Джо Шиллинг и сразу же направился к Мэри-Энн. Он положил руку ей на плечо, но она отпрянула от него, одна прошла в угол комнаты и стала оттуда наблюдать за происходящим.

— Когда она появилась, — сказал Шиллинг, — Кэтс готовил себе выпивку. Она... — Он замолчал, не решаясь продолжать дальше.

— Я переместила бокал, который он держал в руке, — сухо пояснила Мэри-Энн. — Я заставила его переместиться на пять дюймов, вот и все. Он держал бокал ... на уровне груди.

— Стакан оказался внутри его грудной клетки, — произнес Шиллинг. — Он просто перерезал ему сердце или отрезал часть сердца от остальной системы кровообращения. Крови было очень много, ибо бокал не полностью вошел в грудь. — Тут он замолчал, после чего ни он, ни Мэри-Энн довольно долго ничего не говорили.

Лежавший на полу Дэйв Матро стал издавать какие-то странные булькающие звуки, лицо его стало синим, он изо всех сил пытался наполнить легкие воздухом. Он уже теперь больше не держался за горло, глаза его были открыты. Однако казалось, что он еще ничего не видит.

— А что будет с ним? — спросил Шиллинг.

— Раз погибла Патриция и погиб Нат Кэтс, а Филипсон... — теперь Пит понял, почему так и не появился доктор Филипсон. — Он знал, что вы здесь будете, — сказал он Мэри-Энн. — Поэтому он не рискнул покинуть Титан. Филипсон спас свою шкуру, подставив вместо себя других.

— Похоже на то, — прошептала Мэри-Энн.

— Я бы не стал упрекать его за это, — заметил Шиллинг.

Низко пригнувшись, Пит спросил у Матро:

— Вы уже себя чувствуете лучше?

Дэйв Матро неуверенно кивнул.

— Вы должны появиться за Игровым Столом, — сказал ему Пит. — На нашей стороне. Вы знаете, почему. Вы знаете, как я намерен поступить.

Подняв на него глаза, Матро еще раз кивнул.

— Я в состоянии с ним управиться, — сказала Мэри-Энн. — Он слишком сильно боится, что я еще что-нибудь с ним сделаю. Разве не так? —

спросила она у Матро все тем же вялым безразличным тоном., И подойдя к нему, ткнула в него носком.

Матро понуро кивнул, на этот раз едва-едва.

— Радуйтесь тому, что остались живы, — сказал ему Шиллинг.

— Пит, будьте любезны, подумайте, что можно сделать с моей матерью, — попросила Мэри-Энн.

— Конечно же, — ответил Пит. — Почему бы вам не спуститься и не подождать нас в машине, Мэри-Энн? А мы свяжемся с Е.Б. Блэком. Вы нам пока что не понадобятся.

— Спасибо, — сказала Мэри-Энн и медленно вышла из квартиры. Пит и Джо, не отрываясь, глядели ей вслед, пока она не скрылась за дверью.

— Благодаря ей, — сказал Джо Шиллинг, — мы обязательно выиграем.

Пит кивнул. Благодаря ей и благодаря тому, что остался в живых Матро. В живых — и уже больше не подчиняющимся прихотям могущественных и изощренных пришельцев с Титана.

— Нам везет, — заметил Джо Шиллинг. — Кто-то оставил открытой дверь в вашу общую квартиру. Она увидела Кэтса раньше, чем он успел заметить ее. Она стояла снаружи, а он увидел ее только тогда, когда было уже слишком поздно. Мне кажется, он слишком полагался на дар предвидения Матро, забыв или не понимая того, что присущие ей способности непредсказуемы. Он был в такой степени не защищен даром Матро, как будто того и вовсе не существовало.

«Так же, как и все мы, — отметил про себя Пит. — Такие же беззащитные».

Но сейчас ему не надо было беспокоиться об этом. Впереди у них была Игра с пришельцами с Титана. Не нужно быть прекогом, чтобы предвидеть это. Все остальное должно отойти на второй план.

— Я ей доверяю, — сказал Джо Шиллинг. — Меня совсем не беспокоит то, что она еще может сделать, Пит.

— Будем надеяться на то, что ты не ошибаешься, — сказал Пит. Он склонился над телом Патриции Мак-Клейн. «Она была матерью Мэри, — сокрушенно подумал он. — И та проделала с ней такое. А мы теперь должны зависеть именно от Мэри-Энн. Джо безусловно прав. У нас нет иного выбора».

16

— Вот что вы должны уразуметь и с чем согласиться, — сказал Пит Гарден, обращаясь к Матро. — Пока мы будем играть, Мэри-Энн будет у стола рядом с вами все время. Если мы проиграем, она уничтожит вас.

— Я понимаю, — безжизненно произнес Матро. — Как только Пат погибла, мне стало ясно, что жизнь моя зависит теперь только от вашего выигрыша. — Он сидел, массируя горло, и пил горячий чай. — Да и ваша жизнь, пусть косвенно, но тоже зависит от этого же.

— Верно, — согласился с ним Джо Шиллинг.

— Скоро начнется Игра, — заметила Мэри-Энн. — Они начнут прибывать на Землю самое большее через полчаса. — Она расположилась в дальнем конце кухни квартиры Мак-Клейнов. Через открытую дверь гостиной виднелась бесформенная фигура Е.Б. Блэка, который совещался с полицейскими — людьми из Управления полиции Западного побережья. В гостиной сейчас было уже не менее шести человек, а служащие полиции все продолжали прибывать.

— Пора отправляться в Кармел, — сказал Пит. С помощью своего психиатра доктора Мэси из Солт-Лэйк-Сити он заказал по видеофону специальные капсулы фенотиазина, которые надлежало переправить прямо в общую квартиру группы в Кармеле из конторы одной из базировавшихся в Сан-Франциско фармацевтических фирм. В Кармеле их должен получить для группы Билл Кэлюмайн, что обычно входило в круг его обязанностей.

— Через какое время обнаруживается действие фенотиазина? — спросил Джо Шиллинг у Пита.

— Он начинает действовать немедленно после приема, — пояснил Пит. — При условии, что пока Матро не принимает его.

Прощавшись с Е.Б. Блэком, все они вчетвером вылетели в Кармел в старой сварливой машине Джо Шиллинга. Пустая машина Пита следовала сразу же за ними. По пути в Кармел никто не проронил ни слова. Мэри-Энн отрешенно смотрела в окно, Дэйв Матро сидел сгорбившись, погруженный в невеселые мысли, и время от времени дотрагивался до горла. Джо Шиллинг и Пит сидели рядом на переднем сиденье.

«Возможно, это последняя такая поездка», — думал Пит.

Они довольно быстро добрались до Кармела. Пит припарковал машину, выключил двигатель и брюзгу-Рашмора, и они вчетвером вышли на улицу.

И в спустившихся сумерках увидели ожидавшуюся их группу людей.

Что-то в этих людях сразу же насторожило Пита. Их было четверо, трое мужчин и одна женщина. Достав фонарик из отделения для перчаток своей собственной машины, которая остановилась на некотором расстоянии от Макса, он включил его и направил сноп света на эту беззвучно ожидавшую группу.

После довольно длительной паузы Джо Шиллинг пробормотал:

— М-да, все ясно.

— Верно, именно так и будет вестись Игра, — сказал Дэйв Матро. — Мне кажется, что ради собственного спасения нам не остается ничего другого, как смириться с этим.

— Ничего другого, — коротко бросил Пит.

Четыре ожидавшие их фигуры были искусно выполненными копиями.

Их самих. Копиями, выполненными пришельцами с Титана. Тут собрались: вуг в обличье Питера Гардена, вуг в обличье Джо Шиллинга, вуг в обличье Дэйва Матро и чуть поодаль — вуг в обличье Мэри-Энн Мак-Клейн. Последняя копия была не столь совершенной, как остальные,

не столь безупречно воплощенной в плоть и кровь инопланетной версией девушки. Мэри-Энн с ее необыкновенным психокинетическим даром оказалась крепким орешком для обитателей Титана. Даже при чисто внешнем ее воспроизведении.

Обращаясь к четырем двойникам, Пит спросил у них:

— А что же будет с нами, если мы проиграем?

Его дубликат, вуг Питер Гарден, ответил ему его же голосом, скопированным до малейших оттенков интонации:

— Как только вы проиграете, мистер Гарден, ваше присутствие за Игровым Столом станет излишним, и я займу ваше место. Проще не придумаешь.

— Сущий каннибализм, — скрежеща зубами, заметил Шиллинг.

— Отнюдь нет, — возразил ему вуг Шиллинг. — Каннибализмом считается поедание представителя какого-либо вида другими особями того же вида. Мы с вами не принадлежим к одному и тому же виду живых существ. — Вуг Джо Шиллинг улыбнулся, и улыбка эта была именно той добродушной, столь знакомой вот уже в течение многих лет Питу улыбкой Джо Шиллинга, настолько превосходной была ее имитация.

«У членов группы, уже собравшихся наверху, — подумал Пит, — у других членов группы «Красавица-Чернобурка» тоже имеются точно такие же копии?»

— Да, — ответил вуг Пит Гарден, прочтя его мысли. — Так что, начнем, пожалуй? Можно уже приступить к Игре. Нет никаких причин для дальнейшего промедления. — И он стал подниматься вверх по лестнице, всем своим видом ясно показывая, насколько знакома и привычна для него эта процедура.

И это было самым жутким. От одного этого Питу Гардену едва не стало дурно. То проворство, тот энтузиазм, с которым вуг поднимался по лестнице. Его самоуверенность, как будто он совершал этот подъем уже тысячи раз.

Он уже чувствует себя на Земле как дома, он уже полностью втянулся в повседневную жизнь людей. Содрогаясь от ужаса перед сделанным им открытием, Пит наблюдал за тем, как остальные двойники следовали за ним столь же быстро и столь же уверенно. И только после того, как все вуги были уже наверху, Пит и его спутники стали неохотно взбираться по ступенькам.

Наверху отворилась дверь, и вуг Питер Гарден прошел в квартиру, которой вот уже много лет сообща владела игровая группа «Красавица-Чернобурка».

— Хэлло! — раздались приветствия тех, кто находился внутри.

Стюарт Маркс — а может быть, дубликат Стюарта Маркса — с перекошенным от ужаса лицом встретил их в дверях комнаты для Игры и, запинаясь, спросил:

— К-как я п-полагаю, теперь уже в-все в сборе? — Он — или вуг — вышел на крыльцо и глянул вниз. — Привет.

— Добрый вечер, — ответил Пит Гарден.

И вот они уже занимают места за Столом друг против друга. По одну его сторону — дубликаты, творение Великих Игроков с Титана, по другую — группа «Красавица-Чернобурка» плюс Дэйв Матро и Мэри-Энн Мак-Клейн.

— Сигарету? — спросил Джо Шиллинг у Пита.

— Нет, спасибо, — пробормотал Пит.

Напротив них двойник Джо Шиллинга повернулся к расположившемуся с ним рядом двойнику Пита Гардена и тоже спросил:

— Сигарету?

— Нет, спасибо, — ответил вуг Пит Гарден.

— Скажи, не прибыла ли посылка из Сан-Франциско от одной из фармацевтических фирм? — спросил Пит Гарден у Билла Кэлюмайна. — Мы не можем начинать, пока она не прибыла. Надеюсь, никто не возражает?

На что вуг Пит Гарден произнес:

— Идея, за которую вы уцепились, как за спасительную соломинку, заслуживает самого пристального внимания; это лишенное какой-либо системы варьируемое во времени притупление способности предвидеть вашего прекога. Вы абсолютно правы. Это в значительной мере уравнивает потенциальные возможности. — Он ухмыльнулся, одарив многозначительным взглядом всех членов группы «Красавица-Чернобурка» по очереди, каждого в отдельности, от одного торца стола до другого. — Мы не возражаем. Подождем, пока не придут ваши препараты. В противном случае, это будет нечестно с нашей стороны.

Отвечая ему, настоящий Пит Гарден заметил:

— Я уверен в том, что вам не остается ничего другого, как подождать. Мы ни в коем случае не начнем Игру без этого. Так что не пытайтесь изобразить, будто делаете нам большое одолжение. — При этом его голос слегка задрожал.

Наклонившись к нему, Билл Кэлюмайн шепнул:

— Посылка уже здесь, на кухне.

Поднявшись со стула, Пит Гарден и Дэйв Матро вместе прошли на кухню. В самом центре кухонного стола рядом с подносами с полурастаявшим льдом, лимонами, бутылками со спиртным, бокалами и пивными кружками Пит увидел пакет, завернутый в коричневую бумагу и перетянутый липкой лентой.

— Подумать только, — задумчиво произнес Матро, пока Пит вскрывал пакет, — если у нас ничего не выйдет, то со мною случится то же, что и с Патрицией и другими членами организации там, в Неваде. — Он, тем не менее, внешне казался сравнительно спокойным. — Я не ощущаю грозящего нам пренебрежения к законности и правилам приличия в поведении этих умеренных, какие явно были у всех членов фракции Ва-Пей-Нан, у доктора Филипсона и иже с ними. — Он не спуская глаз наблюдал за тем, как Пит вынимает капсулы из флакона. — Если вы будете знать дозировку содержимого гранул, — заметил он, — то вуги будут способны...

— Я этого не знаю, — коротко ответил Пит, наполняя стакан водой прямо из крана. — Фирме-производителю этих капсул было велено изготовить их так, чтобы диапазон действия их варьировался от мгновенного наступления наивысшей эффективности препарата до прекращения вообще его действия, причем степень эффективности в каждый данный момент случайна и непредсказуема. Вдобавок к этому, все гранулы должны отличаться одна от другой. А я выбираю их наугад. Внешне же они ничем не отличаются друг от друга. — Он протянул Матро одну капсулу и стакан с водой.

Матро с угрюмым видом проглотил капсулу.

— Скажу вам вот что, — произнес Матро. — Просто для того, чтобы вы знали об этом. Несколько лет тому назад я произвел вот какой эксперимент. Я принял одно из производных фенотиазина. Это оказало колоссальное воздействие на мою способность предвидеть, — он слегка улыбнулся Питу. — Как я уже говорил вам перед тем, как мы зашли к Мак-Клейнам, эта ваша идея является единственным адекватным решением наших проблем, насколько я в состоянии предвидеть. Поздравляю.

— Вы говорите это, — спросил Пит, — как человек, который всей душой с нами, или как посторонний, силой принужденный находиться по нашу сторону Стола?

— Не знаю, — ответил Матро. — У меня сейчас переходный период. Время расставит все по своим местам. — И, не вымолвив больше ни слова, он возвратился в гостиную, к большому Игровому Столу и двум противостоящим друг другу командам Игроков.

Вуг Билл Кэлюмайн встал и объявил:

— Я предлагаю нашей стороне первой запустить волчок. Затем будет ваша очередь. — Он взялся за рукоятку волчка и мастерски закрутил его.

Стрелка указателя остановилась на «девяти».

— Ладно, — произнес Билл Кэлюмайн, встал и, бросив взгляд в сторону своего двойника, также привел волчок во вращение. Ему показалось, что указатель почти остановился, близко подойдя к цифре «двенадцать», но затем медленно, как бы по инерции, стал ползти к единице.

Повернувшись к Мэри-Энн, Пит спросил:

— Вам приходится сейчас противодействовать попыткам психокинеза с их стороны?

— Да, — ответила девушка, сосредоточив все свое внимание на уже едва двигавшейся стрелке указателя.

Стрелка остановилась на единице.

— Это — честный результат, — чуть слышно шепнула Мэри-Энн.

— Значит, вам начинать Игру, — согласился Пит. Ему наконец удалось справиться с охватившим его волнением. Во всяком случае голос его был спокоен.

— Хорошо, — сказал его двойник и смерил Пита насмешливым взглядом. — Тогда мы перенесем место нашей встречи с Земли на Титан. Мы надеемся на то, что вы, земляне, не станете против этого возражать.

— Что такое? — возмутился Джо Шиллинг. — Обождите! — Но процесс телепортации уже начался. Изменить что-либо было уже невозможно.

Очертания всего, что было в комнате, задрожали и окутались легкой дымкой. Двойники, которые сидели против них, как показалось Питу, начали обретать какую-то расплывчатую, искаженную форму. «Как будто, — подумал он, — их материальное воплощение больше уже не функционирует надлежащим образом, сбрасывая с себя свою отжившую уродливую внешнюю оболочку».

Его двойник, восседавший непосредственно напротив него, весь как-то перекосялся, голова его стала безвольно болтаться, глаза остекленели и потухли, будто покрывшись тонкой, разъедающей органические ткани пленкой. Двойник затрепетал всем телом, а затем весь бок его сверху донизу как бы расползся по швам, и в нем образовалась длинная продольная прореха.

Такой же точно процесс происходил и с остальными дубликатами.

Двойник Пита Гардена задрожал еще сильнее, прямо-таки завибрировал, а затем из этой сплошной прорехи от головы до ног высунулось нечто непонятное, неустойчивое, продолжающее трепетать.

Из трещины в человеческом теле как бы выдавливался находившийся там ранее организм, состоящий из одной протоплазмы, студнеобразный, бесформенный. На свет божий показался вуг в своем подлинном обличье, которому уже не нужна была искусственная оболочка. Он, преодолевая все трудности на своем пути, выбирался на поверхность родной планеты, тускло освещенную серо-желтым сиянием далекого Солнца.

Из каждой отброшенной за ненадобностью человеческой оболочки появился вуг, а сами оболочки закачались, сморщились, а затем их в таком виде одну за другой как бы унесло неуловимым порывом ветра, и они, танцуя, исчезли, потеряв и вес, и цвет, и все остальные свои земные характеристики. В воздухе стали плавать мелкие клочки хлопьев сброшенных оболочек, мельчайшие частицы их стали оседать на поверхность Игрового Стола, и Пит Гарден в ужасе поспешил смахнуть их.

Наконец-то перед людьми Игроки с Титана предстали в их подлинном воплощении. Только теперь начиналась настоящая Большая Игра. Была упразднена фальшивая внешность скопированных вугами землян. В ней уже больше не было никакой необходимости, как не было бы необходимости в скафандрах для вернувшихся на Землю из космоса людей. Ибо Игра теперь велась уже не на Земле.

Они были на Титане.

Пытаясь казаться как можно более спокойным, Пит Гарден объявил:

— Принимать решения за всех нас будет Дэйв Матро, хотя мы все по очереди будем тянуть карты и выполнять прочие обязанности по ходу Игры.

Вуги, как показалось Питу, направляли в их сторону поток мыслей, наполненных ироническим бессмысленным смехом. «Для чего они это делают?» — подумал Пит. Как будто стоило двойникам отбросить свой

поддельный внешний облик, как мысленное общение между двумя расами сразу же значительно затруднилось.

— Джо, — обратился он к Шиллингу, — мне хочется, чтобы ты перемещал наши фишки.

— О'кей, — согласился Джо Шиллинг.

Шупальцы серого тумана, холодного и сырого, как будто опутали Игровой Стол, и очертания вугов напротив них стали неясными и неопределенными. Даже физически обитатели Титана максимально ушли в себя, как бы не желая допускать ни малейшего контакта с землянами. И вовсе не из-за испытываемой к землянам враждебности. Это отчуждение, казалось, было совершенно произвольным.

«Наверное, — подумалось Питу, — все с самого начала шло к этой финальной схватке с вугами. Это было абсолютно predetermined исходом изначальной встречи двух наших культур». И теперь он испытывал только грусть и опустошенность. И еще большую, чем когда-либо решимость выиграть у противника на его же собственной территории.

«Тяните карту», — провозгласили вуги, и их мысли так смешались, как будто всей группе людей теперь в Игре противостоял один-единственный вуг. Один огромный инертный организм, расположившийся напротив них, древний и медлительный в своих действиях, но бесконечно решительный.

И мудрый.

Пит Гарден ненавидел его. Ненавидел и боялся.

— Они начинают, — сказала вслух Мэри-Энн, — оказывать телекинетическое воздействие на колоду карт!

— Ну и пусть, — сказал Пит. — Старайся только быть повнимательнее и пососредоточеннее. — Сам он ощущал чудовищную, непреодолимую усталость. «Неужели мы уже проиграли?» — такой вопрос не выходил у него из ума. Похоже на то. У него было ощущение, что они играют уже бесконечно долго. И, тем не менее, они едва только вступили в Игру.

Протянув руку, Билл Кэлюмайн взял карту.

— Не смотри на нее, — предупредил его Пит.

— Я понимаю, — раздраженно ответил ему Билл Кэлюмайн и, не глядявая на лицевую сторону карты, передвинул ее Дэйву Матро.

Матро довольно долго сидел с картой, перевернутой лицевой стороной вниз; даже в тусклых перемежающихся сумерках Титана было видно, как лицо его от крайней сосредоточенности покрылось морщинками.

— Семь квадратов, — наконец вымолвил он.

Джо Шиллинг по сигналу Кэлюмайна передвинул фишку вперед на семь ходов. В квадрате, в котором он ее оставил, появилась надпись:

«Удорожание топливных расходов. Оплата счета энергокомпании на сумму 50 долларов».

Подняв голову, Джо Шиллинг смотрел на хозяев Титана, сгрудившихся напротив людей в дальнем конце Стола.

Вызова не последовало. Игроки с Титана решили позволить землянам взять свой выигрыш. Они не поверили в то, что земляне блефуют.

Дэйв Матро сразу же повернулся к Питу и произнес:

— Мы проиграли. То есть, проиграем. Я предвижу это окончательно и бесповоротно. Наш проигрыш просматривается во всех альтернативных вариантах будущего.

Пит Гарден от удивления вытаращил глаза.

— При чем здесь теперь твоя способность предвидеть? — заметил Джо Шиллинг. — Неужели ты забыл? Ведь она теперь ослаблена и непредсказуема. Да, для тебя такое состояние пока что еще непривычно. Ты сбит с толку. Разве не так?

На что Матро, запинаясь, ответил:

— Но я вовсе не ощущаю того, что ослаб мой дар предвидения.

Вожак вугов тут же спросил, уловив, о чем думают земляне:

— Вы желаете отказаться от Игры?

— Пока еще нет, — ответил Пит, а Билл Кэлюмайн, бледный и испуганный, машинально кивнул в знак согласия.

«Что же это такое? Что происходит? Неужели Дэйв Матро, невзирая на угрозу со стороны Мэри-Энн, предал нас?» — вот какие мысли вихрем пронеслись в голове Пита.

— Я сказал это вслух, — стал оправдываться Матро, — потому что они... — он указал на оппонировавшего им вуга, — все равно узнали бы об этом, читая мои мысли.

Это было правдой. Пит кивнул, ум его продолжал лихорадочно работать. «Что мы можем спасти здесь?» — снова и снова задавал он себе этот вопрос. Он пытался справиться с охватывавшей его паникой и не обращать никакого внимания на плохое предчувствие.

Джо Шиллинг закурил сигару и откинулся назад.

— Как я полагаю, нам лучше продолжать Игру, — его, казалось, совсем не беспокоило не очень-то удачное начало. Хотя на самом деле все было наоборот. Ведь, Пит это хорошо понимал, Джо Шиллинг был великим игроком; он не станет выплескивать свои эмоции и не намерен никоим образом сдаваться. Джо будет бороться до самого конца, и все остальные последуют его примеру. Потому что вынуждены. Потому что просто нам всем некуда деваться.

— Если мы выиграем, — сказал Пит своему двойнику-вугу, — мы получаем власть над Титаном. Вам есть, что терять. Вы должны поставить на кон столько же, сколько и мы.

Вуг весь напрягся, но ответил:

— Играйте.

— Ваша очередь тянуть карту, — напомнил ему Джо Шиллинг.

— Верно, — вынужден был признаться вуг и вытянул карту. Задумался на какое-то время, затем его фишка на столе передвинулась на Столе вперед на один, два, три... на целых девять квадратов.

Проступила надпись:

«Вашими разведчиками обнаружен планетоид, стоимость археологических находок на котором составляет семьдесят тысяч долларов».

Блеф или нет? Пит Гарден повернулся к Джо Шиллингу, к нему же наклонился Билл Кэлюмайн, чтобы посоветоваться. Остальные члены группы тоже сгруппировались вместе и стали перешептываться.

Джо Шиллинг произнес:

— Я сомневаюсь в правильности хода.

Члены группы, заняв снова свои места вдоль Игрового Стола, стали нерешительно голосовать. Исход голосования был в пользу объявления хода да вугов блефом, однако перевес был самым небольшим.

— Блеф, — объявил во всеуслышание Джо Шиллинг.

Карта вугов тотчас же перевернулась. Это была девятка.

— Все честно, — упавшим голосом признала Мэри-Энн. — Очень жаль, но это так. Я не сумела обнаружить никакого телекинетического воздействия с их стороны.

— Пожалуйста, расплатитесь, — произнес вуг и, как показалось Питу, рассмеялся. Полной уверенности в этом у Пита не было.

В любом случае это означало быстрое и тяжелое поражение для группы «Красавица-Чернобурка». Вуги выиграли 70 тысяч долларов, вытянув карту, позволившую им попасть в столь лакомый квадрат, и еще 70 тысяч из денежных средств группы за ошибку группы в определении правомерности установки вугами своей фишки в таком квадрате. Итого, сто сорок тысяч долларов. Ошеломленно Пит откинулся назад, изо всех сил пытаясь сохранить присутствие духа и скрыть потрясение. Он должен был поступать так ради всей остальной группы.

— Еще раз, — произнес вуг, — предлагаю вашей команде сдаться.

— Нет, нет, — запротестовал Джо Шиллинг, а казначей Джек Блау в это время отсчитывал из общих средств группы нужную сумму и передал ее вугам.

— Ужасно, — тихим голосом произнес Билл Кэлюмайн.

— А разве вам не приходилось так крупно проигрывать? — нахмурившись, спросил у него Джо Шиллинг.

— А вам? — отпарировал Кэлюмайн.

— Доводилось.

— Как сказать, — заметил, не без ехидства, Кэлюмайн. — Вам так и не удалось возместить их, Шиллинг. Для вас Игра закончилась полным поражением. Точно таким же, какое вы терпите и сейчас, играя за нас здесь, за этим столом.

Шиллинг ничего не ответил. Только лицо его стало еще более бледным.

— Давайте продолжать, — предложил Пит.

— Это вам, Пит, взбрело в голову, — с горечью произнес Кэлюмайн, — привести сюда этого горемыку-неудачника, от которого нечего ждать, кроме новых несчастий. Это из-за него нас постигла такая беда. Как водящий...

— Но вы уже больше не являетесь нашим водящим, — не повышая голоса, промолвила миссис Энгст.

— Играем, — резко бросил Стюарт Маркс.

Была вытянута еще одна карта и передана Дэйву Матро. Тот, не переворачивая ее, стал медленно передвигать фишку на одиннадцать ходов. Надпись в одиннадцатом по ходу квадрате гласила:

«Домашняя кошка находит на чердаке старый альбом с редкими почтовыми марками. Вы выигрываете три тысячи долларов».

Вуг тут же заявил:

«Блеф!» Дэйв Матро, сделав паузу, перевернул карту: «Одиннадцать».

Вуг проиграл и, следовательно, должен был платить. Сумма была не столь уж велика, но это показало Питу нечто такое, что привело его в трепет. Значит, и вуг тоже может ошибаться.

Начало сказываться действие фенотиазина.

У группы появился шанс.

Теперь карту вытянул вуг, посмотрел на нее и передвинул свою фишку на десять ходов:

«Ошибка при подсчете налогооблагаемой суммы. Подлежат возврату федеральному правительству восемьдесят тысяч долларов».

Вуг непроизвольно вздрогнул. Слабый, едва уловимый мысленный стон, казалось, исторгся из его чрева.

Это, как сразу понял Пит, могло означать блеф со стороны вуга. Если это-таки блеф, а они не опровергнут заявку вуга, то вуг — вместо того, чтобы проиграть — получит эти деньги. Все, что нужно было теперь сделать, — это перевернуть его карту и удостовериться в том, что это вовсе не девятка.

Вопрос был поставлен на голосование всех членов группы «Красавица-Чернобурка».

Результатом его был отказ назвать блефом заявку вуга.

— Мы принимаем заявку, — решительно произнес Джо Шиллинг.

Неохотно, с мучительной неторопливостью, вуг отсчитал от своей груды денег 80 тысяч в пользу банка. Его заявка не была блефом, и Пит издал глубокий вздох облегчения. Вуг теперь проиграл больше половины того, что выиграл в той крупной игре. Стало ясно, что он не такой уж непогрешимый игрок, как казалось всем раньше.

И, точно так же, как группа «Красавица-Чернобурка», вуг не мог скрыть свой страх перед главной, решительной схваткой. Он не был человеком, но он был живым существом, и у него, как и у всякого другого живого существа, были свои цели, желания и тревоги. Он был таким же смертным существом, как и люди.

Питу даже стало как-то его жалко.

«Вы зря растрчиваете свои чувства, — мелькнула в его сознании язвительная мысль обратившегося к нему вуга, — если жалеете меня. Пока что я еще одерживаю верх над вами, землянами».

— Вот именно, пока что, — согласился с ним Пит. — Но вы уже вовлечены в неодолимый процесс упадка ваших способностей. Вы на грани проигрыша.

«Красавица-Чернобурка» вытянула еще одну карту, и, как и раньше,

она была передана Матро. На этот раз, он, казалось, сидел целую вечность, пытаясь определить ее номинал.

— Ну назовите же! — не выдержал в конце концов Билл Кэлюмайн.

— Три, — прошептал Матро.

Фишку передвинул Джо Шиллинг. А Пит прочитал:

«Фундаментам зданий угрожает оползень. Гонорар строительной фирме — 14 тысяч долларов».

Вуг долго не шевелился. Затем неожиданно заявил:

«Я... я не стану оспаривать».

Дэйв Матро повернул голову в сторону Пита. Тот протянул руку и перевернул карту.

Это была не тройка. Это была четверка.

Группа снова выиграла. Четырнадцать тысяч долларов. Вуг не осмелился назвать совершенный группой ход блефом.

«Удивительно, — несколько погодя, поостыв от проигрыша, заметил вуг, — что такое понижение ваших экстрасенсорных способностей по сути предоставило вам шанс на выигрыш. Что вам от этого пользы оказалось гораздо больше, чем вреда». Он яростно выдернул карту и протолкнул свою фишку вперед на семь квадратов.

«На тротуаре перед вашим домом покалечился почтальон. Подлежит удовлетворению иск на сумму триста тысяч долларов».

«Боже ты мой на небеси», взмолился Пит. Сумма эта была столь впечатляющей, что, безусловно, исход всей Игры теперь зависел только от этой партии. Он внимательно следил за вугом, как и все остальные члены группы «Красавица-Чернобурка», пытаясь уловить хоть какой-нибудь намек в поведении вуга. Так блеф это или нет?

Будь у них хоть один-единственный телепат, — сокрушенно подумал он. — Если б только...

Но к ним никогда бы не присоединилась Патриция, а Готорн был мертв. И, даже если бы у них был телепат, все равно вуги непременно потребовали бы применить какую-нибудь систему нейтрализации способности к чтению мыслей, точно так же, как они сами умели ее подавлять в игре между собой. Это было совершенно очевидным. Обе стороны практиковали Игру настолько давно, что просто не могли позволить такого рода уловок. Обе стороны были готовы к этому.

«Если мы проиграем, — решил про себя Пит, — я сам себя лишу жизни, лишь бы не попадаться в лапы этих медуз с Титана. — Он засунул руку в карман, интересуясь, что это там у него оказалось. Только пара таблеток метамфетамина, оставшихся, скорее всего, после его кутежа по случаю привалившей им с Кэрл Удачи. Когда же это все-таки было? Вчера? Позавчера? Казалось, что с того дня прошло уже много месяцев. Да и было это совсем на иной планете.

Метамфетамин гидрохлорид.

Во время загула он на какое-то время сделал Пита невольным телепатом. Очень плохоньким, но все же в какой-то мере телепатом.

Метамфетамин был стимулятором повышения чувствительности восприятия, действие его было прямо противоположно действию фенотиазина.

И тут его осенило. Вот это да!

Не запивая водой, ему удалось — едва не поперхнувшись — проглотить две маленькие розовые таблетки метамфетамина.

— Погодите, — хриплым голосом он обратился к членам своей группы. — Я хочу принять решение сам. Подождите! — Он знал, что им придется ждать не менее десяти минут, пока начнет сказываться эффект метамфетамина.

«Ваша сторона плутует, — не преминул заметить вуг. — Один из членов группы только что принял стимулятор экстрасенсорных способностей».

Джо Шиллинг сразу же ответил:

— Вы сами перед началом Игры прибегли к препаратам из группы фенотиазинов. В принципе, вы прибегли к медицинским средствам, готовясь к Игре.

«Но я не готов иметь дело с телепатическими способностями, исходящими от вашей стороны, — мысленно возразил вуг. — Я прозондировал перед началом Игры мысли всех членов вашей группы и не обнаружил признаков применения лекарственных средств. Так же, как и намерений заполучить подобную способность».

— Это оказалось грубейшей ошибкой с вашей стороны, — заметил Джо Шиллинг. Затем он стал выждающе смотреть на Пита.

То же теперь делали и все остальные члены группы «Красавица-Чернобурка».

— Ну так что же? — нервничая, спросил он у Пита.

Пит продолжал сидеть, сцепив кулаки, в ожидании того момента, когда начнет действовать метамфетамин.

Прошло пять минут. Никто не осмеливался нарушить тишину первым. Только и было слышно, как затягивается сигарным дымом Джо Шиллинг.

— Пит, — вдруг прорвало Билла Кэлюмайна. — Мы не можем ждать больше. Мы не в состоянии выдержать напряжение.

— Верно, — поддержал его Джо Шиллинг. Лицо его стало мокрым и красным, крупные капли пота блестели на лбу и на щеках. Он даже позабыл о своей сигаре. — Пора принимать решение. Даже если оно окажется неправильным.

— Пит, — неожиданно подала голос Мэри-Энн. — Вуг пытается изменить значение своей карты!

— Значит, он блефовал, — мгновенно отреагировал Пит. Ничего другого быть не могло, иначе вуг оставил бы свою карту в покое. — Мы оспариваем ваш ход, — решительно произнес Пит, обращаясь к вугу.

Вуг не пошевелился. Затем в конце концов все-таки перевернул карту. Это была «шестерка».

И, следовательно, с его стороны это был блеф.

— Он выдал себя с головой, — сказал Пит. Сейчас он весь трясся от

возбуждения. — А от амфетамина мне не было никакой пользы, и вуг может это подтвердить, так как может читать мои мысли. Поэтому я рад сказать об этом во всеуслышание. Это все оказалось блефом с нашей стороны, вернее, с моей стороны. У меня не было достаточного количества таблеток амфетамина, а в крови моей не было достаточного количества алкоголя. При данных обстоятельствах пара таблеток совсем не обострила моих телепатических способностей. Принимая решение, я никак не мог опираться на них. Но, с другой стороны, у меня не было и никакой возможности знать об этом.

Вуг почернел до цвета сырой нефти, все его аморфное тело стало неконтролируемо трепетать. Он купюру за купюрой выплатил группе «Красавица-Чернобурка» всю сумму в триста тысяч долларов.

Теперь группа была чрезвычайно близка к выигрышу всей Игры в целом. Члены ее понимали это, и знал об этом противостоящий им вуг. Об этом даже не надо было говорить вслух.

— Если бы он не потерял самообладания... — прошептал Джо Шиллинг, пытаясь дрожащими пальцами поднести огонь к потухшей сигаре, — ...у него были бы по крайней мере равные шансы. Но сначала его обуяла жадность, а затем — страх потерять имеющееся. — Он улыбнулся всем, кто собрался вокруг него: — Плохое сочетание, когда играешь в Блеф. — Теперь он говорил медленно, с напряжением. — Такое же сочетание было и у меня самого много лет тому назад, именно из-за него я потерпел тогда крах. В моей финальной схватке с Поручителем Счастливым Лакменом.

«Насколько я оцениваю ситуацию, — мелькнула в сознании многих землян мысль вуга, — фактически я на грани проигрыша вам, землянам».

— Значит, вы больше не хотите продолжать Игру? — спросил Джо Шиллинг, вынув изо рта сигару и смерив вуга презрительным взглядом. Сейчас он уже полностью владел собой, черты его лица стали жесткими.

— Нет, я намерен продолжать, — ответил ему вуг.

И в это мгновение все взорвалось перед Питом Гарденом. Неизвестно куда испарился Игровой Стол, сам он ощутил ужасную боль, но в то же самое время он прекрасно понимал, что же происходит в действительности. Вуг сдался, вышел из Игры и в своей агонии вознамерился уничтожить и их, своих победителей, вместе с самою Игрою. Она продолжалась, но уже в другом измерении. И в совершенно иной обстановке.

А они продолжали оставаться вместе с этим вугом на Титане. На его территории, а не на своей.

В этом отношении им явно не повезло.

Не повезло самым решительным образом.

До Пита донесся голос Мэри-Энн, спокойный и рассудительный:

— Он делает попытки воздействовать на реальность, Пит, манипулировать ею. Используя тот же дар, с помощью которого он переместил нас

на Титан. Может быть, мне стоит попробовать сделать что-нибудь, что в моих силах?

— Да, — прохрипел он. Он не мог различить ее. Он лежал где-то в крошечной тьме, будто в каком-то черном омуте, ощущая вокруг себя не что-либо материальное, а, скорее, вообще отсутствие материи как таковой. А где же остальные? Рассеяны, разбросаны повсюду. И между ними — миллионы миль пустого, лишнего всякого смысла пространства. И тысячелетия по шкале времени.

Мертвая тишина стояла вокруг.

— Мэри! — громко позвал он.

Ответа не было.

— Мэри! — закричал он в отчаянии, барахтаясь в пустоте. — Вы исчезли тоже? — Он прислушался. Никто не откликнулся на его зов.

А затем он услышал что-то, вернее, почувствовал. В крошечной тьме, окружавшей его со всех сторон, к нему пыталось пробиться какое-то живое существо. Но не в материальном смысле, а с помощью расширения диапазона своих сенсорных ощущений, с помощью каких-то высокоподвижных ответвлений своей нервной системы, прощупывавших пространство и время вокруг себя. И это существо обнаружило его присутствие в одном и том же с ним пространственно-временном континууме. Оно испытывало к нему какое-то любопытство, смутное, несколько одностороннее, но тем не менее весьма сильное.

Это нечто показалось ему существом еще более древним, чем вуг, против которого они играли.

«Это что-то, — подумал он, — что живет здесь, в межпланетном пространстве. И между уровнями реальности, которые и образуют познаваемое пространство, пространство как наше, так и вуг. — Уходи от меня прочь», — подумал он. Он пытался отползти подальше от этого существа, двигаясь быстрее его, или хотя бы оттолкнуть его от себя.

Существо же, теперь еще больше привлеченное его движениями, неумолимо приближалось.

— Джо Шиллинг, — взмолился Пит. — Помогите мне!

— Я — Джо Шиллинг, — сказала существо и стало прокладывать к нему путь с еще большей настойчивостью, заполняя собой все большее и большее пространство и с жадностью протягивая свои сенсорные окончания. — Жадность и страх, — сказала существо. — Очень плохое сочетание.

— Какой это к черту Джо Шиллинг! — в ужасе воскликнул Пит и стал яростно отмахиваться от существа, пытаясь откатиться от него подальше.

— Но жадность сама по себе, — продолжало существо, — не так уж плоха. Это один из первичных побудителей стимулов, вырабатываемых любой автономной системой под давлением каких-либо внутренних потребностей. Если рассуждать с чисто психологической точки зрения.

Пит Гарден закрыл глаза.

— Боже ты мой, — взмолился он. — Да ведь это же на самом деле Джо Шиллинг! Что же это такое сотворили с ним вуги?

Чем это он и Джо стали в этой крошечной тьме?

И сделали ли на самом деле что-то с ними вуги? Может быть, вместо этого они просто показывают нам мир таким, каким ощущают его сами?

Он наклонился вперед, отыскал свою ногу, начал лихорадочно развязывать шнурок. Сняв ботинок, он отклонился назад и ударил это существо, Джо Шиллинга, изо всей силы.

— Гм, — произнесло существо. — Придется хорошенько поразмыслить над этим. — И, сказав так, существо ретировалось.

Тяжело дыша, Пит стал дожидаться его возвращения.

Он знал, что существо вернется.

* * *

Джо Шиллинг, барахтаясь в необъятной пустоте, перекатывался с места на место, временами куда-то падал, сам же себя ловил и дышал с огромным трудом, задыхаясь от дыма собственной сигары.

— Пит! — громко позвал он.

Прислушался. Здесь нельзя было определить направление, не существовало ни верха, ни низа. Вообще пропало ощущение реального пространства. И не было никаких ощущений, которые могли бы ему подсказать, что, собственно, он из себя представляет. А потому и нельзя было различить, где собственно он, а где не он.

И тишина, тишина...

— Пит Гарден, — снова позвал он, и на этот раз почувствовал что-то, почувствовал, но по-настоящему уловить не смог. — Это ты? — спросил он.

— Да, это я, — пришел ответ. И был он от Пита Гардена.

И в то же самое время — не от него.

— Что происходит? — спросил Джо. — Что эта гнусная тварь с нами творит? Она делает все, чтобы не пустить нас назад, на Землю, но мы туда все равно непременно вернемся. Я не сомневаюсь в том, что нам удастся отыскать способ туда вернуться. Ведь, в конце-то концов, это мы победили в Игре, разве не так? А ведь у нас поначалу не было никакой уверенности в том, что нам удастся это сделать. — Он снова стал прислушиваться.

— Подойди ближе, — произнес Пит.

— Нет, — отозвался Шиллинг. — По какой-то неведомой мне причине я не доверяю тебе. А кроме того, как это мне подойти к тебе поближе? Я ведь просто барахтаюсь здесь, не так ли? Да и ты тоже?

— Подойди поближе, — монотонно повторил голос.

«Нет», — решил про себя окончательно Джо Шиллинг.

Он не доверял этому голосу. Он испытывал страх перед ним.

— Уходи, — сказал он и замер, прислушиваясь.

Но источник голоса не уходил.

— Послушайте, Пит, — раздался голос Мэри-Энн. — Этот вуг лишил нас понимания действительности. Это нас, вот кого он изменил, а не окружающую нас среду. Я уверена в этом. Вы меня слышите? — Она вытянула шею, обратившись вся в слух.

Ничего не было слышно. Никакого ответа.

«Он распылил нас на атомы, — подумала она. — Как если бы каждый из нас претерпел полное психическое расстройство, испытывая состояние полнейшей изоляции как друг от друга, так и от привычных для нас методов познания пространства и времени. Это пугающая, невыносимая для нас изоляция, — поняла Мэри-Энн, — так уничтожающе на нас действует. Должно быть, именно это. Что же еще могло с нами случиться?»

Этого не может быть на самом деле. И тем не менее... Пожалуй, это первооснова реальности, лежащая глубже сознательных уровней нашей психики; возможно даже, что это как раз именно то, чем мы являемся на самом деле. Они показывают нам это, убивая нас правдой о себе. Это все их телепатические способности и их способность манипулировать сознанием, внедряться в него». — Она постаралась тут же побыстрее прогнать прочь от себя эту мысль. А затем где-то, кажется, ниже себя увидела что-то такое, что было живыми существами.

Чахлые, хилые, абсолютно чужие во всех отношениях создания, деформированные чудовищными силами тяготения, превращенные в жалкие существа уродливой, искаженной формы. Столь раздавленные этими силами, что стали крохотными и слепыми. Она присмотрелась к этим созданиям; ущербный свет умирающего Солнца озарял сцену, а затем (она все еще не могла оторвать взор от них) стал быстро угасать. Все сначала окрасилось в темно-лиловый цвет, а затем погрузилось в непроглядную тьму.

Излучая слабое свечение, подобно организмам, живущим в океанских глубинах, эти чахлые создания продолжали жить, по крайней мере, в известных пределах. Но существование это было далеко не из приятных.

Она узнала их.

«Это мы. Люди, какими видят нас вуги. Живущие неподалеку от Солнца, подверженные воздействию чудовищных гравитационных полей.

Теперь я все понимаю, — подумала она. — Неудивительно, что они так хотят разделаться с нами. Для них мы — древняя, дряхлая раса, которая уже отжила свое, которую надо принудить покинуть сцену.

Совсем другое дело вуги. Блистательные создания, не имеющие веса, дрейфующие в высших сферах Вселенной за пределами досягаемости сокрушительных гравитационных полей и умственно недоразвитых вымирающих созданий. Обитающие на крохотной луне вдали от огромного древнего Солнца.

Вы захотели показать нам это, — поняла Мэри-Энн. — Действительность, воспринимаемая вами и столь же для вас реальная, как и воспринимаемая нами — для нас.

Но не более того».

«Вы в состоянии понять это? — спросила она у сияющего бесплотного существа, чье присутствие она постоянно ощущала повсюду вокруг себя. — Что наше видение сложившегося положения в равной степени истинно? Ваше видение мира не может подменить наше. Или может? Или это как раз то, чего вы добиваетесь?»

Она ждала ответа, до боли сомкнув веки от страха.

«В идеальном случае, — приняла она чью-то бесстрастную мысль, — можно сделать так, чтобы совпали обе точки зрения. Однако на практике так не получится».

Открыв глаза, она увидела какой-то шар, сгусток обвислой студенистой протоплазмы — и, что уж совсем выглядело явной нелепостью, вышитое на передней части сферы красными нитками имя «Е.Б. Блэк».

— Что это? — спохватилась она и стала лихорадочно озираться по сторонам.

В сознание ее влился поток мыслей Е.Б. Блэка.

«Есть еще немало значительных трудностей, которые мы сами пока что еще не в состоянии преодолеть. Отсюда и те противоречия, которые возникли в нашей культуре. Мне удалось взять верх над теми Игроками, с которыми сражалась ваша группа. Сейчас вы уже на Земле, в своей привычной квартире в Сан-Рафаэле, где я в настоящее время продолжаю начатое мною расследование, связанное с известными вам преступлениями».

Свет и сила тяжести — оба эти фактора теперь в полную силу воздействовали на ее органы чувств. Она приподнялась устало.

— Я видела...

«Вам как раз привиделось то, что неотступно преследует нас. Мы не в состоянии избавиться от подобного мировосприятия. — Он подплыл к ней поближе, страшно беспокоясь о том, чтобы сделать свои мысли как можно более четкими и доступными. — Мы осознаем, что такому видению мира недостает полноты, что мы несправедливы по отношению к вам, землянам, ибо и у вас в свою очередь есть, как вы на этом не устаете настаивать, равное и противоположное и вместе с тем логически обоснованное и связанное представление о нас. И все равно мы продолжаем воспринимать вас именно так, как это вы сами только что увидели. — Поразмыслив еще немного, он добавил: — И все-таки было бы несправедливо по отношению к вам смотреть на вас и дальше с такой точки зрения».

— Мы выиграли Игру, — сказала Мэри-Энн. — У вас.

«Наши граждане осознают значение этого факта. Мы отвергаем эти последовавшие за вашим выигрышем карательные меры со стороны наших потерявших от горя рассудок Игроков. Если уж следовать духу и букве Игры, то, поскольку вы выиграли, вас следовало немедленно же вернуть на землю. Любое другое решение для нас невозможно. Кроме, разумеется, наших экстремистов».

— А ваши Игроки?

«Они не понесут наказания. Слишком уж почетное и высокое место занимают они в нашей культуре. Радуйтесь тому, что вы уже здесь. Довольствуйтесь этим, мисс Мак-Клейн». — Тональность его мыслей неожиданно стала суровой.

— А остальные члены нашей группы? — спросила Мэри-Энн. — Где они сейчас? Вряд ли они здесь, в Сан-Рафаэле. Они в Кармеле?

«Они рассеяны, — раздраженно ответил Е.Б. Блэк. Она не могла разобрат, сердится ли он на нее, на других членов группы или на своих соплеменников-вугов. Вся ситуация, казалось, вызывала у него досаду. — Вы встретитесь с ними снова, мисс Мак-Клейн. А теперь позвольте мне продолжить начатое мною расследование...»

Вуг двинулся ей навстречу, и она отпрянула, не желая вступать с ним в физический контакт. Все в этом Е.Б. Блэке слишком уж напоминало ей другого вуга, того, против которого они играли, выиграли и были самым жутьническим образом лишены плодов своей победы.

«Вас несколько не обманули, — возразил ей Е.Б. Блэк, — ваша победа была просто ... отодвинута на некоторое время. Она все еще ваша, и вы получите возможность пользоваться ее плодами. — Помедлив немного, он добавил: — Со временем». — В тональности его мыслей был легкий оттенок испытываемого им удовольствия. Е.Б. Блэк был не очень-то удручен тем положением, в котором очутилась группа «Красавица-Чернобурка», тем фактом, что члены ее рассеяны, напуганы и сбиты с толку. Тем, что они испытали на себе, что такое настоящий хаос.

— Мне можно отправиться в Кармел? — спросила она.

«Разумеется. Вполне можете отправляться в любое место, куда вам благорассудится, мисс Мак-Клейн. Вот только Джо Шиллинга нет сейчас в Кармеле. Вам придется хорошенько поискать его повсюду».

— И поищу, — решительно сказала она. — И буду искать, пока не найду его. И Пита Гардена тоже. — Пока группа вся не будет вместе, как тогда, когда они все сидели за Столом напротив Игроков с Титана.

Ей показалось, что с того момента прошла целая вечность.

Развернувшись, она вышла из квартиры. И не стала оборачиваться.

* * *

Какой-то голос, резкий и недовольный, пронзил разум Джо Шиллинга. Он отпрянул от него прочь — попытался, во всяком случае, — но голос крался за ним следом, не отпуская его.

— Э-э, мистер Шиллинг, — сбивчиво и невнятно произнес голос. — Уделите мне минутку. — Во тьме он подплывал к нему все ближе и ближе, пока не оказался совсем рядом, и хозяин его сдал горло Джо. Шиллинг уже не мог больше дышать. — Я отниму у вас совсем немного времени. Ладно? — Голос сделал паузу. Шиллинг продолжал не отзываться на этот голос. — Тогда, — снова зазвучал он, — я скажу вам то, что уже давно хочу сказать. То, что вы находитесь здесь, у нас в гостях, я говорю это

совершенно серьезно, это в самом деле, поймите меня правильно, большая для нас честь.

— Подите от меня прочь, — сказал Шиллинг и стал шарить рукой вокруг себя. Впечатление у него было такое, будто он залез рукой в густую паутину, липкую, беспорядочно сотканную. И ничего не достал рукой.

— Э...э... — продолжал блять голос, — вот что мы оба хотели у вас спросить, Эс и я. Я имею в виду, что вам вряд ли еще когда-либо удастся вырваться сюда, в Портленд, верно? Поэтому я хочу у вас спросить... Может быть, совершенно случайно, у вас есть запись этой... как она там называется? Вы понимаете, что я имею в виду. Из «Волшебной флейты»?

— Ария Царицы Ночи, — тяжело дыша, вымолвил Шиллинг.

— Да! Именно она! — В голосе теперь звучала едва скрываемая алчность, голос обволакивал его всего, что-то безжалостно душило. От него, наверное, уже никогда не отделаться.

— Да-дум-дум-дум, да-ди-ди да-да дум-дум, — присоединился к первому голосу еще один, женский; оба голоса шумно теснили его.

— Да, у меня она есть, — сказал Джо Шиллинг. — Производства швейцарской фирмы «Хиз Мастерз Войс». Даже в двух вариантах исполнения. На разных сторонах пластинки.

— Мы могли бы ее приобрести? — оба голоса прозвучали хором.

— Да, — ответил он.

Свет, серый и фрагментарный, мельтешил перед глазами. Ему удалось встать. «Это мой магазин пластинок в Нью-Мексико, — мелькнуло у него в голове. Нет, голоса утверждали, что он в Портленде, штат Орегон. — Что я здесь делаю? Почему это вуг поместил меня именно сюда?» Он стал осматриваться по сторонам.

Он стоял в незнакомой для него гостиной старинного дома на голом дощатом полу. Прямо перед ним на старинном диване с изъеденной молью обивкой сидели две знакомые фигуры, — невысокие, коренастые, плохо подстриженные мужчина и женщина, с жадностью глядевшие на него.

— Может быть случайно эта пластинка сейчас с вами? — пронзительно пропищала Эс Сибли. У сидевшего с нею рядом Леса Сибли алчно сверкали глаза. Он не мог сидеть спокойно, он вскочил на ноги и стал быстро шагать по пустой гулкой гостиной.

Фонограф в углу громко играл «Вишневый Дуэт». Джо Шиллинг впервые за всю свою жизнь страстно пожелал засунуть руку в его раструб, пресечь изливавшиеся оттуда звуки. Они были слишком скрипучими, слишком громкими и резкими. От них застучало в голове, и он отвернулся, пытаясь восстановить нормальное дыхание.

— Нет, — сказал он. — Она в моем магазине. — Ему чертовски захотелось чашку горячего черного кофе или чая, доброго, крепкого, хорошо настоенного чая.

— Вы чувствуете себя неважно, мистер Шиллинг? — спросила Эс Сибли.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, вполне нормально.

Ему очень захотелось узнать, что же произошло с остальными членами группы. Неужели их всех разметало, как сухие листья, и теперь ветер гонит их неизвестно куда по равнинам Земли? Очевидно, это так. Игроки с Титана никак не могли просто так признать свое поражение.

Но главное, что группа все-таки где-то здесь. Игра завершилась.

— Послушайте, — начал Шиллинг и осторожно слово за словом сформулировал простой вопрос. — Моя — машина — снаружи? — Он надеялся на это. Молился, чтобы было именно так.

— Нет, — ответил Лес Сибли. — Мы подобрали вас и привезли сюда, в Орегон. Вы разве не помните? — Сидевшая с ним рядом Эс прыснула, обнажив крупные крепкие зубы. — Он не помнит, как сюда попал, — сказал Лес, обращаясь к ней, после чего они рассмеялись уже оба.

— Я хочу вызвать Макса, — сказал Джо Шиллинг. — Мне пора уходить. Извините меня. — Он нетвердо поднялся. — Прощайте.

— А пластинка Эрны Бергер? — уныло подала голос Эс Сибли.

— Я перешлю ее по почте. — Он, осторожно ступая, шаг за шагом двинулся к входной двери. Ему смутно помнилось — или это было просто предчувствие — ее расположение в квартире Сибли. — Мне нужно найти ближайший видеофон. Чтобы вызвать Макса.

— Можете сделать вызов прямо отсюда, — предложил Лес Сибли, проводя его по коридору в столовую. — А после, может быть, вы останетесь, хоть ненадолго...

— Нет. — Шиллинг подошел к видеофону и, включив его, набрал код своей машины.

Голос Макса прозвучал всего лишь через несколько секунд.

— Да?

— Это я, Джо Шиллинг. Валий забери меня.

— Тогда поднимите свой разжиревший зад и дайте мне точный адрес.

Джо Шиллинг незамедлительно указал Макс, куда лететь, а затем вернулся тем же путем по коридору снова в гостиную, уселся на тот же стул и стал машинально ощупывать одежду, надеясь найти сигару или хотя бы трубку. Музыка оглушала его еще сильнее, чем раньше, заставляя ежиться.

Так он и сидел, сцепив руки вместе, и ждал. Но с каждой минутой чувствовал себя все лучше и лучше. Все яснее он понимал, что с ними произошло. Каким образом им удалось выпутаться из западни на Титане.

* * *

Стоя в эвкалиптовой рощице, Пит Гарден догадывался, где он находится. Вуги освободили его, и теперь он в Беркли. В своем старом изначальном уделе, который он проиграл Уолту Ремингтону, а тот переуступил права на него Ассоциации Пендлтона, которая в свою очередь продала их Лакмену, а того уже не было в живых.

На грубо сколоченной скамье среди деревьев прямо перед ним неподвижно сидела задумчивая молодая женщина. Это была его жена.

— Кэрол, — окликнул он ее, — у тебя все в порядке?

— Да, Пит, — кивнула она в ответ. — Я здесь уже очень давно, еще и еще раз прокручиваю в памяти все, что произошло. Ты понимаешь, нам очень повезло в том, что она, я имею в виду Мэри-Энн, оказалась на нашей стороне.

— Да, — согласился он, подошел к ней, остановился нерешительно и затем сел с нею рядом. Он был рад, так рад, что не мог даже выразить словами чувства, охватившие его, когда он снова увидел Кэрол.

— Как ты думаешь, — спросила Кэрол, — что бы она могла сделать с нами, не будь она к нам столь благожелательна? Так вот, я скажу, Пит. Она могла бы вытравить из моего тела будущего ребенка. Ты понимаешь это?

Нет, он не понимал этого. Ему было неприятно сейчас даже слышать такое.

— Верно, — признался он, и сердце его снова похолодело от ужаса.

— Не бойся, — сказала Кэрол. — Она не собирается этого делать. У нее желания сделать это ничуть не больше, чем у тебя вскочить и начать убивать всех встречных своей машиной. А ведь ты, в общем-то, мог бы так поступить. И даже, как Поручитель, остаться безнаказанным. — Она улыбнулась Питу. — Мэри-Энн не представляет для нас опасности. Во многих отношениях, Пит, она благоразумнее, чем мы. Более зрелая и рассудительная. Я очень многое передумала, сидя вот здесь. И, как сейчас мне кажется, на это ушло много лет.

Он погладил ее по плечу, затем приласкал и поцеловал.

— Я уверена в том, что ты отыграешь Беркли, — сказала Кэрол. — Как я полагаю, им теперь владеет Дотти Лакмен. Тебе удастся это сделать. Игрок она не очень-то сильный.

— Как мне кажется, Дотти вполне могла бы обойтись и без Беркли, — сказал Пит. — Она теперь владеет всеми правами на Восточном побережье, которое оставил ей Лакмен.

— Как ты думаешь, мы сумеем сохранить Мэри-Энн в своей группе?

— Нет, — ответил Пит.

— Очень жаль, — Кэрол обвела взглядом огромные стволы старых экалиптов. — Как хорошо здесь, в Беркли. Я теперь понимаю, почему ты так расстроился, потеряв его. А у Лакмена даже и в мыслях не было наслаждаться прелестью этих мест. Он просто хотел заполучить его в качестве плацдарма для новых выигрышей и новых приобретений. — Она помолчала некоторое время, затем заговорила: — Пит, интересно, уровень рождаемости теперь снова станет нормальным? После того, как мы победили их?

— Да поможет нам бог, — произнес он, — если этого не произойдет.

— Обязательно произойдет, — сказала Кэрол. — Я это точно знаю.

Я — первая из многих женщин. Назови это экстрасенсорным даром, предвидением с моей стороны, но я ничуть не сомневаюсь в этом. Как мы назовем наше дитя?

— По-моему, это зависит от того, мальчик родится или девочка.

Кэрол улыбнулась.

— А может быть, и то, и другое.

— Значит, — сказал он, — Фрэйя права, когда в своих истеричных бреднях проговорила, что надеется на то, что это будет ребенок, имея в виду, что она вовсе не убеждена в этом.

— Я имею в виду, разумеется, каждого из них. Близнецов. Когда в последний раз рождалась пара близнецов?

Он наизусть знал ответ.

— Сорок два года тому назад. В Кливленде. У мистера и миссис Тоби Ферата.

— А мы вполне можем стать следующей такой парой, — сказала Кэрол.

— Это маловероятно.

— Но ведь мы победили. Не забывай об этом.

— Я помню, — сказал Пит Гарден и крепко обнял свою жену.

* * *

Спотыкаясь в темноте, как потом выяснилось, о бордюры, Дэвид Матро добрался в конце концов до центральной улицы маленького городка в канзасской глуши, городка, в котором он пришел в себя после пребывания на Титане. Впереди показались огни. Он облегченно вздохнул и зашагал быстрее.

Что ему было нужно, так это машина. Он даже не удосужился вызвать свою. Один бог знает, где она сейчас находится и сколько времени ему придется ждать ее прибытия, да еще при условии, что ему удастся с нею связаться. Вместо этого он быстро шагал по единственной центральной улице городка — Фернли, так он назывался, — пока не добрался до гомеостатического агентства по прокату машин.

Здесь он взял машину напрокат, сразу же отъехал на ней на некоторое расстояние, а затем остановился, съехав на обочину, и стал собираться с духом.

— Послушай-ка — спросил Матро у Рашмор-эффекта машины, — кто я — вуг или человек?

— Давайте разберемся, — произнесла машина. — Вы — Дэвид Матро из Канзас-Сити. — Затем, почти не задумываясь, добавила: — Вы — человек, мистер Матро. Вас устраивает такой ответ на ваш вопрос?

— Слава богу, — вымолвил Матро. — Да, этот ответ меня устраивает.

Он снова включил двигатель и по воздуху направился на Тихоокеанское побережье, в Калифорнию, в Кармел.

«Самое для меня безопасное — это вернуться к ним, — так он решил

в душе. — Это важно и для них тоже. Потому что я вышел из-под контроля вуггов. Доктор Филипсон остался на Титане, Нат Кэтс умершвлен этой девушкой. — психокинетиком Мэри-Энн, а организация, которая с самого начала была ущербной, теперь уничтожена полностью. Мне нечего бояться. Я хорошо справился со своей ролью в процессе Игры».

Он представил себе, как его примут в группе. Один за другим в Кармел будут стекаться члены группы «Красавица-Чернобурка» из самых различных мест на Земле, куда без дальнейших проволочек их переправили Игроки с Титана. Как только вся группа окажется в сборе, вся до единого человека, будет раскупорена бутылка виски «Джек Дэниэль» производства штата Теннесси и бутылка канадского виски...

Ведя машину в направлении Тихоокеанского побережья, он уже ощущал на своих губах вкус спиртного, слышал возбужденные голоса, видел членов группы... Здесь, сейчас.

Он видел празднование. Их победы. Отмечать ее будут все до единого...

И в самом ли деле абсолютно все? Ну, пожалуй, почти все. Для него и этого было вполне достаточно.

* * *

С трудом вытаскивая ноги из песка, а вокруг, куда ни кинь взгляд, простирались безжизненные просторы пустыни Невада, Фрэйя Гарден Гейнс уже не сомневалась в том, что она очень скоро доберется до их общей квартиры в Кармеле.

Однако ее это уже почти совсем не волновало. Что еще ей можно было ожидать от будущего? Вот над чем она размышляла, едва бредя по пустыне, куда ее зашвырнули Игроки с Титана... Всякие самые странные мысли не выходили у нее из головы. И самое главное было в том, что она признавалась себе в душе с преисполненной злости горечью о том, что уже и не отвергает напрочь такие мысли. «Пит теперь трясется над своей беременной кобылой, — отмечала она про себя. — Он теперь уже больше никогда не станет обращать на меня внимание. Никогда, сколько бы лет еще не довелось ей прожить в будущем».

У себя в кармане она нашла полоску кроличьей бумаги. Вытащив ее, она отделила обертку и надкусила кончик. При тусклом свете, отбрасываемом зажигалкой, она проверила, какого цвета бумага, затем скомкала ее и со злостью отшвырнула в сторону. Ничего, ничегошеньки!» И такое ждет меня всегда. Это все вина Пита. Если ему удалось это с той тварью Кэрл Холт, то вполне могло получиться и со мной. Один бог знает, сколько попыток это сделать мы предприняли. Наверное, не менее нескольких тысяч. Очевидно, ему просто не хотелось добиться успеха».

Впереди у нее над головой ночное небо прорезали два ярких снопа света. Она остановилась, перевела дух. Задумалась над тем, кто это объявился в такой глуши.

На поверхность пустыни стала плавно опускаться какая-то машина,

заморгали ее посадочные огни. Она приземлилась неподалеку от Фрэйи, умолк ее двигатель.

Открылась дверца кабины.

— Миссис Гейнс! — раздался энергичный, дружелюбный голос.

Фрэйя, вглядываясь в темноту, направилась к машине.

За штурвалом сидел лысеющий добродушный, на вид не очень молодой мужчина.

— Я рад тому, что нашел вас, — произнес он. — Садитесь в кабину, и мы покинем эту ужасную, забытую богом пустыню. Куда вам хотелось бы сейчас направиться? — Он засмеялся. — Может быть, в Кармел?

— Нет, — категорически отрезала Фрэйя. — Только не в Кармел.

«Никогда больше», — решила она в душе.

— Тогда куда же? Как вы относитесь к Покателло, штат Айдахо?

— Почему Покателло? — удивилась Фрэйя, однако в кабину взобра-
лась. Лучше уж это, чем продолжать бесцельное странствование по пусты-
не в крошечной тьме в одиночестве, когда рядом не было никого, реши-
тельно никого, кто мог бы ей помочь.

Не очень-то молодой мужчина, включив двигатель, произнес приятным голосом:

— Меня зовут доктор Филипсон.

Она изумленно взглянула на него. Она знала — нисколько не сомнева-
лась в том, что знает — кто он. Или, скорее, что скрывается за маской
не очень-то молодого мужчины.

— Вы хотите выйти из машины? — спросил у нее доктор Филипсон. —
Я мог бы, если вы на этом так настаиваете, оставить вас там, где нашел.

— Н-нет, — пробормотала Фрэйя. Она откинулась на спинку сиденья и
стала внимательно следить за каждым жестом и сменой выражений лица
мужчины. Бесчисленное множество самых разных мыслей стало возникать
у нее в голове.

— Миссис Гейнс, — обратился к ней доктор Ю.Р. Филипсон, — вы бы
не возражали поработать немного на нас, ну хотя бы для разнообразия? —
Он повернул голову в ее сторону, ожидая реакции на свое предложение,
и улыбнулся, но в улыбке его не было ни тепла, ни юмора. Улыбка его
была абсолютно безжизненной.

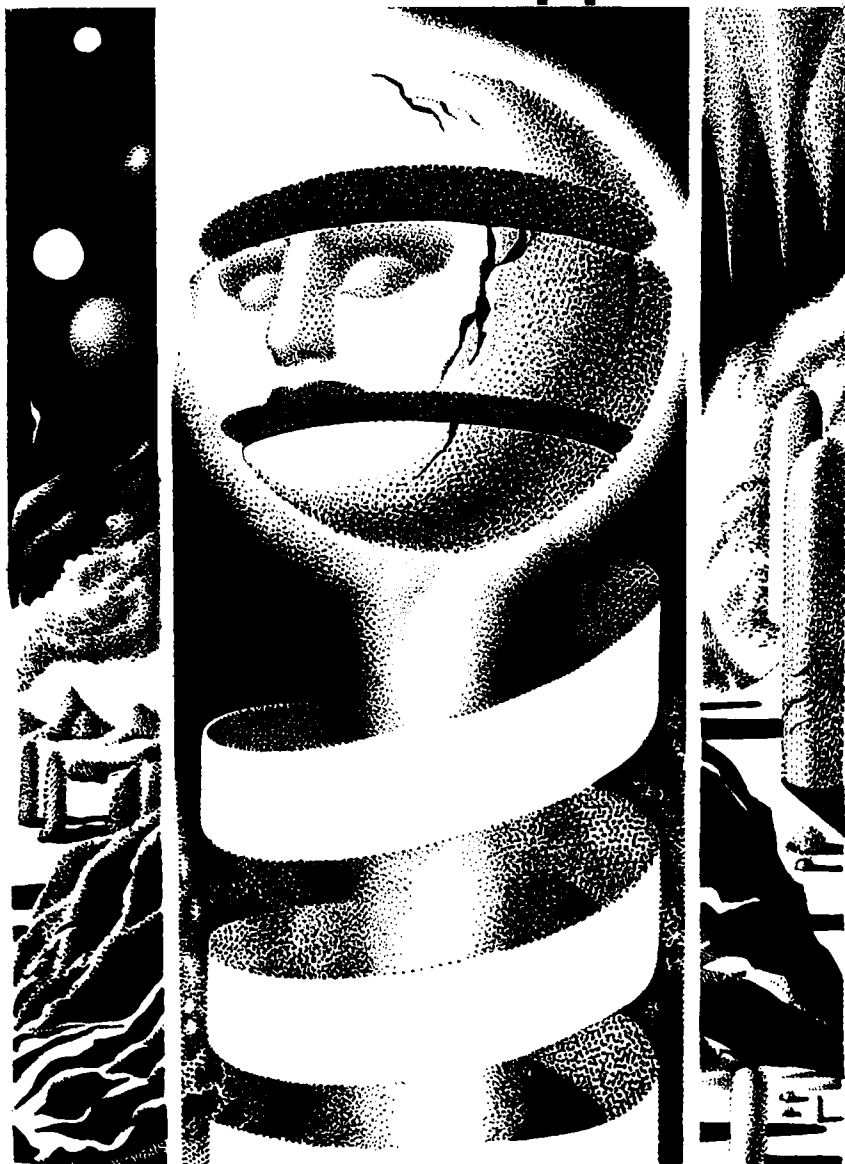
— Заманчивое предложение, — заметила Фрэйя. — Но мне надо его об-
думать. Я не могу принять решение вот так сразу. «Действительно, очень
заманчивое», — подумала она.

— У вас есть время, — сказал доктор Филипсон. — Мы терпеливы.
Времени у нас ровно столько, сколько понадобится. — В глазах его замер-
цали холодные огоньки.

Фрэйя ответила улыбкой.

Что-то напевая себе под нос, доктор Филипсон уверенно вел свою ма-
шину в Айдахо, пересекая черное ночное небо планеты Земля.

ТРИ СТИГМАТА ПАЛМЕРА ЭЛДРИЧА

Барни Майерсон очнулся в незнакомом доме, в спальне. Нестерпимо болела голова. Рядом с ним, натянув одеяло до плеч, спала незнакомая девушка. Из рта ее вылетало легкое дыхание. Волосы были белыми, словно хлопок.

«Держу пари, на работу я уже опоздал», подумал Барни. Он соскочил с кровати и замер, покачиваясь и зажмурив глаза. К горлу подступила тошнота.

Он помнил только, что сейчас он был даже не в Соединенных Штатах. И все-таки он находился на земле — гравитация казалась привычной и нормальной.

В соседней комнате на софе лежал знакомый чемоданчик — психиатр доктор Смайл.

Босиком он прошлепал туда и уселся рядом с чемоданчиком. Открыл его, шелкнул переключателями. Включились счетчики, зажурчал механизм.

— Где я? — спросил Барни. — И далеко ли от Нью-Йорка?

Это было важно. Часы на кухне показывали 7.30. Еще не поздно. Механизм, миниатюрная копия доктора Смайла, был связан с компьютером, находившимся в Нью-Йорке, Ремаун 33, где жил Барни. Он отозвался тонким голосом:

— Да, мистер Байкрсон.

— Майерсон, — поправил Барни, приглаживая трясущимися руками волосы. — Что вам известно о прошлой ночи?

Теперь он заметил на столе кухни полупустые бутылки бурбона и газированной воды, лимоны, кусочки тающего льда. Его передернуло.

— Кто эта девушка?

— Девушка на кровати — мисс Рондинелла Фьюгет. Рони, как просила она себя называть.

Звучало довольно банально и в то же время несколько странно. Это никак не вязалось с его работой.

— Послушай... — начал он.

Но тут в спальне девушка зашевелилась. Он захлопнул чемоданчик и поднялся, чувствуя себя несколько неловко.

— Ты встал? — спросила девушка сонно, потом тряхнула волосами и повернула к нему лицо.

«Довольно хорошенькая, — подумал он. — С большими, влюбленными глазами».

— Который сейчас час, и не приготовишь ли ты мне чашечку кофе?

Он прошлепал в кухню и за спиной услышал хлопанье двери — девушка прошла в ванную. Побежала вода. Видно, Рони принимала душ.

Вернувшись в комнату, он вновь включил доктора Смайла.

— Что она делала в П.П. Лайотс? — спросил он.

— Мисс Фьюгет — ваш новый ассистент. Она вчера вернулась из Нородного Китая, где работала консультантом П.П.Лайотс по этому району. Мисс Фьюгет показала себя хотя и талантливым, но еще недостаточно опытным работником, и мистер Балеро решил сделать ее ненадолго вашим ассистентом.

— Ладно, — сказал Барни.

Он вошел в спальню. Одежда кучей лежала на полу. Барни начал одеваться, все еще чувствуя ужасную слабость и подступающую к горлу тошноту.

— Так, — сказал он доктору Смайлу, застегивая пуговицы на рубашке. — Я вспомнил. Мне говорили о ней в пятницу. Талант мисс Фьюгет неустойчив, а сама она особа сумасбродная.

Дверь ванной комнаты со стуком отворилась. Он уловил взгляд Рони, розовость и чистоту ее тела.

— Ты звал меня, дорогой?

— Нет, — сказал он. — Я беседовал со своим доктором.

— У каждого бывают ошибки, — произнес доктор Смайл.

— Как же так получилось, что она и я... — Он кивнул в сторону ванной. — Ведь было так мало времени.

— Химия, — ответил доктор Смайл.

— Ну?

— Вы оба ясновидцы. Ты продемонстрировал то, что недавно случайно открыл, и после нескольких глотков вы почувствовали влечение. Оба решили — чего ждать? Жизнь и так коротка. Искусство...

Чемоданчик замолк. Из ванной появилась обнаженная Рони Фьюгет, мягко скользнула мимо, и Барни вернулся еще раз в спальню.

У нее было великолепное стройное тело, по-настоящему красивая осанка и маленькие высоко поднятые груди с сосками не больше двух розовых жемчужин.

— Я хотела спросить, — сказала Рони, — почему ты консультируешься с психиатром? И зачем ты все время таскаешь его с собой?

Она подняла одну бровь и вопросительно взглянула на Барни.

— Давай вернемся к этому позже.

— Как ты думаешь, я хороша?

Встав на мыски, она вытянулась, поднялась, подняла руки над головой, потом вдруг проделала серию упражнений. Дыхание ее стало прерывистым.

— Конечно, — пробормотал он, застигнутый врасплох.

— Я весила бы тонну, — задыхаясь, вымолвила Рони, — если бы не делала эти упражнения каждое утро. Налей мне кофе, дорогой.

— Ты действительно моя новая ассистентка от П.П.Лайотс? — спросил Барни.

— Конечно. Ты что, уже все забыл? Видишь только будущее, а от прошлого у тебя остаются только туманные воспоминания? Ведь именно такое у тебя воспоминание о прошлой ночи?

Она остановилась, переводя дыхание.

— Ты помнишь, что было?

— О, — сказал он, — могу догадаться.

— Слушай. Есть только одна причина, по которой ты повсюду таскаешь с собой психиатра. Тебе пришла повестка в армию. Правильно?

После паузы он кивнул. Это он помнил. Стандартный продолговатый сине-зеленый конверт прибыл неделю назад. В следующую среду он должен будет отнести своего психиатра в военный госпиталь ООН.

— Ну и как? Помогает? Только не увеличивает ли он, — Рони указала на чемоданчик, — твои страдания?

Повернувшись к миниатюрному продолжению доктора Смайла, Барни спросил:

— А как вы думаете?

Чемоданчик ответил:

— К несчастью, вы все еще достаточно жизнеспособны. Вы можете вывести из себя десяток Фрейдов. Извините. Но у нас еще осталось несколько дней. Мы ведь только начинаем.

Рони вошла в комнату, подняла свое белье и стала одеваться.

— Какова идея? — сказала она, как бы размышляя. — Если вас призвут, мистер Майерсон, и пошлют в колонии... Может быть, я займу ваше место.

Она засмеялась, показав великолепные ровные зубы.

Это была мрачная перспектива. И никакие предсказания здесь не помогут: для благополучного исхода необходим безупречный баланс причинно-следственных связей.

— Ты не справишься с моей работой, — сказал он. — Ты даже не справилась с ней в Народном Китае, а там надо было только переводить в строки нужные полуфабрикаты.

«Но когда-нибудь она сможет. Без напророченных ей трудностей. Она молода и у нее врожденный талант».

Теперь он полностью освоился с ситуацией. У него большой шанс попасть в армию. Но даже если и нет, Рони Фьюгет вполне может занять его место, вырвать у него из рук работу, работу, на которую он потратил тринадцать лет.

Странное снадобье от превратностей судьбы. Это оно позвало их в постель. Он удивился, когда набрел на такое.

Склонившись над чемоданчиком, он тихо сказал доктору Смайлу:

— Я хочу, чтобы ты объяснил, почему, черт возьми, я всегда так ужасно поступаю...

— Хочешь, я отвечу, — откликнулась из спальни Рони Фьюгет. Сейчас она была в облегающем светло-зеленом свитере и застегивала перед зеркалом пуговицы. — Ты сообщил мне это прошлой ночью после пяти бурбонов и воды. Ты сказал... — Она сделала паузу, глаза ее блеснули. — Это неприлично, но ты сказал мне: «Если ты не сможешь соединить эм с эм ...» Только глагол был другой. Я говорю «соединить»...

— Хм, — произнес Барни и отправился на кухню готовить кофе.

Как бы там ни было, он недалеко от Нью-Йорка. Очевидно, если мисс Фьюгет на службе в П.П.Лайотс, он вполне может скоротать с ней путь до работы. Они ведь пойдут вместе. Шарман. Но одобрит ли это их хозяин, Лео Балеро, если узнает. А может, переспать — обычное дело в компании. Может, сам Лео... Хотя вряд ли человек, который проводит все свое время на пляжах Антарктиды или в немецких терапевтических клиниках, найдет время тратить свои силы на такую прозу.

Однажды Барни сказал себе: «Я буду жить как Лео Балеро, а не жариться в Нью-Йорк-сити при 180 градусах».

Под ним все задрожало. Пол заходил ходуном. Это включилась охлаждающая установка здания. Начался новый день.

Снаружи окно кухни нагрелось. Под безжалостным солнцем соседние здания отбрасывали тени. Он прикрыл глаза. Наступил еще один жаркий день, возможно даже, он даст все двенадцать баллов по шкале Вагнера. Чтобы предвидеть это — не нужно быть ясновидцем.

В жалком многоквартирном доме 492 предместья Мерлин Монро, штат Нью-Джерси, Ричард Хнатт равнодушно пережевывал завтрак и равнодушно читал сводку погоды предыдущего дня.

Основной ледник Ол'Скинтон уменьшился за последний двадцатичетырехчасовой период на 4.62 Грабля. А температура на уровне Нью-Йорка за прошедший день колебалась около 1.40 Вагнера. К тому же испарение океана увеличилось до 16 Сеокирков.

Все вокруг становилось более влажным и горячим. Великая процессия природы гремела своими цепями. Ну и черт с ней! Он перевернул страницу.

Первая же статья, попавшаяся ему на глаза, была об увеличивающихся мошенничествах с охлаждением. Он задолжал Кнопту за прошлый месяц около десяти с половиной монет. На три четверти больше, чем в апреле... «Однажды, — подумал он, — станет так жарко, что ничто не выдержит».

Он вспомнил свои первые опыты по охлаждению в колледже. Тогда его постигла неудача. Теперь он применял пленки на окиси железа: уж они-то выстоят.

В жилой комнате жена, как всегда в своем голубом халате, старательно разрисовывала неизбежные глиняные безделушки. Ее глаза сияли, кончик языка высунулся и шевелился, словно помогая работе руки, кисточка двигалась искусно, и он сам теперь заметил, что уже получается неплохо. Вид работающей Эмили напомнил ему о предстоящем деле. Оно было не из приятных.

— Может, стоит подождать за него братья? — сказал он брезгливо.

— Лучшего случая представиться ему у нас все равно не будет, — ответила, не оборачиваясь, Эмили.

— А что, если он скажет «нет»?

— Попробуем еще раз. А чего ты ждешь? Думаешь, мы отступимся? И только потому, что мой бывший муж не мог предвидеть — или не хотел предвидеть, — как хорошо пойдут эти новые вещицы на рынке?

— Ты знаешь его, а не я. Он как, не мстителен? Завидовать не будет? — спросил Хнатт.

Да и чему может позавидовать бывший муж Эмили? Если все пойдет, как надо, то, если он правильно понял Эмили, вреда ждать неоткуда.

Было странно все время слышать о Барни Майерсоне, и ни разу до сих пор с ним не встретиться, ни разу не иметь прямого контакта. Теперь с этим будет покончено. Он договорился увидеться с Майерсоном в девять утра в офисе П.П.Лайотса. Майерсон, конечно, мог бы затаить обиду. Он окинет острым взглядом представленную керамику и откажет. «Нет, — скажет он. — П.П.Лайотс ни на грош не интересуется подобными безделушками. Верьте моему ясновидению, моему таланту и умению предчувствовать». И пойдет Ричард Хнатт с коллекцией горшков в руках и с абсолютной уверенностью, что идти больше некуда.

Было 8.30. Пора выходить. Он прошел к раздевалке за силовым шлемом и мандатным холодильным генератором, который полагалось носить на поясе до самого заката.

— До свиданья, — сказал он жене, задержавшись у двери.

— До свиданья и счастливо.

Она стала даже еще более сосредоточенно работать, и он понял, что этим демонстрируется, как напряжено ее внимание — она не отвлекалась ни на секунду.

Он открыл дверь и вышел в холл. Приятно холодил ветерок от запотевшего портативного генератора.

— Ах, — вымолвила Эмили, когда он начал закрывать дверь. Теперь она подняла голову, откинула с глаз темные волосы. — Свидируй мне сразу же, как выйдешь из офиса Барни, как пойдут наши дела.

— О'кей, — бросил он и закрыл за собой дверь.

Внизу, в кладовой здания, Хнатт достал их надежно охраняемый ящик и принес его в секретную комнату: там он достал демонстрационный чемоданчик с набором керамики, которую хотел показать Майерсону.

Вскоре он уже поднимался на борт термонепроницаемого межнебоскрежного связного кара, идущего к деловой части Нью-Йорк-сити и П.П.Лайотс — громадному, белому, из синтетического цемента небоскребу, положившему начало Парки-Пат¹ и всему ее миниатюрному миру. «Кукла, — подумал он, — покорившая мужчину и одновременно покорившая все планеты Солнечной системы».

Парки-Пат, наваждение колонистов... Да что говорить о колониальной жизни... Стоит ли вообще вспоминать об этих неудачниках, кого, благодаря законам селективной службы ООН, вышвырнули с Земли, заставив начать новую, чуждую жизнь на Марсе, Венере, Ганимеди или где-нибудь там еще, где бюрократы ООН вообразили, что они смогут осесть... после того, как выживут.

«А мы думаем, что вскоре и здесь станет не лучше», — сказал он про себя.

Человек, сидевший за ним, среднего возраста, одетый в серый энергетический шлем, безрукавку и шорты ярко-красного цвета, особенно популярного среди бизнесменов, заметил:

— Сегодня будет еще жарче.

— Да.

— Что у вас в этой здоровенной коробке? Завтрак для марсианских колонистов?

— Керамика, — ответил Хнатт.

— Бьюсь об заклад, вы обжигаете ее, выставляя на улицу в полдень.

Бизнесмен хмыкнул, затем достал утреннюю газету и раскрыл ее на первой странице.

— Сообщают, что на Плутоне разбился корабль, это из-за пределов Солнечной Системы, — сказал он. — Послана спасательная команда. Вы думаете, это не люди? Я не верю, что это существа из других звездных систем.

— Скорее всего, это возвращался один из наших кораблей.

— А вы видели Проксимианцев?

— Только фотографии.

— Ужас, — проговорил бизнесмен. — Если разбившийся на Плутоне корабль окажется нашим, надеюсь, его сумеют вывести из строя. Пора бы, в конце концов, запретить этим нелюдям посещать нашу систему.

— Правильно.

— Можно мне посмотреть вашу керамику? Я собственно, по галстукам. «Неотличимые от ручной работы галстуки Вернера самых различных оттенков жизни Титана». На мне один из них. Видите? Ивета. Действительно, создаются примитивными формами жизни, культуры которых мы привезли с Титана и выращиваем здесь, на Земле. А вот как мы обеспечиваем их воспроизводство, — наша профессиональная тайна. Знаете, как формула кока-колы.

¹ Парки-Пат — дерзкая Пат.

— По той же причине я не могу показать вам свою керамику. Как бы мне этого ни хотелось. Она абсолютно новая. Я отдам ее для предсказания ясновидцу в П.П.Лайотс. Если он решит взять их на Парки-Пат выставку, тогда мы поладим. Останется проинфонить ПП диск-жокею — как там его зовут? — обслуживающему Марс. Ну и так далее.

— Галстуки ручной работы Вернера тоже часть выставки Парки-Пат, — сообщил ему спутник. — Ее приятель Вольт их носит. — Он просял. — Когда П.П.Лайотс решит миниатюризировать наши галстуки...

— Вы говорили с Барни Майерсоном?

— Нет, я с ним не говорил, это был наш местный менеджер. По их мнению, с Майерсоном общаться трудно. Он импульсивен и, решив однажды, становится непреклонным.

— Неужели он так несправедлив? Уклоняется от дел, которые сулят лишние хлопоты?

— Наверное. Он хоть и предсказатель, но все-таки человек. Я дам вам один совет. Он очень недоверчив к женщинам. Его брак развалился пару лет назад, и он до сих пор не оправился. Слушайте, его жена была беременна дважды. И совет директоров правления его дома, по-моему, 33, проголосовал за то, чтобы выселить его и жену. Потому что они нарушили устав дома. Ну, вы знаете, 33? Знаете, как тяжело попасть в такой дом? И вместо того, чтобы применить свои способности, он развелся с женой и позволил ей уйти, забрав их ребенка. А потом, очевидно, понял, что совершил ошибку. Хотя, господа, чего бы вы или я не сделали, только чтобы попасть в тридцать три или даже в тридцать четыре. Он не женился. Может, он нео-христианин? Но в любом случае, когда вы станете показывать ему керамику, будьте очень осторожны во всем, что касается женщин. Не говорите: «Она нравится женщинам». Или что-нибудь в этом роде. Большинство розничных товаров уже куплено...

— Благодарю за совет, — сказал, поднимаясь, Хнатт. С чемоданчиком в руке он прошел к выходу.

К счастью, он ухитрился поймать такси и, пока оно пробиралось сквозь пробки деловой части города, успел прочитать утреннюю газету. И в частности, передовицу о корабле, возвратившемся с Проксимы. Подумать только! Преодолеть такое расстояние — и только для того, чтобы разбиться в ледяной пустыне. Но сколько недомолвок! Предполагали, что это корабль хорошо известного межпланетного промышленника Палмера Элдрича, который улетел к системе Проксимы декаду назад по приглашению Совета проксимианских гуманоидов. Они хотели поручить ему модернизацию автофабрик вдоль Земной трассы. С тех пор о нем ничего не было слышно. А теперь вот...

«Возможно, для Земли было бы куда лучше, если бы сейчас вернулся не Элдрич, — подумал Хнатт. — Палмер Элдрич слишком дик и ослепителен. Он, конечно, совершал чудеса по выпуску продукции автофабрик на холодных планетах. Но и интриговал тоже порядочно. Ширпотребом буквально заваливал места, где даже не было колонистов».

— Приехали, ваше превосходительство, — сообщило автоматическое такси, остановившись перед громадным, но, в основном, подземным строением П.П.Лайотс с термозащитными стенами.

Он расплатился, выскочил и метнулся через небольшое открытое пространство к скату. Обжигающий солнечный свет коснулся его, и он почувствовал — или вообразил, — что аж закипел. «Спечешься, как жаба, потерявшая все жизненные соки», — подумал он, надежно укрывшись под скатом.

Вскоре он уже был под поверхностью. Секретарша провела его в кабинет Майерсона.

Комнаты, холодные и сумрачные, манили расслабиться, но он не поддавался. Еще крепче сжал свой демонстрационный чемоданчик, подобрался сам, и, хотя был нео-христианином, пробормотал заунывную молитву.

— Мистер Майерсон, — сказала секретарша, высокая, в открытом платье и пляжных шлепанцах, обращаясь к сидящему за столом человеку, — это мистер Хнатт.

За Майером стояла девушка в бледно-розовом свитере и с абсолютно белыми волосами. Волосы были очень длинные, а свитер очень тесен.

— Это мисс Фьюгет, мистер Хнатт, ассистентка мистера Майерсона. Мисс Фьюгет, это мистер Ричард Хнатт.

За столом Барни Майерсон продолжал изучать документы, словно не замечая вошедших. Ричард Хнатт тихо ждал, испытывая клубок сумбурных эмоций. Его распирали гнев, приютившийся в горле и груди, и, конечно, раздражение. И над всем этим — возраставшее любопытство. Итак, это и был бывший муж Эмили, который, если верить торговцу галстуками, еще горестно и печально раскаивался в том, что утратил семью. Неряшливые патлы. Угрюмый. Но ни тени враждебности. Быть может, пока он не...

— Давайте посмотрим ваши горшки, — внезапно сказал Майерсон.

Положив на стол демонстрационный чемоданчик, Ричард Хнатт открыл его, достал одно за другим керамические изделия, расставил их.

После паузы Барни Майерсон изрек:

— Нет.

— Нет? — воскликнул Хнатт. — Но почему?

— Они им не подойдут, — сказал Майерсон.

Он достал бумаги и углубился в их изучение.

— Только поэтому? — спросил Хнатт, все еще не веря в случившееся.

— Именно поэтому, — подтвердил Майерсон.

Казалось, он потерял к увиденной керамике всякий интерес.

Хнатт упаковывал свои горшки, собираясь уходить.

— Простите, мистер Майерсон, — сказала мисс Фьюгет.

Взглянув на нее, Барни Майерсон обронил:

— В чем дело?

— Позвольте заметить, мистер Майерсон... — Мисс Фьюгет наклонилась к горшкам, взяла один и, держа его в одной руке, другой стала

поглаживать разрисованную поверхность. — Но я явно чувствую нечто другое. По-моему, им эта керамика понравится.

Хнатт переводил взгляд с одного ясновидца на другого.

— Дайте мне вон тот.

Майерсон указал на темно-серую вазу.

Хнатт подал.

Майерсон подержал ее.

— Нет, — сказал он наконец. Теперь он нахмурился еще больше. — Все же я не чувствую, что они достаточно интересны. По-моему, вы ошибаетесь, мисс Фьюгет.

Он поставил вазу обратно.

— Однако, — сказал он Ричарду Хнатту, — ввиду того, что между мной и мисс Фьюгет возникли разногласия... — Он задумчиво тронул свой нос. — Оставьте мне их на несколько дней. Я постараюсь присмотреться к ним повнимательней.

Но было очевидно, что вряд ли он это сделает.

Мисс Фьюгет взяла маленькую, причудливой формы статуэтку и нежно покачала на груди.

— Эта в особенности. Я чувствую, от нее идет очень мощная эманация. Она одна оправдает все.

— Не твое дело, Рони, — проговорил Барни Майерсон тихо.

Казалось, теперь он рассердился не на шутку. Лицо его стало темно-лиловым.

— Я вам свидарую, — сказал он Ричарду Хнатту, — как только приму окончательное решение. Пока я не вижу причины менять свое первоначальное мнение. Так что особо не надейтесь. А за них можете не беспокоиться.

Он бросил тяжелый взгляд на свою ассистентку мисс Фьюгет.

2

В десять часов утра Лео Балеро, глава совета директоров П.П. Лайотс, получил, наконец, видеовывоз из Трехпланетного Юрисконсульства — частного полицейского агентства. Он нанял его в ту же минуту, как только услышал о разбившемся на Плутоне межзвездном корабле, возвратившемся с Проксимы.

Слушал он рассеянно. Новости, конечно, были интересные, но его одолевали другие заботы.

Это полный идиотизм, то, что П.П.Лайотс платит громадную годовую дань ООН за свою неприкосновенность. Но идиотизм или нет, а корабль Бюро Контроля Наркотиков ООН конфисковал весь груз Кей-Ди, стоимостью почти на миллион шкурок. И недалеко от северной полярной шапки Марса по пути с надежно охраняемых плантаций Венеры. По-видимому, выжатые вымогателями деньги так и не дошли до нужных людей сложной иерархии ООН.

Ну, здесь уж ничего не поделаешь. На ООН повлиять он оказался не в состоянии.

Разгадать намерения Бюро Наркотиков ничего не стоило. Оно стремилось, чтобы П.П.Лайотс предъявило иск на возвращение груза. Ибо было установлено, что нелегальный наркотик Кей-Ди, употребляемый большинством колонистов, выращивали, обрабатывали и распространяли благодаря тайной поддержке П.П.Лайотс. Так что, каким бы ценным ни был груз, лучше уж махнуть на него рукой и не лезть на рожон, не затевать опасную тяжбу.

— Наши первоначальные опасения подтвердились, — сказал с экрана босс полицейского агентства Феликс Блау. — Это Палмер Эдрич. Он, хотя и в скверном состоянии, но жив. Мы полагаем, что линейный корабль ООН несет его в главный госпиталь. Курс корабля определить не удалось.

— Хм-м, — кивнул Лео Балеро.

— Однако, что касается того, что обнаружено Эдричем в системе Проксимы...

— Вам этого никогда не узнать, — сказал Лео. — Эдрич не скажет. На том и покончим.

— Но нам доложили, — продолжал Блау, — об одном любопытном факте. На борту корабля у Эдрича была — скорее есть — тщательно оберегавшаяся им культура лишайника, очень напоминающего титанский лишайник, из которого получают Кей-Ди. Я думаю, с точки зрения...

Блау тактично смолк.

— Возможно ли каким-нибудь образом уничтожить эту культуру?

— К несчастью, служащие Эдрича уже добрались до остатков корабля. Они, несомненно, окажут сопротивление любым нашим попыткам в этом направлении. Мы, конечно, постараемся... Но вряд ли у нас что-нибудь получится.

— Постарайтесь, — сказал Лео, хотя понимал, что это, без сомнения, лишь бесполезная трата времени и сил. — А не подойдет ли сюда закон? Основной декрет ООН о запрещении импорта жизненных форм из других систем.

— Вот будет здорово, если вооруженные силы ООН заставят сбросить бомбу на остатки корабля Эдрича.

Лео черкнул себе в блокнот-памятку: «Вызвать адвокатов, подать жалобу в ООН на ввоз чужого лишайника».

— Я поговорю с тобой позже, — сказал он Блау и отключился.

Может, стоит подать жалобу самому? Нажав клавишу интеркома, он сказал секретарю:

— Дайте мне ООН. Верха в Нью-Йорке. Запросите лично Секретаря Хепбёрн-Гилберта.

Почти тотчас же его соединили с искусным индийским политиком, занимавшим в этом году пост Секретаря ООН.

— А, мистер Балеро. — Хепбёрн-Гилберт лукаво улыбнулся. — Вы хотите подать жалобу на конфискацию того груза Кей-Ди, который...

— Я ничего не знаю ни о каком грузе Кей-Ди, — перебил Лео. — Я совсем по другому делу. Ваши люди знают, что совершил Палмер Эддрич? Он привез в нашу систему внесолнечную культуру лишайника. Это может стать началом новой чумы, подобной той, что мы имели в 98-м.

— Мы знаем. Однако люди Эддрича утверждают, что это солнечный лишайник, который мистер Эддрич взял с собой в путешествие на Проксиму и теперь привез обратно. Он служил ему источником протеина. Так они, во всяком случае, утверждают.

Белозубая улыбка индийца выражала радостное превосходство — слабый предлог его только позабавил.

— И вы этому верите?

— Конечно нет, — снова улыбнулся Хепбёрн-Гилберт. — А что вам за дело до этого? Мистер, мистер, мистер Балеро? У вас особый интерес к лишайникам?

— Я патриот, гражданин Солнечной Системы. И я настаиваю, чтобы приняли меры.

— Мы принимаем меры, — сказал Хепбёрн-Гилберт. — Мы ведем следствие... Мы назначили на это дело мистера Ларка — вы его знаете... Удовлетворены?

Беседа сошла на нет, и Лео Балеро отключился. Он устал от политиков. Когда им выгодно, они с удовольствием идут навстречу. Но что касается Палмера Эддрича... «Ах, мистер, мистер, мистер Балеро, — передразнил он. — Видно, здесь есть что-то еще».

Да, он знал Ларка. Нед Ларк был главой Бюро Контроля Наркотиков ООН и лицом, ответственным за захват груза Кей-Ди. Наверное, это дело рук Секретаря ООН, пославшего Ларка в заварушку с Эддричем. То, что выудит ООН, будет услуга за услугу. Они сложат руки и ничего не предпримут против Эддрича, пока Лео Балеро не уменьшит грузооборот своего Кей-Ди. Он чувствовал это, но доказать, конечно, не мог. Тем более что Хепбёрн-Гилберт, темнокожий трусливый и скрытный политик, не сказал ничего прямо.

«Всегда запутаешься, когда говоришь с ООН, — подумал Лео. — Афро-азиатские политики. Болото!»

Он посмотрел на пустой видеозэкран.

Интересно, чем занята его секретарша?

Мисс Глеасон, включив интерком на своем конце, сказала:

— Мистер, мистер Балеро, в приемной мистер Майерсон. Он просит вас уделить ему несколько секунд.

— Пришлите, — обрадовался он передышке.

Минутой позже вошел, нахмурившись, его эксперт по будущей моде.

Барни Майерсон молча уселся напротив Лео.

— Что вас гложет, Майерсон? — спросил Лео. — Рассказывайте. Я здесь как раз для того, чтобы вы поплакали на моем плече. Рассказывайте, и я облегчу вам душу.

— Моя ассистентка, мисс Фьюгет.

- Да, я слышал, вы с ней переспали?
- Это не столь важно.
- Да, конечно, — сказал Лео. — Это так, к слову.
- Я имею в виду другой аспект поведения мисс Фьюгет. Совсем недавно между нами возникло существенное разногласие. Продавец...
- Вы что-то отвергли, а она не согласилась? — спросил Лео.
- Да.
- Вы предсказатель просто замечательный. Но, может быть, в этом случае есть альтернатива? Так вы хотите, чтобы я велел ей отступить и принять вашу сторону?
- Она мой ассистент, а это значит, что она должна делать то, что укажу я.
- Пусть так... А разве спать с вами не приятное подтверждение беспрекословной субординации? — улыбнулся Лео. — Однако она должна была бы поддержать вас в присутствии торговца, ну а если у нее и появились какие-нибудь сомнения, ей следовало бы высказать их наедине.
- Но я пришел не только за этим. — Барни нахмурился еще больше.
- Ты ведь знаешь, я принимал Е-терапию, — проницательно перебил Лео. — Я добился расширения лобной доли. Практически, я предсказываю самому себе. Так я продвинулся. Это был торговец горшками? Керамика?

Барни неохотно кивнул.

— Горшки твоей бывшей супруги, — сказал Лео. — Ее керамика пользуется большим спросом. Он решил присмотреть ей рекламу в телегазете для распродажи в изысканных художественных салонах Нового Орлеана и здесь, на Ист-Коуст, и в Сан-Франциско. А не перехватят ли их, Барни, — спросил он своего ясновидца. — Не будет ли права мисс Фьюгет?

— Они не пойдут. Видит Бог. — Однако тон Барни оказался чересчур уверенным.

«Плохой признак для такого ответа. Нет естественности».

— И я это предвижу, — произнес упрямо Барни.

— О'кей, — кивнул Лео. — Я приму то, что советуете вы. Но если ее горшки станут сенсацией, а мы не получим их для показа колонистам, то может оказаться, что ваш неудачливый партнер займет ваше кресло.

— Вы проинструктируете мисс Фьюгет, чтобы она знала свое место? — поднявшись спросил Барни. Он покраснел. — Я это еще припомню, — пробормотал он под хохот Лео.

— О'кей, Барни. Я понижу ей жалованье. Молодая. Переживет. А ты стареешь, тебе нужно держать марку, не давать себе перечить. — Он тоже поднялся, подошел к Барни, похлопал его по плечу. — Только послушай. Брось ты терзать сердце. Забудь свою прежнюю жену. Ладно?

— Я ее забыл.

— Существует множество других женщин, — сказал Лео, думал о Скотти Синклере, его сегодняшней подруге.

Скотти, хрупкая блондинка, вот сейчас на обширном балконе его личного спутника-виллы в пятистах милях в апогее ждет не дождется его звонка, ждет, когда он оторвется на недельку от работы. Там бесконечные запасы. У них даже нет, как когда-то в США, почтовых марок или шкурок, которые мы используем вместо денег. В голову пришла мысль, что он мог бы уладить дело, ссудив Барни одну из своих оставленных, но не забытых любовниц.

— Скажу тебе... — начал он.

Но Барни сразу же оборвал его резким движением руки.

— Нет? — спросил Лео.

— Нет. Во всяком случае, я порву с Рони Фьюгет. Одного раза вполне достаточно для любого нормального мужчины.

Он отчужденно взглянул на своего хозяина.

— Я согласен. Пусть так, господи. Только я же вижу: ты думаешь, будто я завел гарем на Земле Винни-Пуха! — огрызнулся тот.

— В последний раз я был там, — сказал Барни, — у вас на дне рождения, в январе...

— Ах, да. Та вечеринка. Это совсем другое. Не принимай близко к сердцу то, что там произошло.

Он проводил Барни до дверей кабинета.

— Знаешь, Майерсон. Я слышал кое-какие сплетни, и они мне не нравятся. Кое-кто видел тебя, тащившего один из этих чемоданчиков с портативным компьютером-психиатром... Ты что, получил повестку?

Воцарилось молчание. Наконец Барни кивнул.

— И ты ничего нам не сказал, — проговорил Лео. — Когда же мы узнали бы об этом? В день твоего отлета на Марс?

— Я бы нашел способ избежать этого.

— Ты бы, конечно. Все так делают. И как только ООН умудрилось заселить четыре планеты и шесть спутников?

— Я провалил бы мнемоническую пробу. Моя способность предвидения подсказала, что я смогу бы. Я не пойду по фрейдовскому комплексу. Вот взгляни. — Он вытянул руки — они явно дрожали. — А моя реакция на невинное замечание мисс Фьюгет? А моя реакция на горшки Эмили? А...

— Ладно, — сказал Лео.

Но все-таки тревога не оставила его. Как правило, после повестки давалось еще девяносто дней до призыва. Но мисс Фьюгет придется туго, что бы в такой сжатый срок подготовиться заменить Барни. Конечно, он мог бы вызвать из Парижа Мака Ронстона. Но даже Ронстон после пятнадцати лет все же не был того калибра, что Барни Майерсон. Он считался опытным, но не талантливым. Талант — это уже от бога.

«ООН взялась за меня по-настоящему», — подумал Лео. Была ли повестка Барни простым совпадением или это прощупывание его, Лео, слабых мест? «Если так, — решил он, — то дело плохо». И никакой нажим на ООН сейчас не в силах освободить Барни.

«И только из-за того, что я поставлял колонистам Кей-Ди, — сказал

он самому себе. — Какая разница? Не я — так другой. Ведь они сами хотят этого. А иначе зачем вообще выставки Парки-Пат?

И вдобавок, это были самые выгодные торговые операции в Солнечной Системе. Сюда была вложена уйма долларов. А ООН это знала».

В двенадцать тридцать нью-йоркского времени Лео Балеро сидел за ленчем с новой девушкой, которая приобщилась к остальной секретарской братии.

Они сидели в отдельной комнате Чернобурой лисы. Пиа Джаргенс, сидя напротив Лео, аккуратно поглощала пищу. Ее маленькие хорошенькие зубки скромно делали свою работу. Она была рыжей, и он казался рыжим, а вместе они выглядели не то чрезвычайно уродливыми, не то сверхъестественно привлекательными.

Мисс Джаргенс была из последних. Теперь, если бы только найти предлог отправить ее на Землю Винни-Пуха... Конечно, при условии, что Скотти бы не возражала. Но пока такое вряд ли придется ей по вкусу. Скотти хочет быть единственной, а это в женщинах чрезвычайно опасно.

«И еще плохо, что я не могу отдать Скотти Барни Майерсону, — подумал он. — Решить разом две проблемы: сделать Барни психически надежным и избавиться от...»

Тьфу, черт! Барни как раз и нужно быть ненадежным, иначе он мигом окажется на Марсе. Так вот зачем он носит с этим говорящим чемоданчиком. Очевидно, я вообще ничего не смыслю в современном мире. Я все еще живу в двадцатом столетии, когда психоаналисты делали людей менее склонными к стрессам.

— Вы так ничего и не скажете, мистер Балеро? — спросила мисс Джаргенс.

«Нет, — подумал он, — может быть, я недостаточно разобрался в поведении Барни? Помочь ему — что за слово-то? — значит, сделать менее жизнеспособным.

Но все не так просто, как кажется, — оценил он, инстинктивно развертывая лобные доли. — Только приказом человека больным не сделаешь. Или можно?»

Извинившись, он вызвал робота-официанта и попросил принести видеофон.

Несколькими секундами позже он уже связался с мисс Глеасон.

— Послушайте, я хотел бы по возвращении в офис видеть мисс Рондинеллу Фьюгет из персонала мистера Майерсона. И мистер Майерсон ни о чем не должен знать. Понимаете?

— Да, сэр, — ответила мисс Глеасон, понизив голос.

— Я слышала, — сообщила Пиа Джаргенс, когда он повесил трубку. — Знаешь, с мистером Майерсоном могла бы поговорить я. Я вижу его почти каждый день в ...

Лео рассмеялся. Пиа Джаргенс, подчеркнувшая ее скоропалительное с ним визави, здорово позабавила его.

— Послушай, — сказал он, взяв ее руку. — Не сердись. Брось свой Ганимедский лягушачий крокет и пойдем обратно в офис.

— Я имела в виду, — задохнулась мисс Пиа Джаргенс. — Мне кажется немного странным то, что ты откровенничаешь перед кем-то... кем-то, кого ты не слишком хорошо знаешь.

Она посмотрела на него, а ее грудь, и так до нельзя выпуклая, стала еще соблазнительней. Она буквально распухла от негодования.

— Очевидно, для того, чтобы узнать тебя получше, — сказал алчно Лео. — Ты когда-нибудь пробовала Кей-Ди? — спросил он риторически. — Должна бы. Несмотря на то что он может войти в привычку. Это настоящее испытание.

Конечно, у него на Земле Винни-Пуха всегда был под рукой запас Кей-Ди высшего класса. Когда собирались гости, его часто доставали для придания вечеру сверхъестественного колорита. Иначе сборище превратилось бы в унылую оргию.

— Я спросил потому, что ты кажешься женщиной с активным воображением, а реакция на Кей-Ди зависит от типа воображения.

— Я бы не прочь его как-нибудь попробовать, — проговорила мисс Джаргенс. Она огляделась, понизила голос и наклонилась к нему. — Но он же запрещен.

— Разве?

— Ты же знаешь, — девушка, казалось, рассердилась.

— Слушай, — сказал Лео. — Я могу достать тебе немного.

Они, конечно, попробуют Кей-Ди вместе. Их мысли сольются как бы в новое соединение. Или же, на худой конец, это будет хорошим испытанием. Несколько встреч с употреблением Кей-Ди — и он узнает все, что можно, о Пиа Джаргенс, узнает что-то более высокое, чем все эти физические, анатомические мерзости. Что-то чарующее, желанное. Захочет близости с ней и не нужна ему при этом Парки-Пат. Что получали земляне от этих выставок? Тот же минимум комфорта, что и в среднем земном городе. А для колонистов, заброшенных на ревущую, штормовую луну, теснящихся в лачугах бок о бок с холодными метановыми кристаллами и существами, Парки-Пат и ее выставки были возвращением назад, в мир, где они родились. А вот он, Лео Балеро, чертовски устал от мира, в котором родился и в котором все еще живет. И даже Земля Винни-Пуха, со всеми ее чудесными и не такими уж чудесными развлечениями, не могла заполнить шемящую пустоту. Однако...

— Этот Кей-Ди, — сказал он мисс Джаргенс — порядочная гадость, и неудивительно, что его запретили. Он словно религия. Кей-Ди — религия колонистов. — Он хмыкнул. — Одна пластинка... Проходит пятнадцать минут, и нет больше лачуги. Нет больше холодного метана. Возникает желание жить дальше.

«Но можно ли сравнивать наши и их ценности?» — спросил он себя и почувствовал приступ меланхолии.

Он, создавая Парки-Пат выставку, выращивая и распространяя лишай-

ник-сырец для производства Кей-Ди, делал жизнь сносной более чем для одного миллиона изгнанников с Земли. Но чего, черт возьми, он добился?

«Моя жизнь, — подумал он, — посвящена другим, и я еще жалуюсь!» У него есть спутник, где ждет Скотти, есть запутанный клубок из двух гигантских деловых операций, одна из которых легальна, другая же... И все-таки чего-то не хватает. Чего — он не знал. Как, впрочем, и никто другой. Ибо, как и Барни Майерсон, все они занимались всяческими подражаниями ему, Лео Балеро. Барни и мисс Рондинелла Фьюгет казались лишь точным отражением его и мисс Джаргенс. Куда бы он ни взглянул, было то же самое. Возможно, даже Нед Ларк, глава Бюро Наркотиков, старался жить той же жизнью. Точно так же, впрочем, как и Хепбёрн-Гилберт, который, наверное, тоже пытался подражать белокурому рослому шведу, поражавшему всех громадными, как кегельные шары, грудными мускулами. Даже Палмер Элдрич.

«Нет, — решил он внезапно. — Кто-кто, только не Палмер Элдрич, тот нашел что-то свое, новое. Десять лет он пробыл в системе Проксимы и, наконец, вернулся. Что же он нашел? Что-то достойное борьбы, достойное гибели на Плутоне».

— Вы смотрели телегазету? — спросил он мисс Джаргенс. — О корабле на Плутоне. Там был человек на миллиард, Палмер Элдрич? Ему нет равных.

— Я читала, — сказала мисс Джаргенс, — что он был сумасшедшим.

— Наверное. Десять лет жизни, словно в агонии. И ради чего?

— А вы надеялись, что после десяти лет он вернется нормальным? — спросила мисс Джаргенс. — Он безумен, но красив. И изыщен. И он необыкновенный.

— Мне бы хотелось с ним встретиться, — сказал Лео Балеро. — Поговорить с ним. Хотя бы минуту.

Потом, решил Лео, он сделает это. Пойдет в госпиталь, где лежит Палмер Элдрич, силой или подкупом проложит себе путь в палату этого человека и узнает, что тот нашел.

— Я иногда думаю, — сказала мисс Джаргенс, — что, когда первые корабли покинули нашу систему ради других звезд — помните это? — мы слышали, что... — Она запнулась. — Так глупо. Но я была совсем ребенком, когда Арнольдсон совершил свое первое путешествие к Проксиме и обратно. Я была почти ребенком, когда он вернулся. И я действительно иногда думаю: может, там, — она опустила голову, избегая глаз Лео Балеро, — он встретил Бога?

«Я тоже так думал, — сказал про себя Лео. — И тогда я уже был взрослым. В мои полные тридцать. И верю в это. Даже сейчас. После десятилетнего полета Палмера Элдрича».

После ленча, вернувшись в свой кабинет в П.П.Лайотс, он сразу же встретил Рондинеллу Фьюгет. Она дожидалась его прихода.

«Недурна, — подумал он, открывая дверь кабинета. — Хорошая фигура и восхитительно светящиеся глаза».

Казалось, она нервничала. Она скрестила ноги, и, поглаживая край юбки, украдкой поглядывала на него, пока он садился за стол напротив.

«Очень молода, — решил Лео. — Ребенок, который будет выговаривать и перечить своему наставнику, если решит, что тот не прав. Трогательно...»

— Вы знаете, почему оказались в моем кабинете? — спросил он.

— Догадываюсь. Наверное, вы сердиты за то, что я противоречила мистеру Майерсону. Но я действительно почувствовала будущее за этой керамикой. Что мне еще оставалось делать?

Она умоляюще приподнялась, затем усадила себя обратно в кресло.

— Я верю вам, — сказал Лео. — Но мистер Майерсон обидчив. Если вы жили с ним, то знаете: у него есть портативный психиатр, которого он всегда и везде таскает с собой.

Открыв ящик стола, он достал изящную шкатулку Куста Рейса и предложил ее мисс Фьюгет. Она грациозным движением взяла одну из тонких черных сигар. Он тоже взял. Зажег сигару мисс Фьюгет, затем свою и откинулся в кресле.

— Вы знаете, кто такой Палмер Эдрич?

— Да.

— Могли бы вы использовать свою силу ясновидца на что-нибудь более стоящее, чем предсказание мод? В следующем месяце или около того в газетах будет помещено сообщение о местонахождении Эдрича. Не могли бы вы заглянуть вперед на эти страницы и рассказать мне, где находится этот человек в данный момент. Мне почему-то верится, что вы смогли бы сделать это.

«Было бы лучше, если бы ты сделала, — сказал он себе. — Тем более если хочешь удержаться здесь на работе».

Он ждал, потягивая сигару, разглядывая девочку и думая про себя, с оттенком зависти, что будь она так же хороша в постели, как кажется на вид...

Мисс Фьюгет сказала мягким, волнующим голосом:

— У меня очень смутное чувство, мистер Балеро.

— Ладно, давайте хоть его.

Лео достал ручку.

Это заняло несколько минут, и, как она говорила, ее ощущение было нечетким. Он записал наскоро в свой блокнот только следующие слова: «Госпиталь Ветеранов Джеймса Ридла. База III. Ганимед. Штат ООН».

Конечно, у него было какое-то ощущение, хотя и не точное. Но попробовать стоило.

— И там он не под своим именем, — сказала мисс Фьюгет, бледная и обессиленная от напряжения.

Она вновь зажгла потухшую было сигару, выпрямилась в кресле и скрестила красивые ноги.

— Домашняя газета объявит, что Эддрич записан в бумаги госпиталя как мистер... — Она замолчала, крепко зажмурив глаза, вздохнула. — Ах, черт! Я никак не пойму. Один слог. Френт, Брент. Нет, по-моему, Трент. Да, Элдон Трент.

Она взволнованно улыбнулась. Ее большие глаза сияли наивным детским удовольствием.

— Они действительно приложили много усилий, чтобы его скрыть. И они допрашивают его, сказано в газете. Очевидно, он пришел в себя.

Она нахмурилась.

— Подождите. Я посмотрю заголовок. Та-ак... Я в своей постели. Раннее утро, и я просматриваю первую страницу. О, дорогой...

— Что там сказано? — потребовал Лео, резко подавшись вперед. Он уловил испуг девушки.

Мисс Фьюгет прошептала:

— Заголовок гласит, что Палмер Эддрич умер.

Она моргнула, удивленно огляделась вокруг, затем уставилась на него. Она разглядывала его со смешанным чувством сомнения и страха, почти на грани истерики. Потом отпрянула, вжалась в кресло, сцепив пальцы.

— И в этом обвиняют вас, мистер Балеро. Честно. Так говорится в газете.

— Значит, я решу его убить?

Она кивнула.

— Но это не обязательно. Я уловила это в каком-то возможном будущем... Вы понимаете? Думаю, мы, предсказатели, видим... — она махнула рукой.

— Я знаю.

К предсказателям он привык. Барни Майерсон, хотя бы. Работал на П.П.Лайотс уже тринадцать лет. А некоторые другие и того больше.

«Но зачем мне это понадобилось?» — спросил он себя. Теперь уже не узнать. Может быть, когда он доберется до Эддрича, поговорит с ним...

Мисс Фьюгет сказала:

— Не думаю, что вам следовало бы стремиться связаться с Эддричем. В связи с его возможным будущим. Вы согласны, мистер Балеро? По-моему, существует риск. И он очень велик. Около — на мой взгляд — сорока.

— Чего «сорока»?

— Процентов. Почти равная вероятность.

Теперь, немного успокоившись, она закурила и взглянула ему в лицо. Ее глаза, черные и пылкие, светились ожиданием и любопытством: зачем бы он сделал такую вещь.

Лео поднялся и подошел к двери кабинета.

— Спасибо, мисс Фьюгет. Я ценю вашу помощь в этом деле.

Он остановился, явно демонстрируя, что аудиенция окончена.

Однако мисс Фьюгет осталась сидеть. Видно, он столкнулся с тем особым упорством, которое так взбеленило Барни Майерсона.

— Мистер Балеро, — сказала она спокойно. — Думаю, мне придется пойти насчет этого в полицию ООН. Мы, предсказатели...

Он распахнул дверь кабинета.

— Вы, предсказатели, — продолжил он за нее, — тоже озабочены человеческими жизнями.

Но она его поняла. Оставалось гадать, что она сделает со своими знаниями.

— Мистера Майерсона могут забрать в армию, — сказала мисс Фьюгет. — Вы это, конечно, знаете. Но используете ли вы свой вес, чтобы его выгородить?

— Да, — сказал он честно, — у меня было такое намерение.

— Мистер Балеро, — сказала она тихим, ровным голосом. — Я останусь с вами. Отдайте им его. Пусть забирают. Я буду вашим новым нью-йоркским консультантом.

Она ждала. Лео Балеро ничего не ответил.

— Что вы на это скажете? — спросила она.

Очевидно, она не привыкла к таким переговорам. Однако намеревалась бороться до конца.

«Если так поставить, — раздумывал Лео, — то скоро каждый, даже самый занюханный оператор, будет делать то же самое. А возможно, я вижу первую фазу восхитительной карьеры».

А потом он кое-что вспомнил. Вспомнил, почему ее перевели из Пекинского офиса в Нью-Йорк ассистентом к Барни Майерсону. Ее утверждения казались чересчур шаткими. А некоторые — их было порядочно — просто смешными.

Возможно, ее предвидение заголовка, обвинявшего его в убийстве Палмера Элдрича — при условии, что она была искренна и действительно это чувствовала, — явилось просто еще одним заблуждением. Ошибочным предсказанием.

Он сказал вслух:

— Я подумаю. Дайте мне пару дней.

— До завтрашнего утра, — твердо проговорила мисс Фьюгет.

Лео рассмеялся.

— Вижу теперь, почему Барни так взбеленился.

И Барни, возможно, чувствовал своим ясновидением, пусть смутно, что мисс Фьюгет решила его скинуть, занять его место.

— Послушайте, — он подошел к ней. — Вы любовница Майерсона. Почему бы вам не бросить все это? Я могу пожертвовать в полное ваше распоряжение целый спутник. Предварительно, конечно, выдворив оттуда Скотти.

— Лучше не надо, — сказала мисс Фьюгет.

— Почему? — удивился он. — Ваша карьера...

— Мне нравится мистер Майерсон, — сказала она. — Я не особо забочусь о пус... — Она запнулась. — О людях, орудующих в этих клиниках.

Он вновь открыл дверь кабинета.

— Я дам вам знать завтра утром. — И глядя, как она прошла через приемную, он подумал: «Это дает мне время достигнуть Ганимеда и Палмера Элдрича. Потом я буду знать больше. Знать, подлинно ли твое предсказание или нет».

Закрыв за девушкой дверь, он вернулся к столу и нажал кнопку видеофонной связи с внешним миром. Потом сказал нью-йоркскому оператору:

— Дайте мне Госпиталь Ветеранов Джеймса Ридла, База III на Ганимеде. Я хочу поговорить с тамошним пациентом мистером Элдоном Трентом. Наедине.

Он назвал свое имя и номер, затем дал отбой, покачал рычажок и набрал космодром Кеннеди.

«Пустоголовые, — подумал он. — Так она отозвалась о своих хозьявах».

Через десять минут пришел ответ.

— Простите, мистер Балеро, — извинился оператор. — Но доктора запретили тревожить мистера Трента.

Итак, Рондинелла Фьюгет была права: Элдон Трент действительно находится у Джеймса Ридла. И по всей вероятности, это Палмер Элдрич. Наверняка стоит прогуляться. Шансы — за.

«За то, — подумал он с кислой улыбкой, — что я встречу с Элдричем, из-за чего-то с ним повздорю. Бог знает, из-за чего. И окончательно его доканая. Человека, которого я совсем не знаю. И потом меня привлекут к суду. А я не хочу. Вот так перспективка».

Но у него уже разыгралось любопытство. Во всех своих многочисленных операциях он пока при любых обстоятельствах обходился без убийств. То, что произойдет между ним и Палмером Элдричем, будет не обычным, из ряда вон выходящим. Все прояснит путешествие на Ганимед.

Теперь было трудно повернуть назад.

Рондинелла Фьюгет сказала, будто его только обвинят в убийстве. А где доказательства, что его признают виновным? Осудить на смерть человека его положения даже для авторитетов в ООН будет не так-то просто.

Что ж, пусть попробуют.

3

В баре П.П.Лайотс сидел, потягивая Теквила Соур, Ричард Хнатт. Перед ним лежал демонстрационный чемоданчик. Он верил, черт побери, что с горшками Эмили все будет, как надо. Они пользовались успехом. Проблема в ее муже и его положении.

А Барни Майерсон использовал свое положение. «Надо бы вызвать Эмили и объяснить», — сказал сам себе Хнатт. Он поднялся.

Ему преградил дорогу какой-то человек, странный субчик с кривоватыми ногами.

— Кто вы? — спросил Хнатт.

Человек задергался, как заводная кукла, и полез в карман, будто хотел выскрести обычный микроорганизм, у которого со временем выработались паразитические способности. Однако то, что он, наконец, выудил, было визитной карточкой.

— Мы заинтересовались вашей керамикой, мистер Хнатт. Так или иначе, вы сами говорили о ней.

— Ичолтз, — проговорил Хнатт, читая карточку. В ней было только имя, больше никакой информации, даже видеономера. — Но у меня с собой только образцы. Я сообщу вам наименование розничных изделий нашего производства. А эти...

— Для демонстрации, — сказал, кивнув, игрушечноподобный мистер Ичолтз. — Это то, что нам нужно. Мы хотим купить вашу керамику, мистер Хнатт. Мы верим, что мистер Майерсон ошибся. Она будет модной. И очень скоро.

Хнатт уставился на него.

— Вы хотите купить и вы не из П.П.Лайотс? Но ведь никто не покупает. Все знают, что у П.П.Лайотс монополия.

Усевшись за стол рядом с демонстрационным чемоданчиком, мистер Ичолтз вынул из саквояжа и начал отсчитывать шкурки.

— Вначале дадим маленькую рекламу. Но окончательно...

Он выложил Хнатту кучу коричневых, сморщенных трюфелевых шкурок, служивших средством обмена в Солнечной Системе — уникальный аминоксид протеина, — который не могли подделать Печатники, Билтонгские жизненные формы, использовавшиеся в автоматических линиях большинства индустрий.

— Я хотел бы посоветоваться с женой, — сказал Хнатт.

— Разве вы не представитель своей фирмы?

— Да, да.

Он подвинул к себе кучу шкурок.

— Контракт. — Ичолтз приготовил документ, развернул его на столе, вынул ручку. — Это даст нам исключительное право.

Поставив подпись, Ричард Хнатт разглядел на контракте название Ичолтзовой фирмы: «Чу-Зет Изготовители, Бостон». Он никогда о них не слышал. Чу-Зет ... Это напомнило ему другой продукт, только какой, он никак не мог вспомнить. И уж после того, как расписался, до него, наконец, дошло.

Это напоминало незаконный галлюциногенный наркотик Кей-Ди, использовавшийся в колониях.

Его охватила тревога. Но уже было поздно. Ичолтз забрал демонстрационный чемоданчик. Теперь его содержимое принадлежало Чу-Зет Изготовителям, Бостон, США, Земля.

— Как... я смогу с вами связаться? — спросил Хнатт вслед Ичолтзу.

— Вам не стоит связываться с нами. Когда будет нужно, мы сами вас найдем.

Ичолтз широко улыбнулся.

Что, черт возьми, он скажет Эмили? Хнатт сгреб шкурки, пересчитал, прочитал контракт, и только теперь осознал, сколько ему заплатили. Этого будет достаточно, чтобы обеспечить ему и Эмили пятидневный отдых в Антарктиде, в одном из громадных, зимних курортных городов, где, без сомнения, сам Лео Балеро и подобные ему проводят свое лето и где эти летние дни тянутся круглый год.

Или... Он задумался. Это даст ему даже больше. Даст ему и его жене самое исключительное положение на планете — все, что пожелают. Они могли бы полететь в Германию и посетить одну из терапевтических клиник доктора Вилли Денкмаля. Красота!

Он прошел в видеофонную будку бара и вызвал Эмили.

— Укладывая чемоданы. Мы отправляемся в Мюнхен. В... — он назвал наобум клинику, название которой видел в рекламах лучших парижских журналов. — В Еченволд, — сказал он ей. — Доктор Денкмаль...

— Барни взял их? — спросила Эмили.

— Рядом с П.П.Лайотс в поле разработки появился кое-кто еще. — Он почувствовал подъем. — Барни отказал. Ну и что? Мы договоримся с этой новой компанией. Они, должно быть, богаты. Я увижу тебя через полчаса. Я закажу билеты на ближайший рейс ТВА. Представь. Э-терапия для нас обоих.

— Не уверена, что хотела бы развиваться сейчас, — сказала Эмили тихим голосом.

Поколебавшись, он ответил:

— Наверное, ты права. Но, по-моему, это спасет наши жизни, а если не наши, то наших детей — наших потенциальных детей, которых мы, возможно, когда-нибудь заимеем. И даже если мы пробудем там только короткое время и разовьемся лишь чуть-чуть, перед нами откроются все двери и везде нам будут рады. Ты лично знакома с кем-нибудь, прошедшим Э-терапию? Ты только читала о них в домашней газете...

— Но я не желаю обрастать волосами, — проговорила Эмили. — Я не желаю иметь громадную голову. Нет. Не надо мне Еченволдской клиники.

Казалось, она решила окончательно, ее лицо стало спокойным.

Он сказал:

— Тогда я поеду один.

К тому же это будет экономически оправдано, ведь именно он договорился с покупателями. И он сможет пробыть в клинике в два раза дольше, развиваться в два раза больше, чем принято. Некоторые люди лечению не поддаются, но вряд ли тут вина доктора Денкмаля. Способность к эволюции у каждого не одинакова. В себе он не сомневался, уж он-то эволюционировал бы превосходно, догнал бы всех большими прыжками, даже обошел бы некоторых, в смысле обычной роговой корки, которую Эмили из предрассудков назвала волосами.

— А что прикажешь делать мне, когда ты уедешь? Горшки?

— Конечно, — ответил он. — Потому что заказы пойдут быстро и

широким потоком. Иначе Чу-Зет Изготовители, Бостон не заинтересовались бы разработкой. Очевидно, у них, как и у П.П.Лайотс, были свои предсказатели моды.

Но тут он вспомнил, что Ичолтз сказал: «Вначале только маленькая реклама». А это значит, что у новой фирмы нет связи с диск-жокеями, обслуживающими колонии лун и планет. В отличие от П.П.Лайотс у них не было Алена и Карлотти Фэйи, чтобы освещать последние новинки.

Им потребуется время для создания спутников — диск-жокеев.

И все-таки его что-то тревожило. «Может быть», — подумал он, сразу поддавшись панике, — они — нелегальная фирма. Возможно, Чу-Зет, как и Кей-Ди, запрещен. Тогда я попал в скверную переделку».

— Чу-Зет, — сказал он вслух для Эмили. — Ты когда-нибудь о нем слышала?

— Нет.

Он достал контракт и еще раз перечитал его. «Вот напасть, — подумал он. — И как я влип в это? Если бы чертов Майерсон сказал тогда «да»...»

В десять утра ужасающий и привычный рев вырвал Сэма Регана из сна, и он проклял взлетевший корабль ООН, зная, что шум был намеренным. Корабль, круживший над лачугой Чикен Покс Проспект хотел бы удостовериться, что колонисты — а не только местные животные — получили сброшенные тюки.

«Сейчас мы их достанем», — пробормотал про себя Сэм Реган. Он застегнул изолирующий комбинезон, засунул ноги в высокие ботсы, затем, ворча, медленно проследовал к трапу.

— Сегодня рано, — пожаловался Тод Моррис. — И держу пари, там все железки, сахар, что-нибудь вроде сала и товары первой необходимости. Ничего интересного.

Норман Скейн нажал плечом крышку над верхним концом трапа и их залило ярким, холодным светом. Они на мгновение ослепли.

Над головой сверкал корабль ООН. На фоне черного неба он казался блестящим шариком, подвешенным на невидимой нити.

— Хороший пилот, — решил Тод. — Знает район Финебургского Полу-месяца.

Он махнул рукой в сторону корабля ООН, и тот разразился новым залпом ужасающего грохота, заставившего его зажать руками уши.

Из брюха корабля выскользнула бомба, выпустила стабилизатор и закрутилась к земле.

— Тьфу, — сказал Сэм Реган с отвращением. — Железки.

Потеряв всякий интерес, он отвернулся.

«Как тоскливо сегодня наверху, — подумал он, обозревая марсианский ландшафт. — Уныло и мрачно. Зачем мы только пришли сюда?»

Капсула ООН уже приземлилась, ее борта с треском распахнулись, лопнув от удара, и трое колонистов увидели канистры. Выглядели они как пятифунтовые солонки. Сэм Реган совсем упал духом.

— Эй, — крикнул Скейн, подходя к капсуле. — Хочется верить, что мы их куда-нибудь пристроим.

— Похоже, что в этих ящиках радио, — сказал Тод. — Транзисторные приемники. Может быть, нам удастся применить их в нашей выставке?

— Радио уже было, — буркнул Скейн.

— Ладно, посмотрим и построим из частей самоуправляемую электронную газонную косилку, — отозвался Тод. — Разве она не нужна для вашей выставки?

— Ставлю на радио, — сказал Сэм Реган. — Я смогу его использовать.

Его выставке недоставало автоматических замков для дверей гаража. У Скейна и Тода они были. Он здорово от них отстал. Конечно, подобные товары всегда можно купить. Но он оказался без шкурок. Он угробил весь свой запас на чрезвычайно необходимую вещь у одного толкача — он купил громадное количество Кей-Ди. Он спрятал его от посторонних глаз — закопал в землю под своей спальней, на самом дне их общего жилища.

Верующий, он преклонялся перед чудом трансляции — почти священным моментом, когда миниатюрное произведение искусства уже не просто изображало Землю, а становилось самой Землей. Во время трансляций он — в безумном существовании, обретенном с помощью Кей-Ди, уносился в другое пространство и время. Правда, среди колонистов попадались неверующие. Для них трансляции были просто символом мира, недоступного ни одному из них. Но раз за разом неверующих становилось все меньше и меньше.

Даже сейчас, ранним утром, Сэма уже тянуло вернуться вниз, сжевать пластинку Кей-Ди и слиться с друзьями в торжествующем порыве, на который были способны только они.

Он спросил Тода и Нормана Скейна:

— Будете искать транзит?

Это был термин, которым они пользовались, входя в долю.

— Я иду вниз, — продолжал он. — Можем использовать мой Кей-Ди. Так и быть, я с вами поделюсь.

От подобного предложения отказаться было невозможно. Оба — Тод и Норман — заколебались.

— Так рано? — спросил Норм Скейн. — Мы только что вылезли из постелей. Но, по-моему, там все равно делать нечего.

Он мрачно кивнул на огромную полуавтоматическую драгу, припаркованную несколько дней назад у входа в лачугу. Ни у кого не было сил продолжать очистные работы, начатые еще в прошлом месяце.

— Хотя все это довольно скверно, — пробормотал Норм. — Надо было бы поработать в своих садах.

— О таком ли саде ты мечтал? — спросил Сэм Реган с усмешкой. — Какую гадость ты здесь посадишь? Ты придумал ей имя?

Норм Скейн — руки в карманах комбинезона — шел по рыхлой песчаной почве к своему некогда бережно возделываемому огороду. Он

приостановился, всматриваясь в гряды, надеясь, что тщательно отобранные семена проросли. Но не было видно ни одного ростка.

Из лачуги показалась Элен Моррис. Дрожа под холодным марсианским солнцем, она смотрела на мужчин.

— У нас вопрос, — сказала Элен. — Я говорю, что психоаналисты Земли получают по пятьдесят долларов за час, а Френ утверждает, что только за сорок пять минут. Мы хотим ввести в нашу выставку аналита. И сделать это по всем правилам. По достоверным сведениям, его скоро доставят сюда с Земли, корабль Балеро прилетит на следующей неделе.

— Помним, — сказал Норм Скейн кисло.

— Какую только цену запросит Балеро? И все время в их спутнике Ален и Карлотти Фэйн твердят о каких-то новых сведениях, — отозвался муж Элен, Тод. — Свяжитесь с ними по радио при следующем прохождении спутника. — Он посмотрел на ручные часы. — У них имеются все сведения, ответы на любые интересующие вас вопросы.

Решение женщин ввести в выставку психоаналиста взволновало его, потому что, конечно, потребуется много денег на оплату за крошечную, человеческого типа фигурку психоаналиста. Да еще придется платить за крошечные кровать, стол, ковер и дипломатку с миниатюрными шикарными книжками.

— Вы ходили к аналиту, когда были на Земле? — обратилась Элен к Норму Скейну. — Сколько он просил?

— Я обычно пользовался групповой терапией, — ответил Норм. — В Государственной Клинике Умственной Гигиены Беркли. И они просили, исходя из твоей платежеспособности. А Парки-Пат с приятелем, конечно, ходят к собственному психоаналиту.

Он прошел до конца сада, подавленно отметив, что на грядках швейцарского чэрда все зубчатые листики оказались изъедены и искромсаны местными микроскопическими организмами. Найди он хотя бы одно здоровое, одно нетронутое растение — этого хватило бы для возрождения его духа. Инсектициды с Земли здесь были попросту бессильны. И местные микробы процветали. Они десять тысяч лет ждали своего часа и того, кто явится и попытается вырастить здесь урожай.

— Да, — горестно кивнул он в сторону гидропонной системы Чикен Покс проспекта: та была связана с теперь наполовину засыпанной ирригационной сетью, которая обслуживала их сады. — Перед орошением придется убрать весь песок. Если даже удастся запустить большую драгу класса А, то вскоре не хватит воды даже для собственных нужд.

Но уже все это было безразлично.

И все-таки он не мог, как Сэм Реган, махнуть на все рукой, вернуться вниз и бездельничать, занимаясь выставкой, создавая и вводя новые номера, делая усовершенствования... или, как предлагал Сэм, достать припрятанные запасы Кей-Ди и начать трансляцию. «Все-таки мы отвечаем за это», — решил он.

Он обернулся к Элен.

— Попроси мою жену подняться сюда.

Френ могла подсказать, как управиться с драгой. У нее наметанный глаз.

— Я найду ее, — сказал Сэм Реган. — Никто не хочет присоединиться?

За ним никто не пошел. Тод и Элен отправились проведать свой сад, Норм принялся стягивать чехол с драги, решив все-таки ее завести.

Внизу Сэм отыскал Френ Скейн. Она согнулась над выставкой Парки-Пат, которую Моррисы и Скейны создавали вместе. Сэм поинтересовался, что она делает.

Не глядя, Фрэн ответила:

— Мы проехали с Парки-Пат в ее новом форде через всю деловую часть города. Потом развернулись и поставили машину на стоянку. Она сделала в магазине покупки и теперь сидит в приемной аналита, читает «Форчун». Но сколько она должна заплатить?

Френ взглянула на Сэма, пригладила свои длинные волосы и улыбнулась. Без сомнения, Френ была самой красивой женщиной в их лачуге. И впервые Сэм оценил это.

Он спросил:

— Как вы можете сливаться с этой выставкой, не жуя...

Он огляделся. Вроде бы они наедине. Наклонившись к Френ, он шепнул: — Пойдем, попробуем первосортного Кей-Ди. Как мы делали прежде. О'кей?

Сердце его чуть не выскочило, пока он ждал ответа. От воспоминания о последнем разе, когда оба они зазвучали в унисон, он ослабел донельзя.

— Элен Моррис будет...

— Нет, они запускают наверху драгу. Их не будет еще час. — Он взял Френ за руку и увлек из комнаты в коридор. То, что привозят в простой коричневой обертке, нужно использовать, а не прятать. Он становится старым и черствым. Теряет свою силу.

«А мы много платим за эту силу, — подумал он болезненно. — Так много, что кажемся расточительными. Хотя некоторые — не из этой лачуги — заявляют, что сила, обеспечивающая общность людей, идет не от Кей-Ди, а зависит от точности экспозиции выставки». На его взгляд это было глупо, и все-таки находились приверженцы.

Когда они влетели в его апартаменты, Френ сказала:

— Я сжую с тобой в унисон, Сэм, но давай не станем делать ничего такого, пока будем там, на Земле... Ты понимаешь? Мы не должны делать это там. Думаю, только из-за того, что мы стали Пат и Вольтом, а не сами собой, еще не дает нам права...

Она бросила на него предупреждающий взгляд, укоряя за прежнее поведение.

— Тогда представь, что мы действительно отправились на Землю.

Они обсуждали это уже не в первый раз.

— Я верю, — проговорила медленно Френ, высвобождая свои пальцы

из его рук. — Будь то игра воображения, порожденная наркотиком, галлюцинация или действительно трансляция с Марса на Землю с помощью агента, о котором нам ничего не известно...

Она остановилась в дверях холла апартаментов, глаза вновь посуровели. Помолчав, она продолжила:

— Думаю, мы должны воздержаться. Чтобы не оскорблять чувства связи и воссоединения.

Наблюдая, как он осторожно отодвигает от стены металлическую кровать и убирает ее в открывшуюся полость, она добавила:

— Это должно стать очищающим чувством. Мы теряем наши плотские тела, нашу материальность, как они говорят. И получаем взамен вечные тела, хотя бы на время. Или навсегда, если ты веришь, как некоторые, что вне пространства и времени это возможно. Ты не согласен, Сэм? — Она вздохнула. — Вижу, что нет.

— Чересчур одухотворенно, — сказал он с отвращением, доставая из тайника Кей-Ди. — Отказ от реальности. А что вы получаете взамен? Ничего.

— Допустим, — проговорила Френ и подошла ближе, чтобы посмотреть, как он открывает пачку. — Я не смогу доказать, что лучше воздержаться. Но я знаю. Ты и другие сексуалисты среди нас не понимают, что, когда мы жуем Кей-Ди и оставляем наши тела, мы умираем. И умирая, мы теряем притяжение... — она заколебалась.

— Продолжай, — проговорил Сэм, открывая пачку. Он отрезал ножом тонкую полоску коричневатого, жесткого брикета растительных волокон.

— Мы теряем притяжение греха, — закончила Френ.

Сэм Реган взвыл от смеха.

— О'кей. По крайней мере, ортодоксально. Но, — добавил он, пряча пакет в тайник, — я жую его совсем не поэтому. Я не хочу ничего терять... Я хочу получить все.

Он прикрыл дверь отсека, потом быстро вынул собственную выставку П.П. Лайотс, разложил ее на полу и расставил все предметы по своим местам, работая с невероятной скоростью.

— ...Что-то такое, на что мы обычно не имеем права, — добавил он.

Ее муж или его жена, или оба они, или кто-то из живущих в лачуге могли накрыть его и Френ, пока они находились в состоянии трансляции. Правда, тела их находились на приличном расстоянии друг от друга. И на первый взгляд, здесь не было ничего подозрительного. Однако свидетели встречались дотошные.

С точки зрения закона к такому случаю не придерешься, сожителство не доказано. И хотя эксперты-законники от властей ООН на Марсе и других колониях обычно пытались за что-нибудь уцепиться, все было тщетно. Во время трансляции кто-нибудь мог совершить кровосмешение, изнасилование, убийство, но это, с точки зрения юристов, оставалось лишь явной фантазией и желанием импотентов.

Все это подталкивало Сэма к употреблению Кей-Ди, и прозябание на Марсе становилось более счастливым.

— Думаю, — проговорила Френ, — ты соблазняешь меня на что-то плохое.

Она села вдруг и стала печальной. Ее глаза, большие и темные, бесцельно уставились на пятно в центре выставки, около огромного гардероба Парки-Пат. Машинально Френ начала дурачиться с миниатюрной соболиной шубкой.

Сэм протянул ей половину ломтика Кей-Ди, потом засунул в рот свою долю и принялся жадно жевать.

Все еще печальная, Френ сделала то же самое.

...Он был Вольт. Он владел спортивным кораблем Ягуар XXV со скоростью пятьдесят тысяч миль в час. Его рубашки прибыли из Италии, а туфли были сделаны в Англии. Открыв глаза, он нашел маленький Джи — телевизор-часы, стоящий около кровати. Тот оказался автоматически настроенным на утреннее шоу великого клоуна Джима Брискина. В огненно-красном парике, Брискин уже появился на экране. Вольт сел, коснулся кнопки наклона кровати, перевел ее в сидячее положение, устроился поудобнее, следя за программой.

— Я стою на углу Ваг Несс и Маркет в деловой части Сан-Франциско, — говорил Брискин приятным голосом. — И мы здесь только для того, чтобы увидеть открытие нового подземного здания сэра Френсиса Дрейка — первого среди целиком подземных зданий. Справа от меня, как бы воплощая здание, как очаровательная женщина из сказки и...

Вольт выключил телевизор и прошлепал босиком к окну. Он раздвинул шторы и увидел теплую, искрящуюся улицу Сан-Франциско, холмы и белые домики. Было субботнее утро, и ему не надо было идти на работу в Пало Алто Ампекс Корпорейшн. Вместо этого — что приятно звенело в мыслях — у него будет свидание с девушкой Пат Кристенсен, которая славилась современными взглядами.

Он прошел в ванную, сполоснул лицо, затем пустил струю воды на крем для бритья и начал бриться. И пока брился, разглядывал себя в зеркале. Внезапно он увидел прикрепленную к руке записку:

**ЭТО ИЛЛЮЗИЯ. ТЫ СЭМ РЕГАН, КОЛОНИСТ НА МАРСЕ.
ИСПОЛЬЗУЙ СВОЕ ВРЕМЯ ТРАНСЛЯЦИИ,
ПРИЯТЕЛЬ, ВЫЗОВИ ПАТ.**

Записка была подписана Сэмом Реганом.

«Иллюзия, — подумал он, переставая бриться. — Ну, и что из того?»

Он постарался собраться с мыслями. Сэм Реган, Марс, убогая лачуга колонистов... Да, он смутно представлял себе это, но все казалось далеким, туманным и неубедительным. Пожав плечами, он продолжал бриться, озадаченный и немного подавленный.

Все правильно, записка верна. Он вспомнил тот, другой мир, Мир мрачной квази-жизни, насильственного изгнания в неестественную среду. Ну и

что? Зачем его уничтожать? Он сорвал записку, скомкал ее и швырнул в мусорный бункер.

Окончив бриться, он провидеофонил Пат.

— Слушаю, — отозвалась она сразу живым и невозмутимым голосом. На экране светились ее белые волосы. Она их сушила. — Я не хочу тебя видеть, Вольт. Ну, пожалуйста. Потому что знаю, что у тебя на уме, а я не интересна. Понимаешь?

Ее серо-голубые глаза стали холодными.

— Хм-м, — ответил он потрясенно, стараясь придумать ответ. — Но в этот день мы могли бы побывать на воздухе. Может, съездим в Парк Золотых Ворот?

— На открытом воздухе слишком жарко.

— Нет, — запротестовал он, сердясь. — Да мы можем погулять вдоль берега, поплескаться в волнах. О'кей?

Она явно колебалась.

— Мы это уже обсуждали...

— Обсуждали? Когда? Я не видел тебя неделю, с прошлой субботы. — Он придал своему голосу уверенность. — Я доберусь к тебе за полчаса и вытащу тебя. Одень купальник, знаешь, желтый. Испанский, с петельками.

— А, — сказала она пренебрежительно. — Он уже совсем вышел из моды. Я получила новый из Швеции, ты еще не видел. Я надену его, если позволишь.

— Давай, — бросил он и отключился.

Полчасом позже он приземлился на своем Ягуаре на вершине ее небоскреба.

Пат была в свитере и широких брюках, купальник, объяснила она, надет внизу. С пляжной сумкой в руке, она проследовала за ним на скат, к стоящему там кораблю. Стремительно и довольно она спешила вперед, стуча сандалиями. Все получается так, как он задумал. Теперь будет шикарный день, после дрожи и тревожностей, как, впрочем, и задумано Богом.

— Подожди, пока не увидишь купальник, — сказала она, проскользнув в стоящий корабль и пристраивая сумку на коленях. — Он по-настоящему смел. Считаю, что его нет. Надеюсь, ты в него поверишь.

Она прильнула к нему, когда он сел рядом.

— Я подумала о том разговоре, что у меня был с тобой. Погоди, дай мне закончить. — Она прижала пальцы к его губам. — Я отлично помню его, Вольт. Ты по-своему прав, ты высказал свою точку зрения. Постараемся же получить как можно больше. Наш век слишком короток... мне так кажется. — Она слабо улыбнулась. — И давай как можно быстрее, мне хочется в океан.

Через некоторое время они приземлились на отгороженной стоянке на краю пляжа.

— Это беспокоит, — сказала Пат трезво. — Каждый день. Не так ли? Пока не станет совсем невыносимым. — Она сдернула свитер, потом, примостившись на сиденье, ухитрилась стащить брюки. — Мы не

захотим жить так долго... еще пятьдесят лет, прежде чем кто-то перейдет экватор.

Она открыла дверцу и вышла из корабля. Она была права: вера в невидимость костюма делала его совершенно незаметным. И это было особенно приятно. Для них обоих.

Вместе он и она побрели по мокрому плотному песку, рассматривая раковины, медуз, гальку, осколки, выброшенные волнами.

— Какой сейчас год? — спросила вдруг Пат, внезапно останавливаясь.

Ветер откинул ее волосы назад. Они взвились, словно облако желтых, тонких, ярких и совершенно чистых нитей.

— А... по-моему, — начал он и не смог ответить.

Это его явно озадачило.

— Черт, — воскликнул он сердито.

— Ладно, не в этом дело.

Они шли, взявшись за руки.

— Взгляни вон на то маленькое пятнышко впереди, за горами.

Она увеличила темп. Сильные, упругие мышцы боролись с песком, ветром и привычной гравитацией старого мира, забытого много лет назад.

— Я... Как ее имя? Френ? — спросила она внезапно.

Она остановилась за скалами. Пена и вода окатывали ее ноги. Рассмеявшись, она отпрыгнула. — Или я Патриция Пат, Парки-Пат.

Она стала карабкаться на скалы.

— Я привыкаю быть Френ, — бросила она через плечо. — Но теперь это неважно. Возможно, я еще кто-то: Френ, Элен, Мэри. Но это неважно. Верно?

— Нет, — запротестовал он, догоняя ее.

Тяжело дыша, он вымолвил:

— Очень важно, что ты Френ. В сущности...

— В сущности...

Она кинулась на песок, чиркнув телом по острой скале. На ее теле остались царапины. Почти тотчас же она поднялась и села лицом к океану. Коснулась руками груди, приподняла их. На лице появилось выражение замешательства.

— Они, — сказала она, — Пат. Не мои. Мои меньше. Я помню.

Ничего не говоря, он сел рядом.

— Мы здесь, — сказала она быстро, — чтобы делать то, что не можем в своей лачуге. Там, где мы оставили наши испорченные тела. А если наша выставка окажется в ремонте, это ... — Она указала на океан, потом еще раз неверяще коснулась себя. — Погибнет ли это? Нет! А может, мы сами станем бессмертными. — Она разом легла на спину, растянулась на песке и прикрыла рукой глаза. — И пока мы здесь, мы можем совершать поступки, недозволенные нам в лачуге. И к тому же, по твоей теории, мы и должны их совершать. Мы должны воспользоваться удобным случаем.

Он наклонился над ней, обнял и поцеловал в губы.

Внутри его мозга чей-то голос произнес: — Но я могу сделать это в любое время.

И в членах его тела утвердился чужой хозяин. Он поднялся и отсел от девушки.

— К тому же, — сказал в нем голос Норма Скейна, — я на ней женился.

И Скейн расхохотался.

«Кто разрешил тебе пользоваться моей выставкой? — подумал зло Сэм Реган. — Пошел вон из моей комнаты. И спорю, это еще и мой Кей-Ди».

— Ты сам предлагал его нам, — ответил сожитель по телу. — Ну я и решил поймать тебя на слове.

— Я тоже здесь, — возник голос Тода Морриса. — И если хочешь знать мое мнение...

— Никто вашего мнения не спрашивал, — мысленно огрызнулся Норм Скейн. — В самом деле, вас же не звали. Почему бы вам не вернуться наверх и не заняться вашим запаршивевшим огородом, где, собственно, вам и следует сейчас быть.

— Я с Сэмом, — холодно ответил Тод Моррис. — Раньше у меня не было шанса сказать вам это.

Их силы с Сэмом соединились.

Вольт снова обнял полулежавшую девушку, еще раз поцеловал ее в губы, но теперь крепче, со все усиливающимся волнением.

Не открывая глаз, Пат вымолвила:

— Я, Элен, тоже здесь, — а потом тихо добавила: — и еще Мэри. Но мы не трогали твоего Кей-Ди, Сэм. Мы взяли свой, у нас немного было.

Она обхватила его руками, будто три существа Парки-Пат слились в едином порыве. Ошарашенный Сэм Реган разорвал контракт с Тодом Моррисом. Он взял сторону Норма Скейта, и Вольт слез с Парки-Пат.

Волны океана кипели вокруг их тел, двух тел, вмещавших квинтэссенцию шести человек. «Двух в шести, или шести в двух? — подумал Сэм. — Чудеса повторяются. Зачем? Старый вопрос. Но сейчас меня волнует лишь одно: брали ли они мой Кей-Ди? Бьюсь об заклад, они так и сделали. Мне наплевать, что они там наговорили, я им не верю».

Поднявшись на ноги, Парки-Пат сказала:

— Ладно. Вижу, мне остается только поплавать. Ждать здесь больше нечего.

Она с плеском вошла в воду и поплыла прочь, а они втроем сидели в одном теле, глядя ей вслед.

— Мы упустили свой шанс, — сказал, криво усмехнувшись, Тод Моррис.

— Моя вина, — произнес Сэм.

Согласившись, они с Тодом встали, прошли несколько шагов за девушкой, и зайдя в воду по шиколотку, остановились.

Сэм Реган уже ощущал, как улетучивается сила наркотика, он чувствовал себя больным, усталым и разбитым. «Чертовски скоро, — сказал он

самому себе. — И все сначала, снова по кругу — в яму, где мы копошимся и извиваемся, точно черви в банке...»

Его передернуло.

...Передернуло, и он еще раз увидел свою комнату с крошечной кроватью, умывальником, столом, кухонной плитой... и, лежащими в безразличных позах тут и там оболочками Тода и Элен Моррисов, Френ и Норма Скейнов, его собственной жены Мэри. Их глаза казались безжизненными, и он, содрогнувшись, отвернулся.

На полу, между ними, лежала его выставка. Он взглянул и увидел кукол: Вольт и Пат на берегу океана рядом с брошенным Ягуаром. Наверняка на Парки-Пат был почти невидимый шведский купальник, где-то поблизости — крошечная сумочка.

А около выставки — плоская коричневая коробка с Кей-Ди. Все пятеро жевали его, отключившись от реальности. И тут же — против своей воли — он увидел тонкие струйки светящегося сиропа, стекавшего с безвольных человеческих губ.

Напротив него Френ Скейн пошевелилась, открыла глаза, застонала, взгляделась в него и мучительно вздохнула.

— Они добрались до нас, — проговорил Сэм.

— Мы тоже взяли свое.

Она встала, покачиваясь, споткнулась и чуть не упала. В тот же миг он вскочил, пытаясь ее поддержать.

— Ты права. Нам надо было сделать это сразу, не откладывая. Раз уж решили. Но...

Она позволила ему покрепче обнять себя.

— Я люблю прелюдии. Прогуливаться вдоль пляжа, демонстрировать тебе купальник, которого вовсе не было.

Она чуть улыбнулась.

— Они придут в себя только через несколько минут, будь уверена, — сказал Сэм.

Широко открыв глаза, Френ вымолвила:

— Да, ты прав.

Она рванулась от него к двери, распахнула ее и скрылась в холле, бросив на бегу:

— В наш отсек, скорее!

Ликуя, он последовал за ней.

Было так здорово! Он чуть не задохнулся от смеха. Женщина вскочила на эскалатор. Он нагнал ее, и они почти одновременно достигли апартаментов Скейнов. Влетев внутрь, хохоча и борясь друг с другом, они прокатились по жесткому металлическому полу.

«Все-таки мы победили», — подумал он, ловко, одним махом срывая с нее бюстгальтер, стаскивая блузку, расстегивая молнию брюк и скидывая незашнурованные ночные тапочки. Он взялся за нее сразу, и Френ вздохнула, только теперь не измученно.

— Лучше я закрою дверь, — он поднялся, поспешил к двери и, хлопнув, запер ее на замок. Френ тем временем освободилась от остатков белья.

— Иди сюда, — заторопила она. — Хватит рассматривать!

Она свалила в кучу всю одежду и припечатала ее, как двумя пресс-папье, тапочками.

Он приник к ней, и ее быстрые умелые пальцы взялись за его тело. Темные глаза продолжали работу. Его охватил пьянящий восторг.

И все это здесь, в их затхлом жилище на Марсе. И еще — они ухитрились получить все единственным способом, старым, как мир, способом — благодаря наркотику. Кей-Ди сделал все возможным, он просто необходим. И не было иного пути стать свободными.

Так он размышлял, пока колени Френ сжимали его бедра. И нет иного пути стать такими, как мы хотим.

Он размышлял, проводя рукой по ее плоскому, дрожащему животу. Можно попробовать и дальше.

4

В приемном покое Госпиталя Ветеранов Джеймса Ридла на Базе III Ганимеда, Лео Балеро передал свой дорогой, ручной работы котелок девушке в накрахмаленной белой униформе и сказал:

— Я здесь, чтобы встретиться с пациентом, мистером Элдоном Трентом.

— Простите, сэр, — начала девушка, но он перебил ее:

— Скажите ему, пришел Лео Балеро. Хорошо? Лео Балеро. — И посмотрев на регистрационный лист, увидел номер комнаты Элдрича.

Когда девушка повернулась к пульту, он уже направился в сторону этого номера. «К черту ожидание, — сказал он себе. — Я пролетел миллионы миль и, надеюсь, увижу этого человека, или существо, кем бы он ни был».

У дверей его остановил вооруженный солдат с карабином, очень молодой человек с чистыми, холодными девичьими глазами, глазами, которые выразительно сказали «нет», даже ему.

— О'кей, — буркнул Лео. — Я дам фотокарточку. И если он узнает, пусть прикажет пропустить.

Вдруг сзади, испугав его, донесся высокий женский голос:

— Откуда вы узнали, что мой отец здесь, мистер Балеро?

Он обернулся и увидел чуть полноватую для своих тридцати лет женщину. Она внимательно разглядывала его. «Это Зоя Элдрич, — подумал он. — Я мог бы догадаться. О ней достаточно писали на страницах светской хроники».

— Мисс Элдрич, — обратился к ней страж ООН, — если хотите, мы можем выставить мистера Балеро из этого здания. Все в наших силах.

Он улыбнулся Лео, и тот ответил ему тем же. Это был начальник

полицейского дивизиона ООН. Начальник Неда Ларка, Франк Сантина. Темноглазый, настороженный, нервный, Сантина быстро перевел глаза с Лео на Зою Элдрич, ожидая ее ответа.

— Нет, — проговорила наконец Зоя Элдрич. — Во всяком случае, не сейчас. Пока я не выяснила, как он узнал, что папа здесь. Он ведь не мог знать, не правда ли, мистер Балеро? Наверное, кто-нибудь из его предсказателей. Верно, Балеро?

Лео неохотно кивнул.

— Видите ли, мисс Элдрич, — объяснил Сантина, — такой человек, как Балеро, может нанять кого угодно, с любой формой таланта. Поэтому мы его здесь и ожидали. Он указал на двух одетых в униформу вооруженных охранников у двери Палмера Элдрича. — Вот почему все время нам требовались они оба. Помните, я пытался объяснить.

— Значит ли это то, что мне удастся увидеться с Элдричем? — спросил Лео. — Я прибыл сюда только поэтому. У меня в мыслях нет ничего плохого. По-моему, вы что-то скрываете или знаете очень важное. А может быть, вас заела совесть? — Он глянул на них, но ничего не заметил. — Там действительно Палмер Элдрич? — спросил он. — Спорю, что нет! — И вновь его не удосужили ответом.

— Я устал, — проговорил он. — Путешествие сюда было слишком долгим. Ну, черт с ним! Пойду что-нибудь перекушу, а потом найду комнату в отеле, просплю десять часов и забуду об этом деле.

Повернувшись, он прошествовал к выходу.

Ни Сантина, ни мисс Элдрич даже не пробовали его остановить. Разочарованный, он продолжал думать в том же духе, чувствуя гнетущее отращение.

Очевидно, он должен был бы добраться до Палмера через какое-нибудь медицинское агентство. Возможно, Феликс Блау со своей частной полицией мог бы здесь пригодиться. Стоило попробовать.

Им овладела депрессия. Почему бы не сделать так, как он сказал: пойти и устроить столь необходимый отдых и хотя бы на время забыть об Элдриче.

«Пошли они все к черту, — сказал он сам себе, покидая Госпиталь. — Дочка. Сбита, словно лесбиянка. С коротко стриженными волосами и гримом. Ух!»

Он поймал такси, погнал его воздухом.

Воспользовавшись видеосистемой такси, он соединился с Феликсом.

— Я рад, что вы позвонили, — сказал тот, как только понял, кто перед ним. — В Бостоне при странных обстоятельствах появилась новая организация. Такое впечатление, что она зародилась накануне вечером уже полностью готовой, включая ...

— Чем она занимается?

— Они готовятся что-то продавать. У них есть три спутника, подобных вашему. Один на Марсе, один на Ио и один на Титане. До нас дошел слух, будто они хотят использовать тот же ассортимент товаров, что и в

Парки-Пат Лайотс. Название будет «Конни, Компаньон Долл», — он широко улыбнулся. — Правда, неплохо?

— А что с... Ты понимаешь? О добавках?

— Об этом пока информации нет. Если предположить что-нибудь в том же роде, то оно, вероятно, находится вне сферы законных торговых операций. Будет ли какая-нибудь мини-выставка без... «добавки»?...

— Нет.

— Тогда ответ напрашивается сам собой.

— Я вызвал вас, чтобы вы устроили мне встречу с Палмером Элдричем, — сказал Лео. — Я обнаружил его здесь, на Базе III Ганимеда.

— Вы получили мой рапорт о необычном лишаинике Элдрича, похожем на тот, что используют для получения Кей-Ди? А вам известно, что эта новая компания из Бостона может быть основана Элдричем? И хотя на первый взгляд кажется, что еще слишком рано, но ведь он мог радировать на годы вперед своей дочери.

— Я пробовал повидаться с ним, — сказал Лео.

— Насколько я понял, это Госпиталь Джеймса Ридла? Мы прикинули, он мог бы быть там. А вы слышали о человеке по имени Ричард Хнатт?

— Никогда.

— Человек из этой новой Бостонской компании, некто Ичолтз, встретился с ним и заключил какую-то сделку.

— Вот напасть. И я не могу попасть к Элдричу. Сантина вертится у двери с этой неприступной дочерью Палмера. Никто не проскользнет мимо них.

Он дал Феликсу Блау адрес отеля на Базе III, где он оставил свой багаж, и отключился.

«Бьюсь об заклад, он прав, — сказал Балеро. — Палмер Элдрич — мой конкурент. И моя судьба. Я чувствую: на пути с Проксими он хотел со мной встретиться. И чего только я занимаюсь этим делом? Почему бы мне не производить системы управления ракет и не конкурировать с Джи. И. и Дженерал Дайнемикс?

Теперь он по-настоящему удивился: зачем Элдрич привез с собой лишаиник? Какая здесь связь? Удешевление производства? Возможность сделать трансляцию дольше и интенсивнее? Ух!

Вдруг возникло воспоминание: организация, откуда-то из Объединенных Арабских республик, готовит наемных убийц. Жирный кусок они отхватили бы за Элдрича... Такой человек, как он...

И еще вспомнилось предсказание Рондинеллы Фьюгет. В будущем его обвинят в убийстве Палмера Элдрича.

Очевидно, он все-таки найдет какой-то способ.

С ним было оружие, такое маленькое, такое незаметное, что даже при самом тщательном осмотре, обыске его невозможно было обнаружить. Несколько лет назад один хирург в Вашингтоне вшил ему в язык самоуправляемое быстродействующее ядовитое жало, **изобретенное в Советской России...** Но здорово усовершенствованное. Среди тех, кого оно нарекало

своей жертвой, в живых не осталось ни одного. Яд тоже был особенный: он не поражал сердечно-сосудистую или дыхательную деятельность. Собственно, это был не яд, а скорее фильтрующий вирус, который размножался в крови жертвы и приводил к смерти через сорок восемь часов. Это был рак, импортируемый со спутников Урана и пока неизвестный, и поэтому стоивший ему больших денег. Все, что надо было сделать, это встать на достаточном расстоянии — вытянутой руки — от своей жертвы и сжать язык, выставив одновременно кончик языка в направлении жертвы. Так что, если бы он увидел Элдрича...

«И я сделаю это, — решил Лео. — Прежде чем новая Бостонская Корпорация начнет выпускать свою продукцию. Пока она обходилась без Элдрича. Эти новые корпорации — словно сорняки. Их надо либо уничтожать пораньше, либо вообще не уничтожать».

Попав в свой номер, он послал вызов в П.П.Лайотс, только чтобы поговорить с кем-нибудь и увидеть живое участие.

— Да, — отозвалась мисс Глеасон и тут же его узнала. — Вам настоящий вызов от мисс Импатенсия Вайт. Если, конечно, это ее имя, и я не ошибаюсь. Вот номер. Марс...

Она задержала скольжение экрана.

Сначала Лео никак не мог вспомнить какую-нибудь женщину по имени Вайт. Потом вспомнил и ужаснулся. Зачем она вызывала?

— Спасибо, — пробормотал он и отключился. «Боже, что будет, если в полицейском дивизионе подслушают его вызов... ибо Имни Вайт, обожавшаяся на Марсе, была главой торговцев Кей-Ди.

С большой неохотой он набрал номер. На экране появилась широкая и остроглазая, довольно хорошенькая Имни Вайт. Он представлял ее более мощной и сильной, а она оказалась очень изящной, хотя и резкой.

— Мистер Балеро, сразу же как я договорю...

— Не нашли другого способа? Других каналов?

Существовал особый путь, Корнер Фримен, глава Венерианского отделения, мог с ним связаться. Мисс Вайт работала через Фримена, своего начальника.

— Я навестила жилище, мистер Балеро, на Южном полушарии Марса. Утром. Вместе с грузом. Колонисты отказались. Они выгребли все свои шкурки на новый товар. Того же класса, что предлагали мы. Чу-Зет. И...

Лео Балеро отключился. Пораженный, он сидел в темноте и думал.

«Я родился не для того, чтобы меня пугали, — сказал он самому себе. — В конце концов, я высокоразвитое человеческое создание. На том и порешим. Это — продукт новой Бостонской фирмы. Полученный из лишайника Элдрича. Предположим, Элдрич лежит там, на своей больничной койке, отдает приказы через Зою, а я ничего не могу поделать. Работа налажена и идет полным ходом. Я, как видно, уже опоздал. Даже с этой штукой в моем языке. Теперь все тщетно. Но я что-нибудь придумаю. Это еще не конец П.П.Лайотс».

Но что он мог сделать? Решение ускользало, и это не уменьшало нервной дрожи.

«Приди ко мне, пусть искусственно подстегнутая, но по-настоящему зрелая идея, — воскликнул он с мольбой. — Бог, помоги мне победить врагов, поддельщиков, ублюдков. Может быть, если я использую своих предсказателей, Рони Фьюгет и Барни... Может, им удастся выудить хоть что-нибудь! Особенно старине Барни!»

Он еще раз послал вызов в П.П.Лайотс, на Землю. Но теперь в департамент Барни Майерсона.

И тут он вспомнил о проблемах Барни: о повестке в армию, необходимости сбросить стресс, о приказе отправиться в забытую богом лачугу на Марсе.

«Я найду доказательства, — мрачно подумал Лео Балеро, — я приму меры. Пусть считает, что опасность призыва для него миновала».

...Когда пришел вызов от Лео Балеро с Ганимеда, Барни Майерсон был в своем офисе один.

Разговор оказался недолгим. Когда он закончился, Барни взглянул на часы и изумился. Пять минут. А казалось, разговор занял большую часть жизни.

Поднявшись, он тронул кнопку интеркома и сказал:

— Не пускайте пока никого. Абсолютно. И тем более мисс Фьюгет.

Он прошел к окну и остановился, разглядывая сверкающие пустые улицы.

Лео сбросил все проблемы в подол. В первый раз он видел своего хозяина таким подавленным. Вообразить Лео Балеро, разбитого по всем пунктам! И первым же конкурентом, появившимся на горизонте! Он просто оказался не готовым к этому. Возникновение Бостонской компании разом и навсегда его дезориентировало. Взрослый человек стал хуже ребенка.

«Возможно, при известных обстоятельствах Лео и выкрутится, но что получу от этого я? — спросил сам себя Барни Майерсон и не нашел ответа. — Я смогу помочь Лео... А что потом сможет сделать Лео для меня?»

Некоторое время он размышлял, а затем, как и просил Лео, обратил свое внимание в будущее. Но, занявшись этим, он опять вернулся к собственной проблеме — угрозе призыва. Он постарался отчетливо увидеть, как все, наконец, разрушится.

Но для широкой публики его личность была слишком незначительна и о его призыве не говорилось ни слова. Он не видел заголовков газет, не слышал новостей... А вот насчет Лео что-то было. Он увидел несколько передовиц, посвященных Лео и Палмеру Эдричу. Конечно, все казалось очень туманным и противоречивым среди мешанины домыслов и словесного излияния. Лео встретился с Палмером Эдричем. Лео не встречался с Палмером Эдричем... На этом он задержался намеренно. Лео обвиняют в убийстве Палмера Эдрича. Господи, что бы это значило?

А то и значит, он занялся пристальным разбором, то, что сказано.

И если Лео арестуют, засудят и признают виновным, это будет означать конец П.П.Лайотс как платежеспособного предприятия. А следовательно, крах карьеры, во имя которой он пожертвовал всем в своей жизни — семьей и женщиной, которую он — даже сейчас! — любил. Очевидно, для собственного же блага, надо предупредить Лео. Даже это надо обернуть себе на пользу.

Он позвонил Лео.

— У меня для вас новости.

— Отлично, — просиял Лео. На его лице отразилось волнение. — Давай, Барни.

Барни начал:

— Вскоре возникнет ситуация, которую вы можете использовать. Вы сможете увидеть Палмера Элдрича. Не обязательно в госпитале, а где-нибудь еще. Его отправят с Ганимеда по собственному приказу.

Он продолжал осторожно, не желая выдавать факты, которые насобира:

— Между ним и ООН возникнут трения. Пока Элдрич бессилен, он использует их для своей защиты. Но как только...

— Детали, — выдохнул Лео, настороженно вскидывая голову.

— Я хотел бы кое-что взамен.

— На что? — Лицо Лео потемнело.

— Взамен, — сказал Барни, — я сообщу вам точную дату и место, где вы сможете беспрепятственно повидаться с Палмером Элдричем.

— И что бы ты хотел за услуги? — спросил Лео.

Его глаза настороженно следили за Барни. Даже Е-терапия не приносила тут спокойствия.

— Четверть процента валовой продукции П.П.Лайотс... Не включая дохода из каких-либо других источников.

Подразумевалась сеть плантаций на Венере, где производился Кей-Ди.

— Прямо манна небесная, — произнес Лео, переводя дух.

— И еще!

— Что еще? Ты и так, думаю, будешь богат.

— И я хочу, чтобы была перестроена работа консультантов-предсказателей. Каждый будет находиться на своем посту и выполнять ту же работу, что и сейчас, но с некоторыми изменениями. Все их решения будут поступать ко мне для окончательного утверждения. Так что я больше не буду заниматься каким-нибудь одним районом, и вы сможете сразу же передать Нью-Йорк Рони...

— Больно жирно, — сказал раздраженно Лео.

Барни пожал плечами. Наступал кульминационный момент его карьеры, а это главное. И ради этого можно пожертвовать всем, включая Лео. В самом деле, Лео будет первым.

— О'кей, — кивнул Лео. — Можешь пасти свое стадо предсказателей-консультантов. Меня это мало волнует. Ну, а теперь скажи мне: как, где и когда?

— Вы сможете встретиться с Элдричем на днях. Один из кораблей незаметно заберет его послезавтра с Ганимеда и отправит к Луне. Там будет продолжено лечение.

Но только теперь не на территории ООН. Франк Сантина больше не захочет связываться в это дело, поэтому можно о нем позабыть. На двадцать третий день своего выздоровления Элдрич встретится с репортерами газет и выскажет им свою версию о том, что произошло с ним в путешествии. У него будет хорошее настроение, во всяком случае, так они напишут. Полностью окрепший, довольный возвращением и быстрым выздоровлением, он расскажет длинную историю о...

— Только объясни, как туда пробраться, все-таки система безопасности его мальчиков...

— П.П.Лайотс четыре раза в год выпускает обзорный журнал МАЙНД ОФ МАЙНИНГ. Тираж его так мал, что вы о нем, возможно, и не слышали.

— Ты считаешь, что я должен пойти туда как репортер нашего местного органа? И таким образом, попасть в его вотчину, — сказал Лео с отвращением. — Дьявол. Я не желаю платить вам за такую информацию. Уже на следующий день все станет известно. Я знаю, если там будут газетчики, то об этом тут же раструбят по всему белому свету.

Барни пожал плечами. Ответить он не потрудился.

— Я догадываюсь, что ты меня прищучишь, — сказал Лео. — Я был слишком нетерпелив. Ну, ладно. Может быть, ты поведаешь мне, что он намерен сообщить репортерам? Что он обнаружил в системе Проксимы? Упомянул ли он о привезенном лишайнике?

— Да. Он утверждает, что это благотворные формы, одобренные Бюро Контроля Наркотиков ООН, которые заменят... — Он заколебался, — ...некоторые опасные производные обычных растений, широко применяемые сейчас. И...

— И, — закончил Лео сурово, — он объявил о создании компании по торговле легальным наркотиком.

— Да, — сказал Барни. — Под названием Чу-Зет, от слогов Би ЧУЗИ: «Жуйте Чу-Зет».

— Проклятие!

— Все было организовано задолго по интересам радио-лазеров, через его дочь и с одобрения Сантины и Ларка из ООН, а точнее, с одобрения самого Хепбёрн-Гилберта. Они надеялись тем самым покончить с торговлей Кей-Ди.

Наступила тишина.

— О'кей, — через секунду хрипло проговорил Лео. — Должно быть стыдно, что вы не предвидели это два года назад. Но черт побери, ведь вас просто наняли, и никто не удосужился спросить об этом.

Барни пожал плечами.

Зло сверкнув глазами, Лео Балеро отключился.

«Вот так-то, — сказал сам себе Барни. — Я нарушил первое правило

карьериста: никогда не говори своему начальнику того, чего он не желает слышать. Интересно, какие будут последствия?

Снова вспыхнул видеофон. И еще раз появилась хмурая физиономия Балеро.

— Послушай, Барни. Я здесь подумал, и это причинит тебе боль, так что лучше сядь.

— Я сижу.

Он приготовился.

— Я забыл, а не должен был бы, что предварительно беседовал с мисс Фьюгет, и она узнала о неких событиях, связанных со мной и Палмером Элдричем. Событиях, которые ее насторожили. А с вашим желанием стать ее пастухом, безусловно, кинули бы в истерику, и она нанесла бы нам непоправимый ущерб. Собственно говоря, я прихожу к выводу, что потенциально вы все, мои консультанты-ясновидцы, могли получить подобную информацию. И то, что ты мог предвидеть все...

— ... События, — продолжил Барни, — привели к обвинению вас в персортном убийстве Палмера Элдрича. Правильно?

Лео хмыкнул, засопел и угрюмо уставился на Барни. Наконец с явным нежеланием кивнул.

— Я не дам вам расторгнуть контракт, который вы только что со мной заключили, — сказал Барни. — Вы дали мне кое-какие обещания, и надеюсь, вы...

— Но, — проблеял Лео, — эта глупая девчонка-психопатка, как пить дать, побежит к ООНским ищейкам. Барни, она меня достала!

— Как и я, — заключил тот холодно.

— Пусть, но я знаю тебя много лет.

Казалось, Лео быстро что-то обдумывал, оценивая ситуацию силами, которые сам называл «следующей стадией развития познания Хомо Сапиенс». Или чем-то подобным.

— Ты друг. Ты не сделал бы того, что может сделать она. И как бы там ни было, я бы предоставил тебе проценты прибыли, которые ты просишь. О'кей? — Он озабоченно и нерешительно взглянул на Барни, скрывая свои мысли. — Может, на том и порешим?

— Мы уже порешили.

— Но, черт побери, я не говорил, что совсем забыл о...

— Если вы не решитесь, — сказал Барни, — то я брошу все и пойду со своими способностями куда угодно.

Он проработал слишком много лет, чтобы теперь отступать.

— Ты... — вымолвил нервно, не веря, Лео. — Никогда бы не подумал, что ты заикнешься о полиции ООН. Скорее ты переметнешься к Палмеру Элдричу!

Барни не ответил.

— Заштопай дыры, — сказал Лео. — И постарайся остаться на поверхности. Слушай, я не совсем уверен, что Палмер тебя примет. У него есть свои предсказатели. И если он уже проведal о моем... — Он запнулся. —

У меня будет шанс. По-моему, ты совершаешь грех. Иди, и ты получишь то же самое, Барни. В самом деле, поступай, как хочешь, мне наплевать. И всего наилучшего, приятель. Черкни мне, когда решишься. И в следующий раз не будь слишком жесток к тем, кого шантажируешь.

Барни оборвал связь. Экран стал бесформенно серым. «Серым, — подумал он, — как мир внутри меня и вокруг меня, как реальность». Он поднялся и начал ходить взад-вперед, засунув руки в карманы брюк.

«Самое лучшее, — решил он, — в этом случае (да простит меня Бог!) согласиться с Рони Фьюгет. Потому что она смогла напугать Лео, и по веской причине. Видно, существует целая галактика поступков, на которые она способна, а я нет. И Лео это знает».

Вновь усевшись, он вызвал Рони.

— Ха, — сказала она оживленно. Ее шелковое в пекинском стиле платье переливалось всеми цветами радуги в лучах солнечных бра. — В чем дело? Я попыталась заглянуть к тебе минуту назад, но...

— Ты, видно, никогда не перемеряешь все свои платья, — сказал он. — Закрой дверь.

Она закрыла дверь.

— Однако должен отдать должное, прошлой ночью в постели ты была удивительно хороша.

— Спасибо, — ее юное лицо просияло.

— Ты ясно видела, что наш хозяин убьет Палмера Эдрича, или были сомнения?

Поперхнувшись, она наклонила голову и пробормотала:

— Ты буквально дымишься от таланта, — она села, положила ногу на ногу. — Конечно, были сомнения. Сначала я вообще подумала, что это сведет мистера Балеро с ума, потому что, безусловно, будет концом его карьеры. Газеты не рассказывали — не расскажут, — о побудивших его причинах. Так что мне остается только гадать, но, наверное, это будет что-то ужасное и страшное. Ты согласен?

— Конец его карьеры, — сказал Барни — это конец твоей и моей карьеры.

— Нет. Не думаю, дорогой. Давай немного поразмыслим. Мистер Палмер Эдрич вышел в сферу минимизации. Разве для мистера Балеро это не мотив? И разве это ничего не говорит нам о надвигающейся экономической реальности? Но даже после смерти мистера Эдрича станет ясно, что его организация оста...

— Так мы переметнемся к Эдричу!

Прищулив глаза, она сосредоточилась, потом с трудом проговорила:

— Нет, я так вовсе не думаю. Но нам надо быть осторожными с мистером Балеро. Ведь мы не хотим, чтобы он утянул нас за собой на дно... У меня впереди еще много лет. И чуть меньше у тебя.

— Благодарю, — сказал он кисло.

— Все, что нам предстоит сделать, надо тщательно спланировать. И если уж предсказатели не смогут спланировать будущее...

— Я предсказал Лео по инфо, и это толкнет его на встречу с Элдричем. Тебе не приходило в голову, что вдвоем они могут сколотить отличный синдикат?

Он внимательно посмотрел на нее.

— Я не вижу впереди ничего похожего. Об этом нет ни одной газетной статьи.

— Боже, — сказал он с насмешкой. — Это и не должно попасть в газеты.

— О, — сдержанно кивнула она. — Пусть так, я согласна.

— И если это случится, — сказал он, — мы просто перейдем от Лео к Элдричу. И Лео возьмет нас обратно только на наших условиях. А тогда лучше уж совсем бросить предсказательство.

Это было очевидно для него, и не менее очевидно, как он понял по выражению ее лица, для Рони.

— Если мы обратимся к Палмеру Элдричу...

— «Если!» Мы обратимся.

— Нет, не будем, — сказал Барни. — Мы можем обжечься еще раз.

«Как служащие Лео Балеро, неважно, падет он, восстанет или же исчезнет совсем», — подумал про себя он.

— И вот что я тебе скажу еще. Мы можем обратиться ко всем предсказателям-консультантам П.П.Лайотс и создать свой собственный синдикат. — Эту мысль он вынашивал много лет. — Объединиться, так сказать, в монополию. А затем уже мы сможем диктовать условия и Лео и Элдричу.

— При условии, — сказала она, — что у Элдрича нет своих ясновидцев. — Она улыбнулась. — У тебя нет ясного видения о том, что будет. Не так ли, Барни? Я же вижу. Позор. И ты еще проработаешь много лет.

Она печально покачала головой.

— Теперь понимаю, — проговорил он, — почему Джо не решался тебя переводить.

— Потому что я говорю правду? — она подняла бровь. — Да, возможно. Все боятся правды. Ты, к примеру... Ты не любишь смотреть в лицо фактам. Помнишь, как ты сказал «нет» бедному торговцу, только для того, чтобы отомстить женщине, которая...

— Заткнись, — бросил он грубо.

— Знаешь, где сейчас тот торговец горшками? Подписывает контракт с Палмером Элдричем. Ты облагодетельствовал его и свою прежнюю жену. Скажи тогда «да», и ты бы связал их с компанией, терпящей крах, отрезав шансы к... — Она замолчала. — Я причиняю тебе боль?

Махнув рукой, он ответил:

— Это не имеет отношения к тому, зачем я тебя позвал.

— Правильно, — кивнула она. — Ты вызвал меня, чтобы найти способ сообща изменить Лео Балеро.

— Послушай.

— Но ведь это так? Ты не сможешь сделать это в одиночку. Тебе нужна я. А я не сказала «нет». Успокойся. Думаю, что здесь не место и не время обсуждать это. Давай подождем до дома. О'кей?

Она одарила его очаровательной сердечной улыбкой.

— О'кей, — согласился он. Она была права.

— Не унывай, — сказала Рони. — Вдруг в твоём кабинете полно клопов? Возможно, мистер Балеро уже записал все, что мы сейчас говорили.

Ее улыбка стала еще ярче. Она ослепляла.

«Такую девочку не испугает никто и ничто, ни на Земле, ни в Солнечной Системе», — подумал он.

Ему захотелось испытать то же самое. Ибо существовала проблема, которая тревожила его, которую он не стал обсуждать ни с Лео, ни с кем другим. Хотя, в общем-то, она касалась и Лео тоже... И, наверное, Рони, если она была так же рациональна, как казалась.

Теперь было установлено точно, что тот, кто прибыл с Проксимы или какое-то иное создание, разбившееся на Плутоне, было действительно Палмером Эдричем.

5

Встав на ноги за счет контракта с людьми Чу-Зет, Ричард Хнатт послал запрос в клинику Э-терапии доктора Вилли Денкмаль. Клиника находилась в Германии, в Мюнхене. Доктор Денкмаль, по своему обыкновению, предложил встретиться с ними до начала лечения, хотя, конечно, терапию должны были провести его сотрудники.

Они сидели в броско обставленной приемной клиники, Хнатт был наверху блаженства. Эмили нервничала.

— Как меня раздражает все это, — прошептала она. На коленях Эмили лежал журнал, но читать его у нее не было сил. — Это так неестественно.

— Дьявол! — проговорил энергично Хнатт. — А почему бы и нет? Это ускорение естественного процесса эволюции. Он идет так медленно, что мы его не замечаем. По-моему, это хорошая перспектива. Вспомни хотя бы наших пещерных предков. Они были покрыты шерстью, у них не было подбородка, почти не были развиты лобные доли головного мозга. И еще. У них были сросшиеся коренные зубы.

— О'кей, — кивнула Эмили.

— Мы произошли от них, но в результате эволюции стали способны на большее. Как бы то ни было, но они эволюционировали и благодаря этому пережили ледниковый период. Мы разовьемся перед Огненным периодом. Поэтому нам необходим хитиновый покров, этакая корка, и измененный метаболизм, который позволит нам выжить, впасть в спячку в полдень, совершенствовать вентиляцию и...

Из внутреннего офиса вдруг появился доктор Денкмаль — маленький, из средних слоев, немец, с белесыми волосами и усами Альберта Сквайтзера. С ним вышел еще какой-то человек, и Ричард Хнатт впервые в жизни

встретился с результатом Э-терапии. И это оказалось совсем не похожим на картинку в бульварной газете.

Взглянув на человека, Хнатт вспомнил фотографию, виденную однажды в учебнике: под фото значилось — гидроцефал. У вышедшего человека была огромная куполообразная голова, какая-то до странности хрупкая.

Хнатт тотчас же понял, почему этих, так ладно скроенных людей, в простонародье называют Пузыреголовыми. «Того и гляди, лопнет», — подумал он.

Толстая кожа. Волосы были похожи на хитиновую оболочку.

Пузыреголовые...

— Мистер Хнатт, — обратился, помедлив, доктор Денкмаль к Ричарду. — И фрау Хнатт, тоже. Минуту — и я к вашим услугам.

Он обернулся к стоящему рядом человеку:

— Чистая случайность, мистер Балеро, что мы смогли встретиться с вами сегодня. Как бы то ни было, но почву под ногами вы не теряете. Видно, вы все так же на высоте.

Балеро уставился на Ричарда Хнатта.

— Я уже слышал где-то ваше имя. Ах, да! О вас упоминал Феликс Блау.

Его высокоразвитые глаза потемнели, и он добавил: — Не вы ли недавно заключили контракт с Бостонской фирмой под названием... — Его удлиненное лицо исказилось, будто в кривом зеркале. — Чу-Зет Изготовители?

— К вашему удовольствию, — заикаясь, начал Хнатт. — Ваши консультанты мод послали меня прочь...

Поглядев на него, Лео Балеро пожал плечами и повернулся к доктору Денкмалю:

— Я буду у вас через две недели.

— Две! Но... — запротестовал Денкмаль.

— Я не смогу сделать это на следующей неделе. Меня снова не будет на Земле.

Балеро вновь медленно оглядел Ричарда и Эмили и удалился.

Глядя ему вслед, доктор Денкмаль проговорил:

— Здорово эволюционировал этот человек. И физически и духовно.

Он повернулся к Хнаттам:

— Милости просим в Клинику!

— Благодарю, — нервно сказала Эмили. — Это не больно?

— Наша терапия? — хмыкнул с удовольствием доктор Денкмаль. — Ее и не заметно, хотя, на первый взгляд, может потрясти. В фигуральном смысле, конечно. Когда вы чувствуете увеличение коры мозга, вы узнаете много новых и будоражающих концепций, особенно в области религии. О, если бы сейчас жили Лютер и Эразм, их полемика разрешилась бы очень просто с помощью Э-терапии. Оба они познали бы истину. Но давайте начнем.

Он хлопнул Ричарда Хнатта по спине и повел обоих во внутренние покои.

Их провели в гигантскую палату, заполненную какой-то аппаратурой. В палате кроме того стояли два стола со скобами для рук и ног. Взглянув на них, Эмили застонала и сжалась.

— Ничего страшного, фрау Хнатт. Как электрошок. Вызывает только реакцию мышц. Рефлекс, вы же знаете? — Денкмаль хмыкнул.

— Теперь понадобится, как вы понимаете, снять одежду. Каждый свою, конечно. Потом надеть халаты и — аутоскоммен. Понимаете? Вам поможет сестра. Мы уже получили ваши медицинские карты из Северной Америки. Оба вы вполне здоровы, развиты. Настоящие североамериканцы.

Он отвел Ричарда Хнатта в боковую комнату и задернул занавеску. Потом вернулся к Эмили.

Из своей комнаты Ричарт Хнатт услышал, как доктор Денкмаль что-то говорит Эмили спокойным, но решительным голосом. Сочетание было чисто деловым, и Хнатт почувствовал одновременно зависть и подозрение, а потом, наконец, мрачную тревогу. Все получилось совсем не так, как он представлял, но довольно неплохо.

Кроме того, Лео Балеро возник из этой же комнаты, так что успех должен быть несомненным.

Приободренный, он начал раздеваться.

Где-то тихо вскрикнула Эмили.

Он разом оделся и выскочил из боковой комнаты. Однако нашел он только Денкмалья, читающего у стола медицинскую карту. Эмили вышла, понял он, с сестрой, так что все оказалось в порядке.

«Я стал чересчур раздражительным», — подумал он. Вернувшись в комнату, он разделся. Но руки его дрожали.

Через некоторое время Хнатт уже лежал на одном из столов. Эмили, как и положено, лежала рядом, на соседнем столе. Казалось, что она чем-то потрясена. Она была очень бледной и тихой.

— Ваши железы, — объяснил доктор Денкмаль, довольно потирая руки и бесцеремонно разглядывая Эмили, — будут стимулированы. Главным образом, железа Крейси, которая управляет темпом эволюции, нихт вар? Да, вы это знаете. Каждый школьник это знает. Сегодня вы поймете, что увеличение хитиновой оболочки, мозгового панциря или уменьшение ногтей рук и ног — не столь важно. Бьюсь об заклад, вы даже не слышали, что самое, самое главное здесь — это изменения в лобных долях мозга. Это болезненней. Вот и каламбур, понимаете? Будет больно и вы станете умней.

Он вновь хмыкнул. Хнатт почувствовал разочарование. «Что за способ вести дело», — подумал он уныло и закрыл глаза.

Рядом с ним материализовался слуга — нордического типа блондин без малейшего следа разума на лице.

— Послушаем спокойную музыку, — проговорил доктор Денкмаль и нажал какую-то кнопку. Все уголки комнаты залил многоголосый звук —

заунывная оркестровая версия какой-то популярной итальянской оперы. То ли Пуччини, то ли Верди — Хнатт не знал.

— А теперь, герр Хнатт, — Денкмаль наклонился над ним, внезапно посерьезнев. — Я хочу, чтобы вы поняли. И сейчас и потом эта терапия — как вы говорите? — палка с двумя концами.

— Палка о двух концах, — поправил Хнатт.

Он этого ожидал.

— Но в общем-то, мы довольны. Но палка о двух концах, о которой я говорю... Видите ли, под воздействием Э-терапии железа Крейси, вместо того чтобы развиваться, может начать деградировать. Я правильно говорю по-английски?

— Да, — пробормотал Хнатт. — Деградирует... И сильно?

— Суший пустяк. Просто неприятно. Мы должны вовремя уловить это и прекратить терапию. Тогда деградация, как правило, прекращается. Но не всегда. Иногда стимуляция железы Крейси, — он сделал выразительный жест, — продолжается. Я говорю вам на тот случай, если у вас есть какие-нибудь сомнения. Ясно?

— У меня есть шанс, — сказал Ричард Хнатт. — И я согласен. Что-нибудь еще? О'кей, тогда поехали.

Он стал извиваться, как червяк, чтобы увидеть Эмили, и почти незаметно кивнул ей. Но она не заметила. Она лежала совершенно бледная, и глаза у нее были стеклянные.

«Единственное, что может случиться страшного, — подумал он, вверясь судьбе, — что кто-то из нас, возможно, Эмили, разовьется, а второй, например я, превратится в синантропа. Назад — к тесным коренным зубам, маленькому мозгу, кривым ногам и каннибальским замашкам. Черт меня дернул связаться в это дело!»

Доктор Денкмаль щелкнул выключателем, беззаботно насвистывая мелодию оперы.

И для Хнатта началась Э-терапия.

Сначала он только почувствовал, что худеет. Ничего больше. Но потом голова заныла, будто по ней слегка стукнули молотком. Вместе с болью мгновенно пришло острое сознание, что он и Эмили пошли на страшный риск. И нечестно было втравливать ее в это дело из-за дальнейшей торговли. Ясно ж, она не хотела. И не потеряет ли она в случае обратного развития свой талант керамиста? Тогда они оба погибли. Ведь его карьера целиком зависела от того, будет ли Эмили лучшим керамистом планеты.

— Стоп! — сказал он громко.

Но голос, казалось, исчез. Он его не услышал, хотя связки работали и он чувствовал слова в горле. До него дошло: он развивался. Получилось! Его проницательность была результатом изменений в метаболизме мозга. Если и с Эмили будет все в порядке, то тогда они выиграли.

И еще он понял, что доктор Вилли Денкмаль был просто дешевым маленьким позером, единственным делом которого стало играть на тщеславии смертных, желающих выглядеть значительнее, чем они есть на самом деле.

Черт с ними, с торговлей, с контрактами! Чего это все стоит в сравнении с возможностью развивать мозг до принятия концепции нового ранга. Например...

...Ниже лежал загробный мир, незыблемый, причинно-следственный мир демонов. Посредине — обширный уровень разума. Отсюда в любое мгновение человек мог нырнуть глубже, опуститься в ад. Или подняться в мир, который представлял собой третью часть триединства уровней — неземной, воздушный мир.

Сейчас для Хнатта открывалась возможность погрузиться либо в нижний уровень, либо подняться выше. Это могло случиться в любое мгновение. Ад или рай. Не после смерти, а именно сейчас. Депрессия, все умственные болезни вели вниз. И еще...

Как же это получалось? Через эмоции. Улавливаемые не снаружи, а изнутри. К примеру, видел ли он в горшках Эмили нечто большее, чем товары для рынка? Нет. А он должен был бы видеть в них художественный замысел, ее духовное откровение. Ричард Хнатт понял это только сейчас.

И контракт с Чу-Зет Изготовителями, вдруг понял он, — я подписал, не посоветовавшись с ней. Что может быть неэтичной? Я связал ее с фирмой, которую она, может быть, даже не желает сделать разработчиком своих изделий. У нас ведь нет никаких сведений о стоимости их выставок. Может быть, они сапожники. Клепают субстандарт. Но теперь уже поздно. Дорога в ад. И они могут начать производство нелегального транслирующего наркотика. Тогда становится понятным название Чу-Зет... Оно чем-то напоминает Кей-Ди. Но, с другой стороны, то, что они выбрали именно это название, явно указывает, что за душой у них нет ничего законного.

Он ощутил легкий всплеск интуиции: кто-то нашел транслирующий наркотик, удовлетворивший Бюро Контроля Наркотиков ООН. Бюро уже пропустило Чу-Зет, разрешило его открытую продажу. В первое время транслирующий наркотик поможет только полиции Земли, но не на удаленных, лишенных полиции, колониях.

А это значит, что Чу-Зет — выставки, подобные выставкам Парки-Пат, будут продаваться на Земле вместе с наркотиком. А так как с каждым годом погода становится все хуже и хуже, а родная планета все более чужой, то покупать выставки будут охотно. А значит, торговля, которую контролирует Лео Балеро, будет постепенно мельчать, по сравнению с Чу-Зет Изготовителями. Потом сойдет на нет.

Так что он подписал хороший контракт. И неудивительно, что Чу-Зет заплатили так много. Они были обширной организацией с громадными замыслами и, очевидно, имели за спиной неограниченный капитал.

Но где же они достали неограниченный капитал? Только не на Земле, — подсказала ему интуиция. Скорее, от Палмера Элдрича, вернувшегося в Солнечную Систему после экономического сближения с Проксимианцами. Они вполне могли бы стоять за Чу-Зет, чтобы погубить Лео Балеро, ООН позволила внесолнечной расе начать операции в нашей системе.

Это был скверный, возможно, даже роковой шаг.

Следующее, что он помнил, было то, что доктор Денкмаль вывел его из забытья.

— Как дела? — спросил он, склонившись над Хнаттом. — Широкая, всепоглощающая рассеянность?

— Д-да, — вымолвил он и попробовал сесть. Он был развязан.

— Значит, бояться больше нечего, — сказал Денкмаль и просиял. Его белые усы изогнулись, словно антенны. — Теперь спросим фрау Хнатт.

Эмили уже отягивала сестра. Она села, покачиваясь и зевая. Казалось, доктор Денкмаль забеспокоился.

— Как вы себя чувствуете, фрау? — спросил он.

— Прекрасно, — пробормотала Эмили. — Меня все время разрывали идеи насчет горшков. Прямо одна за другой. — Она робко взглянула вначале на доктора, потом на Ричарда. — Это что-нибудь означает?

— Бумагу, — сказал доктор Денкмаль, доставая ручку.

Он протянул бумагу Эмили:

— Нарисуйте ваши идеи, фрау.

Дрожащей рукой Эмили набросала возникшие у нее образы. Казалось, она с трудом владеет ручкой. «Вероятно, это пройдет», — подумал Хнатт.

— Отлично, — сказал доктор Денкмаль, когда Эмили кончила.

Он показал эскизы Ричарду Хнатту:

— Высоко организованная деятельность человеческого мозга. Удивительная изобретательность. Не правда ли?

Эскизы горшков были хороши, просто изумительны. И все же Хнатт почувствовал: что-то не так. Но лишь когда они вышли из клиники и стояли под термозащитным навесом, ожидая такси, он понял, что это было.

Эскизы горшков были действительно хороши, но Эмили их уже делала. Много лет назад, когда создавала свои первые профессиональные изделия. Она как-то показывала ему наброски, а потом и сами горшки. Еще перед женитьбой. Неужели она не помнит этого? Очевидно, нет... Почему же она не помнит? И что это значит? Он удивился и не на шутку встревожился.

Теперь, после первого сеанса Э-терапии, он тревожился постоянно: сначала за судьбу человечества и Солнечной Системы, теперь вот за свою жену. Ничего удивительного. «Может, в этом и состоит то, что Денкмаль назвал высшей организацией человеческого мозга, — подумал он. — Стимуляция мозгового метаболизма».

А может, и нет.

С официальной карточкой обозревателя П.П.Лайотс Лео Балеро прибыл на Луну. Транспорт, кативший по пепельной поверхности Луны к поместью Палмера Элдрича, был битком набит газетными репортерами.

— Ваше удостоверение, сэр, — рявкнул вооруженный охранник без знаков отличия ООН, когда Лео попытался выйти в парк, и втолкнул его обратно в дверь транспорта. Настоящие репортеры шумели и возмущались за его спиной.

— Мистер Балеро, — проговорил, зевая, охранник и вернул пресс-карточку.

— Мистер Эдрич ждет вас. Пройдите сюда.

Его немедленно заменил другой охранник, проделавший то же самое с остальными репортерами.

В сопровождении первого охранника Лео Балеро, нервничая, прошел через наполненный воздухом, утепленный туннель.

Вдруг перед ним появился еще один охранник в форме людей Палмера Эдрича. Он поднял руку и навел на Лео что-то маленькое и блестящее.

— Эй, — слабо запротестовал Лео, застыв на месте. Потом повернулся, наклонив голову, и отошел на несколько шагов назад.

— Луч — другого названия просто не придумаешь — коснулся его. Покачнувшись, Лео попытался удержаться на ногах.

Он очнулся в кресле, в совершенно пустой комнате. Кружилась голова. Он с трудом огляделся вокруг, но увидел только маленький столик посреди комнаты, на котором покоилось какое-то хитроумное электронное сооружение.

— Отпустите меня, — попросил он.

Электронное устройство сразу отозвалось:

— Доброе утро, мистер Балеро. Я Палмер Эдрич. Вы хотели со мной встретиться, насколько я понимаю.

— Вы слишком жестоко обращаетесь со мной, — сказал Балеро. — Дайте мне поспать, а потом связывайте сколько хотите.

— Хотите сигару? — электронное устройство вырастило щупальце, в котором была зажата длинная зеленая сигарета. Конец сигареты вспыхнул. Вытянувшаяся псевдоподия преподнесла зажженную сигарету к Лео.

— Я захватил с собой с Проксимы десять ящиков. Но в катастрофе уцелел только один. Это не табак. Это во много раз лучше табака. Что это, Лео? Как вы думаете?

— Вы там, в этой штуке, Эдрич? Или где-то еще и через нее только разговариваете? — спросил Балеро.

— Неважно, — сказал голос из электронной конструкции.

Конструкция еще некоторое время продолжала протягивать зажженную сигарету, затем отдернула ее, затушила, а остальные убрала прочь.

— Не хотите ли посмотреть цветные слайды моего визита в систему Проксимы?

— Издавайтесь?

— Нет, — ответил Палмер Эдрич. — Они дадут вам некоторое представление о том, с чем мне пришлось столкнуться. Это обычные трехмерные слайды, очень хорошие.

— Не стоит.

— Мы нашли в вашем языке вживленное жало, его вынули. Но вы могли припасти что-нибудь еще...

— Вы оказываете мне столько чести. Чем я ее заслужил?

— За четыре года на Проксими я узнал многое. Проксимианцы собираются захватить Землю.

— Ты меня убиваешь, — сказал Лео, переходя на ты.

— Я понимаю тебя, — ответил в тон ему Элдрич. — ООН, в частности Хепбёрн-Гилберт, реагировал точно так же. Но то, что Землю собираются захватить, — это правда. Не в обычном смысле, а каким-то особым, диким способом, который я не вполне понял. Возможно, это связано с общим перегревом Земли. Или чем-нибудь еще хуже.

— Давай поговорим о лишайнике, который ты привез.

— Я достал его нелегально. Проксимианцы и не подозревали, что я захватил его с собой. Они используют его в религиозных обрядах. Как индейцы пейотл. Ты хотел меня видеть именно из-за лишайника?

— Пожалуй. Ты вкрался в мой бизнес. Знаю, ты уже сколотил корпорацию. Просто великолепно! Тем более для дела с Проксимианцами, которые готовятся к вторжению в нашу систему. Извини меня, но ты хоть понимаешь, что делаешь? Не мог найти другого занятия, кроме мини-выставок?

Комната ударила в лицо ослепительным светом. Лео закрыл глаза. «Черт побери, — мелькнуло в мозгу. — Что-то мне не верится насчет Проксимианцев. По-моему, он старается отвлечь наше внимание от чего-то более важного...»

...Он открыл глаза и обнаружил, что сидит на траве на берегу реки. Рядом с ним маленькая девочка играла чертиком на веревочке.

— Йо-йо... Эта игрушка, — сказал Лео, — очень популярна в системе Проксими.

Его руки и ноги были свободны. Он с трудом встал и размялся.

— Как тебя зовут? — спросил он девочку.

— Моника, — ответила девчушка.

— У Проксимианцев, — продолжал Лео, — хотя они и гуманоиды, есть крылья, и у них искусственные волосы.

Он взял прядь ее светящихся белокурых волос и дернул.

— А-ай, — вскрикнула девочка. — Ты гадкий дядька!

Он сделал шаг. Она отступила, все еще продолжая играть с чертиком и вызывающе глядя на него.

— Прости, — пробормотал он.

Ее волосы оказались настоящими. По-видимому, он находился не в системе Проксими. Наверное, он стал Палмером Элдричем. Ведь тот хотел ему что-то показать.

— Вы готовитесь к вторжению на Землю? — спросил он ребенка. — Что-то по тебе не видно.

Может быть, Элдрич ошибся? И неверно понял Проксимианцев? К тому же, насколько он помнил, Палмер, не подвергнув себя развитию, не обладал мощным и широким пониманием сути вещей.

— Мой йо-йо, — сказал ребенок, — волшебный. С его помощью

я могу сделать все, что захочу. Что сделать? Говори! По-моему, ты добрый.

— Отведи меня к своему вождю, — проговорил Лео. — Старая шутка. Родилась в прошлом столетии. Ты не поймешь.

Он огляделся. Кругом не было заметно никаких следов обитания. Только обширная травянистая равнина.

«Для Земли слишком холодно, — подумал он. — Над головой голубое небо. Отличный воздух. Плотный».

— Ты простишь меня? — спросил он девочку. — Видишь ли, Палмер Элдрич влез в мой бизнес. И если он будет продолжать в том же духе, то мне придет конец. Поэтому надо что-то делать.

«Похоже, убийство уже не получится», — сказал он сам себе угрожающе.

— Но, — продолжал Лео вслух, — я просто не могу себе представить, что он задумал. Словно забрал себе все козыри. Посмотри хотя бы, как он меня обставил, перебросив сюда, а я даже не знаю, где это.

«В общем-то, это несущественно, — думал он. — Потому что, где бы я сейчас ни был, все равно оказался бы под контролем Элдрича».

— Козыри? — спросил ребенок. — В моем чемоданчике есть целая колода карт.

Чемоданчика он не видел.

— Где?

Встав на колени, девочка то здесь, то там коснулась травы. Вдруг участок ее плавно отъехал в сторону, и из открывшейся полости девочка извлекла чемоданчик.

— Я его спрятала от поручителей.

— Что значит «поручитель»?

— Чтобы быть здесь, нужен поручитель. У каждого из нас он есть. Думаю, они платят за все, платят, пока мы не вылечимся. А потом мы сможем вернуться домой. Если, конечно, есть дом.

Она села около чемоданчика и попыталась открыть его. Замок не поддавался.

— Сволочь, — сказала она. — Это не тот. Это Смайл.

— Психиатр? — спросил, восторженно, Лео. — Одного из самых больших небоскребов? Он работает? Включи.

Девочка услужливо включила психиатра.

— Привет, Моника, — сказал металлический чемоданчик. — И вам привет, мистер Балеро, — его имя он произнес неправильно, сделав ударение на последний слог. — Что вы здесь делаете, сэр? Вы уже вышли из того возраста, чтобы быть здесь... Хи-хи. Или вы деградировали, польстившись на так называемую Э-терапию? Р-г-г-дж, щелк! — ... Терапию в Мюнхене.

— Почему же? Я вполне прекрасно себя чувствую, — заверил его Лео. — Послушайте, Смайл. Как вы думаете, кто из тех, кого я знаю, мог бы вытащить меня отсюда? Назовите кого-нибудь, любого. Я больше не могу здесь оставаться.

— Я знаю мистера Байрсона, — проговорил доктор Смайл. — Собственно, я и сейчас с ним. Прямо в его офисе. С помощью портативной приставки, конечно.

— Я не знаю никакого Байрсона, — сказал Лео. — Что это за место? Очевидно, санаторий для больных детей или детей без денег, или еще черте что. Сначала я, было, думал, что нахожусь в системе Проксимы, но раз вы здесь, то, очевидно, это не так.

Наконец до него дошло.

— Дьявол, вы же имели в виду Майерсона! Барни! В П.П.Лайотс.

— Да, совершенно верно, — подтвердил доктор Смайл.

— Соединитесь с ним, — сказал Лео. — Передайте ему, чтобы он сейчас же связался с Феликсом Блау. Это Трехпланетное Полицейское Агентство. Только поскорее. Передайте ему, чтобы он велел Блау точно выяснить, где я нахожусь, и послать сюда корабль. Ладно?

— Хорошо, — ответил доктор Смайл. — Я сейчас же свяжусь с мистером Майерсоном. Он беседует с мисс Фьюгет, его ассистенткой и к тому же еще любовницей. Она сегодня одета в... Хм... В эту минуту они говорили как раз о вас. Но, конечно, я не могу передать, о чем они говорят. Врачебная тайна. Вы понимаете? Она одета...

— Ладно, так будьте добры... — проговорил раздраженно Лео.

— Простите, я на секунду отключусь, — уведомил чемоданчик.

Казалось, он обиделся и наступила тишина.

— Я ошибся. Это вовсе не доктор Смайл. Он просто притворяется им, чтобы спасти нас от одиночества. Работает, но не может связаться ни с кем извне, замкнут сам на себя.

Он знал, что значит — система замкнута сама на себя. Но тогда откуда ему знать о Барни Майерсоне и мисс Фьюгет? Тем более о подробностях их личной жизни? И тем более во что она одета? Очевидно, ребенок говорит неправду.

— Моника! — спросил он. — Кто ты?.. Мне бы хотелось знать твое полное имя.

Что-то в ней казалось ему знакомым.

— Я готов, — внезапно возвестил чемоданчик. — Все в порядке, мистер Балеро... — он опять ошибся в произношении. — Мы обсудили ваше положение с мистером Майерсоном, и он связался с Феликсом Блау, как вы и просили. Мистер Майерсон вспомнил, что читал однажды в газете о санатории ООН, похожем на ваш. Где-то в районе Сатурна. Для умственно-отсталых детей. Возможно...

— Черт, — сказал Лео. — Уж что-что, а эта девочка не умственно отсталая. Даже, скорее, чересчур развита.

Нет, интуиция подсказывала ему, что, забросив его сюда, Палмер Элдрич чего-то хочет добиться от него, или, скорее, запугать.

На горизонте появилась тень. Огромная, серая, разбухавшая и увеличивающаяся на глазах, она неслась на них с ужасающей скоростью.

— Это крыса, — сказала спокойно Моника.

— Такая большая? — удивился Лео.

Нигде в Солнечной Системе, ни на одном спутнике или планете не существовало подобных громадных и мерзких созданий.

— Что она с нами делает? — спросил он, поразившись, что девочка не боится.

— Ах, — ответила Моника, — наверное, убьет.

— И это тебя не пугает? — он услышал, как его собственный голос стал высоким и пронзительным. — Тебе что, хочется умереть, прямо сейчас? Быть съеденной крысой?

Он обхватил девочку одной рукой, поднял чемоданчик другой и помчался прочь от крысы.

Чудовищная усатая тварь настигла их, миновала и понеслась дальше. Ее тень все уменьшалась и вскоре исчезла.

Девочка хихикнула.

— Как она тебя напугала. А я знаю, что она нас не заметит. Они не могут. Мы для них здесь невидимы.

Наконец-то Лео понял, где находится. Феликс Глау его не найдет. И никто не найдет, сколько бы ни искали.

Элдрич сделал ему внутривенную инъекцию трансляционного наркотика, и скорее всего — Чу-Зет. Это место — несуществующий мир. Он так же нереален, как иррельна «Земля», на которую транслируются колонисты, когда жуют Кей-Ди. И он, и девочка были нереальными. Во всяком случае, здесь. Где-то их пустые, бескровные тела лежат, словно мешки с песком, лишенные своего церебрального состояния. Вероятнее всего, они лежат в Лунном поместье Палмера Элдрича.

— Ты Зоя, — сказал он. — Не так ли? А Моника — это тот образ, который ты выдумала, тебе хотелось бы вновь стать маленькой девочкой, лет этак восьми. И даже с другим именем.

— Я не знаю никакой Зои, — холодно ответил ребенок.

— А твоего отца зовут Палмер Элдрич. Правильно?

Ребенок неохотно кивнул.

— Это место только для тебя? — спросил он. — Ты часто сюда приходишь?

— Да, это мое место, — сказала девочка. — Никто не входит сюда без моего разрешения.

— Почему же ты разрешила мне сюда войти?

— Потому что мы думали, что ты сможешь удержать Проксимианцев от того, что они собираются сделать.

— Опять... — проговорил он, не веря ей. — Твой папа...

— Мой папа, — перебила девочка, — старается нас спасти. Он не хотел брать с собой Чу-Зет. Они его заставили. А мы с помощью Чу-Зет нанесем им решительный удар.

— Как?

— Они контролируют области, в которые попадают, приняв Чу-Зет. А ты как раз принял его...

— Но ведь невозможно заметить их влияние и контроль. О чем ты говоришь!

— А я могу, — сказала девочка. — Как может сейчас мой отец. Он получил Чу-Зет на Проксиме и принимал его много лет. Он узнал о том, что готовят нам Проксимианцы, когда было уже поздно.

— Все это надо доказать, — сказал Лео. — Докажи хоть что-нибудь, дай мне хоть что-нибудь существенное, чтобы пойти дальше.

— Мистер Балеро, Моника говорит правду, — вдруг произнес чемоданчик.

— Откуда ты знаешь? — спросил с досадой Лео.

— Потому что, — ответил чемоданчик, — я тоже под влиянием Проксимианцев. Вот почему я...

— ... Ничего не можешь сделать, — закончил за него Лео.

Он поставил чемоданчик на землю.

— К черту этот Чу-Зет, — сказал он им обоим, чемоданчику и девочке. — Он только все запутал. Я не понимаю, что происходит. Ты не Зоя. Ты даже не знаешь, кто ты есть. И ты — ты не доктор Смайл. Ты не вызывал Барни, и он не беседовал с Рони Фьюгет. Все это просто вызванная наркотиком галлюцинация. Это говорит мой собственный страх перед Палмером Элдричем!

Негодуя, он пошел прочь от них.

«Я понял, что происходит, — подумал он. — Таким способом Палмер стремится завладеть моим разумом. То, что они применили, когда-то называлось промыванием мозгов. Он старается меня запугать».

Он шел, не оглядываясь назад.

Это его и погубило.

Что-то — он уловил его уголок глаза — бросилось ему под ноги. Он отпрыгнул в сторону, и оно промахнулось. Тут же повернуло назад и рванулось к нему, как к добыче.

— Крысы тебя не видят! — донесся издали голос девочки.

Не разглядывая нападавшее на него существо, Лео побежал.

В том, что он видел, нельзя было винить Чу-Зет. Ибо это была уже не иллюзия, не механизм устрашения Палмера Элдрича. Глаку, который гнался за ним, не было аналогов ни на Земле, ни в земном разуме.

За Лео, бросив чемоданчик, бежала девочка.

— А как же я? — заголосил доктор Смайл.

Но никто за ним не вернулся.

— Я проработал представленные вами материалы, — сказал Феликс Блау с экрана. — И они убедили меня, что ваш хозяин, мистер Балеро, находится на искусственном спутнике Земли, официально обозначаемом Сигма-14-Б. Он принадлежит поставщикам ракетного топлива в Св.Джоргии Юта.

Он просмотрел лежавшие перед ним бумаги.

— Роборд Летан Сэйлз. Летан — традиционное название их клейма...

— О'кей, — сказал Барни Майерсон. — Я свяжусь с ними. В каком обществе находится там Лео Балеро?

— Есть еще одно обстоятельство, представляющее, возможно, некоторый интерес. Роборд Летан Сэйлз возникло в тот же день, четыре года назад, что и Чу-Зет Изготовители, Бостон. Это кажется мне большим, чем совпадение.

— А как насчет того, чтобы вызволить Лео со спутника?

— Вы могли бы накропать прошение в суд?

— Слишком долго, — сказал Барни. Его мучило глубокое, болезненное чувство ответственности за то, что случилось. Не оставляло сомнения, что Палмер Эдрич устроил встречу с корреспондентами газет специально, как предлог, чтобы выманить Лео в свое Лунное поместье. И его, ясновидца Барни Майерсона, человека, который мог предвидеть будущее, провели, как мальчишку. И он внес свою лепту в крушение Лео.

— Я могу обеспечить вас сотней людей, — сказал Феликс Блау, — из различных служб моей организации. И вы смогли бы поднять больше пятидесяти в П.П.Лайотс. Стоит попробовать захватить спутник.

— И найти его мертвым?

— И то верно. — На лице Блау появилось недовольное выражение. — Хорошо, вы могли бы пойти к Хепбёрн-Гилберту и обратиться за помощью в ООН. Или попытаться связаться с Палмером и договориться. Смотрите, если вам удастся выкупить Лео...

Барни оборвал связь. Он сразу же переключился и сказал:

— Дайте мне мистера Палмера Эдрича. Луна. Это крайне срочно. Будьте добры, поторопитесь, мисс.

Пока он ждал вызов, Рони Фьюгет отозвалась из дальнего конца комнаты:

— Кажется, у нас не будет времени заплатить Эдричу.

— Кажется, так. Слишком гладко все получается. Эдрич взвалил всю работу на плечи противника. И на нас тоже, — понял он, — Рони и меня. Возможно, он уготовил нам ту же участь. Собственно, Эдрич и в самом деле мог подготовить наш налет на спутник. Для этого он и обеспечил Лео доктором Смайлом.

— Удивляюсь, — проговорила Рони, разглаживая складки на блузке. — Мы же хотим работать на человека, который умнее. Если только это человек! Мне же становится все более и более ясно, что вернулся не Палмер Эдрич, а один из них... Думаю, это вполне приемлемо. Следующее, что мы увидим, — Чу-Зет, заполняющий рынок с санкции ООН. — Ее голос сделался твердым. — И Лео умрет или будет изгнан... — Она в ярости устала перед собой.

— Патриотизм, — сказал Барни.

— Самозащита. Я не хочу найти себя однажды утром, жующей какую-то гадость, делать то, что делаешь ты, когда жуешь Кей-Ди. Уйти — и не на Землю Парки-Пат, это точно.

Оператор видеосети проговорила:

— У меня на линии мисс Зоя Элдрич, сэр. Хотите с ней поговорить?

— О'кей, — ответил, подчиняясь неизбежному, Барни.

На него с экрана смотрела модно одетая женщина, остроглазая, с жесткими, стянутыми в пучок волосами.

— Да?

— Майерсон из П.П.Лайотс. Как бы нам получить назад Лео Балеро?

Он подождал. Ответа не было.

— Вы понимаете, о чем идет речь, не так ли? — спросил он.

— Мистер Балеро прибыл сюда в поместье, и вдруг почувствовал себя плохо, — тут же ответила она. — Он лежит в нашей больнице. Когда ему станет лучше...

— Могу я послать официального врача компании для обследования?

— Конечно, — ответила, не моргнув, Зоя Элдрич.

— Почему вы нас не оповестили?

— Это только сейчас пришло нам в голову. Сообщили отцу. Сначала думали, что это просто реакция на изменение гравитации — обычное явление для прибывающих на Луну людей. Мы не стремились создавать земную силу тяжести, как на спутнике мистера Балеро, Земле Винни-Пуха. Как вы знаете, это не так просто. — Она слегка улыбнулась. — Его доставят к вам чуть позже, сегодня вечером. А вы подозревали что-нибудь дурное?

— Подозреваю, — сказал Барни, — что Лео сейчас вовсе нет на Луне. Подозреваю, что он на земном спутнике, называемом Сигма 14-Б, который принадлежит вашей фирме. Или не так? И то, что мы найдем в больнице вашего поместья, будет совсем не Лео Балеро.

Рони взглянула на него.

— Можете сами убедиться, — твердо сказала Зоя. — Это Лео Балеро. Во всяком случае, насколько я знаю. Он прибыл сюда с газетными репортажами.

— Я приеду в поместье, — сказал Барни. И понял, что сделал ошибку. Это предсказала ему способность ясновидения. Рони Фьюгет вскочила в дальнем конце кабинета, сурово глядя перед собой. Она тоже уловила это своей способностью. Отключив видеофон, он обернулся к ней:

— «Служащий П.П.Лайотс совершает самоубийство!» Правильно? Или что-то в этом духе. Утренние газеты.

— Точнее говоря... — начала Рони.

— Мне нет дела до точных слов.

Тело человека нашли днем на пешеходном скате. Он умер от чрезмерной дозы солнечной радиации. Где-то в деловой части Нью-Йорка. На нем лежало клеймо организации Элдрича.

Будет лежать. Это он мог предвидеть и без ясновидения. С некоторых пор он не желал действовать по подсказке.

То, что так сильно взволновало его, было выхвачено со страницы газеты: крупным планом — сожженное солнцем тело, его тело.

В дверях кабинета он остановился.

- Ты не должен идти, — вымолвила Рони.
— Да. «Лео, решил он, пусть позаботится о себе сам». — Возвратившись к столу, он сел.
— Проблема теперь в том, — сказала Рони, что, если он вернется, будет довольно трудно объяснить ситуацию. Что бы ты ни сделал.
— Я знаю. Но ведь проблема не только в этом. Собственно, это будет только исходом.
— Потому что Лео, возможно, не вернется.

6

Глак впился в лодыжку и попытался выпить его. Он пронзил его плоть тонкими трубочками-хоботками. Лео Балеро вскрикнул, и вдруг рядом оказался Палмер Элдрич.

— Ты ошибся, — сказал Элдрич. — Я не нашел Бога в системе Проксимы. Но я открыл кое-что получше.

От ткнул тростью в глака. Тот отдернул свои хоботки, подобрал их и отпустил Лео. Лео помчался прочь, а Элдрич все тыкал и тыкал тростью.

— Господь, — проговорил Элдрич, — только обещал вечную жизнь. Я способен на большее. Я могу тебе ее подарить.

— Как подарить?

Ослабев и дрожа от волнения, Лео опустился на поросшую травой землю и перевел дыхание.

— С помощью лишайника, который мы продаем под названием Чу-Зет. Он мало чем отличается от вашей продукции, Лео. Кей-Ди устарел. Что он дает? Несколько мгновений спасения — и все. Ничего, кроме воображения. Кто этого захочет? Кому это нужно, когда они могут получить у меня подлинный мир?

— Сомневаюсь. И если ты воображаешь, что люди будут платить шкурки за приключения, вроде этого, — Лео указал на глака, который опять затаился поблизости, — тогда ты не только лишился своего тела, но и разума тоже.

— Особая ситуация. Чтобы доказать тебе, насколько здесь все подлинное. Глаки совершенно ясно доказали, что они не фантазия. Они могли действительно убить тебя. И если бы ты здесь умер, то так оно и было бы. А с Кей-Ди все по-другому — Элдрич явно наслаждался ситуацией. — Когда я открыл лишайник в системе Проксимы, то сначала даже не поверил. Я прожил, Лео, уже сотню лет, потому что я принимаю Чу-Зет в системе Проксимы. Я принимал его в таблетках и внутривенно. Я сжигал и втягивал в себя дым. Готовил водный раствор, кипятил его и вдыхал пары. Я испытывал и пробовал его во всех вариантах, и он мне не причинил ни малейшего вреда. Действие на Проксимианцев значительно слабее, совершенно не похожее на то, что он делает с нами. Их он возбуждает меньше, чем лучшие сорта табака. Хочешь послушать дальше?

— Не очень.

Элдрич опустился рядом, сложив свои искусственные руки на колени и стал лениво покачивать тросточкой из стороны в сторону, изучая глака.

— Когда мы вернемся в наши прежние тела, — отметить, мы пользуемся словом «прежние», термин, который не употреблялся для Кей-Ди, — ты обнаружишь, что время будто остановилось. Мы могли бы находиться здесь сотни лет, а оно оставалось бы прежним. Мы вновь возникнем в поместье на Луне и поймем, что ничего не изменилось. И любой, наблюдавший за нами, не заметил бы ни потери сознания, как при употреблении Кей-Ди, ни транса, ни оцепенения, ни подрагивания ресниц. Разорванное мгновение.

— А от чего зависит время пребывания здесь? — спросил Лео.

— Наше отношение к этому и желание. Отнюдь не количество наркотика. Мы можем вернуться, как только пожелаем. Так что доза Чу-Зет необходима только...

— Это неправда. Ведь я сразу хотел убраться отсюда.

— Но ведь, — проговорил Элдрич, — не ты создал это хозяйство, а я. И оно мое. Я сотворил и глаков, и этот пейзаж...

Он обвел вокруг тростью.

— Я создал любую дьявольскую вещь, которую ты видишь, в том числе и твое тело.

— Мое тело?

Лео осмотрел себя. Это было его настоящее, привычное тело, хорошо ему знакомое. Оно было его, а не Элдрича.

— Я пожелал, чтобы ты появился здесь точно таким же, каким был в нашем мире, — пояснил Элдрич. — Понимаешь, это свойство Чу-Зет особенно должно импонировать Хепбёрн-Гилберту. Ведь он буддист. А любой из нас, приняв Чу-Зет, может перевоплотиться в любую форму, какую только пожелает или какая ему нравится.

— Так вот почему вязалась ООН, — проговорил Лео. — Это все объясняет.

— С помощью Чу-Зет каждый может переходить от одной жизни к другой, быть клопом, учителем физики, ястребом, динозавром, липкой плесенью, проходим в Париже 1904 года...

— Даже, — прервал Лео, — глаком. Кто же из нас тогда ГЛАК?

— Я же объяснял. Я сделал его из части себя. Ты можешь принять любую форму. Пойди дальше: спроецируй частицу своей сущности, она примет собственную материализованную оболочку. Тебе требуется лишь точку воображения.

— Понимаю.

Лео сосредоточился, и тут же невдалеке возникло громоздкое сооружение из проволоки, столбов и скользких стальных поверхностей.

— Что это, к чертовой матери?

— Ловушка для глаков.

Элдрич наклонил голову набок и рассмеялся.

— Превосходно. Только знаешь, будь добр, не строй ловушек Палмеру Элдричу. Мне еще есть что сказать.

Они с Лео начали смотреть, как глак, подозрительно пригнувшись, подошел к ловушке. Наконец он вошел внутрь, и ловушка с треском захлопнулась. Глак попался, и теперь ловушка спроваживала его на тот свет: мгновенное шипение, маленькое облачко дыма, и глак исчез.

В воздухе перед Лео возникло слабое сияние, из которого выскочила черная книга. Он тут же поймал книгу, пролистал и, удовлетворенный, положил на колени.

— Что это? — спросил Элдрич.

— Библия короля Джеймса. Думаю, она мне поможет.

— Но не здесь, — проговорил Элдрич. — Это мое владение. — Он указал на библию и та исчезла. — Однако ты можешь иметь свои собственные владения и заполнять их библиями под завязку. Как и каждый, впрочем, как только мы возьмемся за дело. У нас будут выставки, конечно, но позже, когда подключим к операции Землю. И в любом случае, это будет только формальность, ритуал, чтобы облегчить и упростить переход. Кей-Ди, как и Чу-Зет, будут продаваться в открытой конкуренции, на одинаковых условиях. Мы не будем ничего требовать для Чу-Зет, чего вы не требуете для своего продукта. Мы не хотим отпугивать людей. Религия — болезненный вопрос. Все произойдет только после нескольких попыток, когда люди поймут две вещи. Первое — отсутствие разрыва во времени и второе, возможно, даже еще более важное — это фантазия, которая введет их в поистине новый мир.

— Многие видят то же самое и в Кей-Ди, — заметил Лео. — Для них это часть веры, и им кажется, что они находятся действительно на Земле.

— Фанатики, — сказал с отвращением Элдрич. — Ведь ясно же, что это иллюзия, потому что нет ни Парки-Пат, ни Вольта Эссекса. И так или иначе, но воспроизведение их воображаемой обстановки сводится к использованию в выставках ограниченного количества атрибутов. Они не могут пользоваться автоматическим сборщиком отходов в кухне, если его копия не входит в комплект выставки. И человек, не участвующий в игре, видит, что обе куклы вообще не двигаются, а стоят на месте. Видно...

— Но тебе придется попотеть, прежде чем ты сможешь убедить этих людей, — сказал Лео. — Они останутся верными Кей-Ди. Ведь пока что Парки-Пат всех удовлетворяет. Зачем бы им...

— Я объясню, — перебил его Элдрич. — Потому что превращение в удивительную Парки-Пат и Вольта только временно. В конце концов, им приходится возвращаться в свои лачуги. А ты знаешь, как это приятно, Лео? Попробуй, очнись как-нибудь в лачуге на Ганимеди после двадцати — тридцати минут свободы. Такое не забудется.

— Хм-мм.

— И кое-что еще. И ты отлично знаешь, что. Когда проходит короткий период бегства от реальности, и колонист возвращается обратно, ему

трудно продолжать прежнюю жизнь. Он деморализован. Но если вместо Кей-Ди он попробует...

Палмер замолчал. Лео не слушал его. Он создавал новую конструкцию.

В воздухе появился светящийся круг. Потом он превратился в кольцо с коротким пролетом ступеней. Дальний конец ступеней оставался невидным.

— Куда они ведут? — спросил Элдрич с раздражением.

— В Нью-Йорк-сити, — отозвался Лео. — Я отправлюсь обратно в П.П.Лайотс. — Он поднялся и направился к ступеням. — У меня предчувствие, Элдрич, что что-то здесь не так. У Чу-Зет есть какие-то свойства. А мы не хотим разобраться, пока еще не поздно.

Он начал взбираться по ступеням, вдруг вспомнил о девочке, Монике. Ему захотелось узнать, все ли с ней в порядке здесь, в мире Палмера Элдрича.

— Да, а что с ребенком? — Он приостановился. Далеко внизу он увидел Элдрича, все еще сидевшего на траве с тросточкой в руке. — Она не досталась глазам?

— Это я был маленькой девочкой, — сказал Элдрич. — Я все время старался тебе объяснить это. Вот почему я говорил о полном перевоплощении, триумфе над смертью.

Ошеломленно моргнув, Лео проговорил:

— Так вот почему она показалась мне такой знакомой...

Он запнулся и вновь взглянул вниз.

Элдрич исчез. Вместо него на траве сидела маленькая девочка Моника, с чемоданчиком — доктором Смайлом.

Вот и доказательство. Она, они, он говорили ему правду.

Лео медленно спустился по ступенькам на траву, подошел к девочке. Моника сказала:

— Я рада, что вы не ушли, мистер Балеро. Приятно поговорить с кем-нибудь таким же умным и развитым, как ты сам. — Она шмякнула чемоданчик на траву подле себя.

— Я вернулась и захватила его. Он совсем ошалел от страха.

Она кивнула на опустевшую ловушку для глаков, ожидающую следующую жертву. — Видно, вы кое-что для них придумали? Очень остроумно. Я об этом как-то не подумала. Совсем потеряла голову, прямо впала в настоящую панику.

Поколебавшись, он наконец сказал:

— Ты ведь Палмер? Там, внизу, в подсознании. Верно?

— Вспомни средневековую доктрину о сущности в воплощении, — сказал ребенок. — Мое воплощение — этот ребенок, но моя суть, как вино и вода в транссубстанции...

— О'кей, — прервал Лео. — Ты Элдрич. Я верю. Но мне все же не нравится это место. Глаки...

— Не вини в них Чу-Зет, — сказал ребенок. — Вини меня. Они — продукт моих мыслей, моего разума, но уж никак не лишайника. Думаешь,

каждый созданный мир должен быть приятным? Лично мне глаки нравятся, что-то в них есть...

— Кажется, мне захотелось создать собственный мир, — сказал Лео. — Правда, может, во мне тоже есть зло, какой-нибудь темный уголок личности, о котором я даже и не подозреваю. Тогда он может заставить меня породить создания, еще более ужасные, чем те, которые принес сюда ты. Все же в выставке Парки-Пат все ограничено тем, что приготовлено заранее, — соглашаясь с Элдричем, заметил Лео. — И там было совершенно безопасно.

— Тем не менее это всегда можно уничтожить, — сказал равнодушно ребенок. — Если вдруг не понравится. А если понравится, — девочка пожалала плечами, — оставить. А почему бы нет? Кто помешает? Ты сам себе хозяин...

Она осеклась, зажав рукой рот.

— Сам себе... — проговорил Лео. — Ты думаешь, каждый человек уходит в свой субъективный мир? В выставке по-другому. Там каждый из группы, приняв Кей-Ди, переносится в экспозицию. Мужчины перевоплощаются в Вольта, женщины — в Парки-Пат. Но тогда, значит, тебя здесь нет? Или меня. Но в этом случае...

Ребенок внимательно следил за ним, оценивая его реакцию.

— Мы не принимали Чу-Зет, — проговорил спокойно Лео. — Это искусственно вызванное псевдоокружение. Мы все еще на Луне, в твоём поместье. Чу-Зет не создает никакого нового мира, и ты это знаешь. Здесь нет ни грамма перевоплощения. Просто пыль в глаза.

Ребенок молчал. Но не сводил с него глаз, глаз холодных и ярких.

— Ну, Палмер, что же такое в действительно создает Чу-Зет?

— Я объяснил тебе, — голос ребенка стал резким.

— Но все это такая же иллюзия, как и Парки-Пат. Что же касается реальности переживания, то и этот вопрос остается открытым. Очевидно, спорить здесь бесполезно. Одно ясно сразу: наркотик совершенно новый.

— Нет, — проговорил ребенок. — И лучше поверь мне. Иначе ты бы не хотел выйти из этого мира живым.

— Ладно. Я возвращаюсь в П.П.Лайотс.

Он опять направился к ступенькам.

— Иди-иди. Карабайся, — сказал за его спиной ребенок. — Уж я позабочусь. Посмотрим, где тебя прихватит.

Лео вскарабкался по ступенькам и пролез сквозь сверкающий обруч.

На него обрушился горячий солнечный свет. Он рванул с открытой улицы под ближайший козырек подъезда.

С необъятно высокого небоскреба к нему рванулось такси.

— Поедем, сэр. Входите скорее, уже полдень.

Задыхающийся, почти неспособный дышать, Лео вымолвил:

— Да, благодарю. В П.П.Лайотс.

Шатаясь, он влез в такси и сразу же погрузился в прохладу, создаваемую антитермальными экранами.

Такси взлетело. Через несколько минут оно опустилось на защитное поле центрального корпуса компании.

Едва войдя в приемную, Лео сказал мисс Глеасон:

— Возьмитесь за Майерсона. Узнайте, почему он ничего не сделал для моего спасения.

— Спасения? — оцепенела мисс Глеасон. — В чем дело, мистер Балеро? — она прошла вслед за ним во внутренние покои. — Где вы были и что...

— Найдите Майерсона.

Он уселся за свой привычный и родной стол, облегченно вздохнул. «К черту Палмера Элдрича», — подумал он и полез в стол за своей любимой английской трубкой и табакеркой.

Он разжег трубку, когда дверь отворилась и появился Барни Майерсон, всклокоченный и прибитый.

— Ну, — сказал Лео, энергично раскуривая трубку.

— Я... — начал было Барни, потом обернулся к мисс Фьюгет, шедшей за ним, вновь посмотрел на Лео. — Но так или иначе, а вы вернулись.

— Конечно. Я вернулся. Я протянул сюда лестницу. Можете ответить, почему вы до сих пор ничего не сделали? И я думаю... Нет, впрочем, как вы сами сказали, это не понадобится. Теперь я понял, в чем сущность нового Чу-Зет. Он явно уступает Кей-Ди. Я утверждаю это совершенно уверенно. Можете не сомневаться. Обыкновенные галлюцинации. А теперь перейдем к делу. Элдрич заверил ООН, что Чу-Зет порождает подлинное перевоплощение. Это на руку более чем половине основных членов Генеральной Ассамблеи, если учесть их религиозные убеждения. Да плюс еще индийская вонючка Хепбёрн-Гилберт собственной персоной. Но это чистейший обман. Чу-Зет сделать этого не может. Но хуже всего в Чу-Зет — его разъединяющие свойства. От Кей-Ди переживания становятся общими, едиными для всех жителей Лачуги... — Он раздраженно смолк. — Что случилось, мисс Фьюгет? На что вы так уставились?

— Простите, мистер Балеро, — пробормотала мисс Фьюгет. — Но под вашим столом кто-то сидит.

Нагнувшись, Лео заглянул под стол.

Существо втиснулось между нижним краем стола и полом. Зеленые глаза, не мигая, смотрели на него в упор.

— Убирайся отсюда! — гаркнул Лео. И бросил Барни: — Принесите палку или метлу. Что-нибудь такое, чем бы ткнуть в него.

Барни выскочил из кабинета.

— Черт его побери, мисс Фьюгет, — проговорил Лео, затягиваясь трубкой.

Страшно подумать, что там. И что оно означает?

Скорее всего это значило, что Элдрич — с маленькой девочкой Моникой — был прав, когда она сказала: «Уж я позабочусь. Посмотрим, где тебя прихватит».

Существо выскочило из-под стола, бросилось к двери, подлезло под нее

и исчезло. Оно было даже хуже глака. Чтобы понять это, хватило одного взгляда.

— Ну, коли так, — вздохнул Лео, — простите меня, мисс Фьюгет. Вы можете возвратиться в свой кабинет. Мы так и не решили, что предпримем против Чу-Зет на мировом рынке. Потому что я не успел никому ничего сказать, а только сижу здесь и болтаю попусту.

Он почувствовал усталость. Элдрич, что называется, достал его. И действительно — или, в конце концов, только кажется, что действительно — продемонстрировал силу Чу-Зет. Появление дьявольского существа, созданного Палмером Элдричем, унесло плену прочь. Глаза открылись.

«Черт, — подумал Лео, — я, кажется, расклеился».

— Мисс Фьюгет, — сказал он. — Будьте так добры, не стойте, возвращайтесь в свой кабинет.

Он поднялся, прошел к холодильнику и налил себе бумажный стаканчик минеральной воды. «Проглотить нереальную воду нереальным телом? — сказал он про себя. — Перед нереальным работником».

— Мисс Фьюгет, — проговорил он, — вы действительно любовница мистера Майерсона?

— Да, мистер Балеро, — кивнула мисс Фьюгет. — Я вам уже говорила.

— И вы не хотите быть моей? — Он покачал головой. — Потому что я слишком стар и развит. Вы, наверное, слышали, что у меня в этом мире неограниченные возможности? Я мог бы изменить тело или сделать себя моложе.

«Или, — подумал он, — сделать тебя старше. Как бы тебе это понравилось?»

Он выпил воду и бросил стаканчик в утилизатор. Не глядя на мисс Фьюгет, он мысленно произнес: «Вы — моего возраста, мисс Фьюгет. Или даже старше. Пусть вам теперь будет девяносто два. В этом мире, конечно. Вы состарились... Время перенесет вас на годы вперед, потому что вы меня одурачили, а я не люблю оставаться в дураках. Собственно, пусть вам будет даже больше ста. Увядающее, иссохшее, беззубое и слепое существо...

Он услышал за собой сухое, режущее слух дыхание и дрожащий пронзительный голос, словно крик раненной птицы:

— О, мистер Балеро.

«Я перемену свое решение, — подумал Лео. — Вы останетесь такой, какой были. Я верну все назад. Ладно?»

Он обернулся и увидел Рони Фьюгет или то, что стало вместо нее. Паутина спутанных, заплесневелых нитей, скрученных одна с другой в виде хрупкой колонны... Лицо с впалыми щеками, с мертвыми глазами, похожими на два пятна блеклой, липкой грязи, слезящимися клейкими, медленно падающими каплями. Глазами, тщетно взывавшими к состраданию, ибо его уже, казалось, неоткуда было ждать.

— Пусть все будет по-прежнему, — сказал он резко и закрыл глаза. — Скажите, когда все кончится.

Шаги. Шаги человека. В кабинет возвращался Барни Майерсон.

— Господи, — застыв, вымолвил он.

— Разве она все еще не вернулась? — спросил Лео, не открывая глаз.

— Она? А где... Рони? Что с ней?

Рони не было. Даже в ее новом проявлении. Осталось месиво, лужа, но не воды. Лужа казалась живой, в ней плавали какие-то острые серые осколки.

Плотное, сочащееся вещество лужи начало растекаться, потом вдруг вздрогнуло и втянулось обратно в центр, где осколки твердого серого вещества соединились, превратились в неправильной формы сферу со спутанными, свалывшимися прядями волос на макушке. Пустые глазные впадины стали резче. Возникал череп, но кого?

Неосознанное пожелание Лео испытать эволюцию на собственной шкуре, испытать в самом отвратительном аспекте — вызвало к жизни это чудовище.

Челюсти щелкнули, открылись и запрыгали, точно перекусывая невидимую проволоку. Потом, плавая туда-сюда в жидкой хляби, они провакали:

— Вот видите, мистер Балеро, она не проживет так долго. Вы просто об этом забыли. — А без сомнения, это был голос не Рони Фьюгет, а Моника. — Вы перекинули ее лет на сто, а она проживет семьдесят. И как вы пожелали, те тридцать лет, которые она должна была быть мертвой, она оставалась живой. И даже хуже...

Беззубая челюсть дернулась, и на него уставились черные провалы глаз. — Она продолжала изменяться, эволюционировать. Но не в жизни, а там, в земле. Череп загнулся, потом развалился на составные части. Части поплыли в стороны, и всякое подобие организации исчезло.

— Уведи нас отсюда, Лео! — взмолился Барни.

— Эй, Палмер, — крикнул Лео. Его голос сорвался и от страха казался детским. — Эй, слышишь? Я сдаюсь! По-настоящему.

Ковер под ногами Лео начал гнить, стал кочковатым, пророс, поднялся, ожил, превратился в зеленые волокна, и он увидел, что ковер становится травой. А потом стены и потолок опали, рассыпались в прах, и частицы этого праха тихо хлынули вниз, точно пепел. Над головой возникло голубое, холодное небо.

Сидя на траве с тросточкой на коленях и чемоданчиком доктором Смайлом рядом, Моника проговорила:

— Ты хочешь, чтобы мистер Майерсон остался? По-моему, нет. Я решила ему исчезнуть вместе с остатками созданных тобой декораций. Сойдет?

Она улынулась, глядя на Лео.

— О'кей, — придушенно согласился он.

Оглядевшись, он увидел только зеленую равнину. Даже прах от П.П.Лайотс — здания и населявших его людей — исчез. За исключением тонкого слоя, оставшегося на руках и одежде Лео. Инстинктивно он стянул и его.

— Из праха ты вышел, человек, в прах и вернешься, — проговорила Мони́ка.

— Отлично, — сказал он громко. — Я готов. Нашла чем поразить. Пусть это нереально, ну и что из этого? Думаю, ты сделал свое дело, Элдрич. Ты можешь творить здесь все, что хочешь, а я ничего. Я только фантом.

Он почувствовал к Палмеру Элдричу лютую ненависть и решил: если он когда-нибудь все-таки выберется отсюда, если сможет от него убежать...

Он не успел додумать. Девочка пристально и холодно смотрела на Лео.

— У тебя даже не хватает слов. У тебя действительно их нет, потому что я не хочу тебе позволить... Я даже не хочу говорить, что сделаю, если ты продолжишь. Но ведь ты знаешь меня, не так ли?

— Так! — сказал Лео.

Он отошел на несколько шагов, достал носовой платок и отер пот с верхней губы и шеи, со впадины под яблочком, которую так трудно было брить по утрам. «Господи, — подумал он, — помоги мне! Прошу тебя! И если Ты не отвернешься и совершишь чудо, если Ты сможешь проникнуть в этот мир, я сделаю все, что Ты пожелаешь. Я ничего теперь не боюсь. Я просто здорово болен. Это убивает мое тело, даже если это только эктоплазменное, фантомного типа тело».

Предчувствие оправдалось. Он был болен. Его вырвало в траву. Через некоторое время — оно показалось ему очень долгим — он почувствовал себя лучше. Он смог повернуться и медленно потащился назад к сидевшему рядом с чемоданчиком ребенку.

— Давайте договоримся, — сказал спокойно ребенок. — Мы добиваемся только белковых контактов между моей компанией и вашей. Нам необходима ваша великолепная сеть спутников, ваша транспортная система межпланетных кораблей последней модели, и ваши бог знает какие обширные плантации на Венере. Мы хотим все. Мы будем выращивать лишайники там, где вы сейчас выращиваете Кей-Ди. Перевозить его на тех же кораблях, торговать с колонистами через тех же натасканных и опытных толкачей, рекламировать товар через профессионалов, подобных Алану и Карлотти Фэйн. Кей-Ди и Чу-Зет не станут конкурентами, потому что будет только один продукт — Чу-Зет. А вы объявите о своем уходе. Понимаете, Лео?

— Конечно. — Промолвил Лео. — Я слушал внимательно.

— Вы так и сделаете.

— О'кей, — сказал Лео. И бросился на ребенка.

Его руки сомкнулись вокруг ее шеи, и он сжал ее. Девочка сурово уставилась на него. Ее рот безмолвно скривился. Она даже не пыталась сопротивляться, царапаться или отталкиваться. Он продолжал сжимать, и так долго сжимал, что казалось, будто если его хватка станет крепче, то руки застынут на ее шее навсегда.

Когда он отступил, девочка была мертва. Ее тело осело, затем

согнулось и покатилося на бок. Ни крови, ни следа борьбы. Только ее рот стал черным, иссеченным.

Лео задумался: «Ладно, а что делать дальше? Если он — она или что бы это ни было — умерла, стоит ли волноваться?»

Но нереальный мир вокруг оставался. Он думал, что мир этот исчезнет, когда уйдет ее — Элдрича — жизнь.

Он стоял как вкопанный, не двигаясь ни на дюйм, вдыхая запах воздуха, вслушиваясь в шелест ветра. Ничего не изменилось, за исключением того, что девочка умерла. Почему? Невероятно, но случилось что-то ужасное.

Наклонившись, он включил доктора Смайла.

— Объясни, — попросил он.

Доктор Смайл услужливо провозгласил:

— Здесь он мертв, мистер Балеро. Но в комнате на Луне...

— Ладно, — оборвал Лео. — Хорошо. Тогда объясни, как выбраться из этого места. Что сделать, чтобы вернуться на Луну, к... — Он махнул рукой. — Ты понял, что я имею в виду. И как можно скорее.

— В данный момент, — объяснил доктор Смайл, — Палмер Элдрич, хотя и здорово рассержен, вводит тебе внутривенно вещество, которое служит противоядием Чу-Зет. Ты скоро вернешься. — Потом добавил: — Это будет скоро, почти мгновенно. Конечно, с позиции времени того мира. А для этого... — Он шелкнул. — Для этого чуть дольше.

— Как, чуть дольше?

— О, несколько лет, — проговорил доктор Смайл. — Но вполне возможно, что меньше. Дни? Месяцы? Чувство времени субъективно. Вот и посмотрим, как чувствуешь его ты. Не сердись.

Сев у трупа ребенка, Лео вздохнул, опустил голову и приготовился ждать.

— Составлю вам компанию, — сказал доктор Смайл. — Если смогу. Боюсь только, что без живого присутствия мистера Элдрича, — его голос, как почувствовал Лео, стал слабым, словно медленно сходил на нет, — ничто не сможет спасти этот мир. Только мистер Элдрич. Так что, я боюсь...

Голос исчез совсем.

Наступила полная тишина. Умолк даже далекий ветер.

«Сколько же?... — спросил себя Лео. И вдруг подумал: — А почему бы не создать что-нибудь, как прежде».

Взмахнув рукой на манер дирижера симфонического оркестра, он поставился представить перед собой в воздухе реактивное такси.

Появился какой-то тусклый контур. Зыбкий, бесцветный, почти прозрачный. Лео поднялся, подошел к нему поближе и попробовал еще раз, изо всех сил, представить себе такси. На мгновение, казалось, получились цвет и форма, но потом вдруг все задрожало, будто повисшая сброшенная хитиновая оболочка, и взорвалось. «Такси», в лучшем случае двухмерное, разлетелось, рассыпалось на мелкие куски. Лео повернулся к ним спиной

и с отвращением пошел прочь. «Вот напасть», — сказал он мрачно самому себе.

Он продолжал бесцельно идти вперед, пока не пришел, как-то разом, к чему-то лежащему в траве, чему-то мертвому. «Вот оно, — подумал Лео. — Последнее свидетельство того, что я сделал».

Он ударил мертвого глака носком туфли. Носок прошел сквозь него совершенно свободно, и Лео с отвращением отпрянул назад.

Засунув руки поглубже в карманы, он закрыл глаза и еще раз помолился, но как-то смутно. Было просто желание, потом оно стало четче и яснее.

«Я должен победить Элдрича в настоящем мире, — сказал Лео себе. — Не только здесь, но чтобы об этом кричали все газеты. И не для себя, не для П.П.Лайотс и торговли Кей-Ди. А для каждого в Солнечной Системе. Потому что Палмер Элдрич — захватчик. И мы можем кончить точно так же, как те умирающие на равнине вещи. Они становятся ничем, просто грудой осколков. Вот оно, то «перевоплощение», которое Элдрич обещал Хепбёрн-Гилберту».

Лео побродил еще некоторое время, а потом медленно повернулся к тому месту, где остался чемоданчик доктор Смайл.

Кто-то склонился над чемоданчиком. Человек или квази-человек.

Увидев Лео, он выпрямился, сверкнула лысая голова. «Человек» удивленно уставился на Лео. А потом отпрыгнул в сторону и умчался прочь.

Проксимианец.

Лео показалось, что он видит, как это было.

Палмер Элдрич населил свой мир подобными существами и сам так с ними запутался, что возвратился в родную систему. И этот, которого только что увидел Лео, умел проникать в самую суть человеческого разума. Да так, что и сам Палмер Элдрич не подозревал, чем он населил свое воображенное хозяйство.

Возможно он, Лео, встретился сейчас с Проксимианцем.

Он поплелся в том направлении, куда умчался некто. Казалось, несколько часов он не видел перед собой ничего примечательного. Только трава под ногами и линия горизонта. Потом, наконец, впереди показалась какая-то тень. Лео направился к ней и сразу оказался около звездолета. Он остановился как вкопанный и в изумлении уставился на звездолет. Судя по всему, это был не земной и не проксимианский корабль.

Скорее всего, он вообще не был из чьей-то системы... Об этом можно было судить хотя бы по виду двух существ, шатавшихся поблизости: не Проксимианцы и не земляне. Он еще никогда не видел таких жизненных форм. Рослые, стройные, с тонкими конечностями и фантастическими, яйцеподобными головами, они даже на таком расстоянии казались удивительно изящными. «Развитая раса, — решил Лео, — и находится ближе к землям, чем к Проксимианцам».

Он пошел к ним, подняв в приветствии руки.

Увидев его, одно из существ повернулось, разинуло рот и толкнуло локтем своего напарника. Оба уставились на него. Потом один проговорил:

— Бог мой, Алек. Это одна из старых форм. Знаешь? Человекоподобных.

— Да-а, пожалуй... — согласилось другое создание.

— Подождите, — сказал Лео Балеро. — Вы говорите на языке Земли — на английском двадцать первого века. Так вы, видно, видели землян прежде?

— Землян? — переспросил тот, которого звали Алек. — Мы — земляне. А кто, черт побери, вы? Один из тех уродцев, что вымерли несколько столетий назад? Да? Ну пусть не несколько столетий, но все равно очень давно.

— На Луне, наверное, еще остался их заповедник, — сказал первый. И, обратившись к Лео, добавил: — Сколько с тобой людей? Пойдем, пойдем, приятель. Мы не сделаем тебе ничего плохого. А женщины? Вы способны к воспроизводству?

— Может быть, только кажется, что столетия. Ты не помнишь, что мы эволюционировали в разрыве сотни тысяч лет. Если это не из-за Денкмалы, то подобные люди все же должны существовать...

— Денкмаль, — проговорил Лео. — Значит, это конечный результат Э-терапии Денкмалы? Значит, это произойдет очень скоро? Возможно, через несколько десятилетий?

Как и они, Лео ощутил бездну в миллионы лет, и, однако, это была только иллюзия. Когда он окончит Э-терапию, то будет походить на них. За исключением хитинового панциря, который был первым признаком появления нового вида.

— Я лягу в клинику, — сказал он им. — Еще на неделю. В Мюнхене. Я развиваюсь. И пока успешно.

Он подошел к ним поближе и стал внимательно рассматривать их.

— А где же панцирь, — спросил он, — защищающий вас от солнца?

— Жаркий период давно прошел, — сказал Ален. — Это все ваши Проксимианцы, работающие рука об руку с одним ренегатом. Помните его имя? Или, может быть, забыли?

— Палмер Элдрич, — вымолвил Лео.

— Да, — кивнул Алек.

— Но мы его взяли. Прямо здесь, на этой Луне. Теперь здесь место паломничества. Не для нас. Для Проксимианцев. И они ползут сюда для поклонения. Не видел, случайно, кого-нибудь? Нам полагается арестовать любого, кого обнаружим. Это территория Солнечной Системы, принадлежащая ООН.

— А к какой планете относится эта Луна? — спросил Лео.

Двое эволюционированных землян переглянулись.

— К Земле, — сказал Алек. — Она искусственная. Называется Сигма 14-Б. Построена много лет назад. Разве ее не было в твоё время? Она очень, очень старая.

— Наверное, — сказал Лео. — Значит, вы можете отправить меня на Землю.

— Конечно. Собственно, мы улетаем через полчаса. Мы возьмем тебя и остатки твоего племени. Скажи только, где они.

— Я один, — сказал раздраженно Лео. — И мы с вами одного племени. Мы не из доисторических времен.

Он удивился, как это ему удалось оказаться в будущем. Или это тоже иллюзия, созданная мастером галлюцинаций Палмером Элдричем? С какой стати верить этим существам больше, чем ребенку, Монике, глазам или искусственному П.П.Лайотс, который он посетил — посетил и встретил смерть. Просто Палмер Элдрич так представляет будущее. Это еще одно проявление его великолепного творческого разума. Упражняется, пока ждет в своем поместье на Луне конца действия Чу-Зет. И не больше.

...Собственно, даже сейчас Лео видел слабую линию горизонта, просвечивающую через корабль. Звездолет казался полупрозрачным. И оба эволюционировавших землянина были такими же.

Лео протянул руку к одному из землян.

— Я хотел бы пожать вам руку, — сказал он.

Алек с улыбкой подал свою.

Рука Лео прошла через его руку и появилась с другой стороны.

— Эй, — сказал Алек, нахмурившись. Он принялся рассматривать свою суставчатую руку. — Что за напасть?

Он обернулся в сторону своего компаньона:

— Этот малый не настоящий. Как это мы не догадались сразу. Он — как это они себя называли? Ну, помнишь, по названию дьявольского наркотика, который Элдрич привез из системы Проксимы. — Чужер. Вот как. Он призрак.

Компаньон Алека взглянул на Лео.

— Я... — тихо сказал Лео, и вдруг понял, что Алек прав. Его настоящее тело было на Луне. Здесь он нереален.

Но откуда взялись эти двое землян? Возможно, они не были порождением озабоченного мозга Элдрича, возможно, они тут по-настоящему.

Между тем тот, кого звали Алеком, продолжал пристально смотреть на Лео.

— Знаешь, — сказал он своему компаньону, — этот чужер кого-то мне напоминает. Я видел его в газете. Точно. — Его взгляд стал неприязненным. — Как твое имя, чужер?

— Я Лео Балеро, — сказал Лео.

Оба землянина подпрыгнули от изумления.

— Ох, — воскликнул Алек, — не удивительно, что я сразу его узнал. Это тот парень, который убил Палмера Элдрича!

И, обратившись к Лео, сказал:

— Ты приятель, герой. Держу пари, ты даже этого не знаешь, потому что ты явный чужер. Верно? И ты вернулся сюда посетить это историческое место, потому что оно...

— Он не вернулся, — прервал его напарник. — Он из прошлого.

— Он вполне мог вернуться, — возразил Алек. — Это для него как бы второе пришествие. После своего времени.

Потом он обратился к Лео:

— Ты возвратился, потому что это место ассоциируется для тебя со смертью Палмера Элдрича? Пойду, сообщу в газеты. Может, они еще застанут вас. Как-никак, гость Сигмы 14-Б. — Он взмахнул рукой. — Теперь сюда, действительно, повалят туристы. Но будь начеку: может быть, дух Элдрича, его чужер, заявится сюда тоже. Чтобы забрать тебя обратно.

«А это, — подумал Лео, — вряд ли будет особенно приятно».

— Элдрич уже пробовал, — сказал он Алеку.

Алек остановился, затем медленно вернулся назад.

— Пробовал? — он неверно огляделся вокруг. — Где он? Далеко отсюда?

— Он умер, — сказал Лео. — Я убил его. Задушил.

Он не почувствовал ничего, ни сожаления, ни радости. И вообще, как он мог гордиться тем, что убил живое существо, тем более ребенка?

— Они хотели переделать все, через вечность, — пораженно проговорил Алек, широко раскрыв глаза. Он покачал своей огромной яйцеобразной головой.

— Я не собирался ничего переделывать, — сказал Лео. — Это случилось впервые, и вообще не в действительности. — Он поразмышлял. — Наверное, это еще впереди.

— Ты думаешь, — протянул Алек, — что...

— Я только собираюсь это сделать, — проскрежетал Лео. — Но один из моих консультантов-ясновидцев сказал, что это может и не случиться. При определенных условиях.

Смерть Элдрича не была неизбежной. Он никогда не забывал об этом. Элдрич знал об этом тоже. Только этим можно было бы объяснить его сегодняшние усилия. Он старался — или, во всяком случае, надеялся — избежать собственной смерти.

— Пойдем, — позвал Алек Лео, — посмотрим на мемориальную доску. Он и его напарник пошли, показывая дорогу. Лео неохотно последовал за ними.

— Проксимианцы, — бросил через плечо Алек, — каждый раз пытаются ее... Ты понял? Очистить.

— Украсть, — поправил напарник.

— Да, — сказал, кивнув, Лео. — Но так или иначе, а она здесь.

Перед ними возвышалась имитация — но очень тонкая — гранитной плиты. На ней на уровне глаз была привинчена медная табличка:

В ЧЕСТЬ ТОГО, ЧТО В 2010 Г.

ВБЛИЗИ ЭТОГО МЕСТА ВРАГ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

ПАЛМЕР ЭЛДРИЧ БЫЛ УБИТ В ЧЕСТНОМ БОЮ

ГЕРОЕМ НАШЕЙ ДЕВЯТОЙ ПЛАНЕТЫ ЛЕО БАЛЕРО

С ЗЕМЛИ.

— Вот те на! — воскликнул Лео. Он прочитал еще раз. И еще. — Интересно, видел ли ее Палмер?

— Если он чужер, — проговорил Алек, — то возможно. Подлинную форму, производную Чу-Зет, его создатель, Элдрич, назвал «обертонами времени». Это то, что ты сейчас. Ты попал в участок времени после своей смерти. Как бы то ни было, я думаю, ты сейчас мертв.

Он обратился к своему напарнику.

— Лео Балеро сейчас мертв, ведь так?

— Ах, дьявол, наверное, — сказал второй землянин. — Умер, пожалуй, за несколько десятилетий.

— Собственно, помнится, я где-то читал, — начал было Алек, но запнулся, глядя мимо Лео. Он толкнул своего товарища. Лео обернулся посмотреть, что там стряслось.

Он увидел тощего поджарого угловатого пса.

— Твой? — спросил Алек.

— Нет, — ответил Лео.

— Кажется, этот пес — чужер, — сказал Алек. — Посмотрим, можно ли что-нибудь увидеть сквозь него.

Втроем они уставились на приближающуюся собаку. Она прошла мимо и направилась к постаменту.

Подняв бульжник, Алек запустил им в собаку. Бульжник пролетел сквозь нее и приземлился где-то позади в траве. Пес был чужером.

Собака остановилась у постамент, устремила взгляд на табличку и вдруг... подняла заднюю ногу.

— Надругательство! — вскричал Алек и покраснел как рак. Он кинулся за собакой, собираясь ее ударить, потом выхватил из кобуры лазерный пистолет, но от волнения замешкался.

— Богохульство, — поправил его товарищ.

— Это Палмер Элдрич, — сказал Лео. — Он продемонстрировал свое презрение к постаменту, отсутствие страха и перед будущим. Видно, там нет ему места.

Пес лениво заковылял прочь. Двое землян из будущего, застыв, следили, как он уходил.

— Вы уверены, что это не ваш пес? — подозрительно спросил Алек. — Насколько я могу судить, вы такой же чужер.

Он уставился на Лео.

Лео начал объяснять, что с ним случилось. Было очень важно, чтобы они поняли. И вдруг оба землянина пропали, а вместе с ними исчезли и травяная равнина, постамент, убегающий прочь пес. Будто отключили механизмы их проецирования, стабилизации и коррекции. Перед Лео простиралось только пустынное белое пространство.

Потом он оказался в пустой комнате Лунного поместья Палмера Элдрича, перед столом с электронным устройством.

Устройство, или как его там еще, проговорило:

— Да, я видел постамент. Он существует в будущем на 45 процентов.

Чуть меньше равной вероятности. Так что я не особо волнуюсь. Хотите сигарету?

И опять машина протянула Лео зажженную сигарету.

— Нет, — отозвался Лео.

— Я дам тебе уйти, — проговорил механизм. — Отпущу на двадцать четыре часа. Можешь возвращаться в свой маленький офис в затхлой компании на Земле. Я хочу, чтобы ты оценил ситуацию. Теперь ты видел Чужет во всей красе. Понял, что твой допотопный Кей-Ди даже отдаленно не сможет с ним сравниться? А отсюда...

— Барыга... — выдавил Лео. — Все равно Кей-Ди лучше.

— Ладно, подумай еще, — доверительно посоветовало электронное устройство.

— Отлично, — сказал Лео. Он задохнулся. Неужели он действительно был на искусственном спутнике Земли Сигма 14-Б? Придется Феликсу Блау потрудиться, чтобы эксперты смогли бы выследить этот спутник. Но сейчас не стоит особо тревожиться. Насущные проблемы и так достаточно серьезны. Он все еще не ушел из-под контроля Палмера Элдрича. Он сможет бежать только тогда, когда Элдрич соизволит его освободить. Это была неоспоримая часть действительности, перед которой он оказался.

— Хочу заметить, — сказал механизм, — что я очень благодарен тебе, Лео. Я мог бы предложить... ладно, скажем, дать тебе время на размышления этак в твою короткую жизнь. Потому что твое решение повлечет за собой очень серьезные последствия.

— Я же сказал, подумаю, — ответил Лео.

Он почувствовал возбуждение, будто выпил много чашек кофе. Ему хотелось бежать отсюда и как можно скорее. Он толкнул дверь комнаты и выскочил в коридор.

Электронное устройство сказала ему вслед:

— Если ты ко мне не присоединишься, я ждать не буду. Я тебя убью. Я должен позаботиться о своей безопасности, понимаешь?

— Понимаю, — ответил Лео и захлопнул за собой дверь.

«И я тоже, — подумал он, — должен тебя убить. Но я сделаю это не только во имя собственной безопасности, а во имя всей Солнечной Системы. К примеру, ради тех двух эволюционировавших земных солдат, которых я встретил у постаментов. Хотя бы ради них. Ведь должны же они что-то охранять».

Он медленно пошел по коридору. В дальнем конце его стояла группа репортеров. Они еще даже не успели получить свои интервью — так мало прошло времени. Значит, с этой точки зрения Палмер оказался прав.

Присоединившись к репортерам, Лео расслабился. Он почувствовал себя значительно лучше. Может быть, теперь следовало уйти совсем? Может быть, Палмер Элдрич действительно решил его отпустить? Он будет жить, чувствовать, видеть, есть и пить в этом мире и дальше?

Но подсознание его знало лучше. Элдрич не позволит ему уйти. Один из них должен быть уничтожен.

Лео надеялся, что это будет не он. Но его не оставляло ужасное предчувствие, что вопреки монументу все вполне может произойти наоборот.

7

Дверь в кабинет Барни Майерсона рывком отворилась и впустила Лео Балеро, замызганного, сгорбленного от усталости.

— Ты даже не пытался мне помочь.

— Да, — после некоторого замешательства ответил Барни.

Он даже не старался объяснить, почему. И не потому, что Лео откажется понимать или верить, а по сути самой причины. Она была неуважительной.

— Вы погорели, Майерсон, — сказал Лео.

«Ладно, — подумал Барни, — главное, что я жив. И если я раньше не пошел за Лео, то не сделаю этого и сейчас».

Он стал двумя пальцами собирать свои вещи со стола и запихивать их в пустой чемоданчик.

— Где мисс Фьюгет? — спросил Лео. — Она займет ваше место.

Он подошел к Барни и пристально посмотрел ему в глаза.

— Почему ты не пришел и не отыскал меня? Назови хоть какую-нибудь причину, Барни.

— Я смотрел в будущее. Это стоило бы мне слишком многого. Моей жизни.

— Но ты же мог не приходить лично. У нас большая компания, и было бы достаточно призвать часть людей, а самому остаться в тени. Верно?

Верно. Он об этом просто не подумал.

— Так, — сказал Лео, — значит, ты хотел, чтобы со мной случилось несчастье. Других объяснений быть не может. Наверное, это произошло неумышленно. Так?

— Думаю, что так, — признал Барни.

Собственно, он сам не сознавал этого. Но Лео был прав. Почему он не взял на себя ответственность, не вооружил часть людей, как предлагал Феликс Блау? Почему не направил их на Луну? Ведь сейчас это казалось таким очевидным. Так просто было бы это предвидеть.

— В поместье Палмера Элдрича, — проговорил Лео, — я выдержал тяжкое испытание. Он дьявольский волшебник, Барни. Он проделывал со мной удивительные вещи. Ни мне, ни тебе такое даже не снилось. Превратился, например, в маленькую девочку. Показал мне, пусть неумышленно, будущее. Создал целый мир, начиная от ужасного чудовища — глака до иллюзорного Нью-Йорка с тобой и Рони.

Он покачал головой.

— Вот напасть. И куда же ты теперь пойдешь?

— Осталось только одно место, куда я могу пойти.

— Куда же? — уже предчувствуя, взглянул на него Лео.

— Существует только один человек, который мог бы использовать мой талант предсказателя мод.

— Тогда ты мой враг!

— С этой минуты.

И ему захотелось честно встретить приговор Лео.

— Ну смотри, потом я возьмусь и за тебя тоже, — проговорил Лео, — за тебя и этого мерзавца, этого так называемого Палмера Элдрича.

— Почему «так называемого»? — вскинул на него глаза Барни и прекратил сборы.

— Потому что я убежден: он не человек. Мне не довелось ни разу увидеть его, за исключением того времени, когда я находился под влиянием Чу-Зет. В остальных случаях он разговаривал со мной через электронное устройство.

— Интересно, — проговорил Барни.

— Да, не правда ли? И ты до того продался, что пойдешь в его компанию искать работу. Даже если на самом деле он переодетый Проксимианец. Или кто-то еще похуже, какое-то дьявольское отродье, прорвавшееся в его корабль, когда тот прилетел, улетел или был в глубоком космосе. Отродье, сожравшее его и занявшее его место. Если бы ты видел глака...

— Ко всем чертям, — сказал Барни. — Не заставляй меня делать это. Оставь тут.

— Не могу. Ты слишком явно продемонстрировал свою нелояльность. — Лео отвел глаза и тихо откашлялся. — Я не хотел бы быть с тобой таким суровым и непоколебимым, но... — Он горестно щелкнул пальцами. — Это отвратительно, как виртуозно он меня положил на лопатки, разорил. А потом я бежал к двум эволюционировавшим землянам из будущего. И это помогло. И все шло отлично, пока не появился Элдрич в виде собаки, которая помочилась на постамент.

Лео скорчил гримасу:

— Признаюсь, поза его была весьма экстравагантна. Этакое абсолютное презрение. — И добавил как бы самому себе: — Уверенность, что он непобедим, что он ничего не боится, даже зная содержание мемориальной надписи.

— Пожелай мне удачи, — сказал Барни и протянул Лео руку. Они обменялись крепким рукопожатием. Потом Барни вышел из кабинета и мимо стола секретарши прошел в центральный коридор. Он чувствовал лишь заполнившую его пустоту, какую-то безотчетную ненужность.

Стоя у лифта, он увидел Рони Фьюгет, спешащую с напряженным и озабоченным лицом.

— Барни! Он тебя выгнал.

Он кивнул.

— О, дорогой! — вымолвила она. — Что же теперь?

— Теперь, — сказал он, — на другую сторону. Неважно, лучше там или хуже.

— Но как же мы сможем жить вместе, если я работаю у Лео, а ты...

— Не вижу ничего страшного, — ответил Барни.

Подошел лифт, открылся, он шагнул внутрь.

— Я еще увижу тебя, — сказал он и нажал кнопку. Закрылись двери, отрезав его от Рони.

«Я увижу тебя в том месте, которое неохристиане называют адом, — подумал он. — И вряд ли раньше. Если только он уже не наступил, что очень даже может быть».

Из П.П.Лайотс Барни попал на уровень улицы. Он остановился под термозащитным экраном, высматривая свободное такси.

Как только такси затормозило и он рванулся вперед, из подъезда его окликнул требовательный голос Рони:

— Барни, подожди!

— Ты сошла с ума! — бросил он ей. — Беги обратно. Не покидай своего мальчика. После меня тебя ждет блестящая карьера.

— Мы же хотели работать вместе, помнишь? — сказала Рони.

— Все изменилось. Из-за моего душевного разлада, извращенного безразличия, беспомощности или называй это как хочешь! Я не поехал на Луну и не помог Лео.

Он чувствовал в себе какую-то расщепленность и видел теперь все в ультрасочувствующем свете. «Господи, почему ты не вступишься за меня?»

— Зачем я тебе такой? Когда-нибудь, — сказал он девушке, — ты попадешь в беду, будешь нуждаться в помощи, а я поступлю с тобой точно так же, как с Лео. Я дам тебе погибнуть, даже не пошевелив пальцем.

— Но твоя жизнь зависела...

— Так всегда бывает, — заключил он, — когда ты что-нибудь делаешь. Такая уж это комедия, в которую мы влипли.

Он вошел в такси, автоматически дал свой домашний адрес и откинулся на сиденье. Такси устремилось в налитое огнем полуденное небо. Далеко внизу, под термозащитным экраном, стояла, прикрыв глаза и глядя ему вслед, Рони Фьюгет. «Наверняка надеется, что я передумаю и вернусь назад».

Но он этого не сделал.

«Потребовалась определенная храбрость, — подумал он, — чтобы посмотреть правде в лицо и беспристрастно сказать себе: я дрянь, я уже однажды совершил зло и хочу еще. И это буквально прет из меня».

Такси пошло на снижение. Он полез в карман за бумажником, взглянул в окно и вдруг ошарашенно обнаружил, что это не его дом. В панике он попытался определить, где он. Наконец до него дошло. Это был небоскреб 492. Он дал адрес Эмили.

«Рывок! Назад в прошлое. Туда, где вещи рожают чувства. Когда я только начинал карьеру, я знал, чего хочу от будущего, — подумал он. — Знал, что в душе я жажду и способен на предательство, бунт, жертву! И для чего? Но теперь...»

Теперь он пожертвовал карьерой в угоду собственной жизни. Как когда-то пожертвовал женой, спасая свою жизнь. Все оказалось так же просто. Яснее некуда. Это была не идеалистическая цель, не старое пуританско-кальвинистическое призвание, это был просто инстинкт выживания, возникающий в каждом, трясущемся от страха существе.

«Господи, — подумал он. — И я сделал это. Я переступил через Эмили! А потом через Лео. Что же я за человек?! И как я честно признался, что следующей должна стать Рони.

Может быть, мне поможет Эмили? Вот, наверное, почему я здесь. Она уже порядком насмотрелась подобных вещей».

Несколькими мгновениями позже он уже звонил у двери Эмили.

«Если она решит, что мне надо перейти к Элдричу, я так и сделаю, — сказал он самому себе. — А если нет, то нет. Но она с мужем работает на Элдрича. Как же они смогут честно, по-человечески сказать мне «нет»? Так что, все решено наперед. И ведь я знаю это».

Дверь отворилась. Эмили в неизменном голубом халатике, испачканном влажной и сухой глиной, ошеломленно уставилась на него.

— Лео меня выставил, — сказал Барни. Подождал, но она ничего не ответила. — Можно войти?

— Да. — Она пропустила его в прихожую. В центре жилой комнаты возвышался знакомый гончарный круг. — Я работаю. Рада видеть тебя, Барни. Если хочешь чаю, возьми...

— Я пришел посоветоваться с тобой, — сказал он. — Но сейчас понял, что это необязательно.

Он прошел к окну, поставил чемоданчик и принялся его распаковывать.

— Как ты думаешь, стоит мне заняться работой? У меня есть неплохая идея, — она помассировала лоб и потерла глаза. — Но сейчас я не знаю... И здорово устала. Наверное, от Э-терапии.

— Эволюционная терапия? Ты пошла на это?

Он повернул ее, чтобы получше рассмотреть. «Неужели она физически изменилась?»

Ему показалось — но, может быть, только потому, что он не видел ее очень давно, — что черты лица ее как-то погрубели.

«Возраст», — подумал он.

— Ну и как, получилось? — спросил он вслух.

— Нормально. Я была только на одном сеансе. Но ты же знаешь, я воспринимаю все слишком сумбурно. Совсем не могу мыслить, как следует. Все мои мысли смешались.

— Думаю, тебе лучше приостановить терапию. Даже, если это модно. Даже, если на это пошел бы каждый.

— Возможно. Но пока они вроде довольны. Ричард и доктор Денкмаль. — Она опустила голову старым, хорошо знакомым движением. — Если бы что не так, они бы знали. Не так ли?

— Никто не знает. Это не фиксируется. Прекрати. Ты и так позволила водить себя за нос.

Барни придал голосу суровость. Он не раз применял такой прием раньше, в годы их совместной жизни, и почти всегда это срабатывало.

Но сейчас в ее взгляде засветилось упрямство.

— А по-моему, мне сейчас лучше, — сказала она с достоинством. — И я буду продолжать.

Пожав плечами, Барни прошелся по квартире. Повлиять на нее он не мог. Да она и мало волновала его. Мало? Неужели она его мало волновала? В его мозгу появился образ деградирующей Эмили... творчески работающей над своими горшками. Барни стало смешно и страшно.

— Слушай, — бросил он грубо. — Если этот малый действительно любит тебя...

— Но я же тебе сказала, — остановила его Эмили. — Я сама это решила.

Она повернулась к своему кругу. Большая ваза на нем была закончена. Он подошел и бросил на нее оценивающий взгляд. Разве она не делала таких прежде? Однако он ничего не сказал, просто стоял и рассматривал.

— И что ты теперь думаешь делать? Куда пойдешь работать?

Она казалась довольной, и это заставило его вспомнить, как недавно он отказался купить ее керамику для П.П.Лайотс. Конечно, она могла заставить на него злобу, но это было не в ее характере.

— Мое будущее, — сказал он, — возможно, предпрешено. Я получил повестку.

— Вот горе. Ты — и на Марсе. Я не могу этого себе представить.

— Я буду принимать Кей-Ди, — сказал он.

«Только... Если вместо Парки-Пат Лайотс у меня будет Эмили Лайотс, — подумал он. — Я буду проводить время в фантазиях вместе с тобой снова в той жизни, к которой я когда-то намеренно и обдуманно повернулся спиной. Это единственное время в моей жизни, когда я был по-настоящему счастлив. Но тогда я не понимал этого. Не с чем было сравнивать... Не то, что теперь...»

— Есть ли хоть какой-нибудь шанс, — сказал он, — что ты вернешься ко мне?

Она уставилась на него, а он на нее. Оба ошарашенные его предложением.

— Я хотел бы этого, — добавил он.

— И давно ты это решил?

— Разве важно, когда я решил, — сказал он. — Все дело в том, что я чувствую.

— И еще, что чувствую я, — ответила Эмили. Она перестала мастерить. — Знаешь, я очень счастлива с Ричардом. Я буду с ним до конца.

Ее лицо казалось спокойным, безмятежным. Без сомнения, она обдумывала каждое слово. Он был проклят, обречен, предан пустоте, которую он сам себе выдолбил. Поделом. Они оба поняли это, без лишних слов.

— Знаешь, мне надо идти, — сказал он.

Эмили не протестовала, только тихо кивнула.

— Видит Бог, — проговорил он, — ты не передумаешь. И по-моему, я прав. Собственно, это написано на твоём лице. Взгляни в зеркало.

Он вышел. Дверь за ним захлопнулась. Мгновение он раскаивался, что сказал ей все.

«Было бы неплохо... помочь ей, — подумал он. — Неважно, что она избрала своего мужа, а не меня. Ей предрешиено жить с Ричардом Хнаттом, предрешиено никогда не стать снова моей женой. И я не в силах повернуть течение времени вспять.

Смогу, конечно, когда отвезу Кей-Ди. Или нового Чу-Зет. Как все колонисты. На Земле, конечно, этот номер не пройдет, а вот на Марсе, Венере, Ганимеде или каких-либо пограничных колониях...

Может, не все еще потеряно?

Нет, пожалуй, потеряно, потому что...»

По последним размышлениям, он мог уже вообще не ходить к Палмеру Элдричу. Не из-за того, что этот человек сделал — или пытался сделать — с Лео. Он понял это сейчас, стоя под термозащитным экраном в ожидании такси.

Перед ним пылала полуденная улица, и он подумал: «Может, выйти на солнцепек? Кто-нибудь найдет меня, прежде чем я умру. А может, и нет. Впрочем, это будет ничем не лучше остального...

Исчезнет последняя надежда попасть на работу. Вот будет торжествовать Лео, если узнает, что ему отказали. Удивится и наверняка обрадуется».

«А пошло все к черту! — решил он. — Вызову Элдрича, спрошу. Ну, а там увидим, даст мне он работу или нет».

Он отыскал видеофонную будку и послал вызов в поместье Элдрича на Луне.

— Это Барни Майерсон, — объяснил он, — предварительный высший консультант Лео Балеро и, собственно, второй человек в П.П.Лайотс.

Личный управляющий Элдрича нахмурился и сказал:

— Да? Что вам угодно?

— Мне бы хотелось поговорить с вами насчет работы.

— Простите. Но мы не нуждаемся в консультантах-предсказателях.

— А вы не могли бы сообщить обо мне Палмеру Элдричу?

— Мистер Элдрич выехал по делам.

Барни отключился и покинул видеофонную будку.

Он уже не удивлялся.

Если бы они пригласили его на Луну для личного разговора, поехал бы он?

«Да, — понял он. — Я бы поехал. Но все равно это было бы бестолку. Я итак знал, что они не дадут мне работу».

Вернувшись к видеофонной будке, он вызвал номер отборочной комиссии ООН.

— Это Барни Майерсон, — он добавил свой официальный и идентификационный номер. — Несколько дней назад я получил повестку. Хотелось бы побыстрее утрясти все формальности. Я решил эмигрировать.

— Физически от этого никуда не уйдешь, — проинформировал его бюрократ ООН, — как и морально. Но уж если хотите, приходите в любое время, хоть сейчас.

— О'кей, — сказал Барни. — Я так и сделаю.

— И с этого момента вы отчаливаете, мистер Майерсон, вы выберете...

— Мне подойдет любая луна или планета, — сказал он и отключился.

Он покинул кабину, нашел такси и дал адрес отборочной комиссии, ближайшей к его жилому небоскребу.

Тут же впереди поднялось и зажужжало другое такси.

— Они пробуют с нами связаться, — сообщил автоматический пилот Барни. — Вы отзоветесь?

— Нет, — сказал он. — Увеличь скорость. — Но потом передумал. — Можете запросить. Кто они такие?

— Попробую.

Такси на какой-то момент замолчало, потом заговорило вновь:

— Они утверждают, что получили для Вас послание от Палмера Элдрича. Он хочет сообщить вам, что принимает вас на работу, и нет никаких причин...

— Давай сначала, — проговорил Барни.

— Мистер Палмер Элдрич, которого они здесь представляют, принимает вас на работу, как вы только что просили. Хотя у них есть неписаное правило.

— Дайте я поговорю с ними, — сказал Барни.

Из панели выдвинулся микрофон.

— С кем я говорю? — спросил Барни.

Незнакомый голос ответил:

— Ичолтз. Из Чу-Зет. Изготовители, Бостон. Не могли бы вы приземлиться и обговорить суть вашего контракта с нашей фирмой.

— Я еду в призывной пункт, так что оставьте меня в покое.

— Вы ничего еще не подписывали?

— Нет.

— Ладно. Тогда еще не поздно.

— Но на Марсе я смогу пользоваться Кей-Ди, — проговорил Барни.

— Но зачем, черт возьми, вам это нужно?

— Я смогу вернуться к Эмили.

— Какой Эмили?

— Моей первой жене, которую я выгнал вон, когда она забеременела. Только теперь я понял, какую непоправимую ошибку совершил. Ведь это было самое счастливое время в моей жизни. Собственно, сейчас я ее люблю гораздо больше, чем тогда. И это чувство все разгорается.

— Слушайте, — сказал Ичолтз. — Мы можем дать вам все, что угодно,

через Чу-Зет, а это главное. Вы станете теперь жить в вечном и неизменном согласии с Эмили. Так что, проблем не будет.

— Но, может, я не захочу работать на Палмера Элдрича.

— Вы же сами позвонили.

— Я засомневался, — сказал Барни. — Серьезно. Я прошу вас, не ищите меня. Я сам вас вызову. Если только не поступлю на службу.

Он положил микрофон на место.

— Это патриотично, явиться самому на службу, — проговорило такси.

— Не лезьте не в свое дело, — огрызнулся Барни.

— Думаю, вы поступили правильно, — на всякий случай прибавил автомат.

— Если бы не струсил, если бы только отправился на Сигму 14-Б спасать Лео! — воскликнул Майерсон. — Или на Луну. Где он тогда был? Что-то толком не припомню. Все кажется каким-то туманным, расплывчатым сном. То я сейчас работал бы у него, и все было бы прекрасно.

— Все мы ошибаемся, — благочестиво заметило такси.

— Но некоторые — фатально. Сначала в любви, потом в женах, детях. «А потом и в хозяевах», — добавил он про себя.

Такси взревело.

«А потом, — размышлял Барни, — ошибаемся в последнем. Во всей своей жизни, подводя ее итог. Будь то согласие на работу у Элдрича, или служба. И как ни выбирай, а понимаешь одно: альтернатива-то скверная».

Часом позже он прошел медицинскую комиссию и (о, Боже!) дал клятву: «Клянусь смотреть на Землю, как на Мать и Вождя». И т.д.

Потом с фелиантом приветствий, поздравлений и хвалебной информации был отпущен домой собирать вещи.

У него оставалось двадцать четыре часа до отправления корабля... Если, конечно, они его отправят. Они еще не решили окончательно.

Пока он складывал вещи, прибирался в последний раз в своей любимой благоустроенной квартире, зазвонил видеофон.

— Мистер, мистер Байерсон... — Девушка, одна из второстепенных служащих колониального аппарата ООН, улыбалась.

— Майерсон.

— Да. Я вызвала вас, чтобы сообщить вам о назначении. И обрадовать вас, мистер Майерсон! Это будет плодородный район Марса, известный как Финебургский Полумесяц. Я знаю, вы очень туда хотели. Ладно, до свидания, сэр, и счастливо.

Она задержала улыбку до тех пор, пока не пропало изображение. Такая улыбка бывает только у тех, кто остается.

— И тебе тоже счастливо, — проговорил он.

Финебургский Полумесяц. Он о нем уже слышал: то был действительно относительно плодородный район. Во всяком случае, у колонистов там есть свои сады. Не в пример другим районам — пустыням замерзших метановых кристаллов, на которые год за годом обрушиваются штормы.

Верите или нет, а он сможет подниматься хоть изредка на поверхность из своей лачуги.

Он включил чемоданчик — доктора Смайла.

— Доктор, я причинил вам немало беспокойства. Но теперь я больше не нуждаюсь в ваших услугах. До свидания и счастливо, как сказала девушка, которая остается. Меня забирают.

— Кдрикс-кс-кс-кс, — прохрипел доктор Смайл, направляясь по желобу в подвалы жилого небоскреба. — Но для вашего типа... Это нелегко. Что за причина, мистер Майерсон?

— Желание смерти, — проговорил Барни вслед.

«Господи, — думал он, — укладывая вещи, — а ведь совсем недавно мы с Рони строили такие грандиозные планы. Мы бы уж отплатили Лео по большому счету, перешли бы к Элдричу с невероятным блеском. Но Лео начал действовать первым. И теперь моя работа перешла к Рони. Как она и хотела».

Больше всего его сейчас злило, что расстроились планы. Но в этом мире он уже ничего не мог с этим сделать. Наверное, когда он отведает Кей-Ди или Чу-Зет, то сможет переселиться в мир, где...

Раздался звонок в дверь. На пороге стоял Лео.

— Можно войти? — Он вошел в прихожую, вытер сложенным новым платком свой необъятный лоб.

— Жаркий денек. Я посмотрел в газете, перевалило за шестьдесят...

— Если вы пришли предложить мне вернуться на работу, — сказал Барни, — то уже слишком поздно. Я поступил на службу. Завтра улетаю в Финнебургский Полумесяц.

Вот ирония судьбы, если Лео решил пойти на мировую. Последний поворот слепых колес фортуны.

— Я не предлагаю тебе прежнюю работу. И знаю, тебя не переубедить. У меня есть информаторы в отборочной комиссии. И к тому же мне сообщил доктор Смайл. Я заплатил ему — ты, конечно, не знал об этом, — чтобы он информировал меня о твоих делах.

— Так чего же вы хотите?

— Я хочу, чтобы ты согласился работать на Феликса Блау.

— Остаток моей жизни, — сказал спокойно Барни, — пройдет в Финнебургском Полумесяце, понимаете?

— Скажу проще. Я просто хочу извлечь выгоду из этой скверной ситуации. Скверной как для тебя, так и для меня. Оба мы погорячились. Я — уволив тебя, ты — отдавшись в лапы дракуловой отборочной комиссии. Барни, думаю, я нашел способ загнать Элдрича в ловушку. Мы с Блау все обмозговали, и ему понравилось. Ты наденешь на себя маску колониста или, скажем лучше, — поправился он, — будешь жить настоящей жизнью колониста. Элдрич откроет в вашем районе торговлю Чу-Зет. Возможно, это случится уже на следующей неделе. Они наверняка примутся за вас. Во всяком случае, мы надеемся на это.

Барни поднялся на ноги.

— И мне полагается прыгать от радости и покупать?

— Правильно.

— Зачем?

— Ты подсунешь протест в ООН — наши законники тебе накропают. Заявишь, что это проклятое мерзкое снадобье вызвало у тебя сильное отравление. И не возражай! Мы потащим тебя на исследования и вынудим ООН запретить Чу-Зет как вредный и опасный наркотик. И таким образом, полностью оградим от него Землю. Действительно здорово, что ты оставил работу в П.П. и пошел на службу. Очень кстати.

Барни покачал головой.

— Что это значит? — спросил Лео.

— Я не согласен.

— Почему?

Барни пожал плечами. Он действительно не знал.

— Ты паникуешь. Ты не знаешь, что делать. А это тебе не свойственно. Я свяжусь через Смайла с главой полиции нашей компании Джоном Селтзером. Пусть ты совершил ошибку. С кем не бывает.

— Нет, — сказал Барни.

«Потому что, — подумал он, — я многое узнал о себе и забыть это я теперь не в силах. Проникновения в будущее... Они летят одной дорогой и метят прямо в твое сердце. А стрелы эти отравлены ядом».

— Не раздумывай, ко всем чертям! По-моему, это отвратительно. У тебя же впереди столько времени! Пусть даже в Финебургском Полумесяце. И, по-моему, тебя в любом случае забрали бы. Правильно? Так соглашайся! Агитируя, Лео мерил шагами комнату.

— Что тебя смущает? Ладно. Значит, не хочешь нам помочь? Хочешь дать Элдричу и Проксимианцам делать все, что им заблагорассудится. Покорить Солнечную Систему или, даже хуже, весь мир, начиная с нас.

Он остановился, взглянул на Барни.

— Дайте мне подумать.

— Подожди, вот попробуешь Чу-Зет, тогда узнаешь. Его специально сделали, чтобы заразить всех нас изнутри и снаружи. Ведь это абсолютный и полный разрушитель.

От напряжения Лео даже засипел. Он остановился и откашлялся.

— Слишком много сигар — сказал он севшим голосом. — Ужас.

Он взглянул на Барни.

— Элдрич дал мне день, ты знаешь. Мне придется капитулировать, а если нет...

Он щелкнул пальцами.

— Я не скоро буду на Марсе, — проговорил Майерсон. — Я бы поручил сначала кому-нибудь другому закупить у торговцев всю партию Чу-Зет.

— Согласен, — твердо сказал Лео. — Но ему тоже не уничтожить меня так быстро. На это потребуются недели, может быть, даже месяцы. Ну а кроме того, у нас найдется кто-нибудь в верхах, кто вовремя заметит опасность. Я понимаю, это звучит для тебя не очень утешительно, но...

— Свяжитесь со мной, когда я буду на Марсе в своей лачуге, — сказал Барни.

— Я так и сделаю! Я так и сделаю.

Потом, как бы сам себе, Лео пробормотал:

— И это даст тебе основание...

— Пардон?

— Нет, ничего, Барни.

— Объясните.

Лео пожал плечами.

— Черт, я же знал, как ты влип. Рони заняла твое место, ты был прав. А я за тобой следил. Я узнал, что ты помчался прямехонько к своей бывшей. Ты все еще любишь ее, а она не захотела к тебе вернуться! Я знаю тебя даже лучше, чем ты сам. Я отлично знаю, почему ты не кинулся ко мне на выручку, когда меня захватил Палмер. Всю свою жизнь ты стремился занять мое место, и теперь, когда это провалилось, тебе надо приняться за что-то совершенно новое. Ты хочешь перехитрить самого себя. Видишь, я не хочу отступать или увиливать. Ты силен, но не как исполнитель, а лишь как предсказатель. Ты слишком мелочен. Вспомни хотя бы, как ты провалил эти вазочки Ричарда Хнатта. Это была смертельная ошибка, Барни. Ты уж прости.

— О'кей, — вымолвил, наконец, Барни. — Возможно, ты прав.

— Ладно, теперь ты хоть немного узнал о самом себе. И сможешь начать все сначала на просторах Финебургского Полумесяца, — Лео хлопнул его по спине. — Стань главным в своей лачуге, сделай жизнь колонистов созидательной и продуктивной, или как там еще. И заодно поработай на Феликса Блау. Это большая игра.

— Я могу перейти к Палмеру Элдричу, — сказал Барни.

— Само собой. Но ты этого не сделаешь. Да и что ты можешь сделать?

— Думаешь, я правильно поступил, пойдя на службу?

— Дружище, — тихо сказал Лео. — Какого черта тебе еще оставалось делать?

Ответа на этот вопрос не было. И они это оба знали.

— Когда подопрет, — сказал Лео, — извинись за себя и вспомни: ПАЛМЕР ЭЛДРИЧ ХОЧЕТ УБИТЬ ЛЕО. Я в гораздо худшем положении, чем ты.

— Я тоже так думаю.

В нем говорила интуиция.

Ночью он уже был в транспорте ООН и смотрел на предназначенную ему планету Марс. В соседнем кресле сидела ошеломляюще хорошенькая, испуганная, но безнадежно холодная темноволосая девушка. У нее были точеные черты лица, и вообще вся она точно сошла с обложки модного журнала. Свое имя она назвала почти сразу же после того, как корабль набрал крейсерскую скорость. Энни Хауторн. Казалось,

она пыталась снять напряжение разговором — не важно, с кем и на какую тему.

Она могла бы уклониться от набора, но сочла патриотическим долгом принять предложение ООН!

— Как бы вы уклонились? — с любопытством спросил он.

— Шумы в сердце, — сказала Энни. — И аритмия, пароксизмальная тахикардия.

— А как насчет ушных, головных и сердечных болей, звона в ушах, спазмов? — спросил Барни.

— Я могу предъявить документы от больниц и докторов. И заключения моих страховых компаний.

Она с интересом оглядела его с ног до головы.

— Похоже, вы могли увильнуть, мистер Пайерсон.

— Майерсон. Я доброволец, мисс Хауторн.

— Колонисты очень религиозны. Так, во всяком случае, я слышала. Каково ваше вероисповедание?

— А? — спросил он изумленно.

— Думаю, вам стоило бы об этом подумать, пока мы не приземлимся. Они вас спросят и обяжут посещать службу. В основном, с применением наркотика — да вы знаете — Кей-Ди. Он вызывает просто повальное обращение к существующим верам... У меня есть родственники на Марсе. Они мне пишут. Так что я в курсе. Я лечу в Финебургский Полумесяц. А вы куда?

«Вверх по ручью», — подумал он.

— Туда же, — сказал он вслух.

— Возможно, мы с вами будем в одном жилище, — сказала Энни Хауторн с задумчивым выражением на совершенном тонком лице. — Я принадлежу к Реформистскому отделению Нео-Американской церкви, Нео-Христианской церкви Соединенных Штатов и Канады. В действительности же у нас очень древние корни. У наших предков триста лет назад были епископы, которые посещали собрания во Франции. Мы вовсе не ветвь какой-то иной церкви, как иногда думают. Так что, как видите, у нас есть право Апостольского Наследия.

Она улыбнулась ему в торжественной, дружеской манере.

— Честное слово, — проговорил Барни, — я верю во что бы там ни было.

— В Финебургском Полумесяце есть Нео-Американская миссионерская церковь, а значит, и священник, викарий. Надеюсь, что уже в этом месяце я смогу принять участие в Святом Молебне и исповедаться. У нашей церкви много тайных причастий... Вы вообще когда-нибудь принимали два Великих Причастия, мистер Майерсон?

— Э... — заколебался он.

— Христос ясно указал, чтобы мы соблюдали два причастия, — терпеливо объяснила Энни Хауторн. — Крещение — в воде и Святое Собрание. А потом в честь Него... устраивают Последний Ужин.

— Вы имеете в виду Хлеб и Вино.

— Вы, наверное, слышали, что употребление Кей-Ди транслирует, как они говорят, в другой мир. Но это мир временный... Душа и тело...

— Простите, мисс Хауторн, — проговорил Барни. — Но боюсь, я не могу поверить в сущность души и тела. Для меня это чересчур таинственно.

«Слишком многое зиждется на необоснованных предпосылках, — сказал он самому себе. — Но она права. Тайная религия возникла из-за Кей-Ди. На лунах и планетах мне придется с этим столкнуться».

— Вы будете пробовать Кей-Ди? — спросила Энни.

— Наверное.

— Тогда вы обретете Веру. И еще поймете, что сама Земля, принимающая тебя, становится нереальной.

— Не согласен, — сказал он. — Она чувствуется вполне реальной. Насколько я знаю.

— Так только кажется. Это грезы.

— Но они сильнее, — подчеркнул он. — Чище. И все идет в ... — он чуть было не сказал в Собрании, — в компании с другими, которые в действительности идут своими путями. Так что, возможно, это совсем не иллюзия. А Парки-Пат...

— Интересно, что думают по этому поводу люди, создавшие выставки Парки-Пат, — как бы размышляя, сказала Энни.

— Могу поведать. Для них это просто бизнес. Как, возможно, для кого-то изготовление святой воды и вина...

— Если вы попробуете Кей-Ди и обретете веру в новую жизнь в нем, то я смогу убедить вас принять Крещение и конформацию в Нео-Американскую, Христианскую церковь. Если, конечно, ваши вера и убеждения позволят. Или в Первую Ревизионистскую Европейскую Христианскую церковь, которая тоже соблюдает два Великих Тайных Причастия. Если вы примете участие в Святом Молебне...

— Я не могу, — сказал он.

«Я верю в Кей-Ди, — сказал он самому себе, — и если понадобится, в Чу-Зет. Можешь проповедовать свою веру кому-нибудь из двадцать первого столетия. Мне нужно что-то новое».

— Если быть откровенной, мистер Майерсон, — проговорила Энни, — я буду стараться отвлечь как можно больше колонистов от Кей-Ди, чтобы приобщить их к традиционному христианству. Это главная причина, почему я не стала уклоняться от призыва.

Она улыбнулась ему прелестной улыбкой, от которой у него потеплело на сердце.

— Разве плохо? Скажу искренне: мне кажется, что широкое употребление Кей-Ди говорит о стремлении людей вернуться к тому, что мы в Нео-Американской церкви...

— Я думаю, — сказал Барни нежно, — вам стоило бы оставить этих людей в покое.

«И меня заодно, — подумал он. — И без того забот достаточно. Не хватало еще твоего религиозного фанатизма».

— Быть колонистом на Марсе, — проговорил он, — вовсе не то, что жить на Земле. Может, когда я буду там...

Он запнулся.

— Ну что же вы? Заканчивайте свою мысль.

— Поговорите со мной об этом, — проговорил Барни, — когда я буду жить на дне лачуги в чужом мире. Когда начну новую жизнь, если вы сможете назвать это жизнью.

Его тон стал резким.

— Ладно. Буду только рада, — спокойно ответила Энни.

Потом они сидели молча. Барни читал газету, а рядом Энни Хауторн, фанатичная девушка-миссионерка, смотрела на Марс, читала книгу. Он взглянул на заглавие и увидел, что это был фундаментальный труд Эрика Лендермана о колониальной жизни «Паломник без Прогресса». Бог знает, где она достала копию. ООН осудила эту книгу и всячески препятствовала распространению. И читать копию здесь, на корабле ООН, было своеобразным проявлением смелости. Он изумился.

Взглянув на девушку, Барни понял, что она непреодолимо притягивает его. Жаль только, что она была чересчур тонка и не употребляет косметики. Да еще этот белый чепец, скрывающий волосы. Она выглядела, будто собралась на длительную прогулку, оканчивающуюся в церкви. Но как бы то ни было, ему нравилась ее манера говорить, ее сострадание, звучный голос.

Стоило разыскать ее на Марсе!

Так что можно надеяться. Собственно, разве это неприлично? Он даже надеялся на совместный с ней прием Кей-Ди.

8

Протянув руку, Норм Скейн сердечно сказал:

— Приветствую, Майерсон. Я официальный представитель нашего жилища. Добро пожаловать, хм, на Марс.

— Я Френ Скейн, — проговорила его жена, протягивая руку Барни. — У нас очень прочное и чистое жилище. Думаю, вам не покажется здесь слишком ужасно.

Она улыбнулась. Майерсон не улыбнулся в ответ. Он выглядел угрюмым, усталым и подавленным, как и большинство колонистов, входящих в эту жизнь, насколько они знали, трудную и бессмысленную.

— Не ждите от нас добродетелей, — сказала Френ. — Это работа ООН. И мы не более, чем жертвы. Вроде вас. Одна только радость — мы можем время от времени исчезать.

— Не надо пугать, — предупредил Норм.

— Но ведь так оно и есть. Мистер Майерсон столкнется с этим. Он не поверит ни одной слашавой истории. Не так ли, Майерсон?

— Я не питаю ни малейших иллюзий по этому поводу, — проговорил Барни, усаживаясь на металлическую скамейку у входа в жилище. Пескоход, привезший его сюда, даже не заглушал двигатель. Барни вяло посмотрел на него.

— Простите, — сказала Френ.

— Закурим? — Барни достал земные сигареты. Скейны устали на него в изумлении. И он пристыженно подарил им по парочке.

— Вы прибыли в трудное время, — объяснил Норм Скейн. — Мы прямо увязли в дебатах.

Он оглянулся на других.

— А так как вы теперь член нашей лачуги, я не вижу причин, почему бы вам не принять в них участие. Тем более что они касаются и вас тоже.

— Если вы знаете, — вступил в разговор Моррис, — так скажите, черт побери.

— Он должен был бы поклясться хранить все в тайне, — вмешался Сэм Реган. — Наша дискуссия, мистер Гаерсон...

— Майерсон, — поправил Барни.

— Наша дискуссия о том, что делать с наркотиком Кей-Ди — старым и проворным транслирующим агентом, в отличие от Чу-Зет, который мы никогда не пробовали. Мы спорим, стоит ли бросить Кей-Ди сразу и навсегда, или...

— Подождите пока не спустимся вниз, — сказал Норм Скейн и нахмурился.

Сев на скамейку рядом с Барни, Тод Моррис проговорил:

— Кей-Ди капут. Его слишком тяжело доставать. Стоит он много шуток, и лично я устал от Парни-Пат — чересчур искусственно, чересчур поверхностно и материалистично. В... Пардон, у нас для этого есть одно слово. — Он пустился в долгие объяснения:

— Ладно, эти шикарные апартаменты, машины, солнечные ванны на скамейках, богатая одежда... Нам они не доступны... Но это еще не достаточно для нематериального их выражения. Вы понимаете, Майерсон?

— О'кей, — сказал Норм Скейн. — Но Майерсон пока не понял, он еще не извелся. Он оценит, когда пройдет через все это.

— Как мы, — согласилась Френ. — В общем, мы не голосовали, не решали, что покупать и чем пользоваться. Думали, дадим Майерсону попробовать оба. Или вы уже пробовали Кей-Ди, мистер Майерсон?

— Пробовал, — сказал Майерсон, — но очень давно. Так давно, что уже и не помню.

Лео давал ему, предлагал больше — сколько захочется, но он отказался. Не было желания.

— В неудачное время вы прибыли в нашу лачугу. Боюсь, впутаем и вас в эту дискуссию. Но от Кей-Ди мы уходим. Либо надо переключаться на другой, либо запастись вином. Момент критический. Конечно, толкач Кей-Ди, Имни Вайт, передала через... В общем, к концу ночи мы должны

решить: либо то, либо другое. И это затронет вас... на всю оставшуюся жизнь.

— Так радуйтесь, что вы не прибыли завтра, — сказала Френ, — после того, как мы приняли бы решение.

Она ободряюще улыбнулась, стараясь показать радушие.

Они все время старались продемонстрировать свои родственные чувства, которые теперь распространялись и на него.

«Вот место, — подумал про себя Барни, — на всю оставшуюся жизнь... Вполне возможно. Но то, что они сказали... правда. В законе отборочной комиссии ООН нет положения о пересмотре решений. А посмотреть в лицо фактам не просто. Эти люди стали теперь для него семьей. А могло быть хуже». Две их женщины кажутся ему вполне привлекательными. Он чувствовал неуволимую взаимосвязь разнообразных человеческих уз, которые возникли в тесном уединенном жилище. Но...

— Выход только один, — спокойно проговорила Мэри Реган, усаживаясь напротив Тода Моррисона. — Через транслятор, мистер Майерсон. Либо через тот, либо через другой. Иначе, как ты видишь... — она положила ему на плечо руку, — уже даже физическое прикосновение невозможно. Мы бы истребили друг друга от горя.

— Да, — сказал он. — Вижу. — Он не знал об этом, собираясь на Марс.

— Ночью, — продолжала Мэри, — мы выберем один из наркотиков. Либо Кей-Ди, либо Чу-Зет. Имни будет ждать до 7.00 финбургского времени. Потом нужно будет дать ответ.

— Думаю, мы можем проголосовать сейчас, — сказал Норм Скейн. — Мне кажется, что, хотя мистер Майерсон только что прибыл, он уже достаточно подготовлен. Я прав, Майерсон?

— Да, — сказал Барни.

Пескоход заканчивал свои автономные проверки. Сошедшие с него пассажиры сидели тесной кучкой, а вокруг них высоко вздымался бушующий песок. Если они сейчас же не спустятся вниз, то их превратят в пыль. «Черт, — подумал Барни, — может, это и к лучшему. Узы прошлого...»

Старожилы вызвались ему помочь. Передавая с рук на руки чемоданы, они погрузили их на транспортер, ведущий вниз, в жилище.

— Ты втянешься... — сказал сочувственно Сэм Реган. — Барни, не думай слишком много. Только перед обедом и перед сном. Чутьочку времени на работу и удовольствие. А остальное — бегство.

Отбросив сигарету, Барни потянулся за чемоданом.

— Благодарю. Совет был глубокий.

— Простите, — сказал Сэм Реган с вежливым достоинством и пошел разыскивать отброшенную сигарету.

Вечером в кают-компании жилища, равно принадлежавшей всем, члены маленькой колонии, включавшей теперь и Барни Майерсона, приступили к торжественному голосованию.

— Сверим количество голосов, — объявил Норм Скейн. — Четыре за

Чу-Зет и три за Кей-Ди. Решение принято. Отлично. Кто возьмется сообщить Имни Вайт скверную новость? — Он обвел всех взглядом. — Ей придется тяжело. Мы хоть готовились к этому.

— Я сообщу, — сказал Барни.

Три пары изумленно посмотрели на него.

— Но ты даже не знаешь ее, — запротестовала Френ Скейн.

— Я скажу, что отказались от Кей-Ди по моей вине. Я склонил баланс в пользу Чу-Зет.

Он знал, что они согласятся — чересчур обременительная обязанность.

Получасом позже он стоял в полной темноте на пороге жилища, курая и вслушиваясь в непривычные звуки марсианской ночи.

Вдали небо прочертил какой-то светящийся объект.

Через мгновение послышался звук ракетных двигателей. Он понял — скоро. Он ждал — руки чуть согнуты, более-менее расслаблены, — обдумывая, что ему следует сказать.

Вскоре в поле зрения показалась коренастая фигура женщины, облаченной в тяжелый плотный скафандр.

— Скейн? Моррис? А, тогда Реган! — она скосилась на него, наставив инфракрасный фонарь. — А тебя я не помню!

Она настороженно остановилась.

— Имей в виду, у меня лазерный пистолет. Говори.

— Давай отойдем подальше от лачуги, — сказал Барни.

С величайшей настороженностью, все время держа на мушке лазерного пистолета, Импатенсия Вайт проводила его до ближайшего бархана. Она взяла его удостоверение и прочитала, осветив фонариком.

— Ты от Балеро, — сказала она, оценивающе глядя на него. — Так?

— Так, — ответил он. — Мы переключаемся на Чу-Зет. Это жители Чикен Покс Проспектс.

— Почему?

— Пойми и больше здесь не путайся. Можешь связаться с Лео в П.П. Лайотс. Или через Конера Фримена на Венере.

— Ладно, — сказала Импатенсия. — Только Чу-Зет — дерьмо. Он обманчив и ядовит и, что особенно плохо, уводит в смертельно опасные сны бегства. Не на Землю, а в ... Она махнула пистолетом. — В гротескные причудливые фантазии инфантильной, свихнувшейся натуры. Объясни, почему вы так решили.

Он не ответил, только пожал плечами. Было интересно, однако, наблюдать ее идеологическую приверженность. Это его позабавило. В самом деле, осознал он, ее фанатизм остро контрастировал с тем, что девушка-миссионерка говорила на борту корабля Земля — Марс.

— Я увижусь с вами завтра ночью в то же время, — решила Имни Вайт. — Если ты не веришь, прекрасно. Но если...

— Что если? — произнес он как можно медленней. — Ты заставишь нас жрать свой товар? Он ведь нелегален. Мы можем попросить защиты ООН.

— Новичок, — ее насмешка была чудовищной. — ООН отлично знает о торговле Кей-Ди в этом районе. Я регулярно плачу им за это, и потому — никаких помех. Когда же придет Чу-Зет... — она махнула пистолетом. — Если ООН собирается защитить их, тогда...

— Тогда ты найдешь правду? — спросил Барни. — Оставишь их безработными?

Она не ответила. Просто повернулась и пошла прочь. Почти тотчас ее силуэт исчез в марсианской ночи. Барни постоял, потом двинулся к жилищу, ориентируясь по смутной тени высокого, явно брошенного трактора, стоявшего недалеко от входа.

— Ну? — тревожно спросил Норм Скейн, встречая его у входа. — Я вышел посмотреть, сколько дырок прожгла она в твоём черепе.

— Она восприняла это философски.

— Имни Вайт? — хмыкнул Норм. — Она ворочает миллионным бизнесом. А ты, мой ослик, «философски». Что там произошло в действительности?

— Она вернется, когда получит инструкции сверху, — сказал Барни.

— Да, в этом что-то есть. Она здесь мелкая сошка. Лео Балеро на Земле...

— Я знаю.

Он не видел причин скрывать свое прошлое. Жизнь его была широко известна, и при желании жильцы лачуги смогли бы проследить ее по датам.

— Я был у Лео Нью-Йоркским консультантом-ясновидцем.

— И ты проголосовал за то, чтобы переключиться на Чу-Зет? — Норм посмотрел на него с недоверием. — Ты поссорился с Балеро? Да?

— Когда-нибудь я тебе все расскажу.

Барни соскользнул по скату в жилище и вошел в кают-компанию.

Френ Скейн сказала с волнением:

— Скажи спасибо, что она не сделала из тебя жаркое своим лазерным пистолетом. Она все время им размахивает.

— Мы от нее избавились? — спросил Тод Моррис.

— Об этом я сообщу завтра ночью, — ответил Барни.

— Вы очень храбрый, — сказала ему Мэри Реган. — Вы оказали жилищу большую услугу, то есть я хотела сказать, Барни, ваш приезд, если прибегать к метафорам, словно свежая струя воздуха.

— Ах, — усмехнулась Элен Моррис, — станем ли мы чуть воспитаннее, стараясь произвести впечатление на новых граждан?

— Я не стараюсь произвести на него впечатление, — вспыхнула Мэри.

— Тогда вы ему льстите, — спокойно проговорила Френ Скейн.

— Вы тоже, — гневно отрезала Мэри. — Вы первая начали крутить перед ним хвостом, когда он сошел со ската. Или, во всяком случае, хотели, стали бы, если бы нас здесь не было. Особенно, если бы здесь не было вашего мужа.

Чтобы разрядить обстановку, Норм Скейн сменил тему:

— Очень жаль, что мы не можем в последний раз достать свои выставки и транслироваться сегодня ночью. Барни могло бы понравиться. Он понял бы, от чего отказался. — Он оглядел всех многозначительным гипнотизирующим взглядом. — Может быть, у кого-то из вас осталось немного Кей-Ди? Где-нибудь в трещине стены или под канистрой дезинфицирующей жидкости? А? Давайте поделимся с новым жильцом, покажем ему, что мы не...

— О'кей! — воскликнула Элен Моррис, вспыхнув от злости. — У меня есть немного. Где-то на три четверти часа. Но это абсолютно последнее. А по-моему, до появления Чу-Зет в нашем районе еще далеко.

— Давай свой Кей-Ди, — сказал Норм. — Не беспокойся. Чу-Зет уже здесь. Сегодня, когда я выудил пакет соли из последней подачи ООН, я не выдержал и помчался к одному из их толкачей. Он дал мне свою карточку. — Норм показал карточку.

— Все, что нам нужно сделать, — подать сигнал. А сигнал — вспышка нитрата стронция в 7.30. И они тут же спустятся со своего спутника.

— Спутника? — воскликнули все в изумлении.

— Тогда, значит, — возбужденно заговорила Френ, — это санкционируется ООН? Или у них есть выставки и диск-жокеи на собственных спутниках?

— Пока не знаю, — признался Норм. — На мой взгляд, здесь какая-то неразбериха. Подождем, пока не оседет пыль.

— Здесь, на Марсе, — отозвался Сэм Реган, — она никогда не оседет.

Они сели в кружок. Перед ними, полностью и тщательно развернутая, лежала выставка Парки-Пат. Все они чувствовали ее притяжение, и Норм Скейн вдруг сентиментально осознал, что это грустное событие. Ибо больше никогда такого не будет. Или будет, если они смогут пользоваться выставкой, принимая Чу-Зет.

«Интересно, что тогда получится?» — подумал он.

У него было неосознанное чувство, что тогда будет что-то другое.

И может выйти так, что им не понравится.

— Понимаешь, — сказал Сэм Реган Барни, — мы собирались устроить трансляцию, слушая и наблюдая аниматор новых Великих книг. Помнишь механизм, который они только что выставили на Земле... Может, объяснишь его нам?

Барни, подражая рекламному автомату, произнес:

— Вы вставляете одну из Великих книг, к примеру «Моби Дик», в резерванд. Потом ставите управление на «длинно» или «коротко», потом на «Счастливую версию», такую, как в книге, или «Печальную версию». Затем устанавливаете стиль-индикатор на того классического Великого Художника, который должен оформлять вашу книгу: Дали, Бэкон, Пикассо... Аниматор Великих книг средней стоимости создает картонную обложку в оформлении дюжины известных художников. Имена их вы указываете на покупках. А потом можете к ним кого-то добавить или заменить.

— Так что, — оживился Норм Скейн, — у нас всегда обеспечено вечернее развлечение. Скажем, печальная версия «Ярмарки тщеславия». Во!

Вздохнув, Френ сказала мечтательно:

— Какой отзвук идет из вашей души, Барни, из-за того, что вы недавно жили на Земле. Кажется, в вас еще звучит ее вибрация.

— Ха, у нас есть все, — воскликнул Норм, — когда транслируемся!

Он нетерпеливо полез за крошечным запасом Кей-Ди.

— Начнем?

Он засунул ломтик в рот и начал энергично жевать.

— Моей Великой книгой «Счастливой версии», большого формата в обложке стиля Ди Чироко будет... — Он задумался. — Хм, «Размышления» Марка Аврелия.

— Очень остроумно, — оборвала его Элен Моррис. — Я бы посоветовала еще «Исповеди» Августина в стиле Лихтенштейна. «Счастливо», конечно.

— Согласен. Представь: сюрреалистическая перспектива, опустошенные, разрушенные здания, лежащие колонны, продырявленные головы...

— Получше жуйте, — посоветовала Френ, беря свой ломтик, — тогда мы войдем в унисон.

Барни взял свою порцию.

«С прошлым покончено, — подумал он. — Я начинаю здесь, в уединенной лачуге, на исходе ночи новую жизнь. А что потом? Если Лео прав, то будет так плохо, что даже некуда. В мгновение ока я погружусь в мир, наполненный вещами, над которыми я раньше вершил суд. Уменьшусь до их размеров. И, подобно другим жильцам, смогу сравнить ощущение от выставки с теми, что были на самом деле.

Потом мне придется проделать то же самое с Чу-Зет».

— Ты должен оценить это странное чувство, — сказал ему Норм Скейн. — Ощутить себя обитающим в теле с тремя другими приятелями. Нам придется согласовывать все или, во всяком случае, добиваться, чтобы все было в интересах большинства.

— На самом деле, — добавил Тод Моррис, — так случается в половине случаев.

Один за другим остальные обитатели лачуги стали жевать свои ломтики Кей-Ди. Барни Майерсон начал последним и с большой неохотой.

«А ну его к черту», — подумал он вдруг и прошел к раковине. Там он сплюнул полупрожеванный Кей-Ди, так и не проглотив его.

Остальные, сидевшие за выставкой Парки-Пат, уже впали в кому, и никто не обратил на это внимания. Он оказался внезапно один. На некоторое время лачуга стала его собственностью.

Он удивился царившей вокруг тишине.

«Но я не могу, — подумал он, — не могу принять эту чертову гадость. Во всяком случае, сейчас».

Звякнул колокольчик.

Кто-то у входа в жилище просил разрешения войти. Барни прошел

вверх, надеясь, что это полицейский рейд ООН. Конечно, риск был. Если полиция обнаружит жильцов лачуги у выставки, да еще жующих Кей-Ди... У люка с фонариком в руке стояла молодая женщина, одетая в грузный, теплозащитный костюм. Было ясно, что он непривычен ей и ужасно мешает.

— Привет, мистер Майерсон, — проговорила она. — Помните меня? Вот я и пришла. Мне очень одиноко. Можно войти?

Это была Энни Хоуторн. Удивленный, он уставился на нее.

— Или вы заняты? Могу прийти в другое время.

Она собралась уходить.

— Вижу, — проговорил он, — что Марс вас тоже сильно поразил.

— Есть грех, — сказала Энни. — Я его уже возненавидела. Я знаю, что должна привыкнуть к холодному приему и вообще, но...

Она осветила фонариком окрестности и дрожащим, отчаянным голосом сказала:

— Все, что я хочу сейчас, это найти хоть какой-нибудь способ вернуться назад, на Землю. Я не хочу никого ни во что обращать. Я хочу только бежать отсюда. И как можно скорее. Поэтому я решила навестить вас.

Взяв за руку, он повел ее вниз, в свою комнату.

— А где ваши соседи? — она огляделась вокруг.

— Ушли.

— Наружу? — она открыла дверь в кают-компанию и увидела всех жильцов, валявшихся у выставки.

— А вы нет?

Она прикрыла дверь, очевидно, сбита с толку. Потом, помолчав, сказала:

— Вы меня удивляете. Я так с удовольствием бы попробовала сегодня Кей-Ди. Смотрите, как вы устояли перед этим. Я бы не смогла. Я такая ненадежная.

— Может, у меня более высокая цель, чем у вас.

— У меня множество целей.

Она скинула тяжелый костюм и села, а он занялся приготовлением кофе на двоих.

Наблюдая за ним, девушка продолжала:

— Люди в моем жилище, в полумиле к северу отсюда, тоже ушли. Как и ваши. А вы знали, что я так близко? Вы бы меня навестили?

— Наверное, навестил бы.

Он нашел пластмассовые чашечки и блюдца, поставил их на складной столик и раздвинул складные кресла.

— Может, — сказал он, — Господь не властвует над Марсом. Может, покинув Землю, мы...

— Глупости, — заговорила она, воодушевляясь.

— Я так и думал, что вас это разозлит.

— Конечно, разозлит. Он везде. Даже здесь.

Она взглянула на его нераспакованные вещи.

— Я смотрю, вы взяли немного. Большая часть моего багажа еще в дороге, на автоматическом транспорте.

Она прошла по комнате, остановилась и стала внимательно изучать стопку книг.

— «Подражание Кристи», — прочитала она удивленно название одной из книг. — Ты читатель Томаса Кемписа? Это великая, изумительная книга.

— Я захватил ее, — пояснил он, — но еще не читал.

— А ты пытался? Спорю, что нет. — Она открыла книгу наугад и прочитала: — «Самый слабый дар, которым он наделен, — велик, и даже очень подлые существа требуют особого дара, коим является любовь». Это и о нашей жизни на Марсе! Какая гнусная жизнь! Почему же, Господи... — Она обернулась, вызывая к Барни: — Мы не имеем права пробыть здесь какой-то срок, а потом вернуться домой?

— Колония, это же ясно, должна быть постоянной, — ответил он, — вспомни о Земле Роанока.

— Да, — Энни кивнула. — Я хочу, чтобы Марс стал одной большой Землей Роанока, но чтобы каждый возвращался домой.

— Чтобы медленно изжариться?

— Мы могли бы эволюционировать, как богатые. Это можно было бы сделать всем. — Она отбросила книгу. — Но я не хочу хитинового панциря и всего остального. Разве нет другого выхода, мистер Майерсон? Вы же знаете. Неохристиане учат верить, что все переселяются в иной мир. Вечные странники. Теперь мы действительно стали ими. Земля — наш истинный дом, мы никогда не выберемся отсюда! — Она уставилась на него. Ее ноздри расширились. — У нас нет дома вообще?

— Пусть, — сказал он угрюмо. — Зато остаются Кей-Ди и Чу-Зет.

— У тебя они есть?

— Нет.

Она кивнула.

— Тогда вернемся к Томасу Кемпису.

Но книги она больше не коснулась, повесила голову и уныло погружалась в размышления.

— Я не знаю, что будет, мистер Майерсон Барни. Я не стану никого приобщать к неоамериканскому христианству. Вместо этого они сами приобщат меня к Кей-Ди и Чу-Зет или еще к какому-нибудь процветающему здесь пороку. Какому-нибудь бегству от действительности. Сексу, например. Они ужасно неразборчивы здесь, на Марсе. Вы слышали, каждый готов лечь в постель с кем угодно. Я тоже пройду через это. Собственно, я готова к этому и сейчас. Я не в силах изменить ход событий... А вы действительно уловили красоту природы перед закатом?

— Да.

Пусть это слишком и не поразило его — вид полузаброшенных садилов и совершенно заброшенного оборудования, огромные горы гниющих

запасов. Но он знал из учебных лент, что так было всегда на границах, даже на Земле. Такой же была Аляска почти до сегодняшнего времени, и, за исключением нескольких курортных городов, такой сейчас была Антарктида.

— Эти жильцы в соседней комнате, — сказала Энни Хауторн, — в своей выставке. Представляешь, если бы мы убрали сейчас Парки-Пат со сцены и разбили бы на мелкие кусочки. Что с ними было бы?

— Они остались бы со своими иллюзиями. Теперь это установлено. Когда они сфокусировались, поддержка уже не нужна. Но зачем тебе это?

В ее словах чувствовался садизм, и он удивился. Во время первой встречи его не было и в помине.

— Идолопоклонники. Мне хочется разможить их кумиров, этих Парки-Пат и Вольта. Хочется помучить. Я... — Она замолчала. — Я им завидую. Это не религиозное рвение — просто подлая и жестокая черта. Я знаю ее. Если бы я смогла к ним присоединиться...

— Ты можешь присоединиться. Так же как и я. Только не сразу.

Он подал ей чашечку кофе. Она машинально взяла ее. Тоненькая без своего громоздкого марсианского костюма, она казалась высокой, почти его роста, а на каблуках и чуть выше. У нее был необычный носик. Смешно скругленный и чуточку приплюснутый на конце. Это навело его на мысль об англо-саксонских и нормандских крестьянах, возделывающих свой маленький клочок земли.

Неудивительно, что она ненавидела Марс. Исторически ее народ, без сомнения, был влюблен в подлинную землю родной планеты, в ее запах и девственное начало. В ней бродила память о хозяине, простой жизни труженика, в конце концов умирающего и превращающегося не в прах, а в жирный чернозем. Ладно, заведет она здесь, на Марсе, свой садик. Может быть, вырастит что-нибудь там, где остальные жильцы потерпели фиаско. Удивительно, как она подавлена. Наверное, это вполне нормально для вновь прибывших. Почему же он сам этого не чувствует? Возможно, где-то в глубине души он воображает, что найдет способ вернуться на Землю. Тогда он попросту рехнулся. Он, а не Энни.

— У меня есть немного Кей-Ди, Барни, — внезапно сказала Энни. Она полезла в карман своих ООНовских брезентовых рабочих брюк, пошарила там и выудила маленький пакетик. — Я недавно купила его в своем жилище. Флэкс Бак Спит, как они его называют. Жилец, который продал мне Кей-Ди, уверял, что из-за Чу-Зет он вскоре ничего не будет стоить. Так что он продал мне его за вполне приличную цену. Я попробовала. Просто насильно запихала в рот. Но как и ты, дальше не смогла. По-моему, самая интересная иллюзия не может быть лучше нашей жалкой действительности. Или это тоже иллюзия, Барни? Я ничего не понимаю в философии. Объясни мне. Потому что все, что я знаю, — это религия, а она не дает понимания. Транслирующие наркотики... — Она разом вскрыла пакет. Ее пальцы отчаянно сжались. — Я не в силах больше терпеть, Барни.

— Подожди.

Он поставил свою чашку и взглянул на Энни. Но было уже поздно. Она приняла Кей-Ди.

— И ничего для меня? — спросил он удивленно. — Ты совсем запуталась. Даже не хотела никого в трансляции.

Взяв Энни за руку, он вывел ее из комнаты, потащил по коридору и втолкнул в кают-компанию, где лежали остальные. Усадив девушку среди них, он сказал с состраданием:

— По крайней мере проведем раздельное испытание, и, по-моему, это поможет.

— Спасибо, — сказала она сонно.

Глаза ее закрылись, тело стало безвольным.

«Сейчас, — подумал Барни, — она уже Парки-Пат. В мире без забот и волнений». Нагнувшись, он поцеловал ее в губы.

— Я еще в сознании, — пробормотала она.

— Но тебе все безразличны.

— Ах, да, конечно, — едва слышно прошептала Энни.

Потом она смолкла. Барни почувствовал, как она ушла. Теперь он вновь остался один, но с семью человеческими оболочками. Барни вернулся назад в свою комнату. Там еще дымились две чашечки кофе.

— Я мог бы полюбить эту девушку, — сказал он себе. — Но не так, как Рони Фьюгет или даже Эмили, а как-то по-новому.

Он задумался.

«Или это от безнадежности? Точно увидев, что Энни принимает Кей-Ди, я вдруг понял, какая вокруг нас темнота. Темнота и безысходность. И не на день, не на неделю — навечно. Так что придется в нее влюбиться».

Он сидел среди полураспакованных вещей, потягивал кофе и размышлял, пока, наконец, не услышал стоны и шорох в общей комнате. К его приятелям-жильцам возвращалось сознание. Он поставил чашку и пошел к ним.

— Почему вы отступили, Майерсон? — спросил Норм Скейн. Он, хмурясь, потер лоб. — Господи, как болит голова!

Он заметил все еще не пришедшую в себя Энни Хауторн.

— Кто это?

Поднялась, шатаясь, Френ. Протирая глаза, сказала:

— Она присоединилась к нам в конце. Это подружка Майерсона. Он познакомился с ней в полете. Она ничего. Только религиозно-тронутая.

Френ критически осмотрела Энни.

— Выглядит неплохо. Там я представлял ее более суровой.

К Барни подошел Сэм Реган.

— Бери ее к себе, Майерсон. Мы охотно проголосуем, чтобы ее перевели к нам. У нас много свободных комнат, а у тебя, можно сказать, будет жена. — Он тоже принялся рассматривать Энни. — Да и милашка. Волосы красивые — длинные, черные. Мне нравятся такие.

— Ах, тебе нравятся, да? — спросила резко Мэри Реган.

— Нравятся, ну и что? — Сэм Реган оглянулся на жену.

— Прежде надо бы ее спросить, — ответил Барни на предложение Сэма.

Все внимательно посмотрели на него.

— Странно, — сказала Элен Морган. — Когда мы были вместе, она не сказала нам ничего. Насколько мы поняли, ты и она только...

— Ты хочешь, чтобы с тобой жила спятившая неохристианка? — резко прервала ее Френ Скейн. — Хватит. Уже натерпелись. В прошлом году уже выгнали одну парочку. От них на Марсе может быть столько неприятностей! Вспомни, как мы делили с ней один разум... Она посвящена в одну из главных религий, во все причастия и ритуалы, в весь этот старый хлам. И она действительно в него верит.

— Я знаю, — сказал Барни скупно.

— Что правда, то правда, Майерсон, — добродушно поддержал Тод Моррис. — Честно. Мы слишком сблизились, чтобы воспринимать идеологический фанатизм Земли. Такое уже случалось в других жилищах. Мы слышали, знаем. Здесь можно и нужно жить, но без абсолютных норм и догм. Для этого наше жилище слишком мало. — Он закурил сигарету и взглянул на Энни Хауторн. — Странно, что такая хорошенькая девочка нахваталась подобной дряни. Видно, таковы все дети.

— Она охотно транслировалась? — спросил Барни у Элен Моррис.

— В основном, да. Конечно, сначала это ее поразило... Но чего же еще желать от первого раза? Она никак не могла понять, как объединиться в управлении телом. Но очень старалась освоить это. Сейчас она уже все уяснила.

Наклонившись, Барни Майерсон поднял с выставки маленькую куколку Парки-Пат в желтых шортах, красивой полосатой рубашке и сандалях. «Сейчас ею была Энни Хауторн, — подумал он. — И никто не осознает этого до конца. А он может сломать куклу, разбить ее и Энни, в искусственной, воображаемой жизни. Это совсем нетрудно».

— Я бы хотел на ней жениться, — громко сказал он внезапно.

— На ком? — спросил Тод. — На Парки-Пат или на новой девушке?

— Он имеет в виду Парки-Пат, — сказал Норм Скейн и прыснул.

— Ну уж нет, — проговорила Элен Моррис строго. — Конечно, на новой девушке. И думаю, это превосходно. Теперь у нас будет четыре пары вместо трех пар и одного мужчины. Странного мужчины...

— Ладно, — сказал Барни, — почему бы нам не выпить? И прямо сейчас?

— Идет, — отозвался Норм. — Мы здесь получили напиток... Дрянной эрзац джина. Но восьмидесяти градусов. Он сделает свое дело.

— Одолжите мне немного... — сказал Барни, доставая бумажник.

— О, сколько угодно. Грузовые корабли ООН сбрасывают его нам цистернами.

Норм подошел к закрытому серванту, достал ключ и отпер его.

— Скажите, Майерсон, — обратился к Барни Сэм Реган, — что это вам захотелось выпить? Из-за нас? Из-за лачуги? Или из-за самого Марса?

— Нет. Не то. Не знаю, что делать с Энни и с распадом ее личности. То, как она приняла Кей-Ди — весь разом, — признак ее неприспособленности поверить и бороться, признак ее неспособности поверить или бороться, ее поражения. Это было знамение ему.

Помогая ей, он поможет себе. А если нет... Это — конец.

У него было предчувствие: для него и Энни Марс означает смерть. И, возможно, скорую.

9

Энни Хауторн, выйдя из состояния трансляции, была угрюма и молчалива.

«Плохой знак», — подумал Барни и понял, что ее тоже гложет предчувствие. Она, однако, ничего не сказала, просто сразу пошла за своим комбинезоном в его комнату.

— Я должна вернуться к себе. Спасибо, что разрешили попользоваться вашей выставкой, — сказала она стоявшим вокруг жильцам. — Прости, Барни. Я была к тебе жестока.

Он проводил ее. Пешком они шли по ночной пустыне к ее жилищу. И пока тащились, не сказали друг другу ни слова. Только глядели в оба, как им велели, пытаясь заметить вовремя местных хищников — шакалоподобных тепепатических марсианских существ. Но они им не встретились.

— Как это было? — спросил он наконец.

— Ты имеешь в виду, каково быть этой маленькой вульгарной куколкой-блондинкой со всеми ее чертовыми нарядами, ее приятелем, ее машиной, ее... — Энни содрогнулась. — Ужасно... Бессмысленно. Не знаю, что они в этом находят. Но было ощущение, словно вернулась в детство.

— Да, — согласился он. — Похоже на Парки-Пат.

— Барни, — сказала она тихо, — мне надо найти что-нибудь другое. И как можно скорее. Ты мне поможешь? Ты кажешься таким опытным, взрослым, много повидавшим. Трансляция мне не поможет... Чу-Зет будет не многим лучше, потому что во мне что-то сопротивляется, протестует, не хочет принять... Понимаешь? Да, ты понимаешь. Я вижу. Дьявол, тебе даже не надо пробовать его, чтобы понять это. — Она схватила его руку и крепко прижалась к нему в темноте. — И я кое-что узнала, Барни. Они слишком от него устали... И пока... мы были внутри этой куклы, они все перессорились. Они не могли насладиться даже на секунду.

— Черт, — вымолвил он.

Полыхнув вперед фонариком, Энни сказала:

— Было ужасно стыдно. Я ведь мечтала... А мне было среди них так неловко...

Она запнулась, некоторое время шла молча и вдруг сказала:

— Я изменилась, Барни. Я чувствую это. Я хочу остаться здесь... прямо на этом месте. Мы с тобой одни, в темноте. И потом... Наверное, не стоит продолжать?

— Не стоит, — согласился Барни. — Потом ты можешь глубоко рассказать. И я тоже. Из-за тебя.

— Я помолюсь, — сказала Энни. — Помолюсь так сильно, чтобы получилось. Ты знаешь, как. Ты за себя не молишься, ты — что называется — заступник за других. И молишься ты не тому Господу, что где-то там, на небесах... что со Святым Духом, а другому. Ты хоть читал Павла?

— Какого Павла?

— В Ветхом Завете. Его письма, к примеру, в Коринф или итальянцам... Слышал? Святой Павел сказал: «Наш враг — смерть. Это последний враг, которого мы преодолеем». По-моему, сказано великолепно. Согласно Святому Павлу, мы страдаем не только телом, но и душой. Потом умираем тем и другим и можем возродиться в новом теле, чистом и непорочном. Понятно? Знаешь, когда я была Парки-Пат... мной овладело странное чувство. Будто я была... Трудно пересказать и поверить в это... Но...

— Но, — закончил за нее Барни, — казалось, будто ты попробовала это на самом деле.

— Да. Но есть кое-что еще. — Она повернулась к нему. В темноте он едва смог различить ее лицо. — Знаешь, транслироваться — намек на то, что мы познаем по ту сторону смерти. Соблазн, конечно, но если бы без этой ужасной куклы, без этой Парки-Пат...

— Чу-Зет, — начал Барни.

— Я о нем как раз подумала. Если он, как говорит Поль, превращает продажного в неподкупного... то я должна попробовать с Чу-Зет. Я не хочу прозябать здесь до конца жизни! Чего и зачем ждать, когда я могу получить все сразу.

— Человек, последний из всех, с кем я беседовал на Земле, — сказал Барни, — пробовал Чу-Зет. Он говорил, что в жизни ничего не видел страшнее.

— Как это? — поразила ее.

— Он попал во владения кого-то или чего-то, что показалось ему невысшим злом, исчадием ада. Это страшно напугало его. И он был безумно рад, как потом понял, вернуться обратно.

— Барни, — сказала девушка, — как ты оказался на Марсе? Не говори, что тебя просто призвали. Человек, настолько богатый, что может ходить к психиатру...

— Я на Марсе, — сказал он, — потому что совершил ошибку.

«На твоём языке — грех, — подумал он. — И на моем тоже».

— Ты причинил кому-нибудь боль? — спросила Энни.

Он пожал плечами.

— Так что? Теперь ты здесь до конца жизни? Барни, ты не мог бы достать мне немного Чу-Зет?

— И очень скоро.

Пройдет немного времени, и он сам побежит в одну из лавок Палмера Элдрича. В этом можно было не сомневаться.

Положив руку на плечо Энни, он добавил:

— Но ты и сама можешь достать его? И так же просто.

Она прильнула к нему на ходу. Он обнял ее. Она не сопротивлялась, только выдохнула с волнением:

— Барни, я хочу тебе кое-что показать. Это листовка. Мне ее дал один человек из нашей лачуги. Он сказал, что на днях сбросили целую пачку. Она от людей Чу-Зет.

Запустив руку под громоздкий комбинезон, она покопалась, и потом в свете фонарика он разглядел сложенную бумажку.

— Прочитай. Ты поймешь, что я чувствую, когда говорю о Чу-Зет... И почему он кажется мне духовной проблемой.

Держа листок под лучом фонаря, он прочитал крупно набранное заглавие:

«БОГ ТОЛЬКО ОБЕЩАЕТ ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ.

МЫ ЕЕ ВАМ ВРУЧАЕМ».

— Видишь, — сказала Энни.

— Вижу.

Ему даже не потребовалось читать остальное. Сложив бумажку, он протянул ее Энни:

— Хорошо сказано.

— Только правда ли?

— Большой лжи нет. Как, впрочем, и всей правды.

«Идеально... — подумал он. — Палмер Элдрич отменил смерть. Посланец дьявола, просочившийся к нам из системы Проксимы, предложил нам вымолиться за две тысячи лет. И теперь через Чу-Зет все могут попасть в рабство к Элдричу, как это случилось, например, с Лео. Теперь Элдрич, фильтруя наши жизни, будет среди нас постоянно. А ООН, оберегавшая нас раньше, сидит, сложа руки. Теперь, транслируясь, мы каждый раз будем видеть не Бога, а Палмера Элдрича».

Вслух же он сказал:

— Если Чу-Зет тебя обманет...

— Не говори так.

— Если Палмер Элдрич тебя обманет, тогда, может быть...

Он остановился. Впереди было жилище Флэкс Бак Спит. В марсианском сумраке светился его вход.

— Вот ты и дома. — Ему не хотелось отпускать ее. Положив руку на плечо девушки, он удержал ее. — Пойдем со мной в Чикен Покс Проспектс. Мы официально, законно поженимся.

Она уставилась на него, потом неожиданно рассмеялась.

— Значит, нет? — спросил он деревянным голосом.

— Что? Чикен Покс Проспектс? А, поняла. Это кодовое название вашего жилища? Простите, Барни. Я не хотела вас обидеть. Но ответу, конечно, нет.

Она пошла прочь, открыла внешнюю дверь тамбура. Потом внезапно выключила фонарик, шагнула к Барни и протянула к нему руки.

— Полюби меня, — вымолвила она.

— Но не здесь же. Слишком близко от входа...

Он испугался.

— Где хочешь. Пойдем. — Она сплела руки вокруг его шеи. — Теперь же. Не жди.

Он не стал ждать.

Взяв ее на руки, Барни понес ее подальше от входа.

— Господи, — сказала она, когда он опустил ее на песок. И тотчас задохнулась, словно от внезапного холода. Холод охватил их обоих. Тяжелые, уже не нужные комбинезоны стали теперь помехой для настоящего тепла.

«Один из законов термодинамики, — подумал он, — превращение тепла. Между нами — ею и мной — мечутся молекулы. Увеличивается... энтропия? Нет, еще нет».

— О, мой... — сказала она в темноту.

— Я сделал тебе больно?

— Нет. Прости, пожалуйста.

Холод, излучаемый небом, вцепился мертвой хваткой в его спину, уши. Он терпел, как только мог, но все время думал об одеяле или пледе. Он представлял его мягкость, покалывание его волокон, его тяжесть. Из-за морозного, холодного разреженного воздуха у него перехватило дыхание, будто он кончил.

— Ты... все? — спросила она.

— Просто невозможно дышать. Этот воздух...

— Бедный, бедный... мой. Я забыла твое имя.

— К черту.

— Барни!

Он сжал ее.

— Нет! Не останавливайся! — Она нагнулась. Скрипнула зубами.

— Я и не собирался, — сказал он.

— Оо-оо-ах!

Он улыбнулся.

— Не смейся, пожалуйста, надо мной.

— Я не имел в виду ничего плохого.

Потом наступила долгая тишина. Потом:

— Оох.

Она вздрогнула, будто от электрического тока.

— Тебе хорошо?

— Да, — сказала она. — Да, Барни. Я счастлива. Да!

Позже, ковыляя в одиночестве назад, к своему жилищу, он сказал про себя: «Может быть, я работаю на Палмера Элдрича? Расстроив ее, деморализовав... Словно бы ее уже и не было. Словно нас всех уже не было».

Что-то преградило ему путь.

Он остановился.

Нашупал оружие.

Кроме грозных телепатических шакалов здесь можно было встретить, особенно ночью, злобных тварей, которые жалили и пожирали всех без разбора.

Он осторожно зажег фонарик, ожидая увидеть фантастическое, многоногое слизистое чудовище. Но перед ним был корабль, маленький, быстроходный, с крошечной массой. Его дюзы еще дымились. Очевидно, он сел совсем недавно. «Должно быть, планировал, — решил Барни. — Я же не слышал шума реактивных двигателей».

Из корабля выполз человек, покачался, щелкнул фонариком, направил его на Барни и сказал:

— Я Ален Фэйн. Наконец-то я вас нашел. Лео хотел связаться с вами через меня. Я буду радировать вам шифром в лачугу. Вот кодовая книга. Вы ведь меня знаете?

Диск-жокей. Эта встреча, здесь, в открытой марсианской пустыне, ночью, казалась немыслимой и жуткой, просто нереальной.

— Спасибо, — сказал Барни, принимая кодовую книгу. — Я должен буду записать то, что вы скажете, и потом расшифровать?

— В вашей комнате будет личный ТВ-приемник. По вашему желанию мы установили эту новинку.

— Отлично, — крикнул Барни.

— Тем более что у вас уже есть девушка, — сказал Фэйн. — Простите, я воспользовался инфракрасным биноклем. Но...

— Не прощаю.

— Вы скоро поймете, что в делах такого рода на Марсе интимного мало. Это словно маленький городок, где жители изголодались по новостям. Тем более по каким-нибудь скандалам. Я должен все знать. Это моя работа. Кто эта девушка?

— Не знаю, — сардонически усмехнулся Барни. — Было темно, и я не видел.

Он двинулся дальше и обошел корабль.

— Подождите. Вам следует знать: торговец Чу-Зет уже действует в окрестности, и мы вычислили, что он выйдет на ваше жилище не позже завтрашнего утра. Так что будьте наготове. Покупайте товар только в присутствии свидетелей. Они должны видеть, как вы заключаете сделку. Потом они должны будут удостоверить, что вы принимали Чу-Зет. Понятно? И постарайтесь вытянуть из торговца все, что можно. Пусть даст любые гарантии, какие захочет. Заставьте его всучить вам товар, но сами ни в коем случае не просите. Ясно?

— И для чего это все я должен делать? — спросил Барни.

— Пардон?

— Лео так и не удосужился...

— Я объясню для чего, — спокойно ответил Фэйн. — Это будет ваша плата за то, что мы заберем вас с Марса.

— Вы уверены, что так и будет? — после молчания спросил Барни.

— Конечно, это будет нелегально. Только ООН может законно отправить вас на Землю, но она этого никогда не сделает. А мы перебросим вас на Землю Винни-Пуха.

— И там я останусь?

— До тех пор пока хирурги Лео не сделают вам новую внешность, новые папиллярные узоры на пальцах рук и ног, новую модель энцефалограммы. После этого вы всплывете. Возможно, даже на старой должности в П.П.Лайотс. Насколько помню, вы были их Нью-Йоркским человеком. Через два, два с половиной года вы станете им снова. Так что не теряйте надежду.

— Может быть, я уже не хочу этого, — сказал Барни.

— Что? Неужели? Каждый колонист хочет...

— Я подумаю, — сказал Барни, — и дам вам знать. Но, может быть, я захочу чего-нибудь другого.

Он подумал об Энни. Вернуться обратно на Землю и получить все заново, возможно, даже с Рони Фьюгет... Где-то в глубине души он чувствовал, что это уже не вызывает в нем прежнего отклика. Марс — или любовь Энни Хауторн — очень его изменили. И он не знал, что больше. Оба.

«К тому же я сам напросился сюда. Меня никто не тянул. И не стоит забывать об этом», — подумал он.

— Мне известно о некоторых обстоятельствах, Майерсон, — сказал Алан Фэйн. — То, что вы делаете, — искупление. Правильно!

— И вы — тоже? — удивленно спросил Барни.

Религиозные склонности, казалось, были здесь чрезвычайно распространены.

— Думайте, что хотите, — сказал Фэйн, — но так оно и есть. Слушайте, Майерсон. Через некоторое время мы доставим вас на Землю Винни-Пуха и искупайте тогда свою вину сколько угодно. Существует, однако, еще кое-что, о чем вы не знаете. Взгляните.

Он нехотя вытащил маленький пластмассовый тубик — контейнер.

— Что это? — похолодев, спросил Барни.

— Ваша болезнь. Лео уверен — после соответствующей консультации профессионалов, что причиненный вам ущерб покажется суду слишком ничтожным, и он будет настаивать на более тщательном расследовании.

— Расскажите мне поподробнее, что это за штука.

— Это эпилепсия, Майерсон. К-форма, причину которой никто не в силах понять. То ли она обусловлена органическими нарушениями, которые не может обнаружить И.И.Джи, то ли она психологического характера.

— А симптомы?

— Ужасные, — сказал Фэйн и, запнувшись, добавил: — Простите.

— Понятно. И сколько на это уйдет времени?

— Мы можем дать вам противоядие после следствия. Не раньше. Так что около года. Теперь поняли, что я имел в виду, когда говорил, что вы окажетесь в положении, равном искуплению? Искуплению за то, что

отвернулись, когда он в вас нуждался. Понимаете, эта болезнь будет объявлена побочным эффектом Чу-Зет...

— Наверное, — сказал Барни, — эпилепсия — страшное слово. Такое же, как рак. Люди безотчетно боятся его, потому что знают: болезнь может настигнуть их в любое время, без предупреждения.

— Особенно К-форма. Черт, у них насчет нее даже нет никакой теории. Зато важно, что К-форма не оставляет в мозгу органических повреждений. А это значит, что мы сможем вас вылечить. Вот тубик. Метаболический токсин, близкий по действию к метразолу. Близкий, но в отличие от него действует, давая характерную картину болезни по И.И.Джи. Действует, пока его не нейтрализуют, что — как я сказал — мы и собираемся использовать.

— Но анализ крови покажет присутствие токсина.

— Да. А это как раз то, что нам нужно. Потому что мы подберем данные физических и психических исследований, которые вы недавно прошли, и сможем доказать, что, когда вы прибыли на Марс, не было никакой эпилепсии и никаких токсинов. И будем настаивать, что присутствие яда в крови вызвано действием Чу-Зет.

— Даже если я потеряю свой гемо...

— Это нанесет огромный ущерб торговле Чу-Зет. Большинство колонистов не покидает чувство страха, как бы эти трансляционные наркотики при длительном применении не стали биохимически вредными. В этом тубике чрезвычайно редкий токсин, — добавил Фэйн. — Лео достал его через особые каналы. Помнится, его открыли на Ио. Некий доктор...

— Вилли Денкмаль, — сказал Барни. Фэйн пожал плечами.

— Возможно. Но сейчас этот токсин в ваших руках. Вы примете его вскоре после приема Чу-Зет. Постарайтесь, чтобы ваш первый приступ произошел на глазах у соседей. И не окажитесь в это время где-нибудь в пустыне на сельскохозяйственной автоматической драге. Сразу же после приступа подойдите к видеофону и вызовите медицинскую помощь ООН. Пусть их беспристрастные врачи исследуют вас. Не обращайтесь к частной медицине.

— Идея хорошая, — сказал Барни. — Только бы врачи ООН смогли снять И.И.Джи во время припадка.

— Конечно. Так что постарайтесь оказаться в госпитале ООН. Их всего три на Марсе. У вас будут для этого веские аргументы, потому что... — Фэйн махнул рукой: — Чего там греха таить, из-за этого яда ваши приступы станут опасны как для вас, так и для окружающих. Они будут выражаться в истерической агрессивности, заканчивающейся более или менее полной потерей сознания. У вас выявится типичная стадия возбуждения, с сильными сокращениями мышц, потом клиническая стадия, когда сокращения чередуются с расслаблениями. После этой, само собой, последует кома.

— Другими словами, — сказал Барни, — классическая форма конвульсий.

— Вас это пугает?

— Ну, почему же? Я кое-чем обязан Лео. И вы, и я, и Лео — мы все это знаем...

Он подумал о том, как эта искусственно вызванная болезнь отразится на его отношениях с Энни. Очевидно, им придет конец. Тогда ему следует отказаться от выгодной сделки с Лео Балеро. Но в таком случае тот тоже не останется в долгу. Но все же разговор об его вызволении с Марса был сейчас не самым главным.

— Будем считать само собой разумеющимся, — сказал Фэйн, — что они предпримут попытку убить вас. В тот момент, когда вы потребуете адвоката. В самом деле, они...

— Мне бы хотелось теперь вернуться к себе в жилище. — Барни двинулся прочь. — О'кей?

— Ладно. Идите. Но позвольте мне дать совет насчет девушки. Закон Добермана. Помните, Доберман был первым человеком, который женился и затем добился развода на Марсе. Так вот, закон этот гласит, что в этом чертовом месте взаимоотношения с кем-то ухудшаются пропорционально твоей эмоциональной привязанности. Я даю вам самое большее две недели. Таков обычай. И ООН такое поощряет, ибо это значит, если уж говорить начистоту, чем больше детей, тем больше население колоний. Уловили?

— ООН, — сказал Барни, — может не разрешить мне связь с ней по какой-нибудь другой причине.

— Нет, — возразил спокойно Фэйн. — Так может показаться лишь на первый взгляд. Но я вижу всю планету. День за днем. И я только констатирую факт. Не критикую. На деле лично я вам сочувствую.

— Благодарю, — подвел итог Барни и двинулся прочь, освещая путь фонариком.

«Я приму яд, — сказал он самому себе. — И я пойду в суд и буду просить этих ублюдков ради Лео. Потому что я ему должен. Но я не вернусь на Землю. Неважно, выйдет ли у меня или нет с Энни Хауторн. Надеюсь, что выйдет. А если не с ней, тогда с кем-нибудь еще. Но я обойду закон Добермана. В любом случае, это будет здесь, на этой несчастной планете, на этой обетованной земле.

Завтра утром, — решил он, — я очищу от песка пятьдесят тысяч метров земли для своего огорода. Это будет первый шаг».

10

На следующий день Норм Скейн и Тод Моррисон посвятили ему утренние часы, обучая управлению бульдозером, драгой и экскаватором. Орудий этих было навалом, и все они были в различных стадиях разрушения. Хватало их ненадолго. Но от них и нельзя было требовать слишком многого, очень уж давно они были заброшены сюда.

К полудню Барни иссяк и разрешил себе отдохнуть. В тени мамонта —

проржавевшего трактора — он съел холодный завтрак и попил тепловатого чая из термоса, которым его снабдила Френ Скейн.

Внизу, в лачуге, остальные обитатели занимались своими обычными делами, но это его не волновало.

Во все стороны от него простирались заброшенные, опустевшие сады. И будет удивительно, если он вскоре не запустит также и свой. Наверное, каждый новый колонист начинал так же. А потом безразличие, апатия, безнадежность брали свое. Но действительно ли это безнадежно? Не совсем.

— Ну как ваше фермерство? — спросила весело подошедшая Элен Моррис. Она присела рядом и открыла толстый каталог растений, забитый штампами ООН.

— Видели, что они объявили СВОБОДНЫМ? Любое растение, способное здесь давать урожай. Вплоть до турнепса.

Устроившись поудобнее, она переворачивала страницу за страницей.

— Однако здесь водятся похожие на мышей млекопитающие, которые сжирают все. Они живут в норах и вылезают поздно ночью. Приготовьтесь к этому. Выставьте несколько самодвижущихся автоматических мышеловок.

— О'кей, — сказал Барни.

— Миг — и одна из этих гомеостатических ловушек взлетает над пещером и устремляется в погоню за марсо-мышью. Господи, как они мчатся. Обе — и мышь и мышеловка. Можно даже держать пари. Я обычно ставлю на мышеловку. Я восхищаюсь ими.

— Я поставил бы тоже на мышеловку. Наверное, я равнодушен ко всем ловушкам, — усмехнулся он. — Другими словами, к ситуациям, когда ни одна из дверей никуда не ведет. И не — важно, что на них написано.

— К тому же ООН даст вам двух роботов в безраздельное пользование. Но на срок не более шести месяцев. Так что лучше спланировать наперед, как их использовать. Хорошо бы послать их на разработку ирригационных каналов. Наши уже приходят в негодность. Иногда каналы тянутся на две сотни метров, а то и больше. Или можно заключить сделку...

— Сделку? — удивился Барни.

— Есть выгодные сделки. Где-нибудь, неподалеку, в одном из соседних жилищ, можно, например, найти кого-нибудь, кто начал прокладывать ирригационную сеть, а потом забросил. Купить ее и починить. Та девушка из Флэкс Бак Спит не собирается вернуться сюда и присоединиться к тебе?

Она внимательно посмотрела на Барни.

Барни не ответил. Он всматривался в черное марсианское небо. Чуть ли не над ними кружил корабль. Человек Чу-Зет? Значит, скоро ему придется отправиться? Ради того, чтобы выжила монополия, обширная межпланетная империя, совершенно безразличная теперь и ему.

«Удивительно, — подумал он, — как сильны могут быть стимулы саморазрушения».

Элен вытянулась и внимательно разглядывала корабль.

— Гости! Но это не корабль ООН. — Она вскочила и быстро зашагала к жилищу. — Пойду предупрежу.

Он нащупал в кармане тубик. «Неужели я действительно способен на это?»

Когда корабль приземлился неподалеку на пустынной равнине, он подумал: «Может, стоило рассказать обо всем Энни? Даже если все это и провалится».

Из корабля вышел Палмер Эдрич.

Ошибки быть не могло. После катастрофы на Плутоне газеты печатали его фотографии одну за другой. Конечно, фотографии были десятилетней давности, но узнать человека было можно. Седой, красивый, элегантный, шести футов росту, с согнутыми в локтях руками и удивительно быстрой походкой. И лицо. Опустошенное, словно съеденное напроочь. Словно Эдрич время от времени глодал самого себя, пожирая, возможно, со вкусом, излишки своего тела.

У него были громадные стальные зубы — их вставили еще до путешествия на Проксиму чешские дантисты. Зубы приварили к челюстям навечно. Правая рука у него была искусственной. Он лишился руки лет двадцать назад во время охоты на Каллисто. Правда, в некотором смысле это даже пошло ему на пользу: после потери руки он обзавелся множеством специализированных, взаимозаменяемых рук. Сейчас Эдрич пользовался пятипалой человеческой конечностью, и если бы не металлический блеск, она вполне сошла бы за настоящую.

И еще он был слепым. С обычной человеческой точки зрения. Но у него были особые глаза. Пересадку — по ценам, достойным Эдрича, — сделали перед самым его отлетом бразильские окулисты. Их работа была поистине ювелирной. У заменителей, вставленных в глазные впадины, не было зрачков, и они не могли двигаться с помощью мускулов. Зато широкоугольные линзы и горизонтальная щель между ними обеспечивали панорамный обзор. Несчастный случай, в результате которого он потерял глаза, произошел в Чикаго: струя кислоты, выпущенная неизвестными злоумышленниками по неизвестным причинам... Эдрич, возможно, и знал эти причины. Однако он никому ничего не сказал, не преисполнился негодования, а просто отправился сразу к своей бригаде бразильских окулистов. Его, казалось, полностью удовлетворяли новые искусственные глаза, он почти сразу же объявился на торжественной церемонии в честь открытия нового оперного театра Святого Джорджа в Юте, нисколько не смущаясь и не тушуясь личных встреч. Даже теперь, спустя десятилетие, такие операции были редки, и сейчас Барни в первый раз довелось увидеть роскошные Дженсоновские широкоугольные глаза. Они и искусственная рука с ее чудовищно разнообразными возможностями поразили его гораздо больше, чем он ожидал. А может, в Эдриче было что-нибудь еще, из-за чего он производил такое впечатление?

— Мистер Майерсон, — сказал Палмер Эдрич и рассмеялся. В слабом

холодном марсианском свете сверкнули стальные зубы. Он протянул руку, и Барни автоматически сделал то же самое.

«Твой голос, — подумал Барни, — он идет откуда-то издалека...»

Он мигнул. Весь облик Элдрича был иллюзорным и неестественным, сквозь фигуру Палмера смутно проглядывался далекий горизонт. Это был какой-то фокус, хорошо сработанный призрак, по иронии судьбы явившийся именно ему.

В этом человеке было уже так много искусственного, что даже плоть и кровь перестали казаться реальными. И это прибыло с Проксимы? Если так, Хепберн-Гилберта обманули. Это не человеческое создание. Как не крути.

— Я все еще в корабле, — проговорил Палмер Элдрич. Его голос раздавался из громкоговорителя, установленного на борту корабля. — Предосторожность на случай, если вы работаете с Лео Балеро.

Вымышленная, иллюзорная рука коснулась Барни. Он почувствовал, как по нему разливается первозданный холод. Очевидно, это была чисто психологическая реакция.

— Раньше работал, — ответил Барни.

Подошли остальные колонисты: Скейны, Моррисоны и Реганы. Узнав стоящего перед Барни призрачного человека, они подходили, как осторожные дети, один за другим.

— Что здесь происходит? — спросил встревоженно Норм Скейн. — Это какой-то подвох, и мне все это что-то не нравится.

Встав рядом с Барни, он проговорил:

— Мы живем в пустыне, Майерсон. И нас постоянно преследуют миражи, звездолеты, люди и всякие необычные формы жизни. Вот как раз один из таких миражей. В действительности этого парня тут нет, как нет и его корабля.

— Возможно, они в шестистах милях отсюда, а это оптический обман, — добавил Тод Моррис. — И ты на него поддался.

— Но ты меня слышишь, — заметил Палмер Элдрич. Гудел и звенел динамик. — Я здесь, чтобы заключить с вами сделку. Кто в вашем жилище старший?

— Я, — ответил Норм Скейн.

— Вот моя визитная карточка.

Элдрич выудил маленькую белую карточку, и Норм Скейн инстинктивно потянулся за ней. Карточка прошла сквозь его пальцы и упала на песок. Элдрич рассмеялся. Это был пустой, холодный смех.

— Взгляни на нее, — сказал он.

Норм Скейн нагнулся, поднял карточку и изучил ее.

— Все верно, — сказал Элдрич. — Я здесь, чтобы подписать контракт с вашей группой. На поставку вам...

— Избавьте нас, ради бога, от расписывания достоинств вашего товара, — проговорил Норм Скейн. — Назовите только цену.

— Около одной достойной цены вашего прежнего продукта. И он во много раз эффективней. Вам даже не понадобится выставка.

Казалось, Элдрич обращался только к Барни. Его взгляд, однако, уловить было невозможно из-за особенностей устройств линз.

— Очень приятно, — сказал Барни.

— Прошлой ночью, когда Ален Фэйн спустился со своего спутника, чтобы встретиться с вами... — сказал Элдрич. — О чем вы беседовали?

— О делах, — сурово ответил Барни.

— Сообразил он быстро, но недостаточно для такого собеседника, как Элдрич. Следующий вопрос уже рычал из динамика.

— Так вы все же работаете на Лео Балеро? Что ж, хорошо задумано: послать вас сюда, на Марс, заранее. До нашего распространения Чу-Зет. Почему? Вы хотели этому помешать? В вашем багаже не было ни листовок, ни каких-нибудь других печатных материалов пропагандистского толка — только книги. Что, мистер Майерсон, Чу-Зет опасен для человека?

— Не знаю. Я хочу сам попробовать и увидеть.

— Мы все хотим, — сказала Френ Скейн. Она принесла кучу трюфельных шкурок, словно хотела тут же расплатиться. — Вы доставите товар прямо сейчас, или надо подождать?

— Я могу обеспечить ваш первый взнос, — отозвался Элдрич.

Что-то шелкнуло, и в корабле открылся люк. Из него выскочил маленький реактивный трактор и направился к ним. В ярде он остановился и выбросил коробку, обернутую обычной гладкой коричневой бумагой. Коробка лежала у их ног. Норм Скейн нагнулся и поднял ее. Она была реальной. Норм осторожно сорвал упаковку.

— Чу-Зет, — выдохнула Мэри Реган. — Ах, как много! И сколько это стоит, мистер Элдрич?

— Всего, — сказал Палмер, — пять шкурок.

Из трактора выдвинулся маленький ящик, размером точно по количеству шкурок.

После некоторой заминки жильцы согласились. Пять шкурок были помещены в ящик, и тот сразу убрался. Трактор развернулся и двинулся к кораблю. А Палмер Элдрич, седой, высокий и нематериальный, остался.

«Он появился, чтобы насладиться самим собой, — решил Барни. — Его не волнует, что у Лео Балеро за душой. Он и так процветает».

Предстоящее угнетало Барни, и он побрел в одиночестве к едва расчищенному участку, которому предстояло стать его садом. Повернувшись спиной к жильцам и Элдричу, он включил автоматическую драгу. Она за сопела, забухала, и в ней с шумом и грохотом стал исчезать песок. Интересно, сколько она выдержит? И сколько стоит здесь, на Марсе, ремонт? А может, здесь ничего не ремонтируют? Может, легче бросить?

За спиной послышался голос Палмера Элдрича:

— Теперь, мистер Майерсон, можете спокойно жевать Чу-Зет всю оставшуюся жизнь.

Он невольно обернулся, потому что как-то почувствовал, что это уже говорил не фантом. И в самом деле, наружу вышел человек.

— Вот и хорошо, — ответил Барни. — Ничего не могло бы мне доставить большего удовольствия.

Потом, колупаясь с автоматическим ковшом, спросил:

— Куда пойти, чтобы починить здесь, на Марсе, оборудование? Или об этом позаботится ООН?

— Откуда я знаю? — произнес Элдрич.

Добрая часть ковша осталась в руках у Барни. Он подержал ее, взвесил. Кусок, напоминавший по форме железный обод, был тяжел, и он подумал, что мог бы им убить Элдрича. Прямо здесь, на этом месте. Тогда не потребовалось бы принимать яд, переживать чудовищные конвульсии, суд... Но что это даст? Тут же придет возмездие. И он переживет Элдрича только на несколько часов.

А так ли уж это и плохо?

Он обернулся.

А потом все произошло так стремительно, что у него остались только смутные воспоминания. Из корабля ударил лазерный луч. Он почувствовал горячий удар, когда луч коснулся металлической секции в его руках. В тот же миг Палмер Элдрич отпрянул и, увертываясь из-за слабой марсианской гравитации, высоко подскочил. Барни глядел и не верил... Элдрич поплыл над ним, скаля стальные зубы и помахивая искусственной рукой. Его тощее тело медленно вращалось. Потом, качаясь и дергаясь в синусоидальном ритме, оно направилось к кораблю. Элдрич исчез почти мгновенно. Сразу же смолк и гул корабля. Палмер был внутри. В безопасности.

— Зачем он это сделал? — спросил Норм Скейн, съедаемый любопытством. Он подошел к Барни. — Что у вас, ради бога, произошло?

Барни не ответил, потрясенный. Он отбросил остатки металлического обруча на землю. Они были словно головешки, ломкие и сухие, и, когда коснулись земли, рассыпались в прах.

— Они поцапались, — сказал Тод Моррис. — Майерсон и Элдрич, видно, не нашли общий язык.

— Как бы там ни было, — оживился Норм, — мы достали Чу-Зет. Майерсон, ты в будущем лучше держись от Элдрича подальше. Позволь, я буду заниматься этим делом... Если бы я знал, что из-за того, что ты работаешь на Лео Балеро...

— Работал, — бессознательно поправил Барни, продолжая ковыряться с испорченным автоматическим ковшом.

Убийство Палмера Элдрича провалилось с первой же попытки. Как знать, представится ли другой такой случай.

Был ли этот шанс сейчас?

Ответ, решил он, один. Нет.

После обеда жильцы Чикен Покс Проспектс собрались жевать. Все были взволнованны и торжественны. Вряд ли кто-нибудь помнил, как сорвали с Чу-Зет упаковку и пустили наркотик по кругу.

— Ух, — вымолвила Френ Скейн, изменившись в лице. — На вкус он ужасный.

— Мерзкий, — поддержал раздраженно Норм, потом прожевал до конца. — Словно десятилетней давности мухомор. — Он стоически сглотнул и продолжал жевать. Потом поперхнулся и рыгнул.

— А как же без выставки? — вымолвила Эден Моррис. — Куда же мы будем транслироваться? Я боюсь. Будем ли мы вместе? Ты уверен, Норм?

— Кого это волнует? — отозвался, жуя, Сэм Реган.

— Взгляните на меня, — сказал вдруг Майерсон.

Все с любопытством уставились на него. Что-то в его тоне поразило их.

— Я кладу Чу-Зет в рот, — продолжил Барни, показывая. — Видите, что я сделал? Правильно! — Он начала жевать. — Теперь я жую его. — Его сердце екнуло.

«Господи, — подумал он, — смогу ли я пройти через это».

— Да, видим, — кивнул Тод Моррис. — Ну и что? По-моему, ты хочешь взлететь и смыться, как Элдрич, или что-нибудь в том же духе.

Теперь жевали все, все семеро. Барни закрыл глаза.

Следующее, что он увидел, была склонившаяся над ним жена.

— Хочешь второй «Манхеттен»? Если хочешь, то я закажу побольше холода для льда.

— Эмили, — проговорил Барни.

— Да, дорогой, — отозвалась она резко. — Когда ты так произносишь мое имя, я знаю, что сейчас ты начнешь одну из своих лекций. О чем на этот раз?

Она уселась напротив на подлокотник кушетки, разгладила юбку! Это был изумительный сине-голубой ручной работы мексиканский рапаунд, который он достал ей на рождество.

— Я готова, — произнесла она.

— Не лекция, — сказал он.

«Неужели я действительно такой? — спросил он самого себя. — Уже произношу тирады».

Пошатываясь, он встал на ноги. Кружилась голова, и он ухватился за ножку торшера.

Взглянув на него, Эмили сказала:

— Ты нажрался?

— Нажрался?

Он не слышал этого слова со времен колледжа. Оно было когда-то в моде, и Эмили все еще им пользовалась.

— Теперь, — сказал он отчетливо, — теперь говорят «напился». Понимаешь? Напился.

Он прошел, шатаясь, на кухню к буфету, где стояли напитки.

— Напился, — поправилась Эмили, вздохнув.

Она выглядела печальной. Он отметил это и удивился — почему?

— Барни, — сказала она наконец, — не пей много, ладно? Называй это

нализался, нажрался или как хочешь, не в этом суть. Я считаю, что в этом моя вина. Ты много пьешь, потому что я неадекватна.

Она мигнула уголком правого глаза, раздражающе привычным, похожим на тик движением.

— Это не потому, что ты неадекватна, — сказал он. — Просто у меня высокие требования.

«Я привык ждать слишком многого от других, — сказал он сам себе. — Ждать, что другие будут такими же представительными и непоколебимыми, как я. И разборчивыми в эмоциях. Но только не художники, или так называемые художники. Уж чересчур это близко».

Он приготовил себе новую порцию — один бурбон с водой, безо льда.

— Когда ты так напиваешься, — сказала Эмили, — я уже знаю, что ты зол, и мы на грани. И я ненавижу это!

— Тогда уходи, — сказал он.

— Черт тебя побери! — взорвалась Эмили. — Я не хочу уходить! Неужели, ты не можешь стать, — она безнадежно махнула рукой, — более покладистым, более терпимым или как там еще? Смотри, сглазишь... — ее голос замер, — мои недостатки.

— Нет, — ответил он, — их не сглазишь. А если сглазят, то только не я.

«Эмили не переделаешь, — думал он. — Она просто растяпа. Ее идеал — хорошо провести день, валяясь и безразличная или дура с кучей липких и неряшливых горшков. А тем временем...

Весь мир, включая всех служащих мистера Балеро, особенно его консультантов-предсказателей, достиг зрелости. Если так жить, я никогда не стану Нью-Йоркским консультантом. Я завязну здесь, в Детройте, где ничего, абсолютно ничего не происходит.

Если же мне удастся получить место Нью-Йоркского консультанта-предсказателя, то жизнь моя что-нибудь да значит. Я буду счастлив, потому что у меня будет работа, где я смогу полностью применить свои способности. Что, к черту, мне еще нужно? Ничего».

— Пойду я, — сказал он Эмили и поставил бокал. Потом прошел к кладовой и достал пальто.

— Ты вернешься раньше, чем я лягу спать?

Она печально проводила его до двери квартиры, здесь в 11139584 небоскребе, — считая от деловой части Нью-Йорка, — где они жили вот уже два года.

— Там видно будет, — сказал он и открыл дверь.

В коридоре маячила фигура рослого седого мужчины. У него были стальные зубы и мертвые, лишенные зрачков глаза и сверкающая искусственная рука, похожая на настоящую.

— Хелло, Майерсон.

Человек улыбнулся. Блеснули стальные зубы.

— Палмер Элдрич! — удивился Барни и повернулся к Эмили. — Ты видела его фото в газетах. Он очень известный промышленник. Вы хотели бы меня видеть? — спросил он нерешительно.

Во всем этом была какая-то таинственность, будто все уже когда-то происходило.

Барни вышел в коридор. Дверь за ним захлопнулась. Эмили послушно ее закрыла.

Теперь, казалось, Элдрич посуровел. Твердо и без улыбки он сказал:

— Майерсон, вы плохо пользуетесь своим временем. Вы ничего не делаете. Только повторяете прошлое. Для чего же тогда я продал вам Чу-Зет? Вы упрямы. Я никогда не видел ничего подобного. Я даю вам еще десять минут, а потом перенесу обратно в Чикен Покс Проспектс. Так что побыстрее воображайте, черт побери, то, что вы хотите, если хоть что-нибудь, наконец, поняли.

— Так что же, к дьяволу, тогда Чу-Зет? — спросил Барни.

Искусственная рука поднялась. С невероятной силой Палмер Элдрич толкнул, и Барни потерял равновесие.

— Эй, — сказал он слабо, пытаясь сопротивляться. — Что...

И тут повалился на спину. Болела и звенела голова. С великим трудом он открыл глаза и обвел взглядом комнату. Это была незнакомая комната. Пижама на нем была необычная. Может, он оказался в чужом доме?

В панике он проверил кровать, одеяло. Рядом с ним...

Он увидел незнакомую девушку, тихо посапывавшую во сне. Белые волосы, рассыпавшиеся на подушке, обнаженные гладкие плечи...

— Я опоздал, — сказал он, и голос показался ему самому резким и хриплым, почти незнакомым.

— Еще нет, — пробормотала девушка, не открывая глаз. — Успокойся, мы доберемся до работы... — она зевнула и открыла глаза, — за пятнадцать минут.

Она улыбнулась, его растерянность обезоруживала.

— Ты говоришь так каждое утро! Как насчет кофе? Надеюсь, он у меня будет?

— Наверное, — сказал он, выбираясь из постели.

— Мистер Кролик, — позвала насмешливо девушка, — как вы испугались. Меня, опоздания на работу — и уже бежите!

— Господи, — сказал он. — Мне все обрыдло.

— Что все?

— Эмили. — Он взглянул на девушку, на Рони, или как ее еще там. На ее спальню. — Я так ничего и не добился.

— Ох, здорово, — сказала Рони со злым сарказмом. — Тогда, может, разрешите сказать вам парочку ласковых слов, чтобы привести в чувство?

— И я понял это только сейчас, — сказал он. — Не много лет назад, а перед самым приходом Палмера Элдрича.

— Как же Палмер мог прийти? Он же в госпитале, где-то в районе Юпитера или Сатурна. ООН доставила его туда после катастрофы.

В ее тоне сквозила насмешка и любопытство.

— Мне только что явился Палмер Элдрич, — сказал он упрямо. А про себя добавил: «Я как раз возвращался к Эмили».

Ссутулившись, он сгреб свою одежду, прошлепал с ней в ванную и хлопнул за собой дверь. Он быстро побрился, переоделся, вышел и сказал девушке, все еще лежащей в постели:

— Я пойду. Не обижайся. Я должен.

Мгновением позже, даже не прикоснувшись к завтраку, он спустился на нижний уровень и встал под термозащитный экран, поджидая такси.

Такси, изящная сверкающая машина новой модели, в мгновение ока доставила его к небоскребу Эмили. Он расплатился, как в тумане вскочил в дверь и через несколько секунд был уже наверху, казалось, будто время остановилось, все замерло в ожидании. В застывшем мире он оказался вдруг единственным движущимся объектом.

Он нажал звонок.

Дверь открылась. На пороге появился какой-то человек.

— Да?

Человек был довольно красив. Шатен. С густыми бровями и аккуратно зачесанными кудрявыми волосами. В одной руке он держал утреннюю газету. За его спиной, в комнате, Барни увидел столик с приготовленным завтраком.

— Вы Ричард Хнатт? — спросил Барни.

— Да. — Озадаченный, тот внимательно разглядывал Барни. — Я вас знаю?

Появилась Эмили, одетая в серый, с высоким воротом свитер и запачканные джинсы.

— Боже. Это же Барни, — сказала она Хнатту. — Мой первый муж. Входи.

Она широко открыла дверь, и он вошел в прихожую. Казалось, Эмили была ему рада.

— Давно хотел с вами познакомиться, — сказал Хнатт ничего не выражающим тоном. Он хотел было протянуть руку, но передумал. — Кофе?

— Спасибо, — Барни прошел в комнату и сел к столику на незанятое место.

— Послушай, — обратился он к Эмили. Ждать он не мог, нужно было высказаться, пусть даже в присутствии Хнатта. — Порвав с тобой, я совершил ошибку. Я бы хотел вернуться. Давай начнем все сначала.

Эмили была все той же. Она рассмеялась и вышла за чашкой и блюдцем для него, ничего не ответив.

Он бы удивился, если бы она ответила. При ее ленивой безалаберности куда проще было просто рассмеяться.

«Господи», — подумал он и уставился прямо перед собой.

Напротив уселся Хнатт и сказал:

— Мы женаты. Неужели вы думаете, что мы только живем вместе?

Его лицо потемнело, но он себя контролировал.

— Брак можно расторгнуть, — сказал Барни, обращаясь к Эмили. — Ты согласна снова стать моей женой?

Он поднялся и нерешительно шагнул к ней. В тот же миг она повернулась и холодно подала ему чашку.

— О нет, — сказала она, все еще улыбаясь.

Ее глаза светились состраданием. Она понимала, каково ему. И это был не просто мгновенный импульс. Но ответом все равно осталось «нет». И он знает, что тут уже ничего не поделаешь. Ее не переубедить.

Он подумал: «Я отрезал ее, отверг однажды, отшел с полным пониманием того, что делаю, и вот результат. Видно, я, как говорится, бросил хлеб в воду, а тот вернулся обратно, чтобы задушить меня. Пропитанный водой хлеб, забивший горло так, что не вдохнуть, ни выдохнуть. И я заслужил это».

Возвратившись к столу, он сел и сидел, оцепенело глядя на руки Эмили, пока она наливала чашку.

— Как дела, Барни? — спросила Эмили.

— А, черт, просто замечательно! — Его голос дрожал.

— Слышали, ты живешь с миленькой молоденькой девочкой, — проговорила Эмили.

Она уселась на свое место и принялась за завтрак.

— Пусть так, — сказал Барни. — Забудем.

— Кого? — Ее тон стал обыденным.

«Пришло время, когда я стал просто старым приятелем или, скорее, соседом из другой квартиры, — подумал Барни. — Безумие! Как она может... нет, это невозможно!»

Вслух он сказал:

— Ты боишься, что если мы опять сойдемся, то вновь разойдемся? Раз обожжешься, второй раз не полезешь? Но я никогда не сделаю ничего подобного.

Своим спокойным, обыденным голосом Эмили проговорила:

— Прости, но ты, похоже, скверно себя чувствуешь, Барни. Ты виделся с аналитом? Кто-то рассказывал, что тебя видели с чемоданчиком психиатра.

— Доктором Смайлом, — сказал он, припоминая.

Наверное, он оставил чемоданчик в квартире Рони Фьюгет.

— Мне нужна помощь. Нет ли какой-нибудь возможности...

Он запнулся.

«Можно ли вернуть прошлое? — спросил он себя. — Очевидно, нет. Причина и следствие действуют только в одном направлении и изменить ничего нельзя. Что произошло, то прошло, и делать здесь более нечего».

Он поднялся.

— Я, должно быть, сошел с ума, — сказал он обоим, ей и Ричарду Хнатту. — Извините. По-моему, я еще не проснулся. С утра выбит из колеи. Все качалось, когда я проснулся.

— Выпейте кофе, а то вы о нем совсем забыли, — сказал Хнатт. — У вас, видно, на сердце скребут кошки.

Кровь сошла с его лица. Он, как и Эмили, стал теперь спокойным и рассеянным.

— Я не понимаю, — растерянно проговорил Барни. — Палмер Элдрич велел сюда прийти. Или нет? Думаю, должно было что-то сработать... Хнатт и Эмили переглянулись.

— Элдрич ведь где-то в госпитале... — начала было Эмили.

— Здесь что-то не так, — настаивал Барни. — Элдрич обязан был контролировать ситуацию. Лучше я его найду. Он должен мне объяснить...

Его охватила паника, быстрая, как ртуть, жидкая паника. Она заполнила его до самых кончиков пальцев. Он собрался сказать: «До свидания» и уже направился было к двери.

Но тут за его спиной Ричард Хнатт сказал:

— Подожди.

Барни обернулся. За столом, с застывшей на лице слабой улыбкой, сидела Эмили. Рядом с ней, лицом к Барни, — Хнатт. У Хнатта была искусственная рука. Он держал вилку, и, когда поднес кусочек яичницы ко рту, Барни увидел большие, выступающие, безупречные стальные зубы. И Хнатт был седой, высохший, с мертвыми глазами и еще выше, чем прежде, — казалось, он занимал собой всю комнату. Но все равно это был Хнатт.

«Я никогда этого не постигну», — подумал Барни, застыв в дверях.

— Я хочу сказать тебе, — проговорил Хнатт деловым тоном, — что Эмили любит тебя гораздо сильнее, чем ты думаешь. Я знаю, потому что она говорила мне. И не один раз.

Он взглянул на Эмили:

— Ты, Эмили, человек долга. Ты считаешь моральным обязательством, поступать подобным образом, подавляя свои чувства к Барни. Вот почему ты поступаешь так, а не иначе. Забудь про свой долг. На этом брак не построишь. Все идет спонтанно. Даже если тебе кажется, что плохо... — Он махнул рукой. — Ладно, давай скажем мне «нет»... Все же взгляни честно в лицо фактам и не укрывайся от чувств за личиной самопожертвования. Знаешь, почему ты сейчас так обошлась с Барни? Потому что ты позволила покинуть себя, думая, что не должна мешать его карьере. И все же, поступив так, ты сделала ошибку. Будь правдива хотя бы перед собой.

И он усмехнулся Барни. Усмехнулся, и один мертвый глаз, будто механически, подмигнул.

Теперь перед Барни был Палмер Элдрич.

Эмили, однако, ничего не заметила. Ее губы то трогала улыбка, то исчезала. Она казалась смущенной, растерянной и немного разгневанной.

— Ты меня чертовски разозлил, — наконец проговорила она. — Я сказала тебе, что чувствую. Я не лицемерила. И мне не нравится, когда обвиняют понапрасну.

Сидящий рядом с ней человек сказал:

— У тебя только одна жизнь. Если хочешь прожить ее с Барни, а не со мной, то...

— Не хочу, — она взглянула на Барни.
— Я пошел, — сказал Барни и открыл дверь. — Бесполезно.
— Подожди! — Палмир Элдрич поднялся и двинулся за ним. — Я провожу тебя.
Они вместе побрели к лестнице.
— Не унывай, — сказал Элдрич. — Вспомни: это первый случай, когда ты пользуешься Чу-Зет. У тебя впереди еще много возможностей. Дерзай, пока не добьешься.
— Так что же такое, черт побери, Чу-Зет? — спросил Барни.
Сзади, где-то очень близко, женский голос потворил:
— Барни Майерсон! Очнитесь.
Он был потрясен. Он мигнул и скосил глаза в сторону. Перед ним на коленях стояла Энни Хауторн и трясла его за плечо.
— Что случилось? Я вошла, а никто не откликается. Потом обежала все вокруг. Всех будто вымело. А если б я была агентом ООН?
— Ты меня разбудила, — сказал он Энни, поняв, что произошло.
Он почувствовал невероятную обидную опустошенность. Однако трансляция окончилась, что сделано, то сделано, и ее не вернешь. А он жаждал ее, изнывая, томился. Окунуться в нее вновь и чем скорее, тем лучше. Все остальное неважно. Даже девушка рядом с ним.
— Было хорошо? — с чувством спросила Энни. — Я тоже купила. Он приходил и в наше жилище тоже. Тот человек, со странными зубами и глазами. Седой, высокий.
— Элдрич. Или его фантом.
Суставы болели, будто он просидел, согнувшись, несколько часов.
Но, взглянув на часы, он понял, что прошло всего несколько секунд, от силы минута — не более.
— Элдрич везде, — сказал он Энни. — Дай мне твой Чу-Зет.
— Нет.
Он пожал плечами, скрывая свое огорчение. Острый, почти физический удар лишения. Ладно. Палмер Элдрич еще возвратится. Он уж наверняка знает действие своего продукта. Возможно, он прибудет даже сегодня к вечеру.
— Расскажи мне, — попросила Энни.
— Это иллюзорный мир, в котором Элдрич — Бог. Он дает тебе шанс исполнить то, что ты не сумел сделать в реальной жизни, — прошлое по своему желанию. Но даже ему это не всегда по плечу. Подожди.
Тут Барни затих и сел, растирая ноющий лоб.
— Это как во сне?
— Нет, совершенно не похоже на сон. Гораздо хуже, чем в аду. Да, есть что-то от ада: повторение и упорство.
— Если ты вернешься назад... — начала Энни.
— «Если»... — Он устался на нее. — Я ушел, чтобы вернуться. Я ничего не мог сделать на этот раз.
«Сотни раз, — подумал он. — Вот сколько потребуется».

— Послушай, Энни, ради бога, одолжи мне твою пачку Чу-Зет. Я знаю, я смогу ее убедить. Я перетянул на свою сторону Элдрича. Теперь она сходит с ума, я сделаю ей сюрприз.

Он затих и посмотрел на Энни Хауторн. «Что-то здесь не так, — подумал он. — Ведь...»

У Энни была искусственная рука и пластмассовая ладонь. Металлические пальцы были всего в нескольких дюймах от него, и он мог разглядеть их повнимательней. А когда он всмотрелся в ее лицо, то увидел такую пустоту и безмолвие, как в межзвездном пространстве. Мертвые глаза, наполненные космосом неизведанных миров, глядели на него.

— Позже, — ответила холодно Энни. — Одной встречи в день вполне достаточно. — Она улыбнулась. — И потом... У тебя скоро кончатся шкурки. Ты сядешь на мель. Что ты будешь делать тогда?

Вспыхнула ее улыбка — сверкающее изобилие нержавеющей стали.

Вокруг начали пробуждаться остальные жильцы. Пробуждение было тяжелым и шло медленно, болезненно. Люди садились, что-то бормотали, пытались понять, где находятся. Энни куда-то ушла. Барни умудрился подняться на ноги. «Кофе, — подумал он, — как пить дать, она пошла готовить кофе».

— Ах, — вздохнул Норм Скейн.

— Где вы были? — спросил Тор Моррис, едва ворочая языком. Он с трудом поднялся. Потом помог своей жене. — Я отправился в свою юность, в высшую школу, где у меня было первое настоящее свидание. Впервые, вы понимаете меня, по-настоящему удачное.

Он нервно оглянулся на Элен.

— Это во много раз лучше, чем Кей-Ди. Бесконечно. О, если бы я смогла рассказать вам, что я видела... — Элен многозначительно хмыкнула. — Но я не могу, увы.

Ее лицо было красным и горячим.

Вернувшись в свою комнату, Барни закрыл дверь и достал тюбик с ядом. Он подержал его в руке, подумал: «Время пришло. А может, отказаться?»

Тем не менее он отвинтил колпачок.

Слабый, тихий голос, возникший из открытого тюбика, пропищал:

— За вами наблюдают, Майерсон. И если вздумаете увилывать, мы будем вынуждены принять меры. Это вас немного охладит. Извините.

Он быстро надел колпачок обратно на тюбик и закрутил его крепко-накрепко дрожащими пальцами. Тюбик был пуст!

— Что это? — сказала вошедшая в комнату Энни. Видно, до этого она была на кухне. На ней красовался найденный где-то фартук. — Что это? — повторила она, глядя на тюбик.

— Вот, вылетело, — проскрежетал Барни, — из него.

— Прямо из него?

Ее появление, вполне реальное, немного успокаивало. Теперь все было в порядке.

— Наверное, ты болен, Барни. Может, это остаточное действие Чужет? — тревожно сказала Энни.

— Похмелье...

— Неужели, Палмер Эдрич действительно внутри, — подивился он, рассматривая закрытый тубик. Он повертел его в ладонях.

— Есть ли какой-нибудь способ связаться со спутником Фэйна?

— Думаю, да. Возможно, стоит только набрать видеовызов или что-нибудь в этом роде...

— Пойди, скажи Норму Скейну, чтобы Фэйн связался со мной.

Энни вышла. Дверь за ней захлопнулась.

Он сразу же выудил из потайного места за шкафом кодовую книжку, которую ему презентовал Фэйн. Придется ею воспользоваться.

Страницы кодовой книжки были пустыми.

«Видно, не хочет расшифровываться, — сказал он про себя, — и против этого не попрешь. Я сделал все, что нужно. И бестолку».

Дверь внезапно распахнулась. На пороге появилась Энни:

— Мистер Скейн получил для вас вызов. Он сказал, что вас постоянно запрашивают.

Барни пошел за ней по коридору в тесную, маленькую комнату, где за передатчиком сидел Норм. Когда Барни вошел, Норм повернул к нему голову и сказал:

— Позвать Карлотти? Не так ли?

— Алена.

— О'кей, — отозвался Норм. — Вызывает инкубатор.

Он передал микрофон Барни.

На крошечном экране появилось профессионально веселое лицо Алена Фэйна.

— С вами хочет побеседовать один из новых поселенцев, — объяснил Норм, залихватски перехватывая микрофон. — Барни Майерсон приветствует добрую половину команды, держащей нас в добром здравии и уме здесь, на Марсе.

Потом он пробормотал: «Боже, как раскалывается голова. Простите». И уступил кресло у передатчика Барни. А сам, пошатываясь, вышел в коридор.

— Мистер Фэйн, — начал осторожно Барни. — Утром я говорил с мистером Палмером Эдричем. Он упомянул о нашей с вами встрече. Он оказался осведомленным настолько, что я не вижу причины...

— Какой встречи? — спросил холодно Ален Фэйн.

На мгновение Барни запнулся.

— Очевидно, они установили инфракрасную телекамеру, — продолжал он. — Скорее всего, на спутнике. Однако содержание нашей беседы, насколько я знаю, пока не...

— Ты рехнулся, — сказал Фэйн. — Я тебя не знаю. И никогда с тобой не встречался. Ладно, парень, ты запрашивал вызов или нет?

Его лицо стало бесстрастным и отрешенным. Казалось, он не играл. — Вы меня не знаете? — спросил, не веря своим ушам, Барни.

Фэйн на своем конце оборвал связь. Крошечный видеозэкран потух. Барни выключил передатчик. Он не чувствовал ничего, только апатию. Он пошел за Энни и очутился в коридоре. Там он остановился, достал свой запас земных сигарет и, может быть, напоследок, закурил.

То, что Элдрич сделал с Лео на Луне, Сигме 14-Б или где-то там еще, он сделал сейчас и с ним. И, видно, он поймает в ловушку всех обитателей лачуг. Одним и тем же способом. Изолировав. Общий мир исчезнет. Для Барни он уже исчез. С него Элдрич начал.

«Ну что ж, — подумал Барни, — придется вернуться обратно с пустым тубиком, который мог содержать редкий, дорогой, дезорганизирующий мозг токсин и который теперь содержит только Палмера Элдрича. И даже не всего, а только его голос».

Спичка обожгла ему пальцы. Он не заметил этого.

11

Передав стопку сообщений, Феликс Блау констатировал:

— Пятнадцать часов назад с одобрения ООН звездолет, принадлежащий Чу-Зет, приземлился на Марсе и раздал первые пачки жителям Финебургского Полумесяца.

Лео Балеро нагнулся к экрану, скрестил руки и спросил:

— Включаю Чикен Покс Проспектс?

— Разумеется, — кивнул Феликс.

— Сейчас, — проговорил Лео, — должно быть, он уже проглотил свою дозу этой мерзости, перетряхивающей мозги, и с минуты на минуту мы услышим о нем через спутниковую систему связи.

— Полностью с вами согласен.

— Уильям К.Кларк все еще на чеку?

Кларк был ведущим адвокатом П.П.Лайотс на Марсе.

— Да, — ответил Феликс. — Но Майерсон с ним еще не связывался. Он вообще ни с кем не связывался. — Блау показал на документы. — Это все, абсолютно все, чем я располагаю.

— Может, он погиб? — встревожился Лео. Он стал угрюмым. Все было против него. — Может, у него такие судороги, что...

— Но тогда мы знали бы. Был бы оповещен какой-нибудь из трех госпиталей на Марсе.

— А где Палмер Элдрич?

— Никто в моей организации не знает, — сказал Блау. — Он покинул Луну и исчез. Как в воду канул. Мы просто сбились с ног.

— Мне нужно узнать, — сказал Лео, — что происходит в этой лачуге, Чикен Покс Проспектс, и где сейчас Барни Майерсон.

— Поедете на Марс сами?

— О, нет, — отозвался Лео. — Я не оставлю П.П.Лайотс. Тем более

после того, что случилось со мной на Луне. Не мог бы ты подыскать там человека из твоей организации, который бы нас информировал.

— У нас есть одна девушка, некая Энни Хауторн. Но она еще нигде не проверена. Может быть, я сам вылечу на Марс? Вы точно не летите?

— Я? Нет, — повторил Лео.

— Это будет вам многого стоить, — сказал Феликс Блау.

— Наверняка, — отозвался Лео. — И я заплачу. Но, в конце концов, у нас появится хоть какой-то шанс. Думаю, если все оставить, как прежде, мы вообще ничего не получим.

«И нам придет конец, — сказал он самому себе. — Во всяком случае, мне...»

— А вас не пугает, во что вам обойдется, если погибну я? Если они достанут меня там, на Марсе? Моя организация...

— Прошу тебя, — сказал Лео, — я не желаю больше говорить о том, что Марс — могила, вырытая Элдричем! Возможно, Элдрич сожрал Барни Майерсона. Отлично! Тогда пойдешь ты и сам разведашь Чикен Покс Проспектс.

Он отключился.

Позади него, внимательно слушая, сидела Рони Фьюгет, новый Нью-Йоркский консультант-предсказатель.

«Эта не упустит ни одного слова», — подумал Лео.

— У вас хороший слух? — спросил он грубо.

— Вы поступили с ним так же, как и он с вами, — сказала Рони.

— Кто? Что?

— Барни побоялся последовать за вами, когда вы исчезли на Луне. Теперь вы побоялись...

— Что ж, все правильно. Я чертовски напуган Элдричем. Конечно, я ни за что не поеду на Марс, и здесь вы абсолютно правы.

— Но никто, — проговорила спокойно Рони, — и не собирался в вас стрелять. Никто, не то, что с Барни.

— Я сам застрелил себя. Внутри. Это больнее.

— Но не настолько, чтобы отказаться от полета на Марс.

— Правильно.

Он рывком повернулся к экрану и вновь вызвал Феликса Блау.

— Блау, я передумал. Я поеду сам. Хотя это и безумие.

— Если честно, — сказал Феликс Блау, — по-моему, вы делаете как раз то, чего хочет Палмер Элдрич. Храбрость против...

— Элдрич действует через свой наркотик. В нем вся сила. Пока он не сумеет подослать ко мне своего человека, я спокоен. Возьму с собой несколько охранников компании. Пусть присмотрят, чтобы мне не всадили, как в прошлый раз, инъекцию. Эй, Блау! А не поехать ли нам вместе? О'кей! — Он обернулся к Рони. — Ну как? Теперь все в порядке?

— Да, — кивнула она.

— Видишь? Она дает добро. Так что поехали со мной на Марс. Будешь моей опорой.

— Ладно, Лео, — отозвался Феликс Блау. — И если тебя угораздит потерять сознание, я приведу в чувство. Встретимся в вашем офисе, — он сверился с часами, — в два часа. Обсудим детали. Да, и подготовьте быстрый корабль. А я захвачу с собой парочку надежных людей. Мне нужна абсолютная уверенность.

— Ладно, — сказал Лео Рони, прерывая связь. — Вы присвоили себе дело Барни, и если я не вернусь, то, возможно, присвоите и мое.

Он взглянул на нее. «Женщина может заставить мужчину сделать, что угодно, — подумал он. — Мать, жена, даже подчиненные, они гнут и крутят нас, точно мы маленькие горячие кусочки термопласта».

— Думаете, я вам так посоветовала только из-за этого, мистер Балеро? Вы действительно так считаете?

Он выдержал ее долгий, тяжелый взгляд.

— Да. Потому что у вас ненасытное честолюбие. Я действительно так считаю.

— Вы ошибаетесь.

— Если я не вернусь с Марса, вы пойдете мне на помощь? — Он подождал. Но она не ответила. Он увидел выражение ее лица и громко рассмеялся. — Конечно, нет.

— Я должна вернуться в свой кабинет, — сказала холодно Рони Фьюгет. — У меня новые товары для отборочной комиссии. Последние образцы из Кейптауна.

Она вышла. Он проводил ее взглядом, подумав: «Она настоящая. Не Палмер Элдрич. Коли вернусь обратно, обязательно найду способ тихо выставить ее. Мне не нравится, когда меня двигают, точно пешку».

Палмер Элдрич, — вспомнил он вдруг, — явился мне в образе маленькой девочки, кроткого ребенка. Потом в образе собаки. Может, это и не Рони Фьюгет? Может, это тоже Палмер Элдрич?»

Он похолодел.

«То, что у нас тут происходит, — думал он, — не вторжение на Землю Проксимианцев, созданий из другой звездной системы, не нашествие легионов псевдогуманоидной расы. Нет. Это Палмер Элдрич, вездесущий, размножающийся, как сорняк. Существует ли тот предел, где он, чересчур разрушившись, лопнет? Элдрич на Земле, Луне или Марсе — везде надуваются и взрываются: поп, поп, ПОП! И, как сказал Шекспир, простой укол через доспехи — прощай, король».

Но чем мы будем колоть? И где то незащищенное место, куда мы воткнем иглу? Я не знаю. И Феликс не знает. Похитить Зою, его пожилую безобидную дочь? Вряд ли Палмера это тронет. Но как же покончить с Элдричем?»

По видеофону он еще раз вызвал спутник Адена Фейна. На экране появилось лицо его первого диск-жокея.

— Да, мистер Балеро.

— Вы уверены, что Майерсон не выходил на связь? Ведь он получил кодовую книгу?

— Получил. Но пока от них ничего нет. Мы прослушиваем каждую передачу из Чикен Покс Проспектс. Мы видели, как рядом с жилищем приземлился корабль Элдрича — это было несколько часов назад. И мы видели, как из корабля вышел Элдрич и направился к жильцам. И хотя наши камеры не смогли уловить этот момент, я уверен, что сделка состоялась. И Барни Майерсон был одним из колонистов, которые встретили Элдрича на поверхности.

— По моему, я знаю, что случилось, — сказал Лео. — О'кей, спасибо, Эл.

Он отключился.

Барни ушел вниз с Чу-Зет, понял он. И прямо с ходу они уселись в кружок и принялись жевать. Это был конец. Так же, как и для него, Лео, на Луне. Тактика требовала, чтобы Барни попробовал наркотик. И таким образом, они сами толкнули его в грязные, механические руки Палмера. Как только Барни проглотил наркотик, они проиграли. Потому что Элдрич как-то умеет контролировать каждый галлюциогенный мир, создаваемый Чу-Зет. И он, Лео, знал, знал это. Знал и то, что фантастический мир, который вызывается Чу-Зет, находится в голове Палмера Элдрича. И в этом он убедился лично.

И вся трудность заключается в том, что, попав однажды в один из этих миров, человек уже не в силах выбраться обратно. Он остается там. Даже когда думает, что полностью свободен. Это дверь в одну сторону.

И все же это кажется невероятным. «И еще, — подумал он, — это показывает, как я напуган. И Рони это подметила. Испугался настолько, что, смею признаться, готов бросить Барни в беде. Как он когда-то бросил меня. И Барни наверняка предвидел, в каком положении я сейчас окажусь. Он знал заранее обо всем. Даже о том, что я сейчас буду чувствовать. Неудивительно, что он так артачился, не хотел принимать токсин.

И кто из нас сейчас добивается искупления? Я, Барни, Феликс Блау? Кто из нас первым расчувствуется, чтобы его сожрал Палмер? И именно сожрал. Потому что все мы для него — лишь потенциальная пища. А сам он — гигантский зев, прибывший из системы Проксима, гигантский рот, открывшийся, чтобы проглотить всех нас. Нет, он не каннибал. Потому что сам он — не человек. Но что он собой представляет? Это объяснить невозможно. И вот сейчас по всему Марсу раздадут это страшное порождение Элдрича, этот ужасный наркотик».

— Тьфу, черт!

Лео мрачно потянулся к переключателю на интеркоме. «Надо отдать приказ насчет быстрого корабля. И неплохо бы хорошего пилота, — вспомнил он. — Слишком много автоматических посадок кончились неудачей в последнее время. Не хватало еще шлепнуться где-нибудь в захолустье — тем более в таком захолустье».

— Кто у нас лучший межпланетный пилот? — спросил он у мисс Глеасон.

— Джон Дэвис, — услужливо сказала секретарша. — У него безупречная

характеристика. Вы знаете. Его полеты с Венеры... — Она намекнула на их предприятие с Кей-Ди.

Через несколько минут все приготовления были закончены.

Лео Балеро откинулся в кресле, закурил большую гаванскую сигару, которая хранилась в заполненном гелием Хьюнидоре, возможно, несколько лет... Сигара оказалась сухой и ломкой. Она хрустнула под его зубами, и Лео почувствовал разочарование. На вид она была такой хорошей, так безупречно сохранившейся в своем саркофаге.

Дверь кабинета открылась. Вошла мисс Глеасон с бумагами затребованного корабля.

Рука, державшая бумаги, была искусственной. Он уловил блеск незамакированного металла и тотчас же поднял голову, изучая ее лицо, или то, что от него осталось. «Неандертальские зубы, — подумал он, — вот что напоминают эти гигантские, нержавеющей стали клыки. Возвращение на двести тысяч лет назад. Мерзость! И глаза без зрачков. Производство Дженсоновских лабораторий».

— Черт тебя побери, Элдрич, — сказал он.

— Я твой пилот, — сказал Палмер Элдрич из контура мисс Глеасон. — И собираюсь с тобой договориться. Как только приземлимся. Чем скорее, тем лучше.

— Дайте мне подписать бумаги, — сказал Лео.

— Ты все еще хочешь лететь на Марс? — удивился Палмер.

— Да, — ответил Лео и стал терпеливо ждать затребуванных бумаг.

* * *

Барни Майерсону мучительно хотелось Чу-Зет.

В дверях радиорубки появилась Энни Хауторн.

— У тебя все в порядке?

— Наверное, — сказал Барни. Он уронил сигарету на пол и растер ее носком башмака. — Не хочешь дать мне свою пачку Чу-Зет?

Энни покачала головой.

«Нет, это не Энни, — подумал он, — это Палмер Элдрич, действующий через нее и держащийся в тени. А раз так, то я могу добыть Чу-Зет силой».

Он схватил девушку за руку.

— Остановись, — вымолвила она. Или, скорее, оно.

— Эй, — вскрикнул Норм Скейн, — что вы делаете, Майерсон? Отпустите...

Сильная искусственная рука ударила Барни. Металлические пальцы сомкнулись на его шее, со знанием дела нащупывая место, где очень близко властвует смерть. Но пачка была уже у него, и он отпустил девушку.

— Не надо, Барни, — сказала тихо Энни. — Слишком мало времени прошло после первой дозы. Пожалуйста!

Не ответив, он направился в свою комнату.

— Тогда сделай для меня одну вещь, — сказала она вслед. — Разломи ее на двое. Я хочу пожевать вместе с тобой.

— Зачем? — спросил он.

— Может быть, я смогу тебе чем-нибудь помочь.

— Я справлюсь сам, — сказал Барни. — Может, я застаю Эмили до развода. Пока не появится Ричард Хнатт. Это единственный промежуток времени, где у меня остался шанс.

«Пытаться, — подумал он. — Пытаться вновь и вновь. Пока не добьюсь своего».

Он запер дверь.

Глотая Чу-Зет, он подумал о Лео Балеро.

«Ты удрал. Возможно, потому, что Палмер Элдрич оказался сильнее. Не так ли? Или же Палмер Элдрич подразнил тебя, стравив лить? Ты мог бы прийти и остановить меня. Хотя сейчас уже поздно. Даже Элдрич предупреждал через Энни Хауторн. А это уж слишком — даже для него. И что дальше? Не зашел ли я слишком далеко? Вот теперь погружаюсь на дно, где ничего не существует, куда не достать даже Палмеру Элдричу.

И конечно, я не смогу вернуться обратно».

Он опустил голову и невольно закрыл глаза. Казалось, его мозг, живой и испуганный, буквально зашевелился. «Изменение метаболизма, — догадался он. — Шок. Потрясение. Прости за все, — сказал он себе, извиняясь перед соматической системой. — О'кей?»

— Помогите, — сказал он вслух.

— А, помогите? — проскрежетал человеческий голос. — Что для тебя сделать? Протянуть руку? Открыть тебе глаза и унести отсюда? Этот период ты провел на Марсе. Он сломил тебя! И я сыт по горло. Пошли!

— Заткнись, — сказал Барни. — Мне плохо. Я зашел слишком далеко. Все, что ты можешь, так это орать на меня!

Он открыл глаза и оказался лицом к лицу с Лео Балеро, сидящим за большим, дубовым столом.

— Послушай, — проговорил Барни. — Я сейчас на Чу-Зет. Я не в силах остановиться. И если ты не сможешь, тогда мне конец.

Его ноги подгибались, словно таяли. Он едва дотащился до ближайшего кресла.

Осмотрев его внимательно, Лео, дымя сигаретой, проговорил:

— Ты на Чу-Зет? — он нахмурился. — Как и два года назад...

— А это страшно?

— Да. Страшно. Господи, я не знаю, стоит ли вообще говорить с тобой. Кто ты? Какой-то фантом из прошлого.

— Ты слышал, что я сказал? Я на Чу-Зет.

Он стиснул пальцы.

— Ладно, ладно, — Лео возбужденно дохнул клубом густого серого дыма. — Не уходи. Я тоже заглянул вперед и увидел будущее. И оно меня не убедило. К тому же, черт побери, ты сам предсказатель. Мог бы этим

воспользоваться. В общем... — Он откинулся в кресле, положив ногу на ногу. — Я видел монумент, помнишь? Думаешь, кому он? Мне...

Он взглянул на Барни, потом пожал плечами.

— За это время я ничего не добился, вообще ничего, — сказал Барни. — Я хочу вернуть свою жену. Я хочу Эмили.

Он почувствовал яростную, растущую злобу. Горечь утраты.

— Эмили, — Лео Балеро кивнул. Потом сказал в интерком: — Мисс Глеасон, пусть нас пока никто не тревожит.

Он опять переключился на Барни, наградив его пронзительным взглядом.

— Этого парня — Хнатт, так, кажется, его фамилия — недавно доставили в полицию ООН вместе с остатками элдритчевской организации. Видишь ли, Хнатт когда-то подписал контракт с агентом Элдрича. Ну вот. Они дали ему выбор: либо тюремная камера, — о'кэй, я понимаю, что это чересчур жестоко, но не порицай меня, — либо высылка. Он эмигрировал.

— А что с ней?

— С ее-то горшками? Разве смогла бы она, черт побери, заниматься ими в жилище под Марсианской пустыней. Она свалила такого дурака... Подождешь — увидишь...

— А вы действительно Лео Балеро? — спросил Барни. — Или вы Палмер Элдрич? А то от этой мысли мне становится как-то не по себе.

Подняв бровь, Лео проговорил:

— Палмер Элдрич умер.

— Но это невозможно. Нереально. Это созданная наркотиком фантазия. Трансляция.

— К дьяволу, «реально», — гаркнул на него Лео. — Откуда тогда появился я? Слушай. — Он сердито указал пальцами на Барни. — Во мне нет ничего нереального. Ты единственный здесь фантом и, как сам говоришь, из прошлого. По-моему, ты все переворачиваешь с ног на голову. Слышишь? — Он постучал по поверхности стола костяшками пальцев. — Звук реален. И я утверждаю, что твоя бывшая жена и Хнатт давно разошлись. А знаю, потому что она продала нам свои горшки для минимизации. Собственно, она была в кабинете Рони Фьюгет в прошлый четверг.

Он заткнулся сигарой, продолжая брезгливо смотреть на Барни.

— Тогда все, что мне нужно, — сказал Барни, — так это увидиться с ней. Осталась самая малость.

— О, да, — кивнул Лео. — Вот только, что ты собираешься делать с Рони Фьюгет? Вот уже два года, как ты живешь с ней в мире, который кажется тебе воображаемым и нереальным.

— Два года? — изумленно вымолвил Барни.

— И Эмили знает это, потому что с тех пор, как она поставляет нам через Рони керамику, они стали приятельницами и навернякаверяют друг другу свои тайны. Посмотрим на это с точки зрения Эмили. Если она позволит тебе вернуться, то Рони, скорее всего, прекратит принимать ее горшки для минимизации. Рискованно. И бьюсь об заклад, Эм не

согласится. Думаю, мы дали Рони слишком много власти. Как и вам в свое время.

— Эмили никогда не ставила свою карьеру выше личной жизни, — сказал Барни.

— Ты сам во всем виноват. Но как бы там ни было, даже без этого пугала Хнатта, с какой стати Эмили захочет к тебе вернуться? Она сделала такую карьеру! Ведет превосходную жизнь! Она — самый известный художник планеты. Шкурки текут к ней рекой... И хочешь правду? Она может получить любого мужчину, кого только пожелает. В любое время. Эмили ты не нужен. Посмотри в лицо фактам, Барни. К тому же, чем плоха Рони? Честно говоря, я бы не променял...

— По-моему, ты Палмер Элдрич, — сказал Барни.

— Я? — Лео выпятил грудь. — Барни, я убил Элдрича. Вот почему они воздвигли мне памятник. — Его голос был низок и спокоен; но сам он стал пунцово-красным. — Разве мои зубы из нержавеющей стали? Или у меня искусственная рука? — Лео поднял обе руки. — А мои глаза...

Барни двинулся к дверям кабинета.

— Куда ты? — спросил Лео.

— Я знаю, — ответил Барни, открывая дверь, — что если увижу Эмили хотя бы на несколько минут...

— Но ты не сможешь, приятель, не сможешь, — Балеро безнадежно покачал головой.

Дожидааясь в коридоре лифта, Барни подумал: «Может быть, это действительно Лео? И может быть, это происходит наяву?»

Тогда без Элдрича мне не обойтись.

Энни была права. Мне следовало тогда отдать ей полпачки и потом попробовать их вместе. Энн, Палмер... Это ведь одно и то же... Все он — создатель. Хозяин этих миров. А мы, остальные, лишь обитаем в них. И то только тогда, когда он захочет, чтобы там кто-нибудь обитал. Он может выглянуть из-за декораций, показаться, распахнуть вещи и людей в любых направлениях. Даже стать любым из нас. Вечный, вне времени, соединяющий звенья всех измерений... Он может даже проникать в мир, в котором погиб. Палмер Элдрич отправился к Проксиму человекам, а вернулся Богом.

Вслух, стоя в ожидании лифта, Барни сказал:

— Палмер Элдрич, помоги мне. Верни мне мою жену. — Он оглянулся. Никакого намека, что его услышали.

Подошел лифт. Двери скользнули в стороны. Внутри лифта молча ждали четверо мужчин и две женщины.

И все Палмеры Элдричи. Мужчины и женщины были похожи: искусственные руки, нержавеющей стали зубы, худые, костистые лица с Джексонскими лицами.

Почти в унисон, но не громко, будто соревнуясь друг с другом за право сказать первым, шестеро людей проговорили:

— Вы не способны вырваться отсюда в свой собственный мир,

Майерсон. На этот раз, приняв мощную сверхдозу, вы зашли слишком далеко. Я предупреждал вас, когда вы вырвали ее у меня в Чикен Покс Проспектс.

— Ты не можешь мне помочь? — спросил Барни. — Я собрался вернуть Эмили назад.

— Ты не понимаешь, — разом сказали Палмеры Элдричи, и все покачали головами. Это было то же самое движение, какое недавно сделал Лео. Только в нем не чувствовалось такой уверенности. — Я же тебе говорил: поскольку это твое будущее, ты здесь и существуешь. В этом будущем твое место уже занято. Подумай сам: обыкновенная логика. Для кого ловить Эмили? Для тебя? Или для настоящего Барни Майерсона? Ведь он сам живет в этом времени. И не думай, что он не старался вернуть Эмили назад. Неужели ты полагаешь, будто, как только погорел Хнатт, он не сделал ей предложение? Тогда я сделал для него все, что смог. Это случилось несколько месяцев назад. Сразу после того, как Ричард Хнатт был выдворен на Марс. Лично я не порицаю Хнатта. Это было грязное дело, полностью состряпанное, конечно, Лео. Да и посмотри на себя. — Шестеро Палмеров Элдричей презрительно кивнули. — Ты фантом, как сказал Лео. Я буквально вижу тебя насквозь. Могу даже объяснить более точно, кто ты. — Из шести глоток вырвался холодный, бесчувственный приговор: — Ты тень.

Барни смотрел на них, а они смотрели на него, спокойно, не двигаясь.

— Постарайся построить жизнь из этих предпосылок, — продолжали Элдричи. — Ты достиг обещанного Святым Павлом, как болтала Энни Хауторн. Ты лишился, наконец, оболочки брэнного, плотского тела — ты променял его на вечное. Как тебе это понравилось, а, Майерсон?

Их тон казался насмешливым, но лица светились состраданием. Сострадание буквально било из жутких щелевидных механических глаз каждого.

— Ты не умрешь. Ты не ешь, не пьешь, не дышишь воздухом... Ты можешь, если пожелаешь, проходить сквозь стены или через любые материальные предметы. Ты это поймешь в свое время. Очевидно, по дороге в Дамаск Святой Павел видел что-то подобное. К тому же была масса других феноменов. Я склоняюсь, как видишь, к ранней и неохристианской версии, той, которой придерживается Энни Хауторн.

— Это позволяет объяснить многое.

— А как с тобой, Элдрич? — спросил Барни. — Ты ведь погиб, тебя два года назад убил Лео.

«И я знаю, — подумал он, — что ты страдаешь из-за меня, что то же самое поджидает тебя где-нибудь на пути. Ты тоже принял сверхдозу Чу-Зет, и теперь для тебя закрыт путь в собственный мир и время».

— Этот памятник, — сказали шесть Элдричей, бормоча вместе, словно свистящий вдали ветер, — очень неточен. Ведь как было дело? Мой корабль вступил в короткую оружейную перестрелку с одним из кораблей Лео. Еще на Венере. У нас было совещание — вместе с Хепберн-Гилбертом. По пути к Земле Лео воспользовался случаем, чтобы захватить мой

корабль. Это и послужило поводом для сооружения монумента. Лео добился этого с помощью хитрого экономического давления и различных политических комбинаций. Так он раз и навсегда занес себя в книгу истории.

Два хорошо одетых человека — парень и девушка — медленно спустились в холл. Они с любопытством уставились на Барни, потом на шестерых существ в лифте.

Существа перестали быть Палмером Элдричем. Превращение произошло прямо на глазах. Все разом стали вдруг обыкновенными людьми, мужчинами и женщинами, каждый со своей индивидуальностью.

Барни ушел. Некоторое время он бродил по коридорам, потом на эскалаторе спустился на уровень земли, где располагалось Правление П.П.Лайотс. Там, прочитав табличку, он обнаружил свое имя и номер кабинета. Иронично он воспринял титул, которого еще недавно он добивался от Лео. Он числился Главным Консультантом-Ясновидцем и явно занимал первое место среди всех остальных консультантов. Итак, если бы он тогда дождался...

Без сомнения, Лео ухитрился вытащить его с Марса.

Запланированное судилище — или что-нибудь в этом роде — достигло цели.

Он спустился лифтом на этаж, где был его кабинет.

Когда он открыл дверь, человек, сидевший за столом, поднял голову и сказал:

— Закрой дверь. У нас слишком мало времени.

Человек, а это был он сам — встал. Барни закрыл за собой дверь.

— Спасибо, — сказал холодно его будущий двойник. — И не тревожься о возвращении в свое время. Ты туда попадешь. Большинство из того, что делает или делал Палмер Элдрич, — лишь временные изменения. Ты следишь за мной?

— Я прикидываю.

— Я думаю, как бы мне попроще тебе объяснить, — сказал его двойник. — Элдрич все еще показывается время от времени, иногда даже публично. Но я знаю, что он просто фантом, а настоящий Палмер давно лежит в могиле на Сигме 14-Б. И это неоспоримо. Но ты сейчас в другом мире. Для тебя настоящий Палмер Элдрич может появиться в любую минуту. То, что реально для тебя, будет фантомом для меня, и то же самое будет справедливо, когда ты вернешься на Марс. Ты столкнешься с подлинным, живым Палмером Элдричем. И, если честно, я тебе не завидую.

— Только скажи, как выбраться обратно.

— Тебя больше не волнует Эмили?

— Меня пугнули. — Он почувствовал на себе свой собственный пристальный взгляд. — Что же мне прикажешь делать? Я бы хотел вернуться назад.

— Ты должен знать, что избавление от Чу-Зет идет чрезвычайно медленно и постепенно. Эта череда уровней, ведущих к уменьшению иллюзий и увеличению элементов реалистичности. Иногда процесс длится годы.

— Тогда, значит, я еще не очухался от первой дозы?

— Да. Ты и не возвращался в истинную реальность. Тебе надо было бы воздержаться еще двадцать четыре часа. Тогда призраки Элдрича, на самом деле не существующие, должны были бы полностью исчезнуть и ты оказался бы свободен. Но Элдрич заставил тебя принять эту вторую, более сильную дозу. Он знал, что тебя послали на Марс действовать против него. Хотя толком не понимал, как. Он тебя попросту испугался.

Это звучало странно. Чтобы Элдрич, со всем, что он сделал и мог бы сделать, и испугался его! Но Элдрич видел памятник в будущем и понимал, что, как-то, бог знает, как, они его все-таки прикончат.

Дверь кабинета внезапно открылась.

Заглянула Рони Фьюгет и увидела их обоих. Она ничего не сказала — просто уставилась, открыв рот. А потом, наконец, пробормотала:

— Фантом. По-моему, тот, что стоит близко ко мне.

Потрясенная, она вошла в кабинет, закрыв за собой дверь.

— Правильно, — сказал его будущий двойник, пристально глядя на нее. — Можешь убедиться, дотронувшись до него рукой.

Она так и сделала. Барни Майерсон увидел, как ее рука вошла в его тело и исчезла.

— Я видела фантомов прежде, — сказала она, рассматривая свою руку. Теперь она почти успокоилась. — Но твоих — никогда, милый. Каждый, попробовавший этой мерзости, время от времени становится фантомом. Но с недавних пор они не часто удостаивают нас своим вниманием. А раньше, около года назад, от них буквально некуда было деться.

— Понимаешь, — сказал Майерсон из будущего, — он во власти Элдрича, хотя для нас тот уже давно умер. Так что надо действовать осторожно. Возможно, Элдрич начинает проникать своим восприятием в любое время, и тогда ему остается только противодействовать соответствующим образом.

— Что мы можем для тебя сделать? — обращаясь к Барни, спросила Рони.

— Он хочет вернуться на Марс, — сказал его двойник. — Они затеяли невероятную сложную интригу, чтобы прикончить Элдрича через межпланетный суд. Согласно разработанному плану, он принял Ионный эпилепсигеник КВ-7. Помнишь?

— Но до суда дело не дошло, — проговорила Рони. — Элдрича отстояли, и они перестали судиться.

— Мы можем тебя отправить на Марс, — сказал будущий Барни. — В корабле П.П.Лайотс. Но это ничего не даст, потому что Элдрич не только последует за тобой и примет участие в путешествии. Это его самый любимый спорт. Не забывай, что фантом может пройти куда угодно, для него нет преград ни в пространстве, ни во времени. Это и делает его, собственно, фантомом. К тому же у него нет метаболизма. Во всяком случае, в нашем понимании. Странно, на него действует гравитация. Позже это не раз проверялось на различных объектах, но пока узнали немного.

— Особенно по сверхважной теме: как возвращать фантомов в их собственные пространства и время, — добавил он многозначительно. — Заклинать, что ли?

— Ты хочешь от меня избавиться? — спросил Барни. И по его коже пробежал холодок.

— Пусть так, — сказал его двойник спокойно. — Но избавиться, не иначе как отправив тебя назад. Ты теперь знаешь, что совершил ошибку, знаешь, что... — Он взглянул на Рони и тут же осекся. Он не хотел затрагивать вопрос об Эмили в ее присутствии.

— Было сделано несколько попыток с высоковольтным и низкоамперным электрошоком, — сказала Рони. — И магнитными полями. Колумбийский университет...

— Наибольших результатов, — сказал его двойник, — добились в физическом департаменте Калифорнии на Восточном Побережье, фантомов бомбардировали бета-частицами, которые разрушали протеиновую основу...

— Отлично, — согласился Барни, — я оставлю тебя в покое. Пойду в физический департамент Калифорнии, и посмотрим, что они смогут сделать.

Он чувствовал себя совершенно разбитым, покинутым даже самим собой. «Конченым, — подумал он с бессильной, дикой злобой. — Господи!»

— Странно! — сказала Рони.

— Что странно? — спросил Майерсон. Он оттолкнул кресло, скрестил на груди руки и поглядел на нее.

— Ты сказал о Калифорнии, — проговорила Рони, — а, насколько я знаю, никаких работ с фантомами там не проводилось.

Она обернулась к Барни.

— Попроси его показать свои руки.

— Твои руки, — приказал Барни.

Но в Майерсоне наметились уже чудовишные изменения. Особенно изменились внезапно выпятившиеся челюсти. Барни сразу их узнал.

— Забудем, — сказал он тихо.

Голова его пошла кругом.

Его будущее отображение проговорило насмешливо:

— Помогии себе, и бог тебе поможет, Майерсон. Неужели ты действительно думаешь, что лучше обстучать всех вокруг, вызывая к чьей-то жалости? К черту! Я жалею тебя. Я говорил тебе: не трогай вторую пачку! Если бы я знал, как это сделать, я бы уберег тебя! А ведь мне о наркотике известно гораздо больше, чем кому-либо.

— Как ему помочь? — спросила Рони его будущего двойника, который больше уже не был его двойником.

Метаморфоза оказалась полной, и теперь за столом, откинувшись, чуть поворачиваясь в вертящемся кресле, восседал Палмер Элдрич, высокий и седой. Громадная масса паутины безвременья, сотканная в квази-человеческую форму. Господи, неужто он будет околачиваться здесь вечно?

— Хороший вопрос, — сказал серьезно Палмер Элдрич. — Хотел бы я знать ответ на него. И для себя, и для Барни. Пойми. Я увяз в этом много глубже, чем он.

И потом, обращаясь к Барни, продолжал:

— Ты улавливаешь, не так ли, что самое необходимое для тебя — принять свой нормальный Гештальт, образ. Ты можешь стать камнем или деревом или секцией в термозащитном козырьке. Я был всеми этими вещами и еще массой других. Если ты станешь чем-то неживым, старым бревном, к примеру, то перестанешь ощущать течение времени. Очень интересное, доступное решение проблемы для тех, кто хочет избежать воображаемого существования. — Его голос посуровел. — Для меня же возвращение в собственное пространство и время означает смерть, подстроенную Лео Балеро. И жить я могу только в этом состоянии. Но для тебя... — Он кивнул, слабо улыбаясь. — Будь стоек, Майерсон. В конце концов все образуется. Однако пройдет немало времени, прежде чем иссякнет действие наркотика. Лет десять... Столетие. Миллион лет. А хочешь — стань доисторическим ископаемым в музее.

Его взгляд стал мягким.

— Может быть, он прав, Барни? — через некоторое время проговорила Рони.

Барни подошел к столу, поднял стеклянное пресс-папье, потом поставил на место.

— Мы не можем его коснуться, — сказала Рони, — а он может.

— Это свойство фантомов — уметь обращаться с материальными объектами, — отозвался Палмер Элдрич. — На основании этого становится ясно, что они настоящие, а не просто какие-то проекции. Помнишь контревильский фантом? Он был способен расшвыривать любые предметы, а был все равно бестелесным.

На стене кабинета висела сверкающая табличка. Это была награда, полученная Эмили три года назад, в его время, за представленную ею керамику. Она была на месте. Видно, он все еще хранил ее, как память.

— Я хочу стать этой табличкой, — решил Барни. — Она сделана из твердого, возможно, красного дерева и меди. Ее хватит надолго.

Он подошел к табличке, прикидывая, каково будет исчезнуть и превратиться в висящую на стене табличку.

— Хочешь, чтобы я помог, Майерсон? — спросил Палмер Элдрич.

— Да, — вымолвил он.

Что-то подхватило его. Он развел руки, чтобы удержаться, и вдруг начал то ли погружаться, то ли скатываться по бесконечно сужающемуся туннелю куда-то. Он чувствовал, как туннель давит со всех сторон, и понимал, что это только наваждение. Просто Палмер Элдрич демонстрирует свою силу тому, кто пользовался Чу-Зет. Но это было совсем не то, о чем он рассказывал, не то, что обещал.

— Черт бы тебя побрал, Элдрич! — сказал Барни, не слыша своего голоса.

Вообще-то, ничего. Он опускался все ниже и ниже, невесомый, даже не фантом. На него перестала действовать гравитация.

«Оставь мне что-нибудь, Палмер, — взмолился он про себя. — Пожалуйста!»

— Просьба, — решил он, — которую уже отклонили. Палмер Элдрич действует давно. Все же слишком поздно. И уже ничего не изменить. Тогда я пойду судиться, — сказал себе Барни. — Уж я как-нибудь найду дорогу на Марс, приму яд, проведу остаток жизни, таскаясь по судам, борясь с тобой, но своего добыюсь. Не ради Лео и П.П.Лайотс, а ради себя.

Потом он услышал смех. Смех Палмера Элдрича. ... доносился он из...

Него самого.

Взглянув на свои руки, он вдруг обнаружил, что левая — розовая, бледная — сделана из плоти, покрытой кожей с крошечными, почти невидимыми волосками, без единого пятнышка на ее металлической поверхности.

Теперь он знал, что с ним случилось. Великая трансляция свершилась. И теперь, видимо, все стало на свои места.

«Это меня, — понял он, — убьет Лео Балеро. Мне поставят памятник и будут складывать легенды.

Теперь я — Палмер Элдрич».

12

Он простер руки от Проксимы Центавра до Земли, и он не был человеком. И владел он великой силой. Он мог преодолеть смерть.

Но он не был счастлив. По той простой причине, что оказался одиноким. Поэтому он постарался как можно быстрее с этим справиться и немало намаялся, приобщая других к пути, которому следовал сам.

— Майерсон, — сказал он благодушно. — Что ты, черт побери, теряешь? Какая разница? Выкинь все из головы! Все останется по-прежнему: ни женщины, которую ты любил, ни прошлого, о котором стоило бы жалеть. Пойми, ты сам избрал неверный курс в жизни, и никто не заставлял тебя это делать. И ничего уже не исправишь. Даже если будущее протянется еще на миллион лет, оно не сможет вернуть утраченного. Ты согласен?

Ответа не было.

— И ты забываешь одну вещь, — продолжал, подождав, он. — Эмили деградировала. Из-за дурацкой эволюционной терапии, которую проводит в своих клиниках бывший нацистский доктор. Наверное, у нее, а скорее, у ее мужа, хватило благоразумия, чтобы сразу прервать лечение. И она еще в состоянии сбывать свои горшки. Но теперь она не понравится. Ты же знаешь, она и раньше была пустышкой. Темный несмысленныш. А сейчас она не будет даже такой, как прежде. Даже если вернешь ее назад. Все изменилось.

Он подождал вновь. На этот раз пришел ответ:

— Отлично!

— Куда бы ты теперь хотел отправиться? На Марс? Нет! Тогда обратно на Землю?

— Нет. Я ушел добровольно. И до конца. А конец уже близок.

— О'кей. Не Земля. Тогда подумаем. Хм-м, — он задумался. — Проксима. Ты никогда не видел систему Проксимы и Проксимианцев? Я мост, ты знаешь, между двумя системами. Они могли бы в любое время пройти через меня сюда в Солнечную Систему. Но я не позволю. А как они хотели! — Он хмыкнул. — Они прямо-таки встали в очередь. Словно на детское дневное кино.

— Преврати меня в камень.

— Зачем?

— Потому что тогда я не буду ничего чувствовать, а мне больше ничего и не нужно.

— Ты даже не хочешь транслироваться в подобный мне организм?

Ответа не было.

— Если бы ты транслировался в меня, ты мог бы разделить мои замыслы. У меня их много. И таких грандиозных, что разом втопчут Лео в грязь. Я расскажу тебе об одном. Очень важном. Может, он тебя развеселит.

— Сомневаюсь, — ответил Барни.

— Я собираюсь стать планетой.

Барни рассмеялся.

— Думаешь, шучу?

— По-моему, не без того. Если бы ты был человеком или созданием из межпланетного пространства, я бы сказал, что ты сошел с ума.

— Не стану объяснять подробно, — сказал он с достоинством, — что я имею в виду. Собственно, я собираюсь стать каждым на планете. Ты, наверное, понимаешь, о какой планете я толкую.

— О Земле?

— Черт, нет. О Марсе.

— Почему Марс?

— Он новый... неразвитый. С богатым потенциалом. Я сумею стать всеми колонистами, прибывающими и живущими там. Я возглавлю их цивилизацию. Я сам стану их цивилизацией.

Ответа не было.

— Давай, соглашайся. Скажи что-нибудь.

— Как не соглашаться, когда ты можешь стать таким великим, объять целую планету, а я не могу быть даже табличкой на стене кабинета в П.П.Лайотс?

— Хм. О'кэй. Ладно. Можешь стать этой табличкой, какое, к чертям, мне дело? Будь чем хочешь — ты принял наркотик, значит, имеешь право транслироваться во что только душа пожелает. Я побывал в миллионах этих «трансляционных» миров. Я видел их все. И знаешь, что они на самом деле? Ничто. Фикция.

— Понимаю, — сказал Барни.

— Хочешь попасть в один из них, проверить?

— Пожалуй, — после некоторой заминки ответил Барни.

— Отлично! Я сделаю тебя камнем и брошу на берег моря. Будешь лежать там и слушать плеск волн. Два миллиона лет. Думаю, тебя это полностью устроит.

«Глупое ничтожество, — решил он. — Камень! О, боже!»

— Неужели я почувствовал облегчение? — спросил вдруг Барни. В его голосе первый раз за все время прозвучали нотки сомнения. — Разве не этого хотят Проксимианцы? Не для этого ли тебя послали?

— Меня не посылали. Я оказался здесь по собственному желанию. Слушай, Майерсон, быть камнем, это не то, что ты действительно хочешь. Ты ищешь смерти.

— Смерти?

— Не понимаешь?

— Нет. Не понимаю.

— Это же очень просто, Майерсон. Я переселю тебя в мир, в котором ты станешь гниющим трупом бездомной собаки. Подумай, какое это будет, черт побери, облегчение. Поверь, это даже лучше, чем стать мной. Ну, стань ты мной, а Лео Балеро собирается меня убить. А тут мертвая собака, Майерсон, тут труп в канаве.

«Нет, — сказал он себе. — Я буду жить».

— И вот тебе мой подарок, — продолжал он, обращаясь к Барни. — Гифт. Запомни: по немецки гифт — означает яд. Я принесу тебе смерть через несколько месяцев, и на Сигме 14-Б будет воздвигнут монумент. Когда вернешься с Марса на работу в П.П.Лайотс, ты будешь уже мною. Так я уйду от своей судьбы.

— Но это будет не так просто.

— О'кей, Майерсон, — заключил он, устав от бессмысленных разговоров. — Пусть будет, как они скажут. Считаю себя уволенным. Мы больше не единый организм. Мы вновь разделились. Разделились наши судьбы. Это то, чего ты добивался. Ты сейчас в корабле Коннер Фримена, покидающего Венеру, а я — в Чикен Покс Проспектс. У меня получился превосходный огород, и когда захочу, я живу с Энни Хауторн. Хорошая жизнь. Во всяком случае, для меня. Надеюсь, твоя тебе понравится не меньше.

И в то же мгновение он проявился.

Он стоял в кухне своего жилища в Чикен Покс Проспектс и жарил грибы. Полную сковороду местных грибов... Воздух был наполнен запахом масла и специй, а из жилой комнаты — из портативного магнитофона — доносилась симфония Гайдна.

«Мир и спокойствие, именно то, что я захотел, — подумал он с удовольствием, — немного тишины и уюта. Видно, я привык к нему в межзвездном пространстве». Он зевнул, с удовольствием потянулся и сказал:

— Я добился.

Энни Хауторн, читавшая газету, полученную через спутник ООН, с удивлением взглянула на него.

— Чего ты добился, Барни?

— Нужной пропорции специй, — отозвался он.

В нем все ликовало.

«Я, Палмер Элдрич, и я здесь, а не там. Я выжил после нападения Лео. И знаю теперь, как наслаждаться этой жизнью, чего Барни не узнал и не узнает».

Стоило бы посмотреть, как он затосковал бы по этой жизни, когда боевые орудия Лео разнесли его торговый корабль в кусочки.

Ослепленный верхним светом, Барни Майерсон закрыл глаза. Через секунду он понял, что находится на корабле. Комната была обычная: комбинация спальни и гостиной, но он понял, что находится в корабле, потому что все вещи были закреплены. И сила тяжести, созданная искусственно, была иной, она несколько уступала земной.

Вверху был иллюминатор. Не больше пчелиных сот. За толстым пластиком угадывалась пустота. Слепящее солнце заполнило часть панорамы, и он инстинктивно потянулся, чтобы включить темный фильтр. И тут он увидел руку. Свою искусственную руку, металлическую, неподражаемую механическую руку.

Он кинулся из каюты, скатился вниз и по коридору бросился к закрытой рубке управления. Он застучал в нее стальными костяшками, и через некоторое время тяжелая, усиленная арматурой дверь отворилась.

— Да, мистер Элдрич, — почтительно кивнул молодой белобрысый пилот.

— Пошлите сообщение, — сказал Барни.

Пилот достал ручку.

— Кому, сэр?

— Мистеру Лео Балеро.

— Лео... Балеро... — быстро записывал пилот. — Передать на Землю, сэр? Если так...

— Нет. Лео на своем корабле недалеко от нас. Сообщите ему... — он принял лихорадочно соображать.

— Вы хотите с ним переговорить, сэр?

— Я не хочу, чтобы он меня убил, — ответил Барни. — Вот что поставь ему сказать. И помни: ты тоже здесь, в этом корабле. Как и каждый в этом неповоротливом транспорте. А он — идиотская громадная мишень.

«Но все это бесполезно, — подумал он, — кто-то из организации Феликса Блау, пустившей корни на Венере, видел меня на борту этого корабля. И Лео знает, что я здесь».

— Вы считаете, что конкуренция зашла так далеко? — удивленно сказал пилот и побледнел.

Появилась дочь, Зоя Палмер, в широком платье и меховых туфлях.

— Что такое?

— Лео поблизости, — сказал он. — У него вооруженный корабль, с разрешения ООН. Мы попали в ловушку. Нам ни в коем случае нельзя было лететь к Венере. Там Хепберн-Гилберт.

Потом, обращаясь к пилоту, он добавил:

— Постарайтесь с ним связаться. Я пойду к себе в каюту.

— Черт побери, — бросил пилот, — говорите с ним сами. Вы заварили кашу — вам и расхлебывать. — Он соскользнул с кресла.

Вздохнув, Барни Майерсон уселся в кресло и включил передатчик. Он настроил его на дежурную волну, взял микрофон и сказал в него:

— Ублюдок, Лео. Ты достал меня, вытащил туда, где можешь со мной расправиться. Ты и твой проклятый флот уже существовали и действовали, когда я возвращался с Проксимы. Мы тебе дали фору. — Казалось, он был больше зол, чем испуган. — У нас нет на корабле ничего, абсолютно ничего, чем можно было бы защищаться. Ты напал на безоружную мишень. Это торговое судно.

Он замолчал, пытаясь придумать, что бы еще сказать.

«Скажи ему, — подсказал он сам себе, — что ты — Барни Майерсон, что Элдрича никогда не поймать и не убить, потому что он бесконечно переходит от жизни к жизни. И что в действительности ты убьешь только одного из тех, кого знаешь и любишь».

— Скажи что-нибудь, — попросила Зоя.

— Лео, — сказал он в микрофон. — Разреши мне вернуться на Проксиму. Пожалуйста.

Он подождал, вслушиваясь в доносящиеся из динамика помехи.

— Отлично, — сказал он, не дожидаясь ответа. — Я беру свои слова обратно. Я никогда не покину Солнечную Систему, и ты никогда не сможешь меня убить. Даже с помощью Хепберн-Гилберта или кого-то другого из ООН, с кем ты связан. Ну как? Как тебе это нравится? — добавил он, обращаясь к Зое и со стуком опуская микрофон. — Я кончил.

Первая же лазерная молния раскроила корабль пополам.

Барни лег на пол рубки, вслушиваясь в рокот аварийных воздушных насосов, пробудившихся к недолгой пронзительной жизни.

«Я добился, чего хотел, — подумал он. — Или, во всяком случае, того, что утверждал Палмер. Я умираю».

Перед его кораблем маневрировал изящный ООНовский истребитель Лео Балеро, выбирая место для второго, решающего удара. Он видел на экране пилота вспышки его двигателей. Истребитель был уже близко.

Лежа, он ждал смерти.

И вдруг через центральную комнату его апартаментов к нему подошел Лео Балеро.

Энни Хауторн поднялась с кресла.

— Так это вы Лео Балеро? У нас к вам масса вопросов. И все по поводу вашего Кей-Ди.

— Я не произвожу Кей-Ди, — сказал Лео. — Я всем сердцем ненавижу эту гадость. И ни одно мое предприятие не причастно к незаконным махинациям. Слушай, Барни, ты попробовал или нет? — он понизил голос, склонившись над Барни. — Ты знаешь, о чем я спрашиваю.

— Я выйду, — сказала Энни понимающе.

— Не надо, — бросил Лео.

Он обернулся к Феликсу Блау. Тот кивнул.

— Мы знаем, что вы одна из команды Блау, — объяснил ей Лео.

Он вновь раздраженно ткнул Барни.

— Не думаю, чтобы он его принял, — сказал Лео как бы про себя. — Я проверю.

Он принялся рыться в карманах костюма Барни, потом в рубашке.

— Здесь.

Он выудил тубик с метаболитическим токсином.

— Не тронут, — сказал он с отвращением Блау. — Потому-то и Фэйн от него ничего и не получил. Он отказался.

— Я не отказался, — проговорил Барни.

«Я проделал долгий путь», — добавил он про себя.

— Ты что, не понимаешь? — сказал он вслух. — Чу-Зет. Очень надолго...

— Да-а, ты и удрал-то всего на две минуты, — сказал Лео с презрением. — Мы прибыли сюда, как только ты закрылся. Один парень — Норм, кажется, одолжил нам свой ключ.

— Но вспомните, — сказала Энни, — субъективные ощущения при Чу-Зет не связаны с нашим обычным временем. Для него могло пройти несколько часов или даже дней. — Она участливо взглянула на Барни. — Верно?

— Я умер, — провозгласил Барни. Он сел, чувствуя тошноту. — Ты меня убил.

Наступила удивительная тишина.

— Ты имеешь в виду меня? — спросил, наконец, Блау.

— Нет, — отозвался Барни. — Это неважно.

Во всяком случае, до следующего раза, когда он примет наркотик. Раз так случилось, конец должен быть близок. Палмер Элдрич может быть доволен. Сам Элдрич выжил. И это казалось невыносимым. Не собственная смерть, которая когда-нибудь все равно наступит, а бессмертие Палмера Элдрича.

«Серьезно, — подумал он, — где же победа над этим существом?»

— Я чувствую себя оскорбленным, — пожаловался Феликс Блау. — Так кто же вас убил, Майерсон? Черт, мы вывели вас из комы. А перед этим было долгое, трудное путешествие сюда. И для мистера Балеро, моего клиента, на мой взгляд, рискованное. Это район, где действует Элдрич. —

Он опасливо оглянулся на Лео. — Дайте ему принять этот токсин. И потом — быстрее на Землю, пока не случилось что-нибудь ужасное. У меня предчувствие. — Он посмотрел на дверь апартаментов.

— Ты примешь токсин, Барни? — спросил Лео.

— Нет.

— Почему?

«Скука, усталость. Моя жизнь значит для меня слишком много. Думаю, пора кончать со своим искуплением, — решил Барни. — В конце-то концов».

— Что с тобой случилось во время трансляции?

Барни поднялся на ноги. На это едва хватило сил.

— Он не скажет, — проговорил Феликс Блау в дверях.
— Барни, — сказал Лео, — мы смогли бы улететь вместе. Я заберу тебя с Марса, ты это прекрасно знаешь. И К-эпилепсия — еще не конец...
— Ты теряешь время, — сказал Феликс и одарил Барни последним уничтожающим взглядом. — Мы сделали большую ошибку, положившись на этого парня.

Он исчез в коридоре.

— Он прав, Лео, — проговорил Барни.

— Ты никогда не выберешься с Марса, — уговаривал его Лео. — Я не получу разрешения на то, чтобы ты вернулся на Землю. И неважно, что сейчас здесь произошло.

— Я знаю.

— И тебя не волнует это? Ты собираешься провести остаток жизни, глотая наркотик?

Лео взглянул на него, сбитый с толку.

— Никогда, глотать наркотик? Ни-ког-да, — ответил Барни.

— Тогда, что же?

— Я буду жить здесь, — проговорил Барни. — Как колонист. Буду работать в своем саду, делать то же самое, что и они. Строить ирригационную систему или что-нибудь подобное. — Он чувствовал усталость, и его не покидала тошнота. — Простите.

— И ты прости, — сказал Лео. — Но я не понимаю.

Он посмотрел на Энни Хауторн, но, не получив ответа, пожал плечами и пошел к двери. В дверях он остановился, хотел что-то добавить, но передумал и вышел вслед за Феликсом Блау.

Барни вслушался в отзвук их шагов по ступеням, ведущим к люку дачуги. Потом шаги замерли. Наступила тишина. Он прошел к раковине, налил себе стакан воды.

— Я понимаю, — сказала через некоторое время Энни.

— Ты?

Вода на вкус показалась хорошей, она смыла последние следы Чу-Зет.

— Часть тебя стала Палмером Элдричем, — сказала Энни, — а часть Элдрича стала тобой. И вы никак не можете разделиться окончательно. Ты уже будешь...

— Ты рехнулась, — вымолвил он измученно, ухватившись за ванну и стараясь найти опору. Ноги его дрожали.

— Элдрич получил от тебя все, что хотел, — сказала Энни.

— Нет, — отозвался он. — Потому что я вернулся слишком быстро. Я должен был пробыть там еще пять — десять минут. Когда Лео сделает второй выстрел, в том корабле будет Палмер Элдрич, а не я.

«И вот почему нет нужды нарушать метаболизм мозга по наспех сошранной, шитой белыми нитками схеме, — сказал он себе. — И Элдрич умрет, и довольно скоро... если, конечно, это вообще случится».

— Вижу, — сказала Энни. — И этот проблеск будущего ты получил, наверное, во время трансляции...

— Это будущее реально, потому что не основано на том, что я ощущал...

К тому же у него все-таки способность ясновидения.

— И Палмер Эдрич тоже знает, что он реален, — сказал он. — Он сделает, или делает, все возможное, чтобы вырваться оттуда. Но он не сможет.

«Или, — решил он, — вероятно, не сможет. В этом-то и заключается сущность будущего: разветвление возможностей».

Он занимался этим долгие годы, определяя, что надо делать дальше, и интуитивно выбирая определенную временную ветвь. В том и заключалась его работа у Лео.

— Вот поэтому-то Лео и не хочет ради тебя дергать за веревочки, — сказала Энни. — Он не хочет вернуть тебя на Землю. Ты понимаешь всю серьезность этого? Я не могу передать тебе выражение его лица. Он столько прожил, что никогда...

— Я имел бы, — сказал Барни, — Землю.

Он вложил в это слово все, что предвкушал от будущей жизни на Марсе.

Если эта жизнь вполне устраивала Эдрича, то вполне устроит и его. Ибо Эдрич прожил множество жизней. В нем говорила глубинная мудрость человека или иного существа, кем бы он там ни был. Слияние с Эдричем во время трансляции навечно оставило на Барни отпечаток, клеймо, форму какого-то абсолютного знамения. Он вздрогнул. А что, если Эдрич взял у него что-нибудь взамен? А есть ли что-то стоящее в его собственных знамениях? Проницательность? Настроения, воспоминания, моральные ценности?

Интересный вопрос. И ответ здесь единственный — нет.

Противник человеческой цивилизации — нечто, заведомо ужасное и чуждое, вошедшее как какой-то недуг в одного из представителей человечества во время его долгого путешествия между Землей и Проксимой, оно знало во много раз больше, чем он, Барни Майерсон, ясновидящий, о значении ограниченных жизней, оно видело их в перспективе.

В дверях квартиры появились Норм и Френ Скейн.

— Эй, Майерсон! Ну, как? Не стоит ли прогнать Чу-Зет по второму разу?

— Чу-Зет не будет продаваться, — ответил Барни.

— Жаль, — вздохнул Норм разочарованно. — Мне он понравился. Во много раз лучше Кей-Ди. Только... — Он взмахнул рукой, нахмурился и с тревогой взглянул на жену. — Там, где я оказался, было одно злчное местечко, и там было что-то вроде брачной ночи. Собственно, я вернулся...

— Мистер Майерсон выглядит очень усталым, — прервала его Френ. — Детали ты сообщишь ему позже.

Взглянув внимательно на Барни, Норм Скейн сказал:

— Ты странная птичка, Барни. Ты вышел из первого раза и тут же вырвал пачку Чу-Зет у мисс Хауторн, побежал, закрылся в своей квартире.

Нажевался, а теперь заявляешь... — Он пожал плечами. — Ладно, может, ты чересчур много забил его в свою глотку. Надо знать меру. Что до меня, то я попробую еще раз. Осторожно, конечно. Не как ты. Мне понравилась эта дрянь.

— За исключением, — сказал Барни, — того общества, в котором ты оказался.

— Я видела то же самое, — сказала тихо Френ. — И не хочу больше пробовать Чу-Зет. Я боюсь его.

Она вздрогнула и покрепче прижалась к мужу. Тот автоматически, от долгой совместной жизни, обхватил ее талию.

— Не бойтесь, — сказал Барни. — Это только стремление жить, как все остальные.

— Но это было так... — начала Френ.

— Все пережитое кажется нам теперь ужасным, — проговорил Барни.

— Наша эпоха еще не родила концепций, чтобы оценить подобное явление. Оно поистине грандиозно.

— Ты говоришь так, будто знаешь, как это было, — сказал Норм.

«Знаю, — подумал Барни, — потому что, как сказала Энни, часть его находится внутри меня. И так будет, пока он не умрет через несколько месяцев, возвратив, таким образом, свою порцию меня, объединившуюся с его структурой. Так что, когда Лео убьет Его, для меня наступит тяжелое мгновение. Как я его переживу?»

— У этого существа, — сказал он, — есть имя. Вы узнаете. Это существо возникло несколько тысяч лет тому назад. Но рано или поздно мы должны были с ним встретиться. Носом к носу. В крайнем случае через несколько лет.

— Ты имеешь в виду Бога? — спросила Энни Хауторн.

Отвечать, казалось, совсем не обязательным. И он только слабо кивнул.

— Или дьявол? — прошептала Френ Скейн.

— Все зависит от нашего отношения. С какой стороны посмотреть. И ничего больше.

«Или вы еще не поняли? — сказал он про себя. — Неужели надо рассказывать, как он старался помочь мне, пусть на свой манер, конечно? И еще — как связан он по рукам и ногам силами судьбы, которая, кажется, стоит выше всей его жизни, включающей как его, так и нас с вами».

— Во, свистит, — сказал Норм Скейн, почти со слезами разочарования. На мгновение он показался обманутым маленьким мальчиком.

Позже, когда окрепли ноги, Барни пригласил Энни Хауторн на поверхность и показал ей зачатки своего будущего сада.

— Знаешь, — сказала Энни, — оказывается, требуется храбрость, чтобы отказываться.

— Ты имеешь в виду Лео? — Барни понимал, что она имела в виду. Не стоило объяснять, что он сделал для Лео, Феликса Блау, всего П.П.Лайотс и организации Кей-Ди.

— Лео — великий человек, — сказал он. — Он выше этого. Он поймет, что должен взяться за Элдрича сам.

«И, — подумал он, — обвинение против Элдрича будет недостаточно убедительным. Об этом говорит мне мое ясновидение».

— Свекла, — сказала Энни. Она уселась на крыло автоматического трактора и принялась рассматривать пакетики семян. — Я ненавижу свеклу. Пожалуйста, не сажай ее. Даже мутированную. Такую зеленую, высокую и тощую, вкусом напоминающую пластмассовую дверную ручку.

— Собираешься переселиться сюда жить? — спросил он.

— Нет, — она украдкой исследовала герметический блок управления трактора и подняла изношенный силовой кабель с прожженной местами изоляцией. — Но ведь я буду иногда обедать с вашей группой.

— Послушай, — сказал он, — эта гнилая лачуга, в которой ты обитаешь... — он замер.

«Идентично, — подумал он. — Я уже говорю с ней в сверхбыденных терминах. Будто прожил лет пятьдесят, занимаясь только ремонтными работами».

— Мое жилище, — сказал он вслух, — может стать твоим. В любой день недели, какой только пожелаешь.

— Как насчет воскресенья? А потом можно будет делать это дважды?

— Воскресенье? О нет, не годится. Мы заняты молитвами.

— Не смейся, — сказала тихо Энни.

— Я не смеюсь.

Он вовсе и не собирался смеяться или шутить.

— Что ты говорил раньше насчет Палмера Элдрича...

— Я только хотел сказать тебе одну вещь. Ну, может быть, две. Первая, что Он — ты знаешь, кого я имею в виду, — действительно существует, действительно находится там. Хотя и не такой, каким мы Его себе представляем, не такой, как предстает перед нами сегодня... и не такой, каким мы увидим Его завтра. И второе...

Барни смолк.

— Говори.

— Он не может сделать для нас слишком многого, — сказал Барни. — Чутьочку — может быть. Но Он стоит с пустыми опущенными руками, все понимает и хочет помочь. Он старается... но это не так просто. Не спрашивай меня, почему. Может быть, Он и сам этого не знает. Может, Он и сейчас ломает над этим голову. Даже после всего случившегося.

«И будет делать то же самое, — подумал он, — если ускользнет от Лео Балеро. Человека. Одного из нас. Лео. Неужели Лео не понимает, против чего восстаёт? А если Лео не остановится? Пойдет до конца со своими планами?»

А Лео пойдет. Ясновидящий мог видеть недоступное.

— То, что встретило Элдрича и вкралось в него, с чем мы сейчас

столкнулись, является существом высшего порядка. И, как ты верно заметил; мы не можем судить его или оценивать его желания и поступки. Это чудовищное, грандиозное, выше нас. Но я знаю, что ты ошибаешься, Барни. Тот, кто стоит с пустыми, опущенными руками, не Бог. Это существо, принявшее облик кого-то более высшего, чем оно само. Богу незачем притворяться или ломать голову.

— Я чувствовал в нем божественность, — сказал Барни. — Она была, могу поклясться.

«Особенно в тот момент, — подумал он, — когда Элдрич меня испытывал».

— Конечно, — согласилась Энни. — По-моему, ты в этом разбираешься. Он здесь, внутри каждого из нас. Но в такой высшей форме, как мы, должен был бы появляться сильнее. Но — позволь мне рассказать тебе маленький анекдот. Очень короткий и простой.

Одна хозяйка делала обед. Позвала гостей и решила приготовить им на жаркое здоровый пятифунтовый кусок мяса. Поставила она его в кухне на буфет, а сама пошла с гостями, ну, выпить там, потрепаться о том, о сем. А потом возвращается в кухню готовить жаркое — глядь, а мяса и след простыл. Только в углу сидит кот и довольно облизывается.

— Стащил кот мясо, — констатировал Барни.

— Да! На крик собрались гости, тоже так подумали. Мясо исчезло. Все пять фунтов, как языком слизнуло. Вместо него сидит кот, на вид сытый и веселый. «Взвесить кота», — крикнул кто-то. Все немного подпили, и идея показалась хорошей. Отправились они в ванную и взвесили кота на весах. Посмотрели, получается ровно пять фунтов. Тут один гость и говорит: «Так оно и есть. Вот наш кусок мяса». Повеселели гости, узнали, мол, что случилось. Как-никак эмпирическое доказательство. А потом один из гостей возьми да и засомневайся. «Куда же делся тогда кот?» — говорит.

— Я слышал эту историю раньше, — сказал Барни. — Только я не вижу, что здесь общее.

— Этот анекдот отлично передает основную сущность проблемы, пусть даже выдуманной. Если ты поразмыслишь над ней...

— Черт, — сказал Барни сердито. — В коте ровно пять фунтов. «Это вздор — в нем нет мяса, если весы показывают пять фунтов».

— Вспомни Вино и Воду, — проговорила спокойно Энни.

Он уставился на нее.

— Да, — сказал он. — Кот — не мясо.

— Но кот мог быть показателем того, какой кусок мяса взяла хозяйка. Не рассказывай нам, Барни, что тот, кто проник в Палмера Элдрича, был Бог. Потому что ты о Нем знаешь чересчур мало, как и все остальные. Но живая сущность из межзвездного пространства может, как и мы, облачиться в Его образ. Это тот случай, когда Он решил показать нам Себя. Так что не надо аналогий, Барни.

Она улыбнулась ему, надеясь, что он понял.

— Когда-нибудь, — сказал Барни, — мы будем поклоняться этому монументу.

«Не делу Лео Балеро, — подумал он, — или, скорее, не оно станет объектом нашего поклонения. Нет, все мы, наша культура будем делать то же самое, к чему стремлюсь я. Мы станем вкладывать в него, пусть жалко и ничтожно, все наши представления о бесконечных, неизведанных еще силах. И мы будем правы, ибо эти силы там существуют. Но то, что говорит Энни, что касается действительной природы Его...»

— По-моему, ты хочешь побыть наедине со своим садом, — сказала Энни. — Пойду я к себе. Счастливо. И, Барни, — она вытянулась, взяла его за руку, горячо сжала. — Только не пресмыкайся. С кем бы мы ни встретились, будь то сам господь Бог или какое-либо другое высшее создание, только не пресмыкайся.

Она наклонилась, поцеловала его и зашагала прочь.

— Как ты думаешь, я прав? — крикнул ей вслед Барни. — Есть ли вообще смысл закладывать здесь сад? Или, быть может, мы пойдем по обычному пути...

— Не спрашивай, я не авторитет.

— Ты заботишься только о спасении души, — крикнул он грубо.

— Я нисколько не забочусь даже об этом, — возразила Энни. — Я ужасно, ужасно запуталась, и все навалилось на меня здесь разом. Послушай.

Она вернулась обратно. Ее глаза стали темными и глубокими, без искорки света.

— Когда ты схватил меня, отбирая пачку Чу-Зет, знаешь, что я увидела? По-моему, я действительно увидела, а не просто мне показалось...

— Искусственную руку. Искривленную челюсть, и глаза...

— Да, — сказала она едва слышно. — Механические, искусственные глаза. Что это значит?

— Это значит, что тебе довелось увидеть абсолютную реальность, — ответил Барни. — Сущность всего явного.

«На твоём языке, — подумал он, — это называется — стигмат».

Какое-то время она пристально вглядывалась в него.

— В таком случае, ты действительно существуешь? — спросила она. — Почему ты не такой, как кажешься? И сейчас... ты совсем другой. Я не понимаю... Зачем только я рассказала ту шутку с котом.

— Я видел, как то же самое произошло с тобой, дорогая. В тот же момент, — сказал он. — Ты отбивалась от меня пальцами, явно не теми, с которыми родилась. И потом все так просто вернулось на свое место. Наличие Пришествия в нас потенциально, если не реально.

— Это путь? — спросила Энни. — По-моему, перед нами своеобразный отзвук пути Господнего.

— Тебе следует быть одной из тех, кто знает это. Вспомни, что ты видела. Все три стигмата: мертвая, искусственная рука, Джексонские глаза и исковерканная челюсть. Символы Его бытия. В нашем окружении. Но

только неумышленно вызванные. И мы не совершим предварительных таинств, которые бы способствовали этому. Мы не вынуждали Его нашими осторожными, мудрыми, усердными ритуалами к тому, чтобы свести все к таким специфичным элементам, как хлеб и вода, или хлеб и вино. Для Него все дозволено, любые измерения. Он появляется перед нашими глазами и исчезает.

— Это цена, которой мы должны расплачиваться, — сказала Энни. — За наше желание подвергнуться наркотическим ощущениям Чу-Зет. Как когда-то — желание яблока.

Ее голос дрожал.

— Да, — согласился он. — Но думаю, я уже расплатился сполна.

«Или ушел с грошовым долгом, — решил он. — Это существо, способное жить только в человеческом теле, хотело подменить себя мной в момент своего разрушения. В отличие от Господа, умершего ради человека.

Разве это делает Его дьяволом? — удивился он. — Разве я верю доводам, которые только что приводил Норму Скейну?! Хорошо, он хуже по сравнению с тем, кто явился две тысячи лет назад. Он — просто существо, восставшее из праха, чтобы сделаться вечным. Но мы не лучше. Мы рады отдать на заклятие какого-нибудь там ягненочка, лишь бы нас самих не принесли в жертву. И нас не волнует, каково ему. Короче, все наши жизни подчиняются этому единственному принципу. И куда тут не денешься».

— До свидания, — сказала Энни. — Я оставлю тебя одного. Можешь сесть в кабину драги и заниматься самокопанием. Может, к тому времени, когда я тебя увижу снова, здесь будет целая ирригационная система.

Она улыбнулась ему еще раз и зашагала в направлении своего жилища.

Он вычерпал около полумили неровного безводного канала, когда обнаружил, что за ним крадется какая-то марсианская тварь. Он сразу же остановил драгу и стал всматриваться в окрестности, заметные холодным сиянием марсианского солнца.

Преследователь оказался маленьким, словно худая, изможденная старуха на четвереньках, шакалоподобным существом. Оно, по-видимому, жадно следило за Барни и было голодно. Оно следовало за человеком, пока не достигло определенной дистанции, а потом стало передавать телепатически, и его мысли достигли Майерсона.

— Можно я тебя съем? — спросило существо, засопев и жадно распахнув челюсти.

— Ради Бога, конечно, нет, — вымолвил Барни.

Он начал поспешно шарить в кабине драги в поисках какого-нибудь оружия. Рука нащупала тяжелый гаечный ключ, и Барни показал его марсианскому хищнику.

— Вылазь из этой посуды, — промыслил хищник. — Я не могу достать тебя оттуда.

Последнее предназначалось, как видно, для себя, но каким-то образом вырвалось наружу.

Существо не ловчило. «Я подожду, — решило оно. — Он спустится вниз при первой же возможности».

Барни развернул драгу и повел ее по направлению к Чикен Покс Проспектс. Она загрохотала в безумно медленном темпе. С каждым ярдом она двигалась все медленнее. Барни понял, что надолго ее не хватит.

«Может быть, существо право, — сказал он себе. — Может, стоит спуститься и встретить его лицом к лицу. Надо же спастись — от некоей грандиозно высокой жизненной формы, проникшей в Палмера Элдрича, — и потом оказаться съеденным этой чахлой скотиной! Кульминация долгого полета. Конечная станция, которую еще пять минут назад я и не предвидел. Даже с моими талантами ясновидца. Так, кажется, и заблеял бы, вроде доктора Смайла — окажись он здесь».

Драга засопела, взбрыкнула и, славшись, заглохла.

Некоторое время Барни сидел в тишине. Прямо перед ним маячил старушьеподобный плотоядный марсианский шакал. Он не сводил с Барни глаз.

— Отлично, — сказал Барни. — Вот мы и приехали.

Он выбрался из кабины, прихватив ключ.

Существо бросилось на него.

Почти на него. В пяти футах оно внезапно взвизгнуло, перевернулось и пронеслось мимо, даже не коснувшись его. Он проводил его взглядом.

«Нечистый», — подумало существо про себя.

Оно отбежало на безопасное расстояние и опасливо разглядывало Барни, высунув язык.

— Ты — нечистый, — проинформировало оно мрачно.

— Нечистый? — удивился Барни. — Как? Почему?

— Ты только кажешься, — ответил хищник. — Я не буду тебя есть, мне будет худо.

Оно уныло, с разочарованием и отвращением вернулось на исходную позицию. Видно, Барни его здорово напугал.

— Может быть, мы все для тебя нечистые? — сказал Барни. — Все мы, пришельцы с Земли, необычайные для твоего мира.

— Нет, только ты, — ответила спокойно марсианская тварь. — Взгляни на — ух! — на свою правую руку, на ладонь. В тебе что-то не то. Как ты еще живешь? Неужели не можешь очиститься?

Барни не стал смотреть на свою руку. Это было необязательно.

Спокойно, с достоинством, на какое только оказался способным, он двинулся через широко раскинувшиеся пески к своему жилищу.

Ночью, готовясь лечь спать, Барни услышал, как кто-то скребется в дверь.

— Эй, Майерсон, откройте.

Накинув халат, он открыл дверь.

— Вернулся тот торговый корабль, — возбужденно хватая его за рукав,

провозгласил Норм Скейн. — Помнишь, от людей Чу-Зет. У тебя осталось хоть сколько-нибудь шкурок? А?..

— Если они захотят меня видеть, — сказал Барни, снимая руку Нормы со своего рукава, — пускай приходят сюда. Так им и передай.

Он захлопнул дверь.

Норм громко выругался.

Майерсон уселся за обеденный стол, достал из ящика пачку — последнюю — земных сигарет и закурил. Он сидел, куря и размышляя, вслушиваясь в доносящиеся из соседних комнат звуки.

«Великолепная приманка, — подумал он. — Интересно, кто на нее клюнет?»

Дверь его апартаментов отворилась. Он не взглянул, продолжая рассматривать поверхность стола, пепельницу, спички и пачку «Камел».

— Мистер Майерсон.

— Я знаю, что вы хотите сказать, — ответил Барни.

Войдя в комнату, Палмер Эдрич закрыл дверь, уселся напротив Барни и сказал:

— Простите, мой друг. Я дал вам уйти до того, как все произошло, до того, как Лео ударил второй раз. Это было хорошо продуманное решение. А потом меня надолго задержали дела. Чуть больше, чем на три столетия. Не стану объяснять, почему.

— Меня не волнует, почему, — проговорил Барни, продолжая смотреть вниз.

— Ты не хочешь взглянуть на меня? — спросил Палмер Эдрич.

— Я нечистый, — проинформировал его Барни.

— КТО СКАЗАЛ ТЕБЕ ЭТО?

— Животное в пустыне. Оно никогда не видело меня прежде. Оно узнало об этом, только подойдя почти вплотную.

«Где-то футов на пять, — подумал он, — что, впрочем, довольно далеко».

— Хм. Может, его мотивы...

— У него не было, черт побери, мотивов. Скорее наоборот — он казался полуживым от голода и собирался меня съесть. Так что, должно быть, это правда.

— Для примитивного мозга, — сказал Эдрич, — нечистый и святой — одно и то же. Сливаются воедино. А для них это — табу. Их ритуал...

— А, черт, — проговорил Барни резко. — Но это правда, и ты знаешь. Я жив, я не хочу умереть на корабле, но мне некуда деться.

— А мне?

— Догадайся сам, — ответил Барни.

После паузы Эдрич пожал плечами и проговорил:

— Хорошо. Я прибыл из другой звездной системы. Не хочу называть ее, да для тебя это и неважно. Я устроил себе резиденцию, где на меня и натолкнулся неистовый скороспелый оператор из вашей системы.

И какая-то часть этого перешла на тебя. Но немного. Постепенно, за несколько лет, ты восстановишься. Это будет уменьшаться, пока не исчезнет совсем. Твои друзья-колонисты ничего не заметят, потому что это коснется и их тоже. Они разделят твою участь после того, как отведают Чу-Зет.

— Мне хотелось бы знать, — сказал Барни, — чего ты пытался достичь, поставляя нашим людям Чу-Зет?

— Сделать себя вечным, — спокойно ответило сидящее напротив него существо.

Барни взглянул на него.

— Особая форма размножения?

— Да. Только специфичным способом.

— Господи. Мы все стали бы твоими детьми? — С непередаваемым отращением проговорил Барни.

— Не стоит так мучиться, мистер Майерсон, — сказала существо и рассмеялось чисто по-человечески весело. — Занимайтесь своими делами, своим маленьким садиком, оросительной системой. Если честно, я очень далек от смерти и буду только рад, когда Лео Балеро осуществит то, что задумал... Он взялся за это сразу же, как только ты отказался принять метаболический токсин. Как бы там ни было, я хочу тебе счастья здесь, на Марсе. Только не всегда все удается.

Элдрич поднялся.

— Ты мог бы возвратиться, — проговорил Барни. — Вернуть себе форму, которая была у тебя до встречи с Палмером. Тогда тебе не пришлось бы быть в человеческом теле, когда Лео откроет огонь по твоему кораблю.

— Мог бы? — в его тоне звучала ирония. — Может, меня ожидает гораздо худшее, если я не сумею оказаться в корабле. Но ты ничего не знаешь. Ты — сущность, продолжительность жизни которой удивительно коротка. И чем она короче, тем меньше...

Он замолчал и задумался.

— Не говори мне ничего, — сказал Барни. — Не надо. Я не желаю знать.

Когда в следующую минуту он поднял глаза, Палмер Элдрич уже исчез. Барни закурил новую сигарету.

«Вот неудача, — подумал он. — Так-то мы действуем, когда, наконец, после долгих ожиданий устанавливается контакт с другой расой из Галактики. И они поступают так же скверно, как и мы, а в некоторых отношениях и еще хуже. И изменить здесь ничего невозможно. Пока.

А Лео еще думал, что у нас был шанс выйти из конфронтации с Элдричем просто с помощью тьюбика с ядом. Смех да и только.

И вот я здесь. И не ударил даже палец о палец во имя интересов компании, физически и духовно нечистый.

Может, что-нибудь для меня сможет сделать Энни? Может, существует какой-нибудь способ вернуть мне первоначальное состояние?»

Он попытался вспомнить то, что знал о неохристианстве. Но знал и помнил слишком мало. И все же стоило попробовать. Оставалась надежда, и ее хватит на годы вперед.

В конце концов, у создания, живущего в глубоком космосе, которое приняло форму Палмера Эдрича, существовала какая-то связь с Богом. Если оно не было самим Богом, то по крайней мере оно было частью Божественного Творения. Так что некоторая ответственность лежала и на Нем. А, как казалось Барни, он был достаточно мудр, чтобы осознать это.

Однако стоило все же поговорить с Энни Хауторн. Она могла порекомендовать специалистов.

И все же Барни сомневался. У него было ужасное предчувствие, которое как нельзя лучше отвечало всей ситуации.

Ведь существовало же Спасение. Но для каждого ли?

После неудавшегося вояжа на Марс на обратном пути к Земле Лео Балеро без конца совещался со своим коллегой Феликсом Блау. Наконец, у них созрел план.

— Он все время курсирует между собственным спутником на орбите Венеры и другими планетами. Плюс его имение на Луне, — отметил в заключение Феликс. — И мы все отлично знаем, насколько уязвим корабль в космосе: даже маленькая дырочка может...

Последствия он изобразил жестом.

— Нам необходимо сотрудничество ООН, — сказал мрачно Лео.

Потому что единственное, что разрешалось иметь ему и членам его организации, это личное оружие. А его явно не хватало, чтобы вступить в сражение с другим космическим кораблем.

— У меня есть на этот счет очень интересный документ, — сказал Феликс, роясь в своем портфеле. — Не знаю, известно ли тебе или нет, но мои люди в ООН проникли в кабинет Хепберн-Гилберта. Конечно, мы не могли заставить его что-нибудь сделать, но мы смогли, в конце концов, обсудить некоторые проблемы. — Он извлек документ. — Наш Генеральный Секретарь обеспокоен тем, что в любом из так называемых «перевоплощений», связанных с употреблением Чу-Зет, обязательно присутствует Эдрич. Он достаточно умен, чтобы правильно интерпретировать происходящее. И значит, мы, несомненно, сможем добиться сотрудничества с ним. Пусть даже на негласной основе. Например...

— Феликс, — прервал его Лео, — разреши мне тебя кое о чем спросить. С каких это пор ты носишь искусственную руку?

Скосив глаза на руку, Феликс удивленно охнул. Потом, взглянув на Лео Балеро, вымолвил:

— А ты? Что творится с твоими зубами? Открой рот, давай посмотрим.

Не ответив, Лео вскочил и опрометью бросился в туалет посмотреть на себя в зеркало.

Не оставалось никаких сомнений. Даже глаза. Смирившись, он возвра-

тился к Феликсу. Больше никто из них не сказал ни слова. Феликс механически перебирал свои документы.

«О, Господи, — подумал Лео, — именно механически!» И ему ничего не оставалось, как либо рассматривать самого себя, либо бездумно взирать на непроглядную черноту и звезды космоса за стеклом иллюминатора.

— Последствия твоего первого выстрела, не так ли? — наконец сказал Блау.

— Должно быть, — хрипло согласился Лео. — Я вот только думаю, Феликс, что нам теперь делать?

— Допустим... — сказал Блау и стал рассматривать с возрастающим интересом ряд соседних кресел.

Лео проследил его взгляд и увидел такие же деформированные челюсти, такие же сверкающие, лишенные плоти правые руки — одна держит газету, другая книгу, пальцы третьей безостановочно постукивают... «Еще и еще, до конца ряда и начала кабины пилота... Там то же самое, — подумал он. — У всех нас».

— Но я совершенно не понимаю, что это значит? — беспомощно пожаловался Лео. — Разве мы... Ты понимаешь? Разве мы транслировались этим мерзким наркотиком? — Он махнул рукой. — И тем не менее мы оба оказались вне нашего разума, так?

— Ты пробовал Чу-Зет? — спросил Феликс Блау.

— Нет. С тех пор, как мне насильно влили его на Луне.

— Я тоже, — сказал Блау. — Просто он так размножается. Без применения наркотика. Он везде или, скорее, оно везде. Ну и отлично! Этот решающий довод изменит позицию Хепберн-Гилберта. И весь ООН тоже. Теперь они увидят во всей красе, что представляет собой эта штука. Думаю, Палмер Элдрич сделал ошибку. Он зашел слишком далеко.

— А если это уже не поможет? — усомнился Лео. — Может, этот чертов организм — словно протоплазма? И он должен пожирать и расти, распространяясь все дальше и дальше.

«Пока его не уничтожат в зародыше, — подумал он. — И мы одни сможем сделать это, потому что лично я — Хомо Сапиенс Эволвенс, я — человек будущего. Только бы получить помощь ООН».

Он почувствовал себя защитником земной цивилизации.

Что, если эта проказа достигнет Земли? Цивилизация Палмера Элдрича, седых и иссохших, сутулых и непомерно высоких, каждый — с искусственной рукой, чудовищными зубами и механическими глазами... Лучше некуда!

Представив это, он содрогнулся.

«Неужели, оно проникло в наш мозг? — спросил он себя. — Не только анатомия этого чудовищного существа, но и его разум... Что стало с нашими планами убить это создание?»

Могу спорить, все вокруг нереально. Я знаю, что прав я, а не Феликс.

Я все еще под действием той, первой дозы. Я никогда не возвращался обратно — вот в чем дело».

Думая это, он почувствовал волнение, потому что где-то там существовала нетронутая настоящая Земля, а все остальное — плод его воображения. И неважно, насколько подлинным кажутся сидящий здесь Феликс Блау, корабль и визит на Марс, к Барни Майерсону.

— Эй, Феликс, — сказал он, толкнув Блау локтем. — Ты — вымысел. Понимаешь? Это мой собственный мир. Я не могу доказать тебе этого — но действительно...

— Извини, — ответил лаконично Блау, — ты ошибаешься.

— А, давай! Видно, мне надо очнуться или что-нибудь в этом роде. Вот тогда посмотрим, что ты запоешь! Я собираюсь как следует выпить. Понимаешь, кровь стынет в жилах. — Он махнул рукой: — Стюардесса. Принесите нам выпить. Мне бурбон и воду.

Он вопросительно посмотрел на Феликса.

— То же самое, — промычал Феликс. — И льда. Но не слишком много, иначе, когда он растает, напиток теряет вкус.

Стюардесса тут же вернулась и протянула поднос.

— Вам со льдом? — спросила она Блау.

Это была хорошенькая блондиночка с зелеными глазами, похожими на отполированные изумруды, и когда она наклонилась, стали видны ее чуть раздвинутые, округленные груди.

Лео это отметил и полюбовался, однако все впечатление разом смыла уродливая челюсть, и он почувствовал себя обделенным и обманутым. А потом вдруг он заметил, что прелестные с длинными ресницами глаза исчезли. Вместо них...

Лео отвернулся, злой и подавленный, ожидая когда стюардесса уйдет. «Особенно тяжело, — понял он, — видеть это у женщин». Он не мог, к примеру, представить себе, как будет выглядеть Рони Фьюгет.

— Видел? — спросил Феликс, делая глоток.

— Да, и это доказывает, насколько быстро мы должны действовать, — сказал Лео. — Тут же, как только приземлимся в Нью-Йорке, мы отыщем этого поганого Хенберн-Гилберта.

— Зачем? — спросил Феликс Блау.

Лео усталый на него и заметил искусственные пальцы Феликса, сжимающие бокал.

— Я теперь один из них, — задумчиво сказал Блау.

«Это как раз то, о чем я подумал, — решил Лео, — то, чего я ожидал. Но я все-таки верю, что смогу добраться до Палмера. Не на этой неделе, так на следующей. Не в этом месяце, так когда-нибудь потом. Я знаю. Знаю теперь себя и свои силы. Мне все по плечу. И это прекрасно. Я хорошо вижу будущее, главное — не сдаться. Я один из тех, кто вообще не сдается, кто придерживается старой жизни, жизни до Палмера Элдрича. И это не больше, чем вера в силы, заложенные в меня с самого начала

и с помощью которых я его уничтожу. Во мне есть нечто такое, до чего не смогло добраться и поглотить даже такое существо, как Элдрич. И поскольку я над этим не властен, это меня не покинет. Я чувствую, как оно растет, противостоя внешним, несуществующим изменениям — руке, глазам, челюстям. Его не касается ни одна из тех трех дьявольских, порочных черт — триединства чуждости, — затемняющих реальность. Его не касается то безмерное отчаяние, которое Элдрич принес с собой с Проксимы или, скорее, из межзвездного космоса.

Мы и так уже живем тысячи лет под одним из самых древних бедствий, которое частично похитило и разрушило нашу святость. А оно рангом повыше, чем Элдрич. И если уж оно не смогло полностью искоренить наш дух, то куда там пытаться кому-то другому. Может, его можно уничтожить? Если так думать, если Палмер Элдрич верит, что он прибыл сюда именно для того, он ошибается. Потому что эту силу, заложенную в меня, кстати, без моего участия, не смогло одолеть даже самое древнее зло.

Обо всем этом мне говорит мой эволюционировавший разум. Сеансы Э-терапии не прошли даром. ...Пусть я не смогу прожить так же долго, как Элдрич, в одном разуме, но зато смогу в другом. Я уже прожил сотни тысяч лет своей ускоренной эволюции и стал из-за нее чрезвычайно мудрым. Вернул свой долг сполна. Мне все понятно и доступно. И там, в убежищах Антарктиды, я встречу себе подобных, мы будем гильдией Защитников, Спасителей остальных.

— Эй, Блау, — он толкнул локтем сидящее рядом полусущество. — Я твой потомок. Элдрич появился из другого пространства, а я пришел из другого времени. Понимаешь?

— А, — пробормотал Феликс Блау.

— Взгляни на мою голову, мой лоб. Я пузыреголовый, правильно? И этот панцирь, он не только на макушке, он — по всему телу. Вот что действительно дала мне терапия. Так что не отчаивайся, верь в меня.

— О'кей, Лео.

— Ущипни себя, это подействует. Может быть, я и похож на тебя из-за Джеконовских превосходных искусственных глаз, но все же внутри — это я. Здорово?

— Здорово, — сказал Блау. — Здорово все, что ты говоришь, Лео.

— Лео? С чего это вдруг тебе взбрело называть меня Лео?

Резко выпрямившись в кресле, обхватив себя руками, Феликс Блау умоляюще смотрел на него.

— Думай, Лео. Ради всего святого, думай, что нам делать?

— А, да, — протрезвев, кивнул тот и почувствовал укол совести. — Прости. Я чуть-чуть задремал. Знаю, знаю, на что ты намекаешь. Знаю, чего ты испугался. Но это еще абсолютно ничего не значит. Но я буду думать. — Он кивнул обещающе и торжественно.

Корабль мчался, приближаясь к Земле.

УБИК

*Гляжу, стоит зеленый лес,
Залитый солнца светом.
Бежим туда — пришел наш час
Идти на встречу с летом.*

Приятель, настало время распродажи, и именно поэтому мы понижаем цены на все наши бесшумные электрические аппараты «УБИК». Да, на указанную цену можно больше не смотреть. И помните: каждый аппарат «УБИК», находящийся у нас на складе, был проверен в действии согласно инструкции.

I

Пятого июня 1992 года в три тридцать утра ведущий телепат в зоне Солнечной системы исчез с карты нью-йоркского бюро фирмы «Корпорация Ранкитера». В связи с этим всю раззвонились видеофоны. За последние два месяца фирма Ранкитера потеряла след слишком многих людей Холлиса, чтобы смириться с новым случаем исчезновения.

— Мистер Ранкитер? Простите, что беспокою. — Техник, ответственный за работу ночной смены в зале карт, нервно откашлялся, когда массивная, неправильной формы голова Глена Ранкитера медленно всплыла на экран видеофона. — Мы получили сообщение от одного из наших инерциалов. Минуточку. — Он начал рыться в беспорядочной гуде магнитофонных лент, на которые надиктовал поступающую информацию. — Это миссис Дорн. Может быть, помните, она отправилась вслед за ним в Грин Ривер, штат Юта, чтобы...

— За кем? — буркнул Ранкитер заспанным голосом. — Не могу же я держать в голове, какой инерциал каким телепатом или ясновидящим занимается. — Он пригладил непослушную массу седых жестких волос. — О деталях потом... Кто из людей Холлиса исчез на этот раз?

— С.Доул Мелипон, — сказал техник.

— Что? Мелипон исчез? Вы, верно, шутите.

— Я серьезно, — заверил его техник. — Эдди Дорн вместе с двумя другими инерциалами следили за ним вплоть до мотеля, известного под названием «Башня Разнообразнейшего Эротического Опыта». Это подземное сооружение, состоящее из шестидесяти апартаментов, предназначенное для бизнесменов, которые приезжают туда со своими девицами и не стесняются в развлечениях. Эдди и ее коллеги и мысли не допускают, чтобы он был в состоянии активности, но для гарантии мы все-таки послали туда одного из наших телепатов — мистера Г.Г. Эшвуда, чтобы тот провел измерения. Эшвуд подтвердил наличие зоны помех вокруг сознания

Мелипона и, поскольку ничего не мог больше сделать, вернулся в Топеку, Канзас, где пытается завербовать для нас нового сотрудника.

Ранкитер, почти окончательно проснувшись, закурил сигарету; он сидел сгорбившись, упершись подбородком в ладони, и полосы дыма мешали смотреть на экран визира, установленного в его комнате.

— Вы уверены, что это Мелипон? Насколько мне известно, никто не знает, как он выглядит; он чуть ли не каждый месяц меняет свой физический шаблон. Каково было его поле?

— Мы направили туда Джо Чипа, чтобы он провел замеры напряженности поля в районе мотеля «Башня Разнообразнейшего Эротического Опыта». Чип говорит, что в максимальной точке он зарегистрировал 68,2 телепатической ауры. Из всех известных нам телепатов только Мелипон способен на такое. Поэтому мы и воткнули на нашей карте в этом месте значок, обозначающий его местонахождение. А теперь он... он исчез... — закончил техник.

— А на полу вы искали? Или за картой?

— Он исчез в электронном смысле. Человека, которого он обозначал, нет на поверхности Земли, нет его, насколько мы способны ориентироваться, и в зоне известных внеземных территорий.

— Я посоветуюсь по этому вопросу с моей умершей женой, — сказал Ранкитер.

— Сейчас полночь. В эту пору моратории закрыты.

— Но не в Швейцарии, — возразил Ранкитер, заменив улыбку гримасой, словно рот его был набит чем-то несъедобным, — спокойной ночи, — добавил он и отключился.

Герберт Шенгейт фон Фогельсанг, владелец Моратория Возлюбленных Собратьев, разумеется, приходил на работу раньше своих сотрудников. В эту пору движение внутри холодного гулкого здания только начиналось, и тем не менее в приемной его уже ждал с квитанцией в руке взволнованный, похожий на священника мужчина в очень темных очках. Одет он был в куртку из кошачьего меха и желтые остроносые ботинки. Похоже, что, пользуясь свободной минутой, он пришел навестить кого-то из родственников. Приближался День Воскрешения из мертвых, день, официально посвященный полуживым, и следовало ожидать наплыва посетителей.

— Слушаю вас, — вежливо улыбнулся Герберт. — Я лично приму ваш заказ.

— Это такая маленькая старенькая женщина, — пояснил клиент. — Маленькая и сухонькая. Моя бабушка.

— Минуточку. — Герберт направился в сторону холодильных блоков, чтобы отыскать номер 3 054 039-B.

Найдя нужного человека, он проверил данные по прикрепленной там же контрольной карточке. Получалось, что старушке оставалось находиться в состоянии полужизни всего только пятнадцать дней. Не так уж и много, подумал он, привычно прилаживая переносной усилитель протофазонов

к прозрачному синтетическому материалу, из которого был сделан гроб. Он настроил усилитель на нужную частоту и прислушался, проверяя, как функционирует сознание.

Из динамика послышался слабый голос:

— ...и как раз тогда Тилли сломала себе ногу в колене. Мы думали, что она никогда от этого не оправится, так глупо она себя вела, сразу же хотела начать ходить...

Удостоверившись, что все нормально, он отключил усилитель, связался с одним из членов обслуживающей бригады и попросил его доставить номер 3 054 039-В в гостиную, где клиент сможет побеседовать со старой дамой.

— Вы ее слышали, правда? — спросил посетитель, отсчитывая необходимую сумму.

— Да, лично я, — подтвердил Герберт. — Все функционирует надлежащим образом. — Он щелкнул несколькими переключателями и откланялся: — Желаю вам счастливого Дня Воскрешения, сэръ.

— Благодарю...

Клиент сел лицом к гробу — от покрывающей его изоляционной прослойки поднимался пар, — прижал динамик к уху и громко заговорил в микрофон:

— Флора, милая, ты меня слышишь? Мне кажется, я уже различаю твой голос, Флора!

«Когда я умру, — подумал Герберт Шенгейт фон Фогельсанг, — то специально оговорю в завещании, чтобы потомки оживляли меня не чаще одного раза в сто лет. Таким образом, я смогу следить за судьбами человечества». Иначе это было бы слишком разорительно — уж он-то это знал. В конце концов потомки могли бы взбунтоваться и распорядиться, чтобы тело его извлекли из холодильника и — не дай бог! — похоронили.

— Погребение тел является варварским обычаем, — бормотал он про себя, — пережитком времен, когда наша культура только начиналась.

— Разумеется, шеф, — сказала секретарша, сидящая за пишущей машинкой.

В гостиной уже набралось довольно много клиентов, желающих побеседовать со своими полуживыми родственниками. Они сидели спокойно, погруженные в размышления; каждому из них доставляли в порядке очереди нужный гроб. Эти люди, сохранившие верность умершим и регулярно приходившие сюда, чтобы засвидетельствовать им свое почтение, производили отрадное впечатление. Они поддерживали в полуживых бодрость в моменты их умственной активности, пересказывали им события, происходящие в окружающем мире, и... платили Герберту Шенгейту фон Фогельсангу. Мораторий был доходным предприятием.

— Мой отец показался мне несколько ослабленным, — сообщил молодой человек, когда ему удалось привлечь к себе внимание Герберта. — Я был бы вам весьма признателен, если бы вы уделили немного времени и проверили его.

— Разумеется, — ответил Герберт.

Вместе с клиентом он прошел через гостиную, направляясь в сторону блаженной памяти родственника. Из контрольной карты следовало, что Тиму осталось всего несколько дней; этим объяснялась несколько нечеткая работа мозга. Но все-таки он немного повозился с настройкой усилителя протофазонов, и голос полуживого стал чуточку громче. «Он уже на грани истощения», — подумал Герберт. Ему стало ясно, почему сын не стал сам разбираться в контрольной карте: не хочет понимать, что контакт с отцом вскоре должен прерваться. Зачем говорить ему, что это, скорее всего, его последний визит в мораторий? Отец сам все поймет.

На приемной площадке, расположенной позади здания, показался грузовик. Из него выскочили двое мужчин, одетых в знакомую светло-голубую униформу. «Из транспортной фирмы «Атлас Интерплэн Вэн анд Сто-ридж», — подумал Герберт. — А может, привезли еще одного полуживого, который только что распрощался с этим миром, или же приехали забрать кого-то, чей срок уже истек». Он, не торопясь, направился в ту сторону, чтобы узнать, в чем там дело, и в этот момент секретарша оклинула его:

— Герр Шенгейт фон Фогельсанг, простите, что прерываю ваши размышления, но один из клиентов просит, чтобы вы помогли разбудить его близкого. — И с особой интонацией добавила: — Этот клиент — мистер Глен Ранкитер, он прилетел сюда прямо из Североамериканской Федерации.

Высокий пожилой мужчина с большими руками подошел к нему широким пружинистым шагом. Он был одет в немнущуюся одежду из синтетики, трикотажную рубашку и яркий, ручной работы галстук. Наклонив вперед массивную седую голову, он оглядывался вокруг. Глаза у него были несколько навывкате, круглые, живые и необычайно внимательные. Профессиональное выражение внимания и сердечности на лице Ранкитера сохранялось ровно то время, которое потребовалось для того, чтобы заставить Герберта сосредоточиться на его деле.

— Как себя чувствует Ева? — прогудел он. Казалось, голос его усиливался каким-то электронным приспособлением. — Можно ее немножко расшевелить и поговорить с ней? Ей всего-то двадцать — она должна быть в лучшей форме, чем вы или я.

Ранкитер засмеялся, но его смех вовсе не говорил о его настроении, просто это была его обычная манера держаться: сначала — улыбка, потом — смех. При этом голос его всегда был громким и уверенным. По сути дела, его никто и ничто не интересовало. Это только его тело улыбалось или протягивало руку. Его сознание жило своей отдельной жизнью. Он был вежлив, но полон отчуждения.

Увлекая за собой Герберта, он быстрыми шагами направился к холодильникам, в которых помещались полуживые и среди них — его жена.

— Давненько вы у нас не были, мистер Ранкитер, — заметил Герберт. Он никак не мог припомнить данных на контрольной таблице миссис Ранкитер, чтобы сообразить, какой отрезок полужизни оставался у нее впереди.

Ранкитер, положив на плечо Герберта свою широкую плоскую ладонь и заставляя его, таким образом, идти быстрее, говорил:

— Это очень важный период, герр Фогельсанг. Мы, то есть я и мои сотрудники, столкнулись с проблемой, которая выходит за границы рационального. В настоящее время я не могу поделиться фактами, но ситуация, можно сказать, является опасной, хотя и не безнадежной. Однако ни в коем случае не следует впадать в отчаяние. Где Элла? — Он остановился и принялся энергично оглядываться.

— Я доставлю ее вам в гостиную, — сказал Герберт. (Клиентам не разрешалось находиться в помещениях холодильников.) — У вас есть жетон с ее номером?

— Нет, черт побери, я его давным-давно потерял, — сказал Ранкитер. — Но вы же знаете мою жену и сможете ее отыскать. Элла Ранкитер, около двадцати лет. Глаза карие, волосы каштановые. — Он нетерпеливо осмотрелся вокруг. — Где эти гостиные находятся? — Раньше их еще можно было хоть как-то найти.

— Проводите мистера Ранкитера в гостиную, — приказал Герберт одному из своих сотрудников, который как раз подошел поближе, желая лучше рассмотреть известного на весь мир владельца фирмы антипси.

— Там полно людей, я не смогу разговаривать с Эллой, — недовольно сказал Ранкитер, заглянув в гостиную. Быстрым шагом он шел следом за Гербертом, который поспешил в сторону архива фирмы. — Мистер Фогельсанг, — обратился он к нему, снова водрузив ему на плечо свою огромную лапу (при этом Герберт сразу почувствовал тяжесть этой ладони и заключенную в ней силу убеждения), — разве у вас не найдется местечка поспокойнее для приватной беседы? Я намерен говорить со своей женой о делах, которые «Корпорация Ранкитера» не собирается разглашать.

— Я могу доставить вам миссис Ранкитер в одно из наших служебных помещений, сэр, — тут же предложил Герберт.

Уверенный тон Ранкитера и его сильная личность действовали безотказно. Он попытался прикинуть, какие проблемы заставили Ранкитера оставить свою резиденцию и предпринять столь позднее паломничество в Мораторий Возлюбленных Собратьев, чтобы расшевелить — как он это вульгарно назвал — свою полуживую жену. Какие-нибудь неприятности, решил Герберт. В последнее время тон крикливых реклам, помещенных в телепрограммах и домашних газетах всевозможными компаниями, прибегающими к услугам антипси, стал еще более навязчивым. «БЕРЕГИ СВОЮ ИНТИМНУЮ ЖИЗНЬ!» — твердили по всем каналам. В самом ли деле никто из посторонних не принимает твои волны? Ты уверен, что это насчет телепатов. А тут еще этот истерический страх перед ясновидящими. «А НЕ ИЗВЕСТНЫ ЛИ ЗАРАНЕЕ ТВОИ НАМЕРЕНИЯ КОМУ-ТО, КОГО ТЫ ДАЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ? ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕУВЕРЕННОСТИ: БЛИЖАЙШИЙ ПРОФИЛАКТОРИЙ, В КОТОРЫЙ ТЫ ОБРАТИШЬСЯ, ПРОИНФОРМИРУЕТ ТЕБЯ О ТОМ, НЕ ЯВЛЯЕШЬСЯ ЛИ ТЫ ЖЕРТВОЙ НЕПРЕДВИДЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ИЗВНЕ, ПОТОМ — ЕСЛИ

ТЫ ПОЖЕЛАЕШЬ — НЕЙТРАЛИЗУЕТ ПОСЛЕДСТВИЯ ТАКОГО РОДА ВМЕШАТЕЛЬСТВА. ПЛАТА УМЕРЕННАЯ».

Профилакторий. Ему нравилось это слово: оно преисполнено достоинства и точно выражает суть. Он знал об этом по своему собственному опыту: два года назад из соображений, которые ему так никогда и не удалось выяснить, какой-то телепат подверг зондажу весь персонал его моратория. Вероятно, речь шла о перехвате информации, которой обменивались посетители со своими полуживыми родственниками. А может, это касалось какой-то определенной особы, находящейся в моратории. Так или иначе представитель одной из фирм антипси подтвердил наличие телепатического поля и сообщил об этом факте. Герберт подписал специальный договор, и командированный фирмой антителепат расположился на территории моратория. Телепата не обнаружили, но воздействие его было нейтрализовано в полном соответствии с обещаниями рекламных объявлений. Победенный телепат в конце концов убрался. Теперь мораторий был свободен от пси-влияния, но для полной уверенности этот профилакторий каждый месяц подвергал детальной проверке весь персонал фирмы.

— Весьма благодарен, мистер Фогельсанг, — говорил Ранкитер, проходя вслед за Гербертом через служебное помещение, полное работающих сотрудников, и направляясь к пустой комнате, в которой все пропиталось устоявшимся запахом пыльных, никому не нужных микродокументов.

«Разумеется, — продолжал размышлять Герберт, вышагивая к архиву, — я поверил им тогда на слово насчет телепата, который якобы сюда пробрался. Они показали мне данные, которые получили, и представили их как доказательство. Не исключено, что все это был чистый обман — может, они сфабриковали их в своих лабораториях. Так же на слово я поверил, что телепат убрался. Пришел и ушел, а мне это обошлось в две тысячи поскредов. Но ведь не может же профилакторий оказаться попросту бандой шарлатанов, утверждающих, что их услуги необходимы, если в этом нет нужды?»

Ранкитер не пошел за ним, он пытался устроиться поудобнее в слишком тесном для него кресле, заскрипевшем под его тяжестью. При этом он раздраженно вздохнул, и Герберту неожиданно показалось, что этот крепко сложенный пожилой мужчина страшно устал, несмотря на энергию, которую он привычно демонстрировал.

«Забравшись так высоко, человек обязан вести себя определенным образом, — подумал Герберт. — Он должен производить впечатление, что представляет собой нечто большее, чем обыкновенный человек с присущими ему слабостями. В тело Ранкитера вживлена, наверное, дюжина артифоров, искусственных органов, подключенных к определенным точкам его физиологической системы и подменяющих те ее естественные части, которые перестали нормально функционировать. Теперь наука, — продолжал он свои размышления, — может оказывать влияние на основные элементы организма. Именно этим и пользуется Ранкитер, пока ему не откажет его великолепный мозг. Интересно все же, сколько ему лет? — задумался

он. — В наши дни определить возраст по внешнему виду просто невозможно. Особенно после девяноста».

— Мисс Бисон, — сказал он своей секретарше, — прошу вас, отыщите миссис Эллу Ранкитер и сообщите мне ее идентификационный номер. Ее следует доставить в комнату 2А.

Он уселся напротив нее и потянулся за щепоткой табака «Принцес» производства фирмы «Фрайбург и Трейер». А мисс Бисон приступила к выполнению сравнительно простого задания — отысканию жены Глена Ранкитера.

Лучший способ заказать пиво — произнести «УБИК». Сваренное из отборного хмеля и на воде высокого качества, дозревающее до приобретения идеального вкуса, пиво «УБИК» является в этой стране Пивом № 1. Изготавливается только в Кливленде.

II

Элла Ранкитер лежала, вытянувшись, в своем стеклянном гробу, окутанная ледяным туманом. Глаза ее были закрыты, а руки раз и навсегда подняты к лишенному какого-либо выражения лицу. Последний раз Ранкитер видел ее три года назад, и, разумеется, за это время она ничуть не изменилась. Известно, что теперь уже никогда никаких изменений с ней не произойдет, по крайней мере в ее внешнем облике. Но каждый раз, когда ее заново подготавливали к состоянию полужизни, пусть даже ненадолго активизируя ее мозг, Элла несколько приближалась к своей смерти. Постепенно уменьшался и таял запас времени, в течение которого она еще могла возвращаться в сознание.

Он знал это и поэтому не пробуждал ее чаще. Он говорил себе, что это было бы то же, что заново вгонять ее в гроб, что оживление было бы грехом перед ней. Из его памяти стерлись ее собственные пожелания, высказанные еще до гибели и во время первых встреч — с начала ее полужизни. Как-никак он в четыре раза ее старше и должен относиться к таким вещам более разумно. Она хотела, ни мало ни много, на равных с ним функционировать как совладательница «Корпорации Ранкитера» — речь шла более-менее об этом. Отлично, к этому пожеланию он прислушался. И поэтому он сейчас здесь. Так было и лет шесть-семь назад. Он консультировался с ней каждый раз, когда фирма оказывалась на грани кризиса. Так поступил он и теперь.

— Черт бы побрал эти наушники, — буркнул он недовольно, прижимая к уху пластмассовый кружок. — И этот микрофон тоже — нельзя как следует поговорить.

Он нетерпеливо крутился в неудобном кресле, которое подsunул ему этот Фогельсанг, или как там его, следя за постепенным возвращением

жены к состоянию сознательности. И неожиданно панически подумал: а вдруг ей вообще это не удастся, вдруг ее силы уже исчерпались, а они просто ничего не сказали ему об этом? И возможно, они сами того не заметили. Может, следовало бы вызвать этого типа, Фогельсанга, и потребовать объяснений?.. Может, они совершили какую-нибудь чудовищную ошибку?..

Элла всегда была интересной женщиной: светлая кожа, живые, ярко-голубые глаза, когда она еще могла их открывать. Никогда больше этого не будет; с ней можно говорить, можно слышать ее голос, но... она никогда не поднимет век, не пошевелит губами. Не улыбнется в ответ на его приветствие. Не заплачет при его уходе. Что лучше — эта система или предшествующая, основанная на непосредственном переходе из состояния полной жизни в гроб? В определенном смысле я все еще вместе с ней, пришел он к выводу, и у меня есть выбор: или это, или ничего.

В наушнике постепенно начали звучать какие-то слова, перепутанные, не имеющие значения мысли, фрагменты таинственного сна, в который была погружена Элла. «Что может ощущать человек в состоянии полужизни?» — не раз задумывался он. Он так никогда это и не понял из рассказов Эллы. Очевидно, было невозможно в полной мере передать ее чувства, которые появляются в подобном состоянии, даже объяснить сам принцип. Как-то она сказала ему: «На человека перестает действовать земное притяжение, ты ощущаешь себя все более воздушной, поднимаешься все выше и выше. Мне кажется, — говорила она, — что, когда этот отрезок полужизни кончается, человек выплывает за пределы Системы, прямо к звездам». Но и она не знала ничего наверняка, лишь высказывала предположение. Однако при этом она не производила впечатление испуганной или несчастной.

Такое положение вещей его вполне устраивало.

— Здравствуй, Элла. — Он не очень-то знал, с чего начать.

— Ах! — услышал он ее ответ; ему показалось, что она растерялась, хотя ее лицо сохраняло неподвижность, по нему ничего нельзя было прочитывать. Он отвел глаза. — Как дела, Глен? — спросила она тоном изумленного ребенка. Его визит был для нее неожиданным, волнующим событием. — Что... — Она заколебалась. — Сколько времени прошло?

— Два года, — ответил он.

— И что новенького произошло за это время?

— Черт побери, все разваливается, — начал он. — Все предприятие. Поэтому я и приехал. Ты же сама хотела участвовать в принятии всех решений насчет создания новых методов работы, и Господь мне свидетель — именно теперь нам необходимо эти методы разработать или, по крайней мере, реорганизовать всю нашу поисковую систему.

— А мне снилось... — сказала Элла. — Я видела туманный красный свет, он был ужасен. И все-таки меня все время тянуло к нему. Я ничего не могла поделать.

— Да, — кивнул Ранкитер, — об этом говорит «Бардо Тходол», тибетская книга мертвых. Припомни, врачи рекомендовали тебе прочитать ее, когда... — он запнулся, — когда ты умирала.

— Туманный красный свет — это нехорошо, правда? — спросила Элла.

— Да. Его следует избегать. — Он откашлялся. — Слушай, Элла, у нас неприятности. У тебя хватит сил, чтобы выслушать меня? Я бы не хотел чрезмерно перегружать тебя или утомлять. Просто скажи, если ты слишком устала или хочешь поговорить о чем-либо другом.

— Это так необычно... Мне кажется, я спала все это время — с нашего последнего разговора. Неужели и в самом деле прошло два года? Знаешь, что мне кажется, Глен? Что все эти люди, которые меня окружают... что мы все больше интегрируем. Все больше моих снов не имеют никакого отношения ко мне самой. Временами я мужчина, иногда — маленький ребенок, порой — пожилая женщина, страдающая расширением вен... Я оказываюсь в местах, которые в глаза не видела, и совершаю разные бессмысленные поступки.

— По-видимому, это объясняется тем, что ты изменяешься в направлении нового лона, из которого должна родиться. А этот туманный красный свет означает нехорошее лоно, тебе не следует идти в его направлении. Это унижительный, скверный тип лона. Скорее всего, ты предвидишь свою грядущую жизнь или как там это еще можно назвать. — Он чувствовал себя очень глупо, изъясняясь подобным образом, он принципиально не придерживался никаких религиозных убеждений. Однако явление полужизни было реальным фактом и этот факт всех превратил в теологов. — Ну так послушай, что случилось, — сказал он, меняя тему, — почему я приехал и беспокою тебя. С.Доул Мелипон исчез из поля зрения.

На мгновение настала тишина, а потом Элла рассмеялась.

— Кто или что есть этот самый С.Доул Мелипон? Мне просто не верится, что нечто такое может существовать.

Так хорошо знакомый ему, необычайно приятный, бархатный смех заставил его вздрогнуть: он сразу узнал его, хотя не слышал уже более десяти лет.

— Ты, наверное, забыла, — сказал он.

— Не забыла. Я не могу забывать что-то такое, что называлось С.Доул Мелипон. Это что-нибудь вроде домового?

— Это главный телепат Рэймонда Холлиса. Вот уже полтора года, точнее, с того момента, когда Г.Г.Эшвуд засек его в первый раз, по крайней мере, один из наших инерциалов всегда держится вблизи него. Мы никогда не спускали глаз с Мелипона, мы просто не можем себе такое позволить. В случае необходимости он способен создать вдвое более сильное, чем у любого другого сотрудника, пси-поле. И вдобавок ко всему, Мелипон не один — у Холлиса исчезло еще несколько людей, по крайней мере для нас. А это опасно для репутации фирмы. Ни одна из профилактических организаций, входящих в Объединение, не владеет большей информацией, чем мы. Вот я и подумал: черт побери, пойду и спрошу Эллу, что, собственно, делается и как мне следует поступить. Все в соответствии с твоим завещанием, помнишь?

— Помню. — Казалось, она говорит издалека. — Дайте больше рекламы

по телевидению. Предупредите людей. Скажите им... — Голос ее постепенно таял.

— Тебе скучен этот разговор, — невесело заметил Ранкитер.

— Нет. Я... — она заколебалась; он почувствовал, что она снова отдалается. — Все эти исчезнувшие люди телепаты? — спросила она после некоторого молчания.

— Преимущественно телепаты и ясновидящие. Не знаю точно, но говорят, что их наверняка нет нигде на поверхности Земли. В моем распоряжении дюжина инерциалов, которые неактивны и которым нечем заняться, потому что нигде нет людей с пси-способностями, влияние которых они должны были бы нейтрализовать, но что заботит меня еще больше, гораздо больше: спрос на инерциалов упал. Что еще можно ожидать, если исчезло так много людей с пси-способностями. Однако я знаю, что они все вместе работают над какой-то задачей, вернее, мне так кажется. Более того, я тоже уверен, что кто-то нанял всю их группу, но только Холлис знает, кто именно и где они все находятся. И вообще, чем они занимаются.

Он погрузился в мрачные размышления. Чем может помочь ему Элла? Она лежит в своем гробу, отрезанная от мира с помощью низких температур, она знает лишь то, что он сам ей сообщал. И все-таки он всегда полагался на ее разум, точнее сказать, на ее мудрость, опирающуюся не на знание или опыт, а на что-то врожденное, но даже в те времена, когда она еще была жива, ему никак не удавалось до конца разобраться в этом, и что уж говорить теперь, когда она находится в замороженном и неподвижном состоянии. Другие женщины, с которыми он имел дело после ее смерти — а было их немало, — тоже обладали этим качеством, но только в незначительной степени, так, лишь намеки, указывающие на большие потенциальные возможности, которые, однако — не то что в Элле, — так никогда в них и не реализовались.

— Скажи, — попросила Элла, — что за человек этот Мелипон?

— Чудак.

— Работает ради денег? Или из убеждения? Когда они начинают распространяться обо всей этой пси-мистике, об ощущении цели, о космической идентификации, это всегда вызывает во мне подозрения. Ведь именно так было с тем отвратительным Сараписом, ты его помнишь?

— Сараписа уже нет в живых. Я полагаю, что Холлис убрал его за то, что он тайком от него пытался организовать свое собственное дело и стать, таким образом, его конкурентом. Один из ясновидящих Холлиса предупредил его об этом. Мелипон, — продолжал он, — является для нас гораздо более серьезной проблемой, чем был в свое время Сарапис. Когда он в хорошей форме, то требуется не меньше трех инерциалов, чтобы уравнять его поле, и на этом мы ничего не выигрываем. Получаем — точнее, получали — тот же гонорар, что и при использовании одного человека. Объединение ввело теперь преискурант, и мы вынуждены под него подлаживаться.

С каждым годом он думал всё хуже и хуже об этом Объединении, оно

стало для него чуть ли не навязчивой идеей. Он считал, что оно не приносит никакой пользы и слишком дорого обходится. А кроме того, очень уж они там самоуверенны.

— Насколько мы понимаем, побудительным мотивом Мелипона являются деньги. А в чем, собственно, разница? Или ты считаешь, что это менее опасно?

— Ответа не было.

— Элла! — позвал он. Тишина. Он нервно забормotal: — Эл, Элла, ты меня слышишь? Что-нибудь случилось?

«Черт побери, — подумал он, — опять она ушла».

Наступила пауза, а потом его правого уха коснулась материализовавшаяся мысль:

— Меня зовут Жорж.

Это не были мысли его жены, они имели элан другого вида — более живые и в то же время менее связные, лишенные свойственной Элле быстроты восприятия.

— Прошу вас отключиться, — произнес Ранкитер, охваченный неожиданным страхом. — Я беседовал со своей женой, Эллой, откуда вы тут взялись?

— Меня зовут Жорж, — наступала мысль, — и со мной никто не разговаривает. Я к вам подключаюсь на минутку, если вы не имеете ничего против. Кто вы такой?

— Я хочу говорить со своей женой, миссис Эллой Ранкитер, — пробормotal Глен. — Я заплатил за беседу с ней и хочу говорить именно с ней, а не с вами.

— Я знаю миссис Ранкитер. — На этот раз мысли звучали в его ухе намного сильнее. — Она, правда, разговаривает со мной, но это не то же самое, что беседовать с кем-то вроде вас, с кем-то из мира. Миссис Ранкитер находится тут вместе с нами, она не в счет, так как знает не больше, чем все мы. А какой сейчас год, скажите, будьте добры? Интересно, уже отправили тот гигантский корабль на Проксиму? Меня это очень интересует. А я, если вам будет угодно, позже расскажу все это миссис Ранкитер. Договорились?

Ранкитер выдернул из уха динамик, поспешно отложил в сторону микрофон и все прочие приспособления, вышел из душной, пропыленной комнаты и быстро зашагал между замороженными саркофагами, аккуратно составленными в пронумерованные ряды. Служащие моратория, встречавшиеся на его пути, торопливо отступали, когда он решительным шагом приближался к ним, выискивая глазами владельца.

— Что-нибудь случилось, мистер Ранкитер? — спросил фон Фогельсанг, заметив, что клиент поворачивает в его сторону. — Чем могу служить?

— Там что-то отзывается в проводах. — Ранкитер остановился, тяжело дыша. — Вместо Эллы. Черт бы побрал и вас, и все ваши хитрые штучки. Таких вещей не должно быть. И что это вообще значит? — Теперь он шел

за хозяином моратория, который направился в сторону помещения 2А. — Если бы я подобным образом руководил своей фирмой...

— Эта особа представилась?

— Да. Он сказал, что его зовут Жорж.

— Это Джори Миллер, — сказал фон Фогельсанг и скривился, явно обеспокоенный. — Мне кажется, он установлен в холодильнике рядом с вашей женой.

— Но мне-то нужна Элла!

— После длительного нахождения друг около друга, — начал объяснять фон Фогельсанг, — временами происходит взаимный осмос, взаимопроникание сознания полуживых. Активность мозга Джори необычайно высока; у вашей же жены — сравнительно низкая. Это вызвало перераспределение протофазонов. Увы, только в одну сторону.

— И вы не можете этому воспрепятствовать? — хрипло спросил Ранкитер. Он до сих пор еще не пришел в себя от потрясения, усталости и злости. — Уберите это нечто из сознания моей жены и верните ее назад. Это ваша обязанность.

— Если такое положение вещей сохранится, — заявил фон Фогельсанг официальным тоном, — ваши деньги будут вам возвращены.

— Зачем мне деньги? К дьяволу деньги! — Они дошли до помещения 2А. Ранкитер неуверенно уселся на свое место; сердце его стучало так сильно, что он едва мог говорить. — Если вы не уберете этого Жоржа из проводов, — выдавил из себя Ранкитер, — я вас по судам затаскаю, я вас разорю.

Повернувшись лицом к гробу, фон Фогельсанг сунул в ухо динамик и энергично заговорил в микрофон:

— Джори, будь воспитанным мальчиком, отключись. — Покосившись в сторону Ранкитера, он объяснил: — Джори умер, когда ему было пятнадцать лет, поэтому в нем столько витальности. Честно говоря, такое уже и раньше случалось, Джори несколько раз появлялся там, где он не должен быть. — Фон Фогельсанг еще раз произнес в микрофон: — Джори, ты ведешь себя невежливо. Мистер Ранкитер прибыл издалека, чтобы побеседовать со своей женой. Не заглушай ее сигналов, Джори, ты ведешь себя отвратительно. — Он замолчал, чтобы выслушать ответ. — Я знаю, что ее сигналы очень слабые. — Какое-то время он слушал, склонившись над гробом и нахмурившись, потом вытащил наушник и поднялся со своего места.

— Что он говорит? — Ранкитер требовал объяснений. — Он уберется, наконец, чтобы я мог побеседовать с женой?

— Джори не виноват, это от него не зависит, — пояснил фон Фогельсанг. — Представьте себе два передатчика, работающие в диапазоне коротких, средних или длинных волн; один расположен недалеко, но мощность его едва достигает пятисот ватт, другой находится гораздо дальше, но работает на той же или примерно на той же частоте. Он обладает мощностью в пять тысяч ватт. Когда настанет ночь...

— Ночь уже настала, — сказал Ранкитер. По крайней мере, для Эллы.

А может быть, и для него, если ему не удастся отыскать исчезнувших телепатов, параинетиков, ясновидящих, медиумов и духовидцев Холлиса. Он потерял свою жену и теперь, в добавок ко всем прочим неприятностям, лишился возможности спросить ее совета.

— Когда мы снова поместим ее в холодильник, — виновато сказал фон Фогельсанг, — мы проследим, чтобы Джори был подальше от нее. В сущности, если вы согласны на несколько более высокую ежемесячную плату, мы можем поместить ее в надежно изолированной камере, стены которой дополнительно выложены слоем тефлона-26, способным поглотить все гетеропсихические воздействия как со стороны Джори, так и любого другого.

— А еще не слишком поздно? — спросил Ранкитер, на мгновение освобождаясь от депрессии, в которую погрузило его это происшествие.

— Ее возвращение возможно. Но только когда Джори и все иные личности, которые проникли в нее, пользуясь ее слабостью, выдохнутся. Она доступна почти для каждого. — Фон Фогельсанг прикусил губу, раздумывая над ситуацией. — Однако, мистер Ранкитер, изоляция может ей не понравиться. Мы не случайно размещаем контейнеры — или гробы, как повсеместно называют их непрофессионалы, — так близко один от другого. Взаимопроникание умственной деятельности дает этим полуживым людям единственную...

— Я попрошу вас сейчас же поместить ее в отдельное помещение, — прервал его Ранкитер. — Лучше, чтобы она пребывала в изоляции, чем не существовала вовсе.

— Она существует, — поправил его фон Фогельсанг. — Она лишь не может вступить в контакт с вами, а это разные вещи.

— Это метафизическая разница, которая не имеет для меня никакого значения, — заявил Ранкитер.

— Я не изолирую, — сказал фон Фогельсанг, — но, пожалуй, вы правы: уже слишком поздно. Джори проник в нее в весьма значительной степени, и, возможно, навсегда. Мне очень жаль.

— Мне тоже, — ехидно сказал Ранкитер.

Мгновенно завариваемый «УБИК» обладает всеми качествами свежего кофе, изготовленного на скорую руку. Твой муж скажет: «Милая, до сих пор я считал, что ты завариваешь кофе так себе, но сейчас — восхитительно!» Безвреден при использовании согласно инструкции.

III

Джо Чип, все еще в своей полосатой пижаме, напоминающей клоунское одеяние, лениво развалился за кухонным столом, закурил, опустив десять центов, принялся манипулировать управлением недавно взятого напрокат газетного аппарата. Принимая во внимание свое похмелье, он пропустил

«Межпланетные новости», задержался ненадолго над рубрикой «Городские новости» и в конце концов остановил свой выбор на «сплетнях».

— К вашим услугам, сэр, — отозвался аппарат сердечным голосом. — Сплетни: угадайте, что на этот раз затеял Стэнтон Мик, любящий одиночество финансист и спекулянт с международной известностью.

Внутри аппарата что-то засвистело, и из щели выскочил листок бумаги с печатным текстом, набранным в четыре цвета, изысканно подобранным шрифтом. Он скользнул по поверхности псевдодубового стола и спланировал на пол. Чип, несмотря на разламывающуюся голову, поднял его и расправил перед собой.

МИК ОБРАЩАЕТСЯ В МИРОВОЙ БАНК ЗА ДВУМЯ ТРИЛЛИОНАМИ.

И дальше: «Лондон. Что на этот раз затеял Стэнтон Мик, любящий одиночество финансист и спекулянт с международной известностью? — такие вопросы задавали себе деловые люди, когда сквозь стены Уайт-холла просочилась информация о том, что полный энергии, хотя и отличающийся некоторой эксцентричностью промышленный магнат, предпринявший некогда постройку бесплатной флотилии космических кораблей, с помощью которой Израиль мог бы колонизировать планету Марс и превратить ее пустыни в пригодные для жизни территории, на этот раз обратился с просьбой, не лишенной шансов на удовлетворение, о предоставлении ему невероятно высокого, не имеющего прецедентов кредита в размере...»

— Разве это сплетни? — сказал Джо Чип аппарату. — Это болтовня, касающаяся финансовых спекуляций. А сегодня мне хочется почитать о том, как какой-нибудь телегерой спит с чьей-нибудь женой, наглотавшись наркотиков.

Как обычно, спал он довольно скверно, в любом случае ему давно не хватало сна типа РЕМ, при котором происходит быстрое движение зрачков. А еженедельный запас возбуждающих средств, доставляемых ему из районной аптеки, расположенной неподалеку, в том же жилом блоке, — увы! — уже кончился. Объяснялось это, признавал он с горечью, отсутствием чувства меры у него самого, но ничего не поделаешь — факт оставался фактом. Согласно обязательным предписаниям, он мог обратиться с просьбой о продаже новой порции лишь в ближайший вторник, то есть через два дня, через долгие два дня.

— Прошу вас настроиться на «бульварные сплетни», — сказал автомат.

Он так и сделал, и перед ним немедленно появилась новая заметка. Сперва внимание Джо привлекла великолепная карикатура, изображающая Лоли Хертцбург-Райт, он с удовлетворением облизнул губы, видя, каким необычным способом демонстрирует она свое правое ухо, потом уже принялся читать текст: «Задетая минувшим вечером неким хулиганом в модном нью-йоркском ночном клубе, **ЛОЛИ ХЕРТЦБУРГ-РАЙТ** приветствовала его быстрым ударом правой в челюсть. В результате тот опрокинулся на стол, за которым сидел шведский король **ЭГОН ГРОТ** в обществе неопознанной дамы с изумительно большим...»

В этот момент раздался звонок в дверь. Вздрогнув, Джо Чип оторвал взгляд от газеты и заметил, что его сигарета прожгла гладкую поверхность псевдодубового стола, — пришлось заняться спасательными работами. Затем он потащился неуверенным шагом в сторону микрофона, вмонтированного для удобства рядом с клавишей, служащей для открытия входной двери.

— Кто там? — буркнул он, покосившись на ручные часы — не было еще даже восьми. «Наверное, робот, — подумал он. — Или управдом». И не стал трогать клавишу, открывающую дверь.

Из помещенного над дверью динамика послышался энергичный мужской голос:

— Я знаю, что еще очень рано, Джо, но я только что прибыл в город. Это я, Г.Г.Эшвуд, и со мной наш новый потенциальный сотрудник, которого я отыскал в Топеке. Мне кажется, это необычайная находка. Однако мне хотелось бы, чтобы ты это подтвердил, прежде чем я передам добычу Ранкитеру. Впрочем, он сейчас в Швейцарии.

— У меня дома нет моего снаряжения, — заметил Чип.

— Ну, так я заскочу в лабораторию и все тебе привезу.

— И в лаборатории его нет, — неохотно признался Джо. — Оно в моей машине. Вчера вечером мне что-то не захотелось тащить его в дом. — На самом деле он надрался так, что был не в состоянии открыть багажник своего аэромобиля. — А нельзя бы это проверить часиков в девять? — попробовал он отбиться. Энергичные атаки Г.Г.Эшвуда выводили его из себя даже в полдень; сейчас же, в семь сорок, все это казалось ему прямо-таки невыносимым, хуже, чем визит домохозяина.

— Чип, дружище, это необычайный экземпляр, ходячее собрание чудес, он поломает стрелки твоих приборов, а для фирмы будет животворным впрыскиванием свежей крови, которая так нам сейчас нужна. И даже больше...

— А это что? — спросил Джо. — Антителепат?

— Скажу тебе всю правду, — ответил Г.Г.Эшвуд, — я сам понятия не имею. Послушай, Чип, — Эшвуд понизил голос, — тут дело серьезное, особенно этот случай. Не могу же я стоять у двери и орать во весь голос. Кто-нибудь может подслушать. Кстати, до меня тут доходят мысли какого-то осла, который сидит парой комнат дальше и...

— Ладно, — сказал недовольный Джо. Он знал, что, если уж Эшвуд зашелся, его не остановить. Так что лучше, пожалуй, его выслушать. — Дай мне пять минут, чтобы одеться и глянуть, есть ли в доме какой-нибудь кофе.

Ему смутно припомнилось, что вчера вечером он делал покупки в супермаркете, размещенном в его блоке, в частности, вырывал из книжечки зеленый купон; это означало, что он приобретал кофе, чай, сигареты или какие-нибудь особые импортные специи.

— Она тебе наверняка понравится, — между тем энергично сообщил Г.Г.Эшвуд. — Хотя, как это часто бывает, она дочка...

— Что? — с ужасом спросил Джо. — Моя квартира не годится для обследования. Я, знаешь ли, задолжал, и уборкой никто не занимался уже две недели.

— Сейчас спрошу, не помешает ли ей это.

— Можешь не спрашивать. Это мне помешает. Я ее осмотрю в лаборатории, в рабочее время.

— Я прочитал ее мысли, она считает, что твой бедлам ей не помешает.

— Сколько ей лет?..

Может, она еще ребенок, подумал он. Значительный процент инерциалов развили свои способности в детстве, чтобы защитить себя от родителей, наделенных пси-способностями.

— Сколько тебе лет, милочка? — донеслось до него. — Девятнадцать, — сообщил немного погодя Эшвуд.

Значит, уже не ребенок. Теперь в нем начал пробуждаться интерес. Жутковатая, сверхчеловеческая активность Г.Г.Эшвуда обычно проявлялась тогда, когда появлялись необычные женщины, так что, возможно, и эта девушка из той же категории.

— Дай мне пятнадцать минут, — сказал он Эшвуду. Он надеялся, что если поспешит и не будет связываться с завтраком и кофе, то, может, успеет привести жилище хоть в относительный порядок. В любом случае имело смысл попробовать.

Он выключил микрофон и принялся рыться в кухонном шкафчике в поисках швабры (ручной или с автоматическим приводом) или же пылесоса (питающегося от гелиевой батареи или подключающегося в сеть). И ничего не нашел. Скорее всего, фирма, занимающаяся оснащением дома, вообще не снабдила его такого рода приспособлениями. «И я узнаю об этом в наиболее неподходящий момент, — подумал он. — А ведь живу здесь уже четыре года».

Он поднял трубку видеофона и набрал номер 214. Это был номер администрации здания.

— Прошу меня выслушать, — начал он, когда отозвалась единица домоостата. — Я уже могу перевести часть своих средств на покрытие счета за ваши операции по уборке. Прошу немедленно прислать робота; как только он закончит работу, я уплачу все, что с меня причитается.

— Сэр, прежде чем он возьмется за работу, вам следует оплатить всю задолженность.

В руках Чипа тут же показался бумажник. Он вытащил из него пачку Магических Кредитных Карточек, большинство из которых, впрочем, были уже аннулированы, и, скорее всего, навсегда, по причине его финансовой несостоятельности и нелюбви к оплате долгов.

— В таком случае прошу отнести сумму моего долга на счет моей Треугольной Магической Кредитной Карты, — обратился он к своему едва видимому собеседнику. — Таким образом, долг исчезнет из ваших книг, можете отметить, что он полностью погашен.

— Кроме того, остается штраф за задержку платежей и проценты за просрочку.

— Прошу внести их на счет моей Кредитной Карты в форме сердца...

— Мистер Чип, агентство «Феррис и Брокмен», занимающееся контролем и анализом наличности в кредитной системе разрозненной продажи, опубликовало на ваш счет специальную инструкцию. Она пришла только вчера и еще четко сохранилась в моей памяти. С июля вы вычеркнуты из категории ГГГ — если говорить о вашем кредите — и передвинуты в категорию ГГГГ. Наш отдел — а значит, и администрация всего здания — запрограммирован так, чтобы исключить возможность оказания услуг или выделения кредита таким некредитоспособным личностям, как вы, сэр. Что касается лично вас, то с этого момента все свои потребности вам следует оплачивать наличными. Боюсь, что в таком положении вы будете пребывать до конца жизни. Честно говоря...

Бросив трубку, Джо одновременно бросил надежду на то, что просьбы или угрозами ему удастся вызвать робота-уборщика в свою загаженную квартиру. Он поплелся в спальню, чтобы навести порядок хоть там, это все, что он был способен сделать собственными силами.

Он нацепил спортивную форму бронзового цвета, ботинки с блестящими, загнутыми вверх носами, войлочную шапку с помпоном и принялся обследовать кухню в надежде отыскать хоть немного кофе. Однако поиски оказались безрезультатными. Тогда он направил свои стопы в гостиную. Рядом с дверью, ведущей в ванную, он обнаружил длинную голубую в горошек накидку, в которую был облачен прошлой ночью, а также сумку с полуфунтовой банкой настоящего кофе из Кении — величайшая ценность, на покупку которой он мог решиться лишь в пьяном безумии. Особенно пребывая в своем жалком материальном положении.

Он вернулся на кухню, обшарил карманы в поисках десятицентовика, и с его помощью привел в действие кофеварку. Вдыхая необычный, во всяком случае для него, аромат, он взглянул на часы, убедился, что пятнадцать минут уже прошло, и, энергичным шагом пройдя к двери, нажал на клавишу и отвел засов.

— Прошу пять центов, — сказали двери, не открываясь.

Он обшарил карманы, но не нашел ни одной монетки, ни единого цента.

— Утром заплачу, — сказал он дверям. Снова попробовал открыть их, но двери оставались плотно закрытыми. — Деньги, которые я тебе даю, это, в сущности, чаевые, я не обязан их платить!

— А у меня противоположное мнение, — ответили двери. — Загляните в контракт, который вы подписали, покупая эту квартиру.

Он нашел документ в ящике стола; с момента подписания контракта ему неоднократно приходилось к нему обращаться. Ну, ясно, он был обязан оплачивать открывание и закрывание дверей; так что это не чаевые.

— Как видите, я прав, — сказали двери голосом, полным удовлетворения.

Из ящика, находящегося рядом с мусоропроводом, Джо извлек нож из нержавеющей стали и принялся откручивать винты в замке своих жадных дверей.

— Я на вас пожалуюсь, — сообщили двери, когда вывалился первый винт.

— Двери еще ни разу на меня не жаловались, — ответил Чип, — но надеюсь, что я и это как-нибудь переживу.

Раздался стук.

— Джо, старина, это я, Г.Г.Эшвуд. Я привел ее. Открывай!

— Брось пять центов в отверстие с моей стороны, вроде бы заело механизм.

Раздалось бречание монеты, брошенной в замок; дверь открылась, и в ее проеме возник сияющий довольством Г.Г.Эшвуд. Кривясь в улыбку, с выражением энтузиазма и радости на лице, он пропустил девушку в квартиру.

Какое-то мгновение она стояла неподвижно, присматриваясь к Джо. С виду ей было не больше семнадцати. Кожа медного оттенка и большие темные глаза. «Господи, какая красавица», — подумал он. Ее одежда состояла из рабочей куртки и джинсов из искусственного полотна, а также тяжелых ботинок, вымазанных, ему показалось, настоящей грязью. Спутанная масса волос, отливающих ярким блеском, была зачесана назад и перевязана красной ленточкой. Из подвернутых рукавов куртки были видны сильные загорелые руки. К поясу из искусственной кожи прикреплены нож, переносной телефон и железная коробка с запасами воды и продовольствия. На ее темном обнаженном предплечье он заметил татуировку: «Бойся, покупающий» — и задумался, что бы она могла означать.

— Это Пат, — сообщил Эшвуд, демонстративно-покровительственно обнимая девушку за плечи. — Фамилия роли не играет. — Сам он был сильным, полным мужчиной почти квадратного телосложения и видом своим напоминал огромный кирпич. Одет, как всегда, в вельветовую куртку, войлочную шляпу абрикосового цвета, толстые лыжные брюки и полотнонные туфли. Светясь от удовольствия, он подошел к Чипу. — Вот, отыскал что-то ценное и хочу сполна это использовать. Пат, это наш специалист по измерениям электрического типа.

— Это вы электрического типа или ваши измерения? — холодно поинтересовалась девушка, обратившись к Джо.

— Когда как, — ответил он. Ему казалось, вокруг него струится духота давно не убираемой квартиры, он был уверен, что и Пат уже обратила на это внимание. — Садитесь, — сказал он нерешительно. — Я вам выдам по чашечке натурального кофе.

— Вот это шик, — сказала Пат, присаживаясь у кухонного стола. Она небрежно сдвинула в сторону кипу газет за прошлую неделю, превратив их в более-менее аккуратную стопку. — Вы можете позволить себе натуральный кофе, мистер Чип?

— У Джо дьявольски высокий оклад, — встрял Эшвуд. — Фирма не могла бы без него работать.

Он потянулся к брошенной на столе пачке и выудил сигарету.

— А ну положи! — рявкнул Джо. — У меня уже почти не осталось сигарет, а последний зеленый купон я потратил на кофе.

— А я заплатил двери, — напомнил Г.Г.Эшвуд и пододвинул пачку девушки. — Джо просто кривляется, не обращай на него внимания. Заметь, что творится в его квартире. Таким способом он демонстрирует, что является творческой личностью: все гениальные люди живут именно так. Где твоя аппаратура, Джо? Не будем терять времени.

— Вы весьма необычно одеты, — обратился Джо к девушке.

— Я работаю консерватором подземных видеофонных кабелей в районе Топека, — ответила Пат. — В этом районе только женщины могут занимать должности, требующие физических усилий. Именно поэтому я поступила туда, а не в район Уайчит Фаллс. — В ее серых глазах мелькнуло раздумье.

— Эта надпись на вашем плече, эта татуировка, она на древнееврейском? — поинтересовался Джо.

— На латинском. — Она прикрыла глаза, чтобы скрыть веселые искорки. — Никогда не видела такой запущенной квартиры. У вас что, нет любовницы?

— Эти специалисты по электронике не имеют времени на личную жизнь, — сообщил Эшвуд раздраженно. — Слушай, Чип, родители этой девушки работают у Рэя Холлиса. Если бы они узнали, что она тут была, они подвергли бы ее перестройке мозга.

— Им известно, что вы обладаете способностями противоположного типа? — обратился Джо к девушке.

— Нет, — качнула она головой. — Я тоже не особо это понимала, пока ваш агент не подсел ко мне в кафетерии нашего клуба и все мне не объяснил. Может, это правда (она пожала плечами), а может, и нет. Он утверждает, что вы способны это установить с помощью вашей контрольной аппаратуры.

— А что бы вы сделали, если бы приборы показали наличие таких возможностей? — спросил Джо.

— Мне они представляются такими... несущественными, — сказала задумчиво Пат. — С ними ничего не можешь: ни перемещать предметы, ни превращать камни в хлеб, ни рожать детей без оплодотворения, не можешь ликвидировать болезни у людей с нездоровой наследственностью. Я даже не обладаю такими широкораспространенными способностями, как чтение мыслей или предвидение будущего. Все, что я могу, — это свести к нулю способности кого-то другого. Мне это кажется... — махнула она рукой, — таким смешным.

— Как фактор, влияющий на существование рода человеческого, — сказал Джо, — ваши возможности важны не менее, чем способности пси. Особенно для нас, нормализаторов. Фактор антипси естественным

способом восстанавливает экологическое равновесие. Одно насекомое умеет летать, значит, другому приходится учиться ткать паутину, чтобы поймать его. У некоторых моллюсков образовалась прочная наружная оболочка. Тогда птицы научились поднимать их на большую высоту и бросать оттуда на камни. По сути дела, вы являетесь человеком, который паразитирует на людях с пси-способностями, так же как они, в свою очередь, паразитируют на нас, нормах. А это делает вас другом людей, относящихся к классу нормов. Равновесие, замкнутый цикл, хищник и жертва. Эта система представляется мне вечной, и, честно говоря, я не знаю, как бы ее можно было усовершенствовать.

— Меня могут обвинить в измене, — сказала Пат.

— А вас это волнует?

— Я опасаясь, что некоторые люди станут враждебно ко мне относиться. Но я думаю, что прожить жизнь и не вызвать чьей-то неприязни невозможно; невозможно удовлетворять всех сразу, поскольку люди стремятся к самым разным вещам. Принося пользу одному, делаешь вред другому.

— Так каков же ваш противоталант? — поинтересовался Джо.

— Это трудно объяснить.

— Я же тебе уже говорил, — вмешался в разговор Г.Г.Эшвуд, — это нечто небывалое. Я никогда ни о чем похожем не слышал.

— Какого типа пси-способности вы нейтрализуете?

— Возможность ясновидения, — ответила Пат. — Так мне кажется. — Она указала на Эшвуда, который все еще улыбался в приливе энтузиазма. — Ваш агент, мистер Эшвуд, разъяснил мне это. Я знала, что делаю что-то странное, начиная с шестилетнего возраста со мной вечно приключались всякие удивительные вещи. Я никогда не признавалась в этом родителям, так как чувствовала, что это их убьет.

— Они ясновидящие?

— Да.

— Вы правы, это бы их убило. Но если бы вы хоть раз воспользовались своим даром в их присутствии — хотя бы один раз, — они бы поняли, какими возможностями вы располагаете. Вы не противодействовали их способностям?

— Я... — Пат сделала неопределенный жест. — Мне кажется, что я оказывала иногда такое противодействие, но они не замечали.

На лице ее было выражение растерянности.

— Я вам объясню, по какому принципу действует средний ясновидящий и что ему можно противопоставить, — начал Джо. — В сущности, так было во всех известных нам случаях. Ясновидящий видит большое число разнообразных будущих, расположенных рядом друг с другом, словно соты в улье. Одно из них представляется ему более четким, его он и выбирает. Если он успел совершить свой выбор, антиясновидящий должен присутствовать при том моменте, когда ясновидящий делает выбор, но не позже. Его воздействие заключается в том, что ясновидящий начинает воспринимать

свое будущее одинаково четко и, таким образом, полностью теряет возможность выбирать. Ясновидящий сразу понимает, что рядом находится антиясновидящий, поскольку вся его система ориентации в будущих подвергается изменению. То же самое и в случае с телепатией...

— Она перемещается во времени, — сказал Г.Г.Эшвуд.

Джо внимательно посмотрел на него.

— Во времени, — повторил Эшвуд, явно наслаждаясь своим триумфом. Многочисленное поблескивание его глаз осветило, кажется, всю кухню. — Ясновидящий, на которого она оказывает воздействие, так и продолжает наиболее четко видеть одно из будущих, как ты и сказал. Он его и выбирает, и поступает совершенно правильно. Но на чем основан его выбор? Почему именно этот элемент представляется ему наиболее четким? Потому что эта девушка... (он махнул рукой в сторону Пат) она может оказывать влияние на будущее; этот один-единственный вариант представляется наиболее четким потому, что Пат переместилась в будущее и изменила его. Изменив его, она изменила одновременно и настоящее — в том числе и личность ясновидящего. Ничего не подозревая об этом, он уже оказывается под ее воздействием. И хотя ему продолжает казаться, что он пользуется своими возможностями, по сути дела, он ими уже не обладает. Вот в чем преимущество ее противоталанта перед возможностями остальных антиясновидящих. Другое ее преимущество — еще более важное — заключается в том, что она может перечеркнуть выбор я с н о в и д я щ е г о, причем тогда, когда о н э т о т в ы б о р у ж е о с у щ е с т в и л. Она может уже позднее вмешаться в происходящее. А ты сам знаешь, нас всегда преследовала эта проблема: если мы не оказываемся где-нибудь с самого начала, мы бессильны. Если говорить честно, мы никогда не могли в полной мере противостоять ясновидящим и нейтрализовать их так же успешно, как мы это делаем с остальными, не так ли? Разве это не было слабым пунктом в сфере наших услуг? — Он вопросительно посмотрел на Джо.

— Это интересно, — сказал Чип после короткого молчания.

— Черт побери, что это значит: интересно? — Г.Г.Эшвуд нетерпеливо шевельнулся в кресле. — Это же величайший антиталант, он еще никогда не появлялся!

— Я не перемещаюсь во времени, — сказала Пат тихим голосом. Она подняла взгляд и посмотрела Джо прямо в глаза — виновато и одновременно вызывающе. — Я обладаю определенными способностями, но мистер Эшвуд раздул их до масштабов, не имеющих никакого отношения к действительности.

— Я читаю твои мысли, — сообщил несколько шокированный Г.Г.Эшвуд. — Я знаю, что ты можешь менять прошлое, однажды ты это уже сделала.

— Прошлое я могу изменять, — призналась Пат, — но я не перемещаюсь в него, я не путешествую во времени, как вы пытались объяснить это вашему технику.

— Каким же образом вы воздействуете на прошлое? — поинтересовался Джо.

— Думаю о нем. Об одном конкретном его аспекте, например, о каком-то происшествии или о том, кто что сказал. Или о каком-нибудь незначительном эпизоде, который имел когда-то место, а я бы хотела, чтобы это не происходило. Первый раз я сделала это, когда была еще ребенком...

— Когда ей было шесть лет, — вмешался Эшвуд, — и она жила в Детройте — с родителями, разумеется, — и разбила керамическую фигурку, к которой отец был очень привязан.

— И ваш отец этого не предвидел? — спросил Джо. — Раз уж он наделен способностями ясновидящего...

— Предвидел, — ответила Пат, — и наказал меня за неделю до того, как я ее расколотила. Он считал, что это неизбежно, вы же знаете, ясновидящие способны предвидеть события, но никак не могут им помешать. Потом, когда фигурка разбилась, я очень мучилась. Я вспомнила тот день, когда меня оставили без десерта и отправили спать в пять часов. «Боженька, — думала я, или как там дети это выражают, — неужели никак нельзя избежать этого ужасного несчастья?» Способность к ясновидению, которой обладал мой отец, не производила на меня особого впечатления, поскольку он не мог влиять на ход событий. Так же я отношусь к этому и сейчас. Целый месяц я пыталась усилием воли добиться того, чтобы фигурка вновь оказалась целой: возвращалась в мыслях к моменту, который предшествовал ее поломке, вспоминала, как она выглядела... Это было ужасно. А потом, однажды утром, когда я встала с постели — даже ночью мне все это снилось, — она стояла на своем месте, такая же, как и раньше. — Пат наклонилась в сторону Джо Чипа и продолжала резким, взволнованным голосом: — И никто из моих родителей ничего не заметил. Им казалось вполне естественным, что фигурка стоит на месте, они считали, что она никогда и не разбивалась. Я оказалась единственным существом, которое об этом помнит.

Улыбаясь, она оперлась о подлокотник кресла, вытащила из пачки Джо еще одну сигарету и закурила.

— Ладно, я пошел за своим барахлом, — сказал Джо, направляясь к дверям.

— Прошу пять центов, — сообщили они, как только он взялся за ручку.

— Заплати им, — сказал Джо Г.Г.Эшвуду.

Притащив из автомобиля комплект измерительной аппаратуры, Джо потребовал от Эшвуда, чтобы тот оставил их наедине.

— Как это? — удивленно спросил тот. — Ведь это я ее нашел, мне и полагается премия. Я десять дней потерял, пока убедился, что поле принадлежит ей. Я...

— Ты сам прекрасно знаешь, что я не могу производить измерения в зоне действия твоего поля, — сказал Джо. — Способности и антиспособности взаимодействуют, будь по-другому, нашей профессии просто

не существовало бы. — Он протянул к нему руку, и Г.Г.Эшвуд недовольно поднялся со своего кресла. — И оставь мне несколько пятицентовиков, чтобы мы могли отсюда выбраться.

— У меня есть мелочь, — сказала Пат. — Там, в сумочке.

— Ты же можешь установить силу ее воздействия, замеря падение моего поля; — предложил Эшвуд. — Я сто раз видел, как ты это делаешь.

— На этот раз ситуация другая, — коротко возразил Джо.

— У меня больше нет пятицентовиков, — сообщил Эшвуд, — я не могу отсюда выйти.

— Возьмите один из моих, — сказала Пат, бросая быстрые взгляды то на Джо, то на Г.Г.Эшвуда. И сама кинула Эшвуду монетку, которую тот поймал с оскорбленным выражением, сменившимся печалью и жалостью к себе.

— Ловко же вы от меня избавились, — сказал он, опуская монету в отверстие на дверях. — Это я ее открыл. Настоящая банда, которая пользуется любым способом, чтобы... — бормотал он, выходя.

По мере того как двери закрывались, голос его постепенно стихал. Потом наступила тишина.

— Когда его энтузиазм выдыхается, от него мало что остается, — сказала Пат немного погодя.

— Ничего с ним не будет, — подтвердил Джо. Как всегда, он чувствовал себя виноватым. Но не очень. — В любом случае, свое он сделал. Теперь...

— А теперь, так сказать, ваша очередь, — заметила Пат. — Можно, я сниму ботинки?

— Разумеется.

Он начал подготавливать свою измерительную аппаратуру. Проверил катушку с лентой и питание, потом для проверки подключил все датчики и, подавая разное напряжение, проверил их показания.

— Где тут душ? — спросила Пат, аккуратно отставляя ботинки в сторону.

— Двадцать пять центов, — буркнул он. — Стоит двадцать пять центов. — Он поднял глаза и обнаружил, что она принялась расстегивать куртку. — У меня нет двадцати пяти центов, — добавил он.

— А у нас в клубе все бесплатно, — сообщила Пат.

— Бесплатно! — Он внимательно посмотрел на нее. — Такое даже представить себе невозможно с точки зрения экономики. Разве может что-нибудь функционировать на таком принципе и не разориться через месяц?

Пат продолжала спокойно расстегивать пуговицы своей куртки.

— Наша зарплата вносится в кассу клуба, а мы получаем удостоверение, что выполнили работу. Всеми нашими доходами распоряжается клуб. По сути дела, клуб Топека уже много лет приносит доходы. Мы — вся группа — вносим больше, чем тратим.

Она скинула куртку и бросила ее на спинку кресла. Под жесткой голубой материей на ней ничего больше не было; он уставился на ее крепкие высокие груди и точеные плечи.

— Ты уверена, что у тебя есть такое желание? — спросил Джо. — Я имею в виду твоё разоблачение.

— Ничего ты не помнишь, — сказала Пат.

— Чего не помню?

— Что я не сняла одежду. Тогда, в прошлом. Ты из-за этого очень обиделся, вот я и вымарала этот эпизод, поэтому сейчас разделась.

Она грациозно встала.

— И что я сделал, когда ты не разделась? — настороженно спросил Джо. — Отказался от своих намерений?

— Пробормотал что-то насчет того, что Эшвуд переоценил мои анти-способности.

— Я не работаю на таких принципах, — возразил Джо. — Таких вещей я не делаю.

— На, посмотри. — Она наклонилась, и груди ее заколыхались. Пошарив в карманах куртки, Пат достала сложенный лист бумаги и протянула его Джо. — Это из предыдущего настоящего — того, которое я изменила.

Он посмотрел на листок и прочитал свою окончательную оценку: «Создаваемое поле антипси — недостаточное. Гораздо ниже принятых норм. Бесполезна для использования против ясновидящих, с которыми мы обычно имеем дело». За этим следовал его условный знак: перечеркнутый круг. «Не брать» — означал этот символ, понятный только ему и Глену Ранкитеру. Даже агенты не знали его, следовательно, Эшвуд не мог объяснить ей его значение. Он молча возвратил ей бланк, она сложила его и снова сунула в карман куртки.

— Стоит ли меня обследовать? — спросила она. — Теперь, когда я тебе это показала...

— Я должен следовать установленной процедуре, — возразил Джо. — Эти шесть датчиков...

— Вы просто мелкий, погрязший в долгах безнадежный бюрократ, у которого нет даже горсти монет, чтобы заплатить собственным дверям и выбраться из собственной квартиры, — сказала Пат. Голос ее звучал холодно и пренебрежительно. Джо застыл, сжался и почувствовал, что стремительно краснеет.

— Просто такой неудачный период, — попытался объяснить он. — Но скоро я встану на ноги. Могу взять аванс. Если будет необходимо, даже в своей фирме. — Он неловко поднялся, отыскал два блюдецка, две чашки и налил из «экспресса» кофе. — С сахаром? Или сливки?

— Сливки, — сказала Пат. Она продолжала стоять босиком и без куртки.

Он взялся за ручку холодильника, чтобы достать пакет.

— Прошу десять центов, — сообщил холодильник. — Пять центов за открывание, пять центов за сливки.

— Это не сливки, — возразил Джо. — Обычное молоко. — Он все еще продолжал беспомощно дергать дверцу. — Выручи меня еще разок, — обратился он к Пат. — Клянусь, я верну. Сегодня же вечером.

— Прощу, — сказала Пат и катнула ему десятицентовик по поверхности стола. — Она должна быть богатой, — добавила она, наблюдая, как он опускает монету в отверстие холодильника, — твоя любовница. Ты в самом деле на мели, да? Я сразу это поняла, как только Эшвуд...

— Но не всегда же бывает так, — пробормотал он.

— Хотите, чтобы я помогла вам, мистер Чип? — Она стояла, сунув руки в карманы джинсов и спокойно разглядывая его; на лице — сплошная доброжелательность. — А ты знаешь, я это могу сделать. Сядь и напиши рапорт об обследовании меня. Тесты роли не играют. Мой талант необычен; ты все равно не в состоянии замерить поле, которое я создаю, оно относится к прошлому, а ты изучаешь меня в настоящем, которое является прямым следствием этого прошлого. Ну как, согласен?

— Покажи-ка мне тот контрольный талон, что у тебя в куртке. Я хочу еще раз взглянуть на него, прежде чем приму решение.

Она снова достала из кармана сложенный листок желтой бумаги и спокойно протянула ему через стол.

— Это мой почерк, — сообщил он сам себе. — Да, все правильно.

Он вернул ей документ и достал новый, чистый листок той же самой желтой бумаги.

Записал ее данные, вписал выдуманные необычно высокие результаты обследования, в конце сформулировал свои собственные выводы. Новые выводы. «Наделена невероятно высокой силой противодействия. Возможно, способна нейтрализовать влияние любого числа ясновидящих». Потом нарисовал символ, на этот раз два подчеркнутых крестика. Пат, стоя за ним, читала через его плечо — он чувствовал затылком ее дыхание.

— Что значат эти два подчеркнутых крестика? — поинтересовалась она.

— Принять на работу, не считаясь с расходами, — ответил Джо.

— Благодарю. — Она достала из сумочки пачку банкнот, выбрала одну и протянула Джо. Сумма была немалая. — Это поможет тебе расплатиться с долгами. Я не могла дать тебе ее раньше, пока ты не вынес официальной оценки моим способностям. Тогда бы ты до конца жизни считал, что я дала тебе взятку. В конце концов додумался бы даже до того, что у меня вообще никаких антиспособностей нет.

Она расстегнула джинсы и так же непринужденно начала раздеваться дальше.

Джо Чип, не глядя в ее сторону, еще раз проверил содержание выписанного бланка. Подчеркнутые крестики имели совершенно иное значение, чем то, которое он сообщил ей. Они означали: «Не спускать глаз с этой особы. Принятие ее рискованно для фирмы. Она небезопасна».

Он подписался, сложил желтый листок и протянул его Пат. Она сразу же спрятала его в сумочку.

— Когда мне перенести к тебе свои вещи? — спросила она, направляясь в ванную. — С этой минуты я начинаю чувствовать себя здесь, как дома, а суммы, которую я тебе дала, хватит на месяц роскошной жизни.

— Когда хочешь.

— Прежде чем вы отвернете кран, — сообщила ванна, — прошу пятьдесят центов.

Пат промаршировала через кухню и вновь взялась за сумочку.

Новый революционный соус к салату «УБИК». Не итальянский, не французский: совершенно новый и изысканный вкусовой букет, который начинает покорять мир. Властвуй, «УБИК»! Безвреден при приготовлении согласно инструкции.

IV

Из Моратория Возлюбленных Собратьев Ранкитер вновь вернулся в Нью-Йорк. Он вышел из нанятого такси на крыше главного корпуса «Корпорации Ранкитера», быстро спустился специальным лифтом на пятый этаж, где был расположен его кабинет, и теперь — в девять тридцать утра по местному времени — сидел за столом в своем тяжелом, вращающемся старомодном кресле из настоящего орехового дерева и кожи и разговаривал по видеофону с отделом рекламы.

— Я только что вернулся из Цюриха, Тамиш. Советовался с Эллой. — Ранкитер со злостью посмотрел на свою секретаршу, которая тихо вошла в кабинет, осторожно прикрыв за собой дверь. — Что вам угодно, миссис Фрик? — спросил он.

Увядшая, пугливая миссис Фрик, старческую бесцветность которой должны были скрыть намалеванные на лице цветные пятна, виновато развела руками; это означало, что у нее нет выбора и она вынуждена ему помешать.

— Ладно, ладно, миссис Фрик, — терпеливо сказал он. — Что там у вас?

— Новая клиентка, мистер Ранкитер. Я думаю, вам следует ее принять.

Она приближалась к нему и в то же время как будто бы пятилась. Этот трудный маневр была способна выполнить только миссис Фрик. Отработка его заняла у нее, наверно, не менее ста лет.

— Чуть погода, после разговора, — сказал Ранкитер и вновь повернулся к микрофону. — Как часто появляется наша реклама по всепланетным программам в те часы, когда телевизоры смотрят больше всего людей? Через каждые три часа, как и раньше?

— Не совсем, мистер Ранкитер. На протяжении всего дня реклама нашей фирмы появляется в среднем каждые три часа на каждом из каналов УХФ, но в наиболее популярное время...

— Я хочу, чтобы рекламу передавали через каждый час, — заявил Ранкитер. — Так советует Элла. — На обратном пути в западное полушарие он прикидывал, какое из объявлений ему больше всего нравится. — Вы знаете последнее решение Верховного Суда, согласно которому муж может безнаказанно убить жену, если есть доказательства, что она ни на каких условиях не согласна на развод?

— Да, это так называемое...

— Меня не интересует, как это называется, важно то, что на эту тему у нас уже есть телереклама. О чем там идет речь? Что-то я не могу припомнить.

— На скамье подсудимых сидит мужчина, экс-муж, — сказал Тамиш. — Под одним ракурсом показана скамья присяжных, под другим — судья, приближается прокурор, который допрашивает экс-мужа. Он говорит: «Мне кажется, сэр, что ваша жена...»

— Да, да, теперь припоминаю, — сказал с удовлетворением Ранкитер. Он сам был соавтором этого сюжета — очередное проявление замечательной всесторонности его интеллекта, считал он.

— Почему бы нам не сообщить, — предложил Тамиш, — что исчезнувшие люди с пси-способностями были наняты — всей группой — одним из крупных финансовых объединений? Раз уж мы сами так считаем, то почему бы не сделать на это упор в рекламе, адресованной бизнесменам? Ну, к примеру: муж приходит домой после целого дня работы. Он все еще одет в ярко-желтую накидку, куртку в цветочек, треугольные наколенники и военную фуражку с козырьком. Усталый, садится он в гостиной на диван и начинает снимать перчатки. Сгорбившись и хмурясь, он говорит: «Черт побери, Джил, последнее время со мной творится что-то нехорошее, но что — ума не приложу. Временами — и с каждым днем все определеннее — я чувствую себя так, словно кто-то читает мои мысли!» Тогда она говорит: «Если тебя это тревожит, почему бы не обратиться в ближайшее отделение профилактория? За умеренную плату они пришлют к нам инерциала, и ты снова будешь чувствовать себя как раньше!» Тут мужчина начинает радостно улыбаться и говорит: «Ну вот, опять подступает это неприятное чувство...»

— Мистер Ранкитер, извините, пожалуйста, — в дверях кабинета снова появилась миссис Фрик. Очки подрагивали на ее носу.

Ранкитер кивнул головой.

— Потом договорим, Тамиш. В любом случае прошу связаться с телестанциями и договориться о трансляции наших материалов через каждый час. Договорились? — Он отключился и вопросительно посмотрел на миссис Фрик, затем проговорил: — Я съездил в Швейцарию — разбудил Эллу, чтобы получить эту информацию... этот совет...

— Мистер Ранкитер уже освободился, мисс Уирт. — Секретарша неуверенно отступила в сторону, и в кабинет вплыла полная женщина. Вскидывая голову вверх-вниз, словно это был баскетбольный мяч, она нацелил свое массивное, грузное тело в сторону кресла и тотчас же уселась,

скрестив худые ноги. Одета она была в немодный плащ из ткани-паутинки и в целом производила впечатление симпатичного насекомого, помещенного в кокон. Однако улыбка ее отнюдь не была смущенной и, по всей видимости, чувствовала она себя совершенно свободно. «Больше сорока, — решил Ранкитер. — Если она и имела когда-то хорошую фигуру, то время это давным-давно прошло».

— Здравствуйте, мисс Уирт, — сказал он. — Не могу посвятить вам слишком много времени, так что, может быть, вы сразу перейдете к сути дела?

— У нас кой-какие неприятности с телепатами, — начала мисс Уирт, — у нее был приятный и веселый голос, никак не соответствующий тому, что она говорила. — По крайней мере, так мы думаем, хотя и не совсем уверены. Мы содержим собственного телепата, задача которого — проверять, негласно, конечно, наших сотрудников. Если он обнаружит у кого-либо пси-качества — эти телепаты могут быть ясновидящие и кто-то еще, — то должен проинформировать о том моего шефа. Такой приказ был отдан на прошлой неделе. Мы поручили частной фирме провести оценку возможностей разных профилактических организаций. Ваша фирма была признана лучшей.

— Мы об этом знаем, — сказал Ранкитер, он как раз держал в руках такой доклад. Правда, до сих пор он не приносил ему серьезных заказов — по крайней мере, их было немного. Теперь вот появилось это дело. — Сколько телепатов обнаружил ваш человек? Одного?

— По меньшей мере двоих.

— Но не исключено, что их больше?

— Возможно, — кивнула головой мисс Уирт.

— Мы работаем следующим образом, — начал Ранкитер. — Сперва объективно замеряем пси-поле, чтобы узнать, с чем имеем дело. Обычно это занимает от недели до десяти дней, в зависимости от...

— Мой шеф хочет, чтобы вы выслали своих инерциалов немедленно, — прервала его мисс Уирт, — и пренебрегли такой длительной и дорогостоящей формальностью, как проведение замеров.

— Без этого мы не в состоянии определить количество и направленность инерциалов, которых следует выделить на это дело. Мы не знаем также, как их расположить. Чтобы обезвредить пси-операцию, нужна определенная система; наша работа заключается не в помахивании волшебной палочкой или распылении ядовитых газов по всем закоулкам. Мы должны нейтрализовать людей Холлиса последовательно, одного за другим, противопоставляя способностям каждого из них соответствующие антиспособности. Если Холлис прибрал к рукам вашу фирму, то сделал он это таким образом: внедрял людей с пси-способностями поочередно — одного за другим. Делается это так. Первый проникает в отдел кадров и берет на работу следующего. Тот, в свою очередь, возглавляет какой-либо отдел или основывает новый и составляет требование на несколько новых людей и так далее. Порой это длится месяцами. Мы не в состоянии в двадцать

четыре часа ликвидировать структуру, которая создавалась годами. Серьезные пси-операции напоминают мозаику, поэтому ни они, ни мы не можем позволить себе поспешности.

— Но мой шеф, — добродушно заметила мисс Уирт, — он не любит ждать.

— Я с ним поговорю, — сказал Ранкитер, берясь за наборный диск видеофона. — Как его зовут и какой у него номер?

— Контракт должен быть заключен при моем посредничестве.

— Я не уверен, что вообще приму это предложение. Почему вы не хотите сказать, от чьего имени выступаете? — Он нажал кнопку, скрытую под крышкой стола, давая знать дежурному телепату, Нине Фриди, чтобы она перешла в соседнюю комнату и проследила за мыслительным процессом мисс Уирт. «Нельзя же сотрудничать с людьми, не зная, кто они, — подумал он. — Я думаю, может, сам Рэй Холлис пытается подбросить мне это дельце!»

— У вас какие-то предубеждения, — продолжала мисс Уирт, — а нам требуется быстрота. И только. Для нас это вопрос необходимости. Могу сообщить вам лишь одно: та наша деятельность, в которую им удалось проникнуть, проводится не на поверхности Земли. Как с точки зрения возможной прибыли, так и по финансовым расходам, мы считаем ее предприятием наивысшего ранга. Мой шеф вложил в него все капиталы, какие ему удалось освободить. Работа должна проводиться в абсолютной тайне. Тем большее потрясение мы испытали, узнав, что к нам проникли телепаты...

— Простите, я на минутку, — сказал Ранкитер, поднимаясь из кресла и направляясь к дверям кабинета. — Только узнаю, сколько у нас свободных людей, которых мы смогли бы использовать в этом деле.

Закрыв за собой дверь, он по очереди заглянул во все соседние помещения, пока в небольшой боковой комнатке не отыскал Нину Фриди, которая сидела, сосредоточившись, и курила.

— Узнай, от чьего имени она выступает, — попросил он. — И установи размер суммы, которую они согласны заплатить.

«У нас тридцать бездействующих интерциалов, — подумал он. — Может быть, в этом деле удастся занять их всех или хотя бы большинство. Не исключено, что я наконец-то узнаю, где скрываются эти пройдохи Холлиса. Вся его проклятая банда».

Он вернулся в свой кабинет и вновь уселся за стол.

— Если в вашу фирму проникли телепаты, — сказал он мисс Уирт, переплетая пальцы на животе, — вы должны понять, что ваше предприятие перестало быть секретом. Не говоря уже о конкретной технической информации, которую им удалось добыть. Так почему бы вам не сказать мне, что это за проект?

Мисс Уирт какое-то время колебалась.

— Я сама не знаю.

— А место, где он будет осуществляться?

— Нет, — покачала она головой.

— Вы хоть знаете, кто ваш начальник? — спросил Ранкитер.

— Он контролирует финансы той фирмы, где я работаю; я знаю моего непосредственного шефа — мистера Шепарда Говарда, но мне никогда не говорили, кого представляет мистер Говард.

— Если мы выделим необходимых вам инерциалов, мы будем знать, куда они отправлены?

— Скорее всего, нет.

— А если они никогда к нам не вернуться?

— Почему не вернуться? Они будут у вас сразу же, как только избавят нашу фирму от чужого воздействия.

— Были случаи, — пояснил Ранкитер, — когда люди Холлиса убивали инерциалов, посланных, чтобы нейтрализовать их действие. Моей обязанностью является обеспечение безопасности сотрудников. Я не в состоянии это сделать, не зная, где они будут находиться.

Из скрытого в его ухе микронаушника раздался бренчащий звук, а потом слабый, приглушенный голос Нины Фриди, слышимый только ему:

— Шефа мисс Уирт зовут Стэнтон Мик. Она — его доверенный ассистент. Никакого Шепарда Говарда не существует. Предприятие, о котором идет речь, в основном сконцентрировано на Луне; им управляет фирма «Техпрайз», исследовательское объединение, принадлежащее Мику. Номинально контрольный пакет акций находится в руках мисс Уирт. Однако она не знает никаких технических подробностей, мистер Мик также никогда не посвящает ее ни в какие результаты исследований, разработок или опытов, что, кстати, заставляет ее сильно страдать. О цели всей акции она узнала от сотрудников Мика. Если мы узнаем, что имеющаяся у нее информация верна, то все лунное предприятие имеет связь с радикально новой, оригинальной системой межзвездного транспорта, позволяющего развивать скорость, близкую к скорости света. Он может быть предоставлен любой не очень состоятельной этнической или политической группировке. Мик полагает, что, благодаря этой системе, окажется возможной колонизация, опирающаяся на принцип массовости. Таким образом, исчезнет монополия отдельных правительств в этой области.

Нина Фриди отключилась. Ранкитер поудобнее устроился в своем кресле из ореха и кожи и погрузился в размышление.

— О чем вы думаете? — живо спросила мисс Уирт.

— Думаю, хватит ли у вас средств на оплату наших услуг. Не имея в руках результатов обследования, можно лишь приблизительно определить число необходимых инерциалов. Не исключено, однако, что оно может достигнуть до сорока человек, — сказал Ранкитер, отлично зная, что Стэнтон Мик может позволить себе нанять неограниченное количество инерциалов или, в любом случае, найдет способ, чтобы за них заплатил кто-нибудь другой.

— Сорок, — повторила мисс Уирт. — Хм-м. Солидное количество.

— Чем больше инерциалов мы привлечем к работе, тем скорее выпол-

ним задание. Поскольку для вас важен фактор времени, мы направим их всех одновременно. Если вы уполномочены на подписание договора от имени своего шефа, — он обратил указательный палец в ее сторону, но это не произвело на нее никакого впечатления, — и если вы сразу выплатите задаток, вполне может быть, что нам удастся завершить всю операцию на протяжении семидесяти двух часов. — Он выжидающе посмотрел на нее.

Микронаушник забубнил у него в ухе:

— Как владелица фирмы «Техпрайз», она наделена всеми полномочиями. Она может подписывать любые обязательства, формально равные по стоимости всей сумме активов фирмы. В данный момент она подсчитывает, чему они равны, исходя из нынешнего биржевого курса. — Пауза. — Несколько миллиардов посредов. Но есть затруднения: она не хочет сама принимать решение ни насчет договора, ни насчет задатка. Она бы предпочла, чтобы это провернули юрисконсульты Мика, даже если бы это означало проволочку в несколько дней.

«А ведь их там поджигает время, — подумал Ранкитер. — По крайней мере, так они утверждают».

— Интуиция ей подсказывает, — продолжал голос в наушниках, — что вы знаете или догадываетесь, кто ее начальник. Она опасается, что в связи с этим вы повысите размер гонорара. Мик знает, какая у него слава, и считает, что все на свете пытаются с него содрать. Поэтому он ведет дела именно таким способом: при посредничестве какого-то лица или фирмы, которые выступают в роли клиента. С другой стороны, им необходимо получить наибольшее число инерциалов. И они смирились с фактом, что это обойдется им в кругленькую сумму.

— Сорок инерциалов, — лениво сказал Ранкитер. Он принялся водить ручкой по листу бумаги, который лежал на его столе исключительно для этих целей. — Посмотрим: шесть на пятьдесят и потом на три. Умноженное на сорок.

Мисс Уирт со своей приклеенной к лицу добродушной улыбкой ожидала результатов с видимым напряжением.

— Любопытно, — пробормотал Ранкитер, — кто заплатил Холлису, чтобы тот внедрил своих людей в вашу фирму.

— Это не имеет значения, — сказала мисс Уирт. — Важен лишь факт — то, что они там находятся.

— Временами нам до самого конца так и не удастся это установить, — признался Ранкитер. — Но вы правы. Когда на кухне появляются муравьи, человек не спрашивает, откуда они взялись, а берется за их уничтожение. — Он уже подсчитал общую сумму стоимости. Она была колоссальной.

— Я вынуждена... подумать над этим, — сказала мисс Уирт, оторвав взгляд от шокирующе огромной цифры, и поднялась с кресла. — У вас найдется какое-нибудь помещение, где я могла бы остаться одна, только чтобы конфиденциально позвонить мистеру Говарду?

— Редко бывает, чтобы профилактическая фирма располагала таким количеством свободных инерциалов, — сказал Ранкитер и тоже встал. — Если вы будете медлить, ситуация может измениться. Так что, если они вам нужны, лучше берите их сразу.

— Вы в самом деле считаете, что нам потребуется столько инерциалов? Ранкитер взял мисс Уирт под руку, вывел ее из своего кабинета и, пройдя через холл, остановился у Зала Карт.

— Эта Карта показывает местопребывание наших инерциалов, в том числе и тех, которые работают на остальные профилактические организации. Кроме того, мы определили на ней — по крайней мере, попытались определить — местоположение всех сотрудников Холлиса. — Он старательно пересчитал все опознавательные значки, один за другим снимая их с карты; под конец в его руках оказался последний, означающий С.Доул Мелипон. — Теперь я уже знаю, где они все находятся, — обратился он к мисс Уирт, с лица которой исчезла механическая улыбка, когда она поняла значение снятых с Карты фишек. Он взял ее повлажневшую ладонь, положил в нее фигурку, означавшую Мелипона, и сжал ее потные пальцы. — Вы можете остаться в этой комнате и подумать, — сказал он. — Видеофон вон там. Никто вам не помешает. Я буду в своем кабинете.

Он вышел из Зала Карт, размышляя: «По сути дела, я не знаю точно, находятся ли там все эти исчезнувшие люди Холлиса. Однако возможно и такое. Кроме того, Стэнтон Мик сам отказался от обычной подготовительной процедуры — проведения объективных замеров. Если же в результате он наймет инерциалов, которые вовсе ему не нужны, это будет его собственная вина. С формальной точки зрения «Корпорация Ранкитера» была обязана уведомить объединение о том, что некоторые из исчезнувших людей Холлиса — а может быть, и все — обнаружены. Однако в его распоряжении был пятидневный срок для проверки такого сообщения, и он решил не торопиться. Возможность хорошо заработать, — думал он, — случается раз в жизни».

— Миссис Фрик, — начал он, входя в секретариат, — прошу вас набросать текст договора, рассчитанного на срок... — и замолчал.

В противоположном углу комнаты сидели двое. Мужчина — это был Джо Чип — имел неряшливый вид опустившегося человека и казался еще более подавленным, чем обычно, то есть, если не принимать во внимание эту его непонятную подавленность, выглядел он примерно так, как всегда. Но рядом с ним сидела длинноногая девушка с черными блестящими волосами. Ее яркая, бросающая красота сияла на все помещение, освещая его сильным мрачным пламенем. «Кажется, будто эту девушку раздражает собственная привлекательность, — подумал он, — и она ненавидит свою гладкую кожу и темные, чувственные губы, — продолжал он свои размышления, — она только что родилась, но уже ненавидит в себе все. И к тому же с неприязнью относится к новому дню, да и ко всем дням вообще».

— Из этого я заключаю, что Г.Г. вернулся из Топека, — сказал Ранкитер, подходя к ним.

— Это Пат, — представил ее Джо Чип. — Фамилии у нее нет. — Он махнул рукой в сторону девушки и вздохнул.

Вокруг него распространялась специфическая атмосфера тоски, но чувствовалось, что в глубине души он еще не капитулировал. Под его полной душевной апатией тлели едва уловимые следы сопротивления жизненным неурядицам. По мнению Ранкитера, Джо можно было бы обвинить в симуляции психической депрессии, которой он на самом-то деле никогда не испытывал.

— Анти... что? — спросил Ранкитер у девушки, которая сидела, развалившись, в кресле и вытянув перед собой ноги.

— Антикетогенезис, — мурлыкнула Пат.

— И что это значит?

— Предотвращение кетосиса, — небрежно сказала девушка, будто думая о чем-то своем. — Так же, как при использовании глюкозы.

— Переведите-ка мне это, — обратился Ранкитер к Джо.

— Покажи мистеру Ранкитеру контрольный бланк, — сказал Джо девушке.

Девушка, не поднимаясь с места, потянулась за своей сумочкой, пошарила в ней и достала листок желтой бумаги, на которой Джо обычно писал результаты своих обследований, развернула его, посмотрела и протянула Ранкитеру.

— Изумительные результаты, — сказал Ранкитер. — У нее в самом деле настолько хорошо? — спросил он у Джо. И только тут заметил два подчеркнутых крестика, означающих предостережение.

— Она — лучшая из всех, с кем мне до сих пор приходилось иметь дело, — ответил Джо.

— Пройдемте в мой кабинет, — обратился Ранкитер к девушке. Он пошел вперед, и они последовали за ним.

Неожиданно появилась мисс Уирт.

— Я поговорила по видеофону с мистером Говардом, — проинформировала она Ранкитера, вращая глазами, — и получила от него необходимые инструкции. — В этот момент она заметила Джо Чипа и Пат, на мгновение заколебалась, но тут же продолжала: — Мистер Говард жelaет, чтобы мы сразу уладили все формальности. Можем мы этим сейчас заняться? Я уже проинформировала вас о важности дела и о том, как мы связаны временем. — Улыбаясь, как фарфоровая статуэтка, она обратилась к остальным: — Не могли бы вы немного подождать? Дело, по которому я обратилась к мистеру Ранкитеру, чрезвычайно срочное.

Пат посмотрела на нее и разразилась низким горловым снисходительным смехом.

— Вам придется подождать минутку, мисс Уирт, — сказал Ранкитер. Неожиданно ему стало страшно. Он взглянул на Пат, перевел взгляд на Джо и его страх усилился. — Посидите, мисс Уирт, — обратился он к ней, указывая на одно из кресел, стоящих в секретариате.

— Я уже могу точно сказать, сколько инерциалов мы намерены

нанять, — сообщила мисс Уирт. — Мистер Говард считает, что он сам в состоянии оценить наши потребности — размеры нашей проблемы.

— Сколько? — спросил Ранкитер.

— Одиннадцать, — ответила мисс Уирт.

— Через пару минут мы подпишем соглашение, — сказал Ранкитер. — Как только я освобожусь.

Взмахом своей сильной, широкой ладони он пригласил Джо и Пат в кабинет, закрыл за ними дверь и уселся на свое место.

— Ничего у них не выйдет, — сказал он Джо. — Одиннадцати им не хватит. И двенадцати. Особенно если на стороне противника выступает С.Доул Мелипон. — Он чувствовал себя уставшим и взволнованным. — А это значит, как я понял, наша новая потенциальная практикантка, которую Г.Г. открыл в Топеке? — перевел он разговор в другое русло. — Как ты думаешь, нам стоит ее принять? Вы с Г.Г. одного и того же мнения? Ну, раз так, мы, разумеется, ее возьмем. — «Может, проверю ее на Мике, — подумал он, — как одну из одиннадцати». — Однако еще никто не удосужился сообщить мне, — сказал он, — какого рода пси-свойствами она обладает.

— Миссис Фрик говорила, что ты был в Цюрихе, — осведомился Джо. — Что советует Элла?

— Больше рекламы, — ответил Ранкитер. — По телевидению. Каждый час.

Он повернулся к внутреннему телефону.

— Миссис Фрик, подготовьте рабочий договор между нами и лицом, не имеющим фамилии. Начальную зарплату прошу установить на максимально допустимом уровне, согласно декабрьской договоренности с профсоюзами. Прошу отметить...

— И какой она будет, эта первая зарплата? — спросила Пат голосом, полным скептицизма и детского наивного любопытства.

Ранкитер внимательно посмотрел на нее.

— Я еще не знаю, что вы можете.

— Она ясновидящая, Глен, — буркнул Джо Чип, — но особой формы. — Он не стал давать Ранкитеру никаких детальных объяснений. Джо производил впечатление человека, силы которого на исходе, словно завод часов старого образца кончается.

— Она может сразу взяться за работу? — спросил Ранкитер у Джо. — Или нам надо ее обучать, инструктировать и ждать, пока она дойдет до кондиции? У нас и без того почти сорок бездействующих инерциалов, а мы принимаем еще одного. То есть сорок минус — сколько там? — одиннадцать. Таким образом, мы вынуждены выплачивать полное содержание тридцати человекам, пока они сидят и плюют в потолок. Не знаю, Джо, честное слово, не знаю. Может, нам уволить наших агентов? Но как бы там ни было, кажется, я нашел остальных людей Холлиса. Потом я тебе расскажу... Прошу отметить, — он снова заговорил в микрофон на своем столе, — что мы имеем право в любой момент уволить эту особу за

нарушение контракта без всякой компенсации. В течение первых девяноста дней она не имеет права на процент от дохода, медицинское обслуживание, оплачиваемые бюллетени. — Он снова повернулся к Пат. — Начальную оплату я всегда устанавливаю в четыреста поскредов ежемесячно при двадцати часах работы в неделю. Кроме того, вы должны вступить в Профсоюз Работников Горной, Металлургической и Мукомольной Промышленности; три года назад к нему были отнесены все сотрудники профилактических организаций. Тут я ничего не могу поделать.

— Я зарабатываю больше, консервируя видеофонные кабели зоны Топек, — сказала Пат. — Ваш агент, мистер Эшвуд, говорил...

— Наши агенты врут, — прервал ее Ранкитер. — Мы никак не связаны их обещаниями. Ни мы, ни какие-либо другие профилактические предприятия.

Дверь в кабинет открылась, и неуверенно вошла миссис Фрик, сжимая в руках машинописную копию договора.

— Благодарю вас, миссис Фрик, — сказал Ранкитер, принимая от нее бумаги. Потом он обратился к Джо и Пат: — Моя двадцатилетняя жена лежит в холодильнике. Она чудесная женщина, но когда я попробовал войти с ней в контакт, то ее оттолкнул какой-то развязный юнец по имени Жорж, который стал говорить вместо нее. Элла, замороженная в состоянии полужизни, понемногу гаснет, а я целыми днями вынужден любоваться этой высохшей мумией, своей секретаршей.

Он посмотрел на Пат, пригляделся к ее темным густым волосам; почувствовал, как в нем пробуждаются темные желания, туманные и неясные, возникают смутные намерения и неопределенные планы, которым так и не суждено было сбыться.

— Я подпишу этот договор, — сказала Пат и потянулась к лежащей на столе ручке.

С полным желудком нечего и думать о танцевальном конкурсе. И вот тут-то «УБИК» незаменим! «УБИК» мгновенно поставит вас на ноги. Используемый согласно инструкции, «УБИК» приносит облегчение голове с желудком. Помни: на приготовление «УБИКА» требуются секунды. Избегай многоразового использования «УБИКА».

V

Когда выпадали утомительные дни вынужденного, неестественного безделья, антителепат Типпи Джексон спала обычно до полудня. Вживленный в ее мозг электрод непрерывно воздействовал как стимулятор сна типа ЕРЕМ, при котором отмечаются очень быстрые движения зрачков. Она лежала на постели, укутанная в перкалевое покрывало, и жила весьма полной жизнью.

В этот момент ее искусственно вызванный сон концентрировался вокруг личности таинственного сотрудника Холлиса, наделенного колоссальными пси-способностями. Все инерциалы, находящиеся в пределах Солнечной системы, по очереди капитулировали перед ним или оказывались беспомощными. Нейтрализовать поле, создаваемое этим необычным существом, выпало именно ей.

— Я не могу нормально функционировать, когда ты находишься поблизости, — сообщил ей едва видимый соперник. Диковатое, полное неприязни выражение лица придавало ему вид рассерженной белки.

— Вероятно, ты ошибаешься, считая, что твои возможности неограниченны. Ты выстроил ложную концепцию своей личности, опираясь на те элементы подсознания, которые не подчиняются твоему влиянию. Поэтому ты и испытываешь страх передо мной, — ответила Типпи в своем сне.

— Ты, случайно, не сотрудник какой-нибудь профилактической организации? — спросил телепат Холлиса, нервно оглядываясь вокруг.

— Если твои способности так велики, как ты утверждаешь, — ответила Типпи, — то ты можешь узнать это, читая в моих мыслях.

— Я больше не могу читать чужих мыслей, — ответил телепат. — Мои способности иссякли. Я хочу, чтобы ты побеседовала с моим братом Биллом. Эй, Билл, поговори с этой дамой. Она тебе нравится?

— Мне-то она нравится, поскольку я ясновидящий и она не может оказать на меня влияния, — ответил Билл, который выглядел примерно так же, как и его брат-телепат. Он переступил с ноги на ногу и улыбнулся, показав при этом крупные белые зубы, затупленные, как лопата. — «Хитрой природой отлитый почти человеком, только лишенный разумных пропорций...» — Он остановился, наморщив лоб. — Что там дальше, Мэтт?

— «Я, недоделанный, высланный в мир прежде срока, в мир сих дышащих, слеппенный наполовину», — сказал Мэтт-телепат, напоминающий белку в приступе раздумья.

— Ну да, — кивнул ясновидец Билл. — Помню: «И вот такой я, горбатый, костлявый, ужасный, так что собаки звереют, меня лишь увидя...» Это из «Ричарда III», — пояснил он Типпи.

Оба брата скривились в улыбке. Даже их резцы были сточены, словно они питались твердыми семенами.

— Что это значит? — спросила Типпи.

— А то, — хором ответили Билл и Мэтт, — что мы собираемся тебя прикончить...

И тут ее разбудил звонок видеофона.

Заспанная, она поплелась в его сторону; ей казалось, что вокруг нее кружатся в танце разные цветные пузырьки.

— Слушаю, — произнесла она. «Господи, столько проспять... — тут же подумала она, взглянув на часы. — Я прямо-таки превратилась в растение».

На экране появилось лицо Глена Ранкитера.

— Добрый день, мистер Ранкитер, — сказала она, стараясь не попадать в поле зрения камеры видеофона. — Что, нашлось для меня какое-нибудь дельце?

— Рад, что застал вас дома, миссис Джексон, — сказал Ранкитер. — Мы с Джо Чипом как раз сейчас укомплектовываем оперативную группу из одиннадцати человек. Речь идет о выполнении очень важного задания. Мы просмотрели результаты предыдущей деятельности всех наших сотрудников, и Джо утверждает, что ваше прошлое выглядит весьма неплохо, а я склонен ему верить. Сколько времени вам потребуется, чтобы добраться до бюро? — в его голосе звучала необходимая доля оптимизма, но его лицо на маленьком экране выглядело утомленным, если не сказать — измученным.

— В связи с тем, что мне придется выехать... — начала Типпи.

— Разумеется, вы должны собраться, — прервал ее он и нравоучительным тоном продолжал: — Наши сотрудники обязаны всегда быть готовыми к отъезду, я бы хотел, чтобы все строго придерживались этого правила, особенно в таких случаях, как сейчас, когда очень многое зависит от времени.

— У меня все собрано. Чтобы добраться до бюро, мне потребуется пятнадцать минут. Только оставлю записку мужу, он сейчас на работе.

— Значит, порядок. — Теперь Ранкитер казался рассеянным, наверное, он уже перешел к следующей фамилии в своем списке. — До свидания, миссис Джексон. — И он отключился.

«Странный сон, — думала она, быстро расстегивая пижаму. Она снова вернулась в спальню, подошла к гардеробу. — Как сказали эти Билл и Мэтт? Что это за стихи? Ах, да, «Ричард III», — вспомнила она и снова увидела перед собой их крупные плоские зубы, массивные головы неправильной формы, покрытые пучками рыжих волос, которые торчали словно кустики сорняков. — Но я вроде бы не знаю «Ричарда III», — размышляла она, — а если и читала, то это было давным-давно, в детстве.

Как могут присниться человеку строфы незнакомой ему поэзии? — спросила она себя. — Может, какой-то телепат оказывал на меня влияние во сне? А возможно, это были телепат и ясновидящий — те, кого я видела во сне? Наверное, следует поинтересоваться в нашем отделе информации, не работают ли у Холлиса двое братьев по имени Билл и Мэтт».

Встревоженная и озабоченная, она стала быстро одеваться.

Раскуривая зеленую гаванскую сигару «Куэста Рэй», Глен Ранкитер удобнее устроился в своем элегантном кресле, нажал на кнопку и сказал по внутреннему телефону:

— Миссис Фрик, прошу вас, выпишите чек на сто поскредов на имя Г.Г.Эшвуда в виде премии.

— Хорошо, мистер Ранкитер.

Он наблюдал за Г.Г.Эшвудом, который с маниакальным беспокойством кружил по просторному кабинету, раздраженно стуча каблуками по полу, выставленному натуральным паркетом.

— Мне кажется, что Джо Чип просто не в состоянии определить ее возможности, — сказал Ранкитер.

— Джо Чип — шут, — ответил Г.Г.Эшвуд.

— Получается, значит, что она, эта Пат, может перемещаться в прошлое и никто больше этого не умеет? Я бы мог поклясться, что ее способности не являются чем-то совершенно новым, просто вы, агенты, до сих пор не обращали на эти качества достаточного внимания. Так или иначе ее прием на работу в профилакторий нелогичен — она наделена способностями, а не антиспособностями. А мы занимаемся...

— Я уже объяснял, а Джо подтвердил это своими исследованиями, что ее способности нейтрализуют действия ясновидящих.

— Но это только побочный эффект... — Ранкитер погрузился в невеселые раздумья... — Джо считает, что она опасна. Почему, я не знаю.

— Вы спрашивали его об этом?

— Он что-то пробормотал, ну, как всегда, — ответил Ранкитер. — Джо никогда не пользуется логическими аргументами, только интуицией. С другой стороны, может быть, стоит попробовать ее в операции с Миком? — Он пролистал лежащие перед ним документы из отдела кадров и сложил их аккуратной стопкой. — Пригласите-ка сюда Джо. Интересно, как собирается наша группа? — Он взглянул на часы. — Они должны быть здесь с минуты на минуту. Я хочу сказать Джо в глаза, что включение Пат в группу — роковая ошибка, раз уж она чем-то представляет опасность. Вы согласны со мной, Эшвуд?

— Джо с ней связан, — сказал Г.Г.

— Это как?

— У них роман.

— Никаких романов ни с кем у Джо нет. Нина Фриди вчера читала у него в мыслях: он слишком беден даже для... — Он замолчал, потому что дверь кабинета открылась и появилась, войдя в своей обычной манере, миссис Фрик с чеком на имя Г.Г.Эшвуда. — Знаешь, почему мне хочется, чтобы она приняла участие в этой операции? — спросил Ранкитер, изображая на чеке свою подпись. — Чтобы не спускать с нее глаз. Джо тоже собирается заняться измерениями пси-поля, независимо от условий, поставленных нашим клиентом. Мы же должны знать, с чем имеем дело. Благодарю, миссис Фрик. — Взмахом руки он отпустил ее и протянул чек Эшвуду. — Допустим, мы не замерим пси-поле, а оно окажется слишком сильным для наших инерциалов. Кто тогда будет виноват?

— Мы, — ответил Эшвуд.

— Вот именно. Я им говорил, что одиннадцать человек — это слишком мало. Хотя мы и отобрали наших лучших людей — делаем, что можем. В конце концов приобретение такого клиента, как Мик, для нас очень важно. Меня только удивляет, что такой богатый и влиятельный человек

может быть таким скупым и недалёковидным. Миссис Фрик, где там Джо? Джо Чип?

— Мистер Чип в приемной. Вместе с ним еще несколько человек.

— Сколько их? Десять? Одиннадцать?

— Примерно так, мистер Ранкитер. На одного-двух я могу ошибиться.

— Значит, группа собралась, — обратился Ранкитер к Г.Г.Эшвуду. — Хочу посмотреть на всех вместе, прежде чем они отправятся на Луну. — Он повернулся к миссис Фрик: — Пригласите их ко мне, — сказал он и глупо затащил зеленую сигару.

Миссис Фрик выскользнула из кабинета.

— Мы знаем, что каждый из них в отдельности работает хорошо, — продолжал Ранкитер. — Все результаты их работы у нас зарегистрированы. — Он взял со стола пачку бумаг и помахал ею. — Но как они будут действовать вместе, какой силы будет антиполе, созданное ими? Попробуйте-ка поразмыслить над этим, Г.Г... Это очень серьезная проблема.

— Мне кажется, со временем мы выясним, — заверил его Эшвуд.

— Я уже давным-давно работаю в этом направлении, — сказал Ранкитер. Из секретариата в кабинет один за другим начали входить его сотрудники. — Это мой вклад в современную цивилизацию, — добавил он.

— Хорошо сказано, — подтвердил Г.Г.Эшвуд. — Вы — полицейский на страже личной жизни.

— А вы знаете, что говорит об этом Рэй Холлис? — спросил Ранкитер. — Он утверждает, что мы пытаемся заставить стрелки часов двигаться вспять.

Он начал приглядываться к людям, которые, молча становясь в ряд, постепенно заполняли его кабинет. Они ждали, чтобы он заговорил первым.

«Да... Группа подобрана неважно», — мрачно подумал он.

Очкастая, худая, как палка, девица с прямыми желто-оранжевыми волосами, в ковбойской шляпе, мантилье из черного кружева и «бермудах»... — это, наверное, Эди Дорк. Интересная темноволосая пожилая женщина с быстрыми, бегающими глазами, в бархатном сари с широким нейлоновым поясом и в толстых носках — страдающая приступами шизофрении Фрэнси Джэкестам, которой кажется, что время от времени мыслящие существа с Бетельгейзе приземляются на крыше ее жилого блока. Курчавого молодого человека в украшенной цветочками накидке и коротких брюках, задумчиво стоящего со снисходительно-вызывающим видом, Ранкитер никогда раньше не встречал. Ну и так далее. Он пересчитал их: пять женщин и пять мужчин. Кого-то еще не хватало.

Джо Чип вошел последним. Прямо перед ним в комнату впорхнула девушка с полыхающими глазами — Пат Конли. Теперь группа была в сборе — одиннадцать человек.

— А вы быстро добрались, миссис Джексон, — обратился Ранкитер к бледной мужеподобной женщине примерно лет тридцати, одетую в юбку

из искусственной кожи и грубую рубашку с оттиснутым на ней, выцветшим портретом Бертрана Рассела¹. — У вас времени было меньше, чем у остальных, — я сообщил вам в последнюю очередь.

— Кое-кого из вас я знаю, — начал Ранкитер, вставая со своего кресла и движением руки давая им понять, чтобы они рассаживались поудобнее и курили, если кому-нибудь хочется. — Вас, мисс Дорн, мы вместе с мистером Чипом отобрали первой, исходя из великолепных результатов вашей деятельности, направленной против С.Доула Мелипона, контакт с которыми вы потеряли не по своей вине.

— Благодарю вас, мистер Ранкитер, — неуверенно пробормотала Эдит Дорн, покраснев и уставившись широко раскрытыми глазами на противоположную стену. — Я рада, что принимаю участие в нашей новой акции, — тихо добавила она.

— Кого из вас зовут Эл Хэммонд? — спросил Ранкитер, заглянув в документы.

Очень высокий сутуловатый негр, на длинном лице которого было написано выражение полнейшего добродушия, жестом обратил на себя внимание.

— Раньше нам не приходилось встречаться, — сказал Ранкитер, рассматривая папку с бумагами Хэммонда. — Из всех наших антиясновидящих вы демонстрируете наилучшие показатели. Я должен был, конечно, познакомиться с вами раньше. Кто еще тут антиясновидящие? —

Поднялось три руки. — Для вас четверых, вне всякого сомнения, будет интересно знакомство с мисс Конли и совместная работа с ней. Она — последняя находка мистера Эшвуда и нейтрализует действие ясновидящих на совершенно новом принципе. Будет лучше, если мисс Конли сама это опишет. — Он кивнул головой в сторону Пат...

...И оказалось, что он стоит на Пятой авеню перед витриной магазина нумизматики и рассматривает экземпляр никогда не пускавшейся в оборот золотой американской однодолларовой монеты, размышляя, может ли он позволить себе приобрести ее для пополнения своей коллекции. «Какой еще коллекции? — удивленно спросил он сам у себя. — Я же не коллекционирую монеты. Что я тут вообще делаю? И сколько времени болтаюсь, разглядывая витрины магазинов, вместо того чтобы быть в своей конторе и руководить делом. — Он никак не мог вспомнить, чем же он, собственно, занимается. Какой-то фирмой, нанимающей людей с необычными талантами и способностями?.. — Он закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. — Нет, — догадался он, — я распрощался с этим еще в прошлом году. Из-за заболевания коронарных сосудов. Пришлось выйти на пенсию. Но ведь я только что был там, — вдруг вспомнил он, — всего несколько секунд назад. В моем кабинете. Говорил с группой людей в связи с новым

¹ Рассел Бертран (1872—1970) — английский философ, математик, создатель общественного движения ученых за мир, разоружение, международную безопасность и научное сотрудничество.

заданием... И все вдруг исчезло, — подумал он, ошеломленный. — Все, что я создал...»

Открыв глаза, он увидел, что снова находится в своем кабинете; тут же сидели Г.Г.Эшвуд, Джо Чип и темноволосая, очень привлекательная девушка, имени которой он никак не мог вспомнить. Кроме них в кабинете никого не было, и это почему-то показалось ему странным.

— Мистер Ранкитер, — сказал Джо Чип, — я хочу представить вам Патрицию Конли.

— Я очень рада наконец-то познакомиться с вами, мистер Ранкитер, — сказала девушка.

Она улыбнулась, и в глазах ее вспыхнул победный огонек. Ранкитер не мог понять, какая причина его вызвала.

Что-то она сделала странное, понял вдруг Джо Чип.

— Пат, — громко сказал он, — я не могу точно определить, но что-то тут изменилось...

Он внимательно осмотрел кабинет, но не нашел в нем никаких перемен, все как всегда: слишком яркий ковер на полу, обилие не гармонирующих между собой произведений искусства, множество картин, не имеющих никакой художественной ценности. И Глен Ранкитер все тот же: седые, взъерошенные волосы, сморщившееся в раздумье лицо. Но его взгляд, когда он встретился глазами с Джо, был растерянным. Стоящий у окна Г.Г.Эшвуд в элегантных брюках из березовой коры, прозрачной куртке, перепоясанной конопляным шнуром, в высокой фуражке железнодорожного машиниста равнодушно пожал плечами. Он, разумеется, ничего не заметил.

— Ничего не изменилось, — ответила Пат.

— Все изменилось, — настаивал Джо. — Должно быть, ты переместилась во времени и перенесла нас на другую его ветвь; я не могу ни доказать этого, ни точно определить характер перемен...

— Хватит заниматься семейными спорами в рабочее время, — проворчал Ранкитер.

— Семейными спорами? — изумленно спросил Джо.

Потом он заметил обручальное кольцо на руке Пат: кованое серебро и нефрит. Он вспомнил, как сам помогал ей выбрать его. «Мы его купили за два дня до нашей свадьбы, — подумал он, — то есть чуть ли не год назад, и это несмотря на мое ужасное тогда материальное положение. Разумеется, и это все подверглось переменам: зарплата Пат и ее умение распоряжаться финансами здорово улучшили ситуацию. Раз и навсегда».

— Значит, продолжим, — сказал Ранкитер. — Мы должны разобраться, почему Стэнтен Мик поручил свои заботы другой профилактической организации, а не нам. Рассуждая логически, этот контракт должна была получить наша фирма, мы — лучшие в этой области и располагаем бюро в Нью-Йорке, а это район действия Мика. У вас есть какие-нибудь соображения, миссис Чип? — Он с надеждой посмотрел на нее.

— Вы в самом деле хотите это знать, мистер Ранкитер? — спросила она.

— Да, конечно. — Он энергично кивнул головой. — Я бы очень хотел знать причину.

— Это я сделала, — сообщила Пат.

— Каким образом?

— С помощью моих способностей.

— Каких способностей? — спросил Ранкитер. — У вас нет никаких способностей, вы просто жена Джо Чипа.

— И пришла она сюда, чтобы пообедать с Джо и со мной, — отозвался от окна Г.Г.Эшвуд.

— Есть у нее способности, — заявил Джо.

Он пытался что-то припомнить, но все скрывалось в тумане, память гасла, как ни пытался он оживить ее. «Иная временная ветвь, — подумал он. — Прошрое?» Больше он ничего не мог понять — на этом месте память его кончалась. «Моя жена — личность необыкновенная, — думал он. — Она умеет делать такие вещи, на которые больше никто на Земле не способен. Но в таком случае почему она не работает в «Корпорации Ранкитера»? Что-то тут не связывается.

— А ты ее проверил? — спросил Ранкитер. — Это же твоя обязанность. Уж больно ты самоуверен.

— В себе-то я не уверен, — возразил Джо. «А вот в своей жене — полностью», — подумал он. — Сейчас я принесу измерительную аппаратуру, посмотрим, какое поле она создает.

— О, господи, Джо, успокойся, — сказал Ранкитер со злостью. — Если бы твоя жена обладала какими-нибудь талантами или противоталантами, ты бы определил это, по крайней мере, еще год назад. Зачем бы тебе открывать их сейчас? — Он нажал на кнопку аппарата внутренней связи, стоящего на столе. — Отдел кадров? Есть у нас папка на миссис Чип? Патрицию Чип?

После недолгой паузы из аппарата послышалось:

— Документов на миссис Чип у нас нет. Может быть, она фигурирует под своей девичьей фамилией?

— Конли, — сказал Джо. — Патриция Конли.

Последовала новая пауза.

— Касательно мисс Конли мы располагаем двумя документами: предварительным рапортом мистера Эшвуда о ее открытии и результатами обследования, проведенного мистером Чипом.

Копии обоих документов медленно выползли из щели в аппарате и упали на крышку стола.

— Подойдите-ка сюда, Джо, и взгляните на это! — гневно сказал Ранкитер, прочитав результаты обследования, проведенного Чипом. Он ткнул пальцем в лист бумаги.

Склонившись над столом, Джо увидел два подчеркнутых крестика. Ранкитер и он обменялись взглядами, потом посмотрели на Пат.

— Я знаю, что там написано, — сказала Пат спокойно. — «Наделена невероятно высокой силой противодействия. Необычайно широкий диапазон антипси-поля». — Она напрягла память, пытаясь как можно точнее вспомнить формулировку документа. — «Возможно, способна...»

— Как раз тогда мы получили этот заказ от Мика, — сказал Ранкитер Джо Чипу. — Собрали у меня группу из одиннадцати человек и предложили ей...

— ... показать, на что она способна, — закончил Джо. — Вот она это и сделала — в точности выполнила ваше пожелание. Или же моя оценка оказалась верной. — Кончиком пальца он указал на знак опасности, помещенный внизу странички. — Моя собственная жена... — добавил он.

— Я не твоя жена, — сказала Пат. — Это я тоже изменила. Хочешь, чтобы все вернулось в предыдущее состояние? Без каких-либо изменений даже в мелочах? Но в таком случае ваши инерциалы многого не заметят. Хотя, с другой стороны, они так и не отдают себе отчета... Разве что некоторые из них сохранили, как и Джо, кое-какие остатки воспоминаний. К этому времени, однако, они должны улетучиться.

— Я бы, по крайней мере, хотел получить этот заказ от Мика, — сообщил Ранкитер недовольным тоном.

— Надо сказать, если уж я подыскиваю новых сотрудников, то иду на все, — сообщил бледный, как полотно, Г.Г.Эшвуд.

— Да, людей вы нам поставляете действительно талантливых, — согласился Ранкитер.

Снова зазвенел телефон, в нем захрипел подрагивающий, старческий голос миссис Фрик:

— Мистер Ранкитер, группа инерциалов ждет, когда вы сможете их принять. Они говорят, что вы вызвали их в связи с новой запланированной работой. У вас найдется для них время?

— Пригласите их, — попросил Ранкитер.

— Я сохраню эту вещичку, — заявила Пат, указывая на обручальное кольцо из серебра и нефрита, которое, в иной временной ветви, они выбрали вместе с Джо. Она решила сохранить этот единственный элемент альтернативного мира.

Джо задумался, не могла ли она сохранить и какие-нибудь права на него самого? Он надеялся, что никаких, но сообразил, что лучше не спрашивать. Лучше вообще ничего не спрашивать.

Дверь кабинета открылась, парами начали входить инерциалы. Неуверенно останавливаясь на какое-то мгновение, они усаживались и поворачивались в сторону Ранкитера. Глен посмотрел на них, потом взялся за изучение лежащей перед ним кипы документов; он явно пытался установить, не изменила каким-нибудь образом состав группы Пат Конли.

— Эди Дорн, — сказал он. — А, вы тут. — Он взглянул на нее и сидящего рядом мужчину. — Хэммонд. Порядок, Хэммонд. Типпи Джексон. — Он изучающе посмотрел на нее.

— Я приехала так быстро, как только могла, — сказала миссис Джексон. — Вы дали мне очень мало времени, мистер Ранкитер.

— Джон Илд, — прочитал Ранкитер следующую фамилию.

Взъерошенный, курчавый молодой человек ворчанием засвидетельствовал свое присутствие. «Его самоуверенность, — подумал Джо Чип, — вроде бы уменьшилась, теперь он кажется более сдержанным и несколько ошеломленным. Интересно бы узнать, что он помнит. И что вообще сохранилось в их памяти — всех вместе и по отдельности».

— Франческа Спаниш, — продолжал Ранкитер.

Отозвалась изящная, похожая на цыганку темноволосая женщина, от которой исходила какая-то странная напряженность.

— В последние минуты, мистер Ранкитер, пока мы ожидали в вашей приемной, я услышала таинственные голоса и узнала от них некоторые вещи.

— Это вы миссис Франческа Спаниш? — терпеливо спросил Ранкитер. Он оказался уставшим гораздо больше обычного.

— Я. Так меня всегда звали и всегда будут звать. — В голосе миссис Спаниш звучала глубокая уверенность. — Могу я сообщить вам, что именно рассказали мне эти голоса?

— Может быть, попозже? — предложил Ранкитер, берясь за документы следующего сотрудника.

— Но это важная информация, — сказала дрожащим голосом миссис Спаниш.

— Хорошо, — согласился Ранкитер. — Сделаем перерыв на несколько минут. — Открыв ящик стола, он достал таблетку амфетамина и, не запиная, проглотил ее. — Пожалуйста, расскажите, что сообщили вам эти голоса, миссис Спаниш. — Он посмотрел в сторону Джо и пожал плечами.

— Кто-то, — начала миссис Спаниш, — минуту назад перенес нас всех в сферу иного мира. Мы поселились в нем и жили как его жители, а потом с помощью какой-то огромной, всеобъемлющей духовной силы вернулись в наш собственный мир.

— Это сделала Пат, — объяснил Джо Чип. — Пат Конли, которая как раз с сегодняшнего дня начала работать в нашей фирме.

— Есть тут Тито Апостос? — спросил Ранкитер. Вытянув шею, он рассматривал людей, собравшихся в его кабинете.

Лысый мужчина указал на себя пальцем и затряс козлиной бородкой. Одет он был в немодные, облегающие брюки из золотистой парчи и все-таки выглядел весьма современно. Может быть, такое впечатление создавали огромные, величиной с яйца, пуговицы на его зеленой кружевной рубашке; в любом случае в нем ощущалось огромное самоуважение и большая выдержанность. Джо почувствовал, что этот человек произвел на него впечатление.

— Дон Денни, — прочитал Ранкитер.

— Тут, сэр, — голосом сиамского кота отозвался худощавый, важный мужчина, сидевший в кресле, положив руки на колени и выпрямившись.

Одет он был в тунику из искусственного волокна, кожаные ковбойские штаны, отделанные звездочками из имитации серебра и сандала. Длинные волосы были перевязаны ленточкой.

Вытащив из папки лист, Ранкитер взглянул на человека.

— Вы — антиоживитель. Единственный, который у нас работает. — Глен обратился к Чипу: — Я сомневаюсь, будет ли он нам нужен. Может, нам лучше взять на его место еще одного антителипата? Их требуется как можно больше.

— Мы должны быть готовы ко всему, — возразил Джо. — Кто знает, с чем нам придется столкнуться.

— Согласен. — Ранкитер кивнул головой. — Сэмми Мандо.

Молодой человек с крохотным носиком и маленькой, напоминающей дыню головой, наряженный в юбку «макси», поднял руку отстраненным, механическим движением; словно тело сделало это само, без участия мозга, подумал Джо. Он знал этого человека. Мандо казался намного моложе, чем был на самом деле, — процесс как физического, так и умственного развития был в нем давным-давно заторможен. С точки зрения интеллекта, он находился на уровне енота: умел ходить, есть, купаться и даже — в определенном смысле — говорить. Однако у него были солидные антителипатические способности. Однажды он в одиночку осилил даже С.Доула Мелипона; многотиражка фирмы много месяцев подряд расписывала это событие.

— Так... — произнес Ранкитер. — Мы дошли до Венды Райт.

Джо, как всегда, воспользовался возможностью, чтобы внимательно присмотреться к девушке, которую, если бы ему это удалось, он охотно сделал бы своей любовницей или, еще охотнее, женой. Казалось неверным, что Венда Райт состояла, как все остальные люди, из крови и внутренностей. В ее присутствии он ощущал себя маленьким, толстеньким, потным и невоспитанным обжорой с бурчащим желудком и свистящим дыханием. При виде ее он начинал размышлять о механизмах, которые обеспечивали его жизнедеятельность: насосы, трубки, клапаны, компрессоры, фильтры, с шумом выполняющие свою животворящую работу, заранее обреченную на провал. Глядя на ее лицо, он не мог избавиться от впечатления, что его собственная физиономия — всего лишь уродливая маска. Любуясь ее телом, он воспринимал свое как детскую заводную игрушку. Казалось, вся она была выдержана в утонченных и словно бы нежно подсвеченных тонах. Глаза ее, напоминающие зеленые отполированные драгоценности, взирали на все бесстрастно, и ни разу ему не удалось заметить в них ни страха, ни волнения, ни злости. Все, на что она смотрела, получало ее одобрение. Она производила впечатление невероятно спокойного существа и при этом казалась сильной, уверенной в себе и полной самообладания, способной противостоять усталости, изнеможению, болезням и всевозможным немочам. Лет ей было, наверное, двадцать пять-двадцать шесть, но он не мог вообразить, чтобы когда-нибудь она выглядела моложе или — это было бы уже совершенно невероятным — хоть немного постарела. Она

слишком хорошо владела собой и окружающей ее действительностью, чтобы поддаться воздействию времени.

— Я здесь, — отозвалась Венда милым, спокойным голосом.

— Отлично, — кивнул Ранкитер. — Остается Фред Зафски. — Он посмотрел на полного мужчину среднего возраста.

Выглядел тот довольно необычно: массивные ноги, гладко зачесанные на лоб волосы, несвежая кожа и причудливо выпирающий кадык. Ради командировки он обрядился в просторную тунику цвета седалища павиана.

— Это, наверное, вы?

— Совершенно верно, — подтвердил Зефски и захохотал. — Ну и что?

— О господи! — Ранкитер тряхнул головой. — Ничего не поделаешь, на всякий случай, мы должны взять с собой одного паракинетика, а вы как раз им и являетесь. — Он бросил бумаги на стол и задымил своей зеленой сигарой. Потом повернулся к Джо: — Вот и вся группа, плюс ты да я. Не хочешь ли внести какие-нибудь изменения?

— Меня этот состав устраивает, — ответил Джо.

— Значит, ты считаешь, что эта группа — лучший отряд инерциалов, который мы только можем выставить? — Ранкитер изучающе посмотрел на него.

— Да, — сказал Джо.

Но он знал, что это не так.

Он не мог бы четко определить, в чем тут дело. Его уверенность была основана не на рациональных соображениях. Ему известно, что возможности одиннадцати инерциалов в сфере создания антиполя колоссальны. И однако...

— Вы можете уделить мне секундочку, мистер Чип? — Лысый и бородатый Тито Апостос в блестящих брюках из золотистой парчи взял Джо за плечо. — Я бы хотел рассказать вам о сновидении, которое пригрезилось мне прошлой ночью. Во время сна я вступил, как мне показалось, в контакт с одним, а может, и двумя людьми Холлиса. Это был телепат, сотрудничающий, скорее всего, с одним из занятых там же ясновидящих. Как вы думаете, не следует ли мне проинформировать об этом мистера Ранкитера? Может, это иметь какое-нибудь значение?

Джо Чип с сомнением покосился в сторону Глена, который восседал в своем драгоценном, любимом кресле и пытался заново раскрутить гаванскую сигару. Щеки его запали, выглядел он ужасно усталым.

— Нет, — сказал Джо. — Не стоит из-за этого волноваться.

— Дамы и господа, — голос Ранкитера возвысился над царящим в кабинете гулом, — мы отправляемся на Луну. Вы, то есть одиннадцать инерциалов, Джо Чип и я, собственной персоной, а также представительница нашего заказчика Хей Уирт, — всего четырнадцать человек. Мы воспользуемся нашим собственным ракетопланом. — Он извлек старомодные круглые карманные часы и проверил время. — Сейчас три тридцать. «Пратфалл П» стартует ровно в четыре с крыши главного здания. — Он закрыл крышку часов и спрятал их в карманчик своего шелкового пояса. —

Ну что ж, Джо, — заявил он, — хорошо это или плохо, но мы вместе беремся за дело. Я бы хотел, чтобы дежурный ясновидящий прочитал бы наше будущее. — В голосе, как и в выражении лица, явственно проступала усталость, вызванная заботами, хлопотами, а также тяжелым бременем ответственности и возраста.

Мы представляем тебе бритву, которого ты еще ни разу не испытывал. Мы решили: пришло время, чтобы процесс бритья доставлял только удовольствие. С появлением автоматической бритвы «УБИК» с вечным лезвием из швейцарского хрома миновали дни отчаянного сражения с щетиной. Испробуй бритву «УБИК» — она доставит тебе наслаждение. Внимание: использовать согласно инструкции. Быть осторожным.

VI

— Приветствую вас на Луне, — весело объявила Хей Уирт. Благодаря треугольным очкам в красной оправе ее крохотные глазки казались огромными. — Мистер Говард через мое посредничество передает вам всем сердечные поздравления, он также выражает свою особую благодарность мистеру Глену Ранкитеру, который позволил нам воспользоваться услугами его фирмы, а точнее, услугами здесь присутствующих. Отель, в котором мы сейчас пребываем, находится под поверхностью Луны и декорирован наделенной большим художественным вкусом сестрой мистера Говарда, Лейд. Отель расположен на расстоянии не менее трехсот ярдов от промышленных исследовательских объектов, которые, как считает мистер Говард, подверглись инфильтрации. Присутствие вас в этом помещении уже должно ограничить пси-способности агентов Холлиса, что несказанно радует всех нас. — Она замолчала и оглядела собравшихся. — Есть какие-нибудь вопросы?

Джо Чип, занятый манипуляцией со своей аппаратурой, не обращал на нее никакого внимания. Несмотря на возражения клиента, он собирался провести замеры окружающего его пси-поля. Такое решение они приняли совместно с Ранкитером во время их часового перелета.

— У меня вопрос. — Фред Зафски, подняв руку, захохотал. — Где тут ванная?

— Каждый из вас получит миниатюрную карту, на которой все это будет обозначено. — Мисс Уирт кивнула ассистентке, и та принялась раздавать яркие, разноцветные планы, отпечатанные на блестящей бумаге. — В состав апартаментов входят кухня со всеми приспособлениями, которыми можно пользоваться бесплатно, без расхода монет. Стоимость строительства этого жилого комплекса со всеми удобствами, способного вместить двадцать человек, была, разумеется, необычайно высокой. Комплекс

снабжен собственной автоматически регулируемой вентиляционной системой, системами тепло- и водоснабжения. Здесь гарантируется очень богатый выбор блюд, имеются замкнутая телевизионная система и высококачественный полифонический проигрыватель со всей аппаратурой. В отличие от кухонного оборудования, для эксплуатации двух последних устройств требуются монеты. Чтобы облегчить вам пользование этими механизмами отдыха, в зале игр помещен автомат, разменивающий банкноты на мелочь.

— На моем плане только девять спален, — сообщил Эл Хэммонд.

— В каждой спальне помещаются две парящих постели реактивного типа, так что общее число спален достаточно для восемнадцати человек. Кстати, пять из этих кроватей двуспальные на тот случай, если во время пребывания у нас кому-нибудь захочется спать вместе.

— Я отдал специальное распоряжение на тему сожительства моих сотрудников, — раздраженно заметил Ранкитер.

— Вы — за или против?

— Против. — Ранкитер смял свою карту и бросил ее на подогреваемый металлический пол. — И у меня нет привычки слушать чьи-либо...

— Но вы ведь не собираетесь тут жить, — заметила мисс Уирт. — Разве вы не намерены вернуться на Землю, как только ваши сотрудники начнут свою деятельность? — Она наградила его своей искусственной профессиональной улыбкой.

Ранкитер не ответил.

— У тебя есть какие-нибудь данные насчет этого поля? — спросил он Джо Чипа.

— Сначала я должен замерить антиполе, создаваемое нашими инерциалами, — пояснил Джо.

— Ты должен был сделать это еще во время полета, — заявил Ранкитер.

— Вы пытаетесь произвести какие-то измерения? — обеспокоилась мисс Уирт. — Как я уже говорила, мистер Говард против этого.

— Тем не менее мы установим уровень поля, — отрезал Ранкитер.

— Мистер Говард...

— В этом деле мы не нуждаемся в советах мистера Стэнтона Мика, — отчеканил Ранкитер. — Не могли бы вы попросить сюда мистера Мика?

— А если это невозможно... — начала было она, но, не получив ответа, обратилась к своей ассистентке: — Попросите мистера Мика прийти сюда.

Та немедленно направилась в сторону лифтов.

— Мистер Мик сам даст все объяснения. А пока я настоятельно попрошу вас прекратить какие бы то ни было измерения и подождать его прибытия, — сказала мисс Уирт.

— Я уже могу прочитать данные, касающиеся нашего собственного поля, — обратился Джо к Ранкитеру. — Оно очень сильное. Наверное, из-за присутствия Пат, — высказал он предположение. — Интересно, почему они так настаивают, чтобы мы не проводили измерений? — задумался он. —

Со временем это никак не связано, наши инерциалы на месте и уже приступили к работе.

— Есть тут какие-нибудь шкафы? — спросила Типпи Джексон. — Я хочу разложить свои вещи.

— В каждой спальне, — объяснила мисс Уирт, — есть большой шкаф, функционирующий после опускания монеты. А теперь я хочу вручить вам в качестве подарка вот этот запас монет. — Она достала большой пластиковый пакетик и, вручая его Джону Илду, попросила: — Не могли бы вы разделить их поровну между всеми? Это жест доброй воли со стороны мистера Мика.

— Есть в этом блоке какая-нибудь парикмахерская и врач? — спросила Эди Дорн. — Иногда во время интенсивной работы я начинаю страдать психосоматическим раздражением кожи. Обычно мне помогает мазь на основе гидрокортизона, но в спешке я ее забыла.

— В промышленно-исследовательских лабораториях, расположенных неподалеку от этого помещения, — ответила мисс Уирт, — круглосуточно дежурят врачи самого разного профиля. Кроме того, в комфортабельном помещении находится небольшой медицинский центр, где есть койки для больных.

— Он тоже функционирует только от монетки? — поинтересовался Сэмми Мандо.

— Врачебное обслуживание у нас бесплатное, — сообщила мисс Уирт. — Но кандидат в пациенты должен сам доказать, что он болен. Однако автоматы, продающие лекарства, действуют от монеты. В связи с этим я хотела бы добавить, что в салоне игр вы можете найти автомат, продающий успокаивающие средства. Если же вы пожелаете, мы, конечно, перенесем сюда из соседнего блока автоматы, продающие возбуждающие препараты.

— А как насчет галлюциногенов? — спросила Франческа Спаниш. — Я достигаю лучших результатов в работе, если использую психоделические препараты на базе спорыньи, под их воздействием я воочию вижу своего противника.

— Наш шеф, мистер Мик, является врагом любых галлюциногенных препаратов на базе спорыньи. Он считает, что они оказывают вредное действие на кишечник. Если вы привезли их с собой, то можете использовать, но у нас вы их не получите, хотя, я думаю, мы располагаем и такими снадобьями.

— С каких это пор, — обратился к Франческе Спаниш Дон Денни, — тебе требуются психоделические препараты для галлюцинаций? Вся твоя жизнь — галлюцинация наяву.

— Два дня назад у меня было поразительно впечатляющее видение, — спокойно ответила Франческа.

— Этим меня не удивишь, — заметил Дон Денни.

— Несколько телепатов и ясновидящих спустились по тонкой пеньковой лесенке на мой балкон, проникли сквозь стену и объявились перед моей

кроватью, разбудив меня своей болтовней. Цитировали стихи и поэтическую прозу из старых книг, мне это ужасно понравилось. Они показались мне такими... — с минуту она подыскивала подходящее слово, — ...такими остроумными. Один из них, который назвался Виллом...

— Минуточку, — прервал ее Тито Апостос, — я тоже видел такой же сон. — Он повернулся к Джо. — Помните, я говорил вам об этом как раз перед отлетом с Земли. — Он нервно стиснул руки. — Помните?

— И мне это снилось, — вступила в разговор Типпи Джексон. — Билл и Мэтт. Они сказали, что собираются меня прикончить.

— Ты должен был сообщить мне об этом, — обратился к Джо Ранкитер. Его внезапно потемневшее лицо исказила непонятная гримаса.

— Но ты тогда... — начал было Джо и замолчал. — У тебя был усталый вид. И другие дела на уме.

— Это не был сон, — резко сказала Франческа, — это было настоящее видение. Уж я-то умею их различать.

— Ну конечно же, умеешь, Франческа, — сказал Дон Денни и подмигнул Джо.

— Я тоже видел сон, — отозвался Джон Илд. — Но мне снились автомобили,двигающиеся на воздушной подушке. Я старался удержать в памяти их номера на регистрационных табличках. Запомнил шестьдесят пять номеров, могу их даже повторить. Хотите, чтобы я это сделал?

— Мне очень жаль, Глен, — сказал Джо Чип. — Я думал, что это привиделось лишь Апостосу. О других я ничего не знал. Я... — его прервал звук раздвигающихся дверей лифта. Как и все остальные, он повернулся и посмотрел в ту сторону.

Быстро переступая короткими, толстыми ногами, к ним подходил низенький, полный мужчина — сам Стэнтон Мик. Он был одет в короткие цветастые брюки, розовые туфли из меха яка и куртку из змеиной кожи без рукавов. Длинные, до пояса, обесцвеченные добела волосы были перевязаны ленточкой. «Его нос, — подумал Джо, — напоминает резиновую грушу клаксона тех такси, что раскатывают по Нью-Йорку, — мягкий, может сжиматься и разжиматься, и шумный. Самый шумный нос, который я когда-либо видел».

— Здравствуйте, люди, наделенные антипси-способностями, — выпалил Мик и широко развел руки, приветствуя их. — Вот и явились экстрематоры, я имею в виду вас.

Его пронзительный, скрипящий голос напоминал голос кастрата. «Такой же неприятный звук могли бы издать металлические пчелы», — подумал Джо.

— На милой, спокойной, приветливой земле Стэнтоника Мика появилась чума — банда разных людей, наделенных пси-способностями. Ну и денек выдался у нас тут, в Миквилле, — так мы зовем это милое сельское поселение на Луне. Очевидно, вы уже взялись за работу? Так я и думал. Вы же лучшие специалисты в своей области, это подтвердит каждый, стоит только упомянуть о «Корпорации Ранкитера». Я сам в восторге от вашей

деятельности, за одним исключением. Вижу, что ваш контролер уже крутится со своей аппаратурой. Не могли бы вы посмотреть в мою сторону, если я к вам обращаюсь?

Джо выключил приборы и регистрирующие аппараты, отсоединил питание.

— Не соизволите ли вы теперь удостоить меня своим вниманием? — спросил его Стэнтон Мик.

— Извольте, — согласился Джо.

— Не выключай аппаратуру, — посоветовал ему Ранкитер. — Ты работаешь у меня, и мистер Мик тебе не указ.

— Это неважно. Я уже замерил величину пси-поля, создаваемого в этом районе. — Он выполнил свое задание. Стэнтон Мик появился слишком поздно.

— Ну, и каково их поле? — спросил Ранкитер.

— Н и к а к о г о п о л я н е т, — ответил Джо.

— Это значит, что наши инерциалы нейтрализовали его? Что наше антиполе сильнее?

— Нет, — возразил Джо. — Это означает, что в зоне действия моей аппаратуры вообще нет никакого пси-поля. Я зарегистрировал наше собственное поле, следовательно, мои приборы работают верно. Мне кажется, что результаты получились превосходные. Мы создаем две тысячи единиц блр; несколько минут эта величина составляла примерно две тысячи сто блр. Наверняка она будет постепенно возрастать. Скажем, через двенадцать часов совместной работы наших инерциалов она может дойти до...

— Не понимаю, — прервал его Ранкитер.

Все инерциалы столпились вокруг Джо Чипа. Дон Денни взял одну из лент, прошедших через детектор, пригляделся к совершенно прямой линии записи и показал ленту Типпи Джексон. Все инерциалы по очереди в молчании изучали ее, потом воззрились на Ранкитера. Тот обратился к Стэнтону Мику:

— С чего вам пришло в голову, что люди Холлиса подвергли инфильтрации ваши предприятия на Луне? И почему вы возражали против проведения нами обычных замеров? Может быть, вы знали, что мы получим именно такой результат?

— Наверняка знал, — уверенно заявил Джо Чип.

Лицо Ранкитера внезапно приняло решительное выражение. Он начал было что-то говорить Мику, но передумал и, повернувшись к Джо Чипу, сказал:

— Возвращаемся на Землю; немедленно забираем отсюда всех инерциалов. — Он заговорил громче, чтобы все его слышали: — Собирайте свои вещи, мы возвращаемся в Нью-Йорк. Через пятнадцать минут всем быть на корабле. Тех, кто не явится, мы будем вынуждены оставить тут. Джо, собери свое барахло в одну кучу; если тебе одному с ним не справиться, я помогу донести его до корабля. В любом случае я хочу забрать его отсюда и тебя вместе с ним.

Затем он повернулся к Стэнтону Мику и принялся ему что-то втолковывать. Внезапно Стэнтон Мик, комично замахав руками, всплыл под самый потолок и заговорил оттуда скрипучим голосом, напоминающим гудение металлического насекомого:

— Мистер Ранкитер, не позволяйте своим эмоциям возобладать над рассудком. Дело это требует спокойного обсуждения, всякие поспешные действия вредны. Попросите своих людей успокоиться и собраться, чтобы мы могли поговорить об интересующем нас деле и прийти к взаимопониманию. — Его цветастая округлая фигура делала горизонтальные круговые движения в воздухе. Теперь в сторону Ранкитера была повернута не голова, а ноги.

— Я слышал кое-что о такой штуке, — сказал Ранкитер Джо. — Это самоуничтожающая бомба в человеческом оформлении. Помогите мне вывести отсюда людей. Только что ее перевели на самостоятельное действие, поэтому она и всплыла под потолок.

И в этот момент произошел взрыв.

Облака вонючего дыма, клубящиеся среди треснувших стен, спустились к полу, окутав вздрагивающую человеческую фигуру у ног Джо Чипа, лежащую лицом вниз.

— Ранкитера убили, мистер Чип! — закричал ему в ухо Дон Денни, знаясь от волнения. — Это мистер Ранкитер.

— Кого еще? — спросил Джо хриплым голосом, пытаясь наладить дыхание: едкий дым забивал ему легкие, в голове звенело. По шее текло что-то теплое; оказалось, один из осколков ранил его.

— Мне кажется, остальные живы, хотя есть раненые, — сказала стоящая рядом, но еле видная Венда Райт.

— Не могли бы мы вызвать кого-нибудь из Оживителей Рэя Холлиса? — спросила Эди Дорн, склонившись над Ранкитером. На ее побледневшем лице была печаль.

— Нет, — ответил Джо, тоже наклоняясь к Ранкитеру. — Ты не прав, — сказал он Дону Денни. — Он жив.

Но Ранкитер умирал, лежа на окровавленном полу. Через две-три минуты пророчество Денни сбудется.

— Слушайте меня все! — громко заявил Джо. — Поскольку мистер Ранкитер ранен, я принимаю на себя руководство, по крайней мере, до нашего возвращения на Землю.

— При условии, — вставил Эл Хэммонд, — что нам вообще удастся туда вернуться. — Он приложил сложенный носовой платок к глубокой ране под правым глазом.

— У кого из вас есть при себе оружие? — спросил Джо. Инерциалы неуверенно зашевелились. — Я знаю, что это противоречит уставу Объединения, — продолжал он. — Но я знаю также, что у некоторых из вас оно есть. Не смущайтесь этим запретом, забудьте все, что вам говорили насчет инерциалов, имеющих при себе оружие во время работы.

— У меня есть пистолет. В багаже. В соседней комнате, — сказала немногого Типпи Джексон.

— А у меня при себе, — отозвался Тито Апостос, сжимая в правой руке старинный револьвер со свинцовыми пулями.

— Все, у кого есть оружие, идите и принесите его, — распорядился Джо. Шесть инерциалов направились к двери.

— Мы должны поместить Ранкитера в холодильник, — сказал Джо Элу Хэммонду и Венде Райт, которые остались в комнате.

— На корабле есть холодильные установки, — напомнил Хэммонд.

— Отнесем его туда. Хэммонд, берите его с одной стороны, я возьму с другой. Апостос, идите вперед и стреляйте в каждого из людей Холлиса, кто попытается нас задержать.

— Вы думаете, все это организовал Холлис вместе с мистером Миком? — спросил Джон Илл, возвращаясь в комнату с лазерным карабином в руке.

— Вместе с ним или даже один, — ответил Джо. — Не исключено, что мы вообще не имели дела с Миком, что с самого начала это была затея Холлиса.

«Поразительно, — думал он, — что взрыв человекоподобной бомбы не убил нас всех. Хотел бы я знать, что случилось с мисс Уирт. Похоже, она ушла раньше, чем произошел взрыв, — с тех пор я ее нигде не видел. Интересно, какова была бы ее реакция, знай она, что работает вовсе не у Стэнтона Мика и что ее работодатель, подлинный работодатель, нанял нас и доставил сюда только для того, чтобы убить. Наверное, они прикончат и ее. Как ненужного свидетеля.

Инерциалы уже вернулись с оружием в руках и теперь ждали распоряжений Джо. Если учесть ситуацию, все они производили впечатление достаточно владеющих собой людей.

— Если нам удастся сравнительно быстро поместить Ранкитера в холодильник, — объяснил Джо, неся вместе с Элом Хэммондом своего умирающего шефа к лифту, — он сможет и дальше руководить фирмой. Так же, как это делает его жена. — Он надавил локтем кнопку лифта. — Мало шансов, — добавил он, — что лифт появится. В момент взрыва наверняка была прервана подача тока.

Однако лифт оказался перед ними, и они поспешно внесли в него Ранкитера.

— Трое с оружием пусть едут с нами. Остальные...

— Чепуха! — заявил Сэмми Мандо. — Мы не намерены торчать здесь и ждать пока лифт вернется. — Он сделал шаг вперед. Его лицо было искажено страхом.

— Ранкитер едет в первую очередь, — вдруг сказал Джо. Он нажал кнопку, и двери лифта сомкнулись, отрезав его, Эла Хэммонда, Тито Апостоса, Венду Райт, Дона Денни и Глена Ранкитера от остальных. — Мы вынуждены так поступить, — пояснил он, когда лифт пошел вверх. — Впрочем, если люди Холлиса ждут нас там, мы первы-

ми попадем к ним в лапы. Однако они наверняка думают, что мы безоружны...

— Этот устав... — начал Дон Денни.

— Посмотри, жив ли он еще, — попросил Джо Тито Апостоса.

Тот, наклонившись, осмотрел лежащее тело.

— Дышит, хотя и слабо, — ответил он. — Шансы еще есть.

— Да, шансы... — проговорил Джо. С того момента, как взорвалась бомба, он пребывал в состоянии оцепенения — физического и психологического; к тому же ему казалось, что у него повреждены барабанные перепонки. «Если мы сможем вернуться на корабль, — думал он, — то поместим Ранкитера в холодильник и по радио обратимся ко всем сотрудникам фирмы, которые остались в Нью-Йорке, с просьбой о помощи. Или же прямо ко всем профилактическим организациям. Если нам не удастся стартовать, им придется прилететь сюда и забрать нас».

Однако он понимал, что в действительности все обстоит по-другому. Прежде чем кто-либо из представителей Объединения доберется до Луны, все они, те, кто находится в подземном зале, в лифте или на борту корабля, будут уже мертвы. Так что, если им не удастся взлететь, шансов на спасение у них нет.

— Вы могли бы впустить в лифт еще несколько человек. — Тито Апостос испепелил Джо осуждающим взглядом. — Тут могли бы поместиться все остальные женщины. — Его руки тряслись от волнения.

— Здесь опаснее, чем там, — сказал Джо. — Холлис рассчитывает, что те, кто уцелел после взрыва, воспользуются лифтом, что мы, собственно, и делаем. Поэтому он, наверное, и не отключил ток. Он знает, что мы попытаемся вернуться на корабль.

— Ты нам это уже говорил, Джо, — напомнила Венда Райт.

— Я стараюсь логически объяснить свои поступки, — ответил он. — В частности, то, почему остальных я оставил там, внизу.

— А что же способности этой девушки? — спросила Венда. — Этой надушенной темноволосой молодой особы, которая ведет себя таким легкомысленным образом. Ты бы мог попросить ее, чтобы она передвинулась во времени как раз перед ранением Ранкитера; тогда она смогла бы все это изменить. Или ты забыл о ее таланте?

— Да, — коротко ответил Джо. У него и в самом деле вылетело все из головы среди дыма и бессмысленной паники.

— Вернемся обратно, — предложил Тито Апостос. — Ты же сам говоришь, что люди Холлиса будут ждать нас на поверхности и что это более опасно, чем...

— Мы уже на поверхности, — сказал Дон Денни. — Лифт остановился. — Бледный и напряженный, он облизывал губы, следя за автоматически раздвигающимися дверьми.

Перед ними был работающий эскалатор, ведущий в холл, в конце которого за рядом воздушных мембран можно было различить силуэт их корабля, застывшего в вертикальной позиции. В той, в какой они его

оставили. На пути, отделяющем от ракетоплана, никого не было. «Странно, — подумал Джо. — Может быть, они уверены, что взрыв бомбы всех уничтожил? Или, планируя всю акцию, совершили какую-то ошибку: сперва сам взрыв, потом тот факт, что не обесточили лифт, теперь этот пустой коридор...»

— Я думаю, — сказал Дон Денни, в то время как Эл Хэммонд и Джо перенесли Ранкитера из кабины лифта на двигающиеся ступени, — им помешало то, что бомба взорвалась под потолком. Должно быть, это был снаряд осколочного типа, и большинство осколков врезалось в стены над нашими головами. Они не предполагали, что кто-то из нас может уцелеть, потому... не отключили ток.

— Что ж, возблагодарим Господа, что оказались наверху, — сказала Венда Райт. — Боже, как здесь холодно! Бомба, должно быть, повредила систему обогрева этого здания. — Ее трясло.

Подвижные ступени несли их вперед на удивление медленно; Джо показалось, что прошло не менее пяти минут, прежде чем они оказались у двойной двери из воздушных мембран. Темп, достойный улитки, — самое неприятное из всего, что они до сих пор пережили, словно бы Холлис нарочно организовал все именно таким образом.

— Подождите! — прокричал кто-то за ними. Послышался шум шагов. Тито Апостос обернулся, поднял свой пистолет, потом снова опустил его.

— Это остальные наши люди, — пояснил Дон Денни Джо, который не мог обернуться: они с Элом Хэммондом уже приступили к сложным маневрам, необходимым для того, чтобы пронести тело Ранкитера через хитроумный механизм дверей с воздушными мембранами. — Никто не отстал. Все в порядке. — Дон махнул в их направлении рукой с пистолетом: — Идите сюда!

Корабль все еще был соединен с холлом специальным туннелем из синтетического материала. Вслушиваясь в характерный тупой звук своих башмаков, Джо размышлял: «Они решили позволить нам улететь? Или же ждут на корабле? Похоже, какая-то зловещая сила играет с нами, как кошка с мышью. Забавляется нами, смеется над нашими потугами. Но стоит игре дойти до определенной точки, как ловушка захлопнется и от нас останутся обезображенные останки».

— Денни, — распорядился он, — ты идешь на корабль первым. Посмотри, не ждут ли нас там.

— А если ждут? — осведомился Денни.

— Тогда возвращайся, — ехидно сказал Джо. — И сообщи нам об этом: мы поднимем ручки. А потом они перебьют нас всех поодиночке.

— Попроси эту Пат — или как там ее зовут? — использовать свои способности, — тихо, но настойчиво сказала Венда Райт. — Я прошу тебя, Джо.

— Сначала попробуем пробраться на корабль, — предложил Тито Апостос. — Мне эта девушка не нравится, я не доверяю ее способностям.

— Ты просто не понимаешь, на чем основан ее талант, — возразил

Джо, не спуская глаз с низенького и худенького Дона Денни, который, пробежав оставшийся отрезок туннеля, с минуту манипулировал устройством, открывающим входной люк, а потом исчез внутри.

— Скорей бы он вернулся, — сказал Джо, тяжело дыша. Ему казалось, что Глен Ранкитер сделался еще тяжелее; он держал его с явным трудом. — Положим Ранкитера здесь, — обратился он к Элу Хэммонду. Они опустили Глена на пол туннеля. — Для пожилого человека он слишком много весит, — проговорил Джо, распрямляясь. — Я поговорю с Пат, — пообещал он Венде.

К ним присоединились остальные члены группы; теперь они стояли, сбившись в плотной куче.

— Иначе как поражением все это не назовешь, — вздохнул Джо. — А мы-то еще рассчитывали, что это станет нашим величайшим достижением. Никогда ничего нельзя знать заранее. На этот раз Холлис основательно переиграл нас.

Он жестом подозвал к себе Пат. Лицо ее почернело от копоти, рубашка из искусственного волокна без рукавов разодрана, сквозь дыры виднелась эластичная лента, которой она, следуя требованиям моды, маскировала бюст. На ленте были изображены бурбонские лилии. Непонятно почему, в его памяти запечатлелась эта лишенная всякого смысла деталь.

— Послушай, — он положил девушке руку на плечо и посмотрел ей в глаза, она спокойно выдержала его взгляд, — ты можешь сместиться? В момент перед взрывом бомбы? И вернуть жизнь Глену Ранкитеру?

— Слишком поздно, — ответила Пат.

— Почему?

— Просто прошло слишком много времени. Я могла бы сделать это сразу.

— Почему же ты этого не сделала? — спросила Венда Райт с явной враждебностью.

Пат оторвала взгляд от Джо и посмотрела в ее сторону.

— А почему ты об этом не подумала? Если подумала, то ничего не сказала. Никто из вас не сказал ни слова.

— Значит, ты совсем не чувствуешь ответственности за смерть Ранкитера? — спросила Венда. — Хотя, благодаря твоим способностям, ты могла бы ее предотвратить.

Пат рассмеялась.

— Корабль пуст! — прокричал Дон Денни, появляясь в люке.

— Отлично! — Джо кивнул Элу Хэммонду. — Внесем его на борт и поместим в холодильник.

Они снова подняли тяжелое тело и двинулись к ракетоплану. Инерциалы суетились вокруг них, стремясь как можно скорее оказаться в безопасном месте. Страх, который они испытывали, создавал вокруг них особую атмосферу. Кажется, Джо физически ощущал ее. Забрезжившая возможность спастись только увеличила их страх. Смирение, с которым вначале

они приняли свою судьбу, сменилось лихорадочной, беспокойной активностью.

— Где ключ? — пропищал Джон Илд прямо в ухо Джо, когда они с Хэммондом с трудом двигались к холодильникам. Ох схватил Джо за плечо. — Ключ, мистер Чип.

— Ключ от пульта управления ракетопланом, — пояснил Эл Хэммонд. — Глен всегда держал его при себе. Мы должны обыскать Ранкитера, прежде чем поместим его в холодильник. Потом уже нельзя будет к нему прикасаться.

Обыскав многочисленные карманы Ранкитера, Джо нашел кожаный чехольчик с ключами и протянул их Джону Илду.

— Ну теперь-то мы можем поместить его в холодильник? — с раздражением спросил Джо. — Пошли дальше, Хэммонд. Бога ради, скорее.

«Мы затянули с этим. Слишком поздно. Сейчас трудно, а то ли еще будет?» — подумал он.

Двигатели вспомогательных ракет с воем заработали. Корабль задрожал, у пульта управления четверо инерциалов дружно, но не очень умело трудились над программированием компьютеризованного устройства, контролирующего команды.

«Почему они позволили нам улететь?» — опять задал себе вопрос Джо, когда они с Хэммондом уже закрепили в огромном — от пола до потолка — холодильнике в вертикальном положении мертвое, так им казалось, тело Ранкитера. Кристаллы льда отбрасывали яркий, ослепляющий свет.

— Не могу понять, — произнес он вслух.

— Они ошиблись, — сказал Хэммонд. — У них не было никакого плана на тот случай, если бомба подведет. Так же, как и то, кто подготовил покушение на Гитлера: когда они увидели, что бомба взорвалась, то решили, что все в порядке...

— Давай-ка убираться из этого холодильника, пока не замерзли насмерть, — прервал его Джо. Он подтолкнул Хэммонда к выходу и пошел за ним следом. Оказавшись снаружи, они вместе завернули штурвал, запирающий двери камеры. — Господи, ну и ощущение! Трудно представить, что эта камера сохраняет человека живым, по крайней мере в определенном смысле.

Они направились было в носовую часть корабля, но их задержала Франческа Спаниш. Ее длинные волосы были подпалены.

— В холодильнике есть система связи? — спросила она. — Мы можем сразу посоветоваться с мистером Ранкитером?

— Нет, — покачал головой Джо. — У нас нет ни наушников, ни микрофона, ни протофазонов — ничего. Даже состояние полужизни еще не наступило. Только тогда, когда мы доставим его на Землю и поместим в мораторий.

— А как можно определить, что его доставили в холодильник вовремя? — спросил Дон Денни.

— Никак, — ответил Джо.

— Вполне возможно, что его мозг уже подвергся необратимым изменениям. — Сэмми Мандо сделал гримасу и захохотал.

— Верно, — согласился Джо. — Вполне может быть, что мы никогда больше не услышим голоса Глена. Не исключено, что нам самим придется руководить «Корпорацией Ранкитера», опираясь на указания Эллы. Возможно, появится необходимость перенести наш директорат в Мораторий Возлюбленных Собратьев в Цюрих и оттуда руководить делами фирмы. — Он уселся на одном из средних кресел, откуда можно было наблюдать за четырьмя инерциалами, переругивающимися насчет лучшего способа управления кораблем. Всем телом он ощущал нудную, тупую боль — последствие перенесенного потрясения. Машинально он достал смятую сигарету и закурил.

Выдохшаяся и высохшая сигарета рассыпалась у него в руках.

«Странно», — подумал он.

— Это от температуры, — сказал Эл Хэммонд, заметив, что произошло, — после взрыва бомбы.

— А мы при этом не постарели? — спросила Венда, вынырнув из-за плеча Хэммонда и сядя рядом с Джо. — Я чувствую себя такой старой... Эта старость во всем: во мне, в твоей сигарете... Никому из нас раньше не случалось пережить столько, сколько выпало за сегодняшний день.

Корабль отчаянным усилием оторвался от поверхности Луны, волоча за собой переходной туннель из искусственного материала.

Освежи ставшую матовой поверхность кухонной посуды и приспособлений новым чудодейственным препаратом «УБИК» — прост в употреблении, придает стойкий блеск пластиковой основе. «УБИК» абсолютно безвреден при использовании согласно инструкции; он избавит тебя от беспрестанного мытья, тебе не придется без конца крутиться на кухне!

VII

— Мне кажется, — заявил Джо Чип, — будет лучше, если мы сядем в Цюрихе. — Он взял в руки микроволновый аудиотелефон, входящий в состав шикарного вспомогательного оборудования, установленного в ракетоплане Ранкитера, и набрал индекс направления на Швейцарию. — Если мы поместим его в тот же мораторий, где находится Элла, то сможем одновременно контактировать с обоими; можно даже будет соединить их электронными связями, чтобы они вместе принимали решения.

— Протофазонными, — поправил его Дон Денни.

— Кто-нибудь знает имя директора Моратория Возлюбленных Собратьев? — спросил Джо.

— Герберти что-то там такое, — сказала Типпи Джексон. — Какая-то немецкая фамилия.

— Герберт Шенгейт фон Фогельсанг, — сообщила Венда Райт после минутного раздумья. — Я запомнила его фамилию, — продолжала она, — так как мистер Ранкитер сказал однажды, что она означает — Герберт, чудо птичьего пения. Я, помню, подумала тогда: хорошо бы и мне так называться.

— Выходи за него замуж, — посоветовал Тито Апостос.

— Я собираюсь выйти за Джо Чипа, — сказала Венда задумчиво голо- сом серьезного ребенка.

— Правда? — Черные глаза Пат Конли неожиданно блеснули. — У те- бя в самом деле такие планы?

— Ты и это можешь изменить с помощью своих способностей? — спросила Венда.

— Я живу с Джо. Мы с ним любовники. У нас договор, на основе кото- рого я покрываю его расходы. Я заплатила сегодня утром двери, чтобы он смог выбраться наружу. Если бы не я, он бы до сих пор сидел у себя в квартире.

— И нам не пришлось бы отправляться на Луну, — заявил Эл Хам- монд, присматриваясь к Пат. На лице его была растерянность.

— Сегодня, быть может, и нет, — сказала Типпи Джексон. — Но вооб- ще все равно бы пришлось. Так что какая разница? Как бы там ни было, считаю, Джо, должно быть, приятно иметь любовницу, которая платит его двери.

Она ткнула Джо локтем в бок. Лицо ее раздумянилось, словно ей до- ставляло удовольствие подобное отстраненное участие в его личной жизни. Джо это удивило. Миссис Джексон производила впечатление человека не от мира сего, но под этой маской, видимо, скрывалось болезненное сексу- альное любопытство.

— Найдите мне универсальную телефонную книгу корабля, — попросил Джо. — Надо сообщить в мораторий о нашем прибытии. — Он посмотрел на часы. — Еще десять минут полета.

— Вот она, мистер Чип, — сказал Джон Илд после недолгих поисков. Он протянул Джо тяжелую прямоугольную шкатулку с наборным устрой- ством и буквенной клавиатурой.

Джо отстучал на ней «Швейц», потом — «Цюр» и, наконец, — «МорВозлСобр».

— Словно по-древнееврейски, — сказала Пат у него из-за спины. — Семантические символы.

Наборное устройство задвигалось, отбирая нужные элементы и опуская посторонние; наконец аппарат выбросил перфокарту, которую Джо опу- стил в специальное отверстие видеофона.

— Возвращаю набранную информацию, — сообщил видеофон металли- ческим голосом, и перфокарта выскочила наружу. — Номер, мне предло- женный, устарел. Если вам нужна помощь, опустите красный бланк в...

— Какого года телефонная книга? — спросил Джо у Джона Илда, который взял ее, чтобы снова положить в стенной шкаф.

— Тысяча девятьсот девяностого — двухлетней давности, — отозвался Илд, посмотрев клеймо на задней стенке шкапулки.

— Это невозможно, — сказала Эди Дорн. — Два года назад этого корабля еще не существовало. Все оборудование здесь новое.

— Может, Ранкитер ввел небольшие изменения? — предположил Тито Апостос.

— С чего бы! — воскликнула Эди. — Когда этот корабль строили, он не жалел ни сил, ни денег, ни новейших приспособлений. Все его сотрудники об этом знают, этот ракетоплан его радость и гордость.

— Был его радостью и гордостью, — поправила ее Франческа Спаниш.

— Я с этим не согласен, — вмешался Джо. Он всунул красную карту в щель на корпусе видеофона и сказал: — Прошу теперешний номер Моратория Возлюбленных Собратьев в Цюрихе, Швейцария. — Потом снова обратился к Франческе Спаниш: — Этот корабль так и останется радостью и гордостью Глена Ранкитера, поскольку Ранкитер все еще существует.

Видефон уже выбросил красную карту с отпечатанными на ней знаками. Джо опустил ее в считывающее устройство. На этот раз компьютеризованный механизм видеофона сработал спокойно: на экране появилось бледное самоуверенное лицо лицемерного и излишне любопытного человека, который руководил Мораторием Возлюбленных Собратьев. Джо с неприязнью узнал его.

— Меня зовут Герберт Шенгейт фон Фогельсанг. Вы хотите обратиться ко мне со своей болью, сэр? Милостиво прошу сообщить мне ваше имя и адрес, на тот случай, если нас разъединят. — Хозяин моратория произвел впечатление совершенно спокойного человека.

— Произошел несчастный случай, — сказал Джо.

— То, что мы считаем случайностью, — возразил фон Фогельсанг, — есть лишь проявление воли Господней. В некотором смысле любую жизнь можно назвать случайностью. Однако...

— Я не собираюсь вдаваться в теологические дискуссии, — заявил Джо. — Во всяком случае, не сейчас.

— Однако именно в такую минуту — более чем когда-либо — религия дает наибольшее утешение. Умерший был вашим родственником?

— Моим начальником, — ответил Джо. — Это — Глен Ранкитер, президент «Корпорации Ранкитера» из Нью-Йорка. Мы совершим посадку через восемь-девять минут. Не могли бы вы выслать один из ваших грузовиков-холодильников?

— А сейчас он пребывает в холодильнике?

— Нет, — ответил Джо. — Он сейчас загорает на пляже во Флориде.

— Я понял, что ваш шуточный ответ означает подтверждение.

— Я прошу, чтобы ваша машина ждала нас в космопорте, — сказал Джо и отключился. «Теперь нам придется работать при посредничестве этого типа», — подумал он.

— Мы доберемся до Рэя Холлиса, — сказал он собравшимся инерциалам.

— Это как? — спросил Сэмми Мандо. — Пригласим его на место мистера Ранкитера?

— Отыщем его и прикончим, — заявил Джо. — За все то, что он сделал.

«Глен Ранкитер... — думал он. — Замороженный в горизонтальном положении, помещенный в прозрачный пластмассовый гроб, разукрашенный пластиковыми цветочками... Приводимый в состояние активной полужизни раз в месяц сроком на час. Истощающийся, слабеющий, слышащий все с большим трудом. Господи, — подумал он с яростью, — почему из всех людей на свете это выпало именно ему? Ведь в нем было столько жизни, столько энергии!»

— В любом случае, — заметила Венда, — он будет рядом с Эллой.

— В определенном смысле, — согласился Джо. — Надеюсь, мы поместим его в холодильник не слишком... — Он замолчал, не желая высказывать вслух свои мысли. — Я не люблю моратории. И их владельцев. Не выношу Герберта Шенгейта фон Фогельсанга. Почему Ранкитер выбрал швейцарский мораторий? Чем его не устраивал тот, что находится в Нью-Йорке?

— Это швейцарское изобретение, — сказала Эди Дорн. — И согласно исследованиям, проведенным нейтральными фирмами, относительная длительность полужизни в нем более чем на два часа превышает результаты, полученные в других нешвейцарских мораториях. Швейцарцы, кажется, знают какие-то особые способы.

— ООН должна запретить содержание людей в состоянии полужизни, — сказал Джо. — Это нарушает естественный цикл рождений и смертей.

— Если бы Господь был приверженцем полужизни, — иронически заметил Эл Хэммонд, — мы бы все рождались в гробу, наполненном сухим льдом.

— Мы уже в сфере действия микроволнового передатчика из Цюриха, — сказал Дон Денни, сидящий за пультом управления. — Он доведет нас до конца пути. — С хмурым видом он отошел от пульта.

— Хватит хныкать, — обратилась к нему Эди Дорн. — Скажу тебе прямо и грубо: ты только подумай, как нам повезло. Мы все могли бы быть уже мертвыми. Если не от взрыва бомбы, то от лазерного оружия — сразу же после этого. Как только мы приземлимся, тебе сразу станет легче: не надо будет ничего опасаться.

— Уже сам факт, что нам предлагалось отправиться на Луну, — задумчиво произнес Джо, — должен был вызвать подозрение. Из-за пробелов в законах, регулирующих вопросы гражданского права на этой планете. Ранкитер всегда повторял: «Относитесь с недоверием к каждому, кто предложит вам работу за пределами Земли». Будь он жив, именно это он бы сейчас и сказал. «Будьте особенно осторожны, если вас приглашают на Луну. Слишком много профилактиков уже обожглось на этом».

«Если в профилактории он всегда повторял это, то и в моратории, если он вернется к жизни, это будут первые его слова, — подумал Джо. — Так и скажет: «Я всегда с подозрением относился ко всему, что связано с Луной». Хотя слишком уж выгодным был контракт, он не мог от него отказаться, потому и пренебрег осторожностью. На эту приманку его и поймали. Как, кстати, он сам всегда и предсказывал».

Загрохотали тормозные двигатели, приведенные в действие микроволновым передатчиком Цюрихского космопорта. Ракетоплан слегка задрожал.

— Джо, — заговорил Тито Апостос, — тебе придется сообщить Элле о том, что случилось с Ранкитером. Ты это понимаешь?

— С тех пор как мы отправились в обратный путь, я только об этом и думаю, — ответил ему Джо.

Корабль ощутимо сбросил скорость и, управляемый различными вспомогательными гомеостатическими устройствами, пошел на посадку.

— Кроме того, — произнес Джо, — я должен проинформировать Объединение о том, что произошло. А уж они сразу закатят жуткий скандал — как мы позволили заманить себя в ловушку, словно стадо баранов.

— Но ведь Объединение хорошо к нам относится, — напомнил Сэмми Мандо.

— После такого поражения к нам вообще никто не станет хорошо относиться, — заметил Эл Хэммонд.

На краю посадочной площадки в Цюрихе их ждал вертолет с питанием от солнечных батарей. На нем виднелась надпись: «Мораторий Возлюбленных Собратьев». Рядом с ним стояла личность, напоминающая жука и одетая на европейский манер: твидовая тога, удобные спортивные мокасины, алый шарф и пурпурная шапочка в форме самолетного винта. Как только Джо спустился по трапу ракетоплана на гладкую поверхность посадочного поля, владелец моратория подбежал к нему мелкими шажками, протягивая обтянутую перчаткой руку.

— По вашему виду я могу сказать, что ваш путь не был отмечен радостными событиями, — произнес фон Фогельсанг, обменявшись с Джо коротким рукопожатием. — Могут мои люди подняться на борт и начать...

— Да, — сказал Джо, — поднимайтесь и заберите его.

Сунув руки в карманы, сгорбившийся и печальный, он потащился в сторону кафе космопорта. «Теперь начинается обычная жизнь, — думал он. — Вернулись на Землю. Холлис нас не прикончил — и то повезло. Операция на Луне ловушка, в которую мы попали, кошмары и ужасы, которые мы пережили, — все позади. Начинается новая фаза, на ход которой мы не можем оказать непосредственного влияния».

— Прошу пять центов, — сообщили двери кафе, не желая открываться. Он подождал, пока из кафе выйдет парочка, ловко проскочил мимо них,

подошел к свободному столику и сел, сгорбившись и опершись обеими руками о его крышку.

— Кофе, — сказал он, просмотрев меню.

— Со сливками или с сахаром? — спросил динамик, соединенный с башенкой, в которой располагался центр управления кафе.

— Со сливками и с сахаром.

Из небольшого окошка выдвинулась чашечка кофе, два маленьких булавочных пакетика с сахаром и сосуд со сливками в форме пробирки. Все это остановилось на поверхности стола прямо перед носом Джо.

— С вас один международный поксред, — сообщил динамик.

— Запишите его на счет Глена Ранкитера, директора «Корпорации Ранкитера» из Нью-Йорка, — попросил Джо.

— Тогда прошу вас опустить соответствующую карточку, — потребовал динамик.

— Мне уже пять лет не позволяют пользоваться Кредитными Карточками, — пожаловался Джо. — Я все еще оплачиваю взятое в кредит в...

— С вас один поксред! — рявкнул динамик. Потом из него раздалось зловещее тиканье. — Иначе через десять секунд я вызову полицию.

Джо бросил монету, тиканье стихло.

— Нам не нужны такие клиенты, как вы, — заявил динамик.

— Когда-нибудь, — сказал Джо с яростью, — такие люди, как я, восстанут и повывирают из вас все провода; это будет конец тирании гомеостатических устройств. Вернутся времена, когда станут цениться человеческие качества — сердечность и сочувствие. И тогда кто-нибудь, такой, как я, переживший трудную минуту и нуждающийся в чашке горячего кофе, чтобы подкрепить свои силы, получит этот кофе независимо от того, есть у него этот самый поксред или нет. — Он поставил крохотный сосудик со сливками обратно на стол. — К тому же ваши сливки, или молоко, или что вы там подсунули, скисли.

Динамик хранил молчание.

— Ну и что теперь делать? — спросил Джо. — Вы много говорили, когда речь шла о деньгах.

Платные двери кафе открылись, и появился Эл Хэммонд, он подошел к Джо и сел рядом.

— Работники моратория уже перенесли Ранкитера в свою машину. Они спрашивают, вы полетите с ними?

— Посмотри-ка на эти сливки, — сказал Джо, поднимая сосудик, — жидкость уже осела, оставив на стенках налет в виде затвердевших крупинок. Вот что ты получаешь за сумму в один поксред в одном из новейших, наиболее технологически развитых городов мира. Я отсюда не уйду, пока это заведение не удовлетворит мое требование, — пусть либо вернет деньги, либо предложит мне другие сливки.

Эл Хэммонд положил руку на плечо Джо и внимательно присмотрелся к нему.

— Что с тобой, Джо?

— Сперва мои сигареты, — начал перечислять Чип. — Потом устаревшая на два года телефонная книга на корабле. Теперь эти скисшие сливки недельной давности. Я не понимаю этого, Эл.

— Ну так выпей кофе без сливок, — посоветовал Эл. — И пошли к геликоптеру, чтобы наконец-то доставить Ранкитера в мораторий. Наши останутся на корабле до твоего возвращения. А потом мы отправимся в ближайшее бюро Объединения и дадим им полный отчет.

Джо поднял чашечку и убедился, что кофе холодный, загустевший и несвежий, поверхность его подернулась слоем перистой плесени. Он с отвращением отодвинул чашку. «Что такое? — подумал он. — Что со мной творится?» Внезапно его захлестнул странный, необъяснимый страх.

— Пойдем же, Джо. — Эл сильно сжал его плечо. — Забудь о кофе, это ерунда. Сейчас важно довести Ранкитера до...

— Знаешь, кто дал мне этот поскред? — спросил Джо. — Пат Конли. И я сразу же сделал с ним то, что всегда делал с деньгами, — потратил на дерьмо. На заваренную в прошлом году чашку кофе. — Под нажимом руки Эла он несколько сдвинулся со своего сиденья. — Может, ты съездил бы со мной в мораторий, а? Мне потребуются помощь и поддержка, особенно во время разговора с Эллой. Что мне делать? Свалить вину на Ранкитера? Сказать, что это он предложил нам отправиться на Луну? Ведь это правда. А может, ей сказать что-нибудь другое — например, что его корабль попал в аварию или что он умер от естественных причин?

— Но ведь через какое-то время Ранкитер будет подключен к ней, — ответил Эл. — И расскажет ей правду. Значит, и ты должен сказать ей правду.

Они вышли из кафе и направились к геликоптеру, являющемуся собственностью Моратория Возлюбленных Собратьев.

— Может, подождать, пока Ранкитер сам ей все расскажет? — сказал Джо, поднимаясь в геликоптер. — А почему бы и нет? Ведь это он решил, что мы должны лететь на Луну, пусть сам и отчитывается. Он с ней умеет разговаривать.

— Вы готовы? — спросил фон Фогельсанг, сидящий за пультом управления. — Мы можем начать свое траурное путешествие к месту вечного упокоения мистера Ранкитера, не так ли?

Джо простонал и уставился в окно, сосредоточив все свое внимание на строениях космопорта.

— Полетели, — ответил за него Эл.

Когда они уже были в воздухе, фон Фогельсанг нажал одну из клавиш на распределительном щитке. Из многочисленных динамиков, размещенных по всей кабине, поплыли звучные аккорды мессы Бетховина. Хор голосов сопровождал исполнение отдельных частей этого произведения.

— Ты знаешь, что Тосканини, дирижируя оркестром, имел привычку подпевать исполнителям? — спросил Джо. — Что в записи «Травиаты» его можно слышать в главной арии?

— Я об этом не знал, — ответил Эл. Он смотрел на проплывающие под ним массивные жилые блоки Цюриха. Джо заметил, что и сам он приглядывается к их величественному движению.

— Либера ми, Домине, — произнес он.

— Что это значит?

— Это значит: смилуйся надо мной, Господи. Ты что, не знал? Это все знают.

— С чего это тебе пришло в голову?

— Из-за музыки. Из-за этой чертовой музыки. Выключите динамики, прошу вас, — обратился он к фон Фогельсангу. — Ранкитер все равно ее не слышит. Слышу ее только я, а с меня уже хватит. С тебя ведь тоже достаточно, правда? — обратился он к Хэммонду.

— Успокойся, Джо, — ответил Эл.

— Мы возьмем нашего мертвого шефа в заведение, называющееся Мораторий Возлюбленных Собратьев, а ты говоришь: «Успокойся», — сказал Джо. — Знаешь, Ранкитер вовсе не должен был ехать с нами на Луну, он мог послать нас, а сам остаться в Нью-Йорке. И теперь человек, который больше всего любил жизнь, который умел пользоваться жизнью как никто другой, стал...

— Ваш темнокожий приятель дал вам хороший совет, — вмешался фон Фогельсанг.

— Какой совет?

— Успокоиться. — Фон Фогельсанг открыл крышечку на пульте управления вертолетом и вручил Джо разноцветную пастилку. — Прошу, угощайтесь, мистер Чип.

— Жевательная резинка с успокаивающим действием, — заметил Джо, задумчиво разворачивая пастилку. — Со вкусом абрикоса. Съесть мне ее? — спросил он у Эла.

— Обязательно, — посоветовал тот.

— Ранкитер в этом случае никогда бы не стал прибегать к успокаивающим средствам. Глен Ранкитер вообще никогда в жизни не употреблял их. Знаешь, что я сейчас понял, Эл? Он отдал свою жизнь, чтобы спасти нас. В прямом смысле, я имею в виду.

— В самом прямом, — согласился Хэммонд. — Прилетели. — Вертолет стал заходить на посадочную площадку, расположенную на крыше здания. — Как ты думаешь, тебе удастся взять себя в руки?

— Удастся, когда я услышу голос Ранкитера, — сказал Джо. — Когда удостоверюсь, что какая-то там форма жизни — хоть полужизнь, — в нем сохранилась.

— Об этом не беспокойтесь, мистер Чип, — добродушно заметил владелец моратория. — Обычно мы получаем вполне удовлетворительный поток протофазонов. По крайней мере, вначале. Только потом, когда срок полужизни подходит к концу, наступает печальная минута. Но при разумном планировании момент этот можно отсрочить на много лет. — Он выключил двигатель вертолета и, коснувшись какой-то кнопки, открыл

двери кабины. — Приветствую вас в Моратории Возлюбленных Собратьев, — провозгласил он, пропуская их вперед. — Моя секретарша, миссис Бисон, проводит вас в гостиную. Подождите там минутку в окружении цветов, которые, воздействуя на ваше подсознание, вернут вам ощущение покоя. Я доставлю вам туда мистера Ранкитера, как только наши техники установят с ним контакт.

— Я бы хотел присутствовать при этой процедуре, — сказал Джо. — Я хочу видеть, как ваши техники станут его оживлять.

— Может быть, вы сможете объяснить все вашему другу, — обратился фон Фогельсанг к Элу.

— Нам придется подождать в гостиной, Джо, — сказал Хэммонд.

— Ты ведешь себя как дядюшка Том, — ответил Джо Чип, бросив на него яростный взгляд.

— Все моратории работают одинаково, — сказал Эл. — Пошли в гостиную.

— Сколько это продлится? — осведомился Джо у владельца моратория.

— Мы будем точно знать ситуацию через пятнадцать минут. Если к этому времени нам не удастся получить зафиксированный сигнал...

— И на все про все вы собираетесь потратить пятнадцать минут? — спросил Джо и повернулся к Элу. — Всего лишь пятнадцать минут, чтобы оживить человека, который стоит больше, чем все мы, вместе взятые. — Ему хотелось плакать. Навзрыд. — Пойдем, Эл, — выдавил он. — Пойдем....

— Это ты иди за мной, — возразил Эл. — В гостиную.

Джо побрел за ним в указанную комнату.

— Сигарету? — спросил Эл, усаживаясь на диван, обтянутый искусственной кожей, и протягивая Джо пачку сигарет.

— Они истлели, — сказал Джо. Ему не нужно было проверять их на вкус, он знал наверняка.

— И в самом деле, — удивился Эл, пряча пачку в карман. — Как ты узнал? — Он не дождался ответа и снова заговорил: — Не знаю никого, кто впадал бы в отчаяние так легко, как ты. Нам повезло — мы остались живы. Ведь все мы сейчас могли бы лежать в холодильнике, а Ранкитер сидел бы в этой разрисованной дурацкими цветами комнате. — Он покосился на часы.

— Все сигареты в мире истлели, — сказал Джо. Посмотрел на часы — прошло уже десять минут — и погрузился в раздумье. Смутные мысли, печальные и бессвязные, плавали в его мозгу, как серебристые рыбки. Потом вместо серебристых рыбок в его мозгу появился страх, только страх. — Если бы Ранкитер был жив и сидел сейчас в этой гостиной, все было бы в порядке. Не знаю почему, но я в этом уверен. — Он попытался представить себе, что в этот момент делают техники моратория с телом Ранкитера.

— Ты помнишь дантистов? — спросил он Эла.

— Не знаю, но примерно знаю, чем они занимались.

— Раньше у людей портились зубы.

— Знаю, — ответил Эл.

— Отец мне рассказывал, как он переживал, сидя в приемной у дантиста. Каждый раз, когда медсестра открывала дверь, он думал: ну, вот, теперь моя очередь. Это у него осталось на всю жизнь.

— И ты чувствуешь сейчас то же? — спросил Эл.

— Сейчас я думаю: «Господи, почему этот глупый болван, здешний директор, не придет наконец и не скажет, что он жив. Что жив. Или — что мертв. Одно из двух. Да или нет».

— Ответ почти всегда положителен. Как говорил Фогельсанг, согласно статистике...

— На этот раз он будет отрицательным.

— Ты не можешь этого знать.

— Я тут прикидываю, — сказал Джо, — есть ли у Рэя Холлиса в Цюрихе свое отделение.

— Конечно. Но прежде чем ясновидящий будет здесь, мы и так все узнаем.

— Нет, все-таки я позвоню ясновидящему, — решил Джо, — и сразу с кем-нибудь из них поговорю. — Он поднялся, припоминая, где тут может быть видеофон. — Дай двадцать пять центов.

Эл отрицательно покачал головой.

— В некотором смысле, — сообщил ему Джо, — ты — мой сотрудник. И должен делать то, что я тебе велел, иначе тебя уволят. Сейчас, после смерти Ранкитера, я принял на себя управление фирмой. Я руковожу ею с момента взрыва бомбы; это я решил, что его необходимо доставить сюда, и я решил нанять на несколько минут ясновидящего. С тебя двадцать пять центов, — закончил он, протягивая руку.

— Подумать только, что «Корпорацией Ранкитера» управляет человек, у которого в кармане никогда не бывает даже пятидесяти центов, — сказал Эл. — На, держи. — Он отыскал в кармане монетку и протянул ее Джо. — Приплюсуй эту сумму к моей ближайшей получке.

Джо вышел из гостиной и потащился по коридору, задумчиво потирая лоб. «Нет, что ни говори, это все-таки странное место, — думал он, — остановка на полпути между жизнью и смертью. Теперь я и в самом деле шеф «Корпорации Ранкитера», если не считать Эллы, которой нет в живых и голос которой можно учитывать, лишь когда я распоряжусь разбудить ее. Я знаю подробности завещания Глена Ранкитера, которое теперь автоматически стало основой наших действий: я должен управлять фирмой до тех пор, пока Элла или они вместе не назовут наследника Глена. Они оба должны выразить согласие — это отмечено в их завещаниях как необходимое условие. И не исключено, — подумал он, — что они придут к выводу, что ему следует остаться в этой должности навсегда. Надеюсь, до этого никогда не дойдет, — оборвал он себя, — человек, не способный привести в порядок собственные финансовые дела, не может занимать такое место. Ясновидящий Холлиса должен знать и это, — пришло ему в голову. —

От него я и узнаю, стану ли я на какое-то время директором фирмы или нет. Хорошо бы знать об этом точно. Тем более что ясновидящий мне все равно требуется».

— Где здесь видеофон общего пользования? — спросил он одного из работников моратория, одетого в мундир. — Благодарю, — сказал Джо, когда тот указал ему нужное направление. Наконец он отыскал аппарат, поднял трубку, услышал сигнал и бросил полученную от Эла монетку.

— Извините, сэр, но я не могу принимать деньги, вышедшие из обращения, — сообщило устройство. Монета выскочила из прорези на корпусе и упала к ногам Джо, словно с отвращением вам швырнули ее.

— В чем дело? — спросил он, неловко нагибаясь, чтобы поднять монету. — С каких это пор двадцатипятицентовики Североамериканской Федерации вышли из обращения?

— Мне очень жаль, сэр, но то, что вы в меня опустили, это не двадцатипятицентовик Североамериканской Федерации, а старая монета Соединенных Штатов Америки, отштампованная в Филадельфии. Сейчас она обладает ценностью лишь для нумизматов.

Джо присмотрелся к монете. На ее потемневшей поверхности виднелся профиль Джорджа Вашингтона. Монете было больше сорока лет. И как проинформировал видеофон, она уже давно вышла из обращения.

— У вас какие-то сложности, сэр? — вежливо спросил работник моратория, подходя к Джо. — Я видел, что автомат выбросил вашу монету. Не мог бы я взглянуть на нее?

Он протянул руку, и Джо вручил ему два двадцатипятицентовика Соединенных Штатов.

— Я вам могу предложить за нее современную монету стоимостью в десять швейцарских франков, которой вы сможете заплатить за разговор.

— Договорились, — сказал Джо. Совершив обмен, он бросил десятифунтовик в щель автомата и набрал номер международной централи фирмы Холлиса.

— Фирма «Тэленти Холлиса», — отозвался приятный женский голос. На экране появилось лицо молодой девушки, несколько подправленное новейшими косметическими средствами. — А, это вы, мистер Чип, — сказала девушка, узнав его. — Мистер Холлис сообщил нам, что вы должны позвонить. Мы ждали вас весь день.

«Ясновидящие», — подумал Джо.

— Мистер Холлис, — продолжала девушка, — поручил нам соединить вас с ним, он хочет лично заняться вашим делом. Не могли бы вы минутку подождать, сейчас я соединю вас, и, если Господь позволит, вы услышите голос самого мистера Холлиса.

Лицо исчезло. Перед ним остался серый, скучный экран. Однако через мгновение на нем появилось солидное бледное лицо с глубоко посаженными глазами — таинственный лик без шеи и всего остального. Глаза напоминали драгоценности со скрытым дефектом: они отражали свет, рассеивая его неровными пучками.

— Привет, Чип.

«Значит, вот как он выглядит», — подумал Джо. Он не был похож на свои изображения. Фотографии не передавали неровностей плоскостей и поверхностей. Как если бы вся конструкция ударились о землю, деформировалась и была воссоздана заново, но так и не приобрела первоначального вида. Вот так он выглядел.

— Объединение получит полный отчет об убийстве, — заявил Джо, — жертвой которого стал Глен Ранкитер. У них полно способных адвокатов, так что остаток жизни вы проведете в заключении. — Он напрасно ждал хоть какой-то реакции со стороны хозяина этого необычного лица. — Мы знаем, это ваши делишки, — добавил он, понимая бессмысленность и бездоказательность своих слов.

— Если вы хотите поговорить со мной о существе дела, с которым решили обратиться, — сказал Холлис голосом, который напомнил Джо шепот трущихся друг о друга змей, — то мистер Ранкитер не будет...

Дрожащей рукой Джо повесил трубку.

Он прошел по тому же самому коридору, по которому только что шел, и вновь оказался в гостиной. Там сидел печальный Эл Хэммонд и крошил на мелкие кусочки нечто, бывшее недавно сигаретой. Какое-то мгновение стояла тишина, потом Эл поднял глаза на Джо.

— Ответ будет отрицательным, — сказал Чип.

— Тут был Фогельсанг и спрашивал о тебе, — сообщил Эл. — Держался он как-то странно, видно было, что-то у них там не то. Ставлю восемь против шести, что он боится сказать правду и начнет ходить вокруг да около, прежде чем сообщит то, что ты уже сказал: нет. И что теперь? — Он ждал ответа.

— Теперь мы прикончим Холлиса.

— Нам его не прикончить.

— Объединение... — начал Джо и замолчал.

В гостиную проскользнул владелец моратория. Было видно, что ему не по себе, однако он изо всех сил пытался произвести впечатление мужественного человека, который встречает свою судьбу спокойно и равнодушно.

— Мы сделали все, что в наших силах. При низких температурах течение токов осуществляется, в принципе, без помех: при минус 1500С не наблюдается никакого сопротивления. Мы должны были получить сильный и чистый сигнал, но усилитель воспроизвел лишь шум с частотой 60 герц. Однако прошу принять во внимание, что мы никак не могли следить за работой холодильной установки, в которой мистер Ранкитер пребывал до этого. Прошу вас не забывать об этом.

— Мы и не забываем, — сказал Эл и тяжело поднялся. — Вроде бы все? — спросил он у Джо.

— Я поговорю с Эллой, — заявил Чип.

— Сейчас? — спросил Эл. — Лучше подожди, прикинь, что ты ей скажешь. Поговори с ней утром. Езжай домой и поспи немного.

— Ехать домой — это значит ехать к Пат Конли, — сообщил Джо. — А в моем состоянии у меня просто нет сил с ней разговаривать.

— Ну такними комнату в отеле, тут, в Цюрихе, — посоветовал Эл. — А я вернусь на корабль, расскажу все нашим и подготовлю сообщение для Объединения. Ты можешь письменно уполномочить меня на это. — Он повернулся в сторону фон Фогельсанга: — У вас не найдется бумаги и ручки?

— Знаешь, с кем бы я охотно поговорил? — спросил Джо, когда хозяин моратория удалился в поисках письменных принадлежностей. — С Вендой Райт. Она наверняка знает, что надо делать. Я всегда считаюсь с ее мнением. Мне даже самому интересно — почему? Ведь я ее почти не знаю. — Он заметил, что гостиную наполнила тихая, нежная мелодия. Та же, что и на борту вертолета. «*Dies irae, dies illa*, — трогательно выводил хор. — *Solvat saeculum in favilla, teste David cum Sibilla*»¹. «Реквием Верди», — понял он. Наверное, фон Фогельсанг, появляясь на работе, собственноручно включал музыку.

— Когда у тебя будет комната в отеле, — заявил Эл, — мне, скорее всего, удастся уговорить Венду Райт, чтобы она навестила тебя.

— Что было бы неприлично, — заявил Джо.

— Что? — Эл воззрился на него с изумлением. — В такую минуту? Да от всей организации не останется и воспоминания, если ты не соберешь их вместе! Все, что поможет тебе действовать, желательно, даже необходимо. Иди к видеофону, договорись с отелем, потом возвращайся, скажешь мне название отеля и...

— Все наши деньги ничего не стоят, — сказал Джо. — Я не могу воспользоваться видеофоном, разве что отыщу нумизмата, чтобы раздобыть еще одну десятифранковую монету, которая находится сейчас в обращении.

— Боже мой! — воскликнул Эл и, громко вздохнув, покачал головой.

— А по-твоему, это я виноват? — сердито спросил Джо. — Я, что ли, сделал так, что твой двадцатипенсовик оказался ненужным старьем?

— Это очень странно, — ответил Эл, — но виноват именно ты. Но не знаю, в чем тут дело. Может, когда-нибудь я с этим разберусь. Хорошо, пошли на корабль. Оттуда вместе с Вендой Райт можете отправиться в отель.

«*Quantus tremor est futurus, — пел хор. — Quando iudex est venturus, cuncta stricte discussurus*»².

— А чем я заплачу за отель? Они не примут наших денег, как не принял их видеофон.

Эл выругался, достал бумажник и просмотрел лежащие в нем банкноты.

¹ «*Dies irae...*» (лат.) — «День проклятия, день мести, когда мир обратится в пепел, свидетельствуют Давид и Сибилла». (Здесь и дальше строки из гимна Томазо из Келано, фрацисканца, 1260 г.)

² «*Quantus tremor...*» (лат.) — «И настанет великий страх, когда явится Господь, дабы судить души людские по грехам их».

— Они старые, но еще имеют хождение. — Потом принялся разглядывать монеты, которые извлек из кармана. — А вот эти уже бесполезны. — Он швырнул монеты на ковер, покрывающий пол гостиной, с той же неприязнью, с какой перед этим их выкинул видеофон. — Забери эти деньги. — Он вручил Джо пачку банкнот. — Хватит заплатить за одну ночь в отеле, а также за завтрак и выпивку. Утром я вызову корабль из Нью-Йорка, он заберет вас отсюда.

— Я верну тебе эту сумму, — пообещал Джо. — Как исполняющий обязанности директора «Корпорации Ранкитера» я буду получать более высокий оклад; расплачусь, наконец, со всеми долгами, с налоговой задолженностью, штрафами и всевозможными пени, которые финансовый отдел...

— Без Пат Конли? Без ее помощи?

— Теперь я смогу от нее отвязаться, — подтвердил Джо.

— Я в этом не уверен, — сказал Эл.

— Теперь я начну новую жизнь.

«Я смогу руководить фирмой, — подумал он. — Я не допущу повторения ошибки Ранкитера; замаскировавшийся под Стэнтона Мика Холлис никогда не убьет ни меня, ни моих инерциалов, он никогда не сумеет выманить нас за пределы Земли и там ликвидировать.

— Мне кажется, — глухо сказал Эл, — в тебе живет жажда поражения. И никакая перемена обстоятельств, даже теперешняя, не изменит этого.

— Однако, по сути дела, я всегда хотел выиграть, — возразил Джо. — И Глен Ранкитер это знал; именно поэтому он четко зафиксировал в своем завещании, что, если умрет и в Моратории Возлюбленных Собратьев или любом другом заслуживающим внимания, выбор которого возложен на меня, его не удастся возвратить к жизни, власть передается мне.

Его вера в себя возросла необычайно; он уже видел перед собой множество разных возможностей, видел так четко, словно приобрел способность к ясновидению. И тут он вспомнил Пат и представил, что она может соговорить с ясновидящим, с любым человеком, который попытался бы предугадать будущее.

*«Tuba mirum spargens sonum, — пел хор. — Per sepulchra regionum, coget omnes ante thronum»*¹.

— Тебе не избавиться от нее, — сказал Эл, читая мысли по его лицу. — С ее-то способностями...

— Я сниму себе комнату в отеле «Роотес» в Цюрихе, — решил Джо. — Как ты мне только что советовал.

«Эл прав, — подумал он. — Ничего из этого не получится. Вмешается Пат — или еще кто похуже — и уничтожит меня. Я обречен на заклятие, в этом мое предназначение — в классическом понимании этого слова».

¹ *«Tuba mirum... (лат.) — «Трубы звучат гласом ужасным, и восстанут из гробов все мертвые разом, чтобы предстать перед троном его».*

В его растревоженном и усталом сознании неожиданно появился образ птицы, запутавшейся в паутине. Этот образ был как то связан с понятием времени, и ощущение этого наполнило его страхом: в таком аспекте образ обретал зловещую конкретность. «Пророчество, — подумал он, хотя сам не смог бы объяснить себе, почему он так решил. — Монеты, вышедшие из обращения и отвергнутые видеофонами... Предметы нумизматики. Вроде тех, что я видел в музеях. Так в чем же дело? Трудно сказать». Он и правда не имел понятия.

«Mors stupebit, — пел хор, — et natura, cum resurget creatura, indicanti respon sure»¹.

Так он и пел, без перерыва, все это время.

У тебя материальные затруднения? Посети девушку из кредитно-сберегательной кассы «УБИК». Она избавит тебя от забот. Скажем, тебе необходима облагаемая процентами ссуда в пятьдесят шесть поскредов. Значит, в сумме...

VIII

В роскошный номер отеля проникали солнечные лучи, вырисовывая смутные очертания предметов внутренней мебелировки. Огромные портьеры из псевдобархата были покрыты сценами, представляющими всю историю развития человечества — от одноклеточных организмов кембрийского периода в начале XX века до первого полета машины тяжелее воздуха. Великолепный комод — имитация красного дерева, четыре разноцветных хромированных кресла с регулируемыми подлокотниками... Заспанный Джо с удивлением присматривался к мебелировке номера и неожиданно почувствовал сильнейшее разочарование: до него дошло, что Венда так к нему и не пришла. А может, она стучалась, но он спал так крепко, что не услышал ее?

Так или иначе, но добыча исчезла прежде, чем он успел ее схватить.

Ощущая усталость во всем теле — последствия вчерашнего дня, — он сполз с огромного ложа, отыскал свою одежду и оделся. Он удивился, почувствовав, что в комнате царит страшный холод, и какое-то время размышлял над этим явлением. Потом поднял трубку видеофона и набрал номер ресторана отеля.

— ...отплатить ему, если только это окажется возможным, — говорил голос в трубке. — Прежде всего необходимо точно установить, принимал ли в этом участие непосредственно Стэнтон Мик или же его причастность к направленной против нас операции была сфальсифицирована, и если так, то почему. Если дело обстоит иначе, то каким образом...

¹ «Mors stupebit...» (лат.) — «Смерть творит чудеса с природой, когда живым восстает прах из гроба, повинувшись ужасному голосу Судии».

Голос тянулся монотонно, словно его обладатель разговаривал сам с собой, не отдавая себе отчета в присутствии слушателя, словно того вообще не существовало.

— ...Из всей доступной нам информации следует, — продолжал голос, — что обычно Мик действует безупречно, в соответствии с принятыми в границах системы этическими и юридическими нормами. В свете этого...

Джо отложил трубку и стоял, ошеломленный, слегка покачиваясь, пытаясь собраться с мыслями. Без сомнения, это был голос Ранкитера. Он еще раз снял трубку и поднес ее к уху.

— ...процесс, связанный с Миком, который привык к спорам такого рода и может их себе позволить. Поэтому необходимо проконсультироваться с нашим юридическим отделом, прежде чем подавать официальный рапорт Объединению. Если он будет оглашен публично, это может рассматриваться как клевета и послужит поводом для процесса, в котором нам придется отвечать за ложное обвинение и покушение на свободу личности, если...

— Ранкитер! — громко произнес Джо.

— ...в состоянии доказать хотя бы это...

Джо положил трубку.

— Ничего не понимаю, — сказал он вслух.

Пошел в ванную, ополоснул лицо холодной водой и причесался гигиенической расческой, которой отель бесплатно снабжал каждого постояльца. После недолгих размышлений он распечатал гигиеническую бритву, бесплатную, одноразового пользования, помазал щеки, шею, подбородок бесплатным гигиеническим кремом для бритья, потом вскрыл бесплатную гигиеническую кружку и напился.

«Может быть, мораторию удалось все-таки привести его в состояние полужизни? — подумал он. — И они подключили его к моему телефону. Ранкитер, придя в сознание, захотел, наверное, в первую очередь поговорить со мной. Но если это так, то почему он меня не слышит? Почему связь только односторонняя? Или это какая-то техническая накладка, которую можно будет устранить?»

Он еще раз подошел к видеофону и снял трубку, намереваясь связаться с Мораторием Возлюбленных Собратьев.

— ... не может быть лучшим кандидатом на пост директора фирмы в связи с его сложными жизненными обстоятельствами, особенно...

«Мне не позвонить, — понял Джо и положил трубку. — Я даже не могу заказать поесть».

В углу просторной комнаты послышался звук сигнала, потом зазвучал бренчащий механический голос:

— Я ваша бесплатная газетная машина, устанавливаемая только в номерах известнейшей сети отелей Роотоса по всей Земле и на колонизированных территориях. Прошу вас нажать одну из клавиш, соответствующих роду сообщений, которые вас интересуют, и через несколько секунд вы получите содержащую самые свежие новости газету, соответствующую

вашим индивидуальным вкусом. Позвольте напомнить вам, что это не потребует никаких расходов с вашей стороны.

— Отлично, — ответил Джо и подошел к машине. «Может, об убийстве Ранкитера уже известно, — подумал он. — Средства массовой информации постоянно следят за списком лиц, помещаемых в мораторий».

Он нажал клавишу с надписью: «Наиважнейшие межпланетные новости». Из машины тут же начал с шумом вылезать бумажный лист; когда он весь оказался снаружи, Джо взял его в руки.

Ни одного упоминания о Ранкитере. Или еще рано? Может быть, Единению удалось сохранить этот факт в тайне? «Или Эл, — подумал Джо, — сунул хозяину моратория соответствующее количество поскредов». Хотя нет, все деньги Эла были сейчас у него. Эл просто не мог дать кому-нибудь взятку.

В дверь постучали.

Джо отложил полученный из газетной машины лист и осторожно подошел к дверям. «Наверное, Пат удалось выследить меня, — подумал он. — С другой стороны, это может быть кто-нибудь из Нью-Йорка, приехали, чтобы забрать меня. Теоретически, — продолжал он свои размышления, — это может быть даже Венда. Хотя едва ли, Венда объявилась бы раньше. А может, это посланный Холлисом убийца? Может, они решили убраться нас всех по очереди?»

Джо распахнул дверь.

На пороге стоял, потирая пухлые ладошки, Герберт Шенгейт фон Фогельсанг.

— Я ничего не пойму, мистер Чип, — забормотал он. — Мы работали с ним посменно всю ночь и не заметили ни одной искорки жизни. И однако электроэнцефалограф зарегистрировал явную, хотя и слабо ощущаемую, работу мозга. Значит, мы имеем дело с какой-то новой формой загробной жизни, но, как нам кажется, мы не в состоянии расшифровать никаких сигналов. Мы уже поместили датчики во все участки мозга. Просто не знаем, что еще можно сделать, сэр.

— Аппараты регистрируют метаболизм мозга?

— Именно. Мы вызвали на помощь эксперта из другого моратория, и он подтвердил наличие метаболизма при помощи собственной аппаратуры. Процесс протекает самым естественным образом, как и должен протекать непосредственно после смерти.

— Как вы узнали, где я нахожусь? — спросил Джо.

— Я позвонил в Нью-Йорк мистеру Хэммонду. Попробовал дозвониться до вас в отель, но ваш телефон был все время занят. Поэтому я решил прибыть сюда лично.

— Видеофон испорчен, — сказал Джо. — Я тоже не могу никуда дозвониться.

— Мистер Хэммонд тоже пытался связаться с вами. Но безрезультатно. Он просил меня передать вам, что до отбытия в Нью-Йорк вы должны завершить дело, о котором с ним договаривались.

— Наверное, он хочет напомнить мне, что я должен поговорить с Эллой, — сказал Джо.

— Совершенно верно, вы должны проинформировать ее о трагической и преждевременной гибели ее мужа.

— Не могли бы вы одолжить мне несколько посредов, чтобы я мог позавтракать? — спросил Джо.

— Мистер Хэммонд предупредил меня, что вы попытаетесь занять у меня денег. Он сообщил мне, что снабдил вас определенной суммой, достаточной для оплаты номера в отеле, пары стаканчиков, а также...

— Эл, занимаясь своими подсчетами, рассчитывал, что я сниму более скромный номер, чем этот. Он не предвидел, что мне не удастся получить апартаменты поменьше. Вы можете приплюсовать эту сумму к счету, который вы представляете «Корпорации Ранкитера» в конце каждого месяца. Эл, без сомнения, сообщил вам, что теперь я выполняю обязанности директора фирмы. Вы видите перед собой конструктивно мыслящего, решительного человека, который упорно поднимался вверх по служебной лестнице, пока не достиг ее вершины. Я могу — и вы это хорошо знаете — изменить политику нашей фирмы в отношении мораториев, услугами которых мы намерены пользоваться. Например, мы могли бы остановить свой выбор на одном из тех, что расположен ближе к Нью-Йорку.

Фон Фогельсанг неохотно полез вглубь своей твидовой тоги, достал бумажник из искусственной крокодиловой кожи и вытряхнул его содержимое.

— Мы живем в безжалостном мире, — сообщил ему Джо, принимая деньги. — Человек человеку волк, таков принцип.

— Мистер Хэммонд просил меня передать вам еще одну информацию. Корабль будет в Цюрихе примерно через два часа.

— Порядок, — сказал Джо.

— Желая предоставить вам больше времени для совещания с миссис Ранкитер, мистер Хэммонд сказал, что корабль заберет вас прямо из моратория. В связи с этим мистер Хэммонд предложил, чтобы я сразу доставил вас туда. Геликоптер ждет на крыше отеля.

— Это Хэммонд так решил? Что я должен вернуться в мораторий вместе с вами?

— Да, — кивнул головой фон Фогельсанг.

— Высокий сутулый негр, примерно тридцати лет. На передних зубах золотые коронки с изображением червей, тремов, бубен...

— Тот самый, кого мы вчера забрали с ракетодома. Который вместе с вами ожидал в моратории.

— И на нем были зеленые войлочные туфли, серые спортивные брюки, рубашка из барсучьей кожи с вырезом на животе?

— Я не видел, как он был одет. Я видел лишь его лицо на экране видеофона.

— Я допускаю, что Эл все это сказал, но он мог использовать какой-нибудь отличительный знак, чтобы вы были уверены, что это именно он.

— Не понимаю, о чем вы говорите, мистер Чип, — с раздражением

сказал хозяин моратория. — Человек, позвонивший мне из Нью-Йорка, тот самый, с кем вы были вчера у нас.

— Я не могу рисковать, отправляясь с вами, — заявил Джо. — Может быть, вас подослал мистер Холлис? Ведь Ранкитера убил Холлис.

Глаза Фогельсанга превратились в стеклянные пуговички; он спросил:

— Вы уведомили руководство Объединения?

— Мы это сделаем в нужное время. А до той поры мы должны соблюдать меры предосторожности, чтобы Холлис не перебил нас всех. Он уже попытался уничтожить нас там, на Луне.

— Вам необходима охрана, — решил владелец моратория. — Позвоните в местную полицию, и они выделят человека, который позаботится бы о вашей безопасности до момента отлета. А как только вы прибудете в Нью-Йорк...

— Мой видеофон, как я уже говорил, неисправлен. Я слышу в нем только голос Глена Ранкитера. Именно поэтому никто не мог до меня дозвониться...

— В самом деле? Это невероятно! — Фон Фогельсанг обошел Джо и направился в глубь помещения. — Мне можно послушать? — Он поднял трубку и вопросительно посмотрел на Джо.

— Один поскред, — сообщил Чип.

Владелец моратория сунул руку в карман своей твидовой тоги и достал оттуда горсть монет. Недовольно покачав головой, на которой высилась шапка в форме самолетного винта, он подошел к Джо и протянул ему три монетки.

— Я беру только на чашечку кофе, — сообщил ему Джо. И неожиданно почувствовал, что давным-давно не ел, а ему еще предстоит встретиться с Эллой. Он решил принять амфетамин — наверное, отель снабжает им своих постояльцев бесплатно — делает щедрый жест.

— Я ничего не слышу, — сообщил фон Фогельсанг, прикладывая трубку к уху. — Нет даже сигнала. Только какие-то помехи, как будто доносятся с очень далекого расстояния. Очень неразборчиво. — Он протянул ему трубку, Джо приложил ее к уху.

Теперь он тоже слышал далекие помехи. «С расстояния в несколько тысяч миль, — решил он. — Что не менее странно, чем слышать голос Ранкитера. Если, конечно, это был его голос».

— Я верну вам ваши деньги, — сказал Джо, откладывая трубку.

— Ерунда, — ответил фон Фогельсанг.

— Но ведь вы не слышали голоса.

— Давайте вернемся в мораторий. Как рекомендовал ваш коллега Хэммонд.

— Эл Хэммонд — сотрудник, который подчиняется мне, — возразил Джо. — Это я принимаю решения о делах фирмы. Я думаю, что мне следует съездить в Нью-Йорк до разговора с Эллой; я полагаю, составление официального рапорта Объединению является более важным делом. Не сказал ли вам Эл Хэммонд, все ли инерциалы покинули Цюрих?

— Все, за исключением девушки, которая провела с вами ночь. — Удивленный хозяин моратория обшарил глазами комнату, прикидывая, где же она может находиться. — Разве ее тут нет?

— Какая девушка? — спросил Джо. Его охватило страшное предчувствие.

— Мистер Хэммонд не сказал мне этого. Он считал, что вы в курсе дела. В данных обстоятельствах упоминание ее имени было бы нетактичным. А разве она...

— Но ко мне никто не приходил... — Кто же это мог быть? Пат Конли? Или Венда? Он принялся ходить по комнате, пытаясь подавить свой страх. «Господи, — подумал он, — надеюсь, это была Пат».

— В шкафу, — сказал фон Фогельсанг.

— Что? — Джо остановился.

— Может, нам следует туда заглянуть? В этих дорогих апартаментах огромные стенные шкафы.

Джо нажал кнопку на дверце шкафа, и пружинный механизм немедленно распахнул ее.

На полу лежало нечто съжившееся, прикрытое остатками того, что было некогда тканью. Казалось, то, что прикрывала эта ткань, пролежало под ней долгие годы — тело высохло до предела, почти мумифицировалось. Джо перевернул его на другую сторону. Весило оно, пожалуй, не больше нескольких футов. От его прикосновения скорченные конечности, маленькие и костлявые, распрямились со звуком, напоминающим шелест бумаги. Черное клубящееся облако невероятно длинных волос прикрывало лицо лежащей на полу. Джо застыл, согнувшись, не имея мужества посмотреть, кто это.

— Старые останки, — сказал фон Фогельсанг сдавленным голосом. — Полностью обезвоженные. Словно пролежали тут столетие. Я спущусь вниз и сообщу об этом директору отеля.

— Это не может быть взрослая женщина, — сказал Джо. — Таким крохотным мог быть только труп ребенка. Это, конечно, не Пат и не Венда, — продолжал он, отбрасывая с лица волосы. — Такое впечатление, словно тело сунули лицом в печь для обжига кирпича.

«Может, это из-за взрыва, — подумал он. — Термическая волна после взрыва бомбы».

Он молча взглянул в маленькое, сморщенное, потемневшее лицо. И уже знал, кто это. Он узнал ее, хотя и с трудом.

Венда Райт.

«Ночью, должно быть, она пришла ко мне в комнату и неожиданно в ней, или вокруг нее, начался какой-то процесс, — подумал он. — Она почувствовала это и тихонько спряталась в шкафу, чтобы я ничего не узнал. Вот так прошли последние часы (или как он надеялся, минуты) ее жизни, но она не подала знака, не стала будить меня. Впрочем, может, она и пыталась это сделать, но ей не удалось, она не смогла обратить на себя мое внимание. Возможно, после неудачной попытки добудиться меня она и

спряталась в шкафу? Господи, — подумал он, — надеюсь, это длилось недолго».

— Вы ничего не можете сделать для нее в моратории? — спросил он фон Фогельсанга.

— Слишком поздно. При столь полном обезвоживании и распаде в ней наверняка не осталось ни искры полужизни. Эта девушка?

— Да, — кивнул Джо.

— Будет лучше, если вы немедленно покинете этот отель. Ради вашей собственной безопасности. Холлис — это ведь он, да? — сделает с вами то же самое.

— Мои сигареты, — произнес Джо, — превратились в труху. Телефонная книга на борту корабля оказалась двухлетней давности. Потом скисшие сливки и остывший, заплесневелый кофе. Устаревшие деньги. Везде один и тот же фактор: время. Она говорила это еще на Луне, когда мы добрались до корабля: «Я чувствую себя такой старой».

Он погрузился в размышления, стараясь справиться со своим страхом, который постепенно перерастал в удивление. «Но этот голос по видеофону, голос Ранкитера, — думал он, — что бы это могло означать?»

Во всех этих фактах он не видел никакой логической связи, ни какого смысла. Голос Ранкитера в видеофоне не увязывался ни с одной теорией, которую он мог бы выстроить или выдумать.

— Излучение, — сообщил фон Фогельсанг. — Наверное, какое-то время назад она оказалась в зоне сильного радиоактивного излучения. Невероятно сильного.

— Я думаю, это последствие того взрыва, который убил Ранкитера, — сказал Джо. «Частицы кобальта, — думал он. — Горячая пыль, которая осела на ней и которой она дышала. Но если так, то всех нас ждет такая же смерть: ведь пыль оседала на всех. И теперь она в лёгких и у меня, и у Эла, и у всех остальных инерциалов. И если это так, сделать уже ничего нельзя. Слишком поздно. Об этом мы не подумали. Нам даже в голову не пришло, что этот взрыв может иметь такой характер, характер цепной реакции. Неудивительно, что Холлис позволил нам улететь. И все-таки...»

Это годилось, чтобы объяснить смерть Венды и высыхание сигарет. Но телефонная книга, монеты, сливки и кофе?..

А голос Ранкитера в трубке видеофона? Длинный монолог, который прекратился, как только трубку поднял фон Фогельсанг. Когда его пытался услышать кто-то, кроме меня, понял вдруг Джо.

«Мне надо возвратиться в Нью-Йорк, — решил он. — Встретиться со всеми, кто был на Луне, кто присутствовал при взрыве бомбы. Мы должны все вместе обсудить и обдумать это. Наверное, это единственная возможность разобраться во всем деле. Прежде чем все мы умрем по очереди — так же, как Венда. Или еще худшим образом — если такое вообще возможно».

— Попросите администрацию отеля прислать мне пластиковый пакет, — обратился он к владельцу моратория. — Я помешу в него останки и возьму их с собой в Нью-Йорк.

— А разве это не дело полиции? Такое ужасное убийство — им следует дать знать.

— Позаботьтесь, пожалуйста, о пакете, — попросил Джо.

— Что ж, ваше дело. Это ваша сотрудница. — Хозяин моратория исчез в коридоре.

— Была ею когда-то, — сказал ему вслед Джо, — но не теперь.

«Почему же она оказалась первой? — подумал он. — Впрочем, может быть, это и к лучшему».

— Венда, — сказал он ей, — мы едем с тобой домой, вместе.

Хотя и не в том качестве, в каком он рассчитывал.

Все инерциалы расселись вокруг массивного стола из настоящего дуба, за которым обычно проходили конференции.

— Джо должен вернуться с минуты на минуту, — прервал общее молчание Эл Хэммонд. Он посмотрел на часы, чтобы удостовериться в этом. Ему показалось, что стрелки часов остановились.

— Я предлагаю посмотреть пока двенадцатичасовую хронику по телевидению, — сказала Пат. — Узнаем, не сообщил ли Холлис кому-нибудь о смерти Ранкитера.

— В домашней газете об этом ничего не было, — сообщил Эди Дорн.

— Теледневник дает гораздо более свежие новости, — не согласилась Пат. Она вручила Элу монету в пятьдесят центов, чтобы включить телевизор, стоящий за портьерой в конце конференц-зала. Этот цветной полифонический великолепный приемник марки «З-Д» всегда был предметом особых забот Ранкитера.

— Хотите, я прямо отсюда попаду в аппарат? — предложил Сэмми Мандо.

— Давай, — сказал Эл. Он недовольно кинул монету Сэмми, который, поймав ее на лету, бросил в сторону телевизора.

Уолтер У.Уойлес, адвокат и юридический советник Ранкитера, нетерпеливо шевельнулся в своем кресле. Его аристократические руки с тонкими прожилками играли застежкой папки.

— Вам не следовало оставлять мистера Чипа в Цюрихе, — сказал он. — Мы ничего не можем предпринять до его возвращения, а между тем урегулирование всех проблем, связанных со смертью мистера Ранкитера, является вопросом первостепенной важности.

— Вы читали завещание, — сказал Эл. — Джо Чип его тоже читал. Мы знаем, кто, согласно воле Ранкитера, должен принять на себя руководство фирмой.

— Но с юридической точки зрения... — начал было Уойлес.

— Осталось ждать недолго, — резко прервал его Эл. Он взял ручку и

принялся рисовать бессмысленные черточки на полях листа бумаги, на котором он сделал свои наброски. Какое-то время он был погружен в изображение этого орнамента, потом еще раз перечитал написанное:

**ВЫСОХШИЕ СИГАРЕТЫ
УСТАРЕВШАЯ ТЕЛЕФОННАЯ КНИГА
МОНЕТЫ, ВЫШЕДШИЕ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ
ИСПОРЧЕННЫЕ ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ
ОБЪЯВЛЕНИЕ НА СПИЧЕЧНОЙ КОРОБКЕ**

— Я еще раз пушу этот листок по кругу, — сказал он громко. — Посмотрим, может, на этот раз кто-нибудь сможет найти связь между этими пятью явлениями — или называйте их как хотите. Этими пятью фактами, которые... — Он неопределенно махнул рукой.

— Которые кажутся бессмысленными, — закончил Джон Илд.

— Легко обнаружить связь между первыми четырьмя, — заявила Пат. — А спички — дело другое. Они со всем остальным не увязываются.

— Покажи-ка мне еще раз этот коробок, — попросил Эл, протянув руку. Пат подала его. Эл снова прочел объявление:

«Блестящая возможность заработать для всех, кто выполнит необходимые условия!»

Мистер Глен Ранкитер, пребывающий в Моратории Возлюбленных Собратьев, Цюрих, Швейцария, удвоил свой доход за неделю с момента получения наших бесплатных образцов ботинок, вместе с подробной инструкцией, которая позволит каждому из вас продавать наши оригинальные мокасины из искусственной кожи друзьям, родственникам и коллегам. Мистер Ранкитер, хотя и находится в неподвижном и замороженном состоянии в холодильнике, заработал...»

Эл прервал чтение и задумался, постукивая по зубам ногтем большого пальца. «Да, — подумал он, — это объявление из другой области. Остальные происшествия основываются на старении и порче. А здесь что-то другое».

— Я прикидываю, — громко заявил он, — что, если мы откликнемся на это объявление? Здесь указан номер почтового ящика в Дес Мойнесе, штат Айова.

— Получим бесплатный набор образцов ботинок, — ответила Пат Конли, — вместе с подробной инструкцией, благодаря которой каждый из нас сможет...

— Возможно, — прервал ее Эл, — что таким образом мы вступим в контакт с Гленом Ранкитером. — Все собравшиеся за столом, включая Уолтера У.Уойлеса, внимательно посмотрели на него. — Я говорю серьезно, — сказал он. — Держи. Отошли им срочной почтой. — Он вручил коробочку Типпи Джексон.

— Что я должна написать? — спросила Типпи.

— Просто заполнить купон. — Эл повернулся к Эди Дорн. — Ты абсолютно уверена, что у тебя эта штуковина с прошлой недели? Может, она попала к тебе только сегодня?

— Я же тебе говорила, в среду я сунула в сумочку несколько коробков, — ответила Эди Дорн. — Сегодня по дороге в контору я закурила и заметила это объявление. Коробок наверняка был в моей сумочке уже тогда, когда мы отправлялись на Луну. То есть несколько дней назад.

— Именно с этим объявлением? — поинтересовался Джон Илд.

— Раньше я этого объявления не видела, обратила на него внимание только сегодня. Откуда я знаю, что там было раньше? Кто может это сказать?

— Никто, — согласился Дон Денни. — Как ты думаешь, Эл, может, это шутка Ранкитера? Может, он приказал отпечатать это еще перед смертью? Или это Холлис? Вариант гротескной шуточки: ведь он собирался убить Ранкитера и заранее предвидел, что, когда мы обратим внимание на это объявление, Ранкитер уже будет в холодильнике в Цюрихе, согласно его завещанию?

— Откуда бы Холлису знать, что мы отвезем Ранкитера в Цюрих, а не в Нью-Йорк? — спросил Тито Апостос.

— Потому что там Эллы, — ответил Дон.

Сэмми Мандо в молчании стоял у телевизора и разглядывал монету, которую получил от Эла. На его бледном лице не слишком умного человека было написано напряженное размышление.

— Что случилось, Сэм? — поинтересовался Эл. Он почувствовал внутреннюю напряженность: совершенно очевидно назревал новый инцидент.

— Разве на пятидесятицентовике не должна быть голова Уолта Диснея? — спросил Сэмми.

— Диснея или, если монета старая, Фиделя Кастро. Покажи-ка.

— Еще одна монета, вышедшая из обращения, — сказала Пат, пока Сэмми с монетой шел к Элу.

— Нет, — возразил Эл, присматриваясь к пятицентовику. — Она отчеканена в прошлом году, дата в порядке. Ходовая монета. Ее примет любой автомат на свете. Этот телевизор — тоже.

— Так в чем же дело? — неуверенно спросила Эди Дорн.

— На монете отчеканен другой портрет Диснея, не тот, что обычно, — ответил Сэм. Он встал, подошел к Эди и положил деньги на ее вспотевшую ладонь. — Кого он тебе напоминает?

— Я... я не знаю, — сказал Эди после некоторого молчания.

— Конечно же знаешь, — возразил Эл.

— Ладно, — резко сказала Эди и, против своей воли, сунула ему монету обратно, как будто стремясь от нее быстрее избавиться.

— Это Ранкитер, — объявил Эл, обращаясь ко всем собравшимся.

— Добавь это к своему списку, — сказала после минутного молчания Типпи Джексон. Голос ее был почти не слышен.

— Мне кажется, здесь протекают два процесса, — сказала Пат, когда Эл возвратился на свое место и принялся дополнять список. — Один из них основан на разложении — это очевидно. Мы все с этим согласились.

— А второй? — спросил ее Эл, поднимая голову.

— Я не совсем уверена, — Пат заколебалась, — но он имеет какую-то связь с Ранкитером. Я думаю, нам следует проверить все наши старые монеты. Вообще все, которые у нас есть. А также банкноты. А через минуту я продолжу.

Собравшиеся вокруг стола вытащили свои кошельки и бумажники. Обшарили карманы.

— У меня банкнот в пять пскредов, — сообщил Джон Илд, — с превосходным портретом мистера Ранкитера. Остальные... — Он быстро просмотрел их. — Остальные нормальные. Не хотите взглянуть, мистер Хэммонд?

— У меня два таких же. Пока что, — добавил Эл. — У кого еще? — Поднялось шесть рук. — Итак, у восьми из нас деньги, которые отчасти можно назвать деньгами мистера Ранкитера. Наверное, к концу дня все наши наличные превратятся в деньги Ранкитера. Или, например, через два дня. В любом случае, мы будем ими пользоваться — приводить в действие с их помощью автоматы и оплачивать свои потребности.

— Я не уверен, — заявил Дон Денни. — С чего ты взял? Эти, как ты их называешь, деньги Ранкитера... — Он помахал зажатой в руке банкнотом. — Почему банки должны их принимать? Они же не были выпущены официально. Это искусственные, ненастоящие деньги.

— Хорошо, — согласился Эл. — Может, они и фальшивые, может, банки и откажутся их принимать. Но дело не в этом.

— Дело в том, — подтвердила Пат Конли, — на чем основан этот второй процесс, это появление Ранкитера?

— Вот именно, — кивнул головой Дон. — Появление Ранкитера — это второй процесс, по значимости равноценный процессу разложения. Одни монеты стареют, на других появляются портреты или профиль Ранкитера. Знаете, что я думаю? Мне кажется, эти процессы развиваются в противоположных направлениях. В основе одного — исчезновение из мира существующих предметов. Это процесс номер один. Другой — появление в мире существующих вещей чего-то такого, что никогда раньше не существовало.

— Исполнение желаний, — тихо сказала Эди Дорн.

— Слушаю, — повернулся к ней Эл.

— Может быть, это желание Ранкитера, — пояснила Эди. — Чтобы его портрет был помещен на государственных денежных знаках, на всех банкнотах и монетах. Это было бы внушительно.

— И на спичечных коробках? — спросил Тито Апостос.

— Наверное, нет, — призналась Эди. — Это не слишком впечатляет.

— Фирма и до этого упоминалась на спичечных этикетках, — сказала Дон Денни. — Кроме того, по телевидению, в доставляемых на дом газетах и в иллюстрированных журналах. Мы также рассылаем нашу рекламу по почте. Всем этим занимается отдел контактов с клиентами. Ранкитер в принципе не интересовался этим разделом деятельности фирмы, и уж наверняка его никак не занимали спичечные коробки. Будь это какая-то форма реализации его скрытых стремлений, следовало бы ожидать, что его лицо появится на экранах телевизоров, а не на деньгах и спичках.

— Может, он появился на экранах телевизоров, — заметил Эл.

— Возможно, — согласилась Пат Конли. — Этого мы не проверили. Ни у кого из нас не было времени смотреть телевизор.

— Я не уверена, что у меня есть желание его смотреть, — сказала Эди, когда Сэм уже опустил монету в отверстие и манипулировал с ручками.

Дверь конференц-зала распахнулась, и в ней возник Джо Чип.

— Выключи телевизор, — сказал Эл, увидев выражение лица Джо, остальные молча смотрели на них. — Джо, что случилось? — спросил он. Джо молчал. — В чем дело? — повторил Эл.

— Я нанял корабль, который привез меня сюда, — сказал Джо охрипшим голосом.

— Вместе с Вендой?

— Выпишите чек, чтобы я мог расплатиться за корабль, — попросил Джо. — Он стоит на крыше. У меня не было столько денег.

— Вы можете пользоваться финансами фирмы? — спросил Эл у Уолтера У.Уойлеса.

— Для таких целей — могу. Сейчас я улажу это дело. — Уолтер У.Уойлес вышел из комнаты, прихватив с собой свою папку.

Джо все еще стоял в дверях, храня молчание. С того времени, когда Эл видел его в последний раз, он постарел лет на сто.

— В моем кабинете... — Джо отвернулся от стола и заморгал глазами, явно колеблясь, продолжать ли. — Я ... я думаю, вам не следует смотреть на это. Когда я ее нашел, со мной был человек из моратория. Он сказал, что не в состоянии ничего сделать, так как прошло много времени. Годы.

— Годы? — переспросил Эл, ощущая холодное прикосновение страха.

— Пойдем в кабинет, — предложил Джо. Вместе с Элом они вышли из конференц-зала и направились к лифту. — Возвращаясь сюда, я принял успокаивающее, его стоимость входит в стоимость билета. И теперь я чувствую себя вроде бы гораздо лучше. Ничего не чувствую, если говорить честно. Наверное, это действие лекарства. Через какое-то время я, вероятнее всего, снова буду чувствовать так же, как и раньше.

Подождал лифт. В молчании они спустились на третий этаж, где находился кабинет Джо.

— Не советую смотреть на это, — сказал Джо и первым вошел внутрь. — Впрочем, как хочешь. Если уж я после этого пришел в себя, то,

наверное, и с тобой ничего не станется. — Он включил лампу под потолком.

— Боже милостивый! — выдавил Эл немного погода.

— Не открывай пакет, — посоветовал Джо.

— Не собираюсь. Сегодня утром или вчера вечером?

— Скорее всего, началось это раньше, еще до того, как она вошла в мой номер. Мы, то есть владелец моратория и я, нашли обрывки материи в коридоре у моих дверей. Но когда она шла через холл, все еще, видимо, было в порядке; в любом случае — почти все. Так или иначе, но никто ничего не заметил. В каждом таком отеле всегда есть человек, обязанный следить за входящими. Сам факт, что ей удалось добраться до моего номера...

— ... указывает на то, что она была в состоянии ходить. Так, по крайней мере, мне кажется.

— Я думаю о нас, об оставшихся, — сказал Джо.

— В каком смысле?

— Не ждет ли и нас то же самое?

— С чего бы это?

— А почему это случилось с ней? Из-за взрыва. Мы все будем умирать по очереди такой же смертью. Один за другим. Никто не спасется. От каждого из нас сохранится всего лишь десять фунтов кожи и волос в пластиковом мешке. И несколько высушенных костей вдобавок.

— Ладно, — сказал Эл. — Тут действовала какая-то сила, вызывающая стремительное разложение. Она начала функционировать с момента этого взрыва на Луне. Или же была этим взрывом вызвана. Это мы уже знаем. Кроме того, мы знаем — по крайней мере, так нам кажется, — что существует некая противосила, действующая в обратном направлении. Она имеет какую-то связь с Ранкитером. На наших деньгах стали появляться его портреты. На спичечном коробке...

— Ранкитер появился в моем видеофоне.

— Видеофоне? Как это?

— Понятия не имею; он просто там был. Не на экране — я не видел его изображения, — я только слышал его голос.

— Что он говорил?

— Ничего конкретного.

Эл внимательно посмотрел на него.

— Он тебя слышал? — спросил он наконец.

— Нет. Я пробовал сказать ему что-нибудь, но связь работала в одну сторону. Я мог только слушать — и все.

— Значит, поэтому мне и не удалось до тебя дозвониться.

— Верно, — кивнул Джо.

— Как раз, когда ты появился, мы хотели включить телевизор. Ты знаешь, что в газетах о его смерти ничего не было? Ну и афера! — Ему не понравилось, как выглядит Джо. Ему даже показалось, что он постарел, стал меньше ростом и выглядит изможденнее, чем раньше. Может быть,

так это и начинается? «Мы должны установить контакт с Ранкитером, — подумал Эл, — мало услышать его голос; скорее всего, он тоже пытается установить с нами связь, но...» — Если нам суждено это пережить, необходимо до него добраться.

— Скорее всего, будет то же, что и с видеофоном, — сказал Джо. — Разве что он сам сообщит нам, как с ним связаться. Возможно, он уже разобрался во всем происходящем и знает, как поступить.

— Прежде всего нам надо понять, что случилось с ним самим. А мы этого не знаем. — «В определенном смысле он до сих пор, очевидно, жив, — думал Эл, — но в моратории не удалось привести его в состояние полужизни, хотя для такого важного клиента хозяин моратория, конечно, сделал все, что в его силах». — Фон Фогельсанг слышал его голос в видеофоне? — спросил он.

— Пытался услышать. Но в трубке была тишина, а потом какие-то помехи, доносившиеся из какого-то невероятного далека. Я тоже их слышал. Пустота. Звук, олицетворяющий пустоту. Очень странный звук.

— Мне это не нравится, — заявил Эл. Хотя не мог объяснить почему. — Я бы предпочел, чтобы и фон Фогельсанг его слышал. По крайней мере, мы были бы уверены, что это в самом деле его голос. Может быть, тебе привиделось все это? — «А не то ли происходит со всеми нами, — подумал он, — например, с этим спичечным коробком».

Но некоторые факты, совершенно очевидно, иллюзиями не были: автоматы, сконструированные так, чтобы реагировать только на физические факторы, вышвыривали вышедшие из обращения монеты. Никакие психологические факторы на них влиять не могли. У автоматов нет выбора.

— Давай выберемся на время из этого здания, — предложил Эл. — Назови наугад первый попавшийся город, с которым у нас обоих нет ничего общего, в котором никто из нас никогда не бывал.

— Балтимор, — сказал Джо.

— Отлично. Еду в Балтимор. Хочу удостовериться, примут ли у меня в случайно выбранном магазине деньги с Ранкитером.

— Купи мне немного свежих сигарет, — попросил Джо.

— Договорились. Посмотрим, не окажутся ли трухой сигареты, купленные в первом попавшемся магазине. Проверю также и другие продукты, так сказать, возьму пробы. Хочешь, поедem со мной, или ты предпочитаешь подняться наверх и рассказать им о Венде?

— Еду с тобой, — заявил Джо.

— Может, нам вообще не следует им о ней говорить?

— Мне кажется, мы должны сказать, — ответил Джо. — Это может случиться еще раз. Может быть, даже до нашего возвращения. Может быть, как раз в эту минуту это уже и происходит.

— В таком случае немедленно отправляемся в Балтимор, — сказал Эл и пошел к двери. Джо направился за ним.

У тебя сухие волосы, которые трудно расчесывать. Что же делать? Просто втирать особый эликсир для волос марки «УБИК». Уже через пять дней убедишься, что твои волосы приобрели упругость и блеск. Эмульсия для волос марки «УБИК» при использовании согласно инструкции абсолютно безвредна.

IX

Они выбрали «Супермаркет Счастливец», расположенный на окраине Балтимора.

— Прошу пачку «Пэлл Мэлла», — стоя у прилавка, сказал Эл компьютерному автомату.

— Мне больше нравится «Вингс», — возразил Джо.

— «Вингс» снят с производства, — раздраженно заметил Эл. — Много лет назад.

— А вот и нет, — сообщил Джо, — просто их не рекламируют. Великолепные сигареты, радость настоящих курильщиков. Прошу «Вингс» вместо «Пэлл Мэлла», — обратился он к автоматическому продавцу.

Пачка сигарет скользнула по лотку на прилавок.

— Девяносто пять центов, — сообщил электронный субъект.

— Вот банкнот стоимостью в десять пискредов. — Эл вложил деньги в аппарат, анализаторы которого, негромко урча, подвергли его обследованию.

— Ваша сдача, сэр, — сказал автомат, выкладывая перед Элом аккуратенькую стопочку монет и банкнотов. — Продвигайтесь вперед, пожалуйста.

— Значит, деньги Ранкитера все-таки имеют ценность, — произнес Эл, освобождая место следующему покупателю — полной пожилой даме в плаще черничного цвета, сжимающей в руке плетеную из веревки мексиканскую хозяйственную сумку.

Он осторожно распечатал пачку. Сигареты рассыпались у него в пальцах.

— Будь это пачка «Пэлл Мэлла», — сказал Эл, — тогда бы это что-то доказывало. Я снова становлюсь в очередь. — Он подошел к аппарату и услышал, что полная пожилая дама в темном плаще яростно переругивается с автоматом.

— Она уже была мертвой, когда я принесла ее домой. Можете ее забрать. — Она поставила на прилавок горшочек, в котором Эл заметил какое-то завядшее растение. Наверное, при жизни это была азалия — в таком состоянии ее трудно было узнать.

— Я не могу вернуть вам ваши деньги, — возразил продавец-кибер. — Продаваемые нами растения не снабжены гарантией. Наш принцип гласит: «Покупатель, смотри в оба!» Следующий, прошу вас.

— А номер «Сэтедей Ивенинг Пост», — не успокаивалась дама, —

который я взяла на вашем столике? Прошлогодняя газета. Что тут у вас творится? А обед из марсианских личинок...

— Следующий покупатель, прошу вас, — сказала устройство, не обращая внимания.

Эл прошел мимо контрольного устройства. Осматриваясь, он ходил по магазину, пока не обнаружил груды сигарет всевозможных марок.

— Возьми что-нибудь в картонной упаковке, — посоветовал он Джо.

— «Домина», — предложил Джо. — Стоят столько же, сколько и «Вингс».

— Господи, да не бери ты какие-то незнакомые марки! Возьми «Уинстон», «Кул» или что-нибудь такое. Вот. — Эл вытащил пачку из одного блока и помахал ею. — Пустая. По весу чувствую. — И все-таки что-то легонькое трепетало внутри коробочки. Он содрал упаковку и заглянул внутрь.

Это был небольшой листок бумаги, весь исписанный от руки. Оба они хорошо знали этот почерк. Эл вытащил листок из пачки, и они принялись читать:

«Мне необходимо вступить с вами в контакт, ситуация очень серьезная и с течением времени, несомненно, будет все более осложняться. Существует множество объяснений ее, и я собираюсь обсудить их с вами. В любом случае не поддавайтесь панике. Мне очень жаль Венду Райт, но в этом деле мы испробовали все, что было в нашем распоряжении».

— Значит, он знает о Венде, — констатировал Эл. — Что ж, может быть, это означает, что никому из нас ничего такого не грозит.

— Наобум взятая пачка сигарет, — сказал Джо, — в случайном магазине, по приезде в выбранный наугад город. И тут мы получаем предназначенную для нас записку от Глена Ранкитера. А что в других пачках? Такие же записочки? — Он вытащил из кипы коробок блок «ЛМ», потряс им, потом сорвал упаковку. Десять пачек сигарет, под ними еще десять пачек — все нормально.

«Нормально ли?» — подумал Эл. Он взял одну из пачек.

— Разве ты не видишь? Здесь все в порядке, — сказал Джо. Он извлек из груды еще один блок. — Этот тоже полон. — Не распечатывая его, он потянулся за следующим. Потом еще за одним... Во всех лежали пачки сигарет. И все они рассыпались в прах в руках Эла.

— Я прикидываю, откуда он мог знать, что мы придем именно сюда, — сказал Эл. — И как он догадался, что мы станем проверять именно этот блок.

Казалось, в этом не было никакого смысла. Но и тут, однако, действовали две противоположные силы. И во всем мире то же самое, может, даже во всей вселенной. «Не исключено, что солнце погаснет, — продолжал размышлять Эл, — и Глен Ранкитер поместит на его место какое-нибудь следующее светило. Если окажется в состоянии это сделать.

Вот именно, — подумал он. — В этом весь вопрос: на что способен Ранкитер? Иначе говоря, как далеко может зайти процесс разложения».

— Попробуем что-нибудь другое, — сказал Эл.

Мимо банок, пачек и коробок он прошел в отдел технических товаров. Там он наугад выбрал дорогой немецкий магнитофон.

— Выглядит солидно, — сказал он Джо, который шел за ним. Эл подумал и взял в руки другой магнитофон — в упаковке. — Купим этот и заберем его с собой в Нью-Йорк.

— Ты не хочешь его распаковать и проверить, прежде чем покупать? — спросил Джо.

— Я уже наверняка знаю, что покажет проверка, — ответил Эл. — Мы не в состоянии устроить полную проверку тут, на месте.

С магнитофоном в руках он направился в сторону кассы.

Вернувшись в Нью-Йорк, они передали магнитофон в мастерские фирмы.

Четверть часа спустя начальник мастерской, успевший за это время разобрать весь механизм, сообщил им итог:

— Все подвижные части лентопротяжного механизма изношены. Резиновый валик местами стерт; внутри корпуса полно кусочков изоляции. Тормозные прокладки, необходимые при быстрой перемотке ленты, практически полностью стерты. Весь магнитофон нуждается в чистке и смазке; по сути дела, требовалось бы провести капитальный ремонт и поставить новые пассики.

— Из этого следует, что магнитофону уже много лет? — спросил Эл.

— Возможно. Давно он у вас?

— Купил его только сегодня, — ответил Эл.

— Это исключено, — заявил начальник мастерских. — А если в самом деле так, значит, вам продали...

— Я знаю, что мне продали, — ответил Эл. — Я это знал, покупая его и даже еще не сняв упаковки. — Он повернулся к Джо. — Новый, только что с завода магнитофон — и полностью изношен. Куплен на настоящие деньги, которые магазин согласился принять. За деньги, не имеющие ценности, куплена вещь, тоже ценности не имеющая; в этом есть своя логика.

— Сегодня вообще какой-то плохой день, — заметил начальник мастерских. — Когда я утром проснулся, то обнаружил, что мой попугай умер.

— И от чего? — спросил Джо.

— Не знаю. Просто умер. Лежал жесткий, как кусок дерева. — Начальник мастерских вытянул в сторону Эла костлявый палец. — Я вам скажу еще кое-что, чего вы не знаете о своем магнитофоне. Он не только подержанный, он устарел лет на сорок. Теперь не применяются ни резиновые пружинные ролики, ни пассики. Эта дьявольская машина уже антик, так что выкиньте ее и забудьте о ней. Вам нигде не раздобыть запчастей, разве что кто-нибудь сделает их для вас вручную. А это дорого.

— Вы правы, — сказал Эл. — Этого я не знал. — Вслед за Джо он

вышел из мастерских в коридор. — Теперь мы имеем дело с чем-то большим, чем процесс распада, это уже новая проблема. Возникают сложности с питанием — где нам раздобыть хоть что-нибудь, подходящее для еды. Какие пищевые продукты, продающиеся в супермаркетах, будут свежими через столько лет?

— Консервы, — ответил Джо. — Я видел множество консервов в том магазине в Балтиморе.

— И теперь мы уже знаем, почему. Сорок лет назад в супермаркетах продавалось гораздо больше консервов, чем замороженных продуктов. Ты прав, это может оказаться нашим единственным источником питания. — Хэммонд задумался. — Но поскольку за один день этот процесс сдвинулся с двух лет до сорока, к завтрашнему утру, может, пройдет уже сто лет. А ни один пищевой продукт не годится к употреблению через сто лет — безразлично, в банке он или без.

— Китайские яйца, — сообщил Джо. — Яйца тысячелетней давности, которые там закапывают в землю.

— И все это не коснулось лишь нас самих, — продолжал Эл. — Помнишь женщину в Балтиморе? Эта сила повлияла даже на ее покупки — ее азалии погибли. — «Неужели всему миру придется страдать из-за взрыва бомбы на Луне? — подумал он. — Почему это сказывается на всех, а не только на нас?»

— Ты идешь... — начал Джо.

— Помолчи секундочку, дай подумать. Может быть, Балтимор существует лишь тогда, когда там находится один из нас? А этот «Супермаркет Счастливых» — может, он исчез с лица Земли, как только мы из него вышли? Однако не исключено, что такое ждет только нас, тех, кто побывал на Луне.

— Это философская проблема, лишенная значения и смысла, — заявил Джо. — Вдобавок не существует возможности установить, так это или нет.

— Хотя это имело бы некоторое значение для той старой дамы в плаще цвета черники, — ехидно сказал Эл. — И для всех остальных тоже.

— Сюда идет начальник мастерских, — обратил его внимание Джо.

— Я пролистал инструкцию по использованию, которая находилась в коробке с вашим магнитофоном, — сказал механик. Со странным выражением лица он вручил Элу небольшую книжечку и тут же вырвал ее обратно. — Я избавляю вас от просмотра всей инструкции. Вот, посмотрите сюда, на последнюю страницу, здесь указывается, кто изготовил это свинство и куда его следует отослать для ремонта.

— «Изготовлено фирмой Ранкитера в Цюрихе»... — прочитал вслух Эл. — Здесь также адрес гарантийной мастерской на территории Североамериканской Федерации. В Дес Мойнес. Адрес тот же, что и на спичечной коробке. — Он протянул инструкцию Джо и предложил: — Поедем в Дес Мойнес. Эта книжечка — первое доказательство связи между обоими местами. — «Интересно, почему именно Дес Мойнес? — задумался Эл. —

Припомни-ка, — обратился он к Джо, — что связывает Ранкитера с Дес Мойнес?

— Ранкитер там родился, — сказал Джо, — и провел первые пятнадцать лет своей жизни. Время от времени он вспоминал об этом.

— Значит, теперь, после смерти, он вернулся туда. Тем или иным способом. — «Теперь Ранкитер одновременно находится в Дес Мойнес и в Цюрихе, — думал он. — В Цюрихе, в Моратории Возлюбленных Собратьев, в его мозгу были обнаружены явления метаболизма и, несмотря на это, с ним не удается установить контакт. В Дес Мойнес в физическом смысле его нет, и тем не менее там можно с наибольшей вероятностью наладить с ним контакт. По сути дела, при помощи инструкции по использованию магнитофона контакт уже налажен, по крайней мере с одной стороны — от него к нам. Тем временем, — продолжал он свои размышления, — наш мир замирает, откатывается в собственное прошлое, демонстрируя реалии прошедших этапов своего развития. Быть может, проснувшись в конце недели, мы увидим, как по Пятой авеню проезжают, перезваниваясь, трамваи. «Троллей Доджерс», — подумал он, пытаясь понять, что означают эти слова. Забытое название из прошлого появилось в его мозгу — туманное воспоминание, вытесняющее реальную действительность. Под воздействием этого неясного ощущения он почувствовал себя не в своей тарелке, такого с ним еще не случалось — прошлое неожиданно сделалось слишком материальным.

— «Троллей Доджерс», — произнес он вслух. — Название по меньшей мере столетней давности подсознательно отпечаталось в его сознании — он не мог забыть его.

— Откуда вы знаете это название? — удивился начальник мастерских. — Его уже никто не помнит. Так называлась некогда бруклинская команда. — Он подозрительно посмотрел на Эла.

— Пойдем-ка лучше наверх, — сказал Джо. — Надо убедиться, что ни с кем ничего не случилось. А потом отправимся в Дес Мойнес.

— Если мы не отправимся туда сейчас же, — сказал Эл, — может случиться, что путешествие займет у нас день или два.

«Средства сообщения будут становиться все более примитивными, — подумал он. — Ракетопланы сменятся реактивными самолетами, которые в свою очередь уступят место аппаратам с двигателями внутреннего сгорания. А позже — передвижение по железной дороге, когда паровоз, работающий на угле, тащит за собой поезд, конные экипажи... Нет, невозможно, чтобы нас отшвырнуло так далеко, — сказал он сам себе. — И, однако, вот у меня в руках магнитофон сорокалетней давности, который приводится в действие резиновыми пассиками и таким же роликом. Значит, может прийти и до этого».

Вместе с Джо они быстро направились к лифту. Джо нажал кнопку. Они молча ждали, взволнованные, погруженные в свои размышления.

Лифт появился с грохотом, который вывел Эла из состояния задумчивости. Он машинально распахнул железную раздвижную дверь. И обнару-

жил, что стоит перед открытой кабиной, висящей на стальном канате и разукрашенной медальонами из полированной латуни. Скучающий лифтер в ливрее сидит на стульчике, держа руку на кнопке и безразлично поглядывая на них. Но то, что почувствовал Эл, никак нельзя было назвать безразличием.

— Не входи, — сказал он, придерживая Джо. — Посмотри и сосредоточься, попробуй вспомнить лифт, на котором мы ехали сегодня, совсем недавно: гидравлический привод, оборудование, автоматика, полная бесшумность...

Внезапно он замолчал. Шумная машина исчезла, и на ее месте появился знакомый ему лифт. Однако он продолжал ощущать присутствие той, старой кабины, она притаилась где-то на краю его поля зрения, словно готовая выпрыгнуть, как только он и Джо забудут о ней. «Она хочет вернуться, — подумал он. — Она намерена появиться снова. Мы можем задержать этот момент на какое-то время, самое большее, наверное, на несколько часов. Процесс смещения во времени набирает силу; архаические объекты врываются в наш мир быстрее, чем нам это казалось. Теперь каждый скачок равен веку. Лифту, который мы видели, никак не менее ста лет. И все-таки, — думал он, — мне кажется, что мы можем в определенной степени контролировать это явление. Мы вспомнили привычный современный лифт, и он заново появился. Если бы все мы держались вместе, если бы мы действовали как одно существо, состоящее из двенадцати личностей, а не двух...»

— Что ты там такое увидел? — спросил Джо. — Почему ты не позволил мне войти в лифт?

— Ты не видел старого лифта? Открытой кабины с латунной отделкой образца года 1910? И лифтера, сидящего на стульчике?

— Нет, — ответил Джо.

— Но что-то ты видел?

— Да, — ответил Джо, — обычный лифт, который я каждый день вижу у нас в конторе. Видел то же, что и всегда, то же самое, что и сейчас. — Он вошел в кабину, повернулся и, застыв, посмотрел на Эла.

«Значит, наше восприятие действительно начинает различаться, — понял он. — Что бы это могло значить?»

Это ему совсем не нравилось. Более того, ему показалось, что это наиболее катастрофическая перемена из всех, какие произошли с момента смерти Ранкитера. Значит, их уже не просто смещало во времени, но смещало с неодинаковой скоростью. У него появилась интуитивная уверенность, что то же самое почувствовала перед смертью Венда Райт.

Он попробовал представить, сколько времени осталось ему самому.

Вдруг он осознал, что чувствует жуткий пронизывающий холод, который уже давно — он не помнил, с какого момента, — вошел в его тело. Холод этот охватывал не только его — весь мир. Это напомнило ему последние минуты, проведенные на Луне. Холод искажал очертания предметов, искривлялся в форме раздувшихся пещер, которые лопались

с ужасающим треском. Мороз проникал во все щели, добирался до сердцевины предметов, до стржня, который был источником их жизни. Эл видел теперь что-то вроде оледеневшей пустыни, из которой выпирали обнаженные скалы. Окружающее его пространство превратилось в плоскую равнину, выдуваемую ледяным ветром. Ледовый покров становился все толще, скал почти не было видно. На границе его поля зрения стала скапливаться тьма...

«Прочь! — заставил он сказать себе. — Прочь! Все это существует только в моем воображении. Мир вовсе не исчез под воздействием ветра, льда и тьмы; все это происходит внутри меня, но мне кажется, что именно это я вижу вокруг себя. Странно, — думал он. — Неужели во мне заключен весь мир? Ограничен моей телесной оболочкой? Когда это случилось? Должно быть, это симптомы, сопутствующие смерти, — понял он. — Эта неуверенность, которую я ощущаю, приторможение всех функций, ведущее к полной энтропии, — тот самый процесс распада. Лед же, который я вижу, — символ этого процесса. Когда я сомкну глаза, — решил он, — весь мир исчезнет. Однако где же новые миры, ведь я должен их посетить — новые миры, ведущие к новому лону? Где, в частности, туманный красный свет, который символизирует наступление агонии? А темный красный свет, являющийся символом звериной алчности? Где они? Я чувствую лишь полное исчезновение тела, вижу подступающую тьму, замерзающую равнину под угасшим солнцем.

Это не обычная смерть, — сказал он себе. — Это нечто неестественное; естественный процесс умирания, благодаря воздействию какого-то непонятного фактора, оказался бесцеременно нарушенным.

Может быть, я нахожусь еще только на пороге смерти и смогу понять, что происходит, если лягу и отдохну, — думал он, — если достаточно энергии, чтобы задуматься над этим».

— Что случилось? — спросил Джо. Они все еще поднимались на лифте.

— Ничего, — коротко ответил Эл и подумал: «Им может еще повезти, мне — уже нет».

Лифт поднимался в полной тишине.

Входя в конференц-зал, Джо заметил, что Эла с ним нет. Выглянув в коридор, он увидел, что Эл стоит в одиночестве, не трогаясь с места.

— Что-нибудь случилось? — снова спросил он.

Эл не шевельнулся.

— Что произошло? — Джо направился в его сторону.

— Я устал, — ответил Эл.

— Ты плохо выглядишь, — в тревоге сказал Джо.

— Пойду в туалет. А ты иди к ним, убедись, что с ними все в порядке. Я сейчас. — Он неуверенно, словно плохо ориентируясь в знакомом коридоре, пошел вперед.

— Я с тобой, — заявил Джо. — Хочу быть уверенным, что ты доберешься.

— Может быть, если я ополосну лицо теплой водой... — сказал Эл. Он отыскал бесплатную дверь в туалет, с помощью Джо открыл ее и исчез внутри.

Джо остался ждать его. «Что с ним происходит? — думал он. — Он переменялся, увидев этот старый лифт». Он попытался понять причину этого явления.

Эл снова возник перед ним.

— В чем дело? — спросил Джо, заметив странное выражение его лица.

— Посмотри-ка, — сказал Эл, втягивая в туалет за собой Джо и показывая на противоположную стену. — Надпись, которую всегда можно найти в подобных местах. Читай.

Надпись, сделанная то ли мелом, то ли красным фломастером, гласила: «МОЖЕТЕ УТОПИТЬСЯ В СОРТИРЕ —

Я ЖИВ, А ВЫ МЕРТВЫ, СЭРЫ!»

— Разве это не почерк Ранкитера? — спросил Эл. — Ты его узнаешь?

— Да, — кивнул Джо. — Это его почерк.

— Значит, теперь мы знаем правду, — заявил Эл.

— Но разве это правда?

— Конечно, — сказал Эл. — Теперь это совершенно ясно.

— И мы узнаем об этом вот таким способом. Из надписи на стене в мужском туалете. — Щемящая жалость возобладала в нем над всеми другими чувствами.

— Эта надпись на стене однозначна. Мы могли бы месяцами — до конца существования — пялиться в телевизор, листать домашние газеты, слушать видеофоны и ни о чем не догадываться.

— Но мы же не умерли. Никто, кроме Вейды, — сказал Джо.

— Мы все — в состоянии полужизни. И перешли в это состояние еще на борту ракетоплана «Пратфалл II», вероятнее всего, после взрыва на Луне, который убил нас, нас, а не Ранкитера. Он же пробует уловить от нас поток протофазонов. До сих пор этого ему не удавалось, никакие сигналы из нашего мира не проникают туда, где он находится. Но ему удалось войти с нами в контакт. Как символы, мы существуем везде, даже в местах, которые мы выбираем наугад. На каждом шагу мы сталкиваемся с его присутствием. С им и только с им, поскольку он единственный человек, который пытается...

— С ним и только с ним, — прервал его Джо. — А не так, как ты сказал: «с им и только с им».

— Мне нехорошо, — ответил Эл.

Он отвернул кран и принялся ополаскивать лицо водой. Вода была на удивление холодной. Джо заметил, как со звоном распадаются в ней кристаллики льда.

— Возвращайся в конференц-зал, — попросил Эл. — Я туда приду, как только мне станет лучше, если вообще станет.

— Я думаю, мне надо остаться с тобой, — сказал Джо.

— Да нет же, черт тебя побрал, убирайся отсюда! — Эл подпихнул его к двери туалета и выпроводил в коридор. На посеревшем лице Джо была написана растерянность. — Иди посмотри, как там они?

Согнувшись, он вернулся в туалет, закрыв глаза ладонями. Дверь с треском захлопнулась, отрезав его от Джо.

— Ладно, — сказал Джо после некоторого колебания. — Я пойду в конференц-зал. — Он еще постоял, прислушиваясь, но ни один звук не донесся до него. — Эл! — крикнул он и подумал: «Господи, как страшно! С ним и в самом деле что-то творится». — Я хочу убедиться, что с тобой все в порядке, — сказал он, наваливаясь на дверь.

— Уже поздно, Джо, — тихо и спокойно ответил Эл. — Не смотри на меня.

В туалете было темно. Очевидно, Элу удалось выключить свет.

— Ты мне ничем не можешь помочь. — Он полностью сохранял самообладание, хотя говорил слабым, едва слышным голосом. — Мы не должны были отрываться от остальных — именно из-за этого погибла Венда. Тебе удастся сохранить жизнь — по крайней мере, на какое-то время, — если ты будешь с ними... Расскажи им об этом, постарайся, чтобы они все это поняли. Ясно?

Джо потянулся рукой в сторону выключателя.

Слабый, легкий удар обрушился во тьме на его руку. Он испуганно отшатнулся, изумленный бессилием Эла. Да, смотреть не было необходимости.

— Я пошел к остальным, — сказал он. — Я все понял. Это страшно? После минутного молчания он разобрал беззвучный шепот:

— Нет, не страшно... Это просто...

Голос замолк, снова наступила тишина.

— Может быть, когда-нибудь мы увидимся снова, — сказал Джо. Он знал, что не должен так говорить, он сам поразился, услышав эту бессмысленность. Но ни на что большее он не был способен. — Тогда все будет иначе, — говорил он, хотя и чувствовал, что Эл его не слышит. — Надеюсь, тебе станет лучше. Я приду посмотреть, что с тобой, как только расскажу остальным о надписи на стене. Я им скажу, чтобы они не ходили смотреть на нее, так как... — Он замолк, пытаясь подобрать нужные слова: — Они могли бы помешать тебе, — закончил он.

Ответом ему было молчание.

— Ну, до свидания, — сказал Джо, выходя из темного туалета.

Неверным шагом он направился в конференц-зал. У входа в зал остановился, набрал побольше воздуха и энергичным жестом распахнул дверь.

Телевизор у противоположной стены шумно рекламировал какой-то стиральный порошок. На огромном цветном экране телевизора марки «Д-Д» какая-то домохозяйка критически присматривалась к кухонному полотенцу из искусственного меха выдры, вещая при этом пронзительным

голосом, что ничего похожего не должно быть в ее ванне. Следом за этим камера продемонстрировала содержимое ванной, попутно скользнув по надписи на стене. Она была выполнена тем же знакомым почерком и на этот раз гласила:

«НАГНИТЕСЬ НАД ВАННОЙ,
ЗАСУНЬТЕ ГОЛОВУ ПО ШЕЮ,
ВСЕ МЕРТВЫЕ — Я ОДИН ЖИВОЙ!»

Но только один человек смотрел на телеэкран в огромном конференц-зале. Джо одиноко стоял в опустевшей комнате. Все остальные члены группы исчезли.

Он попытался сообразить, где они могут быть. И хватит ли ему жизни, чтобы успеть найти их. И то и другое показалось ему маловероятным.

Ты потеешь. А не мешает ли это твоей личной жизни? Аэрозоль или мыло «УБИК» избавят тебя от подобных опасений и позволят присутствовать там, где происходят интересные вещи. Срок действия — десять дней. Безопасен при использовании согласно инструкции, разработанной в соответствии с четкой программой личной гигиены.

Х

— А теперь, — сообщил диктор телевидения, — мы вновь вернемся к репортажу, который ведет Джим Хантер.

На экране возникло чисто выбритое, сияющее лицо журналиста.

— Глен Ранкитер сегодня вновь оказался там, где он родился. Однако это не то возвращение, которое может возбудить в ком-либо радость. «Корпорацию Ранкитера», пожалуй, наиболее известную из всех профилактических организаций, расположенных на Земле, вчера ждал трагический удар. Во время террористического акта, происшедшего в секретной исследовательской лаборатории под поверхностью Луны, в результате взрыва бомбы Глен Ранкитер был смертельно ранен и скончался раньше, чем его тело удалось поместить в холодильник. Останки Глена Ранкитера были доставлены в Мораторий Возлюбленных Собратьев в Цюрихе, где, несмотря на все усилия, его не удалось вернуть к состоянию полужизни. Осознав всю бесполезность дальнейших попыток, руководство моратория решило полностью прекратить их, и тело было доставлено в Дес Мойнес, где будет выставлено для гражданской панихиды в Предсмертном Доме Простого Пастора.

Телекамера показала старый, деревянный, выкрашенный в белый цвет домик, вокруг которого толпилось довольно много народу.

«Интересно, кто распорядился перевезти его в Дес Мойнес?» — подумал Джо.

— Это печальное, но непоколебимое решение, — продолжал диктор, — в результате которого наступает последняя стадия жизни Глена Ранкитера — та, за которой мы все сейчас наблюдаем, — было принято его женой. Миссис Элла Ранкитер, пребывающая в настоящее время в холодильнике (в том же моратории, где, как ожидалось, должен был покоиться и ее муж), была возвращена к состоянию полужизни и проинформирована о трагическом происшествии. Узнав сегодня утром о состоянии своего мужа, она посоветовала прекратить дальнейшие запоздалые попытки, направленные на возвращение к полужизни ее мужа, с которым — прежде чем действительность перечеркнула ее ожидания — она намеревалась воссоединиться. — На минуту на экране показалась фотография Эллы, сделанная еще при ее жизни. — Погруженные в траур сотрудники «Корпорации Ранкитера» собрались в часовне Предсмертного Дома Простого Пастора, чтобы принять участие в печальной церемонии и таким образом отдать свой последний долг усопшему.

Теперь на экране показалась крыша морга и вертикально стоящий на ней ракетоплан, откуда начала выходить группа мужчин и женщин. Их задержал микрофон, протянутый к ним репортером.

— Не скажете ли вы мне, сэр, — голос репортера звучал типично журналистски, — когда вы работали у Глена Ранкитера, была ли у вас и ваших коллег возможность лично познакомиться с ним? Узнать его не только как начальника, но и как человека?

Дон Денни, моргая ресницами, словно сова, ослепленная светом, сказал в протянутый микрофон:

— Мы все знали Глена Ранкитера как человека. Как хорошего человека и гражданина, достойного уважения. Я знаю, что, говоря так, я выражаю также мнение всех моих коллег.

— Мистер Денни, здесь присутствуют все сотрудники, а точнее, бывшие сотрудники мистера Ранкитера?

— Большая часть, — ответил Денни. — Почти все. Мистер Лен Нигельман, президент Объединения Профилактических Компаний, обратился к нам еще в Нью-Йорке и сообщил, что ему известно о смерти Ранкитера. Он же проинформировал нас, что тело покойного находится на пути в Дес Мойнес, и подтвердил, что нам необходимо приехать сюда. Мы согласились с ним, и в результате он доставил нас на своем корабле. Вот на этом, — Денни показал на аппарат, из которого вышел он и остальные члены группы. — Мы благодарны ему за сообщение, что теперешним местом пребывания мистера Ранкитера станет морг. К сожалению, кое-кого из нашей группы здесь нет, так как они отсутствовали в бюро в момент получения сообщения. Это относится прежде всего к Элу Хэммонду и Венде Райт, нашим инерциалам, а также мистеру Чипу, специалисту по замерам поля. Местопребывание этих трех человек нам неизвестно, но, может быть, как раз сейчас...

— Да, — прервал его репортер, не выпуская микрофона, — может быть, они увидят эту программу, транслируемую через спутники связи во

все города земного шара, и придут в Дес Мойнес, чтобы тоже принять участие в этой печальной церемонии. Я уверен — и вы, конечно, тоже, — что именно этого ожидали бы от них мистер Ранкитер и его жена. А теперь я передаю слово Джиму Хантеру в студии «Телевизионный дневник».

Джим Хантер вновь явился на экран и сказал:

— Рэй Холлис, сотрудники которого, наделенные психическими способностями, могут быть нейтрализованы воздействием инерциалов, на чем и основывается принцип работы профилактических организаций, в заявлении, переданном его фирмой, выражает соболезнование по случаю непредвиденной смерти Глена Ранкитера и сообщает, что, если это возможно, он хотел бы принять участие в торжественных похоронах, происходящих в Дес Мойнесе. Однако не исключено, что Лен Ниггельман, представляющий, как уже сообщалось, Объединение Профилактических Организаций, будет настаивать на исключении мистера Холлиса из числа участников похоронной процессии, в свете того факта, что, как засвидетельствовали в своих показаниях некоторые представители профилакториев, Холлис отнесся к гибели Ранкитера с явным и плохо скрытым удовлетворением. — Ведущий «Телевизионного дневника» Джим Хантер на мгновение замолчал, взял в руки листок бумаги и продолжал: — Переходим к другим сообщениям...

Джо Чип нажал на кнопку выключателя телевизора. Экран погас, звук постепенно исчез.

«Все это не увязывается со смыслом надписей на стенах в ванной и туалете, — подумал Джо. — Однако, может быть, Ранкитер действительно умер. Так утверждает телевидение, так считают Рэй Холлис и Лен Ниггельман, они все относятся к нему, как к покойнику, а единственный контраргумент, на который можно опереться, это два стишка, которые, как считал Эл, мог нацарапать кто угодно».

Экран телевизора снова осветился, что поразило Джо, — он не прикасался больше к кнопке выключателя. Мало того, каналы начали самостоятельно переключаться, на экране поочередно сменялись разнообразные изображения, пока таинственное существо не отыскало то, что было ему нужно. Теперь на экране остался лишь один образ.

Лицо Глена Ранкитера.

— Твой вкус испортился? — поинтересовался Ранкитер обычным своим ехидным голосом. — В твоём меню в основном тушеная капуста? Старый, затхловатый запахок завтраков по понедельникам, когда ты не смотришь, сколько десятицентовиков опустил в свой кухонный автомат? «УБИК» все это изменит. «УБИК» возрождает вкусовые качества пищи, возвращает вкус и аромат тому, кто нуждается в этом. — На экране вместо Ранкитера появилась ярко раскрашенная бутылочка с аэрозолью. — Одно дуновение невидимого потока частичек препарата «УБИК», продающегося по общедоступным ценам, развеивает прочно сложившиеся убеждения, что весь мир переполнили банки с прокисшим молоком, перегорающие магнитофоны и допотопные железные кабины лифтов, не говоря уж об остальных,

еще не зафиксированных признаках разложения. Дело в том, что распад окружающего мира представляет собой нормальное явление для множества людей, находящихся в состоянии полужизни, особенно в ее начальных стадиях, когда связи с действительностью еще очень сильны. В качестве промежуточного фактора сохраняется нечто вроде остаточного мира, воспринимаемого как псевдосреда, которая, однако, не стабилизирована и не поддерживается какой-либо энергетической структурой. Это особенно характерно для тех случаев, когда, как и у вас, дело касается нескольких объединенных систем памяти. Однако с момента появления нового, небывалой силы препарата «УБИК» все это подвергается изменению!

Джо сидел в оцепенении, не спуская глаз с экрана. Перед ним появилась колдунья из мультфильмов, которая, порхая в воздухе, лихо распыскивала повсюду «УБИК».

Потом место колдуньи заняла серьезная домохозяйка с лошадиной челюстью и крупными, выступающими зубами. Она загрохотала металлическим голосом:

— Я перешла на «УБИК», перепробовав все более слабые, устаревшие стабилизаторы действительности. Мои кастрюли и сковородки превратились в груды ржавчины. Провалился пол квартиры. Чарли, мой муж, навывлет продырявил ногой дверь в спальню. Но теперь я применяю новый экономичный и мощный препарат «УБИК» и последствия удивительны. Посмотрите-ка на этот холодильник. — На экране появилась старая модель фирмы «Дженерал Электрик». — Ведь он сдвинулся во времени на восемьдесят лет!

— На шестьдесят два! — невольно поправил ее Джо.

— Но посмотрите-ка на него сейчас, — продолжала хозяйка, опрыскивая старинный холодильник препаратом «УБИК». Магические искры облаком обволокли старую модель, и на ее месте появился новейший платный холодильник с шестью дверцами во всем своем великолепии.

— Таким образом, — вновь раздался серьезный голос Ранкитера, — благодаря использованию наиболее передовых методов современной науки процесс превращения материи в свои предшествующие формы может быть обратим, причем за сумму, доступную для любого обладателя квартиры. «УБИК» можно купить в ближайшем магазине хозяйственных товаров в любой точке земного шара. Не употреблять внутрь. Держать вдали от огня. Не отступать от инструкции, помещенной на этикетке. Так что ищи его, Джо. Не сиди на месте, выйди из дома, купи флакон «УБИКа» и распылай его вокруг себя днем и ночью.

— Ты знаешь, что я здесь? — спросил Джо, срываясь с места. — Ты меня видишь и слышишь?

— Разумеется, не вижу и не слышу. Эта рекламная передача была записана на магнитофонную ленту; я надиктовал ее недели две назад, а точнее, за двенадцать дней до моей смерти. Я знал, что дело кончится этим взрывом, — воспользовался услугами ясновидящих.

— Значит, ты в самом деле мертв?

— Конечно же, мертв. Разве ты не смотрел пару минут назад трансляцию из Дес Мойнес? Я знаю, что ты ее видел — об этом тоже знал мой ясновидящий.

— А эта надпись на стене туалета?

— Еще один пример разложения, — загремел голос Ранкитера из динамика телевизора. — Иди, купи флакон «УБИКа» — и все миражи исчезнут.

— Эл считает, что это мы умерли.

— Эл уже подвергся распаду. — Ранкитер разразился глубоким, вибрирующим смехом, от которого ходуном заходил весь конференц-зал. — Слушай, Джо. Я надиктовал эту чертову рекламу, чтобы вам помочь, указать вам путь — особенно тебе, мы же всегда были друзьями. Я знал, что ты окажешься полностью дезориентированным. Именно так и случилось. Ничего особенного в этом нет, принимая в расчет состояние твоих нервов. Так или иначе, держись, может, когда ты приедешь в Дес Мойнес и увидишь мое тело, выставленное для всеобщего обозрения, ты успокоишься.

— Что такое «УБИК»? — спросил Джо.

— Боюсь, что уже слишком поздно, чтобы помочь Элу.

— Каков состав «УБИКа»? Как он действует? — настаивал Джо.

— Честно говоря, эта надпись на стене туалета появилась, наверное, из-за Эла. Если бы не Эл, ты бы вообще ее не заметил.

— Ты в самом деле записан на магнитофонную ленту? — спросил Джо. — Ты меня не слышишь? Это правда?

— Вдобавок ко всему, Эл... — начал Ранкитер.

— Черт побери, — пробормотал Джо. Ему было не по себе. Он был близок к капитуляции.

На экране телевизора вновь появилась домохозяйка с лицом, напоминающим лошадиную морду, чтобы завершить рекламу. Правда, теперь она разглагольствовала несколько приглушенным голосом:

— Если в вашем ближайшем хозяйственном магазине еще нет «УБИКа», мистер Чип, то вернитесь к себе домой, где обнаружите бесплатный рекламный образчик препарата, присланный по почте. Его хватит вам до того момента, когда вы сможете купить флакон нормальных размеров.

Домохозяйка исчезла, экран вновь потемнел и замолчал. Существо, недавно его включавшее, теперь выключило его.

«Значит, я должен свалить вину за все на Эла», — подумал Джо. Эта мысль не будила в нем энтузиазма; кроме того, он отдавал себе отчет в своеобразии такого способа общения, при котором невозможно что-либо выяснить или исправить. «Эл в роли козла отпущения, человек, на которого можно свалить все грехи, чушь какая», — подумал он. — Кстати, действительно ли Ранкитер меня не слышал? Или он только делал вид, что говорит с магнитофонной ленты?» Какое-то время в ходе рекламной передачи казалось, что Ранкитер ему отвечает; только под конец его ответы не соответствовали его вопросам.

Джо неожиданно ощутил себя бабочкой, бьющейся в стекло реальности, бабочкой, находящейся снаружи и не имеющей возможности узнать, что происходит внутри.

Неожиданно ему в голову пришла новая жутковатая концепция. «Допустим, — подумал он, — что Ранкитер в самом деле надиктовал это на магнитофонную ленту, предполагая — основываясь на смутной информации, полученной от ясновидящего, — что взрыв бомбы убьет его, а все остальные останутся живы. Лента была надиктована, но предположение оказалось ложным: Ранкитер не погиб. Это мы расстались с жизнью, как утверждает надпись в туалете, а он продолжает существовать. Перед взрывом бомбы он отдал распоряжение, чтобы лента с рекламой была показана именно в этот момент, и, поскольку позже он не отменил свой приказ, телевизионная станция выполнила его желание. Это объясняло несоответствие слов Ранкитера по телевизору надписи, которую он сам оставил на стене туалета. Только так можно объяснить оба этих сообщения». Джо не мог найти никакого другого объяснения, которое соответствовало бы этим фактам.

Разве что Ранкитер играет с ними, запутывает их, подталкивает то в одну, то в другую сторону. словно некая необычайная могущественная сила, преследующая их, вмешивающаяся в жизнь. Сила, действующая в мире живых существ, или же в мире полуживых, или, неожиданно пришло ему в голову, в обоих мирах. В любом случае она решающим образом влияет на их ощущения и будет сильно влиять на то, что их ожидает. Может быть, не на сам процесс распада, — прикинул он. — Это от нее не зависит. Хотя... Может быть, и этот процесс подчиняется ее действию, хотя Ранкитер и не хотел в этом признаваться. Ранкитер и «УБИК». Ubiquity — это значит «вездесущность», вдруг понял он. Наверное, от этого слова происходит и название аэрозольного препарата, о котором говорил Ранкитер. Впрочем, вполне возможно, что его вообще не существует, скорее всего, это очередной обман, который должен еще больше их дезориентировать.

«Мало того, — думал он, — если Ранкитер жив, то мы имеем дело не с одним, а с двумя Ранкитерами. Один из них, настоящий, пребывает в реальном мире и пытается войти с нами в контакт; другой — фантазмагория, от которого в мире полуживых осталось лишь тело — труп, выставленный на публичное обозрение в Дес Мойнес, штат Айова. И логически продолжая это рассуждение, мы невольно приходим к выводу: все остальные люди — Рэй Холлис или Лен Ниггельман — также всего лишь продукты воображения, реальные прообразы которых остались в мире живых. Трудненько же во всем этом разобраться». Ему вовсе не нравилась такая концепция. Однако он был вынужден признать, что с точки зрения симметрии она безукоризненна, но, с другой стороны, она казалась ему излишне хаотичной.

«Ладно, — решил он, — выскочу на минутку, возьму эту бесплатную пробу «УБИКа», а потом отправлюсь в Дес Мойнес. В конце концов

реклама говорила именно об этом. В типичной для нее хвастливой манере она дала мне понять, что с «УБИКом» будет безопаснее. Такое предостережение следует принять во внимание, — решил он, — если я намерен остаться в живых или сохранить состояние полужизни. Одно их двух».

Он вышел из такси на крыше своего жилого блока и, спустившись вниз по эскалатору, оказался перед своими дверьми. Монета, полученная от кого-то — он уже не помнил точно, от Пат или Эла, — открыла ему двери, и он вошел внутрь.

В жилой комнате ощущался слабый запах горелого жира — аромат, с которым он не сталкивался со времени своего детства. Заглянув на кухню, он обнаружил причину этого запаха. Автокухарка сместилась во времени, превратившись в старинную газовую плиту фирмы «Бак» с забитыми горелками, с покоробленной, плохо закрывающейся дверцей духовки. Какое-то время он тупо смотрел на этот старый, изрядно подержанный агрегат, потом заметил, что подобная метаморфоза произошла со всем кухонным оборудованием. Аппарат, поставляющий газету на дом, исчез совершенно. Тостер рассыпался и превратился в причудливое, отвратительного вида устройство, которое уже нельзя было использовать по назначению. Холодильник превратился в огромную, питающуюся от сети машину, — реликвию, вынырнувшую бог знает из какого отдаленного прошлого. Эта модель была еще древнее того старого барахла производства «Дженерал Электрик», что показывалось в телерекламе. Менее всего изменилась кофеварка, и изменение это произошло в лучшую сторону: теперь на ней не было отверстия для монеты и ею можно было пользоваться бесплатно. То же самое произошло, как он отметил, со всеми остальными кухонными принадлежностями. Во всяком случае, с теми, что остались на местах. Так же, как газетный аппарат, исчезло устройство для ликвидации мусора. Он попытался вспомнить, какими же еще принадлежностями он располагал, но воспоминание о них уже стало делаться туманным; он оставил это занятие и вернулся в гостиную.

Телевизор отбросило во времени далеко; теперь перед глазами Джо стоял старинный радиоприемник фирмы «Этуотер-Кент» в корпусе из темного дерева с диапазонами длинных, средних и коротких волн. Он обнаружил антенну и провод заземления.

— Господи помилуй! — недовольно проговорил он.

Но почему телевизор не превратился просто-напросто в беспорядочную груду пластиковых и металлических деталей? Ведь он был собран из них, а не из древнего радиоприемника. Телеприемник был формой, вставшей на место других форм; формы поочередно следовали друг за другом как кадры на киноленте.

«В любом предмете, — размышлял Джо, — должны жить в каком-то остаточном виде его предшествующие формы. Прошлые — хотя и скрытые под поверхностью, затаившиеся — продолжает существовать и может

выявить себя на свет божий, как только наросты последующих форм исчезнут каким-либо образом. Мужчина не содержит в себе юношу, — думал Джо, — но всех предшествующих мужчин. А история насчитывает столько тысячелетий...

Обезвоженные останки Венды. Тут тоже проявилась нормально функционирующая преемственность формы. Последняя форма подошла к концу, к исходу, и за ней — никакой новой формы, никакой следующей фазы, ничего того, что мы называем развитием. На этом, наверное, и основана старость — отсутствие новых форм, ведущее к деградации и огрублению. Разве что в этом случае все произошло неожиданно, в течение нескольких часов.

Но разве еще Платон¹ не утверждал, что есть некий внутренний элемент, неподверженный распаду? Это древний дуализм, согласно которому тело и душа были разными элементами. Тело пришло к концу, как в случае с Вендой, и душа вырвалась из него, как птица из клетки, направляясь в какое-то другое место. Возможно, — подумал он, — чтобы возродиться заново, согласно тому, что говорит тибетская книга мертвых. Господи, — думал он, — я надеюсь, что это правда. Должны же мы когда-нибудь встретиться снова? Как в «Винни-Пухе»: существует другая часть леса, в которой мальчик и его медвежонок всегда смогут играть вместе... Это неуничтожаемая категория, — решил он. — Так же, как все мы. В какой-то момент любой из нас вдруг обнаружит себя вместе со своим медвежонком в новом, более светлом, более устойчивом мире».

Из чистого интереса он включил доисторический приемник. Желтая целлулоидная панель осветилась, динамик громко забормотал, а потом сквозь свист и помехи пробилась какая-то станция.

— Сейчас в программе: «Семья Пеппера Янга», — объявил диктор. Послышалось бульканье органной музыки. — Программа подготовлена фирмой, производящей мыло «Кэмэй», — мыло для прелестных женщин. Вчера Пеппер узнал, что его длившаяся вот уже несколько месяцев работа подошла к неожиданному концу, в связи с...

В этот момент Джо включил радио.

«Мыльная опера» до начала второй мировой войны, — изумленно подумал он. — Ну что ж, это вполне согласуется со смещением во времени явлений, характерных для этого мира, заменяемого квази-миром, если так можно выразиться».

Осматривая комнату, он заметил кофейный столик со стеклянной крышкой и ножками в стиле барокко. На нем лежал номер журнала «Либерти», также относящийся к временам до второй мировой. В нем был помещен очередной фрагмент научно-фантастической повести «Ночная молния», описывающей грядущую атомную войну. Он бессмысленно перелистал страницы журнала, а потом принялся осматривать комнату в поисках остальных перемен, которые в ней произошли.

¹ П л а т о н (428—348 г. до н.э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Место твердого бесцветного пола заняли широкие доски из мягкого дерева. Посреди комнаты лежал выцветший турецкий ковер, набитый пылью, скопившейся за годы.

На стенах осталась лишь одна картина: эстамп в раме под стеклом, изображающий индейца, умирающего на спине лошади. Джо никогда раньше не видел его. Картина не вызвала в нем никаких воспоминаний. И кстати, ему не нравилась.

Место видеофона занял укрепленный на стене черный телефон с висящей трубкой — тех времен, когда еще не существовало диска для набора номеров. Джо снял трубку с рычага и услышал женский голос:

— Назовите нужный номер, сэр. — Он тут же повесил трубку.

Так же исчезла и регулируемая при помощи термостата система центрального отопления. В углу гостиной Джо обнаружил газовый камин с большой жестяной трубой, идущей вдоль стены чуть ли не до потолка.

Он прошел в спальню, распахнув шкаф, проверил его содержимое. А потом выбрал для себя черные полуботинки, шерстяные носки, брюки гольф, голубую хлопчатобумажную рубашку, спортивный пиджак из верблюжьей шерсти и кепи с козырьком. Потом выложил на кровать набор, предназначенный для более торжественных случаев: темно-синий двубортный костюм, подтяжки, широкий галстук в цветочек и белую рубашку с жестким целлулоидным воротничком. «Господи! — воскликнул он про себя, обнаружив в шкафу сумку с набором клюшек для гольфа. — Это еще что за древность?»

Он вернулся в гостиную. На этот раз его взгляд остановился на том месте, где раньше находился комплект полифонической радиоаппаратуры: регулятор радиоволн по УКВ, высокочастотный адаптер на невесомой подвеске, динамики, колонки и многоканальный усилитель. Все эти предметы исчезли, на их месте оказалось высокое сооружение из темного дерева. Джо заметил ручку для заводки и даже не стал откидывать крышку, чтобы убедиться, из чего состоит эта звуковоспроизводящая аппаратура. Пакет игл из бамбукового дерева лежал на полочке рядом с граммофоном марки «Виктпола». Там же находилась десятидюймовая пластинка фирмы «Виктор» на 78 оборотов с черной этикеткой: «Оркестр Рэя Нобла играет «Восточные сладости». Вот и все, что осталось от его коллекции лент и долгоиграющих пластинок.

«Утром, — подумал Джо, — здесь окажется, наверное, предшественник патефона с зубчатыми передачами и записью на валике, на котором будет запечатлена шумливая мелодикломация Молитвы Господу».

Его внимание привлекла к себе свежая, как ему показалось, газета, лежащая на другом конце мягкой софы. Он взял ее в руки и взглянул на дату: вторник, 12 сентября 1939 года. Бросил взгляд на заголовок.

**«ФРАНЦУЗЫ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ОНИ ПРОРВАЛИ
ЛИНИЮ ЗИГФРИДА,**

**СООБЩАЮТ, ЧТО ПРОДВИГАЮТСЯ ВПЕРЕД
В РАЙОНЕ СААРБРЮКЕНА».**

«Любопытно, — подумал Джо. — Как раз началась вторая мировая война и французам казалось, что они побеждают».

Он прочитал следующий заголовок:

**«ПОЛЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ СООБЩАЮТ,
ЧТО НЕМЕЦКОЕ ВТОРЖЕНИЕ ОСТАНОВЛЕНО.
ПОЛЯКИ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО АГРЕССОР БРОСАЕТ В БОЙ
ВСЕ НОВЫЕ СИЛЫ, НО НЕ ПРОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД».**

Стоила газета три цента. Это тоже показалось ему интересным. «Что теперь можно купить за три цента? — спросил он себя, отложив газету и еще раз обратив внимание на ее свежий вид. — Ей не больше одного-двух дней, — подумал он. — Значит, я знаю точно, до какого момента дошел процесс смещения во времени».

Бродя по комнате в поисках дальнейших преобразований, он добрался до стоящего в спальне комода с одеждой. На нем он увидел ряд фотографий в стеклянных рамках.

Все они изображали Ранкитера. Но не того Ранкитера, которого знал Джо. На них был малыш, мальчик, наконец молодой мужчина. Ранкитер из прошлого, но все еще доступный для узнавания.

Достав бумажник, он нашел в нем лишь фотографии Ранкитера — ни одного снимка своих родственников или знакомых. Ранкитер был везде! Он сунул бумажник назад в карман и неожиданно сообразил, что он изготовлен не из пластика, а из настоящей буйволовой кожи. Что ж, все совпало. В те времена кожа была легко доступна. «Ну и что из этого?» — спросил он себя. Потом еще раз достал бумажник и внимательно присмотрелся к нему. Потер пальцем кожу, прикосновение к ней было для него совершенно новым, однако очень приятным ощущением, куда как лучше, чем пластик, пришел он к выводу.

Вернувшись в гостиную, он обвел ее глазами в поисках так хорошо ему знакомой почтовой ниши в стене, в которой должны были находиться сегодняшние письма. Исчезла, уже не существовала. Он принялся напряженно размышлять, пытаясь представить себе древний способ доставки корреспонденции в квартиру. Просовывали под дверь? Нет, опускали в какой-то коробок. Он смутно припомнил непонятное выражение: «почтовый ящик». Отлично, это может быть в ящике, только где эти ящики устанавливались? У главного входа в дом? У него была смутная уверенность, что именно там. Почта могла находиться в вестибюле, в двадцати пяти этажах под ним.

— Прошу пять центов, — сказала дверь, когда он попытался ее открыть.

Кто бы мог подумать, что сопротивление платных дверей продлится дольше всего остального? Что они все еще будут функционировать, хотя все остальное во всем городе сместится во времени? А может быть, не только в городе — во всем мире.

Он бросил монету в отверстие и быстро прошел через холл, направля-

ясь к эскалатору, с которого сошел всего несколько минут назад. Однако коридор уже приобрел форму неподвижных бетонных ступеней. «Двадцать пять этажей вниз, — подумал Джо. — Ступенька за ступенькой. Это невозможно, никто бы не смог спуститься по такой лестнице». Он двинулся к лифту и неожиданно вспомнил, что привиделось Элу. «А если на этот раз я увижу то же, что почудилось тогда ему? — подумал он. — Старая железная кабина, висящая на металлическом тросе, и обслуживающий ее седой дегенеративный старикашка с фуражкой лифтера на голове. Но это был эпизод не из 1939 года, а скорее из 1909 года. На этот раз процесс смещения во времени зашел гораздо дальше, чем во всех тех случаях, которые довелось наблюдать мне.

Лучше не рисковать и воспользоваться лестницей», — решил он.

Смирившись, он начал спускаться по ступеням.

Он был уже на половине пути, когда неожиданно осознал зловещий факт: никоим образом ему не удастся вернуться наверх — ни в свою квартиру, ни к ожидающему его на крыше такси. Когда он окажется в вестибюле, он будет обречен остаться там, может быть, навсегда. Разве что «УБИК» будет достаточно силен, чтобы возвратить к реальности лифт или эскалатор. «Назменные средства транспорта, — подумал он, — как они, черт бы их побрал, будут выглядеть в тот момент, когда я окажусь внизу? Поезд? Крытый конный экипаж?

Махнув на все рукой, он продолжал спускаться, торопливо перескакивая через две ступеньки. Менять решение было уже поздно.

Спустившись вниз, он оказался в просторном холле. В нем стоял очень длинный стол с мраморной крышкой, на котором были установлены керамические вазы с цветами — скорее всего, это были ирисы. Четыре широкие ступени вели вниз, к затянутым портьерой входным дверям. Джо повернул рифленую стеклянную ручку и открыл их.

Снова ступени. С правой стороны находился ряд запертых на ключ медных почтовых ящиков; на каждом из них была написана фамилия. Так что он был прав: почта доставлялась только до этого места. Он отыскал ящик с прикрепленной к нему полоской бумаги: «Джозеф Чип, 2075», а также звонок, который, вероятно, раздавался в его квартире, если нажать кнопку.

Ключ. Ключа у него не было. А может быть?.. Обшарив карманы, он отыскал колечко, на котором позвякивали многочисленные металлические ключи разных форм; он изумленно присмотрелся к ним, пытаясь определить их назначение. Замок почтового ящика казался необычно маленьким, значит, к нему должен быть ключ такого же размера. Выбрав самый маленький из тех, что были нанизаны на кольцо, он сунул его в отверстие и повернул в замке. Медная дверца отскочила. Джо заглянул внутрь.

В ящике лежали два письма и упаковка прямоугольной формы, обернутая лентой. С минуту он разглядывал непривычные знаки прошлого: пурпурные трехцентовые марки с портретом Джорджа Вашингтона, потом содрал упаковку, с удовлетворением отметив, что пакет довольно тяжелый. «Но ведь, — вдруг пришло ему в голову, — не может находиться в пакете

такой формы флакон с распыляющим устройством. Для этого он слишком мал». В него закрался страх: а вдруг это не бесплатный образец «УБИКа»? Иначе повторится история Эла. Уронив упаковку на пол, он устался на картонную коробку, которую держал в руке. УБИК — ВНУТРЕННИЙ БАЛЬЗАМ.

В коробочке был пузырек голубого стекла, заткнутый огромной пробкой. На этикетке надпись: «Способ применения. Гарантируем, что, приняв это обезболивающее средство, над усовершенствованием которого доктор Эдвард Сондербар работал более сорока лет, вы раз и навсегда перестанете просыпаться среди ночи. Вы будете спать спокойно и великолепно себя чувствовать. Надо всего лишь развести ложечку бальзама в стакане теплой воды и выпить за полчаса перед сном. Если средство не помогло, рекомендуется увеличить дозу до одной столовой ложки. Не давать детям. Состав: настойка из листьев олеандра, селитра, мятное масло, фенацетин, окись цинка, древесный уголь, хлористый кобальт, кофеин, экстракт дигиталина, дробные дозы стеридов, цедра, аскорбиновая кислота, искусственные благовония и красители. Внутренний бальзам «УБИК» — сильнодействующее и безотказное средство при использовании согласно инструкции. Вызывает раздражение кожи. При употреблении рекомендуется применять резиновые перчатки. Следите, чтобы препарат не попал в глаза или на кожу. Внимание: длительное употребление или передозировка могут вызвать привыкание. Не вдыхать в течение долгого времени».

«Сумасшествие», — подумал Джо. Он снова прочитал названия составляющих, чувствуя, как накапливаются в нем злость и отвращение. И возрастает чувство беспомощности, заполнившее его всего без остатка. «Конеч мне, — думал он. — Этот препарат — не то средство, которое Ранкитер рекламировал по телевизору; это какая-то непонятная микстура из допотопных медикаментов, крема, обезболивающих средств, ядов и совершенно ненужных составляющих, разве что не кортизона, которого, правда, не знали до второй мировой войны. Скорее всего, произошел регресс того «УБИКа», который Ранкитер описывал в надиктованной телерекламе». Как бы там ни было, регресс коснулся присланной ему пробы. Ирония более чем выразительная: препарат, созданный для того, чтобы противостоять процессу разложения, сам подвергся этому процессу. Он мог бы сразу это понять, увидев старые красные трехпенсовые марки.

Он выглянул на улицу и заметил припаркованный к тротуару старинный музейный автомобиль, передвигающийся на колесах, марки «Ла Салле».

— Интересно, удастся мне добраться до Дес Мойнеса на машине «Ла Салле» образца 1939 года? — спросил он себя. — Если он не примется стареть в дороге, то вполне возможно, что я доберусь до цели примерно за неделю. А тогда мне все уже будет безразлично. Впрочем, и машина не останется в таком виде. Все будет отодвигаться во времени, все, за исключением, может быть, дверей моей квартиры.

Однако он все же подошел к автомобилю, чтобы получше разглядеть его. «Может быть, это моя машина, — думал он. — Может, один из этих

ключей подходит к замку стартера? Разве не таким способом приводились в действие этидвигающиеся по земле экипажи? А с другой стороны, как мне на нем ехать? Я не умею управлять старым автомобилем, особенно таким, в котором установлено — как же это называлось? — ручное переключение скоростей». Он распахнул дверцу и сел за руль; устроившись поудобнее, раздумчиво пожевал нижнюю губу, пытаясь разобраться в ситуации.

«Может, мне следует принять столовую ложку бальзама «УБИК» для успокоения сразу и нервов и желудка, — уныло подумал он. — Если уж он содержит такие составляющие, то смерть гарантирована». Но такой вариант смерти явно не казался ему идеальным. Окись цинка или дигиталин — это очень медленное и незаметное подползание смерти. Трудно забыть и о натуральных листьях олеандра. Да такая смерть просто-напросто развела бы его кости, превратила бы их в студень. Дюйм за дюймом. «Минуточку, — подумал он. — В 1939 году уже существовало авиасообщение. Если бы мне удалось добраться до Нью-Йорка на этой машине, найти аэропорт, может, я бы мог нанять спецсамолет. Аппарат с тремя двигателями марки «Форд» вместе с пилотом. Он довез бы меня до Дес Мойнеса».

Он по очереди перепробовал ключи из своего набора, пока не наткнулся на тот, который включил зажигание. Заработал стартер, застучал двигатель. Джо понравился звук ритмично работающего мотора. Вот такого рода регресс — вроде как с бумажником из воловьей кожи — казался ему изменением к лучшему; современным, абсолютно бесшумным транспортным средствам недоставало именно этого осязаемого, реального элемента, являющегося проявлением силы.

«Теперь сцепление, — подумал он, — с левой стороны, внизу. — Он нащупал его левой ногой. — Вдавить посильнее, потом с помощью рычага включить скорость».

Он попробовал осуществить этот маневр и услышал ужасающий, резкий визг — звук металла о металл. Вероятно, он недостаточно сильно нажал на рычаг сцепления. Он попробовал снова, на этот раз ему удалось переключить скорость.

Автомобиль неуверенно стронулся с места; он дергался и трясся, но продвигался вперед. Медленно, неровно продвигаясь вдоль улицы, Джо почувствовал прилив оптимизма. «Попробуем теперь отыскать этот чертов аэродром, — подумал он. — Прежде чем будет слишком поздно, прежде чем мы очутимся в эпохе ротационного двигателя типа «Гном» с размещенными снаружи цилиндрами с касторовым маслом в виде топлива». Радиус действия у него был пятьдесят миль, и летел он прямо над заборами со скоростью семьдесят пять миль в час.

Час спустя он уже был на аэродроме, припарковал машину и начал рассматривать ангары, указатель направления и силы ветра, старые бипланы с деревянными пропеллерами. «Ну и зрелище! — подумал он. — Эпизод из исторической пьесы. Воскрешенные реликты предшествующего тысяче-

Остальные слова были напечатаны совсем мелким шрифтом, ему пришлось прищуриться, чтобы прочитать смазанные крохотные буквы:

«Не делай этого, Джо. Есть другой способ.

Пробуй дальше — и ты найдешь его. Желаю счастья».

«Это Ранкитер, — сообразил он. — Он все еще продолжает с нами свою садистскую игру в «кошки-мышки». Вдохновляет нас, чтобы мы продержались еще какое-то время. Старается как можно дальше отсрочить наш конец. Один Господь ведает зачем. Может быть, — думал он, — Ранкитера забавляет наше страдание. Но это не в его стиле, это не похоже на того Глена Ранкитера, которого я знаю».

И он отложил в сторону бутылку с эликсиром «УБИК», отказавшись от немедленного его использования.

Он начал прикидывать, каким может быть этот другой способ, о котором говорил Ранкитер.

Используемый согласно инструкции «УБИК» гарантирует крепкий сон без ощущения тяжести на следующее утро. Ты просыпаешься утром свежим и готовым справиться со всеми мелкими и крупными неприятностями, которые ждут тебя. Не превышай указанной дозы.

XI

— Что это за бутылка у вас в руках? — спросил Ясперсен странно изменившимся голосом, заглядывая внутрь машины. — Не мог бы я посмотреть на нее?

Ни слова не говоря, Джо Чип протянул пилоту плоскую фляжку с эликсиром «УБИК».

— Мне рассказывала об этом моя бабушка, — сообщил Ясперсен, поднимая бутылку и рассматривая ее на свет. — Откуда вы ее взяли? Этого не производят, наверное, со времен гражданской войны.

— Наследство, — сказал Джо.

— Единственная возможность. Да, теперь уже не встретишь этих вручную изготовленных бутылочек. Впрочем, та фирма и так немного их изготовила. Это лекарство открыли в Сан-Франциско году в 1850. Его никогда не продавали в магазинах, делали только по заказу. Выпускалось три сорта разной силы действия. Тут у вас как раз наисильнейшее. — Он посмотрел на Джо. — Вы знаете его составляющее?

— Разумеется, — ответил Джо. — Мятное масло, окись цинка, лимонная кислота, древесный уголь...

— Не будем об этом, — прервал его Ясперсен. Нахмутив брови, он усиленно над чем-то размышлял. Потом выражение его лица изменилось, он пришел к решению. — Я отвезу вас в Дес Мойнес в обмен на эту бутылку

эликсира «УБИК». Вылетаем сейчас же, я бы хотел как можно больший отрезок пути проделать днем.

С бутылкой в руке он пошел прочь от «Форда» выпуска 1929 года.

Через десять минут биплан «Картисс-Райт» был заправлен горючим, пропеллер раскрутили от руки и самолет с Ясперсеном и Джо Чипом на борту побегал по неровной стартовой дорожке, немилосердно трясясь. Джо, стиснув зубы, старался удержаться на сиденье.

— Мы слишком перегружены, — безмятежно заметил Ясперсен. Он казался совершенно спокойным.

Наконец самолет неуклюже поднялся в воздух, счастливо расставшись со стартовой полосой, и настырно затарахтел над крышами домов, направляясь на запад.

— Когда мы будем на месте? — прокричал Джо.

— Это зависит от того, как долго нам удастся лететь по ветру. Трудно сказать. Если все пойдет хорошо, то, наверное, завтра около полудня.

— Теперь-то вы можете мне сказать, что в этой бутылке? — поинтересовался Джо.

— Золотая пыль как наполнитель жидкости, главные составляющие которой — минеральные масла.

— И сколько там этого золота? Очень много?

Вместо ответа Ясперсен повернул к нему улыбающееся лицо. Можно было ничего и не говорить, все стало ясно.

Старенький биплан «Картисс-Райт», тарахтя мотором, продолжал свой полет в направлении штата Айова.

Часам к трем пополудни следующего дня они добрались до аэродрома в Дес Мойнесе. Сразу же после посадки пилот исчез в неизвестном направлении, прихватив с собой бутылку с золотой пылью. Окоченевший Джо, преодолевая болезненную ломоту, выбрался из аэроплана. С минуту постоял возле него, растирая затекшие ноги, потом нетвердыми шагами направился к зданию аэропорта.

— Можно воспользоваться телефоном? — спросил он у служащего, напоминающего обыкновеннейшего фермера, который сидел, согнувшись, над синоптической картой, погруженный в свою работу.

— Если только у вас есть пять центов. — Движением гладко причесанной головы он показал ему на телефон, предназначенный для посетителей.

Джо порывлся в своей мелочи, отодвигая в сторону все монетки с профилем Ранкитера, наконец нашел пригодный для этого периода пятицентовик с изображением бизона и положил его перед служащим.

— Порядок, — буркнул тот, не поднимая головы.

Джо нашел телефонную книгу и отыскивал в ней номер Посмертного Дома Простого Пастора, назвал его телефонистке. После минутного ожидания кто-то снял трубку.

— Предсмертный Дом Простого Пастора слушает. Блсс у телефона.

— Я прибыл, чтобы принять участие в погребении Глена Ранкитера, —

ответил Джо. — Не слишком поздно я добрался? — Он мысленно взмолился, чтобы было не так.

— Церемония похорон мистера Ранкитера происходит как раз в эту минуту, — ответил мистер Блисс. — Где вы находитесь, сэр? Не желаете ли, чтобы за вами выслали автомобиль? — В его голосе можно было заметить порицание.

— Я на аэродроме, — ответил Джо.

— Вам следовало бы прибыть пораньше, — осуждающе заметил мистер Блисс. — Я весьма сомневаюсь, чтобы вам удалось застать хоть бы конец церемонии. Однако тело мистера Ранкитера будут выставлять для всеобщего обозрения еще сегодня и завтра утром. Ждите наш автомобиль, мистер...

— Чип, — представился Джо.

— Ну, конечно, мы ждали вас. Многие из участников похорон просили, чтобы мы встретили вас, мистера Хэммонда и... мисс Райт. Они прибыли вместе с вами?

— Нет, — ответил Джо. Он повесил трубку и уселся на покрытой лаком деревянной скамейке из ивовых прутьев, откуда мог наблюдать за подъезжающими к аэродрому машинами. «В любом случае, — подумал он, — я прибыл сюда достаточно своевременно, чтобы успеть присоединиться к остальным членам группы. Они еще не уехали из города, а именно это меня и беспокоило».

— Не могли бы вы подойти ко мне на минутку? — окликнул его служащий.

Джо поднялся со скамейки и направился в противоположный конец зала ожидания.

— В чем дело?

— Да вот, ваш пятицентовик, который вы мне дали. — Чиновник внимательно посмотрел на него.

— Это пятицентовик с бизоном, — заявил Джо. — Разве такие вышли из обращения?

— На нем дата: 1940. — Чиновник пытливо посмотрел Джо прямо в глаза.

Джо что-то буркнул, достал оставшиеся монеты и начал перебирать их; наконец отыскал пятицентовик 1938 года и бросил его на стол перед работником.

— Можете взять себе оба, — сказал он и снова уселся на скамье из ивовых прутьев.

— Время от времени нам попадаются фальшивые деньги, — объявил служащий.

Джо не ответил. Его внимание привлекло радио марки «Аудиола», играющее в углу зала ожидания, по виду напоминающее шкаф. Диктор рекламировал зубную щетку под названием «Ипана». «Интересно, — думал Джо, — как долго мне придется здесь сидеть». Теперь, когда он находился так близко от своих инерциалов, он чувствовал, что волнуется. «Если уж

я добрался сюда и всего в нескольких милях от них, было бы ужасно...» На этом месте он прервал свою мысль и сидел просто так, в ожидании.

Спустя полчаса на автостоянку у аэропорта выкатился «Виллис-Кнайт 87», модель 1930 года. Из него вылез скромного вида человек с волосами, непоминающими коноплю, в броском черном костюме. Заслонив глаза ладонью, он заглянул в зал ожидания.

— Мистер Блисс? — спросил Джо, подходя ближе.

— Он самый. — Блисс, вокруг которого распространялся сильный запах «Сенсена», обменялся с Джо коротким рукопожатием, сразу же вновь забрался в машину и включил двигатель. — Садитесь, мистер Чип. Соболаговите не спешить. Может быть, нам удастся успеть на часть церемонии. В честь таких важных событий, как сегодня, отец Абернати произносит обычно довольно длинные проповеди.

Джо устроился на переднем сиденье рядом с мистером Блиссом. Минуту спустя они с клекотом выскочили на шоссе, ведущее к Центру Дес Мойнеса, и поползли по нему со скоростью, временами доходящей до сорока миль в час.

— Вы сотрудник мистера Ранкитера, правда? — спросил Блисс.

— Да, — ответил Джо.

— Это необычайная область, та, в которой работал мистер Ранкитер; я не могу этого до конца понять. — Блисс просигналил рыжеволосому сеттеру, который выбежал на асфальтовую полосу; пес свернул в сторону, словно уважая право первенства, которым обладал на шоссе «Виллис-Крайт». — Что это значит «псионические способности»? Многие сотрудники мистера Ранкитера использовали это выражение.

— Парапсихологические силы, — пояснил Джо. — Способность к непосредственному воздействию без применения физических факторов.

— Вы имеете в виду мистические силы? Такие, как умение предвидеть будущее? Я это говорю потому, что многие из вас говорили о будущем таким образом, словно оно уже было очевидным. Не со мной, конечно, они говорили об этом исключительно между собой, но я слышал их беседы, ну, вы знаете, как это бывает... Так, значит, вы медиумы?

— Что-то в этом роде.

— И что вы предвидите в связи с войной в Европе?

— Немцы и японцы потерпят поражение, — сказал Джо. — Соединенные Штаты вступят в войну 7 декабря 1941 года. — Он замолчал, не имея желания говорить на эту тему; внимание его занимали его собственные проблемы.

— Что касается меня, то я изоляционист, — сообщил Блисс.

«Что испытали остальные члены нашей группы? — думал Джо. — Живут ли они в той же самой действительности — в Соединенных Штатах 1939 года? Может быть, когда я присоединюсь к ним, мой путь примет обратное направление и я окажусь в более позднем времени? Вот основной вопрос. Вместе нам необходимо будет найти способ преодолеть эти пятьдесят три года и отыскать иррациональные и верные элементы

современной, не тронутой процессом регрессии, действительности. Если же группа как целое пережила тот же процесс смещения, что и я, то, присоединяясь к ним, я не помогу ни себе, ни им. Разве что избавлюсь от хлопот, связанных с дальнейшим распадом окружающего меня мира. С другой стороны, теперешняя действительность 1939 года казалась достаточно стабильной: за последние двадцать четыре часа в ней, к счастью, не произошло практически никаких перемен. Но, может быть, это связано с фактом моего приближения к группе? — размышлял он. — Ведь флакончик балъзама от нервов и желудка «УБИК» сместился во времени на дополнительные восемьдесят с чем-то лет. За несколько часов из сосуда с распылительным устройством превратился в бутылку, отлитую в деревянной форме. Так же, как и лифт образца 1908 года, который видел только Эл...

Но тогда дело выглядело иначе. Этот низенький, толстенький пилот — Сэнди Ясперсен — тоже видел отлитую в деревянной форме бутылку с эликсиром «УБИК» на конечном этапе ее преобразования. Это не было его, Джо, субъективное представление; ведь благодаря ей он смог добраться до Дес Мойнеса. Пилот видел также метаморфозу автомобиля «Ла Салле». Поэтому могло показаться, что болезнь, от которой умер Эл, носила совершенно иной характер. По крайней мере, Джо на это надеялся. Он молился, чтобы это оказалось правдой.

«Допустим, — размышлял он, — что мы оказались не в состоянии обратить процесс регресса, что останемся в этой действительности до конца жизни. Так ли уж это страшно? Мы можем привыкнуть к старинным девятиламповым приемникам «Филко» в форме комода, тем более что они будут меняться: в этот период уже знали супергетеродины, хотя еще ни один из них мне не попался. Мы научились управлять автомобилем марки «Америкэн Остин», который можно приобрести за 445 долларов (эта сумма пришла ему в голову совершенно случайно, однако он почувствовал, что она верная). Когда мы устроимся на работу и начнем получать теперешние деньги, нам не нужно будет летать бипланами «Картисс-Райт» — ведь еще четыре года назад была открыта авиалиния через Тихий океан, использующая скоростные четырехмоторные самолеты типа «Чина». Трехмоторному самолету Форда уже одиннадцать лет, для современных людей — это реликвия прошлого. А тот биплан, на котором я добрался сюда, даже для них музейный экспонат. Моя машина «Ла Салле», прежде чем произошло ее преобразование, была вполне приличным механизмом, а управление ею доставило мне истинное удовольствие».

— А что будет с Россией? — спросил его Блисс. — То есть за время войны? Мы ликвидируем этих красных? Вы способны заглядывать настолько далеко в будущее?

— Россия примет участие в войне как союзник Соединенных Штатов, — ответил Джо, одновременно думая: «А что будет со всеми остальными предметами, существами, продуктами? В области медицины мы сделаем значительный шаг назад; прикинем, вроде бы они только начинают применять сульфамидные препараты. Это окажется для нас нелегкой

проблемой, если заболеем. Дантисты тоже выглядят не особо привлекательно: все еще пользуются бормашиной и новокаином. Фторированная паста для зубов еще не существует; до нее еще двадцать лет».

— Как наш союзник? — зашевелился Блисс. — Коммунисты? Это невозможно — ведь они подписали договор с нацистами?

— Немцы расторгнут этот договор, — объяснил Джо. — Гитлер нападет на Советский Союз в июне 1941 года.

— И уничтожит его, будем надеяться.

Вывранный из потока своих размышлений, Джо повернул голову, чтобы повнимательнее рассмотреть Блисса, сидящего за рулем своего девятилетней давности «Виллис-Кнайта».

— Эти фашисты — настоящая угроза для Германии, — продолжал Блисс. — Возьмем вопрос отношения к евреям. Вы знаете, кто от этого выигрывает? Евреи у нас в стране: у многих из них нет даже гражданства, но все живут как иммигранты, да еще получают дотации от государства. Я считаю, что в некоторых отношениях фашисты и в самом деле в еврейском вопросе зашли слишком далеко, но ведь не надо забывать, что жидовское засилье существует издавна и следовало найти какой-нибудь выход из ситуации, пусть бы он был даже не такой решительный, как концентрационные лагеря. У нас в Штатах стоят такие же проблемы — как насчет евреев, так и насчет черномазых. В конце концов нам тоже придется как-нибудь разобраться и с теми, и с другими.

— Я еще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь применял слово «черномазый», — заметил Джо. И понял, что начинает оценивать этот период несколько иначе. «Я уже забыл обо всем таком», — догадался он.

— Линдберг — вот человек, у которого верный взгляд на немцев, — сказал Блисс. — Вы слышали, как он говорит? Я не имею в виду то, что пишут в газетах, а какой он на самом деле... — Он затормозил и остановился перед сигналом СТОП, оформленным в виде семафора. — Или, к примеру, сенаторы Бор и Ней. Если бы не они, Рузвельт продал бы оружие Англии, а мы бы оказались втянутыми в войну, с которой не имеем ничего общего. Это Рузвельту дьявольски хочется ввести поправку в эмбарго на торговлю оружием, ему не терпится, чтобы мы начали войну. Но американский народ его не поддерживает. Американский народ не намерен воевать за англичан или кого-нибудь там еще.

Прозвучал звонок сигнала и поднялось зеленое плечо семафора. Блисс включил первую скорость, «Виллис-Кнайт» тронулся дальше, влившись в уличную суету, которая царил в это время в центре Дес Мойнеса.

— В ближайшие пять лет у нас не будет особых причин для радости.

— Это еще почему? Все жители штаба Айова того же мнения, что и я. Знаете, что я думаю о вас, сотрудниках Ранкитера? Послушаешь, что вы говорите, и придешь к выводу, что все вы — профессиональные агитаторы. — Блисс бросил взгляд на Джо взгляд, полный уверенности в своей правоте.

Джо не ответил. Он разглядывал старинные дома из кирпича, дерева и бетона, причудливые машины, большинство из которых были черного цвета, и думал: одному ли ему явился этот особый аспект жизни в 1939 году. В Нью-Йорке будет иначе, а тут — Средний Запад, известный своими изоляционистскими настроениями. Мы не будем здесь жить, решил он, поселимся на восточном или западном побережье.

И все-таки он инстинктивно чувствовал, что в этом разговоре всплыл вопрос, который будет представлять для всех них серьезную проблему. «Мы слишком много знаем, — думал он, — чтобы спокойно жить в этом времени. Если бы нас откинуло лет на двадцать—тридцать, мы бы смогли психологически адаптироваться — снова пережить программу «Гемини», выход в космос, первые примитивные полеты «Аполло»... В этом же времени...

Они все еще слушают сочинение «Два черных ворона» на пластинке со скоростью 78 оборотов в минуту. И Джо Пеннера. А также программу «Мерт и Мэрджи». Все еще зализывают последствия эпохи великого кризиса. Люди той эпохи основывают колонии на Марсе и Венере, налаживают регулярные межзвездные перелеты, эти же не могут справиться с пустыми территориями Оклахомы.

Эти люди живут в мире, законы которого определяет риторика Уильяма Дженнингса Брайана; «Обезьяний процесс» Шопса для них — дело живое и актуальное. Мы не сможем приспособиться к их мировоззрению, морали, политическим взглядам и социологическим характеристикам. Для них мы — профессиональные агитаторы, которых еще труднее понять, чем фашистов. Мы, без сомнения, представляем большую угрозу, чем коммунистическая партия. Мы — наиболее опасные агитаторы из тех, с которыми когда-либо имела дело эта эпоха. В этом-то Блосс прав».

— Откуда вы родом? — спросил Блосс. — Вы же не происходите ни из одной части Соединенных Штатов, или, может, я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь, — ответил Джо. — Мы — граждане Северо-Американской конфедерации. — Он вытащил из кармана двадцатицентовик с изображением Ранкитера и вручил его Блосу. — Возьмите от меня в подарок, — сказал он.

Глянув на монету, Блосс замер от изумления.

— Этот профиль... Да ведь это умерший! Это мистер Ранкитер, — произнес он дрожащим голосом. Он еще раз посмотрел на монету и побледнел. — Эта дата! 1990 год.

— Не все сразу, — посоветовал ему Джо.

Когда «Виллис-Кнайт» добрался до Предсмертного Дома Простого Пастора, церемония уже закончилась. На широких белых деревянных ступенях двухэтажного дома стояла группа людей. Джо сразу узнал всех их. Вот они, нашлись наконец: Эди Дорн, Типпи Джексон, Джон Илд, Франческа Спаниш, Тито Апостос, Дон Денни, Сэмми, Фред Зафски и ... Пат. «Моя жена», — подумал он, вновь ошеломленный ее яркой красотой: необычайными черными волосами, глубокими тонами глаз и кожи.

— Нет, — громко произнес он, выходя из машины. — Она мне не жена, она это вычеркнула. — И тут же вспомнил: — Но перстенок оставила — оригинальное обручальное кольцо из кованого серебра и нефрита, которое мы вместе выбирали... Вот и все, что осталось. — Но новая встреча с Пат была для него потрясением. Словно на мгновение вернулась внешняя оболочка супружества, которое уже перестало существовать — да, по сути дела, оно никогда и не существовало, — но, однако же, это колечко — вот оно, наглядное доказательство. Впрочем, и оно может когда-нибудь исчезнуть, если однажды Пат захочет избавиться и от этого последнего следа.

— Привет, Джо Чин, — произнесла она холодно, несколько ироническим тоном, внимательно присматриваясь к нему.

— Привет, — неловко ответил он. Остальные тоже поздоровались с ним, но это было менее важно, все его внимание сосредоточилось на Пат.

— А где Эл Хэммонд? — спросил Дон Денни.

— Эл умер. Венда Райт тоже, — сообщил Джо.

— О Венде мы уже знаем, — спокойно сказала Пат.

— Нет, не знаем, — вмешался Денни. — Мы только предполагали, что она умерла, но не были уверены. Во всяком случае, я. Что с ними произошло? Кто их убил? — обратился он к Джо.

— Они умерли от истощения, — ответил Чип.

— От чего? — резко спросил Тито Апостос, расталкивая собравшихся вокруг Джо людей.

— Последнее, что ты нам сказал, Джо, — вмешалась Пат, — тогда, в Нью-Йорке, когда уходил вместе с Хэммондом...

— Я помню, что я сказал, — перебил ее Джо.

— Ты сказал что-то о времени, — продолжала Пат. — Сказал: «Слишком много времени прошло». Что это значит? Это как-то связано с происходящим?

— Мистер Чип, — взволнованно сказала Эди Дорн, — с тех пор как мы прибыли сюда, в этот город, тут произошли радикальные изменения. Никто из нас ничего не понимает. Вы тоже заметили эти перемены? — Движением руки она обвела морг, улицу, дома...

— Я не знаю точно, что именно вы видите, — заметил Джо.

— Черт бы тебя побрал, Чип! — гневно произнес Тито Апостос. — Не крути. Бога ради, скажи нам попросту, какое впечатление производит на тебя этот город. Эта машина... — Он жестом указал на «Виллис-Кнайт». — Скажи, что это за машина, та, на которой ты приехал?

Все ждали, напряженно всматриваясь в Джо.

— Мистер Чип, — пробормотал Сэмми Мандо, — ведь это настоящий старинный автомобиль, не так ли? Сколько ему лет?

— Шестьдесят два, — пробормотал Сэмми.

— Шестьдесят два, — ответил Джо после недолгого размышления.

— Значит, 1930 год, — сказала Типпи Джексон Дону Денни. — Примерно то, что мы и предполагали.

— Мы решили, что находимся в 1939 году, — спокойно сообщил Джо Дон Денни. В голосе его, ровном, спокойном, безмятежном баритоне, не было и следа волнения. Даже в таких обстоятельствах.

— Установить дату было сравнительно легко, — сказал Джо. — Еще в своей нью-йоркской квартире я заглянул в газету. Она была от 12 сентября. Значит, сегодня 14 сентября 1939 года. Французы думают, что прорвали линию Зигфрида.

— Что, как ни посмотри, выглядит чертовски забавно, — заметил Джон Илд.

— Я надеялся, что вы, как группа, пребываете на более позднем этапе действительности, — заявил Джо. — Ничего не поделаешь, такова ситуация.

— Если это 1939 год, то нам следует принять это к сведению, — заметил Фред Зафски высоким скрипучим голосом. — Разумеется, все мы переживаем эти события одинаково. Или есть какие-нибудь варианты? — Он энергично жестикулировал своими длинными руками, словно призывая остальных поспорить с ним.

— Зафски, успокойся, — раздраженно попросил Тито Апостос.

Джо Чип повернулся к Пат.

— А что ты об этом думаешь?

Пат пожала плечами.

— Не пожимай плечами. Ответь мне.

— Мы переместились во времени, — сказала Пат.

— Не совсем так, — возразил Джо.

— Что же мы, по-твоему, сделали? Отправились в будущее?

— Мы не трогались с места, — ответил Джо. — Мы находимся там, где были всегда. Но по какой-то причине — существует целый ряд возможных причин — реальность пережила регрессивный процесс, утратила привычные нам точки отсчета и откатилась к предыдущему этапу. К этапу, на котором она находилась пятьдесят три года назад. Впрочем, возможен и дальнейший регресс. В эту минуту более всего меня интересует, является ли этот Ранкитер (он кивнул в сторону Предсмертного Дома Простого Пастора) тем Ранкитером.

— Ранкитер, — отозвался Дон Денни, на этот раз с чрезмерным восторгом, — лежит внутри этого дома в своем гробу, мертвый как селедка. Это единственная форма, в которой он нам явился, и мы уже не увидим его больше ни в каком ином виде.

— Слово «УБИК» ассоциируется у вас с чем-нибудь, мистер Чип? — спросила Френси Спаниш.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы понять смысл ее вопроса.

— Бога ради, — ответил он после некоторого замешательства, — вы же способны отличить видения от...

— У Френси сны, — пояснила Типпи Джексон. — Все время. Расскажи ему свой сон про «УБИК», Френси. — Она повернулась к Джо. — Сейчас она расскажет вам свой, как она выражается, «Сон об «УБИКЕ». Он ей приснился прошлой ночью.

— Я его так называю, потому что это и в самом деле сон об Убике, — выпалила Френси, нервным движением переплетая пальцы. — Послушайте меня, мистер Чип, этот сон отличается от тех, какие мне снились до сих пор. Из неба выросла огромная рука, словно бы ладонь длани Господа. Она была огромная — размером с гору. В тот момент я понимала, что дело касается чего-то важного: кисть была сжата в кулак, напоминающего скалу. Я знала, что внутри него находится какая-то очень ценная вещь, от которой зависит моя жизнь и жизнь всех жителей Земли. Я ждала, пока кулак раскроется, а когда это наконец произошло, я увидела, что было в сжатой руке.

— Бутылка с аэрозолем, — сухо подсказал Дон Денни.

— На этой бутылке, — продолжала Френси Спаниш, — крупными золотыми буквами, сияющими золотым пламенем, написано было только одно слово: УБИК. Ничего более. Только это странное слово. Потом ладонь сомкнулась снова, и рука исчезла за пеленой серых облаков, словно просто поднялась вверх. Сегодня перед началом отпевания я заглянула в словарь и позвонила в библиотеку. Однако никто не знает, что это за слово и даже на каком языке; в словаре его нет. Сотрудник библиотеки утверждает, что это английское слово. Правда, существует одно латинское слово, очень на него похожее: оно значит...

— ... «везде», — закончил Джо.

— Совершенно верно, — кивнула Френси Спаниш. — Но нет такого слова «УБИК», а именно так оно выглядело в моем сне.

— Оба эти слова имеют одинаковое значение, — сказал Джо. — Разница лишь в написании.

— Откуда ты знаешь? — упрямо спросила Пат Конли.

— Вчера мне явился Ранкитер, — объяснил Джо. — Выступал в телерекламе, записанной до его смерти. — Он не стал вдаваться в подробности, все выглядело слишком сложным, чтобы можно было детально что-то объяснить, особенно в этот момент.

— ... Жалкий глупец, — сказала ему Пат.

— Почему? — спросил он.

— Ты счел это указаниями мертвеца? С таким же успехом ты можешь считать формой его появления письма, написанные им до смерти. Или же деловые заметки, которые он вел много лет. Или даже...

— Я иду внутрь, чтобы в последний раз посмотреть на Ранкитера, — прервал ее Джо.

Он отделился от остальных членов группы, которые остались на месте, и по широким деревянным ступеням вошел в темное и холодное нутро морга.

Пустота. Ни одной живой души. Он был в просторном помещении с многочисленными рядами кресел, напоминающими церковные скамьи. В противоположном конце зала он увидел гроб, украшенный цветами. В маленьком боковом помещении стоял старинный орган, приводимый в действие мехами, и несколько складных деревянных стульев. Помещение было пропитано запахом пыли и цветов; этот мерзкий сладковатый запах

показался ему отвратительным. Подумать только, сколько жителей штата Айова приобшились вечности в этих бездушных четырех стенах. Он ясно представил себе носовые платочки, торчащие из карманов, толстые, темные шерстяные костюмы... ну и так далее, вплоть до медяков, которыми прикрывали глаза мертвым. И орган, исторгающий короткие, ритмичные псалмы.

Он подошел к гробу и, немного поколебавшись, заглянул внутрь.

В уголке гроба лежала груда обожженных высушенных костей. Поверх них — череп, тонкий, как бумага, оскалившийся в его сторону в ехидной гримасе. Запавшие глаза напоминали высохшие виноградины. Вокруг останков Ранкитера валялись клочки материала с торчащими, как щетина, нитями — казалось, их занесло сюда ветром. словно сам труп втянул их сюда своей слабеющей чередой вдохов и выдохов, которые теперь полностью прекратились. Все было абсолютно неподвижно. Таинственный процесс перемен, уничтоживший Венду и Эла, пришел к своему концу, и, скорее всего, уже давно. «Много-много лет назад», — подумал Джо, вспомнив Венду.

Что видели члены группы? То же самое? Или все это произошло после завершения церемонии? Джо поднял дубовую крышку гроба и закрыл его; удар дерева о дерево глухим эхом прокатился по пустому залу, но никто его не услышал, никто не явился.

Ослепленный слезами, которые выдавил из него страх, он выбрался из пропыленного тихого зала и вновь оказался в слабом солнечном свете позднего дня.

— Что случилось? — спросил Дон Денни, когда Джо опять присоединился к группе.

— Теперь ты выглядишь смертельно испуганным глупцом, — заявила вызывающе Пат Конли.

— Ничего, — ответил он. — Ничего не случилось! — Он посмотрел на них с внезапной враждебностью.

— Ты не встретил там случайно Эди Дорн? — спросила Типпи Джексон.

— Она куда-то исчезла, — пояснил Джон Илд.

— Но ведь она только что была здесь, — возразил Джо.

— Она целый день говорила, что ей страшно холодно и что она устала, — сказал Дон Денни. — Может быть, она вернулась в отель; она еще раньше говорила, что сразу после отпевания хочет лечь и выспаться. Наверняка с ней все в порядке.

— Наверняка она уже мертва, — возразил Джо и, обращаясь ко всем, сказал: — Я думаю, что все уже поняли: если кто-то отделился от группы — он умирает. Так уже случилось с Вендой, Элом, Ранкитером... — Он неожиданно замолк.

— Ранкитер был убит во время взрыва, — поправил его Дон Денни.

— Мы все погибли во время взрыва, — сказал Джо. — Об этом мне сообщил Ранкитер: написал на стене мужского туалета в нашей нью-йоркской конторе. Эту надпись я заново видел на...

— Это безумие, то, что ты говоришь, — прервала его Пат. — Так был Ранкитер убит или нет? А мы — погибли мы или живем? Ты говоришь то так, то этак. Ты что, не можешь держаться единственной версии?

— Постарайся быть последовательным, — вмешался Джон Илд. Остальные кивали головами, выражая немую солидарность. Лица напряжены, в душах поселился страх.

— Я могу сказать вам, как звучала надпись на стене, — продолжал Джо. — Могу рассказать о старом магнитофоне и приложенной к нему инструкции по обслуживанию. Могу сообщить о телерекламе, Ранкитера, о записке, которую мы нашли в блоке сигарет в Балтиморе и об этикетке на бутылке с эликсиром «УБИК». Но я не могу связать все это в логическое целое, но как бы там ни было, нам надо побыстрее добраться до вашего отеля и отыскать там Эди Дорн, прежде чем она исчерпает свои силы и исчезнет навсегда. Где тут можно найти такси?

— Владелец морга одолжил нам машину, которой мы можем пользоваться во время пребывания в Дес Мойнесе, — сказал Дон Денни. — Вот этот «Пирс-Эроу». — Он показал на автомобиль пальцем.

Они поспешно направились к нему.

— Всем нам не поместиться, — сказала Типпи Джексон, в то время как Дон Денни, широко распахнув тяжелую железную дверь, влез внутрь.

— Спросите у Блисса, нельзя ли нам взять «Виллис-Кнайт», — посоветовал Джо. Он включил двигатель «Пирс-Эроу» и, когда все усевшиеся в машину разместились, вывел ее на оживленную главную улицу Дес Мойнеса. «Виллис-Кнайт» тронулся вслед за ними. Время от времени клаксон его мяукал, сообщая Джо, что машина не отстаёт.

Помести в свой тостер превосходный «УБИК», изготовленный исключительно из свежих фруктов и живительного овощного сока. «УБИК» прекрасно разнообразит ужин, оживит твой завтрак. Безвреден при использовании согласно инструкции.

ХII

«Умираем один за другим, — думал Джо Чип, пробираясь на огромной машине сквозь уличное движение. — В моей теории есть какая-то ошибка. Эди находилась вместе с группой и должна была быть в безопасности. Я же... Это я должен был умереть, — подумал он. — Во время этого полета из Нью-Йорка».

— Мы должны взять за правило, — обратился он к Дону Денни, — если кто-то из нас почувствует утомление — кажется, именно так выглядит первый тревожный сигнал, — он обязан сообщить об этом остальным. Также никому не следует уединяться.

— Все слышали? — Дон Денни повернулся к сидящим за ним. — Как только кто-то из вас почувствует усталость — пусть даже не очень сильную, — он должен сообщить об этом мистеру Чипу или мне. — Он снова обратился к Джо: — И что дальше?

— И что же дальше, Джо? — как эхо повторила Пат Конли. — Что будем делать дальше? Мы все тебя слушаем.

— Мне кажется странным, что ты совсем не пользуешься своими возможностями, — сказал ей Джо. — Теперешняя ситуация как будто создана для тебя. Почему ты не можешь сместиться во времени на четверть часа и сказать Эди, чтобы она не уходила? Почему не повторишь того, что ты сделала, когда я знакомил тебя с Ранкитером?

— Это Г.Г.Эшвуд знакомил меня с Ранкитером, — поправила его Пат.

— Значит, ты не собираешься ничего делать? — спросил Джо.

— Мисс Конли и мисс Дорн вчера поссорились за обедом, — смеясь, сообщил Сэмми Мандо. — Мисс Конли ее не любит, вот она и не хочет ей помочь?

— Я любила Эди, — возразила Пат.

— Правда, почему ты не пользуешься своими возможностями? — поинтересовался и Дон Денни. — Джо прав: это странно и непонятно, по крайней мере для меня, почему ты не пытаешься ей помочь.

— Я утратила свои способности, — сказала Пат после минутной паузы. — С момента взрыва бомбы на Луне.

— А почему ты не сказала нам об этом? — удивился Джо.

— Черт побери, да не хотелось мне об этом говорить, вот и все, — разозлилась Пат. — Почему я сама должна говорить о себе такие вещи? Я все время пробую и все время безрезультатно. Такого со мной еще не случалось. Это очень странно: ведь получила-то я эти способности на всю жизнь.

— Когда же ты... — начал Джо.

— В связи с Ранкитером, — перебила его Пат. — На Луне, сразу же после взрыва, прежде чем ты спросил меня об этом.

— Значит, ты давно об этом знаешь, — подвел итог Джо.

— Я сделала еще одну попытку в Нью-Йорке, после твоего возвращения из Цюриха, когда стало ясно, что с Вендой произошло что-то страшное. Пыталась это сделать и сейчас, когда ты сказал, что Эди, вероятнее всего, мертва! Может быть, это потому, что нас отбросило в такие архаические времена, может быть, в 1939 году пси-способности еще не функционировали. Но это не объясняет того, что произошло на Луне. Разве что мы уже тогда сместились в предшествующее время, только не давали себе в том отчета. — Она погрузилась в глубокое молчание, на ее подвижном лице, обращенном к пробегающим за окнами машинам, улицам, была печаль.

«Это верно, — думал Джо. — Разумеется, она утратила свои способности перемещения во времени. По сути дела, и год сейчас не 1919, мы находимся полностью вне времени. Из этого следует, что Эл был прав.

Надпись на стене говорила правду. Мы пребываем в состоянии полужизни, как и сообщал автор стишков».

Однако он не стал говорить вслух. «Зачем сообщать, что ситуация безнадежна? — думал он. — Они скоро и сами в этом убедятся. Наиболее сообразительные из них, Денни например, уже сейчас это понимают, исходя из того, что я им рассказал и что они сами пережили».

— Кажется, тебя это очень огорчило, то, что Пат утратила свои способности, — сказал ему Дон Денни.

— Разумеется, — согласился Джо. — Я надеялся, что с ее помощью нам удастся изменить ситуацию.

— Наверняка дело не только в этом, — сказал Дон, руководимый интуицией. — Я это чувствую по твоему... — пощелкал пальцами, — ... пожалуй, по твоему тону.

— Дальше опять прямо? — спросил Джо, притормаживая у перекрестка.

— Сверни направо, — сказала Типпи Джексон.

— Увидишь кирпичное здание с бегающей неоновой надписью, — сказала Пат. — Отель «Мармонт» — так называется это кошмарное строение. Одна умывальня на два номера и ванна вместо душа. А еда... Гадость невообразимая. Единственный напиток у них в меню — какое-то пойло под названием «Нэи».

— А мне эта еда понравилась, — возразил Дон. — Настоящая говядина вместо синтетического протеина. Свежий лосось...

— У вас нет хлопот с вашими деньгами? — спросил Джо. Неожиданно он услышал высокий воющий звук, доносившийся вдоль улицы. — Что это такое? — спросил он у Денни.

— Не знаю, — нервно ответил Дон.

— Это полицейская сирена, — сообщил Сэмми Мандо. — Ты свернул, не подав сигнала.

— А как это можно сделать? — спросил Джо. — На приборной доске нет переключателя-указателя направления.

— Надо было показать рукой, — ответил Сэмми.

Сирена раздалась рядом с машиной. Повернув голову, Джо увидел мотоцикл, поравнявшийся с их автомобилем. Он затормозил, не зная, что делать дальше.

— Останови у тротуара, — посоветовал Сэмми.

Джо свернул к краю мостовой и остановился.

Полицейский слез с мотоцикла и быстрым шагом подошел к Джо. Это был молодой человек с худощавым лицом, большими глазами и острым взглядом.

— Ваши водительские права, — сказал он, внимательно рассматривая Джо.

— У меня их нет, — признался Чип. — Составьте протокол и позвольте нам ехать дальше. — Он уже видел отель и потому, повернувшись к Дону Денни, сказал: — Может, вам лучше выйти и дойти пешком?

«Виллис-Кнайт» продолжал двигаться в сторону отеля. Дон Денни, Пат, Сэмми Мандо и Типпи Джексон вышли из машины и, оставив Джо один на один с полицейским, направились к «Виллис-Кнайту», который в это время притормаживал у здания на противоположной стороне улицы.

— Но какое-нибудь удостоверение личности у вас есть? — настаивал полицейский.

Джо показал ему свой бумажник. Красным карандашом полицейский заполнил бланк, вырвал его из своего блокнота и протянул Джо со словами:

— Поворот без сигнала. Отсутствие водительских прав. На обороте написано, когда и куда вы должны явиться. — Он закрыл блокнот с бланками, неторопливым шагом вернулся к мотоциклу, дал газ и, не оборачиваясь, быстро сорвался с места и исчез в уличной суете.

Сам не зная зачём он это делает, Джо, прежде чем спрятать повестку в карман, заглянул в нее. Потом, уже медленно, прочитал еще раз. Он узнал почерк, которым в спешке было написано следующее:

«Вы в гораздо большей опасности, чем я предполагал. То, что сказала Пат Конли, было...»

На этом текст обрывался. На середине предложения. Он попытался образить, что могло быть дальше. Не было ли на повестке еще какой-нибудь надписи? Не найдя ее на обороте, он снова стал внимательно изучать лицевую сторону. Ничего. Но в самом низу помещался отпечатанный крохотными, нечеткими буквами текст, сообщавший:

«Посети аптеку Арчера, продающую по доступным ценам безотказные средства, незаменимые в домашнем хозяйстве, а также медикаменты в точной и проверенной дозировке».

«Немного мне это говорит», — подумал Джо. И все-таки не это же должно быть написано в повестке, врученной ему работником дорожной полиции города Дес Мойнес. Очевидно, это был следующий знак, такой же, как и написанный красным карандашом.

Он вел машину, раздумывая над этим. Увидев магазин, в котором продавались газеты, сладости и табачные изделия, он вышел из машины и, подойдя к владельцу магазина, спросил:

— Могу я воспользоваться вашей телефонной книгой?

— В магазине, — живо отозвался хозяин, указывая направление пухлым пальцем.

Джо отыскал телефонную книгу и в темном углу крохотного магазинчика попытался найти в ней аптеку Арчера. Однако в книге ее не было.

Закрыв справочник, он подошел к хозяину, который как раз продавал кому-то пачку вафель «Неккор».

— Вы не знаете, где находится аптека Арчера? — спросил Джо.

— Нигде, — ответил владелец. — Теперь — нигде.

— Как это?

— Она закрылась несколько лет назад.

— Скажите все же, где она находилась? Не могли бы вы нарисовать мне, как к ней пройти?

— Это ни к чему, я и так вам объясню. — Плотно сложенный мужчина наклонился вперед, протянув руку к двери магазина. — Видите ту вывеску — «Парикмахерская»? Дойдете до нее и повернете на север. Север вон там, — махнул рукой. — Вы увидите старый желтый дом с расписанным карнизом. Некоторые комнаты наверху еще заселены, но помещение на первом этаже пустует. Там еще сохранилась надпись — «Аптека Арчера», так что вы ее узнаете. Вы легко ее найдете. А было так: старый Эд Арчер заболел раком горла и...

— Благодарю вас, — сказал Джо.

Он вышел из лавочки и вновь оказался на улице, залитой слабеющим светом вечернего солнца. Быстро пересек мостовую и, дойдя до парикмахерской, свернул в указанном направлении.

В глубине улицы он заметил высокий дом, с которого уже начала осыпаться желтая краска. Однако что-то насторожило его во внешнем виде здания. Он заметил странное мерцание, легкое дрожание, как будто дом то принимал реальные очертания, то, несколько искажаясь, обретал нереальные формы. Каждая последующая фаза этого колебательного процесса занимала несколько секунд; потом следовала обратная фаза. Эти изменения происходили в строгом ритме, будто перед ним был живой организм, живое существо. Наверно, мне пришел конец, решил он и направился к брошенной аптеке, не отводя от нее взгляда. Теперь он наблюдал вблизи пульсирование здания и начал улавливать характер перемен, происходящих с ним. Они различались между собой как северный и южный полюса.

Когда дом приобретал реальные очертания, это был обычный хозяйственный магазин из родного для Джо времени. Лавочка самообслуживания, управляемая гомеостатком, в котором можно было купить десять тысяч разных предметов, составляющих оборудование современной квартиры. С тех пор как Джо стал взрослым, он частенько пользовался этими очень удобными, контролируемыми компьютерами, магазинами такого типа.

В фазе своей нереальности дом превращался в маленькую старинную аптеку с карнизом в стиле рококо. В ее небольшой витрине Джо видел бандажи, стекла для очков, от руки написанную вывеску: «ПИЯВКИ», большие бутылки со стеклянными пробками, действенные препараты и бесполезные медикаменты... Он заметил также слова: «АПТЕКА АРЧЕРА», нарисованные на полированной деревянной панели, идущей над окнами. Это уже не было пустое, брошенное, ликвидированное здание, но это был и не 1939 год.

«Значит, входя в аптеку, — прикинул Джо, — я или продолжу свой путь вспять, или же окажусь в современной мне эпохе. Похоже на то, что я нахожусь во временах еще более древних, чем 1939 год».

Какое-то время он стоял перед зданием, внимательно наблюдая меняющиеся фазы, напоминающие ему прилив и отлив. Он почувствовал, какая-то сила толкает его вперед. Проходящие мимо него люди ни на что

не обращали внимания; вероятнее всего, никто из них просто не замечал того, что видел Джо, ни аптеки Арчера, ни хозяйственного магазина из 1992 года. Именно это показалось Джо наиболее загадочным.

И когда дом принял свой старинный облик, Джо шагнул вперед, переступил порог и оказался в аптеке Арчера.

Справа от входа шла длинная стойка с мраморной крышкой. На полках стояли выцветшие коробки. Все помещение казалось погруженным во мрак, и не только из-за отсутствия света, но и потому, что в окраске доминировали охряные тона. Словно так и было задумано, чтобы здесь всегда царила тьма. Тяжелая, густая атмосфера давила на Джо, словно на него взвалили солидный груз. Колебания здания прекратились, по крайней мере он перестал наблюдать их, как только оказался внутри. Он не был уверен, что поступил правильно; теперь, с опозданием, он попытался понять, что означал бы для него противоположный выбор. «Может быть, возвращение в свое время, — подумал он. — Прыжок этого деградировавшего мира, в котором постепенно происходит вырождение времени, и, не исключено, навсегда. Ну что ж, дело сделано». Он прошелся по аптеке, присматриваясь к латунному и деревянному, скорее всего из итальянского ореха, внутреннему оборудованию, добрался, наконец, до расположенного в глубине окошка, в котором принимались рецепты.

Художавый молодой человек в костюме пепельного цвета, застегнутом на множество пуговиц, и жилете появился в окошке и встал напротив Джо. Какое-то время они в молчании разглядывали друг друга. Тишину нарушал лишь звук висящих на стене часов, круглый циферблат которых украшали римские цифры; его маятник, ритмично постукивая, раскачивался из стороны в сторону. Как и маятник на всех часах. Во всем мире.

— Порцию «УБИКа», — спросил Джо.

— Мази? — спросил продавец. Казалось, движения его губ не совпадали с голосом; сперва Джо увидел, как рот его открывается, потом заметил движение губ и лишь после некоторого интервала до него дошел голос.

— Значит, это мазь, — произнес Джо, — а я думал, его надо принимать внутрь.

Аптекарь какое-то время не отвечал, словно их разделяла пропасть или целая эпоха. Потом рот его снова приоткрылся, губы шевельнулись еще раз. Через минуту Джо услышал слова:

— «УБИК» пережил множество изменений, по мере того как производитель постоянно его усовершенствовал. Может быть, вам известен предыдущий продукт, но не наинновейший.

Продавец сделал полуоборот, его манера двигаться напоминала фильм, снятый методом замедленной съемки, — он передвигался неторопливыми, размеренными, напоминающим танец, шагами. Ритм этот, может быть, и мог бы удовлетворить чье-то эстетическое чувство, но вызывал у Джо страшное раздражение.

— Последнее время у нас были трудности с поставками «УБИКа», — сказал он, вновь появляясь в поле зрения Джо; в правой руке он держал

плоскую, запаянную оловом банку, которую положил перед Джо на прилавок. — Этот препарат изготавливается в виде порошка, который следует смешивать со смолой. Смола продается отдельно, вы можете купить ее за весьма умеренную плату. Порошок же «УБИК» очень дорог: сорок долларов.

— Каковы его составляющие? — спросил Джо. Цена поразила его.

— Это секрет изготовителя.

Джо взял в руки запаянную банку и поднес ее к свету.

— Могу я прочесть надпись на этикетке? — спросил он.

— Разумеется.

В слабом свете, пробивающемся с улицы, ему удалось в конце концов разобрать отпечатанный на этикетке текст. Это было продолжение написанных от руки строк, которые он обнаружил на повестке дорожной полиции, и начинался именно с того места, на котором оборвались написанные рукой Ранкитера слова:

«... абсолютной ложью. Она вовсе не пробовала, повторяю: не пробовала воспользоваться своими способностями после взрыва бомбы. Она также не пыталась вернуть к жизни Венду Райт, Эла Хэммонда и Эди Дорн. Она обманывает тебя, Джо, и этот факт принуждает меня к новому переосмысливанию ситуации. Я дам тебе знать, как только приду к каким-либо выводам. А пока будь крайне осторожен. И еще одно: порошок «УБИК» обладает универсальными лечебными свойствами, если точно и скрупулезно придерживаться рекомендаций, касающихся его использования».

— Не могу ли я заплатить чеком? — спросил Джо аптекаря. — У меня нет при себе сорока долларов, а «УБИК» мне крайне необходим. Это буквально дело жизни и смерти. — Он протянул руку к карману за своей чековой книжкой.

— Вы не житель Дес Мойнеса, правда? — спросил продавец. — Я это понял по вашему акценту. Нет, я должен знать вас, чтобы принять чек на такую крупную сумму. За последние несколько недель мы получили слишком много чеков без обеспечения, и все это были люди не из нашего города.

— Кредитная карточка вас устроит?

— Что такое кредитная карточка? — спросил продавец.

Джо поставил банку с «УБИКом» на прилавок, молча повернулся и вышел из аптеки на улицу. Перешел на другую сторону тротуара и направился к отелю. Потом остановился и еще раз посмотрел на аптеку.

Он увидел лишь дряхлый желтый дом. Окна верхнего этажа были задернуты занавесками, на первом этаже, полностью покинутом, забиты досками. Заглянув сквозь щели между ними, Джо увидел лишь черноту пустого помещения без всяких признаков жизни.

«Значит, ситуация такова, — размышлял он. — Я потерял возможность приобрести банку с порошком «УБИК». Даже если бы вдруг нашел сорок долларов на улице. Но я понял предостережение Ранкитера. Впрочем, неиз-

вестно, чего оно стоит. Оно может оказаться и неправдой. Не исключено, что это ошибочное, деформированное мнение, порожденное умирающим рассудком. Или даже продукт сознания, уже переставшего существовать, как та телереклама. Господи! — вздохнул он. — А если это правда?»

Кое-кто из прохожих начал поглядывать на него. Джо тоже поднял голову и, заслонив ладонью глаза от косо бьющих лучей солнца, заметил крохотную точку, оставляющую за собой белый след, — высоко летящий самолет что-то выписывал на небе. На глазах Джо и остальных прохожих быстро раздуваемая ветром полоска сложилась в надпись: «ВЫШЕ ГОЛОВУ, ДЖО!»

«Легко сказать, — подумал он. — Или написать».

Склонившись под бременем усталости и первыми, еще смутными ощущениями вновь нахлынувшего страха, он поплелся в сторону отеля «Мармонт».

В сводчатом холле с красным ковром, отделанном с провинциальной претенциозностью, он встретил Дона Денни.

— Мы отыскиали ее. Но было уже поздно, — сообщил ему Денни. — По крайней мере, для нее. Зрелище, кстати, малоприятное. Теперь исчез Фред Зафски. Я думал, он в другой машине, а те решили, что он поехал с нами. Скорее всего, он не сел ни в одну из машин и, наверное, до сих пор находится в море.

— События разворачиваются теперь все стремительнее, — сказал Джо. Он задумался, не мог ли «УБИК», постоянно маячащий перед ними, бесчисленное число раз появляющийся в разных ипостасях, как-то повлиять на ситуацию. — Видимо, мы так никогда этого и не узнаем, — пришел он к выводу. — Тут найдется что-нибудь выпить? — спросил он Дона Денни. — Как с деньгами? Опять обесценились?

— За все платит морг. Такое распоряжение они получили от Ранкитера.

— Включая проживание в отеле? — Это показалось ему странным. Каким образом все это было организовано? — Пока мы одни, я хочу показать тебе кое-что, — сказал он Дону и протянул ему листок бумаги. — Есть и продолжение этой записки. Именно за этим я и ходил.

Денни прочитал написанное раз, другой... Затем неохотно вернул бумагу Джо.

— По мнению Ранкитера, Пат нам врет.

— Да, — сказал Джо.

— А ты понимаешь, что это означает? — внезапно повысил голос Дон. — Это означает, что она была в состоянии перечеркнуть все это. Все, что с нами происходило, начиная со смерти Ранкитера.

— Может быть, за этим кроется и нечто большее, — заметил Джо.

— Ты прав, — согласился Дон, посмотрев ему прямо в глаза. — Да, ты совершенно прав. — До него начал доходить смысл сказанного Джо. Растерянность на его лице сменилась выражением понимания, смешанного с болью и тревогой.

— Все это мне не очень нравится, — сказал Джо. — Похоже, все обстоит гораздо хуже, чем предполагал, например, Эл Хэммонд. Хотя и с его точки зрения, ситуация была достаточно мерзкой.

— Возможно, так оно и было, — сказал Дон Денни.

— Все время, пока это творилось, — сказал Джо, — я пытался понять причину. Я был уверен, что если бы я ее знал...

«Но Элу это так и не пришло в голову, — подумал он. — Мы оба сознательно обходили в своих предположениях эту возможность. И не без оснований».

— Не надо ничего говорить остальным, — попросил Дон. — Может быть, мы неправильно оцениваем ситуацию. И даже если это правда, сделать уже ничего нельзя. Им она уже ничем не поможет.

— Чего это нельзя сделать? — раздался голос Пат. — Что им не поможет? — Она остановилась перед ними, ее быстрые, удивительно темные глаза были совершенно спокойны. Спокойны и серьезны. — Это ужасно, то, что произошло с Эди Дорн. И с Фредом Зафски... Мне кажется, он тоже умер. Немного нас теперь осталось, не так ли? Интересно, кто будет следующим. — Она казалась спокойной, полностью владеющей собой. — Типпи лежит в своей комнате. Она ничего не говорит, но вид у нее очень усталый. Вероятно, это конец. Вы со мной согласны?

— Да, ты права, — сказал, чуть помедлив, Дон Денни.

— Джо, что тебе написали в повестке? Можешь показать? — спросила Пат, протягивая руку.

Джо отдал ей листок. «Самое подходящее время, — подумал он. — Все должно произойти сейчас, прошлое сжалось до одной минуты. До одной секунды».

— Откуда полицейский знает мое имя? — спросила Пат, разглядывая бланк. Она подняла глаза и внимательно посмотрела сначала на Джо, потом на Дона Денни. — Почему здесь написано что-то обо мне?

«Она не узнала почерк, — подумал Джо. — Это потому, что она не знает его так хорошо, как мы».

— Это Ранкитер, — сказал он. — Правда, что это ты все сделала, Пат? Ты и твой дар? Мы оказались здесь в результате твоей деятельности.

— И ты нас постепенно убиваешь, — повернулся к ней Дон Денни. — Одного за другим. Но зачем? — Теперь он повернулся к Джо: — Какие у нее могут быть причины?

— Для этого ты и поступила в «Корпорацию Ранкитера»? — спросил Джо. Он попытался сохранить спокойствие, однако заметил, что голос его подрагивает и почувствовал внезапный прилив презрения к себе. — Тебя отыскал и привел Г.Г.Эшвуд. Он работал на Холлиса, так? Получается, все, с чем мы столкнулись, не было несчастным случаем, это не из-за взрыва бомбы, из-за тебя?

Пат усмехнулась.

И холл отеля взорвался перед глазами Джо.

Чтобы принять привлекательный вид, расправь плечи и напряги прекрасные формы. Новый, необычайно удобный бюстгалтер «УБИК», при применении согласно инструкции, гарантирует в течение дня приятное и ненавязчивое поддержание бюста.

ХIII

Тьма клубилась вокруг него, облепляя его тело, словно отвердевшая, влажная, теплая кожа. Страх, который он ощущал ранее как неясную угрозу, сделался теперь чем-то осязаемым и конкретным. «Я был неосторожен, — подумал он. — Не послушался Ранкитера — показал ей записку».

— Что такое, Джо? — В голосе Дона Денни звучала тревога. — Что случилось?..

— Все в порядке. — Перед глазами у него уже начало что-то проясняться. Во тьме появились горизонтальные светло-серые полосы, словно мрак начал рассеиваться. — Просто я устал, — произнес он и почувствовал, как неопишуемая слабость охватывает все его тело. Никогда в жизни так не уставал.

— Я помогу тебе дойти до кресла, — сказал Дон Денни.

Джо почувствовал, как Дон ухватил его под локоть, и осознание того, что он нуждается в этом поддержании, подняло в нем новую волну страха. Он освободил руку.

— Со мной все в порядке, — повторил он снова. Перед ним начала материализовываться фигура Денни. Он сосредоточил на ней все свое внимание, и через минуту перед ним уже выступил из тьмы холл отеля времен середины века, отделанная хрусталем люстра и сложная система желтых ламп. — Я посижу, — сказал он и на ощупь отыскал кресло с плетеным камышовым сиденьем.

— Что ты с ним сделала? — резко спросил Дон Денни у Пат.

— Ничего она мне не сделала, — вмешался Джо, стараясь придать твердость своему голосу. Однако голос прозвучал пискливо, неестественно. «Словно бы меня записали, а потом прокрутили ленту со слишком большой скоростью, — подумал он. — Тонкий, пронзительный голос. Как будто чужой».

— Это правда, — подтвердила Пат. — Я ничего не сделала ни ему, ни кому-либо еще.

— Я хотел бы подняться вверх и лечь, — сказал Джо.

— Пойду сниму тебе номер, — нервно сказал Дон Денни. Он кружил вокруг Джо, то появляясь, то исчезая в слабнушем с каждой минутой свете ламп. Убывая, освещение приобретало мутно-красный оттенок, потом на мгновение становилось ярче и снова ослабевало. — Оставайся здесь, в этом кресле, Джо. Я сейчас вернусь.

Денни поспешил в сторону администрации. Пат осталась на месте.

— Могу я чем-нибудь помочь тебе? — мягко спросила она.

— Нет, — ответил Джо. Ему стоило огромного труда произнести это слово. Казалось, оно было заключено в самой глубине его сердца, словно в пещере, которая расширялась с каждой секундой. — Разве что сигарету, — добавил он. Эти слова полностью обессилили его. Он чувствовал, как бьется его сердце, и этот нервный ритм еще больше ухудшил его состояние. Ему казалось, что на него, словно давление огромной ладони, обрушился дополнительный груз. — У тебя есть сигареты? — спросил он, с трудом поднимая глаза и глядя на нее в мигающих бликах неверного красного света.

— Нет, — ответила Пат. — Мне очень жаль.

— Что... со мной? — спросил Джо.

— Может, сердечный удар, — высказала предположение Пат.

— Как ты думаешь, есть ли какой-нибудь врач в этом отеле?

— Сомневаюсь.

— Ты не могла бы разузнать? Поискать его? — удалось ему выдавить из себя.

— Мне кажется, что это чисто психомাগического свойства. На самом деле ты не болен. Это скоро пройдет.

— Номер тебе есть, — сказал Дон Денни, вернувшись к ним. — На втором этаже, двести третий. — Он замолчал, и Джо почувствовал, что Дон изучающе и со все возрастающей тревогой смотрит на него. — Джо, ты ужасно выглядишь. Кажется, тебя может унести дуновение ветра. Господи, знаешь, что это напоминает мне? Так выглядела Эди Дорн, когда мы ее нашли.

— Ничего подобного, — возразила Пат. — Эд умерла. Джо жив. Правда, Джо?

— Я хотел бы пойти наверх и лечь, — сказал Джо.

Каким-то чудом ему удалось подняться. Сердце его работало с перебоями, на мгновение оно переставало биться, потом снова бралось за дело, грохоча, как металлические листы, упавшие на бетонную плиту. Каждый удар сотрясал все его тело. — Где лифт? — спросил он.

— Я проведу тебя к нему, — отозвался Дон. Его рука снова сжала локоть Джо. — Ты ослабел. Что с тобой творится, Джо? Ты можешь мне отвечать? Ты знаешь, в чем дело? Попытайся объяснить мне.

— Он этого не знает, — сообщила Пат.

— Я думаю, нам следует вызвать врача, — заявил Денни. — Причем немедленно.

— Нет, — ответил Джо. «Мне станет легче, когда я прилягу», — подумал он.

Он чувствовал, его влечет какая-то невообразимая сила, равная силе приливов и отливов беспокойного океана, она приказывала ему лечь. Он испытывал сейчас только одну потребность: вытянуться на спине и остаться в одиночестве в своем номере. Там, где никто его не увидит. «Я должен добраться туда, — думал он. — Должен остаться один». Почему должен? — он не знал ответа на этот вопрос. Просто его охватила

иррациональная, инстинктивная жажда одиночества; он не мог ни понять ее, ни объяснить.

— Я схожу за врачом, — сказал Денни. — Пат, побудь с ним здесь. Не спускай с него глаз. Я постараюсь вернуться как можно быстрее. — Он ушел. Джо смутно различал его удаляющуюся фигуру. Ему казалось, что Дон сжимается и уменьшается, наконец, он совершенно исчез. Осталась Пат Конли, но ощущение одиночества не проходило. Несмотря на ее присутствие, он не мог избавиться от чувства полной уединенности.

— Ну что, Джо, — произнесла она, — что ты хочешь? Скажи, чем я могу тебе помочь?

— Лифт... — выдавил он.

— Хочешь, чтобы я довела тебя до лифта? Охотно.

Она двинулась вперед, а он, в меру своих сил, старался следовать за ней. Ему казалось, что Пат идет невероятно быстро. Она не оглядывалась и не ждала его, лишь с величайшим трудом ему удавалось не терять ее из вида. «Она в самом деле так быстро идет? — спросил он себя. — Или мне это только кажется? Наверное, виноват я сам — еле-еле тащусь, словно меня придавило силой тяготения».

Он не ощущал своего тела — просто некий предмет, на который воздеиствует земное притяжение. Единственное его качество, единственный признак. А единственное ощущение — чувство беспомощности.

— Не так быстро, — попросил он. Он уже не видел Пат; быстро шагая, она исчезла из его поля зрения. Он остановился, запыхавшись, не в силах сделать больше ни одного шага. Он чувствовал, что его лицо стало мокрым, соленый пот заливал ему глаза. — Подожди, — прошептал он.

Пат снова появилась рядом. Он узнал ее лицо, когда она наклонилась, чтобы посмотреть на него; он отметил ее абсолютно спокойный вид. А также то, что возилась она с ним без тени личной заинтересованности — с отстраненностью и беспристрастностью ученого.

— Хочешь, я вытру тебе лицо? — спросила она, доставая крохотный, изящный носовой платочек с волнистыми краями. На ее лице была обычная улыбка.

— Проводи меня только до лифта.

Он принудил свое тело шагнуть вперед. Один шаг, потом — еще один. Теперь он уже мог видеть дверцы лифта и несколько поджидающих его людей. А также старомодный указатель в виде циферблата часов над раздвигающимися дверями. Причудливая стрелка колебалась между цифрами 3 и 4, на мгновение задержалась на левой половине циферблата, потом снова задрожала, на этот раз между цифрами 2 и 3.

— Через секунду он будет здесь, — сказала Пат. Она достала из сумочки зажигалку, сигареты и закурила, выпуская из носа струйки сероватого дыма. — Это очень старый лифт, — спокойно добавила она, сложив руки. — Мне кажется, он похож на одну из античных железных клеток. Тебе не страшно будет на нем ехать?

Стрелка уже миновала цифру 2, на минуту задержалась на единице, потом обессиленно упала. Двери распахнулись.

Джо увидел забранную решетками ажурную клетку лифта, наряженного в ливрею лифтера, который сидел на стульчике, не убирая руки с кнопок управления.

— Мы поднимаемся вверх, — сообщил он. — Прошу пройти в кабину.

— Я в него не сяду, — заявил Джо.

— Почему? — спросила Пат. — Или ты думаешь, что трос оборвется? Ты этого боишься? Я вижу, ты здорово растерялся.

— То же самое видел Эл, — объяснил Джо.

— Твое дело, Джо, — сказала Пат. — Есть еще способ добраться до твоего номера — подняться по лестнице. Но в твоем состоянии у тебя не хватит на это сил.

— Хватит. — Он сделал шаг вперед, присматриваясь к ступеням. «Теряю зрение, — подумал он. — Не могу их отыскать!» Давящий на него груз сжал грудную клетку, дышать стало трудно и больно. Дошло до того, что ему пришлось остановиться и сконцентрироваться на процессе дыхания. «Может быть, это в самом деле сердечный припадок, — подумал он. — Если так, то мне нельзя подниматься по лестнице». Но он все сильнее ощущал необоримую тягу к одиночеству. Ему хотелось лежать, вытянувшись во весь рост, в тишине, в закрытом на ключ помещении, чтобы не нужно было двигаться или говорить. Освободиться от всех и всего. «Никто даже знать не будет, где я», — думал он. Непонятно почему, но это казалось ему очень важным; он хотел стать неведомым, невидимым, очутиться вдали от людских глаз. «Особено от Пат, — подумал он. — Нельзя, чтобы она была рядом со мной».

— Вот здесь, — сказала Пат. Она указала ему направление, слегка повернув его вправо. — Прямо перед тобой. Просто схватись за перила и ползи вверх, к постели. Ясно? — Легким, пританцовывающим шагом она начала подниматься по ступеням, быстро и ловко, чуть ли не на кончиках пальцев, преодолевая ступеньку за ступенькой. — Справишься?

— Я... не хочу... чтобы ты шла... со мной, — сказал Джо.

— Вот тебе на! — Она ехидно хихикнула, делая вид, что рассердилась. Ее черные глаза заблестели. — Боишься, что я воспользуюсь твоим состоянием? Что причину тебе какой-нибудь вред?

— Нет, — покачал он головой. — Хочу... просто... быть один. — Крепко ухватившись за перила, он кое-как поднялся на первую ступеньку. Остановился и посмотрел вверх, пытаясь увидеть конец лестницы, подсчитать, сколько ступенек осталось ему еще преодолеть.

— Мистер Денни просил, чтобы я осталась с тобой. Я могу почитать тебе, что-нибудь принести, в общем, буду опекать тебя.

Он вскарабкался на следующую ступеньку.

— Я сам ... — выговорил он с трудом.

— Я могу посмотреть, как ты поднимаешься? Мне интересно, сколько времени уйдет на это. Если ты вообще сможешь взобраться.

— Дойду. — Он поставил ногу на следующую ступеньку, ухватился за перила и подтянул себя вверх. Надорванное сердце подкатывало к горлу, давило его. Он закрыл глаза и хрипло с трудом вздохнул.

— Интересно, — продолжала Пат, — не так ли чувствовала себя и Венда. Ведь она была первой, правда?

— Я любил... ее, — прошептал Джо.

— Знаю. Мне сказал Г.Г.Эшвуд. А он прочитал в твоих мыслях. Я с ним очень подружилась, мы провели вместе немало времени. Можно даже сказать, что у нас с ним роман. Ну, конечно, именно так и следовало бы это назвать.

— Наше предположение, — ответил Джо, — было... — он вздохнул поглубже, — верным, — удалось сказать ему. Он преодолел еще одну ступеньку, потом с невероятным трудом следующую. — Что ты и Г.Г... сговорились с Рэем Холлисом... Чтобы ликвидировать...

— Верно, — признала Пат.

... наших наилучших инерциалов... и Ранкитера. Прикончить всех нас. — Он вскарабкался еще на одну ступеньку. — Мы не в состоянии полужизни. Мы не...

— Ох, можете все умереть, — сказала Пат. — Кое-кто еще цепляется за жизнь, ты, например, и все же мрете один за другим. Но зачем об этом говорить? Зачем к этому возвращаться? Ты совсем недавно все это уже высказал и, честно говоря, порядком мне надоел, твердишь одно и то же, как попугай. Впрочем, ты нудный педант, Джо. И почти такой же зануда, как Венда Райт. Вы бы составили превосходную пару.

— Потому Венда и умерла первая, — сказал он. — Не потому, что находилась вдали... от группы. А потому, что... — Он скорчился от внезапного болезненного укола в сердце. Попытался нащупать ногой следующую ступеньку, но на этот раз не попал на нее и споткнулся. Немного погодя он почувствовал, что сидит, сжавшись, как... «Как Венда в том шкафу, точно так же», — подумал он. Вытянув руку, он ухватился за рукав своей рубашки и рванул его.

Материя расплзлась. Высушенная, истлевшая ткань распадалась как дешевая бумага, как оболочка, которой осы покрывают свои гнезда. Все ясно. Скоро начнутся мучения. А пока он будет оставлять за собой следы: обрывки материи. Замусоренный путь, ведущий к номеру отеля, в котором его ждет желанное одиночество. Он доползет до него из последних сил, благодаря энергии, влекущей его к смерти, разложению, несуществованию. Охваченный влиянием ужасных чар, он так и подойдет к собственному гробу.

Он поднялся еще на одну ступеньку.

«Я доползу, — понял он. — Сила, ведущая меня, пожирает мое тело; именно поэтому Венда, Эл, Эди, а теперь и я пережили в момент смерти такое физическое разложение, поэтому-то от них остались лишь лишненные веса пустые оболочки, лишненные чего бы то ни было. Эта сила воюет с многократно усилившейся силой притяжения, пожирая все слабеющее

тело». И однако в его теле остается достаточно энергии, чтобы добраться до верха; тут протекает биологический процесс, и в этот момент даже Пат, хотя она и начала этот процесс, не в состоянии его остановить.

Он попытался представить, что она думает, наблюдая за его восхождением. Удивляется ему? Гордится им? Он поднял голову, чтобы посмотреть на нее, и с трудом отыскал ее, заметил разнообразнейшие оттенки ее полного жизни лица. На нем не было ничего, кроме любопытства и холодного равнодушия. Его это не удивило. Пат ничего не сделала, чтобы помешать ему, и ничего, чтобы помочь. Неизвестно почему, но это показалось ему обнадеживающим.

— Тебе лучше? — спросила Пат.

— Нет, — ответил он. Подтянувшись до половины, он резким движением тела вперед преодолел следующую ступеньку.

— Ты выглядишь по-другому. Словно в тебе прибавилось энергии.

— Это потому, что я точно знаю — я дойду до верха, — сказал Джо.

— Это уже на так далеко, — сказала она.

— Далеко, — поправил ее Джо.

— Ты прямо-таки невероятный тип. Даже испытывая судороги смерти... или, точнее, то, что ты субъективно воспринимаешь как смертельную агонию... — поправила она, намеренно выговаривая слова громко и отчетливо. — Наверно, мне не следовало применять такой термин. Он может угнетающе подействовать на тебя. Старайся сохранить оптимизм, хорошо?

— Скажи мне, — попросил Джо, — сколько еще ступенек... до конца.

— Шесть. — Она отдалилась от него, бесшумно и тихо взобравшись наверх. — Нет, извини, десять. Или девять? Вроде бы девять.

Он преодолел еще ступеньку. Потом следующую. И еще одну. Он ни на что не отзывался и даже не смотрел вперед. Он карабкался вверх, как слизняк, встречая перед собой твердую поверхность, он присасывался к ней, чувствуя всякий раз, как в нем вырабатывается что-то вроде умения, благодаря которому он может рационально пользоваться своим телом, разумно распределяя остаток сил.

— Ты почти на месте, — довольная, сказала Пат, стоя наверху. — Что скажешь, Джо, насчет своего грандиозного подъема? Величайшего подъема в истории человечества. Хотя тут это неверно. То же самое проделали перед тобой Венда, Эл, Эди и Фред. Но лишь за тобой я наблюдала собственными глазами.

— Почему именно за мной? — спросил Джо.

— Потому что мне так захотелось, Джо. Из-за той твоей интрижки в Цюрихе. Когда ты все подстроил так, чтобы Венда Райт провела с тобой ночь в отеле. Только сегодня вечером все будет обстоять иначе. Ты будешь один.

— Тогда... ночью... я тоже... был один. — Еще одна ступенька. Он судорожно закашлялся. С его взмокшего лица капал пот, вместе с ним его покидали бесполезно растраченные силы.

— Венда была с тобой, не в твоей постели, а где-то в твоей комнате. Ты проспал ее посещение, — рассмеялась Пат.

— Пытаюсь... сдержаться от кашля, — сказал Джо. Он преодолел еще две ступеньки и почувствовал, что до конца уже недалеко. «Сколько времени я потратил на эту лестницу?» — вдруг подумалось ему. Ответить на этот вопрос он не смог.

Неожиданно он почувствовал, что, кроме усталости, на него навалился пронзительный холод. «С каких же это пор?» — растерянно подумал он. Наверное, уже давно, но он не заметил когда. «Господи, еще и это!» — сказал он про себя, трясаясь как в лихорадке. Ему казалось, что дрожат даже его кости.

Стужа более лютая, чем на Луне, более свирепая, чем тогда, в его номере, в Цюрихе. Те холода были всего лишь предвестниками того холода, который царил сейчас.

«Метаболизм, — подумал он, — основан на реакции горения. Когда он перестанет действовать, жизни придет конец. Насчет ада, скорее всего, все ошибаются, — продолжал он говорить сам себе. — В аду царит холод, там все замерзает. Тело — это вес и тепло. Теперь же вес — сила, которая меня уничтожает, а тепло, мое собственное тепло, покидает меня. И никогда не вернется, если только после второго моего рождения. И такая судьба уготована всему миру. По крайней мере, я буду не один».

И все же он чувствовал свое одиночество. «Слишком рано пришло ко мне это ощущение, — решил он. — Еще не подошел подходящий момент, что-то должно было ускорить ход событий. Это сделала из любопытства или из-за упрямства какая-то неземная сила, какой-то извращенный, обладающий множеством ипостасей элемент, решивший понаблюдать за мной. Недоразвитое инфантильное существо, которое развлекается моими переживаниями. Оно поработило меня, я для нее — ползущее насекомое, обычный жук, который не может ни улететь, ни убежать. Он может лишь шаг за шагом передвигаться в направлении хаоса и распада. В направлении могилы, места, где пребывает это извращенное существо в окружении собственных нечистот. Существо, которое мы зовем Пат».

— У тебя есть ключ от твоего номера? — спросила Пат. — Представь себе, что бы ты почувствовал, добравшись до второго этажа и обнаружив, что ключа у тебя нет и в номер не попасть.

— Есть. — Он начал обшаривать карманы.

Дырявая, истлевшая рубашка расползлась окончательно и свалилась с его плеч. Когда она упала на пол, из верхнего карманчика вывалился ключ и скатился на две ступеньки ниже. Туда, куда Джо не мог дотянуться.

— Я подниму, — тут же сказала Пат. Она промелькнула мимо него, взяла ключ, подняла его к свету, чтобы разглядеть как следует, и положила на поручень наверху лестницы. — Он лежит вот здесь, ты сможешь взять его, когда завершишь свое восхождение. Это будет твоя награда. Мне кажется, эта комната расположена с левой стороны, четвертая дверь по

коридору. Тебе придется добираться очень осторожно, но это будет куда легче подъема. Твоего вознесения.

— Уже вижу... ключ... и площадку, — сказал Джо. — Вижу конец лестницы.

Обеими руками ухватившись за перила, он пополз наверх, отчаянным усилием преодолевая три ступеньки сразу. На это ушли последние силы; он почувствовал, что давящее на него бремя стало еще тяжелее, холод — еще пронзительнее, а нить, связывающая его с жизнью, еще тоньше. Но...

Он уже взобрался на самый верх.

— До свидания, Джо, — сказала Пат. Она наклонилась над ним, слегка согнув колени, чтобы он мог видеть ее лицо. — Ты, наверно, не хочешь, чтобы к тебе ввалился Дон Денни? Врач все равно не сможет тебе помочь. Так что я ему скажу, что служащие отеля нашли такси и ты уже на пути в больницу, расположенную в другом конце города. Сможешь побыть совершенно один. Согласен?

— Да, — ответил Джо.

— Вот тебе твой ключ. — Она вложила ему в руку холодный металлический предмет и сжала его пальцы. — Выше голову, как говорят в этом, 1939 году. И не дай себя обмануть — так тоже говорят. — Она отодвинулась от него и выпрямилась. Немного постояла, внимательно разглядывая его, потом быстро зашагала в сторону лифта. Он видел, как она нажала кнопку, потом ждала какое-то время. Наконец двери разошлись, и Пат исчезла.

Сжимая в руке ключ, он медленно принял полувертикальное положение. Оперся о стенку коридора, потом свернул налево и шаг за шагом начал продвигаться вперед, держась за стену. «Темно, — думал он. — Свет не горит». Он закрыл глаза, потом раскрыл их, мигая. Его все еще слепил текущий пот, он не был уверен, что в самом ли деле коридор погружен во мрак, или же это постепенно теряется зрение.

Когда он добрался до первой двери, ему пришлось опуститься на четвереньки. Он поднял голову, чтобы увидеть номер. Нет, еще не тот. И двинулся дальше.

Когда он отыскал нужную дверь, ему пришлось встать, чтобы всунуть ключ в замок. На это у него ушли последние остатки сил. Он упал, сжимая в руке ключ, и ударился головой о дверь. Он лежал, выдыхая аромат старения, разложения и ледяной смерти. «Мне не попасть в номер, — понял он. — Во второй раз мне не подняться».

И все же он должен был это сделать. Тут его мог кто-нибудь увидеть.

Ухватившись обеими руками за ручку, он еще раз заставил себя подняться на ноги. Перенеся всю тяжесть тела на дверь, он дрожащей рукой вставил ключ в замочную скважину. Он знал, что, как только повернется ключ, дверь откроется и он упадет внутрь. А потом, если только ему удастся захлопнуть дверь и доползти до кровати, — наступит конец.

Замок заскрежетал. Металлический язычок отошел назад. Дверь открылась, и Джо рухнул головой вперед, вытянув перед собой руки. Пол

наплыл на него; он успел заметить орнамент, украшающий ковер: красно-желтые зигзаги, фигуры, букеты цветов. Ковер был вытертым и полинявшим от времени, цвета утратили свою свежесть. «Какой, однако, старый ковер, — успел подумать Джо, падая на пол и почти не чувствуя боли. — Строя этот дом, в нем наверняка устроили шахту лифта в виде открытой железной клетки. Я же видел настоящий лифт, — вдруг понял он, — а не непривычную допотопную кабину».

Какое-то время он лежал без движения, потом шевельнулся, словно какой-то внутренний голос принуждал его действовать. Он встал на колени, перенес тяжесть на вытянутые вперед руки. «Боже мой! — подумал он. — Мои руки!» Желтые и узловатые, они казались пергаментными, напоминали гузку пережаренной индейки. «Моя кожа — шетинистая, покрытая какими-то остьями — не похожа на кожу человека. Словно меня отбросило в развитии на миллионы лет».

Напряженно глядяваясь в темноту, он пытался рассмотреть кровать. На противоположной стене он заметил широкое окно, из которого сквозь тонкую занавеску пробивался сероватый свет. Потом он увидел маленький туалетный столик на тонких ножках. Наконец — кровать. С обеих ее сторон были спинки, украшенные поверху медными шарами. Прутья спинки погнулись, словно кроватью пользовались множество лет, за которые металл погнулся, а покрытые краской деревянные части обесцветились. «И тем не менее мне хотелось бы лечь на нее», — подумал он. Он вытянул перед собой руки и ползком начал приближаться к цели.

И только тогда он заметил сидящего в мягком кожаном кресле и глядевшего на него человека. Зрителя, который до сих пор не дал о себе знать ни единым звуком, а сейчас поднялся с места и направился к нему быстрым шагом. Глен Ранкитер.

— Я не мог помочь тебе подняться по лестнице, — сказал Ранкитер. На его крупном лице застыло серьезное выражение. — Я не хотел, чтобы она меня видела. Честно говоря, я опасался, что она войдет за тобой в номер; нам пришлось бы нелегко, если бы она... — Он замолчал, наклонился и поставил Джо на ноги так легко, словно он был совершенно лишен веса или каких-либо материальных составляющих организма. — Об этом мы поговорим позже. А сейчас... — Поддерживая Джо под мышки, он перенес его через комнату и опустил не на кровать, а в кресло, в котором он до этого сидел. — Ты потерпишь еще несколько секунд? — спросил он. — Я хочу закрыть дверь на замок. На тот случай, если она изменит свои планы.

— Да, — ответил Джо.

Ранкитер, сделав три больших шага, оказался у двери, захлопнул ее, повернул ключ в замке и сразу же вернулся к Джо. Из ящика туалетного стола он торопливо достал бутылку с распылительным устройством, украшенную разноцветными надписями.

— «УБИК», — сообщил Ранкитер. Он сильно встряхнул флакон, потом, встав напротив Джо, направил отверстие распылителя в его сторону. — Не

надо меня благодарить, — сказал он, распыляя длинные полосы «УБИКа» направо и налево. Воздух дрожал и сверкал, словно в нем обнаружились вырвавшиеся на свободу частицы света, словно в этом старом, запущенном гостиничном номере заблестели солнечные лучи. — Тебе лучше? Надо надеяться, он подействует на тебя мгновенно, уже сейчас ты должен ощущать его влияние.

Он с тревогой посмотрел на Джо.

Если хочешь, чтобы продукты сохранили свой вкус, необходимо нечто большее, чем просто обыкновенная сумка, — пластиковая упаковка «УБИК», точнее говоря, четырехслойная. Удерживает свежесть, воздух и влагу в продуктах. Испробуйте-ка рекламный экземпляр.

XIV

— У тебя есть сигареты? — спросил Джо. Голос его подрагивал, но уже не от изнеможения или холода. Теперь он не ощущал ни того, ни другого. «Я нервничаю, — понял он. — Но не умираю. «УБИК» остановил этот процесс, как и предсказывал Ранкитер в своей телерекламе, — вспомнил он. — «Если тебе удастся его раздобыть — тебе ничего не грозит», — так обещал Ранкитер. Но, — невесело подумал он, — заняло это немало времени. Он смог добраться до меня буквально в последнюю минуту».

— Без фильтра, — предупредил Ранкитер. — В этой безрадостной, вредной эпохе нет сигарет с фильтром. — Он протянул Джо пачку «Кэме-ла». — Закуривай, — он поднес горящую спичку.

— Свежие сигареты, — удивился Джо.

— Ну да, черт побери, ведь я их купил сегодня утром в киоске внизу. Мы слишком далеко проникли в это. Этап скисшего молока и истлевших сигарет уже позади. — Он мрачно улыбнулся, его серьезные глаза совсем не отражали света. — Вошли в это, — сказал он. — Хотя нет, вышли из этого. В этом вся разница. — Он тоже закурил и, устроившись поудобнее, молча пускал дым. На лице его все еще была озабоченность. «И усталость», — подумал Джо. Но усталость была иного рода, не та, что владела им самим еще совсем недавно.

— Ты можешь помочь остальным из нашей группы? — спросил Ранкитер Джо.

— У меня только одна банка «УБИКа». Большую ее часть я был вынужден израсходовать на тебя. — Энергичная жестикуляция, нервно подрагивающие пальцы — все говорило о его ярости, сдерживаемой с большим трудом. — Мое влияние на эту действительность ограничено. Я сделал все, что мог. — Он резко потрянул головой и взглянул на Джо. — Я старался пробиться к вам, к каждому из вас. Я делал все, что было в моих силах.

А это значит — дьявольски мало. Почти ничего. — Он погрузился в угрюмое молчание, за которым крылся еле сдерживаемый гнев.

— Эти надписи на стенах туалета... — сказал Джо. — Ты утверждаешь, что мы умерли, а ты живой.

— Потому что я и в самом деле живой, — заявил Ранкитер резким тоном.

— А мы, остальные, мы умерли?

— Да, — ответил Ранкитер после долгого молчания.

— Но в той телерекламе...

— Речь шла о том, чтобы заставить тебя действовать. Искать «УБИК». Под действием рекламы ты принялся гоняться за ним и делал это все время. Я постоянно пытался подсунуть тебе его, но ты сам знаешь, что происходило, — она каждый раз переносила нас в предшествующее время и на «УБИК» тоже действовала регрессивно, так что он оказывался бесполезным. Все, что мне удавалось передать тебе с этим «УБИКом», — это коротенькие записки. — Энергичным, решительным движением он нацелил на Джо большой палец, словно подчеркивая весомость своих слов. — Ты пойми, с чем мне приходилось бороться. С той самой силой, которая овладела всеми вами, убивая одного за другим. Честно говоря, я даже сам удивлен, что мне хотя бы столько удалось сделать.

— Когда ты понял о происходящем? — спросил Джо. — Или ты знал об этом все время? С самого начала?

— С начала! — сказал Ранкитер. — Все это длилось месяцы, а может быть, и годы. Один бог ведает, как давно Холлис, Мик, Пат Конли, С.Долл Мелипон и Г.Г.Эшвуд затеяли все это, строя свои планы и перелопачивая их, как тесто. И вот что получилось: нас заманили на Луну. Мы согласились взять с собой Пат Конли, незнакомую женщину, способностей которой мы не понимали; быть может, даже Холлис не знает, на чем они основываются. В любом случае они связываются с умением перечеркивать прошлое, хотя, по сути дела, это не имеет отношения к способности перемещаться во времени. Она, к примеру, не может сбежать в будущее. В определенном смысле она не способна и смещаться в прошлое; ее функции — насколько я в силах это понять — основаны на вызывании обратного процесса, который воскрешает минувшие этапы формирования действительности. Но ты знаешь об этом, вы вместе с Элом сами до этого додумались. — Он яростно заскрежетал зубами. — Эл Хэммонд... какая потеря! Но я не мог ничего сделать, тогда мне еще не удалось проникнуть к вам.

— Почему же теперь тебе это удалось? — спросил Джо.

— Потому что она уже не в состоянии отбросить нас еще дальше в прошлое. Начался нормальный ход времени, мы снова двигаемся от прошлого в настоящее и дальше — в будущее. Скорее всего, она исчерпала свои возможности. 1939 год — ее предел. Теперь ее дар перестал действовать. Это и понятно: она выполнила задание, с которым ее заслал к нам Рэй Холлис.

— Сколько людей оказалось под ее влиянием?

— Только мы, те, кто оказался в том секретном помещении на Луне... Уже Зей Уирт не была ему подвержена. Пат может регулировать сферу создаваемого ею поля. В глазах всех остальных жителей Земли мы все вместе отправились на Луну и погибли там вследствие случайного взрыва. Заботами сердобольного Стэнтона Мика были помещены в холодильник, но установить с нами контакт не удалось — слишком поздно нами занялись.

— Почему им было мало одного взрыва бомбы? — спросил Джо.

Ранкитер взглянул на него, приподняв одну бровь.

— Зачем они вообще использовали Пат Конли? — продолжал Джо. Даже в таком состоянии, утомленный и взволнованный, он все же чувствовал тут какую-то ошибку. — Рассуждая логически, не было никакой необходимости приводить в действие всю эту ведущую к регрессу механику или же отбрасывать нас, с помощью обращенного вспять хода времени, до 1939 года. Это бессмысленно.

— Интересное замечание, — сказал Ранкитер, медленно кивая головой и задумчиво нахмурив изрезанное морщинами неподвижное лицо. — Придется поразмыслить над этим. Подожди-ка минутку. — Он подошел к окну и остановился возле него, разглядывая магазины на противоположной стороне улицы.

— У меня складывается впечатление, — сказал Джо, — что мы имеем дело не с разумной силой, преследующей какую-то цель, а с неким недобрым существом... Нас не то что пытаются убить или обезвредить, лишить возможности работать в качестве сотрудников профилактической организации, но... — Он задумался на мгновение, уже почти понимая, в чем тут дело. — Это некое безответственное существо, которое просто забавляется, поочередно убивая всех нас. Ведь не было необходимости все так затягивать. Это не похоже на Холлиса. Он убивает хладнокровно, расчетливо. А из того, что я знаю о Стэнтоне Мике...

— Может быть, это уже дело рук самой Пат, — резко прервал его Ранкитер, отворачиваясь от окна. — С точки зрения психологии она явно садистский тип. Такого типа люди обрывают мухам крылья. А она забавляется нами. — Он присматривался к Джо, ожидая его реакции.

— Мне это больше напоминает поведение ребенка, — возразил Джо.

— Погляди на Пат, она счастливая и злая. Сперва прикончила Венду из-за личной к ней неприязни. Минуту назад она рядом с тобой поднималась по лестнице, любуясь твоим страданием, по сути дела получая от этого удовольствие.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Джо. «Ведь он не ждал меня в номере, — подумал он, — он не мог этого видеть. И еще одно: как он мог предвидеть, что я приду именно в этот номер?»

Ранкитер засопел быстро и шумно.

— Я не сказал тебе всего. На самом деле... Прикусив нижнюю губу, он замолчал, а потом быстро заговорил дальше: — То, что я сказал тебе,

не было правдой в буквальном смысле слова. Мои связи с этим регрессирующим миром несколько отличаются от тех, которые связывают с ним вас и всех остальных. Ты совершенно прав, я слишком много знаю. Это оттого, что я в этом мире пришелец, Джо.

— Вроде духа... — пробормотал Джо.

— Именно. Появляюсь там и тут. В ключевые моменты и в наиболее важных местах. Так было с полицейским из дорожной службы, с аптекой Арчера...

— Значит, ты вовсе не записывал телерекламу? — спросил Джо. — Это была прямая передача?

Ранкитер неохотно кивнул.

— Чем твое положение отличается от нашего? — спросил Джо.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я это сказал?

— Да. — Он внутренне собрался, хотя знал заранее, что услышит.

— Я не умер, Джо. Надпись в туалете говорила правду. Вы все находитесь в холодильнике, а я... — Ранкитер говорил с трудом, отводя глаза от Джо. — Я сижу в гостиной «Моратория Возлюбленных Собратьев». Я посоветовал, чтобы вас всех соединили между собой проводами, таким образом вы и дальше продолжаете функционировать как группа. Я же сижу здесь и пытаюсь наладить с вами контакт. Именно это я и имел в виду, говоря, что я пришелец извне. Отсюда мои появления — в виде духа, как ты сам определил. Я уже неделю пытаюсь вызвать в вас состояние активной полужизни, но... из этого ничего не получается. Во всех вас, в одном за другим, жизнь кончается.

— А что делается с Пат Конли? — спросил Джо после минутного молчания.

— Она вместе с вами находится в состоянии полужизни, соединена проводами со всей группой.

— Этот регрессивный процесс вызван ее способностями? Или же это все лишь проявление распада, нормального для полужизни?

Он напряженно ждал ответа, ему казалось, что от этого зависит очень многое.

Ранкитер фыркнул, скривился, потом проворчал:

— Нормальные признаки разложения. То же пережила и Элла. Это испытывает каждый, кто оказывается в состоянии полужизни.

— Ты обманываешь меня, — заявил Джо. Он чувствовал себя так, словно его пырнули ножом.

— Джо, бога ради, я спасаю тебе жизнь, — сказал Ранкитер, не сводя с него глаз. — Я подобрался к тебе достаточно близко, чтобы вернуть в состояние нормальной полужизни. Скорее всего, теперь ты сможешь существовать до бесконечности. Если бы я не ждал тебя в этом номере отеля, когда ты мучился с дверьми... Черт побери, да ты сам подумай: без моей помощи ты валялся бы сейчас на этой кровати-развалюхе мертвый, как мумия. Я, Глен Ранкитер, твой шеф, человек, который боролся, чтобы сохранить жизнь всем вам. Тут, в реальном мире, я один стараюсь

хоть что-то для вас сделать. — Обиженный и расстроенный, он все еще не сводил глаз с Джо. На его лице смешались изумление, жалость и растерянность, словно он был не в состоянии понять, что именно происходит. — Эта девушка, — продолжал он, — эта Пат Конли убила бы тебя таким же образом, каким уничтожила... — Он замолчал.

— Каким уничтожила Венду, Эла, Эди, Фреда и теперь, наверное, и Тито Апостоса, — закончил за него Джо.

— Телерешняя ситуация очень сложна, — заговорил Ранкитер тихим, размеренным голосом. — Ее не объяснишь в нескольких словах.

— Особенно если не знаешь этих слов, — заметил Джо. — В том-то и заключается сложность. Свои объяснения ты выдумал, ты заранее скомбинировал их, чтобы объяснить свое появление здесь. И все твои визиты, как ты говоришь, все случаи прорыва.

— Я этого так не называл. Это вы с Элом выдумали что-то похожее. Не обвиняй меня в том, что вы двое...

— О том, что, собственно, происходит и кто противостоит нам, ты знаешь не больше моего. Глен, ты не можешь сказать мне, кто является нашим противником, потому что ты сам этого не знаешь.

— Я знаю, что я жив, — сказал Ранкитер. — Знаю, что сижу здесь, в гостинной моратория.

— Твое тело лежит в гробу, — произнес Джо. — Тут, в Предсмертном Доме Простого Пастора. Ты видел его?

— Нет, — ответил Ранкитер. — Но на самом деле...

— Оно идеально высушено, — сообщил Джо. — И скорчилось так же, как останки Венды, Эла, Эди, так же, как вскоре скорчится и мое тело.

— Для тебя я раздобыл «УБИК»... — Ранкитер снова замолчал. На лице его появилось непонятное выражение: смесь страха, озарения и... Джо сам не знал чего. — Я раздобыл для тебя «УБИК», — повторил Глен.

— Что это такое, «УБИК»? — спросил Джо.

Ранкитер не ответил.

— Этого ты тоже не знаешь, — констатировал Джо. — Ты понятия не имеешь, что это такое и каким образом действует. Ты не знаешь даже, откуда он берется.

— Ты прав, Джо, — согласился Ранкитер после долгой, полной напряжения паузы. — Абсолютно прав. — Подрагивающими пальцами он прикуривал следующую сигарету. — Но я хотел спасти тебе жизнь — тут я говорил правду. Черт побери, я хотел спасти вас всех. — Сигарета выпала у него из пальцев, упала на пол и покатилась по нему.

С явным усилием Ранкитер нагнулся и поднял ее. Лицо его выражало огромную печаль. Почти отчаяние.

— Мы все попали в эту передрагу, — сказал Джо, — а ты сидишь там, в своей гостинной, и ничего не можешь сделать, не можешь положить конец процессу, которому мы подвергаемся.

— Верно, — вынужден был признать Ранкитер.

— Мы в холодильнике, — продолжал Джо. — Но тут происходит что-то еще. Что-то такое, что не случается с обычными людьми в состоянии полужизни. Тут действуют, как обнаружил Эл, две силы: одна помогает нам, другая убивает. Ты сотрудничаешь с той силой, существом или особой, которая старается нам помочь. Именно от нее ты и получил «УБИК».

— Верно.

— А значит, до сих пор никто из нас не знает, кто, собственно, уничтожает нас, кто охраняет. Ты, находящийся снаружи, этого не понял; мы, находящиеся тут, тоже ничего не знаем. Может быть, это как раз Пат.

— Мне кажется, это она, — подтвердил Ранкитер. — Я думаю, именно она и есть ваш враг.

— Это похоже на правду, — согласился Джо. — Но я чувствую, что ты заблуждаешься. — «Мне кажется, — думал он, — что мы еще не встретились лицом к лицу. Ни с нашим врагом, ни с нашим другом. Но я полагаю, это скоро произойдет. И мы будем знать их обоих».

— Ты уверен, — спросил Джо, — абсолютно уверен, что ты единственный человек, уцелевший после взрыва? Подумай как следует, прежде чем ответить.

— Я говорил уже: Зей Уирт...

— Она не из наших, — прервал его Джо. — Зей Уирт не находится в том же временном сегменте, что и мы. Ну, а к примеру, Пат Конли?

— У нее была разможжена грудная клетка. Причиной ее смерти явился шок, разрыв одного легкого и многочисленные наружные ожоги; кроме того, у нее был поврежден кишечник и в трех местах сломана нога. В физическом смысле она находится в четырех футах от тебя. Я имею в виду — ее тело.

— А остальные? Мы все находимся тут, в Моратории Возлюбленных Собратьев?

— За одним исключением: Сэмми Мандо. Он получил серьезные повреждения мозга и находится в состоянии беспамятства; утверждают, что он никогда уже не придет в себя. Кора мозга...

— Значит, он жив. И не в холодильнике. Здесь его нет.

— Я бы не назвал это «жизнью». Его обследовали с помощью электроэнцефалографов; обнаружено полное отсутствие работы коры головного мозга. Он — как растение, не больше. Никакой индивидуальности, никаких движений, ни проблеска сознания. В мозгу Сэмми Мандо ничего не происходит, совершенно ничего.

— И поэтому ты не сказал мне о нем? — спросил Джо.

— Я рассказал тебе о нем сейчас.

— Только тогда, когда я вцепился в тебя. — Джо задумался. — Он далеко от нас находится? Он тоже в Цюрихе?

— Да, мы все остались в Цюрихе. Сэмми лежит в госпитале Карла Юнга. Какие-нибудь четверть мили от моратория.

— Найми телепата, — посоветовал Джо. — Или используй Г.Г.Эшвуда. Пусть исследуют его мысли. — «Мальчишка, — сказал он сам себе. — Неорганизованный и незрелый. Ужасная, несформировавшаяся, причудливая личность, — думал он. — Это хорошо сочетается с тем, что мы испытывали, с этими капризами, противоречиями. Нам обрывали крылья, а потом приставляли обратно. Отсюда и временное возвращение сил в этом номере после утомительного подъема по лестнице».

Ранкитер вздохнул.

— Я это уже сделал. В случаях такого поражения мозга всегда пытаются добраться до пациента путем телепатии. Никакого результата мы не добились. Не обнаружено ни малейшего следа подсознательной работы лобных долей мозга. Мне очень жаль, Джо. — Он покачал своей крупной седой головой, словно желая выразить Джо свою симпатию. Он явно разделял его разочарование.

— Я навешу тебя немного попозже, — сказал Глен Ранкитер в микрофон, вытаскивая из уха плотно вставленный в него наушник.

Он отложил в сторону аппаратуру, необходимую для установления связи, тяжело поднялся из кресла и застыл на какое-то время, разглядывая смутную, неподвижную и заледеневшую фигуру Джо Чипа, лежащую в прозрачном пластиковом гробу. Безмолвный Джо застыл в горизонтальном положении и будет в нем находиться до окончания века.

— Вы меня вызывали, сэр? — в гостиную проскользнул Герберт Шенгейт фон Фогельсанг и принял раболепный вид средневекового слуги. — Мне вновь соединить мистера Чипа с остальными? Вы уже закончили, сэр?

— Закончил, — ответил Ранкитер.

— И вам...

— Вот именно. Мне удалось войти с ним в контакт. На этот раз мы хорошо слышали друг друга. — Он закурил сигарету, первую за много часов, лишь теперь отыскалась для этого свободная минута. Он чувствовал себя вымотанным от долгих и безуспешных попыток наладить связь с Джо. — У вас есть где-нибудь поблизости автомат с амфетамином? — спросил он владельца моратория.

— В коридоре, рядом с гостиной. — Фон Фогельсанг предупредительно показал ему, куда идти.

Ранкитер вышел из гостиной и направился к автомату.

Бросив монету, он нажал на рычаг, и знакомая упаковка вывалилась в лоток. Приняв таблетку, он почувствовал себя лучше. Но тут же вспомнил, что через два часа у него встреча с Леном Нигельманом и у него появилось сомнение, стоит ли с ним встречаться. «Слишком много дел у меня в голове, — пришел он к выводу. — Я еще не готов к предоставлению Объединению официального рапорта, надо бы позвонить Нигельману и отложить свидание».

Пользуясь автоматическим видеофоном, он соединился с бюро Нигельмана в Североамериканской Федерации.

— Лен, — сказал он, — сегодня я просто не в состоянии заниматься еще чем-либо. Последние двенадцать часов я провел, пытаюсь наладить контакт со своими людьми, которые находятся в холодильнике. Измотался вконец. Ничего, если мы встретимся с тобой завтра утром?

— Чем раньше ты представишь нам свой официальный рапорт и все документы, тем скорее мы сможем действовать против Холлиса. Мои юрисконсульты дают стопроцентную гарантию, что выиграют дело. Они уже рвутся в бой.

— Они уверены, что удастся выиграть дело в гражданском суде?

— И в гражданском, и в уголовном. Они уже разговаривали с прокурором Нью-Йорка. Но пока ты не представишь нам официальное убедительное донесение...

— Утром, — пообещал Ранкитер. — Как только хоть немного отоплюсь. Меня чуть не прикончило это чертовое дело. — «Потеря всех моих лучших людей, — подумал он. — И особенно Джо Чипа. Моя фирма погорела и теперь не встанет на ноги несколько месяцев, а то и лет. Господи, — думал он, — да где мне взять инерциалов, способных заменить тех, кого я потерял? И где я найду второго такого специалиста по измерениям, каким был Джо Чип?»

— Хорошо, Глен, — сказал Нигельман. — Сегодня выспись, а завтра, скажем, в девять утра по нашему времени, я жду тебя в бюро.

— Спасибо тебе, — сказал Ранкитер. Он отложил трубку и тяжело опустился на розовый пластиковый диванчик, стоящий напротив видеофона. «Никогда мне не найти такого специалиста, как Джо, — думал он. — По сути дела, это крах «Корпорации Ранкитера».

Снова и, как обычно, вовремя появился владелец моратория.

— Вам что-нибудь принести, мистер Ранкитер? Чашечку кофе? Еще немного амфетамина? Или же снадобье, которое действует двенадцать часов? У меня есть взбадривающие таблетки, рассчитанные на сутки, — приняв одну, вы сможете работать еще несколько часов, а то и всю ночь.

— Ночью я намерен спать, — сообщил Ранкитер.

— Тогда, может быть...

— Скройтесь, — буркнул Ранкитер. Владелец моратория мгновенно исчез. «Почему я выбрал именно эту фирму? — спросил себя Ранкитер. — Потому, наверное, что здесь находится Элла. В конце концов, это все-таки лучший мораторий, поэтому Элла и все остальные оказались здесь. Сколько людей, которые еще недавно находились по эту сторону гроба. Какая катастрофа!

Элла... — вспомнил он вдруг о ней. — Может, мне следует поговорить с ней, объяснить ситуацию. В конце концов, я ей это обещал».

Он поднялся с кресла и отправился на поиски хозяина моратория.

«Интересно, и на этот раз мне придется слушать голос этого чертового Джори? — думал он. — А может быть, мне удастся удержать внимание Эллы достаточно долго и я смогу повторить ей то, что услышал от Джо?

Теперь контакт с ней сделался затруднительным, этот Джори усилился, увеличил зону своего воздействия и паразитирует на ней, а может быть, и на других, находящихся в состоянии полужизни... Мораторий должен с ним как-то справиться; он же представляет из себя угрозу для любого, пребывающего здесь. Почему они позволяют ему так вести себя? — попытался он понять. — Возможно, они просто не могут помешать ему, — решил он. — Должно быть, такой, как Джори, еще не встречался среди полуживых».

Разве это прилично, если у тебя изо рта дурно пахнет? Что ж, если это беспокоит тебя, попробуй новейший пенный «УБИК» — препарат с мощным антибактериальным действием. Безвредность гарантируется при применении согласно инструкции.

XV

Дверь старого гостиничного номера внезапно распахнулась. В ней возник Дон Денни в сопровождении солидного мужчины среднего возраста с коротко стриженными седыми волосами.

— Как ты себя чувствуешь, Джо? — спросил Дон с выражением тревоги и беспокойства на лице. — Почему ты не лег? Бога ради, тебе же надо быть в постели.

— Мистер Чип, прошу вас, лягте, — сказал врач, ставя на туалетный столик чемоданчик со своими причиндалами и открывая его. Он подошел к постели, держа в руке старомодный стетоскоп и неудобный аппарат для измерения давления. — У вас когда-нибудь были неполадки с сердцем? А у ваших близких? Снимите рубашку. — Он пододвинул к кровати деревянное кресло и в ожидании опустился в него.

— Я хорошо себя чувствую, — ответил Джо.

— Пусть доктор послушает твое сердце, — резко сказал Дон Денни.

— Как угодно. — Джо вытянулся на кровати и расстегнул рубашку. — Ранкитеру удалось повидаться со мной, — сообщил он Дону. — Мы в холодильнике, а он снаружи пытается войти с нами в контакт. Кто-то другой, в свою очередь, пытается причинить нам вред. Это была не Пат, или же она действовала не одна. Ни она, ни Ранкитер понятия не имеют о том, что происходит. Когда ты открыл эту дверь, ты заметил Ранкитера?

— Нет, — ответил Денни.

— Он сидел вон там, напротив меня, — сказал Джо. — Всего две-три минуты назад. «Мне очень жаль, Джо» — это были его последние слова, а потом он прервал связь, перестал контактировать со мной, попросту отключился. Посмотри на тумбочку, он должен был оставить на нем бутылку «УБИКа».

Денни посмотрел в ту сторону и через минуту поднял вверх ярко раскрашенный флакон.

— Вот он. Но, кажется, в нем пусто. — Он сильно потряс его.

— Почти пусто, — сказал Джо. — Распыли на себя то, что еще осталось. Ну, давай. — Он сделал требовательный жест.

— Прошу вас, помолчите, мистер Чип, — сказал врач, вслушиваясь в свой стетоскоп. Потом он закатал ему рукав рубашки и обернул руку резиновой лентой, собираясь измерить давление.

— Что с моим сердцем? — спросил Джо.

— Кажется, все нормально, — подтвердил доктор. — Разве что ритм несколько ускорен.

— Вот видишь? — обратился Джо к Дон Денни. — Я выздоровел.

— Остальные умирают, Джо, — заметил Дон Денни.

— Все? — спросил Джо, приподнимаясь.

— Все, кто еще остался в живых. — Денни держал флакон в руках, но не спешил им пользоваться.

— Пат тоже?

— Я видел ее здесь, на втором этаже, когда вышел из лифта. Она как раз начала ощущать на себе действие этого процесса. У нее был ужасно растерянный вид, вероятно, она просто не могла в это поверить. — Дон отложил флакон. — Наверное, она считала, что сама вызывает эту реакцию. При помощи своих способностей.

— Мне кажется, именно так она и думала, — согласился Джо. — Почему ты не хочешь воспользоваться «УБИКом»?

— Черт побери, Джо. Мы должны умереть. И мы оба об этом знаем. — Он снял свои очки в роговой оправе и потер глаза. — Увидев, в каком состоянии Пат, я обошел комнаты и посмотрел, что случилось с остальными из группы. Потому так долго и задержался. Я попросил доктора Тейлора обследовать их. Я не верил, что силы покидают их так быстро. Произошло какое-то дьявольское ускорение процесса. За последние часы...

— Распыли на себя «УБИК», — сказал Джо. — Или я сам им обольюсь.

Дон Денни взял флакон в руки, снова встряхнул его и повернул отверстие распылителя в свою сторону.

— Хорошо, — согласился он. — Если ты так настаиваешь... В самом деле, почему бы и нет? Ведь это конец, правда? Все уже умерли, остались только мы, двое, и через несколько часов «УБИК» перестанет действовать на тебя. А раздобыть новую порцию ты не сможешь. Значит, останусь лишь я один.

Приняв решение, Денни нажал кнопку распылителя. Вокруг него образовалось сверкающее облако, наполненное частичками металлического света, пляшущими в головокружительном танце. Дон Денни исчез в сияющем вихре энергетических разрядов.

Оторвавшись на мгновение от измерения давления, доктор Тейлор

повернул голову и посмотрел в ту сторону. Туман начал рассеиваться, на ковре блестели подтеки жидкости, жидкость стекала также со стены за спиной Денни. Скрывшее его облако начало рассеиваться.

Существо, стоящее в самом центре дымящегося пятна «УБИКа», которое пропитался вытертый, пропыленный ковер, не было Доном Денни.

На его месте появился удивительно стройный молодой человек, странного очертания темные глаза смотрели на них из-под кустистых бровей. Одет он был в старомодное одеяние: белую нейлоновую рубашку, джинсы и кожаные мокасины. Одежда примерно середины века. Джо заметил улыбку на его вытянутом лице, некое подобие улыбки — продольная морщина, больше похожая на издевательскую гримасу. Все черты его лица не сочетались между собой; крупные закрученные уши и глаза, словно сделанные из хитина. Прямые волосы контрастировали с буйными, вьющимися бровями. «Ну и нос! — подумал Джо. — Узкий, острый, длинный». Даже подбородок не гармонировал с общими очертаниями лица, на нем виднелась глубокая вмятина, точнее сказать, трещина, доходящая, вероятно, до кости... «Похоже, творец этого создания вознамерился уничтожить его, — подумал Джо, — но материал, из которого он был вылеплен, первоначальная субстанция, оказался не слишком податлив». Парнишка не лопнул и не развалился, а продолжал существовать и дальше, наперекор своему создателю, издевательски передразнивая всех, в том числе и себя.

— Ты кто? — спросил Джо.

Юнец нервно пошевелил пальцами, что, видимо, могло помочь ему справиться с заиканием.

— Иногда я называюсь Мэтт или Билл, — ответил он. — Но чаще всего меня зовут Джори. Это мое настоящее имя. — Открывая рот, он показал серые, испорченные зубы и язык, покрытый налетом.

— А где Денни? — спросил Джо после некоторого молчания. — Он же был в этой комнате, правда? — «Он мертв, — подумал он, — так же, как и все остальные...»

— Я сожрал Денни давным-давно, — сказал Джори. — В самом начале, прежде чем ты приехал сюда из Нью-Йорка. Сперва я съел Венду Райт, потом Денни.

— Что ты имеешь в виду, говоря «сожрал»? — спросил Джо. «Неужели в буквальном смысле?» — содрогнулся он. Его накрыла волна омерзения, такая мощная и тяжелая, что на мгновение ему показалось, под ее давлением его тело уменьшилось и вот-вот исчезнет совсем. Однако ему удалось скрыть это чувство.

— Я сделал то, что и всегда, — ответил Джори. — Это трудно объяснить, но я давным-давно этим занимаюсь, я проделал это уже со множеством людей, которые находятся в состоянии полужизни. Я ем их жизни, а точнее, то, что от нее осталось. Ее осталось в них очень немного, поэтому мне приходится съедать их большое количество. Раньше я это делал, когда они уже какое-то время находились в состоянии полужизни, а теперь

мне приходится приниматься за них сразу же, чтобы выжить самому. Если я раскрою рот, а ты подойдешь ко мне и прислушаешься, то сможешь услышать голоса тех людей. Не всех, но хотя бы тех, кого я съел недавно. Тех, кого ты знаешь. — Он принялся постукивать ногтем по одному из своих верхних клыков; слегка наклонив голову, он присматривался к Джо, ожидая его реакции. — Ты мне ничего не хочешь сказать? — спросил он.

— Это из-за тебя я начал умирать там, внизу, в холле?

— Из-за меня, не из-за Пат. Я съел ее в коридоре, около лифта, а потом сожрал остальных. Я думал, ты тоже уже мертвый. — Он повертел банку с «УБИКом», которую все еще продолжал держать в руке. — Этого я не могу понять. Из чего состоит «УБИК» и где Ранкитер его берет? — На его лице появился гнев. — Но ты прав: Ранкитер тут ни при чем. Он пребывает в наружном мире. А эта бутылка принадлежит кому-то, кто находится в нашем мире. Снаружи к нам могут проникать только слова.

— Ты ничего не можешь со мной сделать, — сказал Джо. — Благодаря «УБИКу» ты не можешь сожрать меня.

— Пока не могу. Но со временем «УБИК» перестанет действовать.

— Ты в этом не уверен, ты даже не знаешь, из чего он состоит и откуда берется. — «Интересно, что могло бы убить его, — подумал он. Джори казался таким хрупким. — Значит, это он уничтожил Венду, Эла, настоящего Дона Денни и всех остальных. Сожрал даже тело Ранкитера, находящееся в гробу в море. Должно быть, в них, или вокруг них, сохранилось какое-то количество протофазонов. В любом случае что-то, что заинтересовало это чудовище. А теперь и я стою перед ним лицом к лицу.

— Мистер Чип, — сказал врач, — я не могу измерять давление, когда вы в такой позе, прощу вас снова лечь.

Джо внимательно посмотрел на него, потом обратился к Джори:

— Он что, не заметил твоего перевоплощения, Джори? Или не слышал того, что ты говорил?

— Доктор Тейлор является продуктом моего воображения, — сообщил Джори. — Так же, как все прочие стабильные элементы этого псевдомира.

— Я тебе не верю, — заявил Джо. Он обратился к врачу: — Вы все слышали, что он сказал, правда?

С хлопком, какой издает лопающийся воздушный шарик, врач исчез.

— Вот видишь, — сказал Джори с удовлетворением.

— Что ты собираешься сделать после моей смерти? — спросил Джо у юнца. — Сохранишь этот мир 1939 года, этот, как ты его назвал, псевдомир?

— Чего ради? В нем не будет необходимости.

— Значит, он существует для меня? Весь этот мир?

— Он не очень большой, — сказал Джори. — Один-единственный отель в Дес Мойнесе. Улица за окном, на ней немного прохожих и несколько

автомашин. Может быть, еще пара домов и магазинов, которые ты сможешь увидеть, выглянув из окна.

— Значит, ты не сохранил ни кусочка от Нью-Йорка, Цюриха или...

— А зачем мне это? Там никого нет. Везде, где появлялся ты или кто-нибудь из вашей группы, я создавал приблизительную действительность, более-менее соответствующую вашим ожиданиям. Когда ты летел из Нью-Йорка, мне пришлось сделать сотни миль пейзажа, один город за другим, — это было такое мучение. Мне нужно было много есть, чтобы хватило сил. Честно говоря, именно поэтому мне пришлось так быстро прикончить остальных, сразу после твоего приезда. Я нуждался в восстановлении сил.

— Но почему именно 1939 год? — удивился Джо. — Разве это не мог быть современный нам мир 1992 года?

— Все дело в энергии. Я не могу воспрепятствовать регрессивному процессу изменений. Для меня это оказалось слишком сложно. Сперва я создал 1922 год, потом что-то стало портиться. Монеты, сигареты, молоко — все те явления, которые вы сами наблюдали. И в дополнение ко всему Ранки-тер постоянно вторгался в этот мир снаружи, что еще больше затрудняло мое задание. По суди дела, было бы лучше, если бы он не вмешивался. — Джори слегка улыбнулся. — Но меня не беспокоил этот регрессивный процесс. Я знал, что вы станете подозревать Пат Конли. Вам будет казаться, что эти изменения вызваны ее способностями — они несколько напоминали то, чему вы были свидетелями. Я даже рассчитывал, что, возможно, вы все вместе убьете ее. Забавно было бы! — Его улыбка сделалась еще выразительнее.

— Почему ты сохраняешь для меня этот отель и улицу за окном? — спросил Джо. — Я ведь уже все знаю.

— Но я всегда поступаю таким образом. — Глаза Джори расширились.

— Я убью тебя, — сказал Джо. Неловко, спотыкаясь, он шагнул в сторону Джори, поднял раскрытые руки и бросился на юношу, пытаясь схватить его за горло.

Джори заворчал и укусил его. Крупные плоские зубы глубоко вонзились в правую руку Джо. Не разжимая зубов, Джори поднял голову, поднимая таким образом и руку Джо. Глядя прямо в глаза Чипу, он напряженно сопел, пытаясь сомкнуть челюсти. Его зубы впивались все глубже, боль пронзила все тело Джо. «Он сожрет меня», — понял он.

— Ничего у тебя не выйдет, — громко сказал Джо. Он ударил Джори прямо кулаком в лицо, потом повторил удар еще несколько раз. — «УБИК» защищает меня от тебя, — говорил он, колотя прямо по издевательски шурящимся глазам. — Ты ничего не можешь мне сделать.

— Грр... грр... — урчал Джори, мотая головой из стороны в сторону и вгрызаясь в руку Джо.

Боль сделалась невыносимой, Джо изо всех сил отшвырнул юношу — кривые зубы разжались, освобождая руку. Обессиленный Джо качнулся,

глядя на кровь, текущую из раны. «Господи!» — подумал он с отвращением.

— Ты не можешь расправиться со мной так, как ты сделал это с остальными, — сказал Джо.

Он нашел сосуд с «УБИКом», направил отверстие распылителя на кровоточащую рану, в которую превратилась его рука, и надавил красную пластмассовую кнопку. Из отверстия вылетела узкая стужка частиц, которые тонкой пленкой покрыли изгрызанную плоть. Боль мгновенно утихла. Рана затянулась буквально на глазах.

— А ты ничего не можешь сделать со мной, — ответил Джори, все еще кривясь в усмешке.

— Я пошел вниз, — сообщил Джо.

С трудом переставляя ноги, он добрался до двери номера, раскрыл ее и вышел в грязный коридор. Потом, так же неуверенно ставя ноги, двинулся вперед. Пол, однако, оказался прочным, вроде бы не вымысленным.

— Не уходи слишком далеко, — услышал он за своей спиной голос Джори. — Я не могу создавать слишком много пространства. Если бы ты, к примеру, сел в одну из этих машин и мчался вперед миля за милей, то в конце концов непременно попал бы в катастрофу. А это так же прискорбно для тебя, как и для меня.

— Мне, кажется, терять нечего, — заметил Джо, подходя к лифту и нажимая кнопку.

— У меня затруднения с лифтами, — предупредил Джори. — Они слишком сложные. Может, ты бы лучше спустился по лестнице?

Джо подождал еще минуту, потом все же передумал — следуя совету Джори, начал спускаться вниз. Это был тот же самый пролет, который он совсем недавно прошел, с отчаянным усилием преодолевая ступеньку за ступенькой.

«Что ж, — думал он, — вот и одна из двух действующих сил. Джори уничтожал нас, он убил всех, кроме меня. За Джори уже никто не стоит, на нем все кончается. А вот удастся ли мне встретить то, другое существо? Наверно, когда я его встречу, это уже не будет иметь никакого значения», — пришел он к выводу. Он еще раз посмотрел на руку. Она была совершенно здорова.

Наконец он оказался в холле. Осмотрелся вокруг. Разглядывая людей, огромную лестницу, люстру, висящую над головой, он был вынужден признать, что результаты труда Джори, со многих точек зрения, были превосходными, несмотря на этот процесс возвращения к предшествующим формам. «Самый настоящий, — пробормотал он, трогая ногой пол. — Мне это непонятно. У Джори, без сомнения, большой опыт в этом деле, — решил он. — Должно быть, ему неоднократно приходилось этим заниматься и раньше».

— Вы можете порекомендовать мне какой-нибудь ресторан? — спросил он, подойдя к портю.

— Пройдете по улице, — ответил тот, оторвавшись от сортировки почты, — с правой стороны будет «Матадор». Это превосходный ресторан, сэр, вам там понравится.

— Чувствую себя одиноким, — сказал Джо под воздействием внезапного импульса. — Отель мог бы обеспечить мне общество какой-нибудь девушки?

— Наш отель нет, сэр, — резко ответил портье. — Мы не занимаемся сводничеством.

— Да, у вас порядочное заведение, — подтвердил Джо.

— По крайней мере, мы хотели бы так о нем думать, сэр.

— Я всего лишь проверил вас, — объяснил Джо. — Мне хотелось узнать, что это за отель, в котором я остановился. — Он отошел от стойки администратора, прошел через холл и, спустившись по широким мраморным ступеням, преодолел вращающиеся двери. Он оказался на тротуаре перед отелем.

Приветствуй утро изрядной порцией великолепных, тонизирующих хлопьев «УБИК» — хлопьев для взрослых, отличающихся великолепным хрустом и вкусом и поэтому являющихся любимым блюдом. Каждая порция питательных хлопьев «УБИК» — наслаждение! Используй не больше одноразовой упаковки.

XVI

Ему понравилось разнообразие машин. Они демонстрировали различные года выпуска, марки и модели. Среди них преобладали автомобили черного цвета, но это не было капризом Джори — таков был вкус эпохи.

Но откуда сам Джори мог знать об этом?

«Странно, — подумал Джо. — Это его знакомство с реалиями 1939 года, с теми временами, когда никого из них, кроме Ранкитера, еще не было».

И неожиданно он понял причину. Джори не лгал, утверждая, что является творцом этого мира; он создавал мир, а точнее, его фантазмагорический аналог, соответствующий определенному периоду их жизни. Разложение мира, возврат к предшествующим формам шли не от него; более того, он даже пытался, правда безуспешно, помешать этому. Этот атавистический процесс возникал самопроизвольно, по мере того как Джори терял силы. Он сам говорил, что это страшное напряжение. Наверное, он в первый раз создал столь детализированный мир для такого большого количества людей. Редко случается, что столько полуживых оказывались взаимно связаны.

«Мы вынудили Джори сделать необычайное усилие, — подумал Джо, — и заплатились за это».

Как раз в это время мимо него проезжало старенькое, покaleченное, расхлябанное такси марки «Додж». Джо махнул рукой, машина со скрежежом затормозила. «Посмотрим, — размышлял он, — так ли много правды в утверждении Джори, что границы этого псевдомира теперь весьма сжались».

— Провезите меня по городу, можете ехать, куда вам заблагорассудится, — сказал он шоферу. — Я хотел бы увидеть как можно больше улиц, домов и людей. Потом, когда мы объездим весь Дес Мойнес, отвезите меня в ближайший город, чтобы я мог так же познакомиться и с ним.

— Видите ли, я не езжу за пределы города, — сказал водитель, распахивая перед Джо дверцу. — Но охотно провезу вас по Дес Мойне. Это милая местность, сэр. Вы не из нашего штата, верно?

— Из Нью-Йорка, — ответил Джо, садясь в такси. Машина вновь влилась в уличный поток.

— Интересно, что думают в Нью-Йорке насчет этой войны? — спросил водитель после недолгого молчания. — Как вы считаете, мы будем в ней участвовать? Рузвельт хотел бы нас втянуть...

— У меня нет желания говорить ни о войне, ни о политике, — довольно резко оборвал его Джо.

Какое-то время они ехали молча. Глядя на дом, на людей, на проезжающие мимо машины, Джо снова задумался над тем, как Джори умудряется реализовывать все это. «Столько деталей, — думал он с удивлением. — Скоро, очевидно, я доберусь до края этого мира».

— У вас есть в Дес Мойнесе публичные дома? — спросил он водителя.

— Нет, — коротко ответил он.

«Может, Джори не догадался их создать, — подумал Джо. — Он еще слишком молод для этого. А может, он противник их существования?» Неожиданно его охватила усталость. «Куда я еду? — спросил он сам себя. — И зачем? Чтобы убедиться, что Джори говорит правду? Я и так знаю, что это правда, — я же был свидетелем исчезновения доктора. Я видел, как Джори вынырнул из тела Дона Денни, этого с меня хватит. То, чем я занимаюсь, лишь затрудняет существование Джори, а значит, увеличивает его аппетит. Лучше будет, если я вернусь, — подумал он. — То, что я делаю, не имеет никакого смысла. Впрочем, как сказал Джори, действие «УБИКа» и без того скоро кончится. Я не желаю проводить свои последние часы или минуты жизни, колеся по Дес Мойнесу. Надо бы придумать что-нибудь другое».

По тротуару неторопливым, легким шагом шла стройная девушка со смешными белокурыми косичками. Казалось, она занята разглядыванием витрин. На ней была расстегнутая блузка, ярко-красная юбка и туфельки на высоком каблуке.

— Притормозите возле той девушки с косичками, — попросил он водителя.

— Она не захочет с вами разговаривать и позовет полицию, — заявил шофер.

— Не страшно, — сказал Джо. В теперешней ситуации это не имело никакого значения.

Старый «Додж» притормозил и, побрякивая всеми частями, остановился у края тротуара — шины с громким писком прошлись по мостовой. Девушка повернула голову.

— Добрый день, — сказал Джо.

Она с интересом посмотрела на него. Ее живые темно-голубые глаза немного расширились, но в них не было ни равнодушия, ни страха.

— Слушаю вас, — сказала она.

— Я умираю, — сообщил Джо.

— О Господи! — сказала она взволнованно. — Неужели вы...

— Он не умирает, — вмешался водитель, — он спрашивал о девушках, просто он хочет вас подцепить.

Девушка рассмеялась, но без враждебности. И продолжала стоять.

— Приближается время обеда, — сказал ей Джо. — Вы позволите пригласить вас в «Матадор»? Я слышал, это неплохое место.

Утомление росло, он уже ощущал на себе его тяжесть. И неожиданно, в полной растерянности он осознал, что такая же усталость обрушилась на него в холле, когда он показывал Пат полицейскую повестку. И холод. Снова тайком проник в его тело мороз из холодильника, в котором он находился. «Действие «УБИКа» кончается, — понял он. — Времени мне осталось совсем немного».

Должно быть, что-то отразилось на его лице. Девушка подошла поближе и заглянула через окошко машины.

— Что с вами? — спросила она.

— Умираю, — с трудом выговорил Джо. Он снова почувствовал пульсирующую боль в ране на руке — снова выступили следы зубов. Одного этого хватило бы, чтобы в нем поселилась паника.

— Пусть водитель отвезет вас в больницу, — посоветовала девушка.

— А пообедать вы со мной не можете? — спросил Джо.

— А у вас есть такое желание? Теперь, когда вы в... таком состоянии? Больной? Вы правда больной? — Она распахнула дверцу такси. — Хотите, я поеду с вами в больницу? Хотите?

— В «Матадор», — сказал Джо. — Мы съедим по порции паровых зраз из марсианских медведек. — Тут он вспомнил, что в это время еще не существовал такой импортируемый деликатес. — По стэйку, — поправился он. — Вы любите говядину?

— Он хочет ехать в «Матадор», — сообщила девушка водителю, садясь в такси.

— О'кей, девушка, — сказал шофер.

Машина вновь включилась в уличное движение. Доехав до ближайшего перекрестка, водитель развернулся на 180 градусов. «Теперь мы едем в ресторан, — думал Джо. — Интересно, я доберусь до него?» Изнеможение и холод полностью сковали его. Он чувствовал, как постепенно отмирают в нем все функции организма. Его внутренние органы уже не имели перед

собой будущего: печени не нужно вырабатывать красные кровяные тельца, почкам — заниматься фильтрацией, кишки сделались лишними. Сердце билось с усилием, и все труднее становилось дышать. Набирая воздух в легкие, он каждый раз чувствовал, что на груди у него бетонный блок. «Мой надгробный камень», — подумал он. Он заметил, что рука снова кровоточит: густая жидкость неторопливо сочилась из нее, капля за каплей.

— Сигарету? — спросила девушка, протягивая ему пачку «Лаки Страйк». — Они хорошо высушены, так говорится в рекламном объявлении. Клеймо «Л.С.М.Ф.Т.» стоит лишь на том...

— Меня зовут Джо Чип, — сообщил Джо.

— Вы хотите, чтобы я тоже представилась?

— Да, — выдавил он сквозь зубы и закрыл глаза. Он не мог говорить дальше, по крайней мере какое-то время. — Вам нравится Дес Мойнес? — спросил он немного погодя, пытаясь спрятать свою руку от ее глаз. — Вы давно здесь живете?

— Вы выглядите очень усталым, мистер Чип, — сказала девушка.

— А, — махнул он рукой. — Все это не имеет значения.

— Мне кажется, имеет. — Девушка открыла сумочку и быстро начала что-то искать в ней. — Я — творение Джори, как вот он, — кивнула она на таксиста. — Или как эти крохотные домики и магазинчики, грязные улицы и люди с их машинами эпохи неолита. Прошу вас, мистер Чип. — Она протянула ему извлеченный из сумочки конверт. — Это вам. Прочитайте сразу же. Мне кажется, мы не должны были выжидать так долго.

Тяжелыми, словно налитыми свинцом пальцами он разорвал конверт.

В нем лежал какой-то торжественный, нарядный документ. Буквы плавали перед глазами Джо, он слишком устал, чтобы читать его.

— Что там написано? — спросил он, положив бумагу ей на колени.

— Это письмо от фирмы, изготавливающей «УБИК», — сказала девушка. — Она гарантирует вам бесплатное пожизненное снабжение этим препаратом. Бесплатное, потому что мы знаем ваши финансовые затруднения, вашу, скажем так, идиосинкразию. На обратной стороне список всех аптек, где он продается. В него входят две фирмы, расположенные в Дес Мойнесе и пока еще не ликвидированные. Я предлагаю вам посетить одну из них, прежде чем мы отправимся обедать. Прошу вас, — она наклонилась к шоферу и протянула ему листок бумаги, — отвезите нас по этому адресу. И поторопитесь, они скоро закроются.

Джо откинулся на задние подушки сиденья, пытаясь наладить дыхание.

— Мы успеем добраться до аптеки, — сказала девушка и, чтобы подбодрить Джо, похлопала его по плечу.

— Кто вы? — спросил Джо.

— Меня зовут Элла. Элла Ранкитер. Я жена вашего шефа.

— Вы тоже здесь, вместе с нами, — сказал Джо. — С этой стороны, в холодильнике.

— Как вам известно, я здесь довольно давно. Вскоре, как предполагаю, я рожусь во второй раз, из другого лона. По крайней мере, так утверждает Глен. Мне все время снится туманный красный свет, а это нехорошо. Это символизирует безупречный, с моральной точки зрения, вид лона. — Она засмеялась весело и жизнерадостно.

— Вы и есть тот второй элемент, — заявил Джо. — Джори уничтожает нас, вы — пытаетесь нам помочь. За вами, как и за Джори, уже никто не стоит. Я уже добрался до существ, находящихся на обоих концах.

— Я как-то не думала о себе как о «существе», — ехидно заметила Элла. — Я привыкла относиться к себе, как к Элле Ранкитер.

— Но ведь это правда, — настаивал Джо.

— Да. — Она серьезно кивнула головой.

— Почему вы действуете против Джори?

— Потому что он вторгся в меня, — сообщила Элла. — Начал угрожать мне, так же, как и вам. Мы оба знаем, чем определяются его поступки, он сам сказал вам об этом в номере отеля. Время от времени он приобретает немалую силу; иногда ему даже удастся забивать меня, когда я в состоянии активности пытаюсь поговорить с Гленом. Но похоже, я научилась в конце концов с ним справляться. Во всяком случае, лучше, чем некоторые полуживые с помощью «УБИКа» или даже без него. Лучше, например, чем все вы, даже когда действовали группой.

— Да, — признался Джо. Наверняка так и было. На то существовали убедительные доказательства.

— Когда я рожусь заново, — сказала Элла, — Глену уже не удастся со мной консультироваться. Та что я руководствовалась очень практичными, эгоистическими мотивами, когда помогала вам, мистер Чип. Я хочу, чтобы вы меня заменили. Хочу, чтобы существовал человек, к которому Глен сможет обратиться за советом и помощью, на которого он мог бы положиться. А вы идеальный кандидат; находясь в состоянии полужизни, вы будете заниматься тем же самым, что делали в реальном мире. Так что в определенном смысле мной руководят отнюдь не сентиментальные чувства, я освободила вас от Джори из деловых соображений. А кроме того, один Бог знает, как я ненавижу этого Джори.

— Я не умру после очередного вашего рождения? — спросил Джо.

— Вы будете пожизненно снабжаться «УБИКом». Согласно документу, который я вам вручила.

— Может быть, мне удастся уничтожить Джори, — заметил Джо.

— Что значит уничтожить? — Элла задумалась. — Одолеть его невозможно. Может быть, со временем вы научитесь нейтрализовывать его влияние. Вот, наверное, и все, на что вы можете рассчитывать. Я сомневаюсь, чтобы вы смогли уничтожить его на самом деле, иными словами, съесть его, как он поступал с остальными полуживыми, расположенными рядом с ним в моратории.

— Чертовщина! — воскликнул Джо. — Я сообщу Глену о ситуации, попрошу, чтобы он совсем убрал Джори из моратория.

— На это у Глена не хватит возможностей.

— Но ведь Шенгейт фон Фогельсанг...

— Родственники Джори платят Герберту немалую сумму, чтобы он держал его вместе с остальными и выдумывал убедительные причины для этого. А кроме того, в любом моратории найдется свой Джори. Такая война происходит везде, где содержатся полуживые, это закон, обязательное правило нашего существования. — Она погрузилась в молчание. Он впервые увидел на ее лице гнев. Выражение тягостного напряжения стерло на миг излучаемое ею спокойствие. — С этим необходимо воевать с нашей стороны стекла, — продолжала она. — Это должны делать те, кто находится в состоянии полужизни, на ком Джори паразитирует. После моего нового рождения руководить ими придется вам. Справитесь? Это будет нелегко. Джори станет постоянно подрывать ваши силы, взваливать на вас бремя, тяжесть которого вы будете ощущать как... — она заколебалась, — как приближение смерти. Да так и будет в действительности. Поскольку в состоянии полужизни мы и без того постоянно таем. Джори лишь ускоряет этот процесс. В любом случае придут усталость и холод. Разве что не так скоро.

«Я буду помнить о том, что он сделал с Вендой, — подумал Джо. — И это заставит меня действовать. Этого побудительного мотива будет достаточно».

— Аптека, девушка, — сообщил таксист.

Старый, высокий, расхлябанный «Додж» с визгом свернул к тротуару и остановился.

— Я с вами не пойду, — сказала Элла, когда Джо распахнул дверцу машины и неуклюже выбрался. — До свидания. Благодарю вас за вашу верность Глену. За все, что вы будете делать для него в дальнейшем. — Наклонившись в его сторону, она поцеловала его в щеку. Ему показалось, что губы ее полны жизни. И что часть этой жизни передалась ему — он почувствовал себя несколько сильнее. — Удачи в войне с Джори. — Она откинулась на сиденье и уселась поудобнее, держа сумочку на коленях.

Джо захлопнул дверцу такси, с минуту постоял на месте, потом неровной походкой преодолел тротуар и вошел в аптеку. За его спиной «Додж», урча, тронулся с места. Он слышал, что машина уезжает, но не посмотрел в ее сторону.

В уютном, освещенном лампами помещении аптеки он увидел быстро идущего продавца в форменной одежде — темная рубашка, галстук-бабочка и хорошо отглаженные брюки из искусственной парчи.

— К сожалению, мы уже закрываем, сэр. Я как раз шел запереть дверь.

— Но я уже внутри, — сказал Джо. — И хочу, чтобы меня обслужили. — Он показал аптекарю полученный от Эллы документ. Глядя через круглые очки без оправы, фармацевт с трудом прочитал готические буквы. — Вы собираетесь меня обслуживать? — спросил Джо.

— «УБИК», — произнес аптекарь. — Кажется, я распродал весь запас. Сейчас проверю. — Он пошел в глубь помещения.

— Джори, — сказал Джо.

— Вы что-то сказали, сэр? — спросил аптекарь, повернув голову.

— Ты — Джори, — заявил Джо. «Теперь-то я умею это определять, — подумал он, — я учусь этому с каждой встречей». — Ты создал эту аптеку, — продолжал он, — и все, что в ней находится, за исключением аэрозольных флаконов «УБИКа». «УБИК» не подчиняется твоей власти, он идет от Эллы.

Заставив себя двигаться, он шаг за шагом обошел прилавков и приблизился к шкафу с запасами медикаментов. Внимательно осматривая все полки по очереди, он пытался найти «УБИК». Свет в аптеке стал слабеть, античные элементы интерьера аптеки сделались почти неразличимыми.

— Я вызвал регресс всего находящегося в аптеке запаса «УБИК», — сообщил продавец молодым, высоким голосом Джори. — Это снова бальзам для нервов и печени. Он уже не годится.

— Я пойду в другую аптеку, где он есть. — Джо оперся о прилавок и медленно, нервно втягивал в себя порции воздуха, ощущая сильную боль.

— Она уже будет закрыта, — заявил Джори из тела лысеющего аптекаря.

— Приду утром, — сказал Джо. — До завтрашнего утра я выдержу.

— Не выдержишь. А впрочем, «УБИК» в той аптеке тоже окажется превращенным в его предшествующую форму.

— В другом городе, — сказал Джо.

— Куда бы ты ни направился, «УБИК» везде будет подвергнут регрессивному действию. Он вновь превратится в мазь, порошок или эликсир. Или бальзам. Ты никогда не увидишь бутылки с аэрозолью, Джо Чип. — Джори, скрывающийся под оболочкой лысеющего аптекаря, усмехнулся, демонстрируя искусственную, словно из целлулоида, челюсть.

— Я могу... — Джо замолчал, чтобы собраться с силами, чтобы собственным теплом отогреть замерзающее тело, — перенестись в современное время. В 1992 год.

— В самом деле, мистер Чип? — Продавец вручил ему прямоугольную картонную коробочку. — Милости прошу. Откройте и загляните...

— Я знаю, что там увижу, — сказал Джо.

Он сконцентрировал все свое внимание на голубоватой бутылке бальзама для нервов и печени. «Переместись в более поздний этап развития», — мысленно обращался он к ней, стараясь перелить в нее всю свою решимость, всю оставшуюся энергию. Но бутылка ничуть не менялась. «Мы находимся в реальном мире», — говорил ей Джо.

— Банка с распылителем... — произнес он вслух и закрыл глаза, чтобы хоть немного передохнуть.

— Это не банка с распылителем, мистер Чип, — возразил продавец.

Расхаживая по аптеке, он гасил свет, потом надавил клавишу механической кассы и ящик с грохотом открылся. Продавец по привычке переложил из него банкноты и мелочь в металлическую коробочку, запираемую на ключ.

— Ты — банка с распылителем, — сказал Джо, сжимая в руках картонную коробку. — Сейчас 1992 год, — добавил он, делая усилие, чтобы выдавить из себя последнее.

Последняя лампа погасла, выключенная деловым аптекарем. В мглнстом свете уличного фонаря Джо видел очертания сжимаемого в руках предмета, ощущая его прямоугольные формы.

— Вот и все, мистер Чип, — сказал аптекарь, распахивая дверь. — Пора и домой. А ведь она ошиблась, правда? И вы никогда ее больше не увидите, она уже далеко — на пути к новому рождению. Она уже больше не думает ни о вас, ни обо мне, ни о Ранкитере. Теперь Элла видит разные цвета: туманно-красный и, может быть, даже ярко-апельсиновый...

— То, что я держу в руке, — перебил его Джо, — это бутылка с аэрозодем.

— Нет, — сказал аптекарь. — Мне очень жаль, мистер Чип, но вы ошибаетесь.

Джо положил картонную упаковку на прилавок, рядом с собой, потом с достоинством повернулся и начал свой долгий медленный путь через аптеку, направляясь к двери, которую аптекарь оставил открытой. Никто из них не сказал ни слова. Джо миновал дверь и оказался на тротуаре.

Аптекарь вышел за ним, наклонился и запер дверь на ключ.

— Я направлю изготовителю жалобу. На вашу... — Джо замолчал. Что-то сдавило ему горло, он был не в состоянии ни дышать, ни говорить. Потом давление на минуту ослабло: — ... подверженную регрессу аптеку, — закончил он.

— Спокойной ночи, — сказал аптекарь. Он еще немного постоял, разглядывая Джо в вечерних сумерках. Потом пожал плечами и пошел вперед.

Слева от себя Джо различил во мраке очертания скамейки, на которой сидели какие-то люди, ожидающие трамвая. Ему удалось добраться до нее и сесть рядом с людьми — их было двое, а может быть, трое, которые отодвинулись от него, то ли от отвращения, то ли для того, чтобы освободить ему место. Это его не касалось. Он лишь ощущал под собой скамейку, которая поддерживала его, уменьшала давящую на него страшную тяжесть.

«Еще несколько минут, — подумал он. — Я же все это хорошо помню. Господи! Через какие жуткие вещи я должен пройти. Причем во второй раз. В любом случае мы пытались сделать все, что могли, — продолжал он свои размышления, присматриваясь к желтым мигающим огням, неоновым надписям и потоку машин, скользящим в обе стороны перед его

глазами. — Ранкитер копался и разрывался, Элла удирала, грызлась и строила каверзы. А я чуть было не заставил бальзам для нервов и печени превратиться в «УБИК». Мне это почти удалось». Он почему-то был уверен в этом, в собственной силе, которая проявилась в нем во время последней трансцендентной попытки.

Трамвай, грохочущий металлический монстр, со скрежетом остановился у скамейки. Сидящие рядом с Джо люди вскочили и начали поспешно садиться через заднюю площадку.

— А вы? — окликнул Джо кондуктор. — Садитесь, нет?

Джо ничего не ответил. Кондуктор подождал еще минутку, потом дернул за сигнальную веревку. Трамвай, дребезжа, стронулся с места, какое-то время ехал прямо, а потом исчез из поля зрения Джо.

— Всего хорошего, — пробормотал Джо, вслушиваясь в удаляющийся перестук колес. — И до встречи.

Закрыв глаза, он откинулся на спинку скамейки.

— Простите, — сказала, наклонившись к нему, какая-то девушка в плаще из искусственной страусиной кожи. Он смотрел на нее, медленно приходя в себя. — Вас зовут мистер Чип? — Она была худенькая и стройная. Шляпка, перчатки, костюм и сапожки на высоких каблуках. В руке она держала какой-то предмет; Джо узнал его очертания. — Из Нью-Йорка? Из «Корпорации Ранкитера»? Я не хотела бы по ошибке вручить эту вещь не тому человеку.

— Да, я Джо Чип, — сказал он. Какое-то время он думал, что девушка — Элла Ранкитер. Но нет, он никогда раньше ее не видел. — Кто вас прислал?

— Доктор Сондербар, — ответила девушка. — Молодой доктор Сондербар, сын основателя фирмы.

— Кто это? — Фамилия ничего ему не говорила; только потом он вспомнил, где ее видел. — Человеческий бальзам от нервов и кишечника, — произнес он вслух. — Настойка из листьев олеандра, ментолового масла... древесный уголь, хлористый кобальт, окись цинка... — Его охватила усталость, и он замолчал.

— Благодаря использованию наиболее передовых методов современной науки, процесс обращения материи в ее предшествующие формы может быть обратим, причем за сумму, которой располагает любой владелец квартиры. «УБИК» продается во всех магазинах хозяйственных товаров по всему земному шару. Загляните за ним в то место, где вы обычно делаете покупки, мистер Чип.

— Куда это мне за ним заглянуть? — спросил Джо, окончательно придя в себя. Он с трудом поднялся и теперь стоял, сохраняя неустойчивое равновесие. — Вы из 1992 года; то, что вы процитировали, взято из телевизионной рекламы Ранкитера.

Его обдувал вечерний ветер, Джо чувствовал, как он тянет его за собой, словно хочет унести. Ему казалось, что сам он — уродливая куча клочков и обрывков, с трудом держащихся вместе.

— Все верно, мистер Чип. — Девушка вручила ему пакет. — Вы вызывали меня, когда посещали аптеку. Я прибыла прямо с фабрики. Мистер Чип, я могу распылить препарат вокруг вас, если вы слишком слабы. Хотите? Я официальный представитель, а также технический представитель фирмы. Я знаю, как этим пользоваться.

Быстрым движением она выхватила пакет из его дрожащих рук, разорвала упаковку и тотчас же направила на него поток частиц «УБИКа». Он заметил во тьме поблескивание сосуда, увидел цветные буквы.

— Спасибо, — сказал он немного погодя, когда ему стало лучше и он меньше ощущал холод.

— На этот раз вам потребуется его меньше, чем в номере гостиницы, — заметила девушка. — Вы сейчас сильнее, чем были тогда. Вот, возьмите бутылку, «УБИК» может вам понадобиться еще до окончания ночи.

— А я смогу раздобыть его впоследствии? Когда эта порция кончится.

— Это наверняка сможете. Раз уж вы меня сюда вызвали, то, я думаю, сумеете это сделать снова. Таким же образом. — Она уже уходила, таяла в тени, отбрасываемой стенами закрытых магазинов.

— Что такое «УБИК»? — спросил он, желая, чтобы она побыла с ним подольше.

— Это портативный переносной ионизатор, работающий на высоком напряжении и малой силе тока, питается от гелиевой батарейки емкостью 25 киловольт, — ответила она. — При помощи специального приспособления в ускорительной камере заряженным ионам придается спиральное движение в направлении, обратном движению часовой стрелки, в результате чего они приобретают специфические качества и как бы облепляют тело, сохраняя его форму. Отрицательное поле ионов замедляет скорость находящихся в воздухе протофазонов; как только скорость их падает, они перестают быть антипротофазонами и, согласно законам равновесия, уже не могут реагировать с протофазонами, излучаемыми человеком, помещенным в холодильник, то есть находящимся в состоянии полужизни. Конечный результат основывается на том, что увеличивается число протофазонов, не нейтрализованных антипротофазонами, а это означает — по крайней мере, на некоторое время — прирост энергии поля активности протофазонов, в результате чего у человека, находящегося в состоянии полужизни, наблюдается возрастание энергии — в определенной степени он перестает ощущать низкую температуру холодильника. Поэтому те формы «УБИКа», которые испытали процесс регрессии, не могу...

— Не надо говорить «отрицательные ионы», — задумчиво произнес Джо. — Ионы все отрицательные.

— Может быть, мы еще встретимся, — сказала девушка, снова удаляясь от него. — Мне было приятно доставить вам эту банку. Может быть, в следующий раз...

— Мы смогли бы пообедать вместе, — закончил за нее Джо.

— Заранее благодарю, — сказала она, уходя все дальше.

— Кто изобрел «УБИК»? — спросил он.

— Группа серьезных людей, пребывающих в состоянии полужизни и находящихся под угрозой деятельности Джори. Но в первую очередь — Элла Ранкитер. Совместно с ними она работала над препаратом довольно долгое время. Несмотря на это он до сих пор существует лишь в небольших количествах. — Грациозной, легкой походкой, она удалялась все дальше и дальше, пока совсем не исчезла из его поля зрения.

— В «Матадоре»! — прокричал ей вслед Джо. — Вроде бы Джори удалось создать там уютный ресторанчик. — Он с минуту прислушивался, но девушка ничего не ответила.

Осторожно держа банку с «УБИКом», Джо направился в сторону оживленной улицы, пытаясь поймать такси. Когда он подошел к свету, то поднял сосуд и прочитал слова, отпечатанные на этикетке:

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЕЕ ЗОВУТ МАЙРА КАЙНИ.
НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ ЕМКОСТИ ТЫ НАЙДЕШЬ
ЕЕ АДРЕС И НОМЕР ТЕЛЕФОНА».

— Благодарю, — сказал Джо. «Нам прислуживают органические духи, — подумал он, — умеющие говорить и писать. Они проникают в нашу среду, быстрые, умелые духи, являющиеся из мира живых, как пульсирующая субстанция, как живое сердце. И больше всех из них благодарности заслуживает Глен Ранкитер. Именно он. Он автор этих этикеток, инструкций и записок. Важных записок».

Он поднял руку, чтобы остановить проезжающее такси. Автомобиль «Грэхэм» образца 1936 года с гневным ворчанием остановился у тротуара.

Я — УБИК. Прежде чем появился мир, был я. Я создал солнца. Создал миры. Создал живые существа и города, ими населяемые. Это я разбросал их там и тут. Они ждут, когда я прикажу им, делают то, что я им посоветую. Я — слово, но никогда не было произнесено мое имя, имя, которого никто не знает. Они называют меня «УБИК», но мое подлинное имя другое. Я — есть. Я буду всегда.

XVII

Глен Ранкитер безуспешно разыскивал хозяина моратория.

— Вы в самом деле не знаете, где он? — спросил он мисс Бисон, секретаршу фон Фогельсанга. — Мне необходимо еще раз побеседовать с Эллой, дело весьма серьезное.

— Я прикажу доставить ее, — ответила мисс Бисон. — Вы можете воспользоваться комнатой 4Б. Будьте добры подождать там, мистер Ранки-

тер, и я немедленно предоставляю вам вашу жену. А вы пока отдохните.

Ранкитер отыскал комнату 4Б и принялся беспокойно расхаживать по комнате туда-сюда. Наконец появился служащий. На ручной тележке он толкал перед собой гроб с телом Эллы.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал служащий и, не громко мурлыкая, тут же стал подключать электронные устройства, необходимые для установления связи.

Через минуту работа была закончена. Служащий в последний раз проверил соединения, удовлетворенно кивнул головой и направился к двери.

— Это для вас, — сказал Ранкитер, вручая ему несколько пятицентовых монет, которые он насобирал по карманам.

— Благодарю вас, мистер Ранкитер, — сказал сотрудник моратория. Он посмотрел на деньги и неожиданно нахмурил брови. — Что это такое? — спросил он.

Ранкитер какое-то время разглядывал пятицентовики. Он сразу понял, что насторожило техника: эти деньги явно отличались от монет, находящихся в обращении. «Чей это профиль? — спросил он сам себя. — Кто выбит на всех этих монетах? Наверняка это не тот человек, который должен там находиться. И все же я его знаю. Но кто бы это мог быть?»

Неожиданно он узнал профиль на монете. «Интересно, что это значит, — задумался он. — Самая странная вещь из всех, что со мной происходила. Большинство событий в жизни можно рано или поздно как-то объяснить. Но портрет Джо Чипа на пятицентовике?»

Это были первые деньги с Джо Чипом, которые он увидел.

Легкий холодный озноб, словно неясный знак неведомого мира, подсказал ему, что если он перероев свои карманы и заглянет в бумажник, то найдет их гораздо больше.

Это было только начало.

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРОКИ С ТИТАНА

Роман

Перевод с английского А.Л. Кона

3

ТРИ СТИГМАТА ПАЛМЕРА ЭЛДРИЧА

Роман

Перевод с английского

173

УБИК

Роман

Перевод с английского

329

Литературно-художественное издание

Дик Филипп

УБИК

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*

Редактор *Н.К. Попова*

Художник *А.Б. Державин*

Художественный редактор *А.И. Моисеев*

Технический редактор *Ю.А. Мухин*

Корректор *Е.Н. Петрова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.06.93.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная №1.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Уел. печ. л. 28,83.
Уч.-изд. л. 37,46. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4094.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Отпечатано в ГИПП "Нижполиграф".
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

предлагает полный комплекс туристического обслуживания

- ♦ **ОТПРАВКА ТУРИСТИЧЕСКИХ ГРУПП** по отлаженным маршрутам:
В Европейские страны - Англия, Франция, Италия, Греция, Швейцария, Испания, Голландия, Германия, Болгария, Венгрия, Египет и другие страны Европы.
Страны Азии, Африки и Латинской Америки - ОАЭ, Таиланд, Малайзия, Сирия, Сингапур, Филиппины, Израиль, Кипр, США, Каир, Танзания и др. страны.
- ♦ **ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ТУРЫ ДЛЯ СОСТОЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**
Дорогостоящие туры с размещением в высококлассных 5-ти звездочных гостиницах и отдых на престижных курортах по всему миру.
- ♦ **ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТУРЫ**
Любой желаемый маршрут, учитывая требования клиентов по сервису. Обеспечение бронирования гостиниц и туристическое обслуживание в странах Западной Европы, Америки и Азии.

АГЕНТСТВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ УСЛУГИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ВИЗ И ЗАГРАНПАСПОРТОВ ПО УМЕРЕННЫМ ЦЕНАМ.

- ♦ Увлекательные путешествия и отдых
- ♦ Деловые поездки, бизнес- и шоппуры
- ♦ Индивидуальный и семейный туризм
- ♦ Групповые туры по льготным тарифам
- ♦ Оформление паспортов и виз
- ♦ Бронирование билетов на международный транспорт по льготным тарифам

Все это ИНТЕРАГЕНТСТВО «ДЕПОЛЬ»
Мы всегда рады выполнить любые Ваши пожелания!

ИНТЕРАГЕНТСТВО «ДЕПОЛЬ»

предлагает Вашему вниманию следующие туры на 1993 - 1994 гг.
(гостиницы 3-4 звезды).

Кипр	- от 310 \$ + авиабилеты, 7/8 дней, полупансион, трансфер, экскурсии; или 505 \$ (авиабилет в стоимость включен).
Тайланд	- от 187 \$ + авиабилет (Бангкок, Патая), отдых, экскурсия, 4/5 дней, 7/8 дней.
Греция	- от 285 \$ + авиабилет, 7/8 дней, экскурсия и отдых на море.
Балеарские острова (остров Майорка)	- от 500 \$ + авиабилет, полупансион, трансфер, экскурсии.
Лондон	- 498 \$ + авиабилет, трансфер, экскурсии, полупансион, 6/7 дней.
Голландия (за автомобилями)	- 317 \$ + авиабилет, трансфер, полупансион, 5/6 дней.
Франция	- от 411 \$ + авиабилет, 6/11 дней, полупансион, трансфер, экскурсии.
Каир - Александрия - Порт-Саид	- от 202 \$ + авиабилет, 7/8 дней, трансфер, полупансион, экскурсии.
ОА Эмираты	- 300 \$ + авиабилет, 5/6 дней, трансфер, экскурсии; 260 \$ + авиабилет, 4/5 дней.
Индия	- 410 \$ + авиабилет, 8/9 дней.
Италия	- 615 \$ + авиабилет, 8/9 дней; 490 \$ + авиабилет, 5/6 дней.
Венгрия	- от 178 \$ + авиабилет, 4/5 дней; 318 \$ + авиабилет, 7/6 дней.
Болгария (Солнечный берег)	- 230 \$ + авиабилет, 9/10 дней.
Болгария (Солнечный берег)	- 8/8 дней и Стамбул 1/2 дня - 287 \$ + авиабилет.
Испания	- Мадрид - 665 \$ + авиабилет, 6/5 дней; Мадрид 3/3 дня и Торремолин 5/4 дней, 562 \$; Мадрид - Толедо - Кордова - Севилья - Гранада - 8/7 дней, 643 \$ + авиабилет.
Канарские острова (о.Тенерифе и о. Гран-Канария)	- 9/10 дней, 740 \$.
США	- от 435 \$ + авиабилет, 6/8 дней; 5/6 дней Майями - от 355 \$ + 320000 руб.

Южная Корея и т.д., бизнес-туры в США и обучение в американских колледжах на бизнескурсах с получением американского диплома на 2 - 4 недели, со всеми удобствами и практикой на американских фирмах, банках и т.п. по желанию клиента. Стоимость тура 2800-3800 \$, включая питание, проживание, трансферы, экскурсии и т.п.

· Форма оплаты любая.

Мы всегда рады выполнить любые Ваши пожелания!

Тел.: (095) 925 94 20, (095) 923 99 10

Факс: (095) 923 99 10

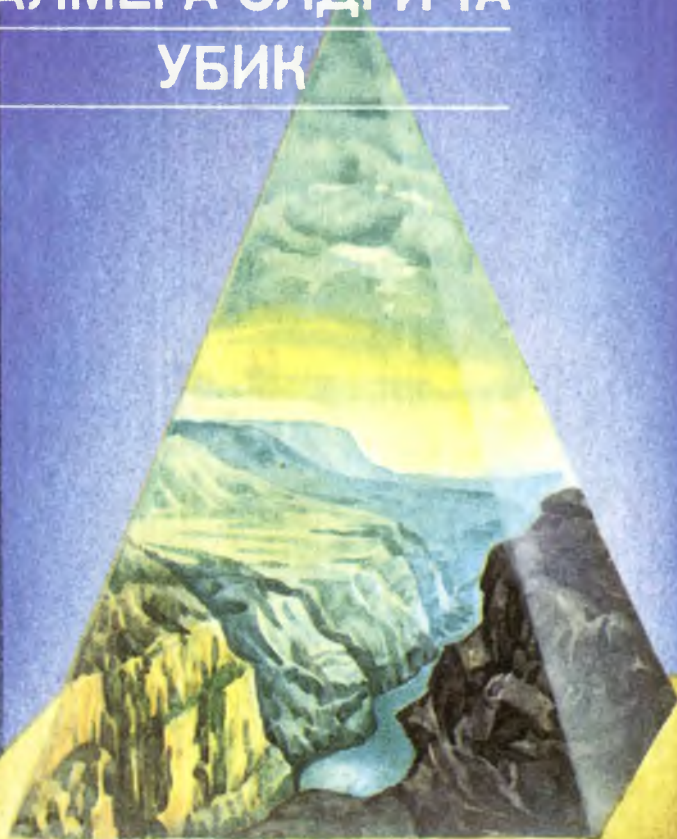
ФРИЛИН ДИК

ИГРОКИ С ТИТАНА

ТРИ СТИГМАТА

ПАЛМЕРА ЭЛДРИЧА

УБИК

фантастические романы